МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 1-2 / 2017

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 1-2 / 2017

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

Основан в 2015 году

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

Established in 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

* * *

Email: mail@histformat.com
Website: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

* * *

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht die aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung der russischen Geschichte und der Geschichte der anderen Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie die Berichte über die unter der Leitung oder mit Teilnahme der Zeitschrift verlaufenden wissenscahftlichen Veranstaltungen.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l’information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS:

ОТ РЕДАКТОРА

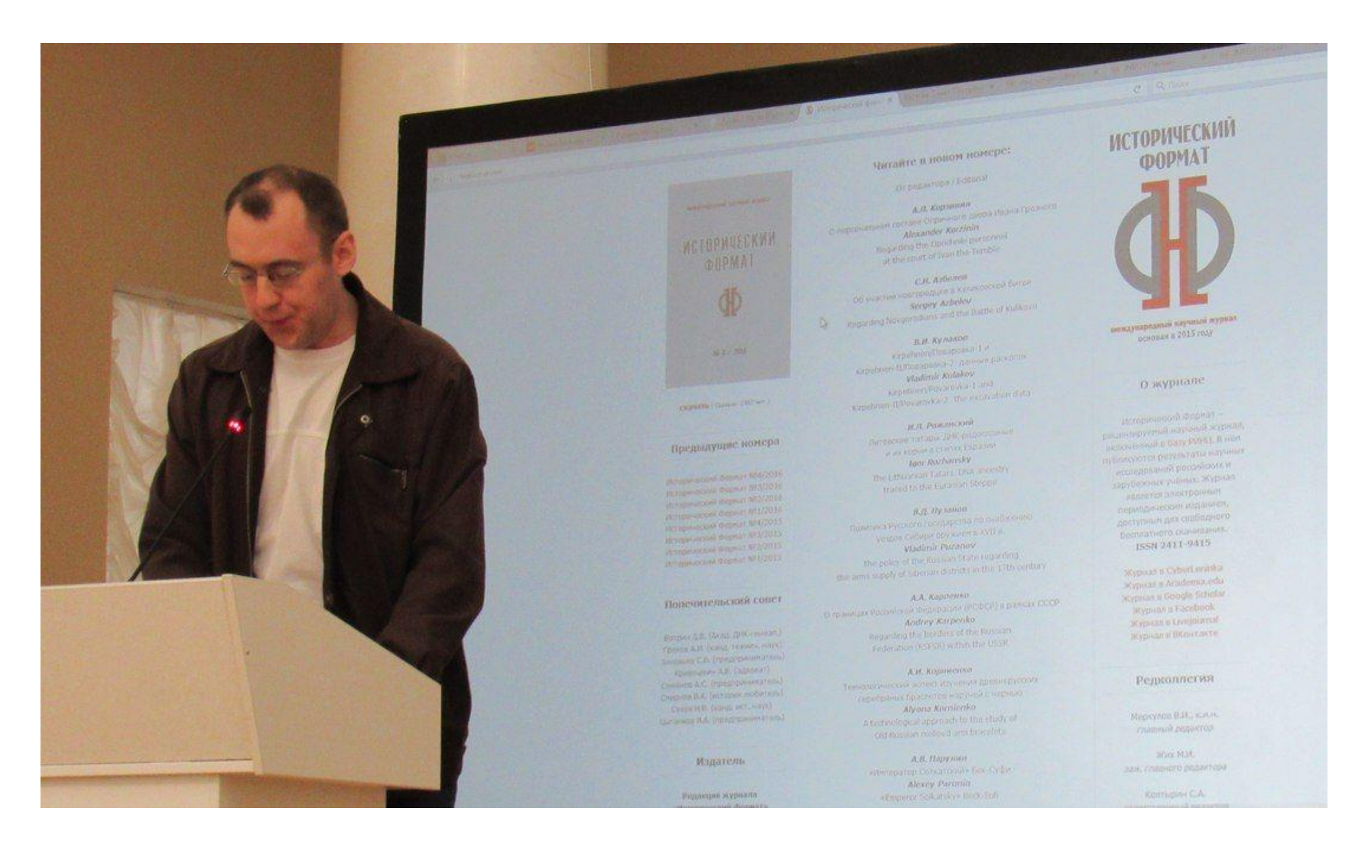
Уважаемые друзья и коллеги!

В октябре 2017 года заместитель главного редактора нашего журнала Максим Иванович Жих принял участие в Международном конгрессе историков-славистов, который проводился Санкт-Петербургским государственным университетом. Конгресс был посвящен довольно актуальному вопросу – «Как сегодня изучать историю Славянского мира?». В этом представительном научном мероприятии приняли участие учёные-слависты из разных славянских и других стран: России, Белоруссии, Польши, Македонии, Словакии, США, Италии и т.д. Обсуждались достижения в изучении истории славянских народов и его дальнейшие перспективы. Ссылка на официальный сайт конгресса: http://slavcongress.spbu.ru/index.php

В рамках круглого стола «Где публиковаться слависту? Современная научная периодика» состоялась презентация Международного научного журнала «Исторический формат», вызвавшая живой интерес участников конгресса.

М.И. Жих напомнил, что «Исторический формат» выпускается с 2015 года, и является некоммерческим научным проектом, который уже получил известность в научных кругах в России и за рубежом. Журнал является электронным периодическим изданием, рецензируется и индексируется в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в международный регистр ISSN. В журнале публикуются результаты исследований российских и зарубежных учёных, причем с авторов принципиально не взимается плата за публикацию, а читатели могут свободно загрузить любой номер издания с официального сайта: http://histformat.com/

Концепция «Исторического формата» – быть независимым и доступным научным изданием по истории, находиться «на острие науки», а также не замыкаться в рамках того или иного научно-образовательного учреждения, давать трибуну независимым исследователям. В связи с этим, инициаторами проекта выступили известные учёные, которые хотели бы позиционировать журнал «Исторический формат» максимально свободной и открытой научной площадкой.

Приоритетными направлениями работы редколлегии журнала «Исторический формат» являются: позитивное развитие отечественной исторической науки, налаживание конструктивного научного диалога с зарубежными учёными-историками, популяризация научных исторических исследований и содействие в формировании исторических концепций, соответствующих национальным интересам Российской Федерации. Главная цель – содействовать тому, чтобы люди

гордились своей историей, знали и понимали её, получая информацию напрямую от профессиональных историков.

Уже сегодня «Исторический формат» является респектабельным научным изданием, в котором публикуются многие известные ученые. Конкурентоспособность издания заключается в том, что он занимает сегодня те же позиции, что научные вузовские издания, выпускаемые с использованием обширной материально-технической базы или бюджетного финансирования. Однако при фактическом отсутствии материально-технических возможностей, журнал «Исторический формат» столь же профессионально редактируется и рецензируется, индексируется в наукометрических базах, доступен благодаря Интернету для неограниченного круга читателей, хотя, конечно, специальная научная направленность издания объективно не позволяет иметь слишком массовую аудиторию. Но среди читателей журнала, очевидно, есть не только ученые, но и люди, интересующиеся наукой, новым знанием, т.е. интеллектуалы, посредством которых формируется общественное мнение, складываются те или иные исторические воззрения в социуме.

Редакционная коллегия выражает признательность Максиму Ивановичу Жиху за участие в Международном конгрессе историков-славистов в Санкт-Петербурге, а также благодарность за ту неоценимую работу, которую он делает для журнала. Мы намерены продолжать своё начинание, которое представляется очень важным, и приглашаем к сотрудничеству заинтересованные лица и организации. Связаться с нами по любым вопросам можно по электронной почте: **mail@histformat.com**

С наилучшими пожеланиями,
Редакция журнала
«Исторический формат»

УДК 94(367)

РАДИМИЧИ (ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ)

М.И. Жих

Российско-немецкий исторический семинар
(Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974

Авторское резюме

В работе рассматриваются: (1) негативные стереотипы о радимичах, сложившиеся в историографической традиции, и аргументируется позиция, что они не имеют под собой достаточных оснований; (2) проблема локализации радимичей, поставленная недавно А.С. Щавелевым, и аргументируется позиция, что мнение данного автора, попытавшегося оспорить их традиционное размещение на Соже, основано на ошибке и является следствием поверхностной работы с летописным материалом; (3) проблема происхождения радимичей, проводится подробный обзор историографии и аргументируется гипотеза, согласно которой миграция радимичей с территории современной Польши могла произойти в VII-VIII в. в рамках славянской миграционной волны из Средней Европы и Дунайского региона на север и восток; (4) проблема атрибуции Λενζανηνοι/Λενζενίνοι (лендзян), упоминаемых Константином Багрянородным, и аргументируется гипотеза об их тождественности радимичам, происходящим согласно летописной традиции «от ляхов» (лендзяне – вариант этнонима ляхи).

Ключевые слова: радимичи, славяне, ляхи, миграции, река Сож, археология, река Пищана, этнография, семилучевые височные кольца, Русь, Киев, Польша, славянское расселение.

THE RADIMICHI: THEIR HABITAT, ORIGIN, AND SOCIO-POLITICAL HISTORY

Maksim Zhikh

The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar»
(Saint Petersburg, Russia)
e-mail: max-mors@mail.ru

Abstract

The author discusses 1) a negative stereotype of the Radimichi, persisting in the historiographical tradition without sufficient grounds; 2) difficulty of identifying their habitat, raised recently by A. S. Shchavelev, who apparently misinterpreted chronicle material and mistakenly tried to challenge the traditional view on the Sozh River area as the Radimichi's homeland; 3) the hypothesis based on the review of historiographical works that the Radimichi originally migrated from the territories of modern Poland as a

part of the Slavic migration wave from Central Europe and the Danube region to the north and east in the 7th-8th centuries; and 4) the hypothesis that the Lendians mentioned by Constantine Porphyrogenitus may have been the Radimichi, who originated, according to the chronicle tradition, from the Lechites/Lachy (Lendians is a version of the Lachy ethnonym).

Keywords: Radimichi, Slavs, Lechites, migrations, Sozh River, Pischa River, archaeology, ethnography, seven-pointed temple rings, Slavic migration, Rus', Kiev, Poland

* * *

I. Историографические стереотипы о радимичах и реалии социально-политической истории

Рис. 1. Реконструкция облика радимичанки 25-30 лет из д. Каласы (Рогачевский р-н Гомельской обл.), XI-XII вв. Головной убор с семилучевыми височными кольцами

Восточнославянскому этнополитическому объединению радимичей в исторической традиции не повезло. Древнерусские книжники дали им резко-негативные («Радимичи и Вятичи и Северъ одинъ обычаи имяху: живяху в лесе, якоже [и] всякии зверь, ядуще все нечисто…»), либо насмешливо-пренебрежительные («Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: ''Пищаньци волъчья хвоста бегаюьть''») характеристики.

Словно продолжая намеченную летописцами линию, весьма уничижительно характеризовало радимичей и большинство историков нового времени. Так, Л. Нидерле писал о них как об «одном из слабых и зависимых племён», поскольку они, согласно летописи, «без сопротивления подчинились Киеву и уже в 885 году платили Киеву дань, которую раньше выплачивали хазарам» (Нидерле 1956: 161).

Аналогично рассуждал и Н.П. Барсов, по словам которого «эта ветвь восточного славянства (радимичи – *М.Ж.*) занимает в ряду других ветвей, по степени самостоятельности, с какою они являются в эпоху образования Русского государства, едва ли не последнее место. Нет сомнения, что они, как и соседи их вятичи, выделились из среды славянства позднее других… Весьма вероятно, что союз родов в этих землях, особенно же у радимичей, по самой недавности образования, не успел ещё окрепнуть к эпохе заложения Русского государства, – и что в этом надо искать причин незначительности роли, которую занимала земля радимичей в период, обнимаемый Начальною летописью»; радимичам была свойственна «крайняя слабость» (Барсов 1873: 132, 133).

Е.Ф. Карский считал, что «радимичи никогда не составляли самостоятельного княжества… Вероятно, уже во время летописца радимичи служили предметом, насмешек, со стороны их соседей» (Карский 1903: 74).

По мнению В.В. Мавродина «радимичи были небольшим, малочисленным, слабым племенем» (Мавродин 1945: 95).

Если, однако, внимательно вглядеться в посвящённые радимичам скупые летописные строки, легко убедиться сколь легковесны подобные нигилистические суждения. Радимичи, чьи земли располагались относительно недалеко от Киева, выходили к Днепру, и соседствовали «русской землёй в узком смысле», бывшей ядром Древнерусского государства (Насонов 1951: 28-68; Рыбаков 1982: 55-90; Седов 1999: 50-82; 2002: 255-295), а потому рано должны были оказаться в сфере интересов и военной активности киевских князей, сохраняют свою самостоятельность дольше всех прочих восточнославянских этнополитических союзов (за исключением вятичей). Соответственно, неизбежен вывод, что их борьба с Киевом за свою независимость носила долгий и упорный характер.

Сложные процессы этно-политогенеза, проходившие в VIII – начале XI вв. в Восточной Европе принято рассматривать сквозь своеобразную «киевскую призму», преимущественно в рамках становления Древнерусского государства с центром в Киеве и во главе с династией Рюриковичей (Мавродин 1945; Рыбаков 1982; Свердлов 2003), в то время как они носили сложный разнонаправленный характер. В разных

частях восточнославянской ойкумены шли процессы становления оригинальных политий, искусственно прерванные экспансией Киева[1], шла конкуренция разных центров и разных «политических проектов», из которых история выбрала один.

Уцелеть и продолжить своё развитие, пусть и в условиях непрерывного давления, смогли только вятичи. Пошедшие своим особым путём балтийские славяне и вятичи как бы обрамляли славянский мир с запада и с востока.

Большинству славиний[2] история не дала шанса реализовать потенциал своего оригинального развития, но вряд ли мы поймём исторический процесс становления Руси и образования древнерусской народности во всей полноте, если будем смотреть на него лишь с точки зрения конечного результата. С таким подходом надо совмещать и другой: взглянуть на происходящее в Восточной Европе в четвёртой четверти I – начале II тыс. с другого конца, как бы с точки зрения самих славиний. Увидеть в них не только «предысторию» Древней Руси, но исторический феномен, имеющий самоценность и посмотреть на происходящее не только со стороны Киева, но и, на сколько это возможно, со стороны кривичей, древлян, вятичей, радимичей и т.д., попытаться понять не только «правду Киева», но и их «правду»[3].

Решающую успешную операцию по покорению радимичей Русью летописи фиксируют только при Владимире в 6492/984 году (ПСРЛ. I: 83-84; ПСРЛ. II: 71; ПСРЛ. III: 131, 530), значит до этого все попытки киевских князей покорить радимичей или проваливались, или приводили лишь к временным спорадическим успехам, после которых радимичи какое-то время выплачивали Киеву дань (как при Олеге: ПСРЛ. I: 24; ПСРЛ. II: 17), сохраняя при этом собственную социально-политическую и военную организацию, неподконтрольную напрямую киевским правителям.

Вчитаемся в само летописное известие о победе киевских войск над радимичскими: «Иде Володимеръ на Радимичи. Бе у него воевода Волъчии Хвостъ.

---

[1] Ср. замечание Е.А. Шинакова: «Нами высказывалась гипотеза о возможности существования самостоятельной, отдельной от Руси и даже противостоящей ей ''государственности'' на территории позднероменской культуры X в… До конца IX в. на территории Восточной Европы на базе племенных союзов сложилось несколько "племенных" (а точнее, территориальных) княжеств или варварских государств с разной степенью развитости социальных отношений» (Шинаков 2016: 17).

[2] Этим термином (*Σκλαβηνία*, *Σκλαβυνία*) именовали славянские этнополитические объединения византийские авторы. Обычно он применялся к южным славянам, с которыми преимущественно имели дело византийцы (Литаврин 2001), но византийский император Константин Багрянородный (945-959) в своём трактате «Об управлении империей» (948-952) называет славиниями и восточнославянские этнополитии: кривичей, древлян, северян, дреговичей и т.д. (Константин Багрянородный 1991: 44-45, 50-51), а также славян, соседствовавших с франками («у этого Пипина были три брата, которые господствовали над всеми Франгиями и Славиниями», Константин Багрянородный 1991: 107-109). Данное название является единственным оригинальным аутентичным обобщённым наименованием славянских этнополитических объединений в источниках (в латиноязычных источниках они обозначаются общими терминами такими как *gentes* или *populus*), в связи с чем А.А. Горский предложил использовать его вместо кабинетного понятия «племя», применимость которого к славянским этнополитическим общностям находится под вопросом (Горский 2011: 150-154).

[3] Ср. слова О.Н. Трубачева в его историко-лингвистическом очерке о вятичах: «излагаемые в дальнейшем наши поиски и наблюдения обещают обрести характер некой апологии вятичей (если иметь в виду, что апология является в известном смысле и оправданием интереса к предмету и – прославлением его)» (Трубачев 2000: 4).

И посла и Володимеръ передъ собою Волъчья Хвоста. Сърете е на реце Пищане и победи Радимиче Волъчии Хвостъ. Темь и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: ''Пищаньци волъчья хвоста бегають''. Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ. Прешедъше ту ся вселиша и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне» (ПСРЛ. I: 83-84; ПСРЛ. II: 71; ПСРЛ. III: 131, 530).

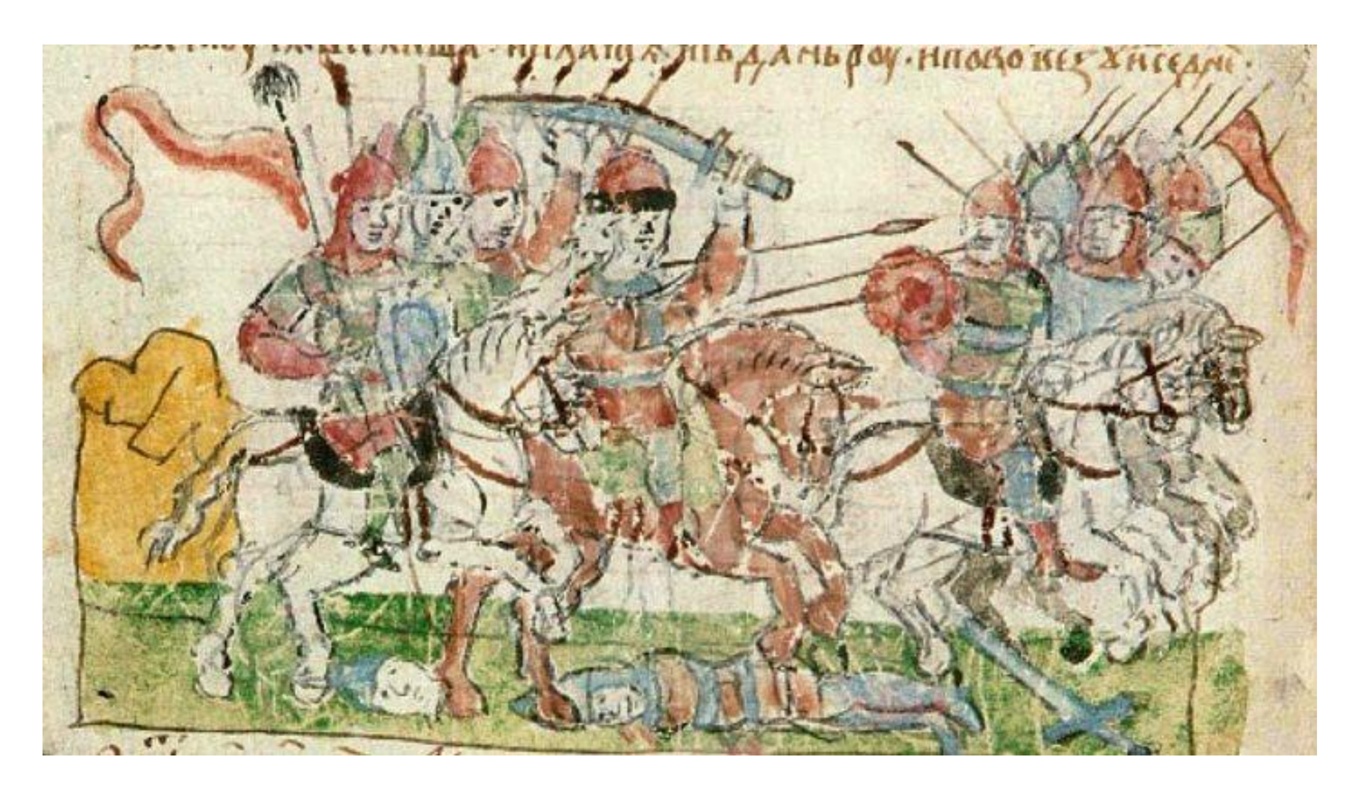

Рис. 2. Битва на реке Пищане. Миниатюра из Радзиviловской летописи

За насмешливым тоном на деле сквозят не очень приятные для киевского взгляда факты: и после 984 г. в Радимичской земле не оказалось киевских наместников, радимичи лишь стали регулярно платить дань Руси, «везя повоз», то есть свозя её в установленные для этого пункты (подобный порядок сбора тарифицированной дани, исключающий произвол, пришёл после древлянского восстания и «реформы Ольги» на смену более архаичному объезду-полюдью: Свердлов 2003: 182-194; Жих 2013).

Таким образом, даже после поражения на реке Пищане радимичский этносоциум отнюдь ещё не лишился полностью своей автономии и политической структуры, сохраняя определённые договорные отношения с Киевом, причём такая ситуация продолжалась ещё какое-то время («до сего дня» как говорит летописец, скорее всего эти слова написаны автором времён Ярослава Мудрого: Насонов 1951: 61).

В «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» мниха Иакова сказано кратко, что он «радимице победи и дань на нихъ положи» (Память 2004: 322).

Итак, видим, что:

1) Если не считать непокорившихся Рюриковичам вятичей (которые как этнополитическая единица существовали до второй половины XII в.) и живших далеко на западе хорватов[1], то ***радимичи были покорены Киевом последними среди восточноевропейских славиний*** (во всяком случае летописи не фиксируют более поздних крупных походов киевских князей на восточнославянские этнополитии), более ранние попытки их покорения, очевидно, не приводили к надёжному результату;

2) Даже после неудачного для них сражения на реке Пищане[2] радимичи какое-то время сохраняют свою самобытность и автономную социально-политическую структуру, ограничиваясь выплатой Киеву регулярной дани.

Из этого с неизбежностью следует, что радимичи обладали выраженным самосознанием и имели как достаточно развитую социально-политическую организацию, так и военную силу, вполне достаточные для длительной борьбы с киевскими русами, что заставляет видеть в них, наряду с вятичами и древлянами, один из наиболее развитых в общественно-политическом отношении восточнославянских этносоциумов, активно боровшихся с наступлением Киева.

Интересно и то, что в земле радимичей (также как у вятичей) не появилось в XI-XII вв. собственного княжеского стола Рюриковичей, что может указывать на то, что степень их контроля над радимичским регионом, особенно над его внутренними районами, ещё была относительной.

В качестве обозначения территории имя «радимичи» дожило как минимум до середины XII в. Под 6677 (1169) г. Ипатьевская летопись упоминает путь «на Радимиче», которым от реки Горыни проследовал в Суздаль князь Владимир Мстиславич (ПСРЛ. II: 537).

В отношении вятичей современная наука успешно преодолела негативный стереотип, заданный киевскими книжниками. Там, где летописцы видели в XI-XII вв. диких варваров-язычников, неподчиняющихся законным князьям и убивающих христианских миссионеров[3], там современные учёные находят развитую земледельческую традицию, самобытные политические институты, оригинальную

---

[1] Поход Владимира на которых летописи относят к 6500/992 г.: ПСРЛ. I: 122; ПСРЛ. II: 106; ПСРЛ. III: 165; 551.

[2] Вполне возможно, что и сам успех киевской общины в Пищанской битве в летописном известии преувеличен и в реальности победа была более скромной. Воевода Волчий Хвост вообще любил громкие слова. После смерти Владимира он служил Святополку и накануне битвы с Ярославом Мудрым под Любечем в 1016 году, согласно рассказу, отражённого в НПЛ «Начального свода», насмешливо кричал новгородцам, составлявшим большинство войск Ярослава: «Почто приидосте с хромчемь темъ (Ярослав Мудрый хромал из-за полученной раны – М.Ж.)? А вы плотници суще; а мы приставимъ вы хоромовъ рубити» (ПСРЛ. III: 175). Однако в последовавшей затем битве киевская армия Святополка и Волчьего Хвоста была наголову разгромлена разозлёнными новгородцами и варягами Ярослава, а сам воевода-пересмешник, очевидно, погиб (в более поздних событиях он уже не упоминается). В Тверском летописном сборнике бахвальство Волчьего Хвоста осуждается: «Старъ сый, несмыслено нача ездети подле брега Днепра рекы, и укоряя Новогородци» (ПСРЛ. XV: 135).

[3] Так в начале XII в. язычники-вятичи убили монаха Кукшу, пытавшегося проповедовать им Христианство: «Егоже вси изведають, како беси прогна, и вятичи крести, и дождь съ небеси сведе, и езеро изъсуши, и многа чудеса сътворивъ, и по многых муках усеченъ бысть съ учеником своим» (Патерик 2004: 372-373).

материальную и духовную культуру, развивающуюся городскую жизнь, ремесленную традицию, успешную торговлю с востоком и т.д. (Никольская 1981; 1987; Рыбаков 1982: 258-284; Седов 1982: 143-151; Трубачев 2000: 4-11; Зайцева, Сарачева 2011). По сути в земле вятичей существовало особое славянское предгосударственное или раннегосударственное образование, неподвластное Рюриковичам.

Сама эта ситуация (глухой медвежий угол по летописи и вполне развитый регион Древней Руси по данным современной науки, переживающий в XI-XII вв. свой расцвет) указывает на то, сколь ненадёжно прямое следование летописной традиции о славиниях Восточной Европы. Ведь эта традиция исходила из двух посылок:

(1) Законности и неизбежности установления над всеми восточнославянскими землями власти правящей в Киеве династии Рюриковичей, соответственно, все кто с ней боролся, все династии, правившие в славиниях, в глазах летописцев автоматически были беззаконными мятежниками;

(2) Превосходства Христианства над язычеством. Соответственно, все славянские этнополитические союзы, связанные временем своего расцвета с языческой эпохой или упорно державшиеся за веру предков (а борьба с экспансией Киева и борьба с христианизацией зачастую сливались, поскольку само Христианство рассматривалось киевской общиной в качестве действенного инструмента унификации религиозной, а за ней и политической жизни подчинённых славянских территорий: Фроянов 2003), получают у него резко отрицательную оценку. Характерно, что понятие *поганые* (то есть «язычники») – обобщающий термин, которым автор Повести временных лет (*далее – ПВЛ*) маркирует восточнославянские этнополитические союзы, завершив рассказ об их обычаях («погании, не ведуще закона Божия, но творяще сами собе законъ»: ПСРЛ. I: 14; ПСРЛ. II: 10).

В Ипатьевской летописи употребляется и понятие «наши вятичи» (ПСРЛ. II: 374), аналогичное обозначению находившихся на службе русских князей кочевников «свои поганые». То есть в целом неподконтрольная Рюриковичам языческая полития вятичей мыслилась древнерусской административной и интеллектуальной элитой как «не наша»/«чужая», не являющаяся частью Руси.

Соответственно, никакой объективности от киевских летописцев в оценке славиний Восточной Европы ожидать не приходится. Только о полянах, к которым автор ПВЛ принадлежал сам, он написал «мужи мудри и смыслени» (ПСРЛ. I: 9; ПСРЛ. II: 7) и дал только их обычаям положительную характеристику, как бы подчёркивая тем, что поляне были приготовлены к принятию Христианства: «Поляне бо своих отець обычаи имуть кротокъ и тихъ и стыденье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыденье имеху. Брачныи обычаи имяху: не хожеше зять по невесту, но

приводяху вечеръ, а завътра приношаху по неи, что вдадуче» (ПСРЛ. I: 13; ПСРЛ. II: 10)[1].

В тоже время его описание обычаев их главных врагов, древлян, пронизано настоящим антидревлянским пафосом: «Древляне живяху звериньскимъ образомъ, жиоуще скотьски: оубиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака оу нихъ не бываше, но оумыкиваху оу воды девицЯ» (ПСРЛ. I: 13; ПСРЛ. II: 10). Древляне как враги полян, враждебны и Христианству; насколько близки к христианской практике обычаи полян, настолько же далеки от неё обычаи древлян, удел которых с точки зрения историософии ПВЛ – подчинение Киеву и исчезновение из истории.

Совсем иначе взглянули на древлян современные учёные. М.Б. Свердлов, обобщая наблюдения своих предшественников, заключил: «древляне, действительно, преуспевали в правление своих независимых от Киева князей. Судя по распространению древлянских археологических памятников, они ограничили расселение полян в IX-X вв. на запад узкой полосой, 25-30 км, ''гор'' по берегу Днепра. К концу IX в. древляне подчинили, вероятно, дреговичей и волынян. После подчинения власти киевских князей они неоднократно пытались от неё освободиться. Да и в составе Русского государства Древлянская земля (позднее в составе Туровского княжества) имела большое значение в качестве обширного западного княжения в правление Олега Святославича, Святополка Ярополковича и Святослава Владимировича» (Свердлов 2003: 88)[2].

В Древлянской земле развивались процессы урбанизации (Звiздецкий 2008), знаменитые каменные пряслица из овручского шифера, производившиеся с середины X в. древлянскими мастерами, расходились по всей Руси и соседним странам. В.Л. Янин высказал вполне убедительную гипотезу, что помимо утилитарных функций овручские пряслица, которые нередко находят в городах в количествах, явно превышающих хозяйственные потребности в них (иногда пряслица находят в кладах вместе с серебряными слитками; при раскопках в Пскове пряслица были найдены в кошельке рядом с западноевропейскими монетами), с момента своего появления выполняли также роль платёжного средства, т.е. были своеобразными деньгами («товаро-деньгами») для мелких платежей у восточных славян (Янин 2009: 212-213).

Если «историческая реабилитация» вятичей и древлян стала историографическим фактом, то применительно к радимичам оценки, представляющие их социум как достаточно примитивный, продолжают даваться и ныне. Так, Е.А. Шинаков полагает, что «в их (радимичей – *М.Ж.*) земле не было городов… При упоминании присоединения радимичей и ликвидации позднее их

[1] В свою очередь новгородский летописец, для которого, наоборот, противниками были киевляне, развернул всё на 180 градусов и дал их предкам полянам негативную характеристику, подчеркнув их язычество: «бяху же погане, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани» (ПСРЛ. III: 105).

[2] Аналогичны суждения Д.А. Мачинского: «в последние десятилетия археологические раскопки выявляют довольно высокий уровень социально-политического и культурного развития, достигнутого населением Древлянской земли в конце IX-X вв.» (Мачинский 2009: 519).

''мятежа'' не говорится ни о каких князьях… Ни одного княжеского стола на собственно территории радимичей образовано не было, что косвенно свидетельствует об отсутствии у них и додревнерусских ''вождеско''-княжеских традиций. В силу этого у радимичей… можно предположить только одну форму потестарной организации – религиозно-общинную» (Шинаков 2012: 49-50). Аналогично рассуждают А.А. Фетисов и А.С. Щавелев: «Можно предполагать относительную неразвитость у радимичей ''вождеско''-княжеских потестарных традиций, вообще, некую специфичность социально-политических механизмов управления» (Фетисов, Щавелев 2012: 125).

В приведённых цитатах видим прямолинейное следование за текстом летописи (которая, кстати, не говорит ни о каком «мятеже» радимичей, и представляет поход на них Владимира как завоевание до того самостоятельно социума). Выше на примере вятичей уже было подчёркнуто, сколь ненадёжным является подобный подход, ведь летописцы отнюдь не ставили целью описать внутреннее устройство славиний. Упоминания об их общественно-политических институтах в летописях носят разрозненный случайный характер.

Так в собственно летописных текстах ничего не говорится и о вятических князьях. Они упомянуты только в поучении Владимира Мономаха, который говорит о том, что «в Вятичи ходихомъ по две зиме на Ходоту и на сына его и ко Корьдну ходихъ» (ПСРЛ. I: 248). Не сохранись это уникальное известие, современные авторы строили бы догадки об «отсутствии княжеских традиций» и «особом характере механизма управления» у вятичей.

В Ипатьевской летописи сохранился и рассказ о народном собрании у вятичей. В 1147 г. в ходе борьбы Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича против Изяслава и Владимира Давыдовичей «Она (Давыдовичи – М.Ж.) же слышавша, оже Гюрги прислал к немоу (Святославу – М.Ж.) в помочь, и не сместа по немъ ити, но съзваша вятиче и реша имъ: ''Се есть ворогъ нама и вамъ, а ловите его на полъ вама (в Хлебниковском и Погодинском списках читается «на полон вам» – М.Ж.)'', и тако възратистася ис Дедославля» (ПСРЛ. II: 338).

Как видим, и в середине XII в. вятическое общество сохраняет свою политическую субъектность, своё социальное единство и общинную организацию с народными собраниями, на которых принимались важные решения.

В рассказе ПВЛ о строительстве Владимиром городов на границе со Степью находим упоминание и о вятической знати – *лучших мужах*: «Рече Володимеръ: "се не добро, еже малъ городъ около Киева" и нача ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубешеви, и по Суле, и по Стугне и поча нарубати муже лучшие от словень и от кривичь, и от чуди, и от вятич и от сихъ насели грады» (ПСРЛ. I: 121; ПСРЛ. II: 106; ПСРЛ. III: 159).

Больше всего у нас информации о внутреннем устройстве древлян – в летописном рассказе об антикиевском восстании древлян и подавлении его Ольгой оно описано относительно подробно (ПСРЛ. I: 54-60; ПСРЛ. II: 42-48; ПСРЛ. III: 110-

113). У древлян видим классическую тернарную структуру управления (Фроянов 1980: 126-127; Свердлов 2003: 88-91; Жих 2012: 155-156; 2015: 13-14): (1) княжеская власть, (2) знать/совет знати (*старейшины города*, *лучшие мужи*, *мужи нарочитые*); (3) народное собрание, представлявшее собой фактически вооруженный народ (древляне совещаются со своим князем Малом и тут же выступают в поход на Игоря).

Все эти три института (князь, знать, народное собрание) описанные у древлян в одном рассказе ПВЛ разрозненно упомянуты в источниках и применительно к вятичам. Едва ли в социально-политическом устройстве вятичей и радимичей, живших по соседству и сближенных в ПВЛ, существовали серьёзные отличия. У радимичей мы вправе предполагать точно такую же трёхступенчатую структуру управления как у древлян и вятичей с князем, знатью/советом знати и народным собранием/вечем, ведь археологически социальная структура вятичей и радимичей демонстрирует значительное сходство – и там и там отчётливо выделяются отдельные локальные группы населения, в совокупности составляющие союзы радимичей и вятичей.

На существование у радимичей института княжеской власти указывает наличие у них преданий о легендарном предке, по сути, первом князе. Сравним летописные выражения о Радиме и радимичах с одной стороны и Кие и полянах с другой: «пришедъша, седоста Радимъ на Съжю [и] прозв[а]шася Радимичи» (ПСРЛ. I: 12; ПСРЛ. II: 9); «бяху мужи мудри и смыслени [и] нарицахуся Поляне. Отъ нихже есть Поляне в Киеве и до сего дне… Но се Кии княжаше в роде своемь... И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье в Поляхъ» (ПСРЛ. I: 9-10; ПСРЛ. II: 7-8).

Летописцы называют кривичей, вятичей, радимичей, полян, древлян и прочие восточнославянские этнополитические объединения в одном ряду с лютичами, а про них по источникам хорошо известно, что они представляли собой союз ряда небольших «племён»: брежан, стодорян, чрезпенян, доленчан и т.д. Аналогична ситуация с ободритами, включавшими в себя древан, глинян, вагров и т.д. и лужицкими сербами, делившимися на сусельцев, жирмунтов, галомачей и т.д. Одним словом, там, где у нас есть источники, описывающие более детально внутреннюю жизнь славян, мы видим, что большие славянские этнополитические объединения, уровня тех, что попали на страницы древнерусских летописей, делились на ряд небольших объединений.

В анонимном «Баварском географе» (памятнике, созданном в швабском монастыре Райхенау в 70-е гг. IX в.: Назаренко 2001: 51-70) перечислено множество славянских «племён», не известных по другим источникам и, соответственно, с трудом поддающихся идентификации или не поддающихся ей вовсе. По всей видимости, это именно те небольшие «племена», из которых состояли крупные славянские этнополитические союза типа вислян, мазовшан, лютичей, кривичей и т.д.

Названия восточнославянских локальных объединений в источниках почти не отразились (исключение – полоцкая группа кривичей, полочане: Жих 2015a)[1], но здесь на помощь приходит археология, позволяющая выделить такие объединения.

Судя по археологическим данным население как Радимичской земли, так и Вятической было сгруппировано в отдельные локальные единицы, соответствующие небольшим локальным объединениям, «малым» *славиниям* (или «малым племенам» как их традиционно называли в историографии), в совокупности составляющим, соответственно радимичское и вятическое этнополитические объединения. В земле вятичей выделяется шесть таких курганных групп (Соловьёва 1956: 161-165).

В Радимчской земле Г.Ф. Соловьёва выделила восемь археологически фиксируемых локальных групп (рис. 3):

(1) Между Днепром и Сожем;

(2) В бассейне реки Сож;

(3) В бассейне реки Ипути;

(4) В бассейнах рек Ипути и Снова;

(5) В бассейне реки Снова;

(6) В междуречье рек Ипути и Снова в нижнем течении Ипути;

(7) В среднем течении Днепра (примерно от Рогачева до устья Сожа);

(8) В междуречье рек Сожа и Беседи (Соловьёва 1956: 156-160)[2].

Таким образом, судя по археологическим данным, радимичский этнополитический союз представлял собой объединение как минимум восьми локальных групп славянского населения. Цифра условна, скорее всего маленьких *славиний* в Радимичской земле было больше, поскольку какие-то объединения могут не фиксироваться археологически – относительно шести выделенных Г.Ф. Соловьёвой в земле вятичей локальных групп Б.А. Рыбаков заметил: «они выявлены лишь в северной части Вятичей. Таких районов-племён удалось обнаружить шесть, но, исходя из их размера, во всей земле Вятичей их должно быть не менее десяти» (Рыбаков 1982: 264)[3].

---

[1] Возможно, в «Поучении» Владимира Мономаха также названо одно из небольших «племен», входивших в северянский этнополитический союз. Б.А. Рыбаков обратил внимание на то, что Владимир Мономах дважды упоминает неких «семичей»: после одной из побед над половцами князь «а семечи и полон весь отъяхом» (ПСРЛ. I: 248); укрывшись от превосходящих половецких сил за городскими стенами войска Владимира почти не понесли потерь «толко семцю яша одиного живого, ти смердъ неколико» (ПСРЛ. I: 248). Б.А. Рыбаков заключил: «''Семичи'' – типичное по своей форме племенное имя. Это, очевидно, одно из племён Северянского племенного союза, размещенное на сейме: ''А друзии седоша по Десне и по Семи, и по Суле и нарекошася Север''» (Рыбаков 1982: 264).

[2] Подобные скопления археологических памятников удалось выделить и в рамках ареала смоленско-полоцких кривичей: восемь у полоцких и три у смоленских (Алексеев 1978).

[3] По мнению Б.А. Рыбакова можно выделить и более мелкую структурную единицу социальной организации восточных славян, археологическим маркером которой является распространение височных колец, отлитых в одной мастерской. По подсчётам учёного у вятичей должно было быть около сотни подобных мастерских. Соответственно, «администиративную» организацию *славиний* можно рассматривать как трёхступенчатую: 1) Группа посёлков – «сто» (район сбыта одной мастерской); 2) Племя – «тысяча» – особенности погребального обряда; 3) Союз племён – «тьма» – этнографическое единство (Рыбаков 1982: 264). Соответственно, трёхступенчатой была и военная организация *славиний*.

Для каждого из «малых племён» можно предполагать наличие «града» – административного, религиозного и организационного центра, каковые летописи отметили у древлян (ПСРЛ. I: 58; ПСРЛ. II: 47) и вятичей (ПСРЛ. II: 697).

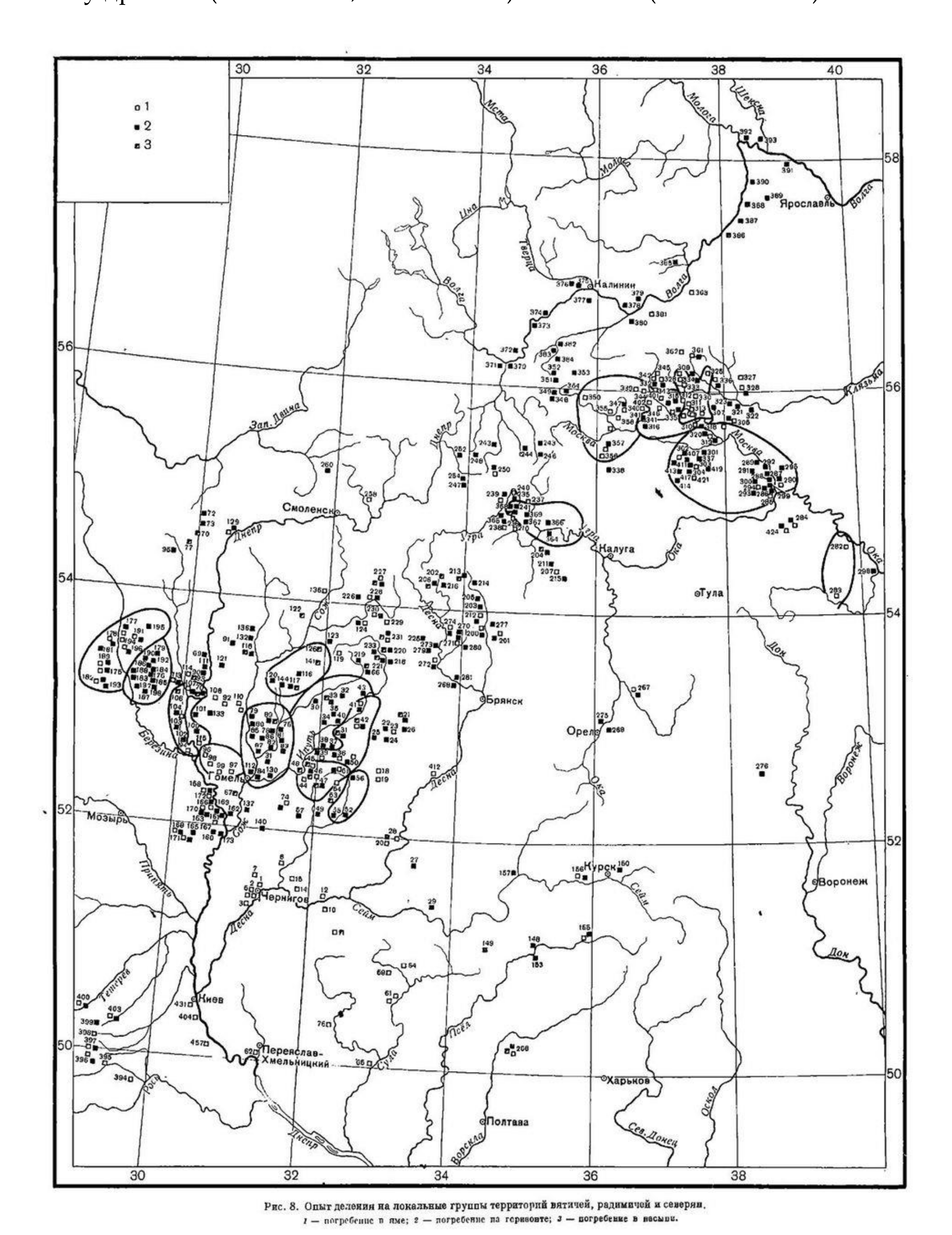

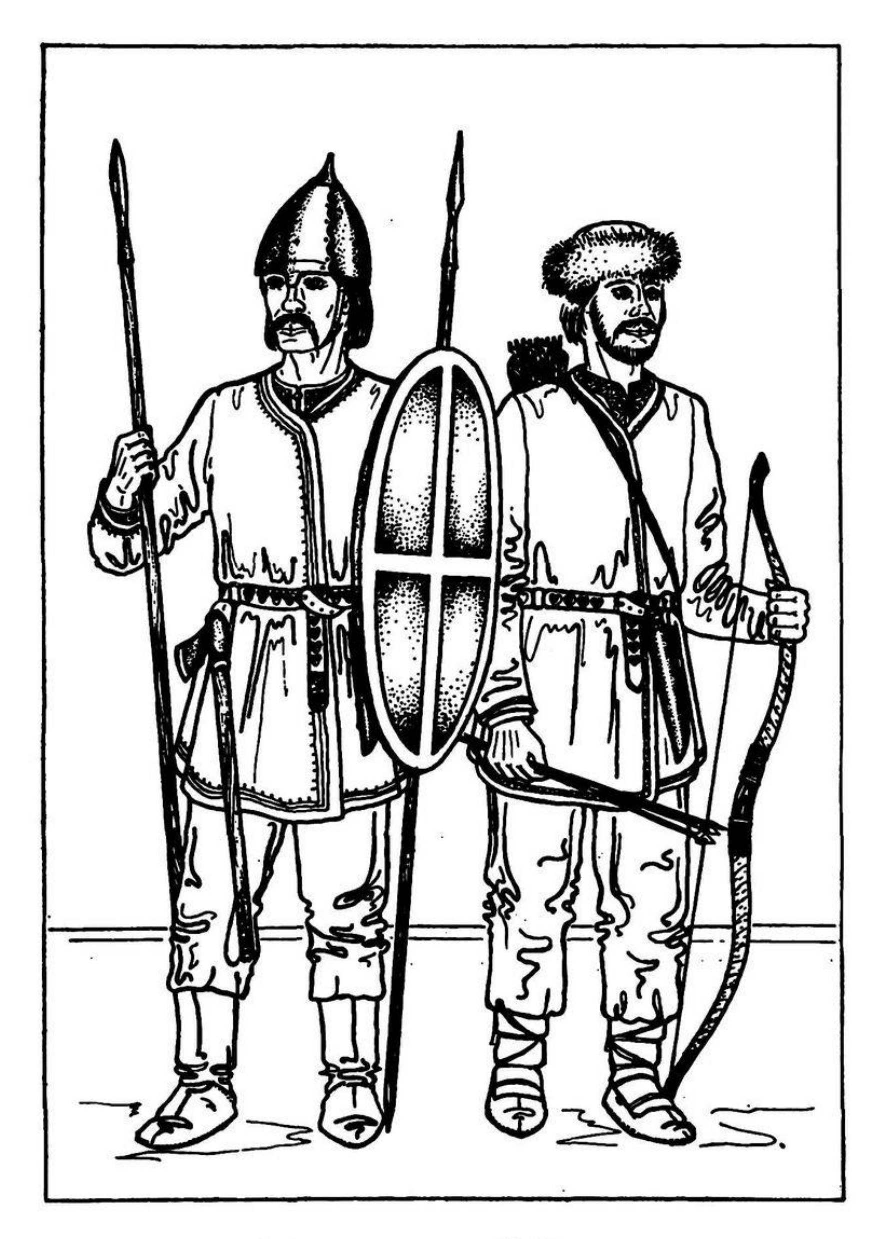
Рис. 3. Локальные группы вятичей, радимичей и северян (Соловьёва 1956: рисунок между страницами 156-157)

Один такой «град», Гомель (летописный Гомий, впервые упомянутый под 1142 годом), бывший, видимо, центром посожской группы радимичей (курганная группа 2 по Г.Ф. Соловьёвой), к настоящему времени относительно неплохо изучен. В конце IX – X вв. Гомель разрастается в размерах и охватывает площадь от 4 до 8 га. Формируется двухчастная структура поселения (детинец – окольный город) с укреплённым городищем площадью около 0,7 га у слияния Сожа и Гомеюка, а также и вторым поясом оборонительных сооружений. Развивается гончарное, кузнечное, ювелирное ремесло. В городе, стоявшем на торговом пути по Сожу, и вокруг него, известны клады арабских дирхемов IX-X вв., свидетельствующие об активней торговле, которую вели его жители. Гомельское городище конца I тыс. н.э. является одним из наиболее значительных в восточнославянском мире (о радимичском периоде в истории Гомеля см.: Макушников 1990: 59-60; 2002: 32-37; 2009: 76).

Предположение Е.А. Шинакова согласно которому «Гомий, Пропуй и Кречют были основаны, скорое всего, княжеской властью как крепости – опорные пункты с разных сторон их (радимичей – М.Ж.) границ» (Шинаков 2012: 49) лишено оснований. Киевским опорным пунктом на южной границе земли радимичей было несущее явные черты древнерусской дружинной культуры Моховское военизированное поселение (конец IX – начало XI вв.) в устье Сожа (о нём см.: Макушников 2009: 76-95), созданное киевскими князьями южнее Гомеля и явно противостоявшее ему. Противостояние двух расположенных напротив друг друга городищ является археологическим отражением политического противостояния Киева и Радимичской земли в IX-X вв. (а возможно и в начале XI в.), в ходе которого обе стороны укрепляли свои границы. После того как Радимичская земля теряет свою независимость, необходимость в содержании Моховского военного центра для Киева отпадает, и он в первой половине XI в. исчезает. Предшествующий период около столетия отмечен противостоянием киевского Мохова и радимичского Гомеля.

По мере накопления археологических материалов по земле радимичей вырисовывается структура их расселения, организация поселенческой сети с определённой иерархией разноуровневых поселений, за которой стоит, очевидно, политико-административная структура радимичей, формирование раннегородских центров типа Гомеля и т.д. (Макушников 2009: 22-77), в общем всё то, что уже известно применительно к лучше изученным восточнославянским этнополитическим союзам.

Близ Гомеля, по всей видимости, произошла и трагическая для радимичей битва на реке Пищане/Песчане. Поскольку подобные гидронимы довольно широко распространены в славянском мире, в т.ч. и в ареале радимичей их несколько, вопрос о том, где же именно произошло роковое для радимичей сражение, вызвал в литературе полемику (Макушников 2002: 37-40; Гурьянов, Шинаков 2006: 78-79; Фетисов, Щавелев 2012: 126-127). Наиболее логичное и убедительное отождествление летописной реки с реальным гидрографическим объектом предложил О.А. Макушников.

Радимичские воины X–XI веков.
Рисунок-реконструкция Ю.М. Лупиненко

Рис. 4. Радимичские воины времён битвы на реке Пищане (Макушников 2002: 34)

По мнению учёного, с которым мы полностью согласны, войска Владимира должны были наступать на радимичей с юга, из района Киева и Чернигова и двигались, скорее всего, тем самым путём «на радимичи», о котором говорит в середине XII в. Ипатьевская летопись. Едва ли битва произошла в глубине земли радимичей, поскольку радимичские войска должны были попытаться не пустить завоевателей вглубь своей территории, не дать им занять Гомель – свою важнейшую крепость на юге. Соответственно, река Пищана должна быть расположена на пути из киевско-черниговского региона в Радимичскую землю, то есть в районе Гомеля,

контролировавшего Нижнее Посожье, который Волчий Хвост не мог оставить у себя в тылу.

На пути из Чернигова в Гомель обнаруживается ручей Песошенька (ок. 15 км), правый приток реки Терюхи, впадающей в Сож. Раньше он назывался Песочанкой или Песочной и находится примерно в 30 км от Гомеля (Макушников 2002: 37-40). Именно на его берегах, в районе современных сёл Хуторянка и Песочная Буда встретились в 984 году армия воеводы Волчьего Хвоста и защищавшее свою землю войско радимичей.

В связи с замечанием ПВЛ о том, что после битвы киевляне насмешливо называли побеждённых радимичей «пищаньцами», Б.А. Рыбаков высказал предположение, что так могло называться одно из небольших радимичских «племён»: «Потом бытовала поговорка, укорявшая радимичей: ‘‘Пищаньци волъчья хвоста бегаютъ’’. В этом случае хронист расценивает пищаньцев как некую органическую часть радимичей» (Рыбаков 1982: 263-264). Б.А. Рыбакова поддержал А.А. Горский (Горский 2011: 138).

На наш взгляд такая трактовка летописного пассажа неубедительна. Скорее здесь перед нами просто насмешливое прозвище, данное победителями побеждённым. Маловероятно, чтобы «гомельская» группа радимичей называлась по имени небольшого ручья.

Если Гомель был южным форпостом земли радимичей, то на её севере эту роль выполняло городище близ современного агрогородка Радомля (работы экспедиции И.А. Марзалюка). Столица радимичей находилась, вероятно, в центре их земли, в районе современного Славгорода (Пропойск, древнерусский Прапошаск, впервые упоминается в 1136 году в грамоте Ростислава Мстиславича), где на высоком правом берегу Сожа, около устья реки Прони расположено крупное городище.

II. *Локализация радимичей*

Тенденциозное отношение к радимичам, распространённое, к сожалению, в исторической науке, было доведено до полного нигилизма в недавней работе А.С. Щавелева, который попытался максимально размыть вопрос об их локализации, а соответственно и истории как таковой, поставив под сомнение само существование восточнославянского этнополитического союза с таким именем (Щавелев 2016).

В этногеографическом введении к ПВЛ ареалом проживания радимичей назван бассейн реки Сожа, левого притока Днепра: «Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо два брата в Лясех: Радимъ, а другому Вятко и пришедъша, седоста Радимъ на Съжю [и] прозв[а]шася Радимичи, а Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оце, отъ негоже прозвашася Вятичи» (ПСРЛ. I: 12; ПСРЛ. II: 9).

Поскольку гидронимов с именем «Пищана» много, а путь «на радимичи» в летописи намечен приблизительно, именно данное известие всегда выступало базовым при определении территории Радимичской земли, являясь единственным

её надёжным ориентиром (Карамзин 1989: 48; Шафарик 1847: 84; Барсов 1873: 132; Соловьёв 1896: 47; Спицын 1899: 333; Карский 1903: 72; Нидерле 1956: 160; Мавродин 1945: 95; Третьяков 1953: 244; Соловьёва 1956: 10; 1968: 352; Седов 1970: 134; 1982: 151; Рыбаков 1932; 1982: 238-239; Tyszkiewicz 1970: 455; Рапов 1998: 320; Богомольников 2004: 109; Макушников 2009: 7), однако А.С. Щавелевым оно было поставлено под сомнение.

Данный автор обратил внимание на то, что в летописях новгородско-софийской группы (далее – НСГ) прародитель «племени» Радим садится не на Соже («на Съжю»), а «на Рсьшю» (что, по мнению А.С. Щавелева, может указывать на реку Рось или на реку Оршу), посчитав данные формы написания гидронима равноценными и сделав из этого далеко идущие выводы (Щавелев 2016: 192-194).

По мнению А.С. Щавелева сделанное им наблюдение делает возможной «локализацию радимичей на реке Рось южнее Киева», куда «радимичи могли быть переселены князем Владимиром Святославичем, укреплявшим южные границы». Также на берегах Роси «поселил *ляхов* князь Ярослав Владимирович после походов на Польшу в 1031-1032 гг. Может быть, Ярослав Владимирович, зная легенду о происхождении радимичей ''от рода ляхов'', решил расселить пленных поляков среди ''родственного им'', а значит теоретически, более доброжелательно настроенного населения? А учитывая еще более позднее возвращение массы русских пленных (минимум – 800 мужчин) из Польши при Ярославе Владимировиче, можно констатировать, что количество населения, связанного так и или иначе с ''ляхами'', было в южной Руси значительным. Это население вполне могло получить в конце X – первой половине XI в. название "радимичи"». «Переселение могло начаться в результате военной активности князя Владимира Святославича… Таким образом, поход Владимира Святославича на радимичей можно понимать как карательную акцию по усмирению группы восставших переселенцев с территорий западных славян, а не как завоевание отдельной независимо от Руси сложившейся общности» (Щавелев 2016: 192).

Также, по мнению А.С. Щавелева «возможна локализация радимичей на реке Ръши (Орше, Оршице). Этот вариант более или менее корреспондирует с известием основных списков ПВЛ о Соже. Разница вариантов основных списков ПВЛ и варианта из летописей НСГ может быть вызвана тем, что в Новгороде радимичей помещали на этой Ръши, а в Киеве – на Соже» (Щавелев 2016: 192).

Обобщая свои размышления, А.С. Щавелев заключает: «В итоге, приходится признать, что однозначной достоверной локализации радимичей, которую можно верифицировать по разным источникам, не существует»; «Все четыре локализации радимичей на разных реках в разной степени вероятны, выбор реки Сож, из самого позднего текста – Введения к ПВЛ, однозначно сделанный всеми исследователями, ничем рационально не мотивирован. Понятна лишь приблизительная локализация радимичей: бассейн Днепра» (Щавелев 2016: 193).

Соответственно, историк считает, что «поскольку у нас нет твердой локализации радимичей на основе географических маркеров из письменных источников, любые попытки найти археологические признаки их расселения с помощью картографирования археологических артефактов (височных колец определенных типов и захоронений с определенным обрядом) становятся крайне сомнительными», так как «для общности радимичей однозначной исторической локализации именно на Соже на самом деле нет», а соответственно и «попытки понять масштаб, тип общности или тем более политическую организацию радимичей, опираясь на данные археологии, становятся не очень убедительны, ведь связь этого ареала именно с радимичами, а, значит, и связь с радимичами всех этих археологических комплексов, становится крайне затруднительно доказать»; «Для семиотики и границ распространения семилучевых височных колец многочисленных типов нужно искать другие этнокультурные, географические или социологические объяснения» (Щавелев 2016: 194).

В итоге, согласно А.С. Щавевелеву определить, кем были летописные радимичи вообще невозможно: «по своему масштабу радимичи могли быть малой группой населения (общной), жившей неизвестно где на реке Пищани; или радимичи могли быть этнографической (этнокультурной) группой славян, представители которой расселились на разных реках, скорее всего, в районах притоков Днепра Сожа и Оршицы. По типу идентичности, это мог быть славянский социум, сложившийся еще до становления державы Рюриковичей и покоренный Владимиром Святославичем, или это была группа населения Руси (‘’этносоциальная группа’’), переселенная на Русь с запада в ходе постоянных войн с Польшей» (Щавелев 2016: 194).

Таковы поистине «революционные» выводы А.С. Щавелева относительно радимичей. Между тем, основаны все вышеприведённые широковещательные утверждения на недоразумении и являются следствием поверхностной работы с источниками.

Если не ограничиваться летописями НСГ, как сделал А.С. Щавелев, а провести фронтальное рассмотрение всех летописей из ПСРЛ, в которых содержится пассаж о размещении радимичей на речных берегах, то становится очевидным, что написание «на Рсьшю» является просто ошибкой, причём можно установить и проследить конкретные этапы того как возникло и развивалось ошибочное написание, поскольку все они отразились в дошедших до нас летописных списках (данный пассаж присутствует в 22 летописях в рамках ПСРЛ).

Этап (1) Верное написание (радимичи на Соже), отразившееся в следующих летописных списках: «на Съжю» (Лаврентьевская летопись, ПСРЛ. I: 12); «на Сжу» (Никоновская летопись, ПСРЛ. IX: 5); «на Съжю» (Троицкая летопись, ПСРЛ. XVIII: 6)»; «по Съже» (Летописный свод 1497 года, ПСРЛ. XXVIII: 13); «на Сожу» (Владимирский летописец, ПСРЛ. XXX: 13); «на Сожю» (Радзивиловская летопись, ПСРЛ. XXXVIII: 14); «на Сжи» (Летописец Переяславля-Суздальского, ПСРЛ. XLI: 5).

Этап (2) Возникает ошибка в написании одной первой буквы: «на Ръжю» (Ипатьевская летопись, ПСРЛ. II: 10).

Этап (3) Возникает написание «на Рсъжу»/«на Рсьжоу»/«на Рсьжу», отразившееся в следующих летописных списках: «на Рсьжоу» (Типографская летопись, ПСРЛ. XXIV: 4); «на Рсъжу» (Московский летописный свод конца XV в., ПСРЛ. XXV: 339); «на Рсьжу» (Холмогоровская летопись, ПСРЛ. XXXIII: 12).

Этап (4) Из вариантов написания гидронима этапа III на следующем этапе развития ошибки возникают формы «на Рсьшоу»/«на Рсьшу» и подобные, смутившие А.С. Щавелева, нашедшие отражение в следующих летописных списках: «на Рсьшоу» (Новгородская IV летопись, ПСРЛ. IV. Ч. 1: 6); «на Рсешю» (Новгородская V летопись, ПСРЛ. IV. Ч. 2: 7); «на Рсьшу» (Софийская первая летопись старшего извода, ПСРЛ. VI. Вып. 1: 7); «на Рсьшю» (Воскресенская летопись, ПСРЛ. VII: 264); «на Рсьшу» (Тверская летопись, ПСРЛ. XV: 23); «на Рьсше» (Львовская летопись, ПСРЛ. XX: 42); «на Ршу» (Вологодско-Пермская летопись, ПСРЛ. XXVI: 12); «на Рсьшю» (Софийская Первая летопись по списку И.Н. Царского, ПСРЛ. XXXIX: 8); «на Рсьшю» (Новгородская Карамзинская летопись, ПСРЛ. XLII: 23); «на Рсьшю» (Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского, ПСРЛ. XLIII: 13).

Проведённое рассмотрение всех известных по летописям ПСРЛ вариантов написания имени реки Сож, на берегах которой поселились радимичи, наглядно показывает, что не было никакой неведомой реки «Рсьшю». Данное написание представляет собой ошибку, постепенно возникшую на каких-то этапах летописания и закрепившуюся в ряде списков («на Съжю» → «на Ръжю» → «на Рсъжу»/«на Рсьжоу» /«на Рсьжу» → «на Рсьшоу»/«на Рсьшю»). Попытку А.С. Щавелева на основании данного ошибочного написания «выселить» радимичей с берегов Сожа следует признать историографическим курьёзом. Радимичи «остаются жить» там, где жили.

Представление о том, как очерчивается ареал радимичей по археологическим данным, даёт карта В.В. Богомольникова (рис. 5).

Принадлежность некоторых памятников, отнесённых к радимичам В.В. Богомольниковым на восточной границе их расселения (Стародуб, Кветунь и т.д.) оспаривается некоторыми исследователями (Гурьянов, Шинаков 2006: 75-76) и уточнение границ Радимичской земли, особенно на востоке, требует дальнейшего изучения, однако в целом её контуры вполне ясны.

Перед нами значительная территория в бассейне Среднего и Нижнего Сожа и в междуречье Сожа и Днепра (узкой полосой заходящая и на днепровское правобережье), местами достигающая Десны на востоке.

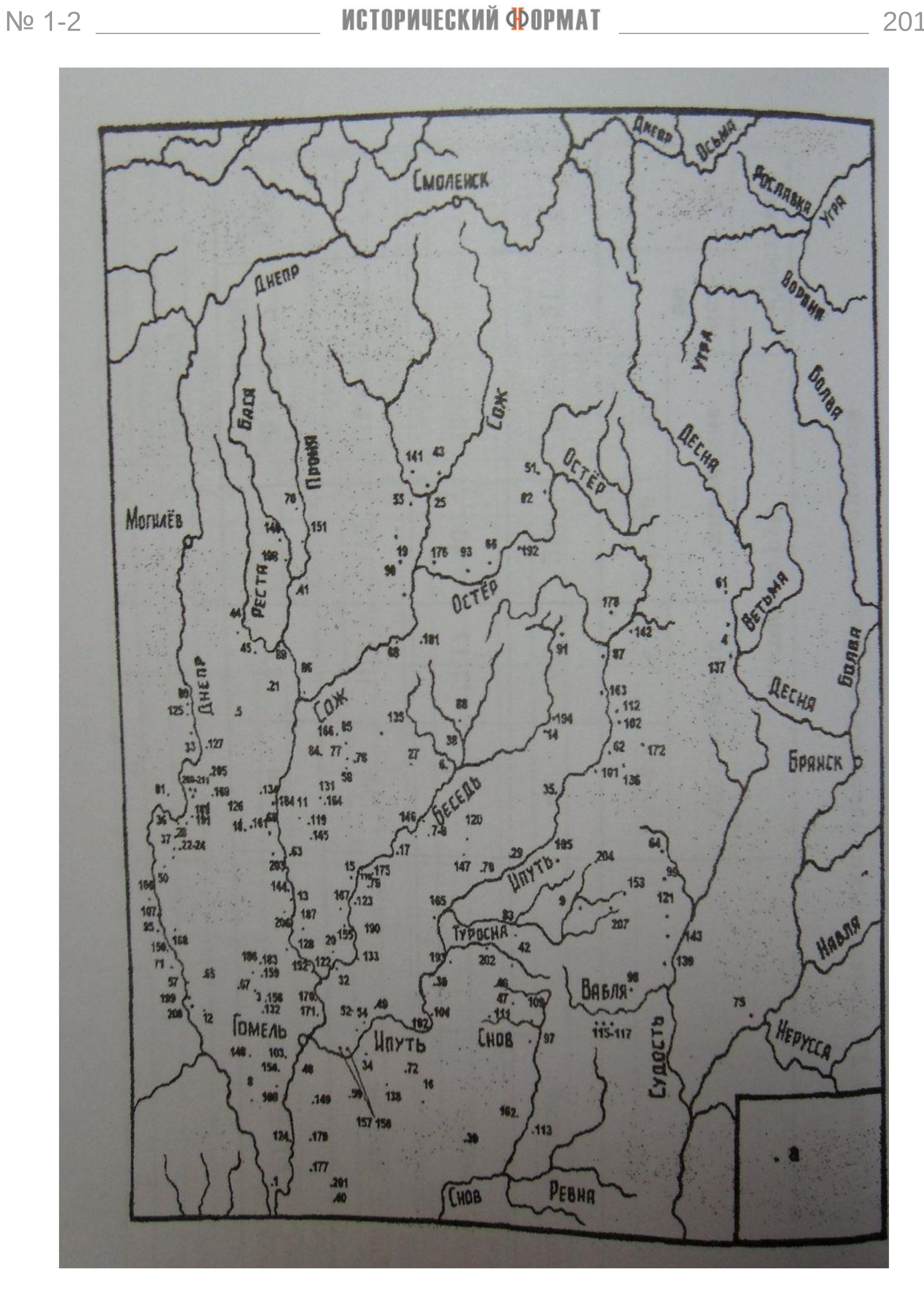

Рис. 5. Археологические памятники радимичей по В.В. Богомольникову (Богомольников 2004: 202)

Рис. 6. Семилучевые височные кольца радимичей

Характерным этнографическим маркером радимичей IX-XII вв. являются семилучевые височные кольца (рис. 6, об этих украшениях см.: Спицын 1899: 332; Рыбаков 1932; Седов 1970: 135-136; 1982: 152-155; Соловьёва 1978; Шинаков 1980; Богомольников 2004: 52-61, 101-102). М.А. Сабурова реконструировала головной убор радимичанки на основе погребальных материалов (рис. 7).

В Радимичской земле также получили распространение шейные гривны с заходящимися розеткообразными концами, находки которых у восточных славян за пределами радимичского региона единичны (Седов 1970: 139. Карта на рис. 39).

Есть и другие признаки, отличающие радимичей от их соседей. Если обратиться к картографированным Г.Ф. Соловьёвой особенностям погребальной обрядности радимичей и их соседей (рис. 8-9), то можно заметить преимущественную концентрацию курганов с кострищем в насыпи, а также погребений с восточной ориентировкой (преимущественно мужских) в Радимичской земле.

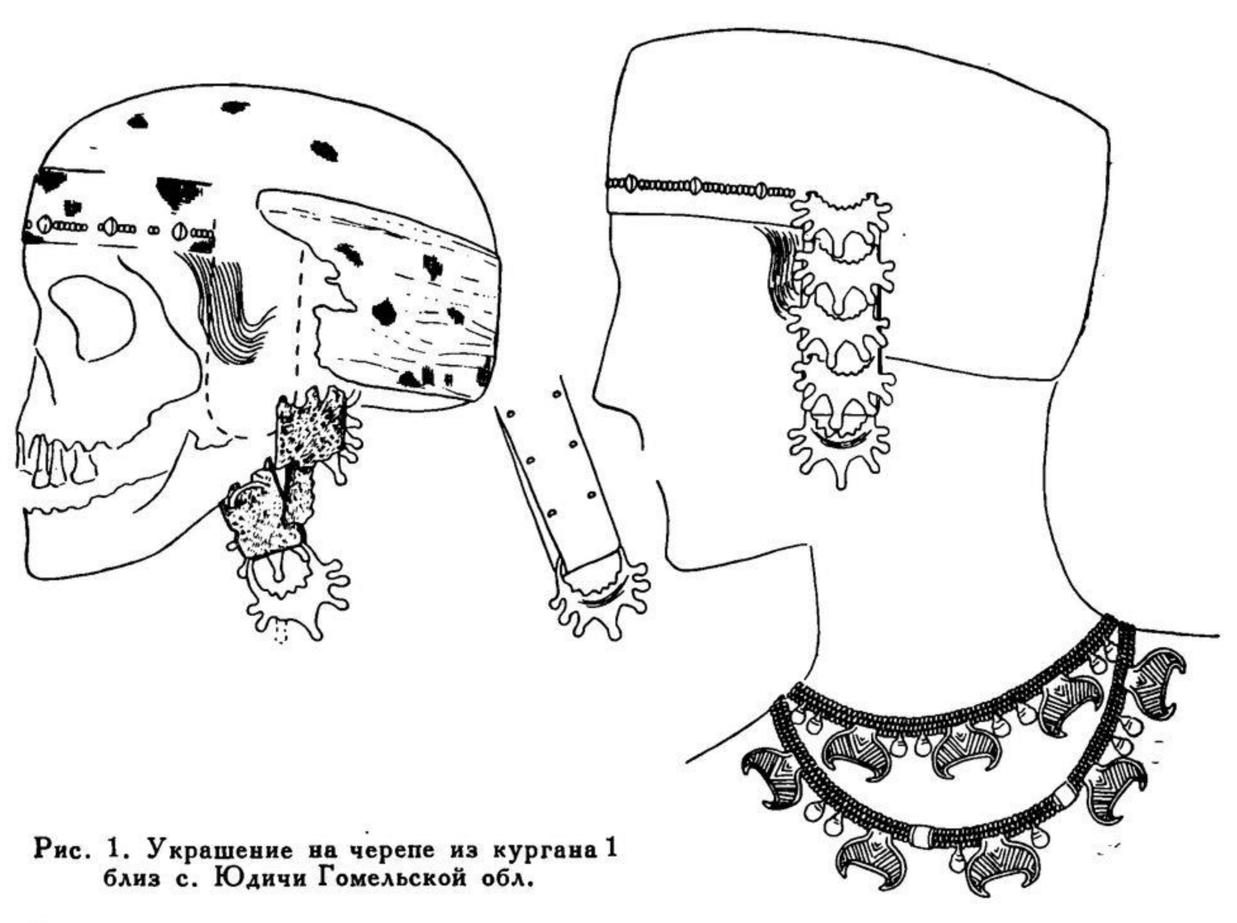

Рис. 7. Реконструкция головного убора радимичанки (Сабурова 1975: 19)

В.В. Седов считал эти особенности наследием балтского субстрата, унаследованными славянами от живших здесь ранее восточных балтов (Седов 1961; 1970: 162-171; 1982: 155). Согласиться с таким объяснением, на наш взгляд, невозможно. Дело в том, что В.В. Седов в качестве аналогий восточнославянским погребениям с восточной ориентировкой приводит прибалтийские материалы. Балтское же население собственно Восточной Европы (в т.ч. носители колочинской и тушемлинской культур, непосредственно предшествовавшие радимичам и ставшие для них субстратом) подобных обрядов не знало, соответственно, не могло и передать их славянским поселенцам. Аналогии с прибалтийскими обрядами должны рассматриваться как следствие конвергентного развития[1].

[1] Тоже относится и к популярности в Прибалтике с одной стороны и у радимичей с другой таких артефактов как шейные гривны с розеткообразными заходящимися концами и звездообразных пряжек. У колочинского и тушемлинского населения они не бытовали, соответственно, не могут рассматриваться как наследие балтского субстрата в земле радимичей.

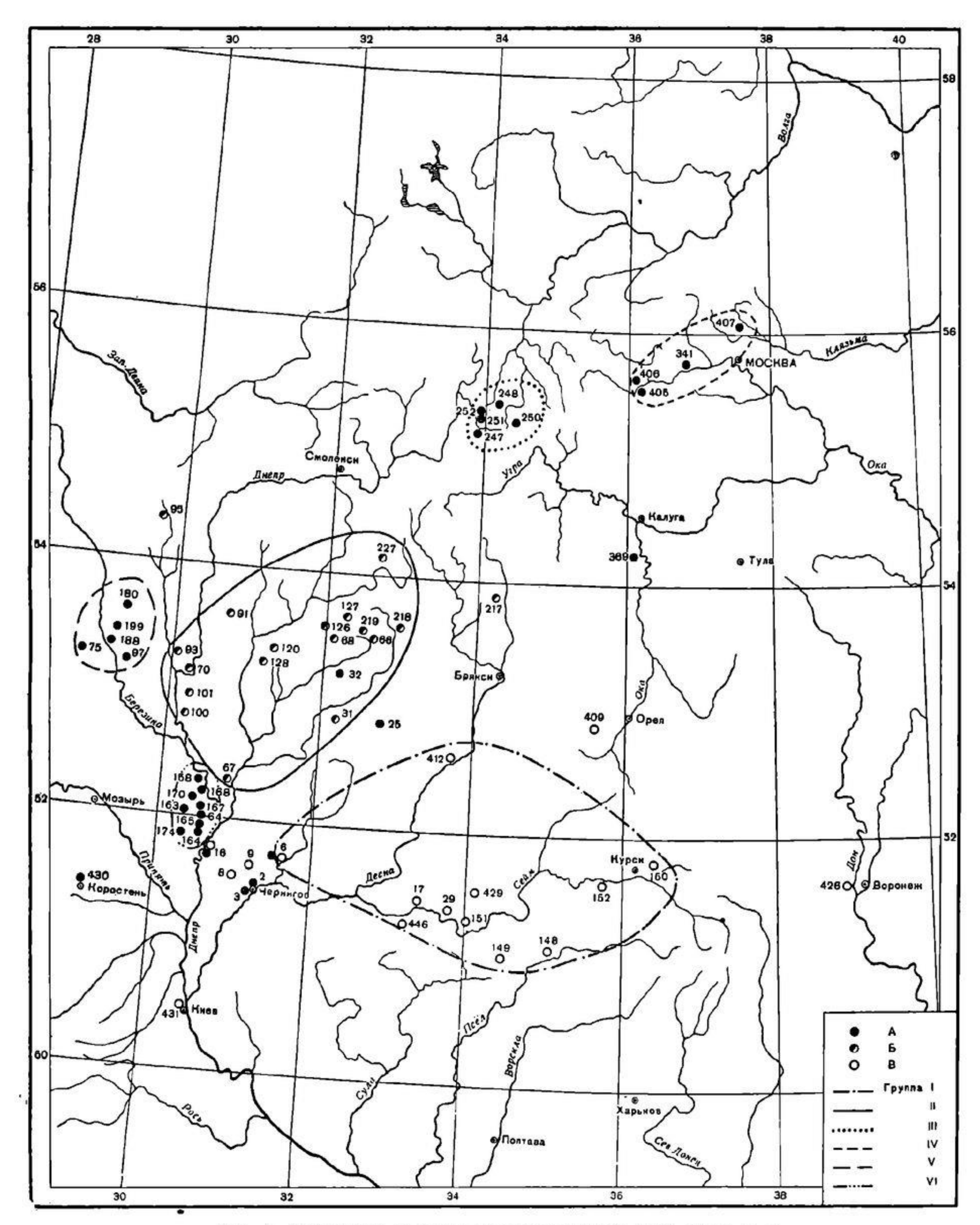

Рис. 2. Славянские курганы с трупосожжением VIII—X вв. н. э.

А — курганы с кострищем на горизонте; *Б* — курганы с кострищем в насыпи; *В* — курганы с трупосожжением на стороне.

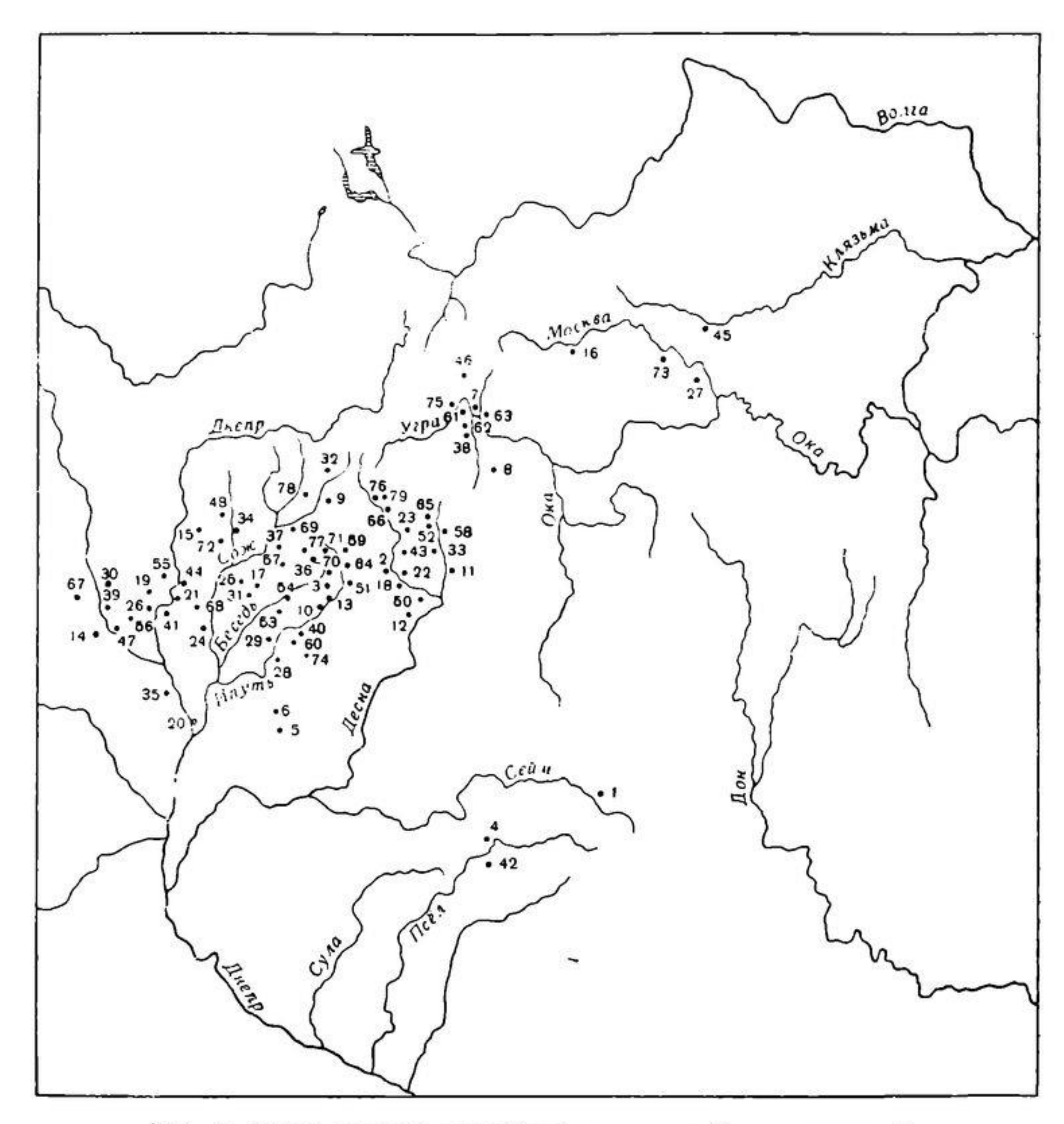

Рис. 7. Места находок погребений с восточной ориентировкой.

Рис. 8-9. Распространение курганов с кострищем в насыпи и погребений с восточной ориентировкой в земле радимичей (Соловьёва 1956)

Своеобразные черты погребального обряда радимичей являются, таким образом, результатом развития их собственных социальных и культовых практик, формой манифестации своего этнографического единства.

Христианство, бывшее важным средством укрепления единства Восточной Европы под властью Киева, распространялось в радимичской земле медленно, в XI-XII вв. здесь ещё были широко распространены язычество и двоеверие (Рапов 1998: 320; Богомольников 2004: 114-115). К середине X – началу XI в. относится открытое А.В. Кузой и Г.Ф. Соловьёвой радимичское языческое святилище у села Ходосовичи близ Рогачева (Куза, Соловьёва 1972: 153).

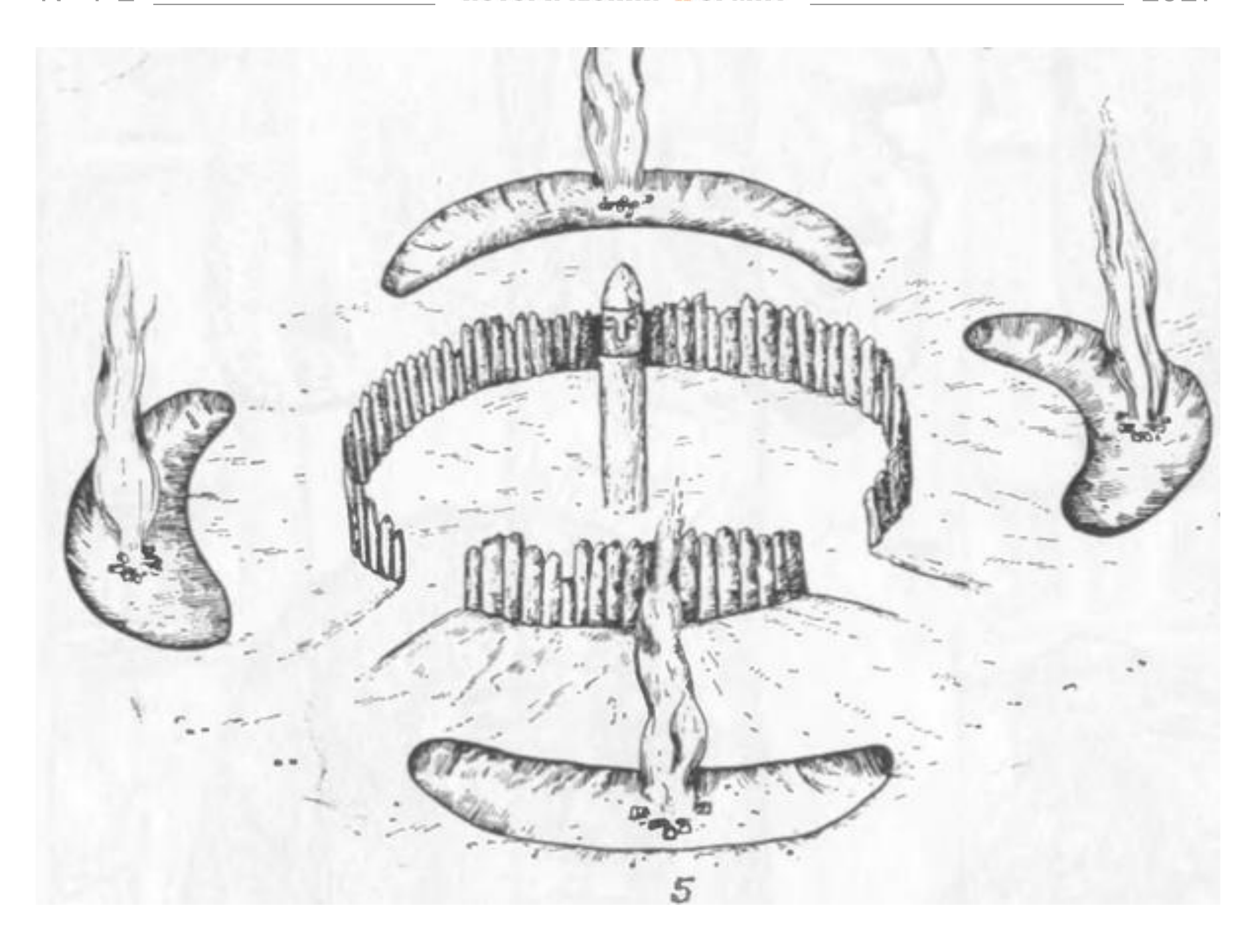

Рис. 10. Святилище Ходосовичи. Реконструкция (Седов 1982: 287)

Существование святилищ, выраженные особенности погребального обряда и медленное распространение христианства указывают на важную роль языческих религиозных представлений в самоидентификации радимичей и на существование у них выполнявшего важные социальные и культовые функции языческого жречества (о жреческом сословии восточных славян и Древней Руси см.: Рыбаков 1987: 294-481)[1].

Подводя некоторые итоги, видим, что Радимичская земля в Посожье вполне надёжно очерчивается при сопоставлении письменных и археологических данных. Ряд признаков (специфические височные кольца, шейные гривны с заходящимися розеткообразными концами, выраженные особенности погребального обряда и т.д.) указывают на осознание радимичами своего этнографического единства и его культурную манифестацию.

---

[1] Ранее догадку о важной роли жречества в жизни радимичей высказывал Е.А. Шинаков (Шинаков 2012: 50-51), но почти без аргументации, рассуждая от противного: раз, по мнению учёного, у радимичей не имели развития «вождеско»-княжеские традиции, то, соответственно, их потестарная организация могла носить религиозно-общинный характер. Спорность вывода об отсутствии у радимичей княжеской власти была продемонстрирована выше. По нашему мнению, нет оснований говорить о принципиальных различиях в социально-политической организации радимичей, вятичей и древлян. И у древлян, и у вятичей следы существования жречества также вполне отчётливы, так что едва ли в этом смысле радимичи как-то сильно отличались от своих соседей.

III. Происхождение радимичей

Происхождение радимичей и вятичей «от ляхов», указанное летописями, долго не вызывало у историков особых сомнений. Ян Длугош, стремившийся закрепить за Польшей право на владение русскими землями, называл их предков-эпонимов Радима и Вятко «польскими князьями», а о радимичах писал, что они «происходят от поляков» (Щавелева 2004: 226, 230).

В.Н. Татищев полагал, что древним городом радимичей, близ которого находилась их прародина, был польский Радом, откуда часть радимичей переселилась на берега Днепра (Татищев 1962: 336).

«Ляшское» происхождение радимичей принималось как данность Н.М. Карамзиным (Карамзин 1989: 48), П.И. Шафариком (Шафарик 1847: 188-189), Н.П. Барсовым (Барсов 1873: 132), А.Е. Пресняковым (Пресняков 1993: 278) и многими другими историками.

С.М. Соловьёв писал: «Мы не имеем никакого права заподозрить это предание, которое показывает, что эпоха прибытия этих племен не была слишком отдалена; о нем помнили ещё во времена летописца. Что племена эти пришли позднее других, доказывают избранные ими жилища: Радимичи поселились на Сожи, а Вятичи должны были перейти далее на восток, на Оку, потому что земли по Десне, лежащие между Сожью и Окою, уже были заняты Северянами» (Соловьёв 1896: 47).

С.М. Середонин, принимая «ляшское» происхождение радимичей, отметил, что «в этих же известиях летописи (о покорении радимичей Владимиром – *М.Ж.*) видно несколько враждебное отношение к чуждой ветви славянства: Русь корится племени, которое ʹʹи до сего дняʹʹ, т.е. до XI в. платит дань и повоз везёт Руси; о других племенах летопись столь жёстко не говорит» (Середонин 1916: 133).

Сдержанно-скептически отнёсся к легенде о «ляшском» происхождении радимичей и вятичей Л. Нидерле. Отметив, что «никакими историческими данными эта легенда не подтверждается» и «в ней слишком много вымышленных аналогий, чтобы её можно было безоговорочно принять», учёный тем не менее допустил: «теоретически можно себе представить, что в бурном движении славян и их развитии, наблюдаемом повсюду в V, VI и VII веках, одно или два племени могли уйти из переполненного западнославянского центра (например, в результате нашествия готов или аваров), пробиться через полосу русских племён и оказаться на востоке среди славян и финских племён», но «вряд ли можно ещё какими-либо данными, кроме самой летописной легенды, доказать такое предположение» (Нидерле 1956: 161).

Также учёный допустил, что летописное выражение «радимичи и вятичи (происходят) от ляхов» вовсе «не обязательно должно означать, что они пришли из Польши и являлись непосредственно польскими племенами, оно может означать,

что они пришли от ляхов, то есть с той стороны, от польских границ», возможно «предки радимичей, а также дреговичей первоначально обитали… по соседству с поляками, находились под их вилянием и, по-видимому, составляли промежуточную полосу между поляками и чисто русскими племенами. Оттуда они продвинулись на восток и вклинились в среду… остальных русских племён» (Нидерле 1956: 161-162).

Любопытным является и наблюдение Л. Нидерле относительно разграничения степени возможной достоверности легенды для радимичей и вятичей. Учёный обратил внимание, что если в ареале расселения радимичей (белорусский язык) заметны некоторые параллели с польским языком, то в области вятичей (великорусский язык) они значительно слабее, из чего можно сделать вывод, что «если в отношении радимичей летописная традиция до некоторой степени подтверждается данными лингвистики, то относительно вятичей такое подтверждение является значительно более слабым. Летописец, соблазнённый их соседством, видимо, лишь по ошибке присоединил к ним вятичей» (Нидерле 1956: 161).

Сторонником западнославянского происхождения радимичей и вятичей был А.А. Шахматов. Как считал учёный «Падение аварской державы оказало сильнейшее влияние на дальнейшее расселение восточного славянства… Авары, спасаясь от франков, отступили в бассейн Вислы и привели в сильное движение ляшские племена», в результате чего последние двинулись на восток и северо-восток. «Одни из ляшских племен наводнили страну дреговичей и сидевших вместе с ними дулебов; другие племена пробились в бассейн Западной Двины, оседая среди западной ветви кривичей; третьи племена двинулись в северное Поднепровье: летопись сохранила названия этих племен: это были радимичи и вятичи; первые сумели укрепиться на-Днепре и его левых притоках; вторые – вятичи двинулись дальше на восток и захватив сначала верхнее течение Оки, заняли с течением времени и среднее его течение (Шахматов 1919: 37).

Аргументы в пользу «ляшского» происхождения радимичей А.А. Шахматов привёл следующие: «ляшские особенности в белорусском языке (следовательно, на территории дреговичей и радимичей): свистящее произношение мягких т и д (в древности они диалектически были шепелявыми, как в польском язык); вероятнее всего объяснять эти особенности вторжением польских элементов в легшие в основание белорусской народности русские племена» (Шахматов 1919: 38).

Радимичи по мнению Шахматова «захватили верхнее Поднепровье силой и оттеснили оттуда восточных славян. Быть может, именно вторжение радимичей заставило кривичей пробиваться в бассейн верхнего течения Волги, а также по Ловати к Ильменскому озеру» (Шахматов 1919: 39).

Выводы Шахматова были решительно оспорены Е.Ф. Карским, указавшим на слабость подобной аргументации: «Не думаю, чтобы они действительно были ляшского происхождения: язык их чисто русский, быт и поэзия тоже; одно дзеканье связывает их с ляхами, да и то только радимичей, но дзеканье свойственно и другим

белорусам дреговичского и кривичского происхождения; кроме того, оно не повсеместно у радимичей и несовсем совпадает с польским: у поляков дзеканье имеет несколько шипящий характер, чего нет у белорусов. Кроме того, трудно доказать древность этого явления. Вероятнее всего выражение ′′радимичи бо и вятичи от ляхов′′ следует понимать в географическом смысле – как жившие вместе с ляхами. Что они были не ляхи, видно и из их переселения далеко на восток. Причиной такого переселения было, вероятно, размножение поляков на средней Висле, дреговичей на Припяти, волынян с юга и литовцев с севера» (Карский 1903: 71-72).

Пониманию летописного «от ляхов» как «в соседстве с ляхами», предложенному Л. Нидерле и Е.Ф. Карским противоречит фраза «Бяста бо два брата в Лясех», которая означает, что летописец мыслил Радима, Вятко и их рода выходцами именно непосредственно из ляшских земель.

Б.А. Рыбаков, не обнаружив в материальной культуре радимичей никаких западнославянских черт, выдвинул оригинальную гипотезу возникновения сообщаемого летописью предания. Выражение «от ляхов» могло принадлежать летописцу эпохи Ярослава Мудрого, знавшего легенду о том, что радимичи и вятичи происходят от легендарных предков Радима и Вятко. Когда в 981 г. состоялся поход русских войск на «ляхов» (на «Червень и ины грады»), они проходили у Перемышля мимо города Радимин, где слышали о брате святого Войтеха, гнезненском епископе Радиме. Через три года они ходили на радимичей, что и вызвало у них соответствующие ассоциации. Так под пером летописца родилось представление о ляшском происхождении радимичей, а поскольку Радим и Вятко считались братьями, то и вятичам летописец приписал ляшское происхождение (Рыбаков 1932)[1].

В.В. Мавродин, констатировав, что «′′полонизмы′′ в белорусском языке потомков радимичей объясняются скорее ′′не ляшским′′ их происхождением, а тем, что они – потомки летописных радимичей – длительное время соседили с ′′ляхами′′ и находились под властью ополяченной Литвы и Польши в течение ряда столетий» и что археологические материалы говорят об автохтонности радимичей, сочувственно излагает гипотезу Б.А. Рыбакова (Мавродин 1945: 96-97).

По мнению П.Н. Третьякова «археологические данные, свидетельствующие об автохтонности обеих племенных групп (радимичей и вятичей – *М.Ж.*)… полностью опровергают достоверность этого рассказа (о «ляшском» происхождении радимичей

---

[1] Позднее учёный писал: «Польское (′′от ляхов′′) происхождение радимичей и вятичей ничем не подтверждено. Возможно, что на летописном предании сказались какие-то воспоминания о первичной славянской колонизации, начавшейся в первые века нашей эры и шедшей с юго-запада на северо-восток, в бассейн средней Десны, откуда в равной мере славяне зарубинецкого времени могли проникать и на радимичский Сож и на вятическую Оку. Загадочные ′′ляхи′′ могли появиться в связи с тем, что колонизационный поток шел из Среднего Поднепровья, из земли Полян, а у польских племен был значительный союз, называвшийся тоже Полянами (в бассейне Варты). Патронимическую легенду мог сочинить один из летописцев, хорошо знавший весь славянский мир» (Рыбаков 1982: 239).

и вятичей – М.Ж.)». Касаясь приведённых выше доводов А.А. Шахматова, учёный писал: «совершенно очевидно, что такое доказательство нельзя признать основательным. Появление ''ляшских'' элементов в языке белорусов является столь же естественным, как наличие западных особенностей в языке западных кривичей… Предками белорусского народа являлись, несомненно, не столько радимичи, сколько западные кривичи и дреговичи, занимавшие… основные области Белоруссии» (Третьяков 1953: 245).

Надо сказать, что звучавшие в литературе 30-50-х гг. XX в. утверждения об автохтонности археологической культуры радимичей последующими исследованиями не подтвердились. Радимичи появились в местах своего обитания не ранее VIII-IX вв. (Седов 1982: 157) и их культура не является продолжением предшествовавших колочинских и тушемлинских традиций.

Решительно отверг достоверность летописной легенды о происхождении радимичей и вятичей Д.С. Лихачёв: «…А.А. Шахматов считал, что радимичи и вятичи происходят от поляков; так предполагали и другие исследователи, утверждавшие, по крайней мере, что так именно думал летописец. Вряд ли, однако, так считал сам летописец. Выражение ''от ляхов'', как и другое выражение летописца о новгородцах – ''от рода варяжьска, преже бо беша словени'' (под 862 г.) вовсе не относится к происхождению русского населения той или иной области (было бы странным предполагать у летописца мысль, что новгородцы ''сейчас происходят от варягов, а раньше происходили от славян''). Выражение ''от рода варяжьска'' или ''от ляхов'' определяет в том или другом случае только то обстоятельство, что во главе политической организации новгородцев, радимичей и вятичей стоят: в первом случае варяги, во втором случае – ''ляхи''… Летописец считает, что названия эти произошли от двух польских выходцев Радима и Вятка, передавших свои имена подчинившимся им славянским племенам: ''и пришедъша седоста Радим на Съжю и прозвашася (именно ''прозвашася'', а не ''расплодишася'') радимичи… Аналогично этому, по мнению летописца, русские в целом прозвались от призванных братьев-варягов… Перед нами обычное для средних веков объяснение происхождения правящей династии и названия народа, города от пришлых братьев. Отсюда ясно, что вся эта легенда о происхождении названий радимичей и вятичей от двух братьев Радима и Вятко представляет собою типичную для нашего летописца… династическую легенду… Рассказ о Радиме и Вятке приводится летописцем только для того, чтобы объяснить происхождение местных князей и местных названий, но не всего племени в целом. Он говорит лишь о принадлежности радимичей и вятичей к княжеским династиям, ведущим свое начало из ''ляхов'', но отнюдь не говорит о происхождении племени вятичей и племени радимичей от поляков. Такой приписываемой летописцу мысли у него не было». Относительно же того, откуда летописец вывел польское происхождение Радима и Вятко, Д.С. Лихачёву импонирует гипотеза Б.А. Рыбакова, приведённая выше (Лихачёв 2007: 392-393).

Аргументация Д.С. Лихачёва вызывает, на наш взгляд, серьёзные вопросы. Учёный в своих рассуждениях использует только одно из двух летописных известий о «ляшском» происхождении радимичей (из этногеогафического введения к ПВЛ), которое допускает две трактовки ((1) происхождение «от ляхов» всех радимичей; (2) происхождение «от ляхов» только Радима и его рода, давших имя аборигенам Посожья) и оставляет за скобками второе (из рассказа о Пищанской битве), а между тем в нём говорится «быша же Радимичи отъ рода Ляховъ. Прешедъше ту ся вселиша». «Вселиша» явно относится ко всему «племени» радимичей и склоняет чашу весов в пользу варианта (1) – летописец, вопреки Д.С. Лихачёву, считал, что «от ляхов» происходят радимичи в целом.

Также и семантика глагола «прозвашася» в летописном повествовании трактуется Д.С. Лихачёвым односторонне. В другом месте летописного рассказа о расселении славян читаем, например: «Словени же седоша около езера Илмеря. [и] прозвашася своимъ имянемъ» (ПСРЛ. I: 6; ПСРЛ. II: 5). Здесь тоже идёт речь о происхождении и обретении имени словен как таковых.

Не касаясь вопроса о значении фразы «новгородьци от рода варяжьска» (которая сама представляет загадку с обширной и противоречивой историографией), отметим, что в летописном повествовании о расселении славян, частью которого является и рассказ о происхождении радимичей и вятичей, предлог «от» имеет именно значение происхождения: «от техъ Словенъ разидошашася по земьли и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте»; «Словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а отъ техъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове» (ПСРЛ. I: 6; ПСРЛ. II: 5).

Е.А. Шинаков предположил, что «летописная легенда подчёркивает их (радимичей – М.Ж.) ''родовое'' происхождение в этимологии названия. Возможно, летописец XII в. не совсем верно понял радимичское и вятичское родовые предания о происхождении их первопредков ''от лехов'' – западнославянских старейшин, т.е. их изначальную знатность, как их приход из Польши, ''от ляхов''» (Шинаков 2012: 49). Обосновать подобную идею едва ли возможно.

О.Н. Трубачев в статье, посвящённой вятичам (не коснувшись, к сожалению, вопроса о радимичах), поддержал гипотезу об их западнославянском происхождении, указав, что имя предка-эпонима Вятко «представляет собой уменьшительную форму от личного имени Вячеслав, праслав. **vętjeslavъ*, ср. чеш. *Václav*, то есть имени <u>исключительно западнославянского</u>» (Трубачев 2000: 6). Отмечает учёный и «ляшско-вятичские топонимические тождества, ср. *Тула – Tuł*, *Вщиж – Uściąz*, *Коломна – Коломыя*… несколько вятичско-чешских соответствий Подмосковья и Поочья. Самым же ярким и полным является ляшско-вятичское тождество *Moskiew* (в польском Мазовше) = *Москва*» (Трубачев 2000: 11).

Имя *Радим* (вероятно сокращение от *Radimirъ*/**Radiměrъ* (Фасмер 1987: 430); от глагола **raditi* – «заботиться»/«стараться» также как *Вадим* от **vaditi* – «клеветать»/«ссориться»/«доносить) тоже является западнославянским. Выше

упоминался брат святого Войтеха, гнезненский епископ Радим (Гауденций, 970 – ок. 1020), бывший незаконнорожденным сыном чешского князя Славника. По источникам известны и другие средневековые западнославянские носители этого имени (Морошкин 1867: 162). Козьма Пражский упоминает чешского военачальника Радима, погибшего в 1082 г. в битве с Австрией (Козьма Пражский 1962: 148).

Г.А. Хабургаев выдвинул гипотезу, что все восточнославянские «племенные» названия на *-ичи-* (радимичи, дреговичи, кривичи, вятичи) представляют собой изначально балтские этнонимы, оформленные славянскими суффиксами в ходе славянизации их носителей. Соответственно, по его мнению, радимичи – это изначально балты **radimis*, впоследствии перешедшие на славянский язык и ставшие *радимичами* (Хабургаев 1979: 89-93, 134-144, 197-198)[1].

Построения Г.А. Хабургаева были подвергнуты жёсткой и, на наш взгляд, совершенно справедливой критике Ф.П. Филиным: «…группа этнонимов с суффиксом *-ич-и*: *кривичи*, *дреговичи*, *радимичи*, *вятичи*. Согласно тенденциозным толкованиям [Г.А. Хабургаева], все население, носившее эти имена, было сплошь балтийским, славянизированным только в эпоху древнерусского государства. И это вопреки мнению летописца, четко определявшего указанные племена как восточнославянские, славянские по происхождению… И уже совсем фантастична праформа **radimis* (= *радимичи*), которая без всяких доказательств дважды приводится на картах № 14 (стр. 90) и № 16 (стр. 112). Желание у автора выдать восточнославянские этнонимы за балтийские очень велико, но, кроме желания, нужны еще и аргументы… Мы могли бы продолжить список явных промахов, имеющихся в анализе восточнославянских этнонимов в книге Г.А. Хабургаева, но и сказанного достаточно, чтобы показать полную несостоятельность такого анализа. Суффикс *-ич-* несомненно праславянского происхождения. Вообще нужно иметь в виду, что бессуффиксальные и производные суффиксальные этнонимы в праславянском языке сосуществовали, а не просто сменяли друг друга» (Филин 1980: 48).

Польский учёный Ф. Буяк в статье «Откуда пришли радимичи и вятичи па Русь?» попытался подкрепить «польскую» гипотезу их происхождения дополнительными материалами. По мнению исследователя, первоначальное место обитания радимичей и вятичей находилось на берегах Вислы, которые они вынуждены были покинуть под натиском врагов (германцев). Продвинувшись на восток, они перешли Днепр и осели на Соже (радимичи), либо продвинулись ещё дальше и обосновались на Оке (вятичи).

---

[1] В этой связи Г.А. Хабургаев оригинально трактует проблему интерпретации происхождения радимичей «от ляхов»: «радимичи ниоткуда не ʻʻприходилиʼʼ и были… аборигенами Посожья!.. Местное дославянское население оформилось в начале нашей эры при участии зарубинецких племён и, судя по гидронимии Посожья, могло быть носителем диалекта голядско-ятвяжского типа. Последнее обстоятельство было достаточным основанием для летописного сопоставления носителей посожских говоров с пограничным населением *Лядьской* земли, например *ятвягами*» (Хабургаев 1978: 143). Иначе как домыслами назвать данные рассуждения невозможно.

Ключевым аргументом Ф. Буяка является общность ряда названий, встречающихся как в Польше, в ареале предполагаемой им прародины двух «племён», так и на землях летописных радимичей и вятичей. Для радимичской территории такими параллельными с польскими названиями оказываются Будогощь (Bydgoszcz), Хотомиль (Chotymi), Чечерск, (Czeczersk), Чериков (Czerykow), Дроков (Drokow), Гомель (Gomii), Лучин (Luczyn), Мглин (Mglin), Пропойск (Propost), Радомль (Radyml), Речица (Rjeczyca) и т.д.

Также Ф. Буяк обратил внимание на названия, созвучные наименованию радимичей и имени их легендарного первопредка Радима, образующие компактную группу близ города Гнезно: Radzyń, Radoviska, Radomno, Radziąds, Radomki, Radomin, Radosli, Radomice, Radzymin, Radzanów, Radzimowice, Radzymin, Radzyń (Bujak 1949).

Построения Ф. Буяка были подвергнуты критике В.В. Седовым и Г.Ф. Соловьёвой (Седов 1965: 10; 1970: 141; 1982: 157; Соловьёва 1968). Так В.В. Седов отметил, что «географические названия, одинаковые с намечаемым районом Повисленья, имеются не только в областях расселения радимичей и вятичей, но и на территории северянского Подесенья и кривичского Поднепровья. Такие же названия, как Будогощ, Хотимль и др., не могут быть использованы, так как имеются во многих областях Восточной Европы (например, Будогощ Витебской губ., Будогощ Тихвинского уезда, Будогощ в Обонежской пятине)» (Седов 1965: 10); «на карту Ф. Буяка попали лишь выборочные географические названия, что и создаёт ошибочную картину» (Седов 1970: 141).

Г.Ф. Соловьёва отметила, что «распространение названий, связанных с именем Радима, в Повисленье можно связывать скорее с именем не легендарного Радима, а Радима Гауденция – архиепископа Гнезненского, брата святого Адальберта», который почитался в Гнезно, близ которого и расположены поселения, указанные Ф. Буяком (Соловьёва 1968: 353). Связь восточноевропейских топонимов с основой «рад» с Радимом или радимичами, по мнению исследовательницы, далеко не всегда может быть установлена, а там, где такая связь вероятна, они расположены преимущественно у границ радимичской земли, отражая давнюю традицию маркирования рубежей, что «не дает оснований сопоставлять все эти названия с приходом радимичей из Польши» (Соловьёва 1968: 356).

В.В. Седов в поисках прародины радимичей обратился к гидронимии и сделал важные наблюдения. Учёный обратил внимание на то, что в Восточной Европе имеются два уникальных повторяющихся гидронимических ареала: один в Верхнем Поднестровье, а второй – в земле радимичей (Седов 1965: 11; 1970: 142-143; 1982: 157). «Случайность выделения этих районов исключается в связи с обширностью картографируемой территорией, во-первых, и в связи с полным охватом материала, во-вторых. Предполагать обратное движение из Посожья в Поднестровье нельзя, так как в Поднестровье повторяемые гидронимы очень скученны, а в радимическом Посожье заметно рассеяны» (Седов 1965: 11).

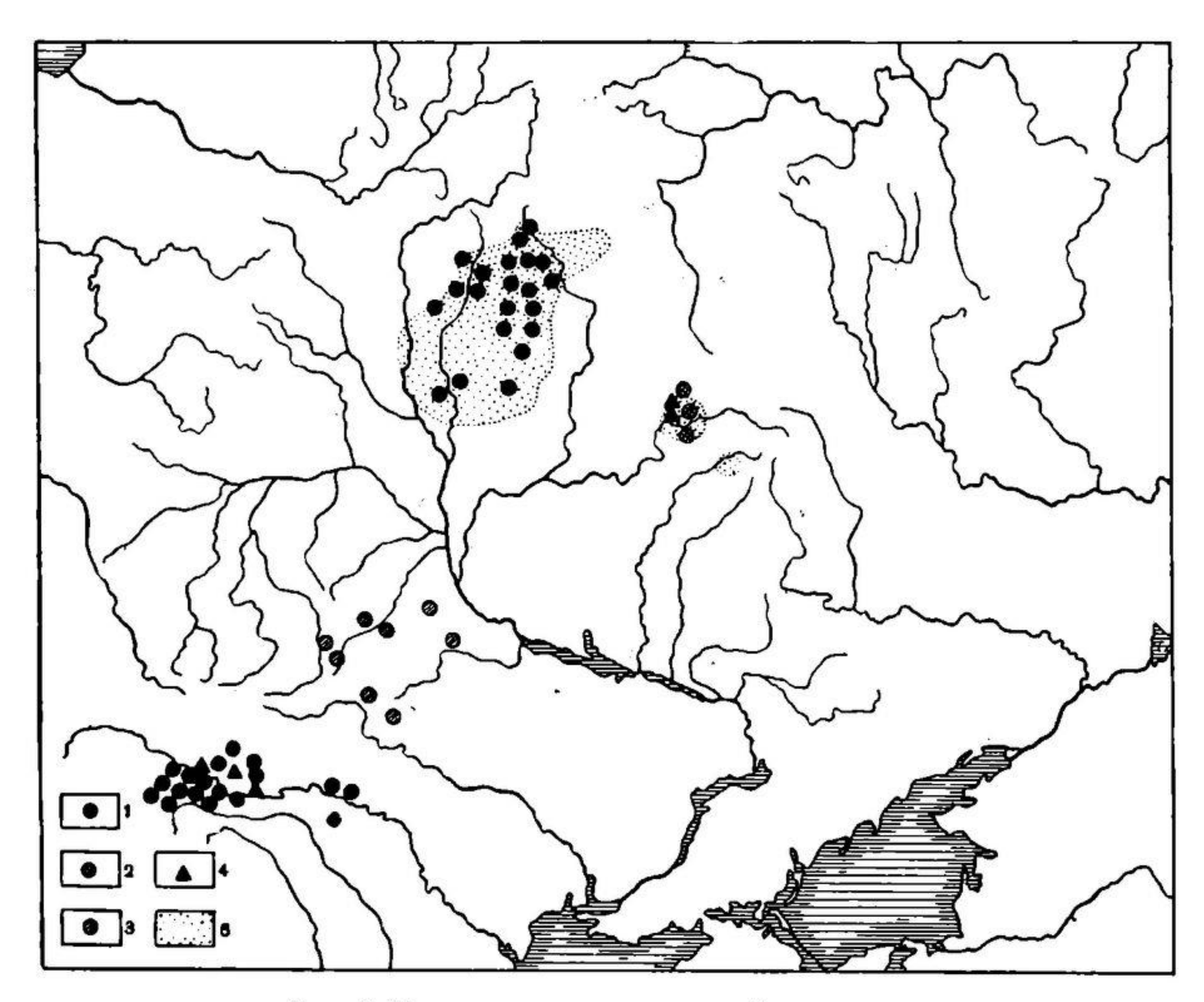
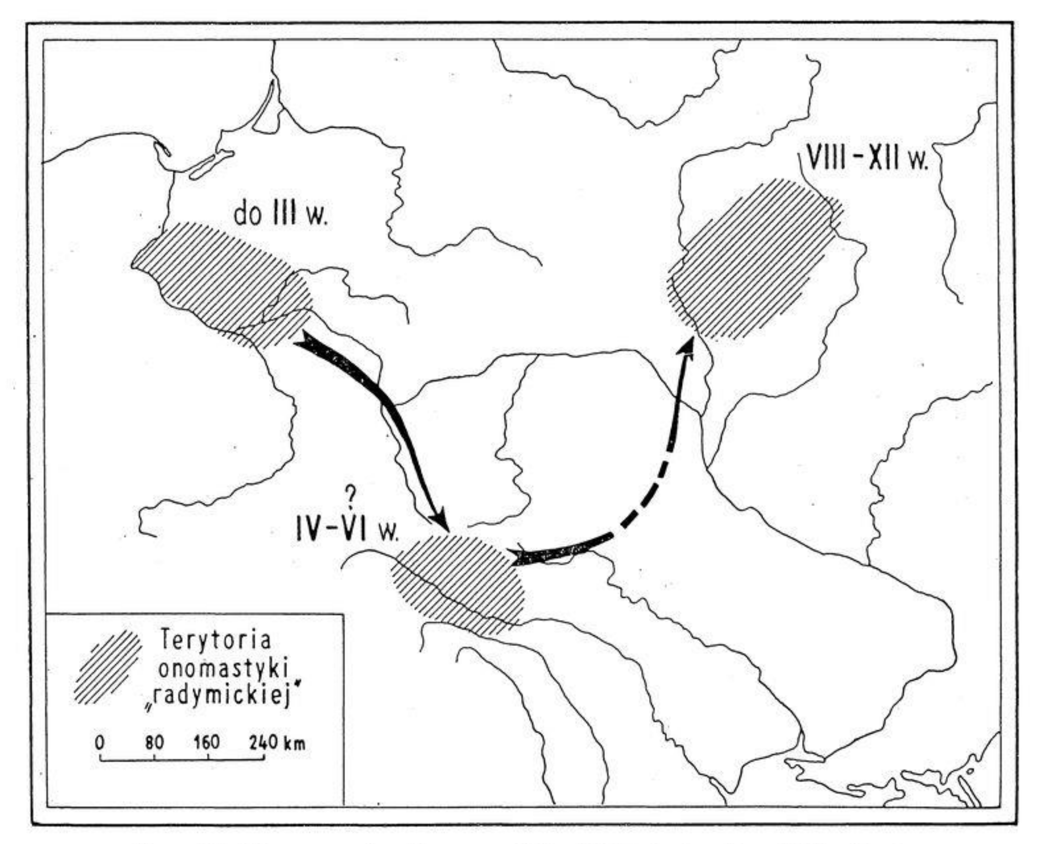

Рис. 11. Гидронимия земли радимичей, их предполагаемой прародины в Приднестровье, а также гидронимические следы маршрута их переселения в Посожье (Седов 1965: 10)

В понимании фразы о происхождении радимичей «от ляхов» В.В. Седов присоединяется к тем учёным, которые понимали её как обозначение соседства ляхов и предков радимичей (Седов 1970: 142-143). Указал он и на то, что позднейшими лингвистами установлено «что те особенности белорусского языка, в которых А.А. Шахматов и его современники видели ляшские черты, являются продуктом местного развития, независимого от истории польского языка» (Седов 1970: 142).

Верхнеднестровская гипотеза происхождения радимичей была принята и Г.Ф. Соловьёвой (Соловьёва 1968: 355).

Ryc. 244. Przypuszczalna droga przodków Radymiczów. Opr. J. Tyszkiewicz

Рис. 12. Миграция радимичей по Я. Тышкевичу (Tyszkiewicz 1970: 456)

Компромисс между польской и верхнеднестровской гипотезами происхождения радимичей предложил польский исследователь Я. Тышкевич: в первые века н.э. далёкие предки радимичей, действительно жили на территории Польши, откуда в бурную эпоху IV-VI вв. ушли на Верхний Днестр, а затем переместились в Посожье (Tyszkiewicz 1970: 456). Однако могла ли в течении почти тысячи лет сохраняться память о проживании дальних предков радимичей на территории будущей Польши? Это представляется в высшей степени сомнительным. ПВЛ не сохранила никакой памяти о событиях, предшествовавших выходу славян на Дунай в VI-VII вв. и было бы сомнительно ожидать здесь какого-то исключения для радимичей. Да и были ли в начале н.э. «ляхи»? Историческая география и диалектная конфигурация славян этого времени точно неизвестна ни современным учёным, ни древнерусским летописцам.

Подводя итоги историографического обзора, видим, что летописная сентенция о происхождении радимичей и вятичей (или одних радимичей, поскольку ряд учёных допускает, что вятичи были прибавлены к радимичам летописцем просто по аналогии) «от ляхов» остаётся загадкой, надёжное решение которой отсутствует несмотря на то, что над ним размышляли многие учёные. Одни исследователи относились к летописной легенде с доверием и выводили радимичей

с территории Польши, другие решительно отказывали ей в достоверности, третьи искали прародину радимичей не на самих польских землях, а где-то в соседстве с ними; не было единства и в том, всё ли «племя» радимичей мигрировало, или только какие-то небольшие группы, ставшие элитой в Посожье и передавшие своё имя местному населению.

Выскажем теперь собственные соображения о происхождении и прародине радимичей.

(1) К настоящему времени археологами надёжно установлено, что связанные с радимичами памятники появляются в регионе бассейна Сожа не ранее VIII-IX вв. (Седов 1982: 157) и не являются развитием предшествующих колочинских и тушемлинских древностей. Соответственно, вывод о том, что радимичи не были автохтонами Посожья выглядит бесспорным.

(2) Наблюдения В.В. Седова о двух уникальных для Восточной Европы повторяющихся гидронимических ареалах в Верхнем Поднестровье и в Посожье представляются исключительно важными и указывающими на ту территорию, которую предки радимичей занимали непосредственно перед миграцией на берега Сожа (рис. 11).

(3) Возможно ли совсем игнорировать летописную традицию и тот факт, что антропоним Радим является преимущественно западнославянским (наличие в Польше ряда названий, которые могут быть связаны с этим именем), а также топонимы, совпадающие с теми, которые имеются в радимичском ареале (даже с учётом спорных случаев)? Считаем, что этого делать всё же не стоит и с осторожностью попробуем наметить контур возможной гипотезы о перемещении предков радимичей.

(4) Сразу скажем, что невозможно датировать «польскую прародину» радимичей началом н.э. как это сделал Я. Тышкевич, так как в этом случае ко временам летописцев о ней уже не сохранилось бы никакой памяти. Если таковая существовала, то мигрировать на Верхний Днестр предки радимичей должны были не ранее VI в. (нижняя граница исторической памяти ПВЛ), а скорее, в конце VII – первой половине VIII вв., откуда примерно через несколько десятилетий двинулись на Сож.

Интересно, что в конце VI в. по историческим данным намечается отлив населения из прикарпатско-верхнеднестровского региона – миграция хорватов на Балканы (Седов 2002: 484; Майоров 2006), на опустевшие территории как раз и могли придти предки исторических радимичей.

(5) Фраза летописца «Бяста бо два брата в Лясех» указывает на то, что по его представлению радимичи и вятичи происходят именно с ляшской территории, а не из соседних с ней земель. Слова о радимичах «Прешедъше ту ся вселиша» явно указывают на расселение всего «племени», а не только князя и старейшин.

(6) Чтобы понять, как и в каких исторических условиях могла проходить миграция радимичей, надо обратиться к общеисторическому контексту эпохи. В VII-

IX вв. на дунайских и среднеевропейских славян наступали многочисленные враги: кочевники авары, болгары и венгры, а также франки. Из-за этого часть славян снимается с насиженных мест и уходит на север и на восток, происходит инфильтрация в Восточную Европу славян из Подунавья, из Моравии и Балканских земель, затронувшая значительную её часть. Мигранты подселяются к местному славянскому населению, принося свои традиции, которые нашли отражение в распространении в регионе целого ряда характерных для Дунайских земель артефактов (серьги, лунницы, височные кольца и другие украшения дунайских типов, железные ножи с рукоятками, оформленными волютообразными завершениями, определённые типы удил, нагрудные кресты с так называемым грубым изображением Христа и т.д.) (обощение соответствующих археологических материалов см.: Седов 1999: 183-204; 2002: 531-551; см. также статью А.Ю. Фомина в настоящем номере). Возможно, именно с этой инфильтрацией дунайских славян в Восточную Европу связана легенда ПВЛ о дунайской прародине славян.

Эта масштабная миграция с неизбежностью должна была затронуть и западнославянский ареал, привести в движение какие-то местные славянские группы, которые также страдали от вражеских нападений. Одной из таких групп и могли быть предки исторических радимичей.

Интересно, что радимичские семилучевые височные кольца имеют именно дунайское происхождение и соответствующие прототипы (Седов 1999: 188; 2002: 538), хотя увязывать напрямую вопрос о происхождении радимичей с вопросом о происхождении их височных колец не следует. Семилучевые височные кольца могли получить у радимичей распространение уже после их прихода на Сож.

(7) Где-то в VII-VIII вв. группа увлекаемых потоком «дунайской» миграции (или иными причинами, например, нападением врагов) славян с территории современной Польши могла переместиться на Верхний Днестр, где прожила относительно продолжительно время (от нескольких десятилетий до примерно столетия) и сформировала там определённый гидронимический ландшафт.

(8) Во второй половине – конце VIII в. предки радимичей продолжили свою миграцию и вышли на берега Сожа (при этом какая-то их часть должна была остаться в Поднестровье, чтобы сохранить там свою гидронимию), где с этого времени фиксируются их археологические памятники (обзоры археологической культуры радимичей см.: Рыбаков 1932; Соловьёва 1956: 156-160; Седов 1970: 134-143; 1982: 151-157; Богомольников 2004).

(9) Точно сказать на каком именно из перечисленных этапов возникло название «радимичи» затруднительно. Б.А. Рыбаков обратил внимание на то, что географическое распределение славянских этнонимов (исключая заимствованные) образует два ареала: внутренний, соответствующий зоне древнейшего обитания славян (этнонимы только на *-ане*, *-яне*) и внешний, соответствующий зоне славянской колонизации (этнонимы как на *-ане*, *-яне*, так и на *-ичи*, *-цы*). Все патронимические этнонимы оказываются во внешней зоне (Рыбаков 1982: 26). Соответственно, на

территориях современной Польши этноним «радимичи» едва ли мог возникнуть, ведь она является коренным славянским ареалом, территорией, на которой происходило становление славян (Седов 2002: 69-125), а с точки зрения распределения славянской этнонимии относится к внутренней зоне (Рыбаков 1982: 27. Карта).

Наиболее вероятным мы считаем возникновение этнонима «радимичи» только на этапе расселения соответствующей славянской группировки на Соже.

(10) Поиски лингвистических следов миграции радимичей едва ли имеют смысл. Современной науке слишком мало известно о диалектной конфигурации славянского мира VII-VIII вв., когда происходили перемещения радимичей, да и язык их в ходе этих перемещений должен был трансформироваться, в т.ч. и под влиянием новой обстановки и новых соседей. Прибавим сюда трансформацию радимичских диалектов в результате вхождения сначала в древнерусский, а затем в прабелорусский лингвистические ареалы. Всё это должно было стереть гипотетические древние «ляшские» черты в языке радимичей, а тем более их потомков.

(11) Перспективными представляются дальнейшие поиски следов миграции (или её отсутствия) радимичей в материалах гидронимики, археологии и антропологии, а также в исследованиях ДНК.

Тема происхождения вятичей находится за рамками настоящей работы. Вопрос о том, мигрировали их предки вместе с предками радимичей или же вятичей к радимичам искусственно прибавил летописец (Нидерле 1956: 161; Рыбаков 1932) остаётся открытым.

IV. Радимичи «от ляхов» и лендзяне Константина Багрянородного

Как бы мы ни решали вопрос о происхождении радимичей, очевидно одно: в глазах летописцев, отражавших, видимо, взгляд киевлян в целом на своих северо-восточных соседей, радимичи были теснейшим образом связаны с ляхами. О происхождении радимичей от ляхов в ПВЛ сказано дважды (о вятичах это сказано только один раз и возможно, они прибавлены к радимичам искусственно): в этногеографическом введении («Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо два брата в Лясех») и в рассказе о покорении радимичей Владимиром в 984 г. («Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ. Прешедъше ту ся вселиша»).

Такая настойчивость летописца в подчёркивании связи между ляхами и радимичами заставляет вспомнить о двух фактах. Во-первых, о том, что у этнонима *ляхи* был вариант *лендзяне*/*lędjane*, от общеславянского **lęd-* (ср: *lęda* – «необработанное поле»), лендзяне – это, следовательно, «жители необработанной (целинной) земли» (Lehr-Spławiński 1959). Во-вторых, о народе *Λενζανηνοι*/*Λενζενίνοι*, упоминаемым

Константином Багрянородным, надёжная локализация и идентификация которого в науке отсутствует[1].

Лендзяне упоминаются в «Об управлении империей» дважды.

Первый раз в главе девятой в числе тех славян, которые поставляют ладьи киевским русам: «Славяне же, их (русов – М.Ж.) пактиоты, а именно: кривитеины (кривичи – М.Ж.), лендзанины и прочие Славинии – рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову (Киев – М.Ж.). Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам» (Константин Багрянородный 1991: 44-45).

Второй раз в главе тридцать седьмой в перечне соседей печенегов как одна из подчинённых русам славиний: «Остальные же четыре рода (печенегов – М.Ж.) располагаются по сю сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям, а именно: фема Гиазихопон соседит с Булгарией, фема Нижней Гилы соседит с Туркией (Венгрией – М.Ж.), фема Харавои соседит с Росией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами (уличами – М.Ж.), дервленинами (древлянами – М.Ж.), лензанинами и прочими славянами» (Константин Багрянородный 1991: 156-157).

Константин Багрянородный чётко локализует лендзян в Восточной Европе, соответственно их отождествление с западнославянскими ляхами/лендзянами невозможно. В тоже время «племя» лендзян совершенно неведомо древнерусским источникам, которым прекрасно известны все остальные упомянутые императором рядом с ним славинии: кривичи, уличи, древляне.

Два эти обстоятельства сделали лендзян Константина Багрянородного загадкой, которая по сей день не имеет в историографии надёжного решения. Большинство исследователей, с теми или иными вариациями, пришли к выводу, что искать лендзян Константина Багрянородного следует на Волыни (обзор историографии см.: Константин Багрянородный 1991: 316-317, 390; Немецкие источники 1993: 31-34). Г. Ловмянский и Т. Василевский полагали, что Константин Багрянородный называет лендзянами всё население Волынской земли в целом (Łowmiański 1953; Wasilewski 1967).

Подобное направление поисков одно время казалось убедительным и нам, но поскольку Волынская земля, как и лежавшая к югу от неё Хорватия, были покорены Киевом лишь в конце X в. (ПСРЛ. I: 81, 122; ПСРЛ. II: 69, 106) и у нас нет данных о более раннем их подчинении днепровской столице, мы полагали, что Константин

---

[1] С лендзянами Константина Багрянородного в историографии часто сближаются упоминаемые в Баварском Географе *lendizi*/*лендицы*/*лендичи* (Немецкие источники 1993: 13-14), хотя вопрос о том, идёт ли в этих двух источниках речь об одном «племени» или о разных открыт. Повторяемость этнонимов в разных концах славянщины – характерная черта славянской этнонимии. Лендицы «Баварского географа» – это, скорее, не восточнославянские лендзяне Константина Багрянородного, а западнославянские ляхи/лендзяне. Обращает на себя внимание и другое суффиксальное оформление этнонима в «Баварском географе».

Багрянородный называет *лендзянами* не весь этнополитический союз волынян, а небольшое восточнославянское «малое племя», проживавшее на востоке Волынской земли, на пограничье подчинённых Киеву земель, и подвластное Руси уже в середине X в. (Жих 2016: 78).

Сейчас, однако, мы не считаем такой взгляд убедительным и отказываемся от него, поскольку маловероятно, чтобы «малое племя» попало в один смысловой ряд с большими восточнославянскими этнополитическими союзами (кривичами, древлянами, уличами).

В целом, волынская локализация *лендзян* не является, на наш взгляд, убедительной:

1) В распоряжении науки нет никаких данных, свидетельствующих о том, что Волынь подчинялась киевским князьям до походов Владимира против хорватов и на Червенские грады. Видимо, только в ходе западных экспедиций Владимира она втягивается в орбиту киевской власти;

2) Нет никаких данных, свидетельствующих о проживании на Волыни *ляхов/лендзян*, их помещение в данный регион является умозрительным;

3) Константин Багрянородный говорит о проживании *лендзян* на «водоёмах» днепровского бассейна, по которым они сплавляют в Днепр заготовленные для продажи русам ладьи, что очень слабо подходит для Волыни.

Атрибуцию *лендзян* надо, на наш взгляд, искать в другом направлении, которое наметили Г.А. Ильинский (Ильинский 1925-1926) и В.Д. Королюк (Королюк 1964: 98-99), предположившие, что *лендзянами* Константин Багрянородный именует летописных радимичей.

Аргументируем данную позицию.

Лендзяне согласно приведённому выше сообщению девятой главы «Об управлении империей» проживали где-то в бассейне Днепра. В другом месте той же девятой главы Константин Багрянородный перечисляет все славинии днепровского бассейна: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава (Киева – *М.Ж.*) и отправляются в полюдия, что именуется ''кружением'', а именно – в Славинии вервианов (древлян – *М.Ж.*), другувитов (дреговичей – *М.Ж.*), кривичей, севериев (северян – *М.Ж.*) и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками – М.Ж.) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лёд на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксилы (купленные у *лендзян* и других славян – *М.Ж.*), они оснащают [их] и отправляются в Романию (Византию – *М.Ж.*)» (Константин Багрягородный 1991: 50-51, о древнерусском полюдье см.: Рыбаков 1982: 316-329).

В этом пассаже перечислены по именам все известные нам славинии днепровского бассейна кроме радимичей и полян. Его сопоставление с фрагментом о *лендзянах*, живущих на берегах впадающих в Днепр «водоёмов» неминуемо

приводит нас к тому, что именем *лендзяне* у Константина Багрянородного обозначено одно из этих двух «племён».

Вариант с полянами[1] сразу можно отвергнуть по следующим причинам:

(1) Не вдаваясь ни в какие дискуссии о происхождении руси, совершенно очевидно, что «росы» Константина Багрянородного – это киевская община как таковая, выступающая коллективным экзоэксплуататором покорённых восточно-европейских славиний, объединившая как пришедших с севера варягов, так и полян («Поляне яже ныне зовомая русь» – констатирует летописец: ПСРЛ. I: 25-26; ПСРЛ. II: 18), поставлявших киевским князьям основной воинский контингент.

И.Я. Фроянов справедливо констатировал: «В своей политике подчинения восточнославянских племён Рюриковичи опирались в первую очередь на воев… Для покорения и обложения данью древлян, северян, радимичей и прочих князья нуждались в более мощных военных соединениях, нежели дружина» (Фроянов 1980: 190).

Никакая княжеская дружина не смогла бы завоевать и держать в подчинении славинии. Только массовое народное войско Киевщины было способно решить задачу покорения Восточной Европы. Завоевания киевских князей – это результат действий не только князей и их дружин, а и рядовых полян, объединённых в ополчение. Соответственно, и дани с покорённых славиний шли не только князю и его дружине, но всей киевской полянской общине (ср. сообщения летописей о дани, выплачиваемой Византией не только князю с дружинниками, но и целым русским городам (ПСРЛ. I: 31, 49; ПСРЛ. II: 22, 37); о распределении древлянской дани между Киевом и Вышгородом (ПСРЛ. I: 60; ПСРЛ. II: 48) и т.д.).

(2) Радимичи в летописях дважды прямо связываются с ляхами, в то время как *днепровские поляне в летописях с ляхами не сближаются ни разу*. Наличие «племени» полян также и в Польше само по себе мало о чём говорит, поскольку повторяемость названий – характерная черта славянской этнонимии.

---

[1] Недавно его попытался обосновать А.С. Щавелев (Щавелев 2014). Автор сам понимает, что «идентификация Λενζανηνοι/Λενζενίνοι с днепровскими полянами как будто не оставляет в таком случае места в Поднепровье для самой ''Росии''», но пытается отвести возникающие затруднения ссылкой на работу А.В. Назаренко, который предположил, что «только сам Киев и, возможно, его ближайшие окрестности составляли ''внутреннюю Русь'', где ''находилась резиденция архонтов Руси in corpore''» (Щавелев 2014: 426). Но ведь именно Киев и его окрестности – это и есть ареал полян. Летописи чётко указывают, что Киев – город полян, а править Киевом равнозначно править полянами (ПСРЛ. I: 9, 20-21; ПСРЛ. II: 7, 15; ПСРЛ. III: 105, 106). Соответственно, территорриальное разграничение летописных полян с одной стороны и «росов» Константина Багрянородного с другой невозможно. Они находятся на одной и той же территории. А.С. Щавелев обращает внимание на то, что «Славяне сплавляют моноксилы в Днепр… не по рекам (ό ποταμός), а по каким-то ''водоёмам'': в тексте использовано греческое слово ή λίμνη, которое обозначает ''стоячую воду'', ''озеро'', ''болото'', иногда ''искусственное озеро'', ''канал'', ''бухту''. Получается, что моноксилы переправляются в Днепр не по относительно большим рекам-притокам, а по самым мелким протокам его гидрографической сети, по-видимому, старицам, рукавам, затопленным оврагам и др., которые как раз становятся судоходны в половодье. Это приводит нас к мысли, что и кривичи (это достоверно известно), и лендзяне живут непосредственно на Днепре». Данное наблюдение никак не противоречит отождествлению лендзян с радимичами, поскольку радимичские земли широкой полосой выходили к Днепру (см. карту В.В. Богомольникова на рис. 5).

(3) Имя *ляхи/лендзяне*, вероятно, несёт в себе некоторый негативный оттенок, напоминая тем, кого так называют, что они новосёлы на своей земле, поэтому выступает оно преимущественно в качестве экзоэтнонима (Трубачев 2002: 234, 286).

Источник информации Константина Багрянородного явно киевский, а с чего бы киевлянам (пусть даже и варягам) называть других киевлян (своих ближайших союзников) термином, несущим в себе негативные коннотации? Гораздо логичнее полагать, что так они называли другое славянское этнополитическое объединение, враждебное Киеву и происходившее, согласно киевской традиции «от ляхов», т.е. радимичей[1].

(4) Значение этнонима ляхи/лендзяне («новосёлы») хорошо коррелирует с указанием ПВЛ на недавний приход радимичей в места своего обитания, память о котором ещё была жива.

Таким образом, сопоставление фактов (перечисление Константином Багрянородным по именам всех славянских «племён» днепровского бассейна и отсутствие среди них радимичей, при упоминании живущих на берегах впадающих в Днепр «водоёмов» лендзян; существование в Киеве прочной традиции, связывающей радимичей с ляхами, при которой в обиходной речи киевлян они вполне могли называться с оттенком пренебрежения просто ляхами – «новосёлами») убеждает нас в том, что под лендзянами (Λενζανηνοι/Λενζενίνοι) Константина Багрянородного можно понимать только летописных радимичей.

Степень зависимости лендзян-радимичей от Киева во времена Игоря (автор «Об управлении империей» ещё не знает о его гибели), очевидно, не слишком высока. Они поставляют русам ладьи, причём делают это за плату. Вероятно, выплачивают какую-то дань (возможно именно они скрываются под «прочими славянами» в рассказе о полюдье), но сохраняют, как и прочие славинии свою автономию и собственную социально-политическую структуру. Перелом во взаимоотношениях Киева и Радимичей произойдёт лишь в конце X – начале XI вв., во времена Владимира и Ярослава Мудрого. Именно тогда социально-политические структуры радимичского этнополитического союза будут ликвидированы, и радимичи окажутся в прямом подчинении киевских, а затем и черниговских князей.

* * *

Подведём некоторые итоги сказанного в статье.

(1) Историографические стереотипы о радимичах как о «слабом» или «отсталом» «племени» не имеют под собой каких-либо серьёзных оснований. Радимичи были одним из тех восточнославянских этнополитических союзов,

---

[1] Возможно, киевские летописцы, настойчиво подчёркивая происхождение радимичей «от ляхов», противопоставляли тем самым их как «новосёлов» киевским полянам как жителям поля, освоенной, окультуренной земли, старожилам, подчёркивая тем самым приоритет полян над их северо-восточными соседями. Вспомним уничижительные характеристики, которые они давали древлянам.

которые дольше всего сопротивлялись экспансии Киева и были окончательно покорены только Владимиром, но даже после этого внутренняя автономия и социально-политическая структура радимичского общества ещё какое-то время сохранялись, а отношения с Киевом ограничивались выплатой дани. Данные факты говорят о том, что радимичи обладали и значительной военной силой, и развитой по меркам Восточной Европы IX-XI вв. политической организацией, и самосознанием. Последнее фиксируется и по некоторым археологическим признакам (специфические височные кольца, особенности погребального обряда и т.д.), которые выделяют землю радимичей.

(2) Радимичи представляли собой этнополитический союз, состоявший из ряда «малых племён», фиксируемых археологически. Социально-политическая организация радимичей едва ли имела какие-то отличия от соседних вятичей и древлян, представляя собой тернарную структуру из князей (ср. радимичскую легенду о первопредке, фактически – первом князе), знати и народного собрания, которое в случае войны превращалось в народное ополчение. Существовало у радимичей и языческое жречество, а также святилища. В земле радимичей начался процесс урбанизации и роста «племенных» градов. Один из них, Гомель, к настоящему времени уже неплохо изучен.

(3) Константин Багрянородный именует радимичей, происходивших по ПВЛ, «от ляхов» вариантом данного этнонима – «лендзянами», что, скорее всего, отражает киевский взгляд на них. Взгляд этот был враждебным, отсюда и насмешливый тон в пассаже о поражении радимичей в Пищанской битве, и наименование радимичей киевскими информаторами Константина лендзянами-«новосёлами».

(4) Верифицировать сведения ПВЛ о том, что радимичи платили дань Хазарскому каганату, а потом были обложены ею Олегом Вещим невозможно. Можно говорить лишь о том, что к середине X в. радимичи находились в «лёгкой» зависимости от Киева, ограниченной выплатой дани и поставкой (за деньги) ладей киевским русам, сохраняя при этом автономию и собственную социально-политическую и административную структуру.

(5) Происхождение радимичей остаётся вопросом. Надёжно можно говорить о проживании их предков накануне прихода на Сож в конце VIII в. в Верхнем Поднестровье, где выявлен уникальный гидронимический ландшафт, совпадающий с посожским. Осторожно можно предположить, что в VII в. радимичи переместились на верхний Днестр с территории современной Польши в рамках общего движения славян из Подунавья и Средней Европы на север и северо-восток.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1978 - *Алексеев Л.В.* Некоторые вопросы заселенности и развитие Западнорусских земель в IX-XIII вв. // Древняя Русь и славяне. Сборник к 70-летию академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1977. С. 23-30.

Барсов 1873 - *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава, 1873. 272 с.

Богомольников 2004 - *Богомольников В.В.* Радимичи (по материалам курганов X-XII вв.). Гомель, 2004. 226 с.

Горский 2011 - *Горский А.А.* Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. С. 129-180.

Гурьянов, Шинаков 2006 - *Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А.* Ещё раз о радимичах на Десне // Rossica antiqua. Исследования и материалы. 2006. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 74-82.

Жих 2012 - *Жих М.И.* Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века) // Вопросы национализма. 2012. № 10. С. 151-169.

Жих 2013 - *Жих М.И.* «Реформа» княгини Ольги как попытка централизации Руси // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 17-18 ноября 2011 г. / Сост. В.Ф. Андреев. Великий Новгород, 2013. С. 33-50.

Жих 2015 - *Жих М.И.* Славянская знать догосударственной эпохи по данным начального летописания // Исторический формат. 2015. № 2. С. 7-28.

Жих 2015а - *Жих М.И.* О соотношении летописных «кривичей» и «полочан» // Исторический формат. 2015. № 1. С. 31-52.

Жих 2016 - *Жих М.И.* Древние славяне на Волыни (I тыс. н.э.). Часть вторая // Исторический формат. 2016. № 2. С. 59-91.

Зайцева, Сарачева 2011 - *Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI-XIII веков. М.: Индрик, 2011. 404 с.

Звіздецкий 2008 - *Звіздецкий Б.А.* Городища IX-XIII вв. на території літописних древлян. Київ, 2008. 176 с.

Ильинский 1925-1926 - *Ильинский Г.А.* Кто были λενξανίνοι Константина Багрянородного? // Slavia. 1925-1926. Т. IV. С. 314-319.

Карамзин 1989 - *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I. М.: Наука, 1989. 640 с.

Карский 1903 - *Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. I. Введение к изучению языка и народной словесности. Варшава, 1903. 477 с.

Козьма Пражский 1962 - Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступительная статья, перевод и комментарии Г.Э. Санчука. М.: Издательство АН СССР, 1962. 296 с.

Константин Багрянородный 1991 - *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Тексты, перевод, комментарий; под редакцией Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.

Королюк 1964 - *Королюк В.Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X-XI вв. М.: Наука, 1964. 384 с.

Куза, Соловьева 1972 - *Куза А.В., Соловьева Г.Ф.* Языческое святилище в земле радимичей // Советская археология. 1972. № 1. С. 146-154.

Литаврин 2001 - *Литаврин Г.Г.* Славинии VII-IX вв. – социально-политические организации славян // Литаврин Г.Г. Византия и славяне (сборник статей). СПб.: Алетейя, 2001. С. 568-578.

Лихачёв 2007 - *Лихачёв Д.С.* Комментарии // Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва; Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. Третье издание (подготовил М.Б. Свердлов). СПБ.: Наука, 2007. 670 с.

Мавродин 1945 - *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л.: Издательство ЛГУ, 1945. 428 с.

Майоров 2006 - *Майоров А.В.* Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. 209 с.

Макушников 1990 - *Макушников О.А.* Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) // Проблемы археологии Южной Руси / Ответственный редактор П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1990. С. 56-62.

Макушников 2002 - *Макушников О.А.* Гомель с древнейших времён до конца XVIII века. Историко-краеведческий очерк. Гомель: Центр научно-технической и деловой информации, 2002. 244 с.

Макушников 2009 - *Макушников О.А.* Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. 218 с.

Мачинский 2009 - *Мачинский Д.А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство государственного Эрмитажа, 2009. С. 460-538.

Морошкин 1867 - *Морошкин М.* Славянский именослов или собрание славянских личных имён в алфавитном порядке. СПб., 1867. 213 с.

Назаренко 2001 - *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

Насонов 1951 - *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Издательство АН СССР, 1951. 264 с.

Немецкие источники 1993 - Немецкие латиноязычные источники IX-XI вв. / Переводы и комментарии А.В. Назаренко. М.: Наука, 1993. 240 с.

Нидерле 1956 - *Нидерле Л.* Славянские древности / Перевод с чешского Т. Ковалевой и М. Хазанова, предисловие проф. П.Н. Третьякова, ред. А.Л. Монгайт. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 452 с.

Никольская 1981 - *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.: Наука, 1981. 302 с.

Никольская 1987 - *Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII-XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М.: Наука, 1987. 184 с.

Память 2004 - Память и похвала князю русскому Владимиру / Подготовка текста, перевод и комментарии Н.И. Милютенко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI-XII вв. СПб.: Наука, 2004. С. 316-327.

Патерик 2004 - Киево-Печерський Патерик (Подготовка текста Л.А. Ольшевской, перевод Л.А. Дмитриева, комментарии Л.А. Дмитриева и Л.А. Ольшевской) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб.: Наука, 2004. С. 296-489.

Пресняков 1993 - *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

ПСРЛ. III - Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (репринт издания 1950 г., подготовленного А.Н. Насоновым). М.: Языки славянской культуры, 2000. 720 с.

ПСРЛ. IV. Ч. 1 - Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. Новгородская IV летопись. М.: Языки славянской культуры, 2000. 690 с.

ПСРЛ. IV. Ч. 2 - Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 2. Новгородская V летопись. Петроград, 1917. 264 с.

ПСРЛ. VI. Вып. 1 - Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки славянской культуры, 2000. 312 с.

ПСРЛ. VII - Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 360 с.

ПСРЛ. IX - Полное собрание русских летописей. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1862. 278 с.

ПСРЛ. XV - Полное собрание русских летописей. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863. 261 с.

ПСРЛ. XVIII - Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913. 320 с.

ПСРЛ. XX - Полное собрание русских летописей. Т. XX. Львовская летопись. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.

ПСРЛ. XXIV - Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Типографская летопись. Петроград, 1921. 274 с.

ПСРЛ. XXV - Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.

ПСРЛ. XXVI - Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1959. 415 с.

ПСРЛ. XXVIII - Полное собрание русских летописей. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 года. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1963. 420 с.

ПСРЛ. XXX - Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 248 с.

ПСРЛ. XXXIII - Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Холмогоровская летопись. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. 254 с.

ПСРЛ. XXXVIII - Полное собрание русских летописей. Т. XXXVIII. Радзивиловская летопись. Л.: Наука, 1989. 181 с.

ПСРЛ. XXXIX - Полное собрание русских летописей. Т. XXXIX. Софийская Первая летопись по списку И.Н. Царского. М.: Наука, 1994. 208 с.

ПСРЛ. XLI - Полное собрание русских летописей. Т. XLI. Летописец Переяславля-Суздальского (Летописец русских царей). М.: Археографический центр, 1995. 178 с.

ПСРЛ. XLII - Полное собрание русских летописей. Т. XLII. Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 224 с.

ПСРЛ. XLIII - Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Рапов 1998 - *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие Христианства. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: Русская панорама, 1998. 416 с.

Рыбаков 1932 - *Рыбаков Б.А.* Радзімічы // Працы сэкцыі археолёгіі Беларускай АН. Т. 3. Мінск, 1932. С. 81-151.

Рыбаков 1982 - *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 598 с.

Рыбаков 1987 - *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 788 с.

Сабурова 1975 - *Сабурова М.А.* О женских головных уборах с жёсткой основой в памятниках домонгольской Руси // Краткие сообщения института археологии. Вып. 144. 1975. С. 18-22.

Свердлов 2003 - *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.

Седов 1961 - *Седов В.В.* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // Советская археология. 1961. № 2. С. 103-121.

Седов 1965 - *Седов В.В.* Из истории восточнославянского расселения // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 104. 1965. С. 3-11.

Седов 1970 - *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970. 199 с.

Седов 1982 - *Седов В.В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.

Седов 1999 - *Седов В.В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Седов 2002 - *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Середонин 1916 - *Середонин С.М.* Историческая география. Петроград, 1916. 245 с.

Соловьев 1896 - *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга первая. Тома I-V. Второе издание. СПб., 1896. 1726 с.

Соловьёва 1956 - *Соловьёва Г.Ф.* Славянские союзы племён по археологическим материалам VIII-XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. Вып. XXV. 1956. С. 138-170.

Соловьёва 1968 - *Соловьёва Г.Ф.* К вопросу о приходе радимичей на Русь // Славяне и Русь. Сборник к 60-летию академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1968. С. 352-356.

Соловьёва 1978 - *Соловьёва Г.Ф.* Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне. Сборник к 70-летию академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1978. С. 171-178.

Спицын 1899 - *Спицын А.А.* Расселение древнерусских племён по археологическим данным // Журнал министерства народного просвещения. 1899. VIII. С. 301-340.

Татищев 1962 - *Татищев В.Н.* История Российская в семи томах. Т. I. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1962. 500 с.

Третьяков 1953 - *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М.: Издательство АН СССР, 1953. 312 с.

Трубачев 2000 - *Трубачев О.Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 4-27.

Трубачев 2002 - *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Издание второе, дополненное. М.: Наука, 2002. 489 с.

Фасмер 1987 - *Фасмер М.Р.* Этимологический словарь русского языка. В четырёх томах / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Т. III. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Фетисов, Щавелев 2012 - *Фетисов А.А., Щавелев А.С.* Русь и радимичи: история взаимоотношений в X-XI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. № 5 (13). С. 122-129.

Филин 1980 - *Филин Ф.П.* О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 36-50.

Фроянов 1980 - *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Издательство ЛГУ, 1980. 256 с.

Фроянов 2003 - *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси. Ижевск: Удмуртский университет, 2003. 276 с.

Хабургаев 1979 - *Хабургаев Г.А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М.: Издательство МГУ, 1979. 232 с.

Шафарик 1847 - *Шафарик П.И.* Славянские древности. Т. II. Кн. 1 / Перевод О.М. Бодянского. М., 1847. 454 с.

Шахматов 1919 - *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919. 65 с.

Шинаков 1980 - *Шинаков Е.А.* Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // Советская археология. 1980. № 3. С. 110-127.

Шинаков 2012 - *Шинаков Е.А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 34-93.

Шинаков 2016 - *Шинаков Е.А.* Что есть «славянское племя»? Ответы на вопросы редакции журнала «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 1 (19). С. 17-31.

Щавелев 2014 - *Щавелев А.С.* Ещё раз об идентификации и локализации славянского «племени» Λενζανῆνοι/Λενζενίνοι/lędjane // Вспомогательные и специальные науки истории в XX –

начале XXI вв.: Призвание, творчество, общественное служение историка. Материалы XXVI Международной научной конференции. М., 2014. С. 424-427.

Щавелев 2016 - *Щавелев А.С.* Еще раз о радимичах и пищанцах: анализ письменных текстов и интерпретация археологических данных // Русский сборник. Вып. 8. Т. 2. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 190-195.

Щавелева 2004 - *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I-VI): Тексты, перевод, комментарий. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 495 с.

Янин 2009 - *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 416 с.

Bujak 1949 - *Bujak F.* Skąd przyszli Radymięze i Wjatycze na Rus? // Swiatowit. T. XX. Warszawa, 1949. P. 59-110.

Lehr-Spławiński 1959 - *Lehr-Spławiński T.* Lędzice – Lędzanie – Lachowie // Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicate. Poznań, 1959.

Łowmiański 1953 - *Łowmiański H.* Lędzanie // Slavia Antiqua. T. 4. Poznań, 1953.

Tyszkiewicz 1970 - *Tyszkiewicz J.* Radymicze // Słownik starożytności słowiańskich. T. 4. P-R. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. P. 455-457.

Wasilewski 1967 - *Wasilewski T.* Dulebowie-Ledzianie-Chorwaci. Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisła w X wieku // Przeglad Historyczny. R. 67. № 2. Warszawa, 1967. S. 181-194.

REFERENCES

Alekseev 1978 - *Alekseev L.V.* Nekotorye voprosy zaselennosti i razvitie Zapadnorusskih zemel' v IX-XIII vv. [Some questions of population and development of Zapadnorussky lands in the 9-13th centuries], in: Drevnjaja Rus' i slavjane. Sbornik k 70-letiju akademika B.A. Rybakova [Ancient Russia and Slavs. The collection to the seventieth anniversary of the academician B.A. Rybakov], Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 23-30 [in Russian].

Barsov 1873 - *Barsov N.P.* Ocherki russkoj istoricheskoj geografii. Geografija nachal'noj letopisi [Sketches of the Russian historical geography. Geography of the Primary Chronicle], Warsaw, 1873, 272 p. [in Russian].

Bogomol'nikov 2004 - Bogomol'nikov V.V. Radimichi (po materialam kurganov X-XII vv.) [Radimichs (on materials of barrows of the 10-12th centuries)], Gomel, 2004, 226 p. [in Russian].

Bujak 1949 - *Bujak F.* Skąd przyszli Radymięze i Wjatycze na Rus? [From where Radimichs and Vyatichi came to Russia?], in: Swiatowit, XX, Warsaw, 1949, pp. 59-110 [in Polish].

Fasmer 1987 - *Fasmer M.R.* Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. V chetyrjoh tomah / Perevod s nemeckogo i dopolnenija O.N. Trubacheva. T. III [Etymological dictionary of Russian. In four volumes / The translation from German and addition from O.N. Trubachev. Volume III], Moscow: Progress Publ., 1987, 832 p. [in Russian].

Fetisov, Shhavelev 2012 - *Fetisov A.A., Shhavelev A.S.* Rus' i radimichi: istorija vzaimootnoshenij v X-XI vv. [Russia and Radimichs: history of relationship in the 10-11th centuries], in: Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija» [Online scientific and educational magazine «Istoriya»], 2012, № 5 (13), pp. 122-129 [in Russian].

Filin 1980 - *Filin F.P.* O proishozhdenii praslavjanskogo jazyka i vostochnoslavjanskih jazykov [About an origin of praslavyansky language and East Slavic languages], in: Voprosy jazykoznanija [Linguistics questions], 1980, № 4, pp. 36-50 [in Russian].

Frojanov 1980 - *Frojanov I.Ja.* Kievskaja Rus'. Ocherki social'no-politicheskoj istorii [Kievan Rus'. Sketches of socio-political history], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1980, 256 p. [in Russian].

Frojanov 2003 - *Frojanov I.Ja.* Nachalo hristianstva na Rusi [The beginning of Christianity in Russia], Izhevsk, Udmurtskij universitet Publ., 2003, 276 p. [in Russian].

Gorskij 2011 - *Gorskij A.A.* Slavjanskoe rasselenie i jevoljucija obshhestvennogo stroja slavjan [Slavic resettlement and evolution of a social order of Slavs], in: Budanova V.P., Gorskij A.A., Ermolova I.E. Velikoe pereselenie narodov: Jetnopoliticheskie i social'nye aspekty [Great resettlement of the people: Ethnopolitical and social aspects], St. Petersburg, Aletejja Publ., 2011, pp. 129-180 [in Russian].

Gur'janov, Shinakov 2006 - *Gur'janov V.N., Shinakov E.A.* Eshhjo raz o radimichah na Desne [Once again about Radimichs on Desna], in: Rossica antiqua. Issledovanija i materialy [Rossica antiqua. Researches and materials], 2006, St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2006, pp. 74-82 [in Russian].

Haburgaev 1979 - *Haburgaev G.A.* Jetnonimija «Povesti vremennyh let» v svjazi s zadachami rekonstrukcii vostochnoslavjanskogo glottogeneza [Etnonimiya of «Primary Chronicle» in connection with problems of reconstruction of an East Slavic glottogenez], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1979, 232 p. [in Russian].

Il'inskij 1925-1926 - *Il'inskij G.A.* Kto byli λενξανίνοι Konstantina Bagrjanorodnogo? [Who were λενξανίνοι Constantine Porphyrogennetos?], in: Slavia. 1925-1926. T. IV [Slavia. 1925-1926. Volume IV], pp. 314-319 [in Russian].

Janin 2009 - *Janin V.L.* Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoj Rusi i ocherki istorii denezhnoj sistemy srednevekovogo Novgoroda [Monetary and weight systems of domongolsky Russia and sketches of history of monetary system of medieval Novgorod], Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2009, 416 p. [in Russian].

Karamzin 1989 - *Karamzin N.M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo. T. I [History of the state Russian. Volume I], Moscow, Nauka Publ., 1989, 640 p. [in Russian].

Karskij 1903 - *Karskij E.F.* Belorusy. T. I. Vvedenie k izucheniju jazyka i narodnoj slovesnosti [Belarusians. Volume I], Warsaw, 1903, 477 p. [in Russian].

Konstantin Bagrjanorodnyj 1991 - *Konstantin Bagrjanorodnyj.* Ob upravlenii imperiej / Teksty, perevod, kommentarij; pod redakciej G.G. Litavrina i A.P. Novosel'ceva [De Administrando Imperio / Texts, translation, comment; Editor-in-chief G.G. Litavrin and A.P. Novoseltsev], Moscow, Nauka Publ., 1991, 496 p. [in Russian].

Koroljuk 1964 - *Koroljuk V.D.* Zapadnye slavjane i Kievskaja Rus' v X-XI vv. [The western Slavs and Kievan Rus' in the 10-11th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1964, 384 p. [in Russian].

Koz'ma Prazhskij 1962 - *Koz'ma Prazhskij.* Cheshskaja hronika / Vstupitel'naja stat'ja, perevod i kommentarii G.Je. Sanchuka [Czech chronicle / Introductory article, translation and comments of G.E. Sanchuk], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962, 296 p. [in Russian].

Kuza, Solov'eva 1972 - *Kuza A.V., Solov'eva G.F.* Jazycheskoe svjatilishhe v zemle radimichej [Pagan sanctuary in the earth Radimichs], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1972, № 1, pp. 146-154 [in Russian].

Lehr-Spławiński 1959 - *Lehr-Spławiński T.* Lędzice – Lędzanie – Lachowie [Lendizi – Lendians – Poles], in: Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicate [The collection to seventieth anniversary of Kazimir Tymenitsky], Poznań, 1959 [in Polish].

Lihachjov 2007 - *Lihachjov D.S.* Kommentarii [Comments], in: Povest' vremennyh let / Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihachjova; Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc. Tret'e izdanie (podgotovil M.B. Sverdlov) [Primary Chronicle / Preparation of the text, translation, articles and comments of D.S. Likhachyov; Editor-in-chief V.P. Adrianova-Peretts. The third edition (prepared of M.B. Sverdlov)], St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 670 p. [in Russian].

Litavrin 2001 - *Litavrin G.G.* Slavinii VII-IX vv. – social'no-politicheskie organizacii slavjan [Slaviniya the 7-9th centuries – the socio-political organizations of Slavs], in: *Litavrin G.G.* Vizantija i slavjane (sbornik statej) [Byzantium and Slavs (collection of articles)], St. Petersburg, Aletejja Publ., 2001, pp. 568-578 [in Russian].

Łowmiański 1953 - *Łowmiański H.* Lędzanie [Lendians], in: Slavia Antiqua, Volume 4, Poznań, 1953 [in Polish].

Machinskij 2009 - *Machinskij D.A.* Nekotorye predposylki, dvizhushhie sily i istoricheskij kontekst slozhenija russkogo gosudarstva v seredine VIII – seredine XI v. [Some prerequisites, driving forces and

historical context of addition of the Russian state in the middle of VIII – the middle of the 11th century], in: Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. T. 49 [Works of the State Hermitage. Volume 49], St. Petersburg, Izdatel'stvo gosudarstvennogo Jermitazha Publ., 2009, pp. 460-538 [in Russian].

Majorov 2006 - *Majorov A.V.* Velikaja Horvatija: Jetnogenez i rannjaja istorija slavjan Prikarpatskogo regiona [Great Croatia: Ethnogenesis and early history of Slavs of the Carpathian region], St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2006, 209 p. [in Russian].

Makushnikov 1990 - *Makushnikov O.A.* Osnovnye jetapy razvitija letopisnogo Gomija (do serediny XIII v.) [The main stages of development of annalistic Gomel (to the middle of the 13th century)], in: Problemy arheologii Juzhnoj Rusi / Otvetstvennyj redaktor P.P. Tolochko [Problems of archeology of the Southern Russia / Editor-in-chief P.P. Tolochko], Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, pp. 56-62 [in Russian].

Makushnikov 2002 - *Makushnikov O.A.* Gomel' s drevnejshih vremjon do konca XVIII veka. Istoriko-kraevedcheskij ocherk [Gomel since the most ancient times until the end of the 18th century. Local history sketch], Gomel, Centr nauchno-tehnicheskoj i delovoj informacii Publ., 2002, 244 p. [in Russian].

Makushnikov 2009 - *Makushnikov O.A.* Gomel'skoe Podneprov'e v V – seredine XIII vv.: Social'no-jekonomicheskoe i jetnokul'turnoe razvitie [The Gomel Dnieper Bank in V – the middle of the 13th centuries: Social and economic and ethnocultural development], Gomel, GGU im. F. Skoriny Publ., 2009, 218 p. [in Russian].

Mavrodin 1945 - *Mavrodin V.V.* Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1945, 428 p. [in Russian].

Moroshkin 1867 - *Moroshkin M.* Slavjanskij imenoslov ili sobranie slavjanskih lichnyh imjon v alfavitnom porjadke [Meeting of Slavic personal names in alphabetical order], St. Petersburg, 1867, 213 p. [in Russian].

Nasonov 1951 - *Nasonov A.N.* «Russkaja zemlja» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva [«Russian land» and formation of the territory of the Old Russian state], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1951, 264 p. [in Russian].

Nazarenko 2001 - *Nazarenko A.V.* Drevnjaja Rus' na mezhdunarodnyh putjah: Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskih svjazej IX-XII vv. [Ancient Russia on the international ways: Cross-disciplinary sketches of cultural, commercial, political connections of the 9-12th centuries], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2001, 784 p. [in Russian].

Nemeckie istochniki 1993 - Nemeckie latinojazychnye istochniki IX-XI vv. / Perevody i kommentarii A.V. Nazarenko [German latinoyazychny sources of the 9-11th centuries / Translations and comments of A.V. Nazarenko], Moscow, Nauka Publ., 1993, 240 p. [in Russian].

Niderle 1956 - *Niderle L.* Slavjanskie drevnosti / Perevod s cheshskogo T. Kovalevoj i M. Hazanova, predislovie prof. P.N. Tret'jakova, red. A.L. Mongajt [Slavic antiquities / Translation from Czech of T. Kovalyova and M. Hazanov, preface of professor P.N. Tretyakov, editor A.L. Mongajt], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury Publ., 1956, 452 p. [in Russian].

Nikol'skaja 1981 - *Nikol'skaja T.N.* Zemlja vjatichej. K istorii naselenija bassejna verhnej i srednej Oki v IX-XIII vv. [Earth of Vyatichi. To history of the population of the basin of the top and Central Oka in the 9-13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1981, 302 p. [in Russian].

Nikol'skaja 1987 - *Nikol'skaja T.N.* Gorodishhe Slobodka XII-XIII vv. K istorii drevnerusskogo gradostroitel'stva v Zemle vjatichej [Ancient settlement Slobodka of the 12-13th centuries. To history of Old Russian town planning in Earth of Vyatichi], Moscow, Nauka Publ., 1987, 184 p. [in Russian].

Pamjat' 2004 - Pamjat' i pohvala knjazju russkomu Vladimiru / Podgotovka teksta, perevod i kommentarii N.I. Miljutenko [Memory and praise to the prince to the Russian Vladimir / Preparation of the text, translation and comments of N.I. Milyutenko], in: Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 1. XI-XII vv. [Library of literature of Ancient Russia. Volume 1. 11-12th centuries], St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 316-327 [in Russian].

Paterik 2004 - Kievo-Pechers'kij Paterik (Podgotovka teksta L.A. Ol'shevskoj, perevod L.A. Dmitrieva, kommentarii L.A. Dmitrieva i L.A. Ol'shevskoj) [Kyiv-Pechersk Patericon (Preparation of the text of L.A. Olshevskaya, translation of L.A. Dmitriyev, comments of L.A. Dmitriyev and L.A. Olshevskaya)], in:

Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 4. XII vek [Library of literature of Ancient Russia. Volume 4. 12th century], St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 296-489 [in Russian].

Presnjakov 1993 - *Presnjakov A.E.* Knjazhoe pravo v Drevnej Rusi. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaja Rus' [The Knyazhy right in Ancient Russia. Lectures on the Russian history. Kievan Rus'], Moscow, Nauka Publ., 1993, 635 p. [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume I. Laurentian Chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].

PSRL. II - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume II. Hypatian Chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].

PSRL. III - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. III. Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov (reprint izdanija 1950 g., podgotovlennogo A.N. Nasonovym) [Complete collection of the Russian chronicles. Volume III. The Novgorod First Chronicle (reprint of the edition of 1950 prepared by A.N. Nasonov)], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2000, 720 p. [in Russian].

PSRL. IV. Ch. 1 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IV. Ch. 1. Novgorodskaja IV letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume IV. Part 1. The Novgorod IV chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2000, 690 p. [in Russian].

PSRL. IV. Ch. 2 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IV. Ch. 2. Novgorodskaja V letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume IV. Part 2. The Novgorod V chronicle], Petrograd, 1917, 264 p. [in Russian].

PSRL. VI. Vyp. 1 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. VI. Vyp. 1. Sofijskaja pervaja letopis' starshego izvoda [Complete collection of the Russian chronicles. Volume VI. Release 1. Sofia First Chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2000, 312 p. [in Russian].

PSRL. VII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. VII. Voskresenskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume VII. Voskresensky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2001, 360 p. [in Russian].

PSRL. IX - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IX. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju [Complete collection of the Russian chronicles. Volume IX. Nikon Chronicle], St. Petersburg, 1862, 278 p. [in Russian].

PSRL. XV - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XV. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Tverskoj letopis'ju [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XV. Tver chronicle], St. Petersburg, 1863, 261 p. [in Russian].

PSRL. XVIII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XVIII. Simeonovskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XVIII. Simeonovsky chronicle], St. Petersburg, 1913, 320 p. [in Russian].

PSRL. XX - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XX. L'vovskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XX. Lviv chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2005, 704 p. [in Russian].

PSRL. XXIV - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXIV. Tipografskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXIV. Typographical chronicle], Petrograd, 1921, 274 p. [in Russian].

PSRL. XXV - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXV. Moskovskij letopisnyj svod konca XV v. [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXV. Moscow annalistic arch of the end of the 15th century], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004, 488 p. [in Russian].

PSRL. XXVI - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXVI. Vologodsko-Permskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXVI. Vologda and Perm chronicle], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959, 415 p. [in Russian].

PSRL. XXVIII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXVIII. Letopisnyj svod 1497 goda. Letopisnyj svod 1518 g. (Uvarovskaja letopis') [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXVIII. Annalistic arch of 1497. Annalistic arch of 1518 (Uvarovsky chronicle)], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, 420 p. [in Russian].

PSRL. XXX - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXX. Vladimirskij letopisec. Novgorodskaja vtoraja (Arhivskaja) letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXX. Vladimir chronicler. Novgorod second (Arkhivskaya) chronicle], Moscow, Nauka Publ., 1965, 248 p. [in Russian].

PSRL. XXXIII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXXIII. Holmogorovskaja letopis'. Dvinskoj letopisec [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXXIII. Holmogorovsky chronicle. Dwin chronicler], Leningrad, Nauka Publ., 1977, 254 p. [in Russian].

PSRL. XXXVIII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXXVIII. Radzivilovskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXXVIII. Radziwiłł Chronicle], Leningrad, Nauka Publ., 1989, 181 p. [in Russian].

PSRL. XXXIX - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XXXIX. Sofijskaja Pervaja letopis' po spisku I.N. Carskogo [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XXXIX. Sofia First Chronicle according to the list of I.N. Tsarskij], Moscow, Nauka Publ., 1994, 208 p. [in Russian].

PSRL. XLI - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XLI. Letopisec Perejaslavlja-Suzdal'skogo (Letopisec russkih carej) [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XLI. Chronicler of Pereyaslavl-Suzdal (Chronicler of the Russian tsars)], Moscow, Arheograficheskij centr Publ., 1995, 178 p. [in Russian].

PSRL. XLII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XLII. Novgorodskaja Karamzinskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XLII. Novgorod Karamzin chronicle], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2002, 224 p. [in Russian].

PSRL. XLIII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XLIII. Novgorodskaja letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XLIII. The Novgorod chronicle according to list of P.P. Dubrovsky], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004, 368 p. [in Russian].

Rapov 1998 - *Rapov O.M.* Russkaja cerkov' v IX – pervoj treti XII v. Prinjatie Hristianstva. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [The Russian church in IX – the first third of the 12th century. Adoption of Christianity. The second edition corrected and added], Moscow, Russkaja panorama Publ., 1998, 416 p. [in Russian].

Rybakov 1932 - *Rybakov B.A.* Radzimichy [Radimichs], in: Pracy sjekcyi arheoljogii Belaruskaj AN. T. 3 [Works of section of archeology of Academy of Sciences of Belarus. Volume 3], Minsk, 1932, pp. 81-151 [in Russian].

Rybakov 1982 - *Rybakov B.A.* Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus' and Russian principalities of the 12-13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 598 p. [in Russian].

Rybakov 1987 - *Rybakov B.A.* Jazychestvo Drevnej Rusi [Paganism of Ancient Russia], Moscow, Nauka Publ., 1987, 788 p. [in Russian].

Saburova 1975 - *Saburova M.A.* O zhenskih golovnyh uborah s zhjostkoj osnovoj v pamjatnikah domongol'skoj Rusi [About female headdresses with a rigid basis in monuments to domongolsky Russia], in: Kratkie soobshhenija instituta arheologii. Vyp. 144 [Short messages of institute of archeology. Release 144], 1975, pp. 18-22 [in Russian].

Sedov 1961 - *Sedov V.V.* Sledy vostochnobaltijskogo pogrebal'nogo obrjada v kurganah Drevnej Rusi [Traces of the East Baltic funeral ceremony in barrows of Ancient Russia], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1961, № 2, pp. 103-121 [in Russian].

Sedov 1965 - *Sedov V.V.* Iz istorii vostochnoslavjanskogo rasselenija [From history of East Slavic resettlement], in: Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. Vyp. 104 [Short messages of Institute of archeology. Release 104], 1965, pp. 3-11 [in Russian].

Sedov 1970 - *Sedov V.V.* Slavjane Verhnego Podneprov'ja i Podvin'ja [Slavs of the Top Dnieper Bank and Podvinya], Moscow, Nauka Publ., 1970, 199 p. [in Russian].

Sedov 1982 - *Sedov V.V.* Vostochnye slavjane v VI-XIII vv. [East Slavs in the 6-13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 328 p. [in Russian].

Sedov 1999 - *Sedov V.V.* Drevnerusskaja narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Old Russian nationality. Historical and archaeological research], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].

Sedov 2002 - *Sedov V.V.* Slavjane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].

Seredonin 1916 - *Seredonin S.M.* Istoricheskaja geografija [Historical geography], Petrograd, 1916, 245 p. [in Russian].

Shafarik 1847 - *Shafarik P.I.* Slavjanskie drevnosti. T. II. Kn. 1 / Perevod O.M. Bodjanskogo [Slavic antiquities. Volume II. Book 1 / Translation of O.M. Bodyansky], Moscow, 1847, 454 p. [in Russian].

Shahmatov 1919 - *Shahmatov A.A.* Drevnejshie sud'by russkogo plemeni [The most ancient destinies of the Russian tribe], Petrograd, 1919, 65 p. [in Russian].

Shhavelev 2014 - *Shhavelev A.S.* Eshhjo raz ob identifikacii i lokalizacii slavjanskogo «plemeni» Λενζανῆνοι/Λενζενίνοι/lędjane [Once again about identification and localization of Slavic «tribe» Λενζανῆνοι/Λενζενίνοι/lędjane], in: Vspomogatel'nye i special'nye nauki istorii v XX – nachale XXI vv.: Prizvanie, tvorchestvo, obshhestvennoe sluzhenie istorika. Materialy XXVI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Auxiliary and special sciences of history in XX – the beginning of the 21st centuries: Calling, creativity, public ministry of the historian. Materials XXVI of the International scientific conference], Moscow, 2014, pp. 424-427 [in Russian].

Shhavelev 2016 - *Shhavelev A.S.* Eshhe raz o radimichah i pishhancah: analiz pis'mennyh tekstov i interpretacija arheologicheskih dannyh [Once again about Radimichs and Pishchanets: analysis of written texts and interpretation of archaeological data], in: Russkij sbornik. Vyp. 8. T. 2 [Russian collection. Release 8. Volume 2], Bryansk, RIO BGU Publ., 2016, pp. 190-195 [in Russian].

Shhaveleva 2004 - *Shhaveleva N.I.* Drevnjaja Rus' v «Pol'skoj istorii» Jana Dlugosha (knigi I-VI): Teksty, perevod, kommentarij [Ancient Russia and «The Polish history» of Jan Dlugosh (book I-VI): Texts, translation, comment], Moscow, Pamjatniki istoricheskoj mysli Publ., 2004, 495 p. [in Russian].

Shinakov 1980 - *Shinakov E.A.* Klassifikacija i kul'turnaja atribucija luchevyh visochnyh kolec [Classification and cultural attribution of Temple ring], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1980, № 3, pp. 110-127 [in Russian].

Shinakov 2012 - *Shinakov E.A.* Plemena Vostochnoj Evropy nakanune i v processe obrazovanija Drevnerusskogo gosudarstva [Tribes of Eastern Europe on the eve of and in the course of formation of the Old Russian state], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2010 god. Predposylki i puti obrazovanija Drevnerusskogo gosudarstva [The most ancient states of Eastern Europe. 2010. Prerequisites and ways of formation of the Old Russian state], Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke Publ., 2012, pp. 34-93 [in Russian].

Shinakov 2016 - *Shinakov E.A.* Chto est' «slavjanskoe plemja»? Otvety na voprosy redakcii zhurnala «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana» [What there is «a Slavic tribe»? Answers to questions of edition of the magazine «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana»], in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2016, № 1 (19), pp. 17-31 [in Russian].

Solov'ev 1896 - *Solov'ev S.M.* Istorija Rossii s drevnejshih vremen. Kniga pervaja. Toma I-V. Vtoroe izdanie [History of Russia since the most ancient times. Book the first. Volumes I-V. Second edition], St. Petersburg, 1896, 1726 p. [in Russian].

Solov'jova 1956 - *Solov'jova G.F.* Slavjanskie sojuzy plemjon po arheologicheskim materialam VIII-XIV vv. n.je. (vjatichi, radimichi, severjane) [The Slavic unions of tribes on archaeological materials of the 8-14th centuries AD (Vyatichi, Radimichs, Severians)], in: Sovetskaja arheologija. Vyp. XXV [Soviet archeology. Release of XXV], 1956, pp. 138-170 [in Russian].

Solov'jova 1968 - *Solov'jova G.F.* K voprosu o prihode radimichej na Rus' [To a question of arrival Radimichs to Russia], in: Slavjane i Rus'. Sbornik k 60-letiju akademika B.A. Rybakova [Slavs and Russia. The collection to the 60 anniversary of the academician B.A. Rybakov], Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 352-356 [in Russian].

Solov'jova 1978 - *Solov'jova G.F.* Semiluchevye visochnye kol'ca [Seven-beam Temple ring], in: Drevnjaja Rus' i slavjane. Sbornik k 70-letiju akademika B.A. Rybakova [Ancient Russia and Slavs. The collection to the 70 anniversary of the academician B.A. Rybakov], Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 171-178 [in Russian].

Spicyn 1899 - *Spicyn A.A.* Rasselenie drevnerusskih plemjon po arheologicheskim dannym [Resettlement of Old Russian tribes according to archaeological data], in: Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija [Magazine of the ministry of national education], 1899, VIII, pp. 301-340 [in Russian].

Sverdlov 2003 - *Sverdlov M.B.* Domongol'skaja Rus'. Knjaz' i knjazheskaja vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII v. [Domongolsky Russia. The prince and the princely power in Russia VI – the first third of the 13th century], St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 736 p. [in Russian].

Tatishhev 1962 - *Tatishhev V.N.* Istorija Rossijskaja v semi tomah. T. I [The history Russian in seven volumes. Volume I], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962, 500 p. [in Russian].

Tret'jakov 1953 - *Tret'jakov P.N.* Vostochnoslavjanskie plemena [East Slavic tribes], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1953, 312 p. [in Russian].

Trubachev 2000 - *Trubachev O.N.* Iz istorii i lingvisticheskoj geografii vostochnoslavjanskogo osvoenija [From history and linguistic geography of East Slavic development], in: Voprosy jazykoznanija [Linguistics questions], 2000, № 5, pp. 4-27 [in Russian].

Trubachev 2002 - *Trubachev O.N.* Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan. Lingvisticheskie issledovanija. Izdanie vtoroe, dopolnennoe [Ethnogenesis and culture of the most ancient Slavs. Linguistic researches. The edition second added], Moscow, Nauka Publ., 2002, 489 p. [in Russian].

Tyszkiewicz 1970 - *Tyszkiewicz J.* Radymicze [Radimichs], in: Słownik starożytności słowiańskich. T. 4. P-R [Dictionary of Slavic antiquities. Volume 4. PR], Wrocław; Warsaw; Kraków, 1970, pp. 455-457 [in Polish].

Wasilewski 1967 - *Wasilewski T.* Dulebowie-Ledzianie-Chorwaci. Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisła w X wieku [Dulebes-Lendians-Croats. From history of breeding and political development in the region of Bug, San and Vistula in the X century], in: Przeglad Historyczny [Historical review], 67, № 2, Warsaw, 1967, pp. 181-194 [in Polish].

Zajceva, Saracheva 2011 - *Zajceva I.E., Saracheva T.G.* Juvelirnoe delo «Zemli vjatichej» vtoroj poloviny XI-XIII vekov [Jewelry of «Earth of Vyatichi» of the second half of the 11-13th centuries], Moscow, Indrik Publ., 2011, 404 p. [in Russian].

Zhih 2012 - *Zhih M.I.* Narod i vlast' v Kievskoj Rusi (do konca XI veka) [The people and the power in Kievan Rus' (until the end of the 11th century)], in: Voprosy nacionalizma [Nationalism questions], 2012, № 10, pp. 151-169 [in Russian].

Zhih 2013 - *Zhih M.I.* «Reforma» knjagini Ol'gi kak popytka centralizacii Rusi [«Reform» of the princess Olga as attempt of centralization of Russia], in: Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli: materialy nauchnoj konferencii 17-18 nojabrja 2011 g. / Sost. V.F. Andreev [Past of Novgorod and Novgorod earth: materials of a scientific conference on November 17-18, 2011 / Originator V.F. Andreyev], Veliky Novgorod, 2013, pp. 33-50 [in Russian].

Zhih 2015 - *Zhih M.I.* Slavjanskaja znat' dogosudarstvennoj jepohi po dannym nachal'nogo letopisanija [Slavs' upper class in the pre-state epoch (from the earliest medieval annals)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 2, pp. 7-28 [in Russian].

Zhih 2015a - *Zhih M.I.* O sootnoshenii letopisnyh «krivichej» i «polochan» [Relations between Krivichians and Polochans from annalistic chronicles], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 1, pp. 31-52 [in Russian].

Zhih 2016 - *Zhih M.I.* Drevnie slavjane na Volyni (I tys. n.je.). Chast' vtoraja [Early Slavs in Volhynia (1st millennium AD). Part two], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 2, pp. 59-91 [in Russian].

Zvizdeckij 2008 - *Zvizdeckij B.A.* Gorodishha IX-XIII vv. na teritorії litopisnih drevljan [Ancient settlements of the 9-13th centuries in the territory of annalistic Drevlians], Kiev, 2008, 176 p. [in Ukrainian].

Жих Максим Иванович – Общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).
Maksim Zhikh – The Public and Scientific Project
«Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).
E-mail: max-mors@mail.ru

УДК 94(47)

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ МИФА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ И РУССКИХ УТОПИЯХ XVIII в.

***Р.В. Кауркин*[1], *А.В. Хазина*[2]**

[1]Высшая школа экономики в Нижнем Новгороде
Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12
[2]Нижегородский государственный педагогический университет им. Кузьмы Минина
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1
[1]e-mail: rad-kaurkin@mail.ru
[2]e-mail: hazina_av@mininuniver.ru
[1]Researcher ID: M-3624-2015
[1]http://orcid.org/0000-0003-3724-0975
[1]SPIN-код: 3946-8733
[2]SPIN-код: 8564-8194

Авторское резюме

В статье исследуются взаимоотношения мифа и утопии на примере работ классических авторов эллинизма и русских литературных утопий XVIII века. Анализ греческих сочинений, а также произведений русских писателей XVIII в. позволяет выявить особенности обращения этих авторов не только к фольклорным и письменным утопическим мотивам, но и, собственно, к мифологическому материалу легенд, сказаний, былин и т.п. Пристальный интерес к мифу, свойственный этим авторам, мог объясняться общими родовыми особенностями мифа и утопии, а также влиянием переходного исторического периода, характерного для обеих эпох. В обоих случаях своеобразная «ремифологизация» повествования могла свидетельствовать о намерении авторов адресовать свои произведения широким массам читателей, что и обуславливало их интенсивное обращение к мифологическому содержанию и поэтике.

Ключевые слова: миф, утопия, проблема взаимоотношения мифа и утопии, ремифологизация, эллинистические и русские утопии XVIII в.

REMINISCENCE OF MYTHS IN THE HELLENIC AND 18TH CENTURY RUSSIAN UTOPIAS

***Radislav Kaurkin*[1], *Anna Khazina*[2]**

[1]Higher School of Economics in Nizhny Novgorod
25/12 Bolshaya Pecherskaya Street, Nizhny Novgorod, 603155, Russia
[2]Nizhny Novgorod State Pedagogical University of Kuzma Minin
1 Ulyanova Street, Nizhny Novgorod, 603950, Russia
[1]e-mail: rad-kaurkin@mail.ru
[2]e-mail: hazina_av@mininuniver.ru

Abstract

The article examines elements of myths in the utopias by the well-known Hellenistic (Theopompus of Chios, Hecataeus of Abdera, Iambulus, Euhemerus) and 18th century Russian fabulists (M.D. Choolkov, V.A. Levshin and P.Ju. Lvov). It identifies ways in which the authors of utopias drew not only upon folklore but also on mythological material of epics, legends, tales, etc. A keen interest in myths characteristic to these authors could be explained by the common generic features of the myth and the utopia as well as by influence of the transitional periods that took place in the history of both countries at the time. Frequent use of mythological elements and poetics in the utopias evidences intention of the writers to address their works to a wide range of readers.

Keywords: myth, utopia, Hellenistic utopias, Russian literary utopia of the 18th century, remythologization.

* * *

Проблема соотношения мифа и утопии в культурно-историческом аспекте чрезвычайно обширна, чтобы быть рассмотренной в одном исследовании, но очень важна для анализа генезиса утопического дискурса в целом (Рамки статьи не позволяют дать исчерпывающую историографию этой проблемы, приведем важнейшие работы: Сорель 1907; Mannheim 1929; Baldry 1952: 83-92; Giannini 1967; Ferguson 1975; Polak, Boulding 1973; Sproul 1979; Fein 1992; Мелетинский 1995; Элиаде 1994; 2000; Барт 2000). Понятие «мифическая утопия», разработанное Г. Болдри и Р. Мюллером, включает в себя различные варианты легенды о «золотом веке» и вовсе не противопоставляется рационалистическим утопическим проектам (Baldry 1956: 4; Müller 1980: 186. Теоретическое содержание легенд о «золотом веке», «далеких странах», «избавителях» на материале русской народной утопии исследовали К.В. Чистов, А.И. Клибанов, Д.С. Лихачев и др. См.: Чистов 1967; 1986; Клибанов 1977; Лихачев 1999. Из относительно новых переводных работ см.: Геллер, Нике 2003: 266-271). Миф как постоянный атрибут утопического поля используется античными мыслителями в самых различных формах и не только не утрачивается в утопических конструкциях, но и рационалистически перерабатывается (в этом смысле идея об эволюции греческого мышления от мифа к разуму, высказанная Ф. Корнфордом и исследованная К. Ясперсом, Ж.-П. Вернаном П. Видаль-Наке и др., может иметь следующее завершение: от мифа к логосу и обратно. См.: Cornford 1952; Jaspers 1952; Vernan 1981; Vidal-Naque 1991), определяя судьбу дискурсивной утопии последующих эпох. Примерами такого постоянного диалога мифа и утопии может служить эллинистический утопический нарратив и русская литературная утопия XVIII в.

В связи с этим, на наш взгляд, важна методология анализа утопий, предложенная итальянским ученым А. Джаннини. Основываясь на идеях Э. Роде и Л. Мамфорда, он стремился представить эволюцию «утопии бегства» или «сентиментальной идиллии» от мифа к реальности, предлагая выделять в утопических идеях – мифические, фантастические и исторические элементы. При этом повествования о «золотом веке» и «островах блаженных» А. Джаннини

рассматривал как представления о рае, обращенные и в прошлое, и будущее одновременно, переход же к историческим преданиям, идеализирующим примитивные народы, он предлагал считать результатом постепенной рационализации утопической мысли (Giannini 1967: 101 sqq.).

Парадигма утопии предполагает структурное единство между моделирующим и моделируемым, между реальностью и мифом (см.: Goldschmidt 1947: 81 sqq.): часто мифические, фантастические и исторические элементы соединяются в одном утопическом повествовании. Предложенный подход позволяет увидеть генетическое родство мифа и утопии, и в то же время обозначить специфику и процесс «расхождения» мифологического и утопического полей. Своеобразие античного варианта «диалога» состоит в том, что отношение утопии и мифа – это одновременно и линейная историческая последовательность, и постоянное взаимодействие. В русскую литературную утопию мифологические схемы являлись уже как нечто завершенное, как «вещь в себе», как константы утопических топосов, актуализируясь через различные жанры, восходящие к мифу (сказку, былину, легенды и др.).

У авторов эллинистических утопий, как и у создателей литературных утопий в России XVIII в. потребность в использовании мифов могла определяться различными факторами. Одни были последователями архаической и классической эллинской утопической традиции, другие работали в русле архаической традиции «райских текстов», представлявших первые утопические τοποι, во многом экзогенные для древнерусской литературы (Геллер, Нике 2003: 17 и сл.), но и те, и другие были современниками специфических «переломных» исторических эпох.

Эллинизм явился эпохой Weltwende – «ломкой мира» (Э. Доддс). С образованием единой эллинистической ойкумены новые правила политической и социальной игры привели к разрушению привычных систем полисных идентификаций и иерархий и к попытке выстроить новые. Потребность в преодолении «кризиса идентичности» вызвала «всплеск» массового увлечения утопией. Россия XVIII в. также представляет собой эпоху «пограничной зоны» (А. Тойнби), характеризующуюся появлением новой идеологии и новых культурных задач. Новые технические перспективы, формирование интеллектуальной элиты, бурное развитие политической и исторической мысли не могли не спровоцировать учащение «пульса утопии». Широкий спектр социально-утопических идей реализовывался в жанрах «панегирической квазиутопии» (Геллер, Нике 2003: 57) и Staatsroman'a, но часть авторов утопий обращалась к языку, наиболее доступному и понятному для большинства сограждан. Разумеется, самыми традиционными были народные мифологические представления.

Как и в какой форме элементы мифологической поэтики использовались в утопических конструкциях, каким образом состоялся диалог утопического ratio и мифологического сознания в утопическом конструировании авторов разных эпох и различных культур?

Своеобразие формы утопических проектов эллинистического времени обуславливалось довольно нарочитой установкой на комбинирование деталей из различных по своему идейному составу легенд, и это отражалось на содержании утопии. Так, легенды о «золотом роде»[1], «жизни при Кроносе» и «далеких странах» соединяются в повествовании с жесткими утопическими построениями.

Особо ярким примером влияния мифологических преданий на идеологические конструкции может служить повесть Феопомпа о Меропии. На «неизмеримом по величине» материке – Меропии, который лежит «ἔξω τοῦδε τοῦ κόσμου», живут люди, вдвое превышающие ростом и продолжительностью жизни всех смертных. Благодатная земля обильно питает все живое (Ael. V.H. III. 18 = FGrH. F115. 75c). Лежащая за пределами ойкумены Меропия подобна материку «блаженных» – этому устойчивому образу греческой мифологии.

Как в платоновском мифе об Атлантиде, рассказанном в «Тиме», «Критии» и повествующем о борьбе между небольшой, но идеально управляемой общиной с огромной державой, которой свойственны «извращенные формы правления» (Plato. Resp. IV.422a-423b), так и в повествовании о Меропии происходит раздвоение утопического идеала. Феопомп противопоставляет два самых больших города этого материка - Μάχιμος (Воинственный) и Εὐσεβής (Благочестивый). Жители последнего подобны избранным богами гомеровским эфиопам, ибо «живут в мире и великом богатстве, извлекают плоды из земли, не возделывая и не засевая ее, без плуга и быков. Всегда здоровые и умирающие со смехом и радостью они так справедливы, что боги пребывают вместе с ними» (Ael. V.H. III.18 = FGr.H. F115.75c), словно «непорочные эфиопы», к которым Зевс «с сонмом бессмертных» регулярно отправляется на пиры (Il. I.423-423). Граждане же Махима как и «Медный род» – поколение старших воителей у Гесиода (Op. 143-145) самые воинственные.

И вновь образ «островов блаженных» возникает в «Священной записи» Эвгемера. Отрывки из «Священной записи», сохранившиеся у Диодора[2] и изображающие красочный пейзаж Панхайи – одного из трех «счастливых» островов, позволяют считать, что основной причиной создания этого произведения было рационалистическое толкование мифологии, которое, однако, не помешало созданию своего утопического идеала, связанного с представлением о «благодатном острове», на котором идеальная природа сопутствует счастливой жизни «благородных» и «доблестных» местных жителей (панхайев).

На Панхайе есть «*...всякие сады и луга с разными плодами и цветами*», «*здесь растут густые беспрерывные леса с высокими деревьями*» и множеством птиц, так что

[1] Мы вслед за Г. Болдри, Б. Гатцем, Ю.Г. Чернышовым пользуемся понятием «золотой род», т.к. за разницей в переводах – «золотой род» и «золотой век», скрывается разница в восприятии исторического времени, в сути утопических интерпретаций мифологических преданий о «жизни при Кроносе» и о «Сатурновом царстве». См.: Baldry 1952: 83-92; Gatz 1967: 204-206; Чернышов 1985: 124-132.

[2] «Священная запись» дошла до нас в довольно хорошей степени сохранности, по-видимому, не только благодаря бережному отношению к мифу самого Диодора, но и его особому интересу к проблеме соответствия совершенной общественной жизни идеальной природе. (Diod. I.1.3). См.: Трофимова 1982: 245-247.

«*...весь вид этой местности наполнен божественным величием, и это делает ее достойной богов этой страны*» (Diod.V.43.2). Плодоносные орешники и виноградники дают обильное пропитание жителям, не требуя обработки (V.43.3). На острове такое изобилие ладана, что его хватит воскурить фимиам богам всего мира (V.41.4). Земля Панхайи богата золотом, серебром, медью, оловом и железом (V.46.4). «*Населяют остров не только коренные жители, называемые панхайами, но и народы пришлые – океаниты, индейцы, скифы и критяне*» (V.42.4). Как считает В.А. Гуторов (Гуторов 1989: 226), можно предположить, что в «Священной записи» был рассказ о борьбе благородного и дикого народов которая кончилась прямым вмешательством богов и изгнанием дойев Амоном, после чего на острове остались только благородные народы. Во всяком случае, очевидно, что Гекатей как и Феопомп использует давнюю традицию противопоставления, сначала в мифологии, а затем в греческой утопической литературе, справедливых и несправедливых народов, «золотого рода» с «серебряными людьми» (Op. 127-139) и «медным родом» (143-145), подобно сравнению феаков с и киклопами у Гомера или древних афинян с атлантам и у Платона.

Наконец, Ямбул, воспринимая «сад Алкиноя» (Hom. Od. 82-105; 112-132) топосом «земного рая», переносит волшебный образ на природу созданных его воображением далеких островов Солнца (Diod. II. 56. 7).

Идентичные картины идеальной природы человеческих отношений, организации социума мы находим и в русских утопических сочинениях второй половины XVIII в.

Описывая в своем сочинении «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки» (1789г.) П.Ю. Львов создает картину жизни некоего «дикого» народа, обитающего на некоем острове в некоем «море-окиане», на который попадает его герой в результате кораблекрушения. «Корабль был предан во власть свирепых валов, кои быстро его несли туда, куда только ветр их мчал… В самое время лютого нашего отчаяния явился из средины пучин превеличайший вал… и приближаясь к кораблю заревел, вскинул оной на белой свой хребет… многократно перевернул и бросил его по том на каменную гору. Несказанной удар повторился… и корабль в дребезги рассыпался» (Львов 1794: 124).

Описывая общественные устои, автор обозначает их общий контур и не вдается в подробную детализацию. «Обычай их был обычай простой, без малейшаго предразсудка и странностей; он основан был на спокойствии и свободомыслии, и доброй воле. Человеколюбивое страннолюбие их означалось во всех случаях, богопочитание и братолюбие было их первые законы, веропочтенна, кощун веры был изгоняем… тунеядец исключаем бывал из их общества и изгнан был из города. У них то удивительно, что дурно, а не то, что хорошо; по тому что хорошее у них обыкновенно, а дурное случается очень и очень редко… Небольшие Законы исполняемы в точности и с ревнованием самаго владетеля, который повинуется уставлению своих предков… Старцы, мудрые, трудолюбцы, изобретатели знаний и

работ, отличены, уважены и почтены от всех… Пособие ближнему там есть первая должность» (Львов 1794: 129-131).

За лаконичностью данного описания видится широкая панорама благополучного общественного бытия. Идеальное общественное устройство вписывается автором, в силу предшествующей традиции, в идеальную природную среду. «Какие там пленяющие места! Листотенистыя деревья покрывают высокие горы; простирают верхи свои даже до облак, распространяя приятнейшие ароматы, от цветов и плодов своих происходящие. Презлачные долины изпещренные цветами, и здравоносными растениями холмы, покрыты плодоносным кустарником; земля плодотворна, по тучным паствам бродят разнородные скоты. Луга украшены величественными рощами, долы упоены обширными реками, кои, увлекая журчащие свои струи, протекают самою природою, из раковин составленные утесы, и теряются в дубравах населенных редковидными птицами, коих сколько прекрасны были многоцветныя перья, столько и сладкое пение, производящее удивительное согласие» (Львов 1794: 129).

Жители острова не вели войн. Употребление оружия им и в голову не приходило (Львов 1794: 130). «Там не токмо о гибели человека, но удивительно слышать даже о огорченном и обиженном!» (Львов 1794: 129) – восклицает повествователь. Сущностью бытия островитян являлось «пособие ближнему», которое возводилось в «первую должность» (Львов 1794: 131) для всех, включая детей.

С такой же идеалистической картины описания природы начинает свою утопию М.Д. Чулков в «Пересмешнике» (1770): «Он видел перед собой весьма обширную твердь, подобно как Земную; горы и леса, пустыни, пропасти и воды одевали лицо ее, и служили на место ризы… благоухание поражало Кидалово обоняние… Все казалось для него прелестно, и что он ни видел, все было удивительно… Одним словом, весь сей новый свет казался ему далеко превосходящим и самые блаженные поля Елисейские… Увеселяли взор его различные цветы, рассеянные по долине, разного цвета и разной величины птицы, бьющие безпрестанно ключи, и протекающие излучинами чистые источники от оных… Листья же на деревьях совсем были отличными от наших и казались различного цвета; как деревья, так и воды покрыты были все птицами, которые осязаяся крыльями, играя между собою и ныряя в водах, изображали тем, что оная твердь во всем изобиловала… увидел Кидал чистое поле, и весьма обширное покрытое все различного рода скотом; и что его всего больше удивило, так то: свирепые звери, ядовитые гадины, хищные птицы соединены все были вместе и друг друга ни мало не вредили; валяясь по холмам, утучнялися влажною травою и оживотворялися солнечными лучами».

В идиллию природы автор органично вписывает людей и их город, на улицах которого «во всяком месте ходили и лежали ехидны, аспиды, василиски, крокодилы, тигры, львы и леопарды, также скот и дикие птицы, и никто друг другу не вредил» (Львов 1794: 33).

Далее М.Д. Чулков рисует «место, где обитают золотые века», т.е. такую общественно-социальную модель, в которой отсутствует социальная и имущественная дифференциация, деньги, налоги, законы и институт государства в целом.

Итак, эллинистические и русские авторы активно используют в своих утопиях мифологические мотивы «священных мест», идеальной природы, благообразного образа жизни избранных богами народов. Причем миф у них становится не местом действия идеализированного прошлого, объясняющего происхождение явлений настоящего, но основой морального примера и даже больше – источником всевозможных утопических вымыслов, из которых создается утопическое пространство. Используя мотив изобильной природы и изолированного места, утописты достигают утопического идеала абсолютной автономии и автаркии, т. е. полной обеспеченности и независимости, при которых отпадает необходимость в непосильном труде. Мотив благообразной жизни «избранных народов» перевоплощается в утопический идеал счастливого образа жизни.

Такая установка утопических проектов на комбинирование деталей из различных легенд и мифологических образов не обязательно свидетельствует о растворении эллинистической утопии в мифе, архаизации, обращении ее идеала в прошлое, как полагает Р. Бихлер (Bichler 1984: 190-191).

Актуализация мотивов «блаженных островов», «золотого рода» могла быть вызвана причинами чисто рационального характера. Достаточно вспомнить, как после походов Александра Македонского и его полководцев активизировался интерес греков к географии; в сочинениях же эллинистических историков география занимает гораздо большее место, чем у их предшественников.

Полибий, Посидоний, Страбон были известны не только как историки, но и как географы. Сам Диодор, по-видимому, побывал в некоторых районах Азии и Европы, посетив Сицилию, Италию и Египет (Diod. I.22.2; 44, I.83.8).

Известно, что Гекатей жил в Египте, в результате чего им была написана «Египетская история», отрывки из которой приводит Диодор (Diod. I.73-74).

В. Элер предполагает, что Ямбул совершил плавание на Цейлон и был «первым человеком греческого мира, который жил на Цейлоне. Его можно воспринимать как серьезного географа и ни в коем случае, как социального утописта». Даже если путешествие Эвгемера от берегов «Счастливой Аравии», предпринятое им по поручению его друга царя Кассандра, (Diod. VI.1.4) и Ямбула в «Счастливую Аравию», к «островам Солнца», а затем в Индию, являются лишь элементами историко-литературной фикции (Ehler 1985: 80. Некоторые исследователи, например, И.Г. Дройзен, У. Тарн, отстаивают версию о реальности событий, связанных с путешествием Эвгемера. См.: Jacoby 1909: 952), все же они могут свидетельствовать о своеобразном ренессансе глубокого интереса греков к различным сторонам жизни других народов. Так, в историографии предпринимается ряд попыток идентифицировать остров, описываемый, например, в утопии

Ямбула, с реально существующим – Цейлоном или Борнео (Rohde: 251-256. См. также: Ferguson 1975: 125-126; Ehler 1985: 80).

Практически схожая ситуация сложилась в России. Продвижение в XVIII в. русской колонизации в районы рек Енисея, Лены, части бассейна Амура; вхождение в состав русского государства башкиров, самоедов, селькупов, тунгусов, бурят, якутов, юкагиров, камчадалов, дючеров и ряда других, экзотичных по тем временам народов, намного обогатили представление русских об инородцах, живущих в «окраинных» местах. Экспедиции конца XVII в. – первой половины XVIII в., издания подобные «Атласу Всероссийской империи», повлекли за собой повышенный интерес к георафии.

Примером десакрализации и рационализации мифа в эллинистической утопии может служить явное стремление утопистов представить «совсем иное общество». Как отмечает в своих комментариях к Диодору А. Бэртон, Гекатей, восхищавшийся египетской кастовой системой, отчетливо противопоставляет ее «анархии», царящей в греческих полисах (Burton 1972: 217-218).

Сам Диодор не раз делает акцент на необычности и особенности того, что он собирается передать об острове Солнца Ямбула или Панхайе Эвгемера (II.55.1).

О негативном отношении к ценностям, на которых основывалось современное Эвгемеру государство, говорит не только его стремление представить уникальность жизненных устоев панхайев (Diod. V.42.5-6; 45.3-6; 46.1-7), но и наличие в «Священной записи» фундаментальной оппозиции справедливого и несправедливого существования двух народов (V.44.5), а также указание на жесткую изоляцию острова, недра которого исключительно богаты, но ничего не дозволено вывозить (V.46.4). Ямбул же прямо заявляет, что образ жизни островитян сильно отличается от знакомого ему (II.56), и что по «прошествии семи лет он с товарищем были изгнаны с острова Солнца против своей воли как злодеи, воспитанные в дурных привычках» (II.60.1).

Как бы вторя Эвгемеру и Ямбулу В.А. Левшин в «Новейшем путешествии» (1784 г.) перемещая своего героя с земли на Луну, бескомпромиссно противопоставляет идеальных лунных жителей порочным землянам по линиям «хорошо-плохо», «должное и сущее».

С первых же строк повествования о Луне и ее обитателях автор рисует перед нами идеалистическую картину: «*Тут-то истинный престол весны; тут-то истинный род жизни… Завидное состояние!*» (Левшин 1784: XIII, 151) – восклицает герой повествования Нарсим. Он умиляется видом трудящихся пахарей и пастухов: «*кажется, что златый век здесь господствует*» (Левшин 1784: XIII, 150-151); его поражает отсутствие «ратников», «монахов», «молитвенных храмов» (Левшин 1784: XIII, 151); изумляет великолепие и простота строений. «*Все стены жилищ построены были из тех прозрачных цветных камнев, кои составляют величайшую нашу зависть и великолепие; а кровли из того только металла, который стоил жизни нескольким миллионам жителей нового света*» (Левшин 1784: XIII, 157). Далее автор, диссонансно уходя от мечтаний, возвращает читателя в суровую реальность человеческих

отношений: «*И сей прекрасный шар, в одно лето учинился бы пустою степью; а победители разделили бы своей добычи и при самом своем набогащении, истребили б себя взаимно. Земля и Луна заблистали бы от куч алмазов и злата, но сии груды служили б уже ночлегом совам, и скоты попрали бы ногами предметы суетности человеков*» (Левшин 1784: XIII, 157).

Фундаментом «завидного состояния» являлось то, что не приобретающий руками своими житель Луны считался «ненужною тягостию»: «и потому из любви к ближнему, оному, который только сидя на одном месте думает, что в такой-то блестящей звезде, должно, быть тварям, не дают есть: что бы чрез то он опомнился, и голод уверил бы его, какая разница орать землю, или терять время на ненужныя выдумки» (Левшин 1784: XIII, 162-163).

Не менее притягательными предстают перед читателем и рассуждения о «законе естественном»: «*…закон естественный довольно тверд, когда исповедывает оный совесть каждого; оный начертан незагладимыми буквами в душах наших. И зачем писать то, что каждый по чувствам своим разумеет без истолкования?.. Закон очень краток, и не труден к исполнению: всяк разумеет, что должно любить Бога, яко благодетеля; а ближняго как самого себя, ибо чрез то приобретает и от него любовь к себе; а тем избавится от многих досад, неминуемо происходящих по нарушении сей заповеди. Утверждено у нас, что всякий другой закон, противнаго сему толкования, есть обществу вредоносный, и мерзкий перед Богом*» (Левшин 1784: XIV, 5-6).

Данный подход позволил жителям Луны избежать социальных противоречий и сохранить природу «в той своей невинности, каковою развернулась в первом человеке» (Левшин 1784: XIV, 5).

Рисуя картину «общества мира и тишины» (Левшин 1784: XIV, 10), автор «находил их ангелами, пред собратиею своею жителями земли» (Левшин 1784: XIV, 9). При этом замечая, что «сей Златой век» был и у земных людей и что «сие малое течение времени осталось у них в памяти»: «*Когда обитатели на земли еще не размножались; тишина возмущалась редко. Плоды земные избыточествовали. Всяк имел довольство, всяк занимал местечко, которое ему нравилось, и ссоры прекращаемы были родителями, по врожденному желанию спокойства в своем семействе. Не видно было кроме землядельцов и пастырей; работали или веселились… Но вскоре сие благоденствие пресеклось; народ умножился. Пространство избыточествовавшее для не многих, стало узко для многих. Началась всеобщая брань*» (Левшин 1784: XIV, 15-16).

Но не демографический фактор лежал в основе «досад и горестей» земного общества. По мысли автора, война всех против всех – это естественное состояние землян потому, что первые из них – Адам и Ева – «При первом своем вступлении на свет, во зло» (Левшин 1784: XIV, 14-15) употребили разум свой и волю. Вот как характеризовал людей Квалбоко, который совершил путешествие с Луны на Землю: «*Естественно, что родители волнуемыя страстьми, и неведением, не могли принять правил к порядочной жизни и воспитанию детей своих. Оные возрастали на случай, заимствовали пороки, и распространили оные во все концы земли… климаты переменили*

их вид; но склонности и свойство их остались одинаковы. Зависть, злоба, честолюбие, гордость, зверство, суть наследственныя побуждения, коими провождаются все их деяния. Я прошел все части населенныя, видел просвещенных и диких; но различия между ими было маловажно: дикие производили то наглостию, что просвещенные совершают искусством, такими тайными подкопами, что глупые или добросердечные, не прежде познают намерение их, как упав в изрытую яму» (Левшин 1784: XIV, 15).

Вынося окончательный приговор земным устоям: социальному неравенству, моральному и духовному упадку, псевдопрогрессивным устремлениям, – герой В.А. Левшина восклицает: «*…я вырвался из ада, где успех дерзостнаго моего предприятия наказан по достоинству*» (Левшин 1784: XIV, 10).

Характерное для мифа удвоение мира, противопоставляющее подлинную и иллюзорную реальность (Чанышев 1970: 51; Розов 1987: 120-121), приобретает, по-видимому, в утопии новый смысл, фиксируя стремление к изменению мира, пусть даже путем гипотетического конструирования.

Диалектическая связь эллинистической утопии и мифа проявляется в наличии и других деталей. Так, практически во всех проектах утопические устремления связываются с солярным культом. Гекатей сравнивает благочестивый народ гипербореев с жрецами Аполлона, который им покровительствует (Diod. II.47; Pind. Ol. 3.16). Под знаком милости Аполлона в стране гипербореев процветают мораль и искусства (Pind. Pyth. X. 29-47; Himer. Orat. XIV. 10).

Обращение к образу Аполлона как правителя «всех художеств и наук» мы обнаруживаем в утопическом проекте И. Тревоги 1783 г. об образовании «Ученой области» или «Империи знаний». Возглавлять ее должен был «главный Аполлон» с девятью помощницами музами (РГАДА. Ф.7. Оп. 2.д.2631. Л.301). Она должна включать в себя три царства – памяти, разума и воображения, три наместничества – истории, философии и поэзии, десять губерний – истории, поэзии, метафизики и т.д., всевозможных провинций. Во главе царств учреждалась должность «Аполлона» (РГАДА. Ф.7. Оп. 2.д.2631. Л.303). Простираться империя должна была «*во весь свет то есть: что как во всей европе так и в Азии, в Африке и в Америке*» (РГАДА. Ф.7. Оп. 2.д.2631. Л. 303 (об)). Все это учреждалось во имя того, «дабы в короткое время могла щасливая Россия, показать в свете оное чудо, которое откроет миру все сокрывающиеся в природе вещи (РГАДА. Ф.7. Оп. 2.д.2631. Л. 303 (об)). Главному Аполлону полагался герб: «на синем поле представлена двоеглавая летящая сова, которая держит в одной ноге лиру, а в другой солнце» (РГАДА. Ф.7. Оп. 2.д.2631. Л. 299). В клюве Аполлона четко прописаны три принципа: поклонение Богу, повиновение Екатерине II, развитие наук. Примечательна клятва, которую сочинил И. Тревога:

«*Клятвенное обещание Аполлона. Я (имя рек) обещаю и клянусь всемогущим Богом, пред святым его Евангелием и пред всем народом, что, принимая правительскую власть над областию Ученою не для чего инаго как только для сохранения сокровищь Е.И.В. и для общаго благополучия, тишины, пользы и просвещения.*

При этом обещаю во все время моего правительства сохранить свою веру изберегать государственныя сокровища, повиноваться законам Е.И.В., старатся вкоренить знания в человеческие сердца, наблюдать спокойство, изгонять из отечества общий вред и пагубу, размножать и приращать сумму сокровища Ученой области… ненавидеть злобу и не правду, сколько моя человеческая возможность и разсудок допустить к сему может и сколько мне всемогущий Бог душевно и телесно поможет…» (РГАДА. Ф.7. Оп. 2.д.2631. Л. 297).

Идеальная община Ямбула располагается на островах Солнца, все обитатели которых называются «гелионеситами» и «почитают богами весь небесный свод и солнце, вообще все небесные явления» (II. 59.2).

Утопические устремления не случайно связываются с солнцем, ибо Гелиос – излюбленный мифологический образ, который издревле рассматривался греками как блюститель справедливости. Возможна здесь и переработка восточных солярных культов, где представление о солнце как универсальном божестве выступало на передний план (Ferguson 1975: 116). Некоторые проекты, осуществленные на деле, могут быть подтверждением тому. Так, брат Кассандра Алексарх около 316 г. основал город Уранополь на вершине горы Афон, вблизи города Акрофои (Strab. VII. Fr.33, 35; Plin. Hist. Nat. IV.10.37). Страбон указывает на то, что Алексарх отождествлял себя с Гелиосом (VII. Fr. 25.31). У того же Страбона упоминается, что в восстании Аристоника в Пергаме (133-129 гг.) бедняки и рабы – сторонники Аристоника – назывались «гелиополитами», «гражданами города Солнца» (XIV. 1.38). Возможно, это оказало определенное влияние на эллинистическую утопическую традицию.

В связи с этим необходимо отметить, что и П.Ю. Львов в своей утопии пишет о храме солнца, которому поклонялись островитяне (Львов 1794: 130).

Ямбул отмечает явную приверженность гелионеситов науке о звездах: «*…обитатели острова заботятся о просвещении всякого рода, особенно об астрологии…*» (Diod. II.57.3) и соединяет повествование о небесных светилах с описанием островов Солнца: «Звезд же Большой и Малой Медведицы и многих других совсем не видно. Этих островов семь, они сходны по величине, расположены друг от друга на равном расстоянии…» (II.58, 67). Это подтверждает мнение Г. Болдри, Д. Фергюсона и Д.В. Панченко, которые предлагают связывать образ семи островов с семью планетами (Baldry 1956: 20; Ferguson 1975: 128; Панченко 1984: 109). Такая сопричастность земного к небесному может рассматриваться как воспроизведение мифологического небесного архетипа, когда такие элементы, как города, храмы, дома, различные территории, уподобляясь и преображаясь в «центры мира», обладают прототипами, двойниками, существующими на более высоком – космическом – уровне (См.: Элиаде 2000: 33).

Наиболее законченную форму данного космизма представил Ф.И. Дмитриев-Мамонов в аллегории «Дворянин – философ» (1762 г.). В центре выдуманной системы он поместил дом дворянина – философа, который символизировал Солнце, Землю он «заселил муравьями», Марс и Луну – букашками «цвета зеленого

блестящего», Венеру – «букашками красными с малыми черными пятнами», Меркурий – букашками «дикого цвету», Сириус – «струкофимилами» (Дмитриев-Мамонов 1956: 399-401). Данное сочинение лишь условно можно назвать утопией несмотря на то, что в нем представлен образ идеального «благородного философа». И вполне убедительной представляется точка зрения Л.Б. Светлова, который характеризует это произведение как «антиклерикальный памфлет» (Светлов 1956: 394-398), одна из основных линий которого была направлена на пропаганду гелиоцентрической идеи и показании пагубности системы церковной десятины, которая в Европе была отменена лишь благодаря буржуазным революциям.

Источником взаимодействия между мифом и утопией, а также причиной активного обращения эллинистических утопистов к мифологическим схемам могли быть временные представления, в которых прослеживается преемственность между греческой архаикой и периодом упадка полисной культуры. В мифе об «изначальном рае» и «вечном возвращении» время было лишено гомогенности и необратимой последовательности. Мир воспринимался не в категориях изменения и развития, а находящимся в покое, или представлялся вращающимся в кругу. И, в то же время, представления, в основе которых лежал миф о космических циклах, обновлялись и углублялись в различных греческих и греко-восточных учениях. Для современников восточно-эллинистических цивилизаций они имели особый смысл, ибо, с одной стороны, значительная часть людей жила еще под властью стабильности и устойчивости архетипов, другие же начинали осознавать себя современниками эпохи, вызванной великими историческими потрясениями.

Примером может служить позднейшая обработка мифа о Дионисе-Загрее, растерзанном титанами и восстановленном Аполлоном, собравшим части бога в единое целое, монаду. Мир представлялся материей, распадающейся на великое множество частиц, в которых находился Дионис, образующий мировой порядок. Жизнь превращалась в бесконечный цикл распадения на части, умирания и нового воссоединения, возрождения (см.: Martin 1987: 98-102).

В России XVIII в. столкнулись две эпохи – Средневековья и Новое время, что и породило многие удивительные явления социальной и духовной жизни общества, коими изобилует это столетие. Секуляризация религиозного сознания, обмирщение культуры, становление новых общественно-экономических отношений, появление новых государственно-политических институтов, формирование новых критериев самосознания (через переоценку «самовластия») (см.: Черная 1981) – все это оказывало сильнейшие воздействие на психологию людей того времени.

Изменение исторических условий жизни вызвало сдвиги в социальной психологии и привело к смене умонастроений как целых социальных групп, так и отдельного человека. Оно же повлияло на изменение соотношения эмоциональных и рациональных элементов умонастроений, на характер чувственных компонентов и комплексов.

В отличие от средневекового теоцентризма мышление Нового времени начинает обращаться к разуму как форме отражения реальности, проникать в закономерности природы, аккумулировать идеи. Научные знания, включенные в систему принципов и взглядов, убеждений и ценностей начинают служить целям ориентации человека в окружающем мире, что приводит, в свою очередь, к появлению не только активно действующих социальных групп, но и лидеров обладающих способностью к познанию и участию в преобразовании социального бытия (Смольянинова 2003: 12). Происходит отход от ожидания обретения Царствия Божьего на земле к самоорганизации социума через ориентацию на идею «всеобщего блага», в той или иной ее социальной и временной интерпретации.

Возникнув в это время, русская литературная утопия впитала в себя и средневековые элементы народной утопической мысли и характерные черты эпохи Просвещения Нового времени. Моделирование будущего (возможного или желаемого) носило на себе как отпечаток прошлого (социального, экономического, культурного, бытового и т.д.), так и настоящего в той или иной оценочной вариативности.

Она предстает перед исследователем как мозаичное полотно, насыщенное всевозможными, нередко взаимоисключающими представлениями. Идеи А.П. Сумарокова и М.М. Хераскова далеко не отвечали интересам Н.М. Карамзина и М.М. Щербатова, мысли И.И. Тревоги и Я.П. Козельского, далеко стояли от подходов М.Д. Чулкова и В.А. Левшина.

Данная многовекторность отразилась и на отношении ко времени. В русских утопиях мы обнаруживаем и средневековую цикличность, и нововременную линейность, и зеркальность, свойственную новейшей эпохе. Более того, в ряде утопических произведений русские мыслители поставили проблему «реального прошлого», губительные последствия пренебрежения к которой ярко рисует Хаксли в своей антиутопии.

Преобразование исторического времени в соответствии с понятием начала и конца некоторого временного периода, основанного на наблюдении за биокосмическими ритмами, с периодическим возрождением жизни, мы находим и в утопии Ямбула, где сама жизнь островитян, подчиненная Солнцу, ассоциируется с его круговоротами (Diod. II.59.7). Похоронный обряд регулируется приливами и отливами: «…они совершают похоронный обряд, зарывая умерших в песок во время отлива» (59.8). Жизнь растений протекает в соответствии с лунными фазами: «тростники, от которых плод становится пищей, и которые толщиной в пядь, наполняются во время полной луны и спадают на ущербе» (59.8). В неизменном порядке один старейший сменяет другого в предводительстве общественным объединением (I.58.6). Люди проживают свои 150 лет и добровольно умирают, «сладостно погрузившись в сон» (I. 57. 4-5). На смену одному поколению в четком порядке приходит следующее, бытие которого в точности повторяет предшествующее. Как в природе, так и в социуме изменения происходят безболез-

ненно – как за отливом всегда наступает прилив, «за исчезновением луны – ее появление», так и в существовании людей все неизменно, ибо всякая смерть есть рождение, и «мир остается на своем месте». Рассечение времени на повторяющиеся промежутки соответствует вечному возрождению космоса и человека, поглощающему прошлое и устраняющему все беды и грехи.

Актуализированная потребность защититься от нового и необратимого в современной Ямбулу истории выражается в стремлении обесценить время путем постоянного возвращения во «время он», посредством повторения архетипа космогонического акта, спроецированного в космическом, биологическом и человеческом планах, что было вполне в духе циклических концепций, распространенных по всему эллинистическому миру[1]. Более того, как подчеркивает С. Хамфрис, исследуя представление о смерти в древнегреческом обществе, тождество сна и смерти ассоциировалось с безвременьем и предполагало негативное суждение о времени: существование в нем несовершенно, неполно, оно затемнялось ожиданием конца. С этой точки зрения, жизнь приравнивалась к смерти, а смерть к жизни (Humphreys 1983: 158).

Поэтому так привлекательны образы «золотого века» и «золотого рода», которые вновь столь ярко обретают контуры в утопическом идеальном государстве Гекатея и Эвгемера, являясь попытками максимального приближения к когда-то утраченному блаженному состоянию. В результате эллинистическая утопия попадает в круг народно-утопических легенд и мифов.

Нечто подобное происходит и с русской утопической мыслью XVIII в., которая впитав в себя народно-утопическую трагедию, предстает перед нами в сочинениях М.Д. Чулкова, В.А. Левшина и П.Ю. Львова.

В данных утопиях мы обнаруживаем две исходные составляющие: во-первых, западноевропейские анналы, на что неоднократно указывали исследователи; во-вторых, русские народные социально-утопические легенды, которые бытовали на Руси с раннего Средневековья. Если у западных авторов русские мыслители восприняли идею всеобщего блага, в основе которой лежала польза обществу и добродетель во всех ее проявлениях, то русские народные социально-утопические представления (См.: Чистов 1967) послужили основой для социально-экономических отношений идеальных обществ русских литературных утопий. Помимо этого, синтезом той и другой составляющей, вкупе с образцами летописной и житийной литературы, предстает перед нами в произведениях русских утопистов образ идеального правителя.

Все три рассмотренные утопии несут в себе эталонный социальный заряд на личностную и общественную гармонию и свободу, не в пример регламентированному обществу «Утопии» Т. Мора и в противовес мальтузианству. Русские утописты своими произведениями старались сместить вектор Екатерининского

[1] Еще в III в. до н.э. Берос распространил халдейское учение о «Великом Годе», согласно которому Вселенная вечна, но она периодически исчезает и возрождается каждый «Великий Год».

Просвещения с рационально-государственного целеполагания правящей дворянской элиты в область народно-социальных чаяний.

Наиболее ярко и рельефно народные многовековые идеалы предстают перед нами в русском эпосе. Эпическая традиция в России XVIII века включала в себя мифы, былины, легенды, предания, исторические песни, сказки и т.д. При этом наиболее архаичными были мифы и былины, которые, будучи первоосновой русского эпоса, представляются нам как его противоположные векторы.

Если учитывать, что все утопические сочинения опирались на предшествующую эпическую традицию – то мы выходим на проблему соотношения утопии и мифа, а точнее – мифа и утопии. Наиболее сложным в данной проблеме, на наш взгляд, является вычленение «пограничного состояния» сознания (мысли) при переходе от мифа – традиции к утопии – новаторству. В то время как мифы, легенды, былины, предания эмоциональны и логически неясны и при огромной внутренней энергии оставляют большой простор для фантазии (Чистов 1967: 331) – то утопическое сочинение – это четко сконструированные логически выверенные построения. Если миф и легенда никогда не становились политической теорией – то утопия, в своем классическом выражении, нередко претендовала на роль государственно-политической модели будущего.

Таким образом, миф и утопия, будучи явлениями одновалентного характера, в то же время представляются порождением разнохарактерных социально-психологических (контрсуггестивных и контр- контрсуггестивных) процессов. Если основной функцией мифа является объяснение мироустройства, а сам он представлял теоретический и практический способ иррационального освоения действительности (Ирмшер, Йоне 1989: 358) – то задача утопии включает в себя конструирование бытия, исходя из принципа рационализма.

Именно рационализм был первопричиной появления литературных утопий, на наш взгляд, и именно он являет собой «пограничное состояние» мысли в ее отходе от мифа – традиции к утопии – новаторству.

Исследуя феноменологию мифа, многие ученые (см., например: Фрэзер 1980; Лосев 1991; Шацкий 1990) отмечают тот факт, что мифу, в силу того, что он является определенной концепцией бытия и мироощущения, свойственны стереотипность и замкнутость. Миф передает прошедшую реальность в ее законченной действительности. Это воспоминание о прошлом в четко фиксированной форме.

В отличие от мифа былина представляет собой открытую структуру. В.Я. Пропп, говоря о былинах, отмечал, что эпос живуч не воспоминаниями прошлого, а тем, что он отражает идеалы, которые лежат в будущем. Он отражает не события той или иной эпохи, а ее стремления (Пропп 2006: 64). Былины, по мнению исследователя, отражают не единичные события истории, а выражают вековые идеалы народа, который как носитель былин, не воспроизводит историю как бесстрастный регистратор, а представляет в них свою историческую волю, свои вековые стремления и идеалы, лежащие впереди (Пропп 2006: 25-26).

Пользуясь терминологией Ж. Пиррота, мы сможем констатировать, что именно былины несли в себе многовековой социальный опыт русского народа через фиксацию «точек наибольшей концентрации активности» в процессе становления и развития народа, нации. Именно они отражали в себе «поле исторически значимых действий» (Pirrotte 1982: 89).

К подобным же выводам приходит и И.Я. Фроянов, изучая русский былинный эпос. Он пишет, что былина представляет собой своеобразный метод исторического познания и обобщения, является способом осмысления исторического процесса в целом, воплощает потенции, целеустремленность и исторические идеалы целого народа. Народ в них смотрит на себя как на субъект истории, ее творца, имеющего не только силы для исторического творчества, но и неотъемлемое право на проявление исторической самодеятельности (Фроянов, Юдин 1997: 454-456).

Мы можем утверждать, что былина – это не замкнутая система, включающая в себя тот или иной набор исторических реалий, а некий культурно-смысловой код, устремленный в будущее. Именно он и послужил основой для литературных «патриархальных» утопий М.Д. Чулкова, В.А. Левшина, П.Ю. Львова и им подобным, которые, трансформировав его, исходя из личных представлений идеального бытия, транслировали его будущим поколениям, сохранив при этом его основные свойства – открытость и незавершенность. Дабы потомки могли далее транслировать его во времени, дополняя и совершенствуя.

ЛИТЕРАТУРА

Барт 2000 - *Барт Р.* Мифологии. М., 2000.

Геллер, Нике 2003 - *Геллер Л., Нике М.* Утопия в России / Перевод с французского И.В. Булатовского. СПб., 2003.

Гуторов 1989 - *Гуторов В.А.* Античная социальная утопия. Л., 1989.

Дмитриев-Мамонов 1956 - *Дмитриев-Мамонов Ф.И.* Дворянин-философ (Аллегория) // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4.

Ирмшер, Йоне 1989 - *Ирмшер Й., Йоне Р.* Словарь античности. Перевод с немецкого / Отв. ред. В.И. Кузищин. М., 1989.

Клибанов 1977 - *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977.

Левшин 1784 - *Левшин В.А.* Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Собеседник любителей российского слова. 1784. Ч. XIII-XVI.

Лихачев 1999 - *Лихачев Д.С.* Историческая поэтика русской литературы. СПб., 1999.

Лосев 1991 - *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М., 1991.

Львов 1794 - *Львов П.Ю.* Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянке. Ч. II. М., 1794.

Мелетинский 1995 - *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1995.

Панченко 1984 - *Панченко Д.В.* Ямбул и Кампанелла (О некоторых механизмах утопического творчества) // Античное наследие в культуре Возрождения / Под ред. В.И. Рутенберга. М., 1984.

Пропп 2006 - *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М., 2006.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Розов 1987 - *Розов А.И.* Психологические аспекты религиозного удвоения мифа // Вопросы философии. 1987. № 2.

Светлов 1956 - *Светлов Л.Б.* Русский антиклерикальный памфлет XVIII в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4.

Смольянинова 2003 - *Смольянинова Т.Е.* Петр I как выдающийся деятель эпохи Просвещения и его концепция европеизации России в русле западных ценностей // Петербург в историческом сознании. Материалы Всероссийской научной конференции 24-25 апреля 2003 г. Санкт-Петербург. СПб., 2003.

Сорель 1907 - *Сорель Ж.* Размышления о насилии / Перевод с французского В.М. Фриче. М., 1907.

Трофимова 1982 - *Трофимова Н.К.* К пониманию «утопии Ямбула» у Диодора Сицилийского // История социалистических учений / Под ред. А.А. Искендерова. М., 1982.

Фроянов, Юдин 1997 - *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Былинная история (Работы разных лет). СПб., 1997.

Фрэзер 1980 - *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1980.

Чанышев 1970 - *Чанышев А.Н.* Эгейская предфилософия. М., 1970.

Черная 1981 - *Черная Л.А.* Проблема человеческой личности в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1981.

Чернышов 1985 - *Чернышов Ю.Г.* О возникновении понятия «золотой век» // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985.

Чистов 1967 - *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967.

Чистов 1986 - *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор: очерк теории. Л., 1986.

Шацкий 1990 - *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990.

Элиаде 1994 - *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994.

Элиаде 2000 - *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. М., 2000.

Baldry 1952 - *Baldry H.C.* Who Invented the Golden Age? // Classical Quartely. 1952. № 2. P. 83-92.

Baldry 1956 - *Baldry H.* Ancient Utopias. Southhampton, 1956.

Bichler 1948 - *Bichler R.* Zur historischen Beurteilung der griechischen Staatsutopie // Grazer Beiträge. 1948. XI.

Burton 1972 - *Burton A.* Diodorus Siculus. Book 1. Commentary 1. Leiden, 1972.

Cornford 1952 - *Cornford F.* Principium Sapientiae: The Origins of Greek Philosophical Thought. Cambridge, 1952.

Ehler 1985 - *Ehler W.W.* Mit dem Sudwestmonsun nach Ceylon. Eine interpretation der Jambul-Exzerpte Diodors // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. Bd. XI. Würzburg, 1985.

Fein 1992 - *Fein A.* The myth of Utopia: the significance of More's Utopia in view of late mediaeval religious thought. Portland, 1992.

Ferguson 1975 - *Ferguson J.* Utopias of the Classical World. London, 1975.

Gatz 1967 - *Gatz B.* Weltalter, goldene Zeit und sinnverwandete Vorstellungen (Spudasmata, 16). Hildesheim, 1967.

Giannini 1967 - *Giannini A.* Mito e utopia nella letteratura greca prima di Platone // Rendiconti del Istituto lombardo. Classe di Lettere. 1967. № 101.

Goldschmidt 1947 - *Goldschmidt V.* Le paradigme dans la dialectique platonicienne. Paris, 1947.

Humphreys 1983 - *Humphreys S.C.* The family, women and death. Comparative Studies. London, 1983.

Jacoby 1909 - *Jacoby F.* Euhemeros // Paulys Realencyclopadie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. VI. Abt. I. Stuttgart; München, 1909.

Jaspers 1952 - *Jaspers K.* Von Ursprung und Ziel der Geschichte. 3 Aufl. München, 1952.

Mannheim 1929 - *Mannheim K.* Ideologie und Utopie. Bonn, 1929.

Martin 1987 - *Martin L.H.* Hellenistic religions: An introd. Oxford, 1987.

Müller 1980 - *Müller R.* Menschenbild und Humanismus der Antike. Leipzig, 1980.

Pirrotte 1982 - *Pirrotte J.-P.* Stereotypes nationaux et prejuges raciaux aux XIX et XX-e siècle. Louvain, 1982.

Polak, Boulding 1973 - *Polak F., Boulding E.* The image of the future. San Francisco, 1973.

Sproul 1979 - *Sproul B.* Primal Miths. Creating the World. London, 1979.

Vernan 1981 - *Vernan J.P.* Mythe et Pensée chez les Grecs. En. 2 vol. Paris, 1981.

Vidal-Naque 1991 - *Vidal-Naque P.* Le chasseur noir. Formes de Pensées et formes société dans le monde grec. Paris, 1991.

REFERENCES

Baldry 1952 - *Baldry H.C.* Who Invented the Golden Age?, in: Classical Quartely, 1952, № 2, pp. 83-92 [in English].

Baldry 1956 - *Baldry H.* Ancient Utopias, Southhampton, 1956 [in English].

Bart 2000 - *Bart R.* Mifologii [Mythologies], Moscow, 2000 [in Russian].

Bichler 1948 - *Bichler R.* Zur historischen Beurteilung der griechischen Staatsutopie [Historical assessment of the Greek state utopia], in: Grazer Beiträge [Graz notes], 1948, XI [in German].

Burton 1972 - *Burton A.* Diodorus Siculus. Book 1. Commentary 1, Leiden, 1972 [in English].

Chanyshev 1970 - *Chanyshev A.N.* Jegejskaja predfilosofija [Aegean prephilosophy], Moscow, 1970 [in Russian].

Chernaja 1981 - *Chernaja L.A.* Problema chelovecheskoj lichnosti v russkoj obshhestvennoj mysli vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII veka. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Problem of the human person in the Russian social thought of the second half of XVII – the beginnings of the 18th century. The thesis for a degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 1981 [in Russian].

Chernyshov 1985 - *Chernyshov Ju.G.* O vozniknovenii ponjatija «zolotoj vek» [About emergence of the concept «Golden Age»], in: Problemy politicheskoj istorii antichnogo obshhestva [Problems of political history of antique society], Leningrad, 1985 [in Russian].

Chistov 1967 - *Chistov K.V.* Russkie narodnye social'no-utopicheskie legendy XVII-XIX vv. [Russian national social and utopian legends of the 17-19th centuries], Moscow, 1967 [in Russian].

Chistov 1986 - *Chistov K.V.* Narodnye tradicii i fol'klor: ocherk teorii [National traditions and folklore: theory sketch], Leningrad, 1986 [in Russian].

Cornford 1952 - *Cornford F.* Principium Sapientiae: The Origins of Greek Philosophical Thought, Cambridge, 1952 [in English].

Dmitriev-Mamonov 1956 - *Dmitriev-Mamonov F.I.* Dvorjanin-filosof (Allegorija) [Nobleman-philosopher (Allegory)], in: Voprosy istorii religii i ateizma [Questions of history of religion and atheism], 1956, № 4 [in Russian].

Ehler 1985 - *Ehler W.W.* Mit dem Sudwestmonsun nach Ceylon. Eine interpretation der Jambul-Exzerpte Diodors [The analysis of excerpts from Iambulus at Diodorus Siculus], in: Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. Bd. XI [Archaeological year-book from Würzburg], Würzburg, 1985 [in German].

Fein 1992 - *Fein A.* The myth of Utopia: the significance of More's Utopia in view of late mediaeval religious thought, Portland, 1992 [in English].

Ferguson 1975 - *Ferguson J.* Utopias of the Classical World, London, 1975 [in English].

Frjezer 1980 - *Frjezer Dzh.* Zolotaja vetv' [Gold branch], Moscow, 1980 [in Russian].

Frojanov, Judin 1997 - *Frojanov I.Ja., Judin Ju.I.* Bylinnaja istorija (Raboty raznyh let) [Epic history (Works of different years)], St. Petersburg, 1997 [in Russian].

Gatz 1967 - *Gatz B.* Weltalter, goldene Zeit und sinnverwandete Vorstellungen (Spudasmata, 16) [Ideas of the Golden Age in the past and the related ideas (Researches on classical philology, 16)], Hildesheim, 1967 [in German].

Geller, Nike 2003 - *Geller L., Nike M.* Utopija v Rossii / Perevod s francuzskogo I.V. Bulatovskogo [Utopia in the Russia / Translation from the French I.V. Bulatovsky], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Giannini 1967 - *Giannini A.* Mito e utopia nella letteratura greca prima di Platone [The myth and utopia in the Greek literature to Plato], in: Rendiconti del Istituto lombardo. Classe di Lettere [Notes of institute of Lombardy. Literature series], 1967, № 101 [in Italian].

Goldschmidt 1947 - *Goldschmidt V.* Le paradigme dans la dialectique platonicienne [Paradigm in dialectics of Plato], Paris, 1947 [in French].

Gutorov 1989 - *Gutorov V.A.* Antichnaja social'naja utopija [Antique social utopia], Leningrad, 1989 [in Russian].

Humphreys 1983 - *Humphreys S.C.* The family, women and death. Comparative Studies, London, 1983 [in English].

Irmsher, Jone 1989 - *Irmsher J., Jone R.* Slovar' antichnosti. Perevod s nemeckogo / Otv. red. V.I. Kuzishhin [Dictionary of antiquity. The translation with the German / Editor-in-chief V.I. Kuzishchin], Moscow, 1989 [in Russian].

Jacoby 1909 - *Jacoby F.* Euhemeros [Euhemerus], in: Paulys Realencyclopadie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. VI. Abt. I [Researches of classical antiquities. Volume VI. Release I], Stuttgart; München, 1909 [in German].

Jaspers 1952 - *Jaspers K.* Von Ursprung und Ziel der Geschichte. 3 Aufl. [The Origin and Goal of History. Third edition], München, 1952 [in German].

Jeliade 1994 - *Jeliade M.* Svjashhennoe i mirskoe [Sacred and wordly], Moscow, 1994 [in Russian].

Jeliade 2000 - *Jeliade M.* Mif o vechnom vozvrashhenii [The myth about eternal return], Moscow, 2000 [in Russian].

Klibanov 1977 - *Klibanov A.I.* Narodnaja social'naja utopija v Rossii. Period feodalizma [National social utopia in Russia. Feudalism period], Moscow, 1977 [in Russian].

Levshin 1784 - *Levshin V.A.* Novejshee puteshestvie, sochinennoe v gorode Beleve [The latest travel composed in the city of Belev], in: Sobesednik ljubitelej rossijskogo slova. 1784. Ch. XIII-XVI [Interlocutor of fans of the Russian word. 1784. Parts XIII-XVI] [in Russian].

Lihachev 1999 - *Lihachev D.S.* Istoricheskaja pojetika russkoj literatury [Historical poetics of the Russian literature], St. Petersburg, 1999 [in Russian].

Losev 1991 - *Losev A.F.* Dialektika mifa [Dialectics of the myth], in: Filosofija. Mifologija. Kul'tura [Philosophy. Mythology. Culture], Moscow, 1991 [in Russian].

L'vov 1794 - *L'vov P.Ju.* Rossijskaja Pamela, ili Istorija Marii, dobrodetel'noj poseljanke. Ch. II [Russian Pamela, or Maria's History, virtuous countrywoman. Part II], Moscow, 1794 [in Russian].

Mannheim 1929 - *Mannheim K.* Ideologie und Utopie [Ideology and utopia], Bonn, 1929 [in German].

Martin 1987 - *Martin L.H.* Hellenistic religions: An introd, Oxford, 1987 [in English].

Meletinskij 1995 - *Meletinskij E.M.* Pojetika mifa [Myth poetics], Moscow, 1995 [in Russian].

Müller 1980 - *Müller R.* Menschenbild und Humanismus der Antike [Shape of the person and humanity of antiquity], Leipzig, 1980 [in German].

Panchenko 1984 - *Panchenko D.V.* Jambul i Kampanella (O nekotoryh mehanizmah utopicheskogo tvorchestva) [Yambul and Kampanella (About some mechanisms of utopian creativity)], in: Antichnoe nasledie v kul'ture Vozrozhdenija / Pod red. V.I. Rutenberga [Antique heritage in culture of the Renaissance / Under edition V.I. Rutenberg], Moscow, 1984 [in Russian].

Pirrotte 1982 - *Pirrotte J.-P.* Stereotypes nationaux et prejuges raciaux aux XIX et XX-e siècle [National stereotypes and racial prejudices in the 19th and 20th centuries], Louvain, 1982 [in French].

Polak, Boulding 1973 - *Polak F., Boulding E.* The image of the future, San Francisco, 1973 [in English].

Propp 2006 - *Propp V.Ja.* Russkij geroicheskij jepos [Russian heroic epos], Moscow, 2006 [in Russian].

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts] [in Russian].

Rozov 1987 - *Rozov A.I.* Psihologicheskie aspekty religioznogo udvoenija mifa [Psychological aspects of religious doubling of the myth], in: Voprosy filosofii [Problems of philosophy], 1987, № 2 [in Russian].

Shackij 1990 - *Shackij E.* Utopija i tradicija [Utopia and tradition], Moscow, 1990 [in Russian].

Smol'janinova 2003 - *Smol'janinova T.E.* Petr I kak vydajushhijsja dejatel' jepohi Prosveshhenija i ego koncepcija evropeizacii Rossii v rusle zapadnyh cennostej [Peter I as the outstanding figure of the age of Enlightenment and his concept of europeanization of Russia in line with the western values], in: Peterburg v istoricheskom soznanii. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii 24-25 aprelja 2003 g. Sankt-Peterburg [St. Petersburg in historical consciousness. Materials of the All-Russian scientific conference on April 24-25, 2003 St. Petersburg], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Sorel' 1907 - *Sorel' Zh.* Razmyshlenija o nasilii / Perevod s francuzskogo V.M. Friche [Reflections about the violence / Translation from French V.M. Frich], Moscow, 1907 [in Russian].

Sproul 1979 - *Sproul B.* Primal Miths. Creating the World, London, 1979 [in English].

Svetlov 1956 - *Svetlov L.B.* Russkij antiklerikal'nyj pamflet XVIII v. [Russian anticlerical lampoon of the 18th century], in: Voprosy istorii religii i ateizma [Questions of history of religion and atheism], 1956, № 4 [in Russian].

Trofimova 1982 - *Trofimova N.K.* K ponimaniju «utopii Jambula» u Diodora Sicilijskogo [To understanding of «Iambulus utopia» at Diodorus Siculus], in: Istorija socialisticheskih uchenij / Pod red. A.A. Iskenderova [History of socialist doctrines / Under the editorial office A.A. Iskenderov], Moscow, 1982 [in Russian].

Vernan 1981 - *Vernan J.P.* Mythe et Pensée chez les Grecs. En. 2 vol. [Myth and thought of ancient Greeks. Second edition], Paris, 1981 [in French].

Vidal-Naque 1991 - *Vidal-Naque P.* Le chasseur noir. Formes de Pensées et formes société dans le monde grec [Forms of thoughts and a form of a social system in the Greek world], Paris, 1991 [in French].

Кауркин Радислав Вячеславович – Кандидат исторических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде, научный сотрудник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).
Radislav Kaurkin – Candidate of historical sciences, Associate Professor of the Department of applied linguistics and cross-cultural communication of National Research University «Higher School of Economics» in Nizhny Novgorod, Research associate of Lobachevsky State University (Nizhny Novgorod, Russia).
E-mail: rad-kaurkin@mail.ru

Хазина Анна Васильевна – Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. Кузьмы Минина (Нижний Новгород, Россия).
Anna Hazina – Candidate of historical sciences, Associate Professor, Head of the Department of General history, classical disciplines and right of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University of Kuzma Minin (Nizhny Novgorod, Russia).
E-mail: hazina_av@mininuniver.ru

УДК (94)47.034

ЧТО УГРОЖАЛО РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ В 1380 ГОДУ

С.Н. Азбелев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Россия 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
e-mail: azbelev@mail.ru
SPIN-код: 1390-8096

Авторское резюме

События 1380 года являлись всенародным противостоянием Мамаеву нашествию. Это был разгром агрессивного похода претендовавшего на ханский титул в Орде беклярибека с разноплеменными его наёмниками и щедро им проплаченными добровольцами. Вторжения, имевшего своей задачей принудительную исламизацию русского народа и порабощение его в составе Орды после ликвидации православного Русского государства.

Ключевые слова: 1380 год, отражённая угроза исламизации и ликвидации Русского государства, Куликовская битва, Дмитрий Донской, Мамай, Золотая орда.

THREATS TO RUS IN 1380

Sergey Azbelev

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS
4 The Makarov's Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: azbelev@mail.ru

Abstract

The events of 1380 represented a nationwide confrontation of Rus and the Mamai invasion. The beklaribek, who claimed the Khan title in his tribal horde, assembled diverse warriors and generously paid for volunteers for an aggressive campaign to subjugate Rus and ended it with a decisive defeat. This invasion was aimed at the forced Islamisation and enslavement of the Russians after annihilation of the Orthodox Rus.

Keywords: 1380, Battle of Kulikovo, Golden Horde, Mamai, Dmitri Donskoi, eliminated threat of Islamisation and annihilation of Orthodox Rus.

* * *

«Летописцы говорят, – писал в знаменитой своей «Истории России» С.М. Соловьёв, – что такой битвы, как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; от подобных битв давно уже отвыкла Европа. Побоища подобного рода происходили и в западной ее половине в начале так называемых средних веков, во время великого переселения народов, во время страшных столкновений между европейскими и азиатскими ополчениями: таково было побоище Каталонское, где полководец римский спас Западную Европу от гуннов; таково было побоище Турское, где вождь

франкский спас Западную Европу от аравитян <…> Куликовская победа, – продолжал Соловьёв, – <…> имеет в истории Восточной Европы точно такое же значение, какое победы Каталонская и Турская имеют в истории Европы Западной, и носит одинакий с ними характер, характер страшного, кровавого побоища, отчаянного столкновения Европы с Азиею, долженствовавшего решить великий в истории человечества вопрос – которой из этих частей света восторжествовать над другою?

Таково, – заключал С.М. Соловьёв, – всемирно-историческое значение Куликовской битвы; собственно, в русской истории она служила освящением новому порядку вещей, начавшемуся и утвердившемуся на северо-востоке» (Соловьев 1993: 325).

Нынешние наши историки с готовностью принимают вторую часть этого заключения, отвлекаясь обычно от первой – как бы устаревшей – его части. Впрочем, устаревание тезиса о противостоянии Востока и Запада выглядит всё более относительным – на фоне небывалого увеличения числа мигрантов из стран ислама и возрастающей агрессивности их стремлений навязать свои привычки и требования коренному населению Западной Европы.

В статье речь пойдёт не о Западной Европе, а о Восточной и не о нашей эпохе, а о XIV столетии. Однако не зря С.М. Соловьёв сражение 1380 года на Куликовом поле ставил в один ряд с битвой 451 года на Каталаунских полях и с битвой 732 года при Пуатье. С победами, которые спасали Запад Европы от покорения гуннами и от завоевания аравитянами. Насколько были оправданы эти впечатляющие параллели?

Существенно, что в отличие от многих позднейших авторов С.М. Соловьёв с подобающим вниманием относился ко всему, что сообщалось летописцами не только о самом сражении 1380 года, но и о важнейших обстоятельствах, ему предшествовавших.

Разбитый тогда на Куликовом поле старший современник московского великого князя Дмитрия Ивановича беклярибек Мамай получил эту высшую должность в 1357 году (Дмитрию в то время было только семь лет). Затем более двух десятилетий Мамай являлся фактическим правителем в Орде. Но он не принадлежал к прямым потомкам Чингизхана и не имел вследствие этого возможности законно стать ханом Орды. Обладая реальной властью, Мамай манипулировал безвластными Чингизидами. Однако его «бонапартистские» склонности, очевидно, потребовали гораздо большего. И десятилетия своего всевластия беклярибек использовал целеустремлённо. Согласно заключению нынешнего историка Орды, «поход на Москву, в успехе которого Мамай не сомневался, ибо успел провести мощную военную и дипломатическую подготовку, сулил многое. Победа над московским князем укрепляла авторитет беклярибека в Орде, давая ему моральное право на присвоение желанного ханского титула» (Егоров 2005: 24). Масштабная подготовка завоевательного похода требовала

немалых денежных средств. Но долгое взимание дани от русских земель давало возможность их накопить.

Дипломатическая подготовка позволила Мамаю рассчитывать на участие в войне давних противников Москвы – в обмен на его обещания поделиться с ними территориями, захваченными после победы. Беклярибек вступил в военное соглашение с Ягайло, великим князем Литвы, и заручился обещанием военной поддержки от Олега, великого князя Рязани.

Во владениях самого Мамая было девять улусов, каждый мог выставить десять тысяч воинов (Селезнев 2000: 298). Но его войско, с которым предстояло сразиться русским, очевидно, формировалось в основном не из этих людей. Сборный характер многочисленной армии, приведённой беклярибеком на Куликово поле, явствует из информаций в летописях. Нет причин не доверять летописцам, ибо они, конечно, основывались на информациях, получаемых от находившихся в Орде русских людей.

Мамай осуществил беспрецедентное привлечение щедро оплачиваемых добровольцев. По сообщению Никоновской летописи, беклярибек «нача всехъ своихъ ласкати и дары многи дааше, дабы съ нимъ подщателни и готови были Русь воевати, паче же великого князя Дмитреа Ивановича Московьскаго. И снидошася къ нему отъ многихъ странъ татарове на ласкание его и даяние. Онъ же дааше обилно всемъ». Не ограничиваясь использованием соплеменников, Мамай озаботился привлечением ряда контингентов разноязычных воинов–профессионалов: «посла во многиа страны, наимаа фрязы, черкасы, ясы и иныа къ симъ» (ПСРЛ. XI: 47). В летописях же XV века говорилось кратко, что Мамай «прииде» на Русскую землю «съ единомысленики своими» и «съ всеми прочими князми ордыньскими, и съ всею силою татарскою и половецкою»; но был сообщён при этом более полный перечень наёмников иноплеменных: «бессермены, и армены, и фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы» (ПСРЛ. IV. Ч. 1: 311. Аналогично: ПСРЛ. VI. Вып. 1: 455. См. также: ПСРЛ. XLIII: 131 и др.).

Поверхностным или выборочным обращением к летописям приходится объяснять мнения тех историков, которые считали целью масштабного похода Мамая принуждение Москвы к согласию на увеличение размера дани. Такое требование перед Куликовской битвой Мамаем действительно выдвигалось. Оно было отвергнуто Дмитрием Московским, который подтвердил согласие только на дань уменьшенную, какую он ранее обещал. Однако этот «обмен нотами» отображённый в летописях (см., например: ПСРЛ. IV. Ч. 1: 314; ПСРЛ. VI. Вып. 1: 458-459; ПСРЛ. XI: 50) являлся всего лишь дипломатической подготовкой к решающему сражению уже начавшейся тогда войны.

О реальных целях беклярибека летописи сообщали вполне определённо. Даже сокращённый рассказ о Куликовской битве в Рогожском летописце и в Симеоновской летописи фиксировал не стремление Мамая увеличить дань, а его желание «пленити землю Русскую» (ПСРЛ. XV: 139; ПСРЛ. XVIII: 129). Полный текст

Летописной повести раскрывал его намерения гораздо яснее: «*Мамаи разгордевся, мнев себе аки царя, и начал советъ сотворити, темныя своя князи поганыя звати, рече имъ: ''Поидемъ на руского князя и на всю землю Рускую, якоже при Батыи цари было; хрестиянство потеряемъ, а церкви Божия попалим огнем, а кровь их пролиемъ, а закон их погубим''*». По заключению самого летописца, Мамай «подвижеся съ силою многою, хотя пленити хрестиянство» (ПСРЛ. XLIII: 131).

Квалифицированное обобщение присутствует в Новгородской четвёртой и в Софийской первой летописях, передающих Новгородско-Софийский свод 30-х годов XV века. Здесь под 1389 годом дано жизнеописание скончавшегося тогда великого князя Дмитрия Ивановича – победителя Мамая. Как сообщается в этом тексте, «*рече Мамаи княземъ и рядцемъ своимъ: ''преиму землю Рускую, и церкви христианьскыя разорю и веру ихъ на свою переложю, и велю им поклонятися своему Махмету; идеже церкви были, туто ропаты [мечети] поставлю, и баскаки посажу по всемъ городомъ рускым, а князи рускыа избию''*» (ПСРЛ. IV. Ч. 1: 353. Аналогично: ПСРЛ. VI. Вып. 1: 493-494. То же в Никоновской летописи: ПСРЛ. XI: 110, как и в ряде других).

Замысел Мамая, декларированный им перед походом, предусматривал не политическое подчинение, а насильственную исламизацию русских людей и включение населённых ими территорий непосредственно в состав Орды.

Как писала позднее Никоновская летопись, «*бе воинства его много зело, и не к тому уже нарицашеся великий князь Мамай, но от всехъ сущихъ его нарицашеся великий царь Мамай*» (ПСРЛ. XI: 47). Показательно, что в летописных сведениях о ставке Мамая на Куликовом поле нет упоминаний о присутствии в ней даже фиктивного хана Чингизида. Как писал в этой связи современный исследователь истории Орды В.Л. Егоров, «не исключено», что в 1380 году, предприняв грандиозный поход на Русь, «Мамай начал править от своего имени, не прикрываясь больше подставными ханами» (Егоров 1980: 208). Он же впоследствии называл «крайне важным» процитированное здесь мною сообщение Никоновской летописи «о перемене официального титула Мамая» (Егоров 2005: 24). Правда, летописцы XV столетия иронизировали по этому поводу, аттестуя беклярибека как «поганого царя Теляка нареченаго плотнаго дьявола Мамаа» (ПСРЛ. IV. Ч. 1: 319. Ср.: ПСРЛ. VI. Вып. 1: 464) с использованием его оскорбительного прозвища, означавшего «заика» или «бормотун» (Егоров 1980: 208-209).

Однако «бонапартистские» устремления самого беклярибека были вполне серьёзны. Они совмещали личные его претензии на ханский титул в Орде с его «государственными» претензиями на принудительное включение в её состав исламизируемых русских территорий. Осуществить это Мамай рассчитывал, используя, по-видимому, не столько «своих» ордынцев (разбитых русскими в 1378 году в битве на Воже), сколько контингенты профессионалов-наёмников, щедро оплачиваемых добровольцев и обещавших ему поддержку союзников.

Беспримерная консолидация русских людей перед битвой на Куликовом поле была обязана православию. Угроза насильственного обращения в ислам – через

четыре столетия после крещения Руси князем Владимиром Святым – стала мощнейшим стимулом, сплотившим население всех русских княжеств, отправивших свои войска на сражение с разноплемённой армией Мамая.

Летописи выражали это неоднократно, пересказывая вдохновенные слова московского великого князя Дмитрия Ивановича, обращённые к будущим участникам судьбоносного сражения.

Перед выступлением их из Москвы, выйдя из храма после молитвы, «*рече князь великии ко брату своему князю Володимеру Ондреевичю и ко всемъ князем рускимъ и воеводамъ: ''Поидемъ противу окояннаго сего, и безбожнаго, и нечестиваго, и темного сыроядца Мамая, за православную веру хрестиянскую и за святыя церкви, и за вся младенца и старца, и за вся хрестияны сущая''*» (ПСРЛ. XLIII: 132. Аналогично: ПСРЛ. IV. Ч. 1: 313; ПСРЛ. VI. Вып. 1: 457 и др.).

По сведениям летописца-современника, готовясь переправить свою армию через Дон, Дмитрий Иванович обратился к русскому войску с напоминанием о намерениях Мамая: «приходяще аки и змии ко гнезду» он «на хрестиянство дерзнул, а кровь им хотя прольяти, и всю землю осквернити, и святыя божьи церкви разорити» (ПСРЛ. XLIII: 133. Аналогично: ПСРЛ. IV. Ч. 1: 317; ПСРЛ. VI. Вып. 1: 462 и др.). Согласно Никоновской летописи, решившись на форсирование Дона и отрезая этим путь отступления, Дмитрий Ивановичь «*мужественно рече ко всемъ: ''братиа, лучши есть честна смерть злаго живота; лутчи было не ити противу безбожныхъ сихъ, неже, пришедъ и ничто же сотворив, возвратитися вспять; преидемъ убо ныне въ сий день за Донъ вси и тамо положимъ главы своя за святыя церкви и за православную веру и за братью нашу, за христианство!''*» (ПСРЛ. XI: 56).

Последний раз великий князь обратился к воинам, уже стоящим на поле битвы в ожидании неприятелей: «*возлюбленнии отцы и братиа, Господа ради и пречистыа Богородицы и своего ради спасениа подвизайтеся за православную веру и за братию нашу! Вси бо есмы от мала и до велика братиа едини, внуци Адамли, родъ и племя едино, едино крещение, едина вера христнанскаа, единаго Бога имеемъ Господа нашего Иисуса Христа, въ Троице славимаго; умремъ въ сий часъ за имя Его святое, и за православную веру и за святыа церкви, и за братию нашу за все православное христианьство!*» (ПСРЛ. XI: 58).

Разумеется, мы не можем знать, насколько точно сумели воспроизвести летописцы XV и XVI столетий такие речи, произносившиеся предводителем русского войска в 1380 году. Однако важна не столько текстуальная передача сказанных им слов, сколько передача выраженной в них общей решимости.

Показательно, что рукописи Задонщины и Повести о Мамаевом побоище, исчисляя сотни русских бояр, погибших на Куликовом поле, называют даже рязанцев (ПКЦ 1998: 119, 131) и тверичей (ПКЦ 1998: 186, 292), хотя сами князья, владевшие этими землями, как известно, не захотели выступить на стороне Москвы. Показательно, что рязанцу Софонию принадлежало поэтическое прославление московских полководцев – «*князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера*

Ондреевича, зане же ихъ было мужество и желание за землю Руссьскую и за веру христианьскую» (ПКЦ 1998: 89).

Православные князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи – родные братья союзного с Мамаем литовского великого князя Ягайла – на Куликовом поле выступили против несущей ислам разноплеменной армии Мамая вместе с православными своими боярами Полоцка, Брянска и Трубчевска, тогда ещё находившихся во владениях Литвы. Рукописи называли этих бояр «панами литовскими», а бояр суверенного ещё тогда от Москвы Великого Новгорода – «новгородскими посадниками» (ПКЦ 1998: 119 и др.). Переписчиков заботило не соблюдение точности в указаниях должностей, а утверждение солидарности православных людей, которые отправились сражаться за христианскую веру вне зависимости от политических границ.

В рукописях Задонщины и Повести о Мамаевом побоище присутствуют сведения о числе павших на Куликовом поле воевод от каждого из почти двух десятков православных княжеств Восточной Европы, которые послали своих воинов на битву против армии Мамая (см., например: ПКЦ 1998: 119, 131-132, 186, 249, 291-292, 334-335, 365). Не всегда совпадающие в деталях, эти перечни впечатляют общим количеством. Шестьсот или семьсот погибших в сражении князей и бояр возглавляли сотни тысяч участвовавших в нём русских людей.

Победа 1380 года одержанная на Куликовом поле – финал всенародного противостояния Мамаеву нашествию. Это был разгром агрессивного похода

претендовавшего на ханский титул в Орде беклярибека с разноплеменными его наёмниками и щедро им проплаченными добровольцами. Вторжения с задачей принудительной исламизации русского народа и порабощения его в составе Орды после ликвидации Русского государства.

По реальным последствиям для христиан Восточной Европы результат несостоявшейся победы агрессивных войск Мамая соответствовал бы тому, что угрожало христианам Европы Западной в случае победы в 451 году агрессивных язычников гуннов или победы в 732 году не менее тогда агрессивных мусульман арабов. Всемирно-историческое значение битвы на Куликовом поле определил уже полтора столетия назад Сергей Михайлович Соловьёв в его многотомной «Истории России».

ЛИТЕРАТУРА

Егоров 1980 - *Егоров В.Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сборник статей. М.: Наука, 1980. С. 174-213.

Егоров 2005 - *Егоров В.Л.* Русь и Орда в эпоху Куликовской битвы // Куликово поле и Донское побоище 1380 года: Труды Государственного исторического музея. Вып. 150. М., 2005. С. 7-30.

ПКЦ 1998 - Памятники Куликовского цикла / Составители: А.А. Зимин, Б.М. Клосс, Л.Ф. Кузьмина, В.А. Кучкин. СПб.: БЛИЦ, 1998.

ПСРЛ. IV. Ч. 1 - Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

ПСРЛ. VI. Вып. 1 - Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.

ПСРЛ. XI - Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ. XV - Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. М., 2000.

ПСРЛ. XVIII - Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007.

ПСРЛ. XLIII - Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004.

Селезнев 2000 - *Селезнев Ю.В.* Стратегия и тактика Мамая: К вопросу о численности ордынских войск и маршрута следования к Куликову полю // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Труды научно-практической конференции. Тула, 2000. С. 296-299.

Соловьев 1993 - *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Книга 2. Т. 3-4. М.: Голос, 1993.

REFERENCES

Egorov 1980 - *Egorov V.L.* Zolotaja Orda pered Kulikovskoj bitvoj [The Golden Horde before Battle of Kulikovo], in: Kulikovskaja bitva: Sbornik statej [Battle of Kulikovo: Collection of articles], Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 174-213 [in Russian].

Egorov 2005 - *Egorov V.L.* Rus' i Orda v jepohu Kulikovskoj bitvy [Russia and Horde during an era of Battle of Kulikovo], in: Kulikovo pole i Donskoe poboishhe 1380 goda: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja. Vyp. 150 [Kulikovo Field and Don slaughter of 1380: Works of the State Historical Museum. Release 150], Moscow, 2005, pp. 7-30 [in Russian].

PKC 1998 - Pamjatniki Kulikovskogo cikla / Sostaviteli: A.A. Zimin, B.M. Kloss, L.F. Kuz'mina, V.A. Kuchkin [Monuments of the Kulikovsky cycle / Originators: A.A. Zimin, B.M. Klos, L.F. Kuzmina, V.A. Kuchkin], St. Petersburg, BLIC Publ., 1998 [in Russian].

PSRL. IV. Ch. 1 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IV. Ch. 1. Novgorodskaja chetvertaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume IV. Part 1. Novgorod Fourth Chronicle], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL. VI. Vyp. 1 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. VI. Vyp. 1. Sofijskaja pervaja letopis' starshego izvoda [Complete collection of the Russian chronicles. Volume VI. Release 1. Sofia First Chronicle], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL. XI - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XI. Letopisnyj sbornik, imenuemyj patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XI. Nikon Chronicle], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL. XV - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XV. Rogozhskij letopisec [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XV. Rogozhsky Chronicle], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL. XVIII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XVIII. Simeonovskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XVIII. Simeonovsky Chronicle], Moscow, 2007 [in Russian].

PSRL. XLIII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XLIII. Novgorodskaja letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XLIII. Novgorod Chronicle according to P.P. Dubrovsky's list], Moscow, 2004 [in Russian].

Seleznev 2000 - *Seleznev Ju.V.* Strategija i taktika Mamaja: K voprosu o chislennosti ordynskih vojsk i marshruta sledovanija k Kulikovu polju [Strategy and tactics of Mamai: To a question of the number of the Horde troops and a route to Kulikovo Field], in: Kulikovo pole: Voprosy istoriko-kul'turnogo nasledija. Trudy nauchno-prakticheskoj konferencii [Kulikovo Field: Questions of historical and cultural heritage. Works of a scientific and practical conference], Tula, 2000, pp. 296-299 [in Russian].

Solov'ev 1993 - *Solov'ev S.M.* Sochinenija v vosemnadcati knigah. Kniga 2. T. 3-4 [Compositions in eighteen books. Book 2. Volume 3-4], Moscow, Golos Publ., 1993 [in Russian].

Азбелев Сергей Николаевич – Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, профессор кафедры отечественной истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Sergey Azbelev – Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian History at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Senior Research Scientist at the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: azbelev@mail.ru

УДК 912.4

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГАПЛОКАРТЫ: ОБЗОР ДАННЫХ ПО ИСКОПАЕМОЙ Y-ДНК

И.Л. Рожанский

Академия ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония)
e-mail: igorrozhanskii@gmail.com
SPIN-код: 9823-3659

Авторское резюме

Проведен обзор публикаций по ископаемой Y-ДНК человека в западной Евразии за период с верхнего палеолита по начало нашей эры. Большой массив данных (более 550 образцов по состоянию на август 2017 года) дал возможность систематизировать их в виде серии карт, составленных по хронологическому принципу и отображающих координаты находок древней ДНК, а также принадлежность к основным генеалогическим линиям Евразии. Помимо использования в качестве справочного материала, гаплокарты дают возможность выявить и сформулировать ряд новых задач в исследовании древней ДНК, которые стали очевидны после систематизации исходных данных.

Ключевые слова: археология, ДНК, гаплогруппа, гаплотип.

HISTORICAL HAPLOMAPS: REVIEW OF ANCIENT Y-DNA DATA

Igor Rozhanskii

Academy of DNA-Genealogy (Tsukuba, Japan)
e-mail: igorrozhanskii@gmail.com

Abstract

Publications on ancient Y-DNA in Western Eurasia dated from Upper Paleolithic to beginning of the Common Era have been reviewed. A large dataset of over 550 samples (as on August 2017) has been arranged in a series of maps (nicknamed as haplomaps), according to the dates of human remains. Locations of ancient samples and their relatedness to the major Eurasian haplogroups have been shown of each map. Apart from being used as convenient reference data, haplomaps themselves let to determine and to formulate novel problems related to the future study of ancient DNA.

Keywords: archaeology, DNA, haplogroup, haplotype.

* * *

Палеогенетика, как по аналогии с палеонтологией можно назвать исследование ископаемой ДНК, вошла в арсенал научных методов сравнительно недавно ввиду больших экспериментальных трудностей в работе с органическим материалом, сильно пострадавшим от времени. Первые же исследования, проведенные на адекватном научном уровне, показали колоссальный потенциал

новой дисциплины в изучении происхождения человека. Кульминацией первого этапа палеогенетики стало открытие нового вида (подвида?) гоминид по ДНК, извлеченной из фаланги пальца ребенка, жившего на Алтае более 40 тысяч лет назад (Krause 2010).

Археологи также оценили возможности палеогенетики в качестве независимого источника информации, и анализ ДНК из древних захоронений стал частью многих исследований в начале 2000-х. Как правило, анализировали митохондриальную ДНК в силу ее лучшей сохранности и более простой экспериментальной процедуры выделения и типирования в сравнении с Y-ДНК. Последняя намного более информативна, но вплоть до 2015 года в силу уже перечисленных причин публикации, посвященные ее анализу, были редким событием, пока на помощь не пришли новые высокопроизводительные технологии, известные как Next Generation Sequencing. С их помощью производительность выросла на несколько порядков, и стало возможным получиаь информацию о «полных геномах» нескольких десятков образцов ископаемой ДНК в одном эксперименте. Выражение «полный геном» взято здесь в кавычки, поскольку речь идет не о расшифровке всех нуклеотидов в древней ДНК, а об уцелевших фрагментах из всех хромосом, общим объемом от нескольких десятков тысяч до нескольких десятков миллионов пар нуклеотидов. Это составляет доли процента от полного генома, но такого количества достаточно, чтобы применить к ископаемым данным математические модели, отработанные в популяционной генетике животных. Как следствие, предметом обсуждения последних работ, сделанных на самом высоком экспериментальном уровне, стали результаты математической обработки геномных данных, тогда как сведения по Y-ДНК не попадали в основной текст и, как правило, включались в многостраничную сопроводительную информацию к статьям вместе со второстепенными техническими деталями.

Однако математические модели, на основании которых делаются обобщения, страдают свойством, присущим всему классу обратных плохо обусловленных задач – неустойчивостью решений и их критической зависимостью от вводных параметров модели. Это резко снижает ценность проведенной экспериментальной работы. Аналогичные проблемы часто возникают в инженерных расчетах, и в качестве критерия для поиска оптимального решения необходим набор независимых экспериментальных данных, не привязанных к модели. В палеогенетике такой необходимый набор предоставляет Y-ДНК. В общей сложности в доступных источниках насчитывается более 550 образцов ископаемой Y-ДНК, а это означает, что их пора перестать рассматривать в качестве маргинальных данных, как это сейчас происходит.

Более того, назрела необходимость систематизировать имеющиеся сведения по ископаемой Y-ДНК, чтобы выявить статистику по эпохам и регионам, а также понять, где эти данные можно считать статистически достоверными, а где еще предстоит большая работа по сбору материала. Автор поставил своей задачей

провести сортировку опубликованных данных, результатом которой стала серия из исторических гаплокарт, ниже следует их краткий обзор. Насколько известно автору, это первая обобщающая работа по ископаемой Y-ДНК такого масштаба.

В качестве исходного материала использовались оригинальные работы по ископаемой ДНК, опубликованные с 2005 по август 2017 гг., а также комментарии и уточнения специалистов в расшифровке Y-хромосомы, любезно размещенные Дж. Манко на ее портале Ancestral Journeys.[1] Формально авторы комментариев (С. Rottensteiner, В. Таганкин. С. Малышев) считаются любителями, но фактически они проделывают работу по расшифровке сырых данных по Y-ДНК, за которую авторы оригинальных статей не берутся по тем или иным причинам.

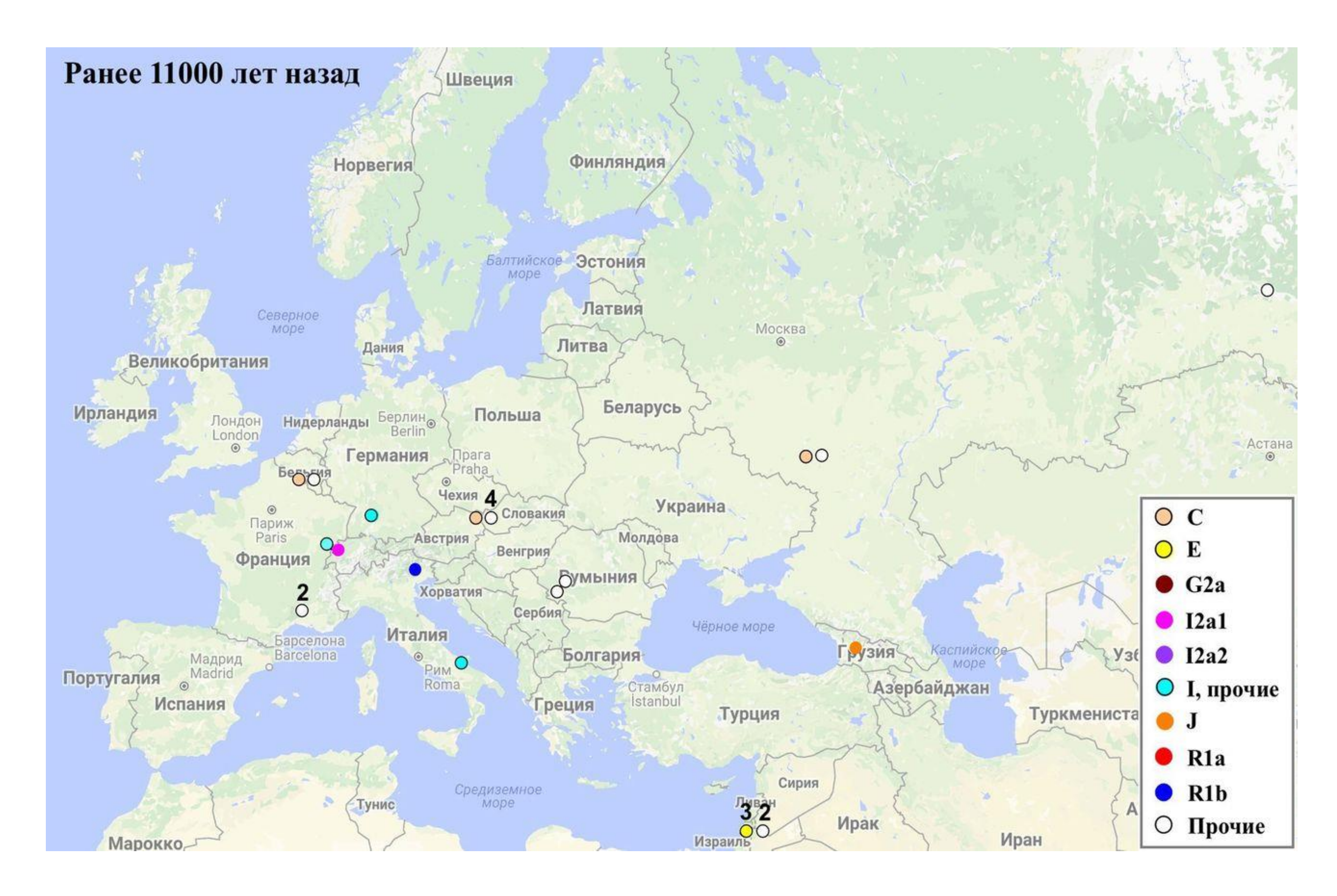
Чтобы не распыляться по удаленным местам находок, гаплокарты были составлены только для Европы и Ближнего Востока. Намного уступающие в количестве и качестве образцов Сибирь, Китай, Монголия и Северная Америка пока вынесены за скобки. Сведения о гаплогруппах рассортированы по следующим категориям: C-M130, E-M96, G2a-P15, I2a1-P37.2, I2a2-P214, I-M170 (прочие), J-M304, R1a-M420 и R1b-M343. Все остальные гаплогруппы сведены в категорию «Прочие». Среди последних около половины составляют гаплотипы, которые не удается отнести к какой-либо из современных гаплогрупп, и они записаны в сводные гаплогруппы BT, CT, IJK и т.п. Причиной этого может быть как низкое качество древней ДНК, что не позволяет прочесть снипы многих гаплогрупп, так и их принадлежность к линиям и даже гаплогруппам, не дожившим до наших дней. Это особенно актуально для самых древних находок, как будет видно ниже. То же самое касается категории I-M170 (прочие), куда, помимо единичных находок из гаплогрупп I1 и I2c, занесено большое количество гаплотипов с низким покрытием и неясным отнесением.

Выбор указанных 9 категорий обусловлен тем, что соответствующие гаплогруппы чаще всего встречаются в находках древней ДНК из Европы и с Ближнего Востока, а потому их динамика во времени представляется наиболее информативной. Точки на карте нанесены в соответствии с опубликованными координатами находок. Если в одном и том же археологическом сайте было несколько гаплотипов из одной и той же категории, то их количество отмечено цифрой рядом с точкой. Если там присутствуют гаплотипы их 2-3 разных категорий, то они отображены в виде точки рядом с основной. Если выборка по тому или иному региону оказывается масштабной и разнообразной, то статистика по ней отображена в виде круговых диаграмм. Сортировка по времени следует формальному критерию – среднему арифметическому от опубликованных верхнего и нижнего пределов датировок. В силу нередких больших разбросов в оценках при отсутствии прямых радиоуглеродных датировок (а это около половины всех образцов) подобное деление во многом условно, но если применять его

[1] http://www.ancestraljourneys.org/ancientdna.shtml

последовательно, оно должно дать более объективную динамику, чем классификация по принципу хозяйственного уклада, как это делалось в последние годы.

Палеолит и эпипалеолит

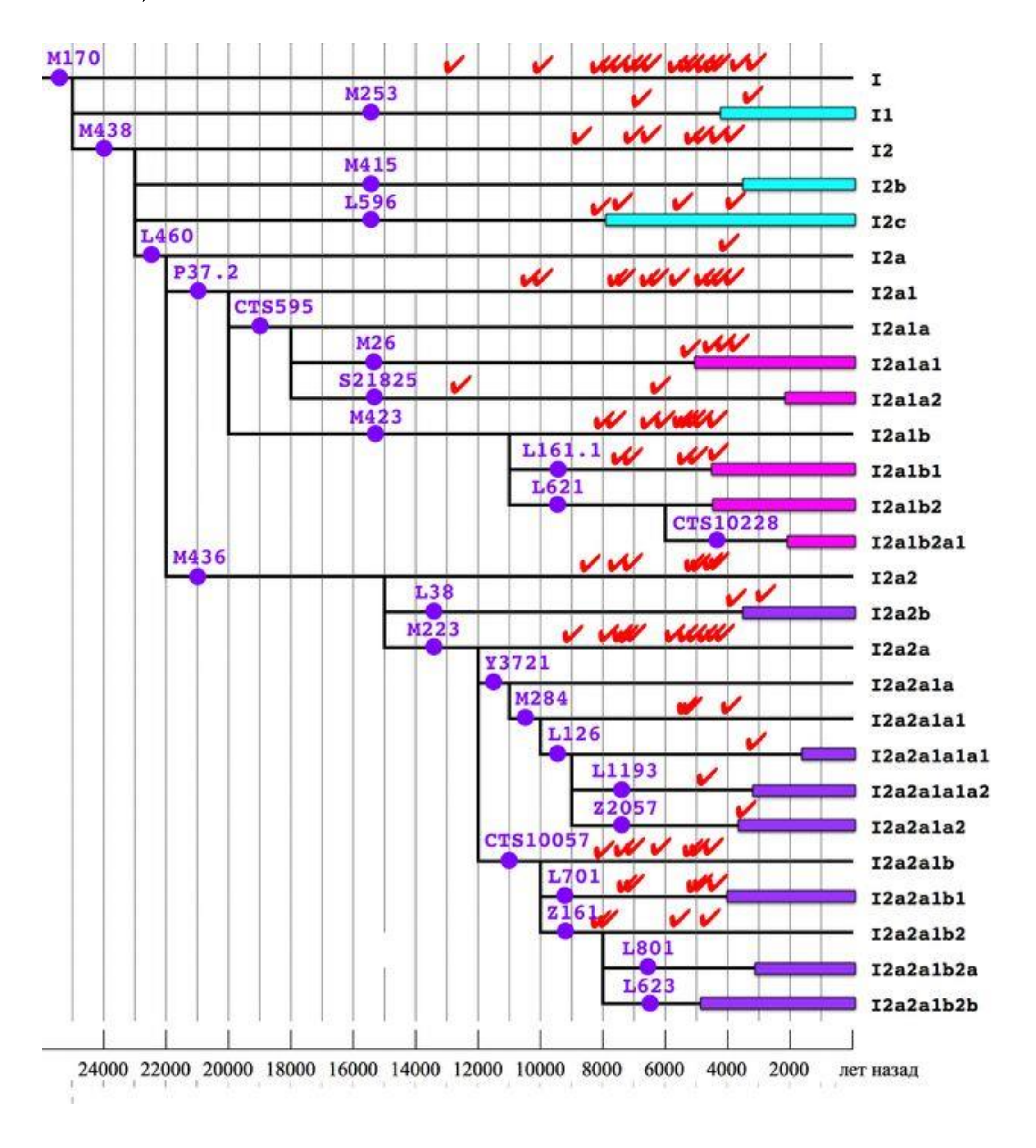

На карте собраны все пока немногочисленные находки, от самых ранних до конца X тысячелетия до н.э. Обращают на себя внимание гаплотипы из Бельгии, Чехии, Румынии (пещера Чокловина). России (стоянка Костёнки-12) и Палестины, отнесенные к сводным гаплогруппам BT, CT и IJK. Из-за невысокого покрытия пока нет возможности различить, принадлежат они к вымершим гаплогруппам или у них не читаются снипы каких-либо ныне существующих гаплогрупп. Можно надеяться, что по мере совершенствования техники от этих образцов удастся получить более полные результаты.

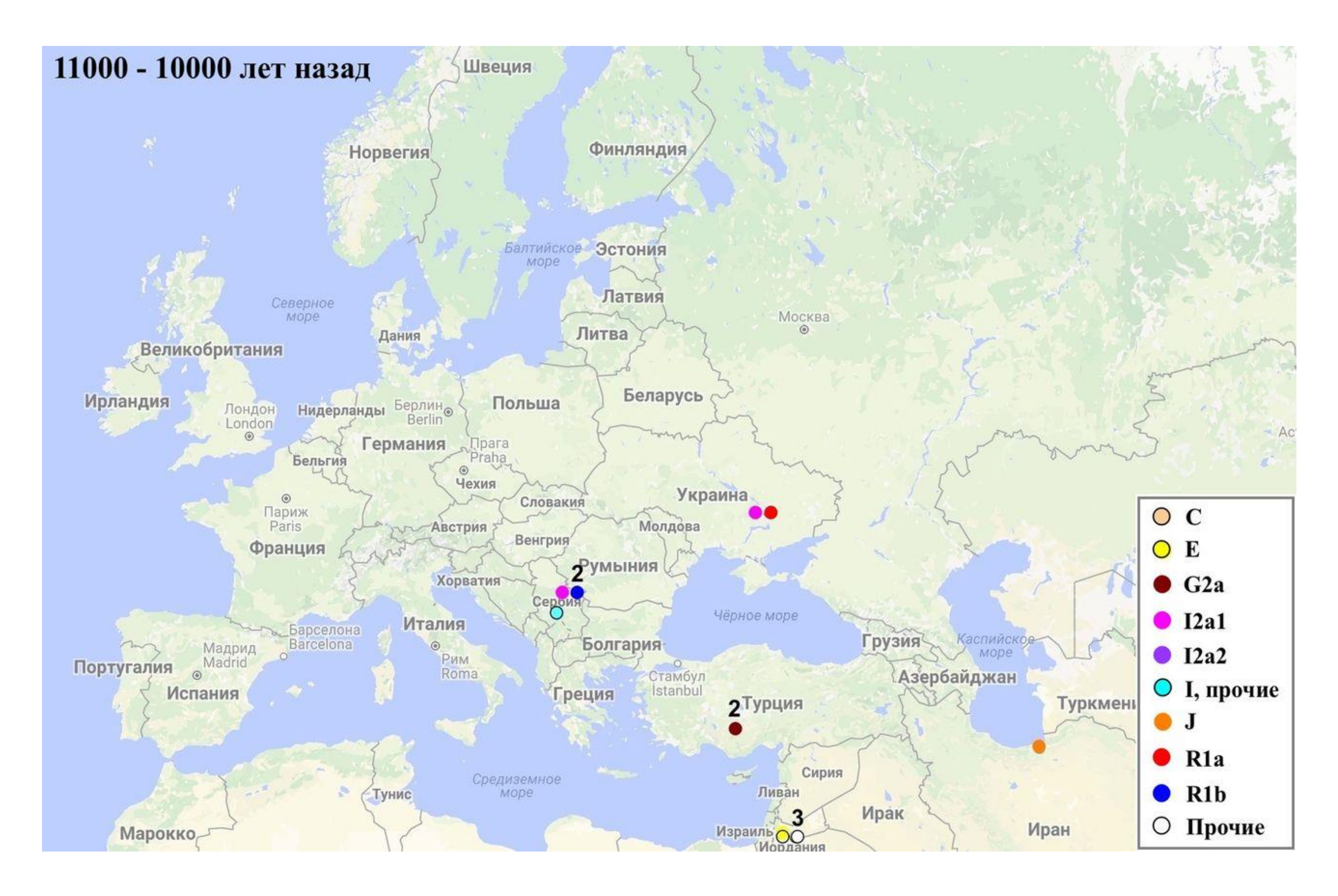
Близко к правому краю карты нанесена точка в Усть-Ишиме, где найдены самые древние на сегодняшний день останки анатомически современного человека, подтвержденные генетическим анализом. Недавно положение человека из Усть-Ишима на дереве гаплогрупп было уточнено (Posnik 2016). Из сводной гаплогруппы K2-M526 он переместился в K2a, предковую для азиатской NO. Та же самая гаплогруппва K2a сообщается для человека из пещеры Оасе в Румынии (41640-37580 лет назад), ранее определенного как F*. Сюрпризом для исследователей в стали находки гаплогруппы C у европейцев эпохи палеолита. Ныне в Европе эта гаплогруппа, точнее, определенная у людей палеолита европейская ветвь C1a-V20,

встречается исключительно редко. Например, в выборке из 3249 русских, украинцев, белорусов и поляков есть всего 2 ее представителя.

В целом, данные по Y-ДНК времен палеолита пока слишком фрагментарны, чтобы делать из них далеко идущие выводы. Можно отметить, что в столь древнюю эпоху в Европе уже жили люди из гаплогрупп I и R1b, в Грузии – из J1, а в Палестине – из E. Все они до сей день являются одними из основных для этих регионов. О древних корнях гаплогруппы I в Европе можно судить по приведенной ниже схеме, на которой помечены датировки и положение на ее древе находок ископаемой ДНК. Цветные прямоугольники обозначают ныне существующие ветви, а их длина соответствует временам жизни их самых недавних предков (Fu 2016; Lazaridis 2016; Mathieson 2017).

11000 – 10000 лет назад

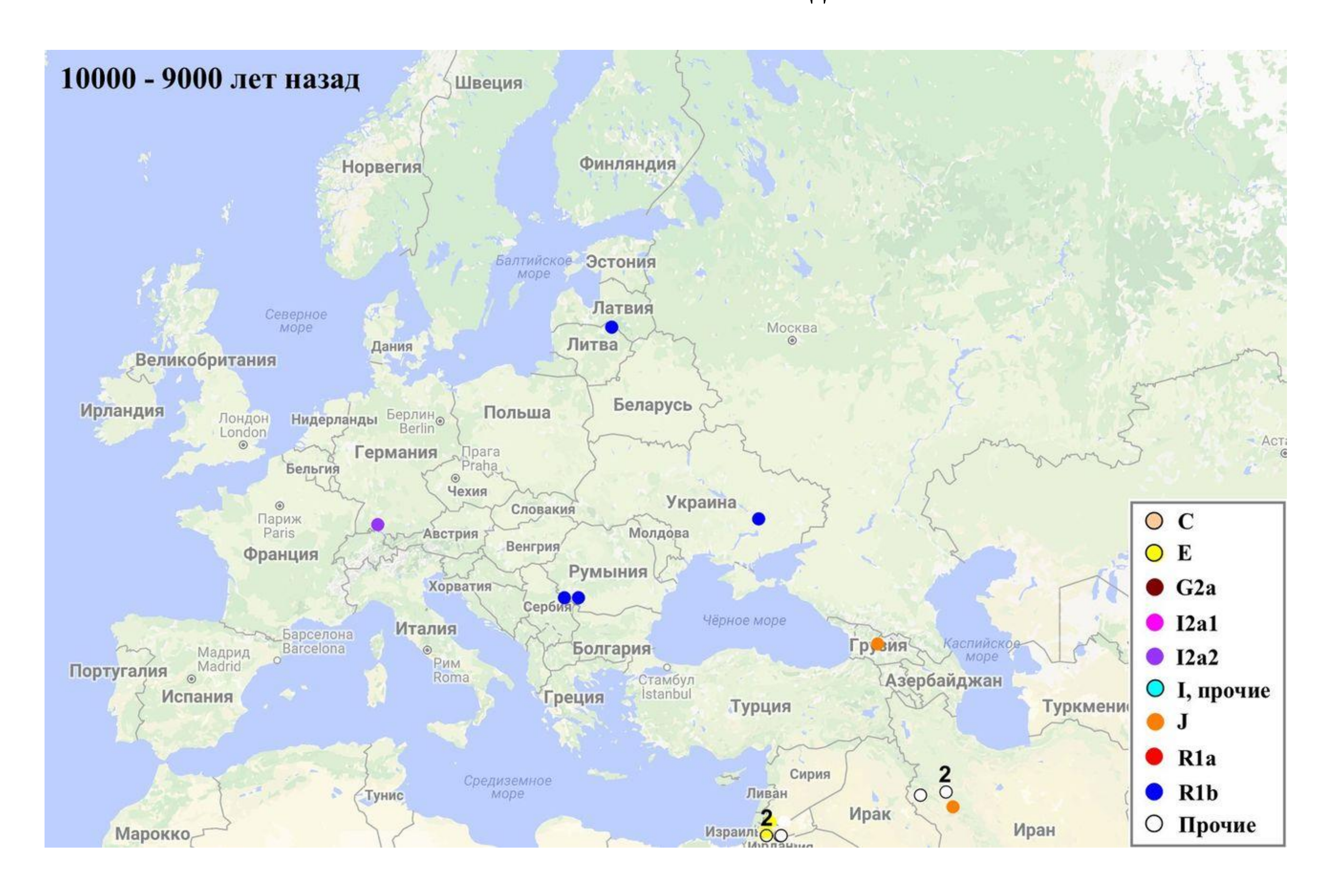

На это тысячелетие, в ходе которого на Ближнем Востоке начался переход к производящему типу хозяйства, приходится 13 образцов древней Y-ДНК. Внимание исследователей было закономерно привлечено к Ближнему Востоку и юго-востоку Европы. Находки, при всей их фрагментарности, следуют той же тенденции, что и в эпоху палеолита – в Европе отмечена европейская гаплогруппа I, в Передней Азии – поныне доминирующие там E, G2a и J.

Помимо того, в могильнике Васильевка на Днепре найден самый ранний на сегодняшний день образец из гаплогруппы R1a, датируемый 8825-8561 гг. до н.э. прямым радиоуглеродным методом. Продолжаются находки R1b в Европе. На этот раз в Сербии, в селении Падина у Железных Ворот на Дунае. Подтверждения о миграции людей из Малой Азии на Балканы пока отсутствуют, хотя при столь малой статистике нельзя утверждать это однозначно.

По Европе за пределами Сербии и Поднепровья данные пока отсутствуют, и о составе европейских генеалогических линий в то время можно судить только косвенно, по находкам последующих тысячелетий (Kılınç 2016; Lazaridis 2016; Mathieson 2017).

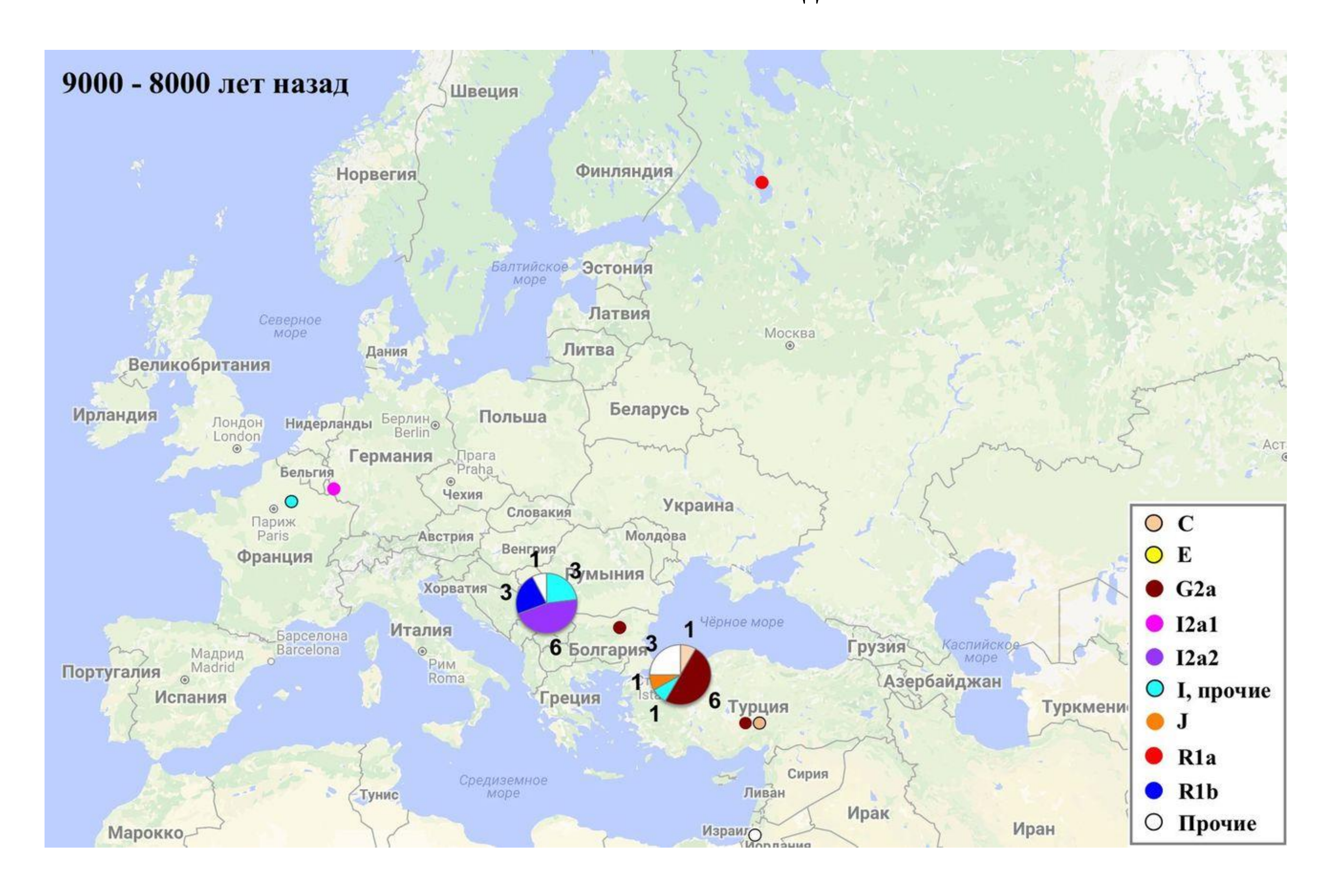
10000 – 9000 лет назад

Как и на предыдущей карте, имеются данные о 13 находках, в основном из тех же самых регионов. В Палестине по-прежнему отмечена гаплогруппа E, в Грузии и Иране – J2. Для человека из пещеры Котиас-Кладе на западе Грузии удалось установить довольно глубокий по иерархии снип SK1321, который характеризует ветвь, встречающуюся у 6-8 % современных грузин и осетин. Эта находка дает представление о том, в какую глубокую древность могут уходить корни местного населения. В категории «Прочие» на Ближнем Востоке появляются гаплогруппы T (Палестина), G2b и R (Иран). Гаплотипы гаплогруппы R из Ирана с датировкой 8000-7700 до н.э. (их 2) пока не рашифрованы в деталях, и по ним можно в будущем ожидать уточненной информации, принадлежат они к R1a, R1b, R2 или к ныне пресекшейся ветви, параллельной им.

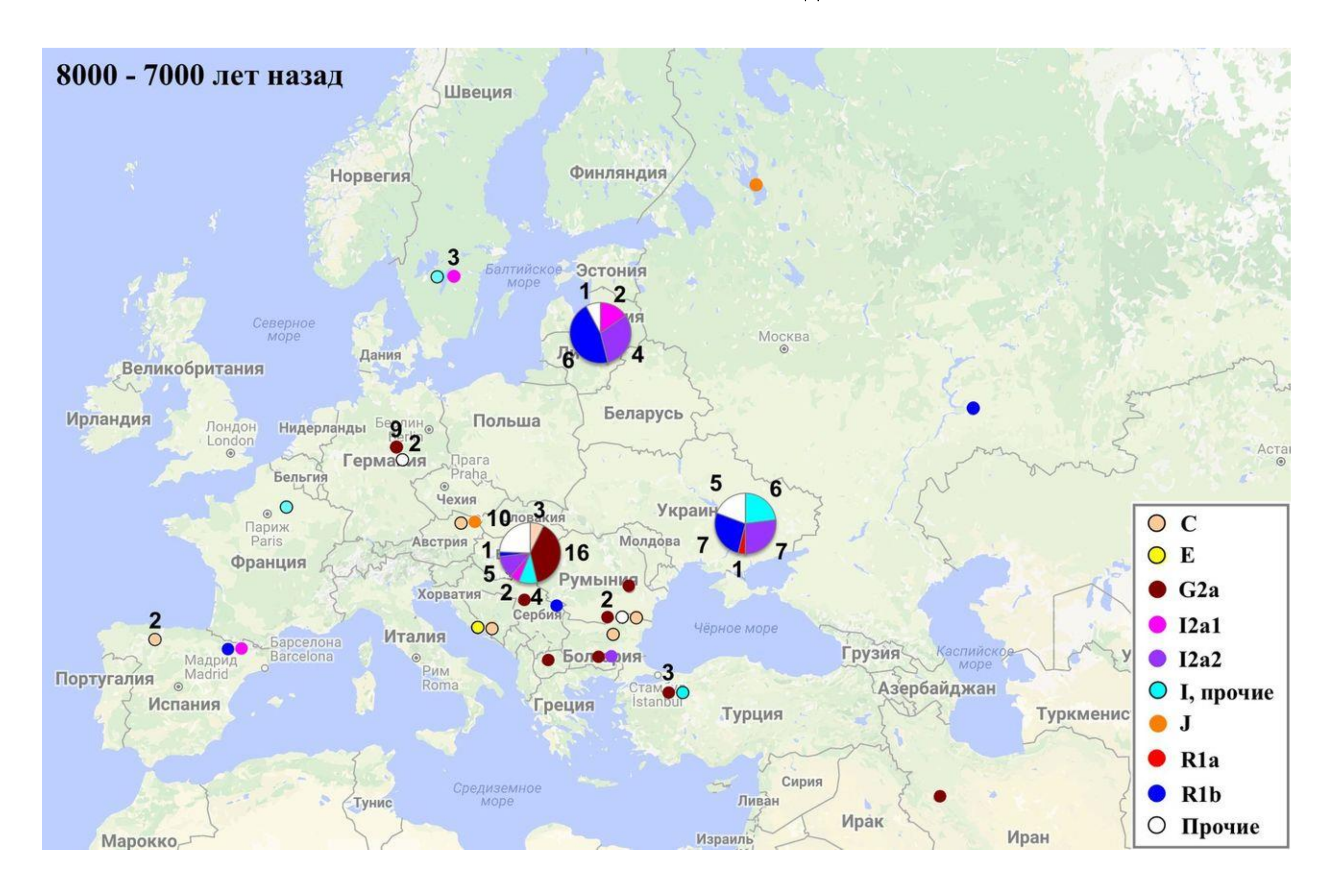
По Европе данных по-прежнему очень мало. Продолжаются находки гаплогруппы R1b в Восточной Европе. У образца из Латвии (могильник Звейниеки) был определен терминальный снип M73, у образца с Украины (Васильевка) – V88. Оба субклада ныне практически отсутствуют в Европе. Первый встречается у народов Средней Азии и евразийских степей, второй – в Средиземноморье и Центральной Африке. Точное отнесение образцов из Сербии пока неизвестно, за исключением того, что они не принадлежат к субкладу M269 (Jones 2015; Broushaki 2016; Lazaridis 2016; Mathieson 2017).

9000 – 8000 лет назад

На карте появляются 2 масштабные по меркам палеогенетики выборки из Сербии и с запада Турции. Статистика по ним отображена на круговых диаграммах. Обращает на себя внимание резкое различие в составе генеалогических линий не столь уж далеко отстоящих территориально групп населения. Западная часть Балканского полуострова по-прежнему остается местом обитания европейских гаплогрупп, в том числе R1b. Эта гаплогруппа была определена у человека из археологической культуры Лепенский Вир, хотя большинство исследователей из Сербии предполагали на основании косвенных соображений, что он из гаплогруппы R1a. На востоке Болгарии можно увидеть первую ласточку гаплогруппы G2a в Европе. Возможно, палеогенетикам удалось застать самое начало перехода людей из Малой Азии на противоположный берег Босфора. В категории «Прочие» на западе Турции оказались 3 гаплотипа из гаплогруппы H2-P96, ранее известной как F3. Сейчас она встречается чрезвычайно редко, в основном на Ближнем Востоке, но в ископаемой ДНК она будет появляться и далее. Европа за пределами Балкан все еще остается белым пятном для палеогенетиков. В это тысячелетие она отметилась всего тремя находками, одна из которых – широко обсуждавшийся ранее человек с Южного Оленьего Острова в Карелии из ветви R1a-YP1272 (Lazaridis 2014; Mathieson 2015; Fu 2016; Hofmanova 2016; Kılınç 2016; Lazaridis 2016; Mathieson 2017).

8000 – 7000 лет назад

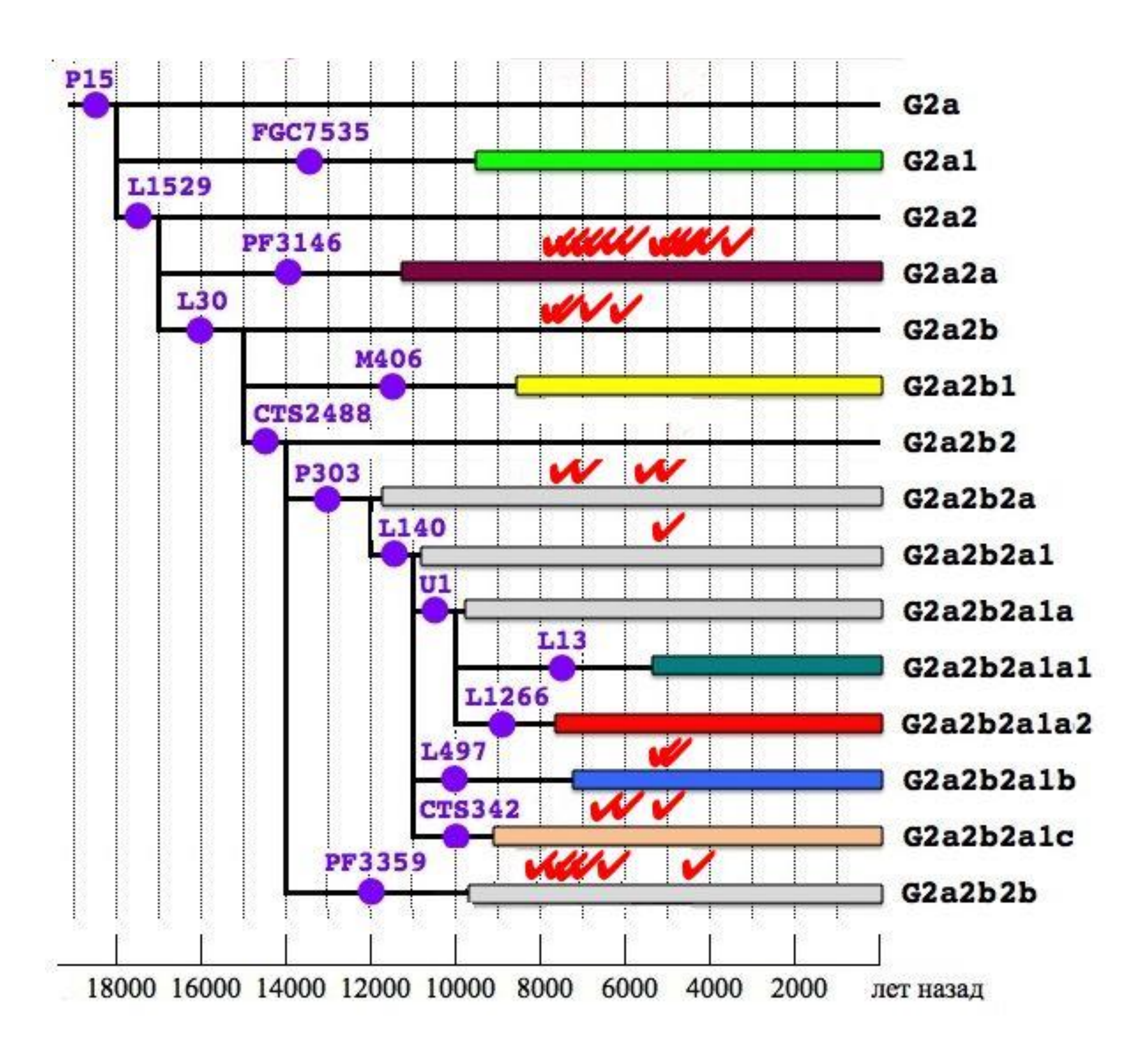

Этим тысячелетием датируется 82 ископаемых гаплтипа, из которых ровно половина приходится на Венгрию, что немало даже по меркам популяционной генетики современных народов. Люди из гаплогруппы G2a, в предыдущее тысячелетие начинавшие осваивать Европу, продвинулись до Балтики. Они доминируют в захоронениях из неолитических культур Старчево и линейно-ленточной керамики, а о массовом характере их миграции можно судить по разнообразию ветвей гаплогруппы G2a, идентифицированных в ископаемых образцах в Европе. Положение находок на упрощенном дереве отмечено галочками на схеме на следующей странице.

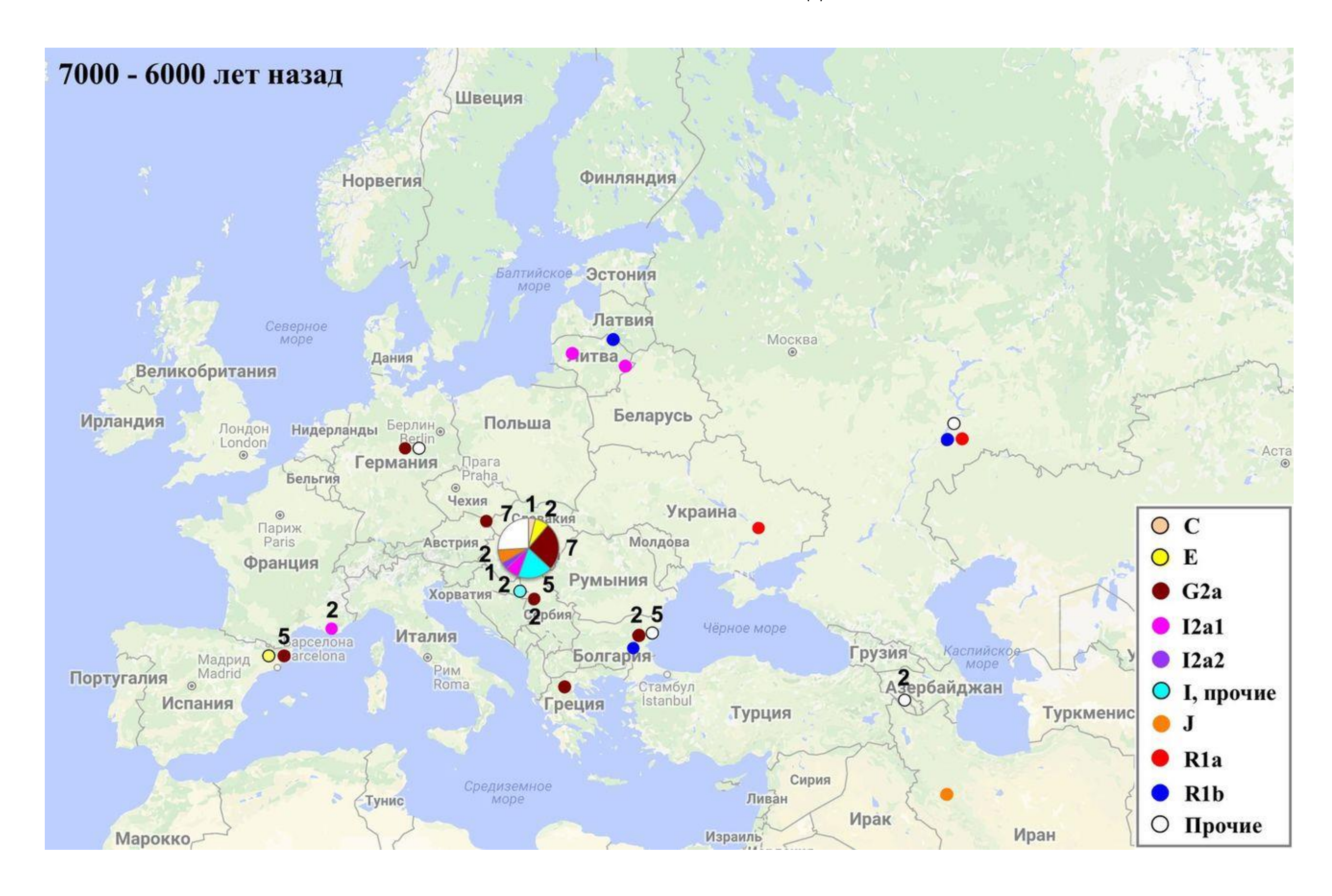
В качестве минорных линий к G2a в Венгрии и на Балканах оказываются найденные до того в ближневосточных выборках гаплогруппы E, H2, J2 и T. Вновь появляются находки из древнеевропейского субклада C-V20, что не попали в скромные по объему выборки за предшествующие тысячелетия. Люди из гаплогрупп I и R1b по-прежнему живут на Балканах и в Венгрии, но находятся там в меньшинстве.

Наконец, впервые появляются данные по Испании и Швеции, а результаты по Латвии и украинскому Поднепровью дают возможность оценить гаплогруппный состав регионов Европы, сохраняющих присваивающий уклад хозяйства. В отличие от Венгрии и Германии, там все еще не найдено образцов из ближневосточных

гаплогрупп, за единственным исключением человека из Карелии, у которого идентифицировали гаплогруппу J-M304 (Mathieson 2015; Szécsényi-Nagy 2015a; Lazaridis 2016; Lipson 2017; Mathieson 2017).

7000 – 6000 лет назад

Число образцов уступает предществующей карте, но статистику по Венгрии по-прежнему можно считать достаточно репрезентативной. Эти образцы относятся к неолитической культуре Лендьель (с локальными вариантами), которую принято считать преемницей культуры линейно-ленточной керамики в этом регионе. Преемственность населения с предшествующим тысячелетием очевидна, о чем можно судить по почти идентичным (с учетом статистической погрешности) распределениям гаплогрупп. В венгерской выборке находится самый ранний подтвержденный образец из гаплогруппы I1, ныне одной из основных у германоязычных народов. Этот человек жил почти на 3 тысячелетия раньше предка нынешних носителей этой гаплогруппы.

За пределами Венгрии и Балкан данных немного, но они весьма показательны. В Поволжье в захоронениях Хвалынской культуры идентифицированы образцы из гаплогрупп Q1a, R1a и R1b. Компанию им составляют R1a и R1b с Украины (могильник Вовниги) и из Латвии (могильник Звейниеки), соответственно. На территории Каталонии появляются люди из ближневосточных гаплогрупп G2a и E (E-V13), отнесенные к культуре кардиальной керамики (она же культура «импрессо»), которая охватывала побережье Средиземного моря от Хорватии до Гибралтара. Довольно неожиданной оказалась находка людей их субклада L-M27 в Армении. В настоящее время его ареал ограничен югом Индии, причем предок

«дравидской» ветви жил существенно позже - 4500±700 лет назад (Lacan 2011b; Brandt 2013; Mathieson 2015; Szécsényi-Nagy 2015a; Szécsényi-Nagy 2015b; Hofmanova 2016; Lazaridis 2016; Jones 2017; Lipson 2017; Mathieson 2017; Mittnik 2017).

6000 – 5000 лет назад

Это тысячелетие должно было бы привлечь особое внимание сторонников курганной гипотезы, поскольку, согласно ее доводам, именно в это время начался распад протоиндоевропейской диалектной общности в прикаспийских степях. Однако данные по этому региону практически отсутствуют, за исключением трех образцов из Самарской области, все из R1b-Z2103. Они найдены у людей из ямной культуры, а их принадлежность к очень редкому для Западной Европы субкладу гаплогруппы R1b вызвала бурную дискуссию по поводу того, мигрировали они на запад, как гласит курганная гипотеза, или нет.

Продолжаются находки R1a на Русской равнине, на этот раз в селище Сертея с Валдайской возвышенности, обитателей которого относят к культуре ямочно-гребенчатой керамики. Впервые появляются ископаемые гаплотипы с территории Польши. Люди из неолитической культуры шаровых амфор оказались «палеоевропейцами» по происхождению. На западе Украины (пещера Вертеба) проанализировали останки из Трипольской культуры, и определили гаплогруппы G2a-P303 и E-M96. Внимание исследователей из Испании переключилось на Страну

Басков, которую, судя по все еще фрагментарным данным, тогда населяли преимущественно носители гаплогруппы I. Такая же ситуация в Шотландии и, видимо, в Англии, по которым это самые ранние из опубликованных данных.

Наконец, на севере Германии появляются первые находки R1b за пределами Восточной Европы и Балкан. Оба образца пока не проанализированы в полной мере, и их субклады установить не удается. Один отнесён к группе Баальберге (локальному варианту культуры воронковидных кубков), для второго археологический контекст не сообщается. Их соседи по захоронениям представляют гаплогруппы I, G2a и R1. Более глубокое типирование у них пока не проводили (Keller 2012; Чекунова 2014; Allenloft 2015; Günther 2015; Mathieson 2015; Lazaridis 2016; Lipson 2017; Mathieson 2017).

5000 – 4500 лет назад

По III тысячелетию до н.э. находок оказалось так много, а их динамика столь показательна, что для наглядности массив был поделен на 2 части по хронологическому принципу. Первой половиной тысячелетия датируется появление культур ранней бронзы в Европе, а потому внимание исследователей они привлекали в первую очередь. В прикаспийских степях это ямная и полтавкинская культуры, в которых доминирует субклад R1b-Z2103. По северу Европы есть не столь масштабная, но показательная выборка из культуры шнуровой керамики, которую характеризует гаплогруппа R1a. У образцов из Эстонии идентифицировали

европейский субклад Z283. Популярный среди любителей постулат «одна культура – одна гаплогруппа» нарушают образцы R1a-Z94 из Самарской области (полтавкинская культура) и R1b из Польши и Германии (субклады не определены, культура шнуровой керамики).

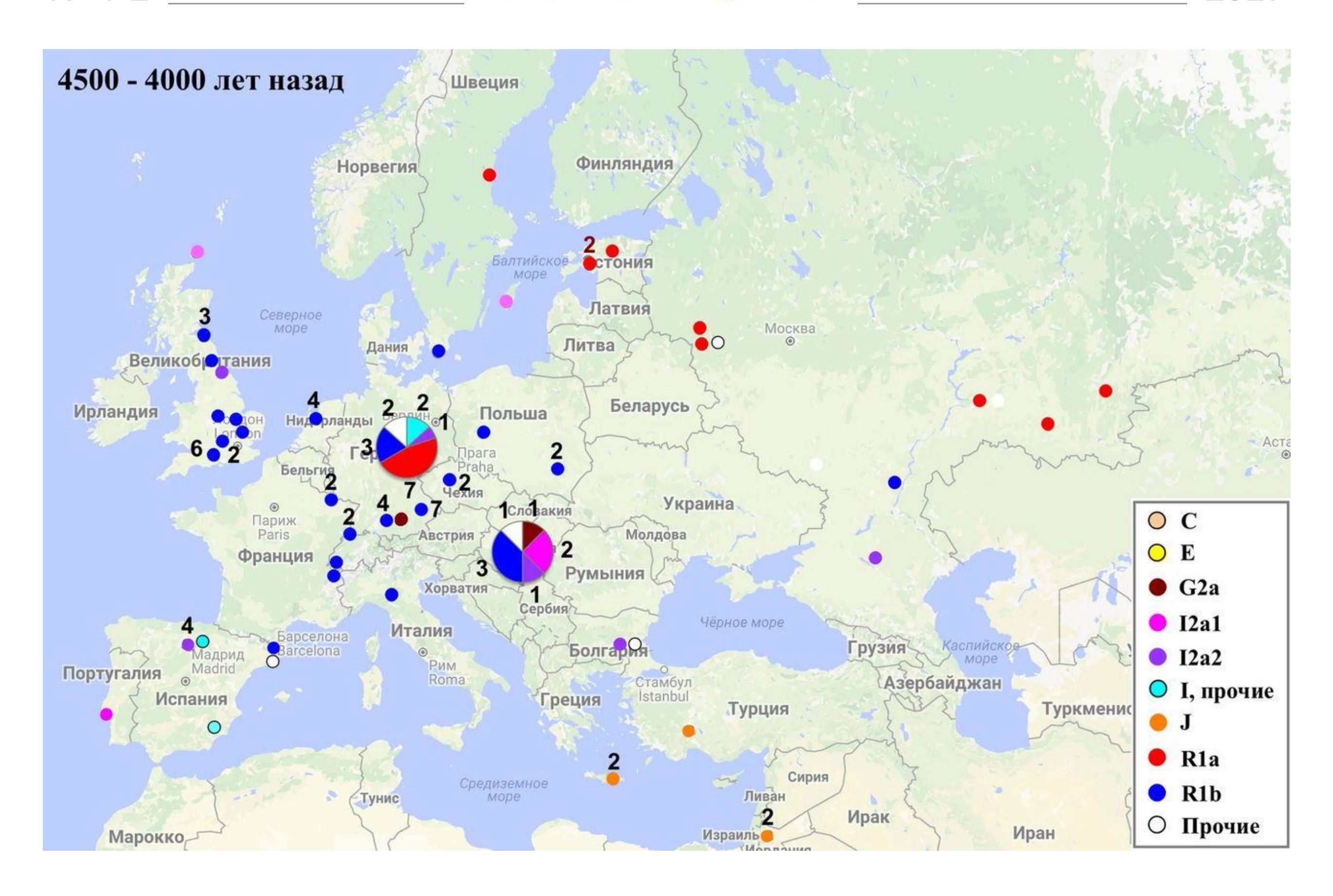
Пик находок из культуры колоколовидных кубков приходится на вторую половину тысячелетия, а более ранним временем датируется 3 образца, все из Германии. У одного из них, с калиброванной радиоуглеродной датировкой 2572–2512 до н.э., определен снип P312. Очевидно, это самая ранняя подтвержденная находка из западноевропейского субклада R1b-L51. Образцы из гаплогруппы I с территории Польши и Украины отнесены к культуре шаровидных амфор, о которой уже шла речь в обсуждении предыдущей карты. Впервые за долгое время на карте отсутствуют данные по Венгрии. Балканы представлены пятью образцами, один из которых оказался из субклада R1b-Z2103. Он датируется 2884-2666 гг. до н.э., и отнесен к вучедольской культуре.

На территории Испании, Франции и Великобритании находок из гаплогруппы R1b пока нет, за исключением единственно образца из Барселоны с датировкой 2850-2250 до н.э. Однако его нельзя назвать «классическим эрбином», потому что общий для всех европейских ветвей R1b снип M269 у него отрицателен. К списку ископаемых R1b присоединяется Закавказье, но, как и древний «каталонец», образец из Армении дал негативный результат на снип M269. Его терминальный снип L389 находится близко к основанию древа гаплогруппы (Haak 2008; Lacan 2011a; Lee 2012; Skoglund 2014; Allenloft 2015; Günther 2015; Mathieson 2015; Lazaridis 2016; Lipson 2017; Mathieson 2017; Mittnik 2017; Saag 2017).

4500 – 4000 лет назад

На карту нанесен большой массив находок R1b, в том числе из европейских субкладов U106, P312, U152 и L21. Последние были найдены на Британских Островах, где до сих пор ветвь R1b-L21 является основной генеалогической линией. Впечатляющий перевес R1b над всеми остальными создается за счет целенаправленного тестирования образцов из культуры колоколовидных кубков.

Неожиданные результаты принесли данные с Пиренейского полуострова, где, согласно доводам археологов, зародилась эта культура. Из 9 образцов, в том числе 5 из Страны Басков, оказался только один носитель гаплогруппы R1b, также из Каталонии и также без подтвержденного снипа M269. Впрочем, его данные еще не прошли проверку у экспертов, а потому следует дождаться результатов их анализа. Остальные образцы, как и на предыдущей карте, представляют гаплогруппы «Старой Европы», хотя по археологическому контексту они из культуры колоколовидных кубков.

На севере Германии, помимо образцов из культуры колоколовидных кубков, тестировали останки людей из культур шнуровой керамики и более поздней унетицкой (Эсперштедт и Ойлау), которые дали перевес гаплогрупп R1a и I над R1b. На карте вновь появляется Венгрия, на этот раз с 7 образцами из культуры колоколовидных кубков и одним из наследовавшей ей культуры Ватя. Из них 3 приходится на R1b. К востоку от Балтийского моря продолжаются находки R1a, а также сообщается о, видимо, самом раннем образце из гаплогруппы N-M178 в Европе. Авторы исследования датировали его серединой III тысячелетия до н.э. по археологическому контексту (жижицкая культура, локальный вариант культуры шнуровой керамики), но в отсутствие прямой датировки оценка остается сугубо предварительной. В археологии нередки случаи, когда костные останки оказываются в слоях более ранних эпох, и подобный вариант требует проверки, особенно в спорных ситуациях.

В заволжских степях этим временем датируются находки из Синаштинской культуры, у которых идентифицировали ветви R1a-Z2124>Z2123 и R1a-Z2124>S23592. Обе они до сих пор распространены у народов Великой Степи или их потомков, от литовских татар на западе до алтайцев на востоке. Наконец, на Крите, в Турции и Палестине найдены очередные образцы из гаплогрупп J1 и J2, что вряд ли можно назвать неожиданностью (Чекунова 2014; Allenloft 2015; Mathieson 2015; Lazaridis 2016; Lazaridis 2017; Lipson 2017; Mathieson 2017; Mittnik 2017; Saag 2017).

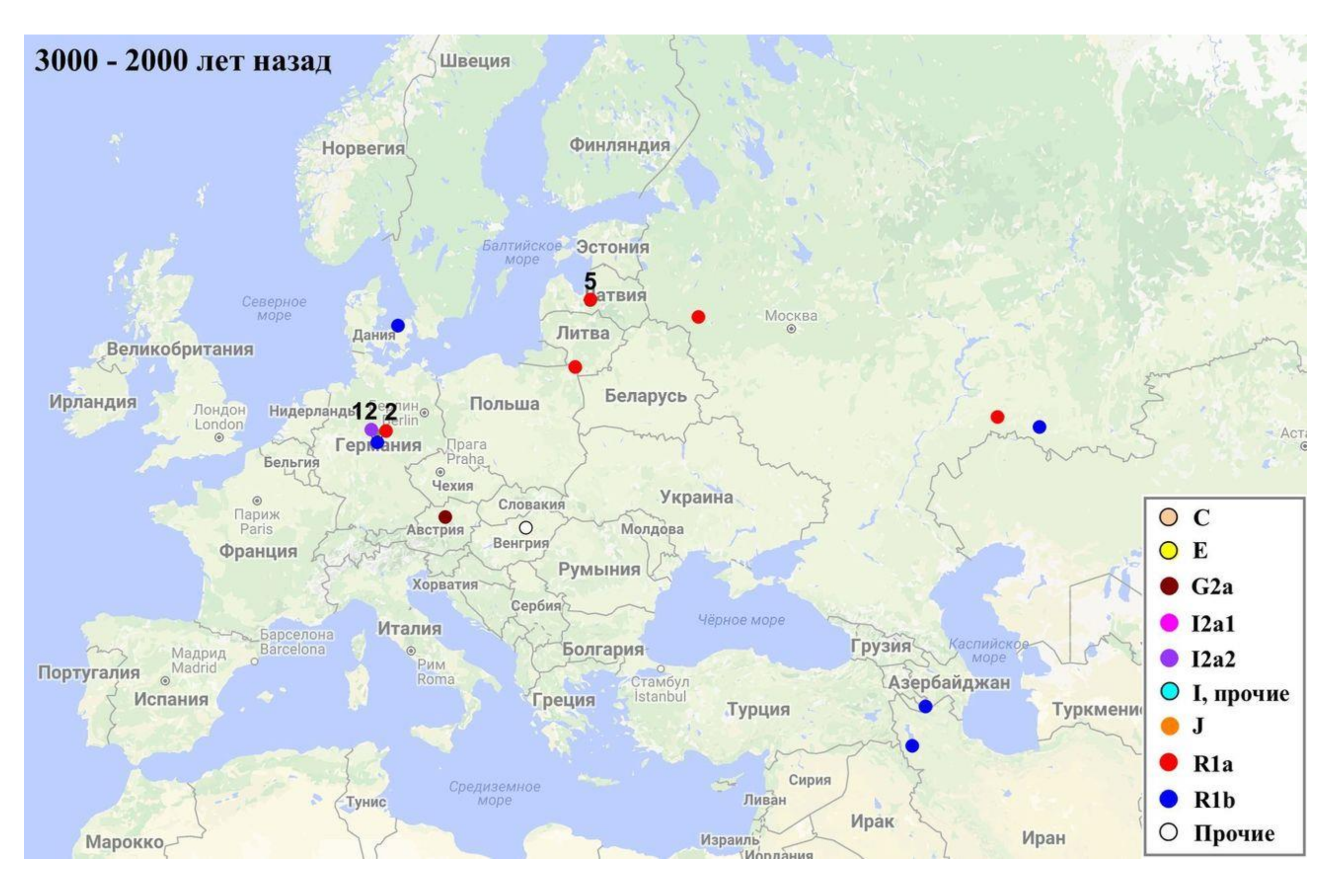
4000 – 3000 лет назад

Число образцов вновь резко снижается. По многим регионам, в том числе Испании, данные отсутствуют, а по другим они количественно уступают предыдущим. На Британских Островах продолжаются находки R1b, среди которых по-прежнему преобладает ветвь L21. На Германию приходится всего 2 образца, один из которых принадлежит к субкладу R1a-Z280, ныне основной генеалогической линии Восточной Европы. Его археологический контекст неясен, потому что образец был извлечен из слоя, относящегося к неолитической культуре линейно-ленточной керамики, и только радиоуглеродный метод показал, что он не имеет к ней отношения. Находки из Венгрии немногочисленны, но, как и в предыдущем тысячелетии, там налицо довольно пестрый набор гаплогрупп. Примечателен образец из ветви J2b-L283 из Хорватии с датировкой 1700-1500 гг. до н.э. На Балканы приходится самая высокая доля этой ветви среди современного населения, а начало ее роста датируется примерно тем же временем - 3800±400 лет назад. Второй, более поздний (1209-1009 до н.э.) образец из той же самой ветви найден в Армении, где она практически отсутствует среди современного населена. Далее на восток от Венгрии следуют находки R1a, из которых в срубной культуре из заволжских степей идентифицировали субклад Z93, как и в предшествовавшей синаштинской культуре. Он же был определен в образце из Болгарии с датировкой 1750-1625 до н.э. В Армении, помимо уже упомянутого образца J2b-L283, найдены 2 носителя ветви

E1b-L795 и один R1b-P297. Греция минойского и микенского периодов представлена находками из ветвей G2a-P303 и J2a-L26, соответственно. Наконец, сообщается о двух образцах из древнего финикийского города Сидона (современная Сайда в Ливане) 3700-летней давности. Они представляют гаплогруппы J1-P58 и J2b-M12, которые до сих пор широко распространены в Ливане (Allenloft 2015; Mathieson 2015; Szécsényi-Nagy 2015b; Cassidy 2016; Lazaridis 2016; Haber 2017; Lazaridis 2017; Lipson 2017; Mathieson 2017; Mittnik 2017).

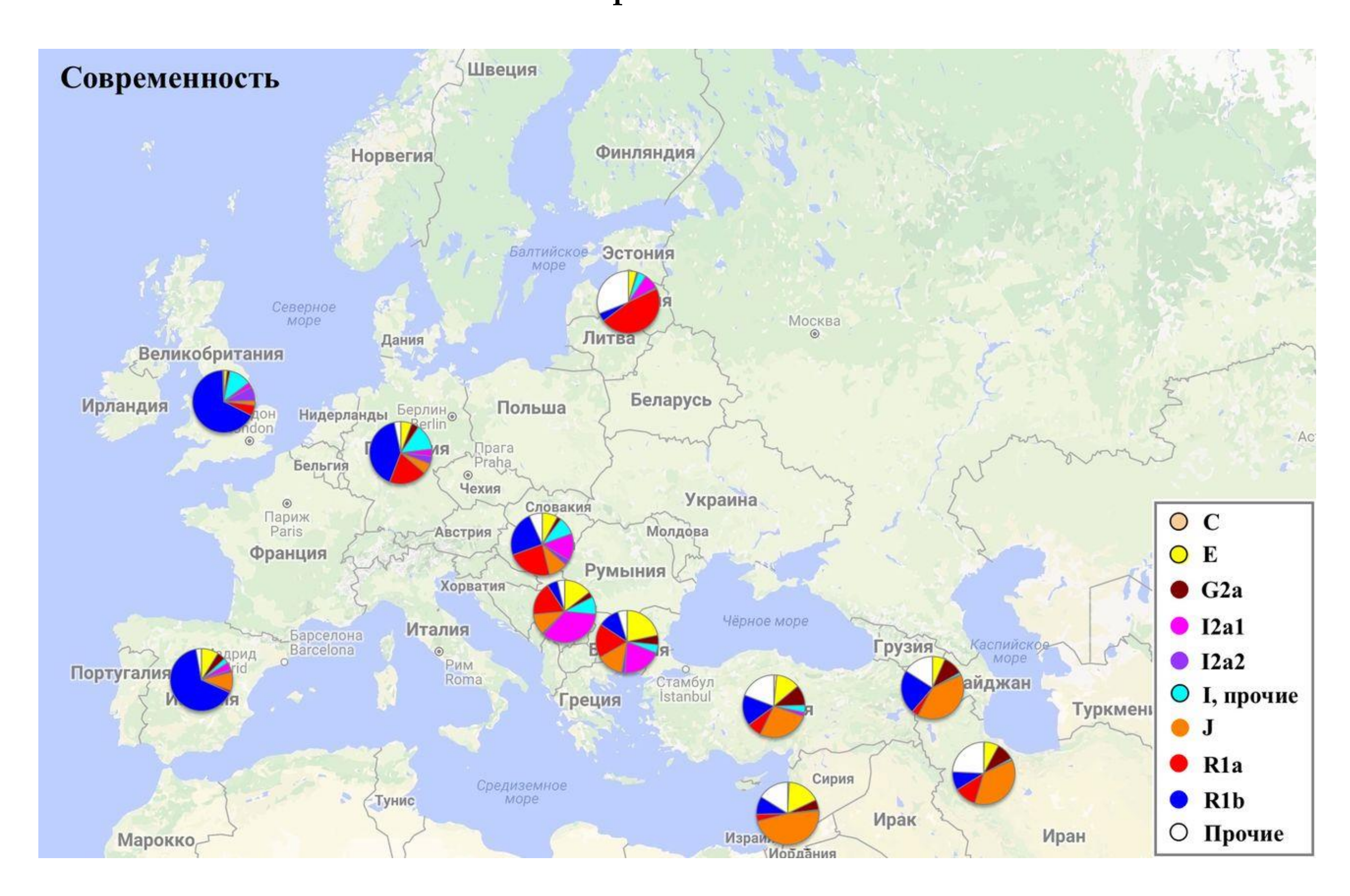
3000 – 2000 лет назад

Количество находок ископаемой Y-ДНК в Европе железного века падает до уровня палеолита. Лидерство переходит к Алтаю, остающемуся за пределами карт. Если бы не исследованный еще 11 лет назад могильник в Лихтенштейнской пещере на севере Германии (Schilz 2006), то вся Западная и Центральная Европа была бы сплошным белым пятном для палеогенетики, и это при том, что этнический ландшафт современной Европы начинает складываться именно в эту эпоху. В Восточной Европе ситуация несколько лучше за счет недавнего масштабного исследования ископаемой ДНК из Прибалтики. Там по-прежнему находят гаплогруппу R1a, а широко распространенная ныне гаплогруппа N пока ускользает от исследователей. Ее нашли далеко от Прибалтики – в Венгрии, в захоронении короткоживущей культуры Мезёчат, которая описана в основном в публикациях на венгерском языке, а потому мало знакома международному сообществу. Самые

поздние по датировкам образцы с карты приходятся на хорошо уже знакомые заволжские степи. Они взяты из скифских и сарматских захоронений III-IV веков до н.э. Вполне предсказуемо у них идентифицировали гаплогруппы R1b (субклад не определяли) и R1a-Z2123. Наконец, началом I тысячелетия до н.э. датируются образцы из Армении и Ирана, надежно отнесенные к субкладу R1b-Z2103, который в настоящее время доминирует среди генеалогических линий Армянского Нагорья (Kiesslich 2005; Schilz 2006; Gamba 2014; Чекунова 2014; Allenloft 2015; Mathieson 2015; Broushaki 2016; Mittnik 2017; Unterländer 2017).

Современность

Европа последних двух тысячелетий пока не привлекла внимания специалистов из ведущих лабораторий. Находки делаются от случая к случаю, а экспериментальный уровень их изучения зачастую оставляет желать лучшего. По этой причине пока нет возможности составить гаплокарты для античности и Средних Веков. Чтобы читатель мог получить представление о преемственности генеалогических линий в регионах, охваченных исследованиями палеогенетиков, предлагается карта со статистикой по тем же самым категориям для Испании, Англии, Германии, Латвии, Венгрии, Сербии, Болгарии, Турции, Армении, Ирана и Ливана. При сравнении следует иметь в виду, что линии из категорий E, I (прочие) и I2a1 в современной Европе не перетекают плавно из линий, найденных в ископаемой

ДНК. Они представлены в основном сравнительно молодыми ветвями E-V13 (3800±400 лет до предка), I1-M253 (4200±400 лет) и I2a1-CTS10228 (2200±230 лет). Другие ветви этих гаплогрупп встречаются у европейцев крайне редко, и восходят либо к единичным дожившим до наших дней реликтам древних эпох, либо к потомкам недавних переселенцев из Передней Азии и Северной Африки.

Обсуждение и выводы

Автор сознательно не стал касаться митохондриальной ДНК и аутосомных снипов во избежание того, чтобы обзор не превратился в нечто аморфное и неконкретное, как это нередко случается со статьями даже в самых престижных журналах. Желающие сами могут проделать совместный анализ, для которого, как автор надеется, систематизированные данные из исторических гаплокарт окажутся хорошей стартовой точкой. Информация о сотнях образцов, спрятанная глубоко в толще сопроводительных материалов к статьям палеогенетиков и выборочно обсуждаемая в разнородных специализированных блогах, собрана воедино и, образно говоря, извлечена на поверхность. Автор не ставит своей целью заменить известный ресурс *Ancestral Journeys*, который по-прежнему остается самой полной и авторитетной компиляцией данных по древней ДНК. Однако структура таблиц и характер представления там таковы, что в них невозможно разобраться без путеводителя. Одна из версий такого путеводителя представлена в данном обзоре.

В заключение, хотелось бы обратить внимание на несколько проблем, которые не были столь очевидны ранее, но выявились в ходе систематизации материала по ископаемой Y-ДНК.

Первая – это время появления в Европе людей из доминирующей там ныне гаплогруппы R1 и их возможные пути. Как следует из данных, нанесенных на карты, первые находки как R1a, так и R1b в Восточной Европе датируются очень ранними временами (10000 лет назад и ранее), и они следуют далее без выраженных разрывов. По Западной и Центральной Европе репрезентативные данные начинают поступать только с VI тысячелетия до н.э., а потому сейчас нет возможности как-либо очертить западную границу ареала гаплогруппы R1 в эпоху мезолита. Ключевые для решения проблемы находки с территории Польши, Белоруссии, Чехии, Словакии и Украины пока отсутствуют. Формально, по Украине находок много, но они почти все ограничены одним местом (днепровскими порогами) и временем (мезолит и ранний неолит).

Вторая проблема касается происхождения и связей первых культур бронзового века в Европе – шнуровой керамики и колоколовидных кубков. Авторы работ по геномному анализу, вслед за археологами – сторонниками курганной гипотезы, приводят доводы об их происхождении в причерноморских степях, но данные с гаплокарт противоречат такой трактовке. Не согласуются они и с гипотезой, что культура колоколовидных кубков зародилась на Пиренейском

полуострове в среде носителей ветви R1b-L51, которые затем разнесли ее артефакты вплоть до Польши и Венгрии. В Испании III тысячелетия до н.э. на сегодняшний день обнаружили всего 2 образца R1b из выборки в 24, причем оба – на крайнем северо-востоке региона, а, как минимум, один из них не принадлежит к субкладу L51. Либо археологи ошиблись с датировками и путями распространения этой культуры, либо изначально она зародилась не в среде «эрбинов», и они только «подхватили» ее у древнего населения Западной Европы. Ключевые данные к решению проблемы можно было бы получить из находок с территории Франции, Бельгии и Нидерландов, но их также пока нет.

Третья проблема, что пока ждет своего решения – это время появления людей из гаплогруппы N на севере Европы, пути их миграции и роль в этногенезе народов Поволжья и Прибалтики. Она напрямую связана с проблемой т.н. финно-угорского субстрата на Русской равнине. Какой вклад в решение этой проблемы вносят, например, находки образцов из гаплогруппы R1a в культуре ямочно-гребенчатой керамики, которую *a priori* связывали с носителями финно-угорских языков? Урал и большая часть европейской территории России эпохи бронзы пока остаются белым пятном для палеогенетики, а без ее данных любая гипотеза сейчас вряд ли может считаться убедительной.

Список проблем, которые выявляются при анализе карт, можно продолжать дальше, но лучше, чтобы это сделали специалисты в соответствующих областях. Автор признателен редакции журнала «Исторический формат», ориентированного на профессиональных историков, за предложение разместить на его страницах обзор, составленный для широкой аудитории, и заранее извиняется за возможные отступления от строгого научного стиля.

ЛИТЕРАТУРА

Чекунова 2014 - *Чекунова Е.М. и др.* Первые результаты генотипирования коренных жителей и человеческих костных останков из археологических памятников Верхнего Подвинья // Археология озёрных поселений IV-II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб.: Периферия, 2014. С. 287-294.

Allenloft 2015 - *Allenloft M.E. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. V. 522. P. 167-172.

Brandt 2013 - *Brandt G. et al.* Ancient DNA Reveals Key Stages in the Formation of Central European Mitochondrial Genetic Diversity // Science. 2013. V. 342. P. 257-261.

Broushaki 2016 - *Broushaki F. et al.* Early Neolithic genomes from the eastern Fertile Crescent // Science. Release 17 Jul 2016, DOI: 10.1126/science.aaf7943.

Cassidy 2016 - *Cassidy L.M. et al.* Neolithic and Bronze Age migration to Ireland and establishment of the insular Atlantic genome // PNAS. 2016. V. 113. P. 368-373.

Fu 2016 - *Fu Q. et al.* The genetic history of Ice Age Europe // Nature. 2016. V. 534. P. 200-205.

Gamba 2014 - *Gamba C. et al.* Genome flux and stasis in a five millennium transect of European prehistory // Nature Communications. 2014. V. 5. article 5257.

Günther 2015 - *Günther T. et al.* Ancient genomes link early farmers from Atapuerca in Spain to modern-day Basques // PNAS. 2016. V. 112. P. 11917-11922.

Haak 2008 - *Haak W. et al.* Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on

social and kinship organization of the Later Stone Age // PNAS. 2008. V. 105. P. 18226-18231.

Haber 2017 - *Haber M. et al.* Continuity and admixture in the last five millennia of Levantine history from ancient Canaanite and present-day Lebanese genome sequences // Am. J. Hum. Genet. 2017. V. 101. P. 274-282.

Hofmanova 2016 - *Hofmanova Z. et al.* Early farmers from across Europe directly descended from Neolithic Aegeans // PNAS. 2016. V. 113. P. 6886-6891.

Jones 2015 - *Jones E.R. et al.* Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians // Nature Communications. 2015. V. 6. article 8912.

Jones 2017 - *Jones E.R. et al.* The Neolithic Transition in the Baltic was not driven by admixture with early European farmers // Current Biology. 2017. V. 27. P. 1-7.

Keller 2012 - *Keller A. et al.* New insights into the Tyrolean Iceman's origin and phenotype as inferred by whole-genome sequencing // Nature Communications. 2012. V. 3. article 698.

Kiesslich 2005 - *Kiesslich J. et al.* DNA Analysis on Biological Remains from Archaeological Findings - Sex Identification and Kinship Analysis on Skeletons from Mitterkirchen, Upper Austria // Interpretierte Eisenzeiten. Fallstudien, Methoden, Theorie. Tagungsbeiträge der 1. Linzer Gespräche zur interpretativen Eisenzeitarchäologie, eds. Raimund Karl - Jutta Leskovar (Studien zur Kulturgeschichte von Oberösterreich 18).

Kılınç 2016 - *Kılınç G.M. et al.* The Demographic Development of the First Farmers in Anatolia // Current Biology. 2016. V. 26. P. 1-8.

Krause 2010 - *Krause J. et al*. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. V. 464. P. 894-897.

Lacan 2011a - *Lacan M. et al.* Ancient DNA reveals male diffusion through the Neolithic Mediterranean route // PNAS. 2011. V. 108. P. 9788-9791.

Lacan 2011b - *Lacan M. et al.* Ancient DNA suggests the leading role played by men in the Neolithic dissemination // PNAS. 2011. V. 108. P. 8255-18259.

Lazaridis 2014 - *Lazaridis I. et al.* Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans // Nature. 2014. V. 513. P. 409-413.

Lazaridis 2016 - *Lazaridis I. et al.* Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East // Nature. 2016. V. 536. P. 419-424.

Lazaridis 2017 - *Lazaridis I. et al.* Genetic origins of the Minoans and Mycenaeans // Nature. 2017. V. 548. P. 214-218.

Lee 2012 - *Lee E. et al.* Emerging genetic patterns of the European neolithic: Perspectives from a late neolithic bell beaker burial site in Germany // Am. J. Phys. Anthropol. V. 148. P. 571-579.

Lipson 2017 - *Lipson M. et al.* Parallel ancient genomic transects reveal complex population history of early European farmers // bioRxiv. Preprint posted March 6. 2017.

Mathieson 2015 - *Mathieson I. et al.* Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // Nature. 2015. V. 528. P. 499-503.

Mathieson 2017 - *Mathieson I. et al.* The Genomic History of Southeastern Europe // bioRxiv. Preprint posted May 21. 2017.

Mittnik 2017 - *Mittnik A. et al.* The Genetic History of Northern Europe // bioRxiv. Preprint posted March 3. 2017.

Posnik 2016 - *Posnik G.D. et al.* Punctuated bursts in human male demography inferred from 1,244 worldwide Y-chromosome sequences // Nature Genetics. 2016. V. 48. P. 593-599.

Saag 2017 - *Saag L. et al.* Extensive farming in Estonia started through a sex-biased migration from the Steppe // bioRxiv. Preprint posted March 2. 2017.

Schilz 2006 - *Schilz F.* Molekulargenetische Verwandtschaftsanalysen am prähistorischen Skelettkollektiv der Lichtensteinhöhle // Dissertation. Göttingen, 2006. 252 p.

Skoglund 2014 - *Skoglund P. et al.* Genomic diversity and admixture differs for Stone-Age Scandinavian foragers and farmers // Science. 2014. V. 344. P. 747-750.

Szécsényi-Nagy 2015a - *Szécsényi-Nagy A. et al.* Tracing the genetic origin of Europe's first farmers

reveals insights into their social organization // Proceedings of the Royal Society B. 2015. V. 282. no. 1805. DOI: 10.1098/rspb.2015.0339.

Szécsényi-Nagy 2015b - *Szécsényi-Nagy A.* Molecular genetic investigation of the Neolithic population history in the western Carpathian Basin // PhD thesis Johannes Gutenberg-Universität in Mainz, 2015.

Unterländer 2017 - *Unterländer M. et al.* Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe // Nature Communications. 2017. V. 8. article 14615.

REFERENCES

Allenloft 2015 - *Allenloft M.E. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia, in: Nature, 2015, V. 522, pp. 167-172 [in English].

Brandt 2013 - *Brandt G. et al.* Ancient DNA Reveals Key Stages in the Formation of Central European Mitochondrial Genetic Diversity, in: Science, 2013, V. 342, pp. 257-261 [in English].

Broushaki 2016 - *Broushaki F. et al.* Early Neolithic genomes from the eastern Fertile Crescent, in: Science, release 17 Jul 2016, DOI: 10.1126/science.aaf7943 [in English].

Cassidy 2016 - *Cassidy L.M. et al.* Neolithic and Bronze Age migration to Ireland and establishment of the insular Atlantic genome, in: PNAS, 2016, V. 113, pp. 368-373 [in English].

Chekunova 2014 - *Chekunova E.M. i dr.* Pervye rezul'taty genotipirovanija korennyh zhitelej i chelovecheskih kostnyh ostankov iz arheologicheskih pamjatnikov Verhnego Podvin'ja [The first results of genotyping of aboriginals and human bone remains from archaeological monuments of Top Dvina], in: Arheologija ozjornyh poselenij IV-II tys. do n.je.: hronologija kul'tur i prirodno-klimaticheskie ritmy [Archeology of lake settlements IV-II thousand BC: chronology of cultures and climatic rhythms], St. Petersburg, Periferija Publ, 2014, pp. 287-294 [in Russian].

Fu 2016 - *Fu Q. et al.* The genetic history of Ice Age Europe, in: Nature, 2016, V. 534, pp. 200-205 [in English].

Gamba 2014 - *Gamba C. et al.* Genome flux and stasis in a five millennium transect of European prehistory, in: Nature Communications, 2014, V. 5, article 5257 [in English].

Günther 2015 - *Günther T. et al.* Ancient genomes link early farmers from Atapuerca in Spain to modern-day Basques, in: PNAS, 2016, V. 112, pp. 11917-11922 [in English].

Haak 2008 - *Haak W. et al.* Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age, in: PNAS, 2008, V. 105, pp. 18226-18231 [in English].

Haber 2017 - *Haber M. et al.* Continuity and admixture in the last five millennia of Levantine history from ancient Canaanite and present-day Lebanese genome sequences, in: Am. J. Hum. Genet. 2017, V. 101, pp. 274-282 [in English].

Hofmanova 2016 - *Hofmanova Z. et al.* Early farmers from across Europe directly descended from Neolithic Aegeans, in: PNAS, 2016, V. 113, pp. 6886-6891 [in English].

Jones 2015 - *Jones E.R. et al.* Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians, in: Nature Communications, 2015, V. 6, article 8912 [in English].

Jones 2017 - *Jones E.R. et al.* The Neolithic Transition in the Baltic was not driven by admixture with early European farmers, in: Current Biology, 2017, V. 27, pp. 1-7 [in English].

Keller 2012 - *Keller A. et al.* New insights into the Tyrolean Iceman's origin and phenotype as inferred by whole-genome sequencing, in: Nature Communications, 2012, V. 3, article 698 [in English].

Kiesslich 2005 - *Kiesslich J. et al.* DNA Analysis on Biological Remains from Archaeological Findings - Sex Identification and Kinship Analysis on Skeletons from Mitterkirchen, Upper Austria, in: Interpretierte Eisenzeiten. Fallstudien, Methoden, Theorie. Tagungsbeiträge der 1. Linzer Gespräche zur interpretativen Eisenzeitarchäologie, eds. Raimund Karl - Jutta Leskovar (Studien zur Kulturgeschichte von Oberösterreich 18) [in English].

Kılınç 2016 - *Kılınç G.M. et al.* The Demographic Development of the First Farmers in Anatolia, in: Current Biology, 2016, V. 26, pp. 1-8 [in English].

Krause 2010 - *Krause J. et al*. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia, in: Nature, 2010, V. 464, pp. 894-897 [in English].

Lacan 2011a - *Lacan M. et al.* Ancient DNA reveals male diffusion through the Neolithic Mediterranean route, in: PNAS, 2011, V. 108, pp. 9788-9791 [in English].

Lacan 2011b - *Lacan M. et al.* Ancient DNA suggests the leading role played by men in the Neolithic dissemination, in: PNAS, 2011, V. 108, pp. 8255-18259 [in English].

Lazaridis 2014 - *Lazaridis I. et al.* Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans, in: Nature, 2014, V. 513, pp. 409-413 [in English].

Lazaridis 2016 - *Lazaridis I. et al.* Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East, in: Nature, 2016, V. 536, pp. 419-424 [in English].

Lazaridis 2017 - *Lazaridis I. et al.* Genetic origins of the Minoans and Mycenaeans, in: Nature, 2017, V. 548, pp. 214-218 [in English].

Lee 2012 - *Lee E. et al.* Emerging genetic patterns of the European neolithic: Perspectives from a late neolithic bell beaker burial site in Germany, in: Am. J. Phys. Anthropol., V. 148, pp. 571-579 [in English].

Lipson 2017 - *Lipson M. et al.* Parallel ancient genomic transects reveal complex population history of early European farmers, in: bioRxiv, preprint posted March 6, 2017 [in English].

Mathieson 2015 - *Mathieson I. et al.* Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians, in: Nature, 2015, V. 528, pp. 499-503 [in English].

Mathieson 2017 - *Mathieson I. et al.* The Genomic History of Southeastern Europe, in: bioRxiv, preprint posted May 21, 2017 [in English].

Mittnik 2017 - *Mittnik A. et al.* The Genetic History of Northern Europe, in: bioRxiv, preprint posted March 3, 2017 [in English].

Posnik 2016 - *Posnik G.D. et al.* Punctuated bursts in human male demography inferred from 1,244 worldwide Y-chromosome sequences, in: Nature Genetics, 2016, V. 48, pp. 593-599 [in English].

Saag 2017 - *Saag L. et al.* Extensive farming in Estonia started through a sex-biased migration from the Steppe, in: bioRxiv, preprint posted March 2, 2017 [in English].

Schilz 2006 - *Schilz F.* Molekulargenetische Verwandtschaftsanalysen am prähistorischen Skelettkollektiv der Lichtensteinhöhle, in: Dissertation, Göttingen, 2006, 252 p. [in English].

Skoglund 2014 - *Skoglund P. et al.* Genomic diversity and admixture differs for Stone-Age Scandinavian foragers and farmers, in: Science, 2014, V. 344, pp. 747-750 [in English].

Szécsényi-Nagy 2015a - *Szécsényi-Nagy A. et al.* Tracing the genetic origin of Europe's first farmers reveals insights into their social organization, in: Proceedings of the Royal Society B, 2015, V. 282, no. 1805, DOI: 10.1098/rspb.2015.0339 [in English].

Szécsényi-Nagy 2015b - *Szécsényi-Nagy A.* Molecular genetic investigation of the Neolithic population history in the western Carpathian Basin, in: PhD thesis Johannes Gutenberg-Universität in Mainz, 2015 [in English].

Unterländer 2017 - *Unterländer M. et al.* Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe, in: Nature Communications, 2017, V. 8, article 14615 [in English].

Рожанский Игорь Львович – Кандидат химических наук,
член Научного совета Академии ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония).
Igor Rozhanskii – Candidate of chemical sciences, Member of
Scientific Council of the Academy of DNA-Genealogy (Tsukuba, Japan).
E-mail: igorrozhanskii@gmail.com

УДК 94(47).03

РАСПРАВЫ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ ИЛИ ОБЫЧАИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН: НАХОДКИ ПРОБИТЫХ ГВОЗДЯМИ ЧЕРЕПОВ*

С.Б. Чебаненко

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

e-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Scopus Author ID: 56401858700

Researcher ID: M-8987-2013

http://orcid.org/0000-0002-7695-5482

SPIN-код: 5782-9634

Авторское резюме

Человеческие останки с черепами, пробитыми гвоздями, относящиеся к древнерусскому времени, обнаруженные в некоторых городах Южной Руси, часто трактуют как свидетельства расправ монголо-татар с местным населением. Однако, как свидетельствует историко-этнографический материал, пробивание головы (черепа) гвоздями как способ казни или посмертного повреждения тела врага не было характерно для завоевателей, данных о применении такой меры в отношении покоренных народов нет. Монголами применялись другие формы расправы с побежденными врагами. Подобное повреждение тел в отношении некоторых категорий покойников было распространено в защитных целях у восточных славян. Такими покойниками были «нечистые» покойники (упыри), которые причиняли вред живым.

Ключевые слова: монголы, Южная Русь, черепа, повреждение черепа, казни, пытки, «нечистые» покойники.

ARCHAEOLOGICAL FINDINGS OF THE NAIL-PIERCED HUMAN SKULLS: EXECUTIONS BY MONGOLIAN INVADERS OR EAST SLAVS' CUSTOMS?

Sergey Chebanenko

Saint Petersburg State University

7/9 The Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia

e-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Abstract

Nail-pierced human skulls dated to the Old Rus' period in archaeological findings of the Southern Rus' are often viewed as evidence of the massacres of natives by Tatars. But historical and ethnographical materials show that skull piercing with nails as a means of execution or mutilation of enemy corpses was not

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ (проект № 5.38.265.2015).

common practice for the Mongolian invaders. There is no data indicating that they ever practiced such methods on the conquered peoples. The Mongols inflicted other tortures and mutilations on their defeated enemies. On the other hand, similar wounds on corpses were quite common for the East Slavs as a way of safeguarding the alive from the devilry, e.g. vampires.

Keywords: Mongols, Southern Rus', skulls, execution, mutilation, devilry.

* * *

«Волынские черепа»

В исследованиях, посвященных нашествию монголо-татар на Русь, упоминается об одной группе археологических находок, определенная интерпретация которых, учитывая беспрецедентную жестокость завоевателей, не вызывает у многих специалистов сомнений. В 1930-х гг. в ходе проведения масштабных археологических исследований Волынской земли, в частности – изучения некрополей, А.М. Цинкаловским в захоронениях были обнаружены черепа, пронзенные в области теменной или височных костей железными гвоздями. Такие черепа были найдены во Владимире-Волынском и его окрестностях в одиночных погребениях, на отдельных кладбищах, в захоронениях возле древних церквей или под сводами последних (Цинкаловський 1937: 186–193; Цинкаловський 1984: 99, 368). Останки с поврежденными таким образом черепами обнаруживали и позднее (см.: Мазур, Терський, Подоляка 2010: 304).

Эти находки стали связывать в литературе со штурмом монголо-татарами Владимира-Волынского и последующими расправами с побежденными защитниками города. Это мнение высказал уже сам А.М. Цинкаловский, полагавший, что оборона города носила упорный характер, и захватчики таким жестоким образом выместили свою злость на пленных (Цинкаловський 1935: 33). В.В. Каргалов в своем известном учебнике со ссылкой на материалы А.М. Цинкаловского принимает эту мысль: «татары с большим трудом» сумели взять город, «подвергнув за это жителей страшным казням» (Каргалов 1967: 127).

Этот взгляд на происхождение «волынских черепов» получил в последующей литературе широкое распространение. Так, Р.П. Храпачевский отмечет, что «судя по всему, сражение за город приняло ожесточенный характер и длилось достаточно долго, почему озлобленные завоеватели подвергли жителей города особо жестокой расправе» (Храпачевский 2004: 387). Н.Ф. Котляр пишет, что, взяв город, татары «отомстили пленным, подвергнув их страшным пыткам и издевательствам», похожим образом поступили они с жителями Киева, где были обнаружены аналогичные находки (Котляр 2005: 256)[1]. Подобные оценки мы находим и в других новейших публикациях, касающихся монголо-татарского нашествия на Русь

[1] Комментируя последнее высказывание, О. Мазур, С. Терский, Т. Подоляка отмечают, что в работах, на которые ссылается Н.Ф. Котляр, их авторы совсем не акцентируют внимание на пытках монголами защитников Киева. Там приводятся данные о захоронениях с признаками, свидетельствующими, по мнению этих авторов, о насильственной смерти жителей, причиненной им воинами хана Бату (Мазур, Терський, Подоляка 2010: 305).

(Сусенков 2006: 80; Хрусталев 2008: 189; Хрусталев 2013: 228; Кучинко 2009: 405; Карпов 2011: 105).

Тем не менее, несмотря на распространенность этого взгляда, он не подкрепляется показаниями письменных источников: в известиях, рассказывающих о завоевании русских земель, не упоминается ни о чем подобном, хотя у нас в распоряжении имеются яркие и подробные описания взятия городов Северо-Восточной и Южной Руси. Нет таких данных и для Владимира-Волынского (см.: Мазур, Терський, Подоляка 2010: 307-308).

Вопрос интерпретации археологических находок, относящихся к середине XIII в. не может и не должен решаться однозначно: нельзя все останки, относящиеся к середине XIII в. (в том числе указывающие на насильственную смерть) связывать с последствиями монгольского нашествия. Археологические материалы часто сложно точно датировать, так, человеческие останки со следами насильственной смерти, относящиеся к этому периоду, могут быть результатом русских междоусобиц или быть следствием иных событий (Ивакин 2003: 59–65; Хрусталев 2013: 335, прим. 739). Кроме того, следует различать человеческие останки с механическими повреждениями черепа и костей посткраниального скелета, которые наносили оружием, от тех повреждений, которые могут иметь иное происхождение (Мазур, Терський, Подоляка 2010: 310).

Как показали краниометрические исследования одного из найденных Цинкаловским черепов с гвоздем, во-первых, повреждения черепу были нанесены после смерти его обладателя, во-вторых, по основным антропологическим параметрам его можно отнести к типичному «волынскому» антропологическому типу, т.е. он принадлежал жителю средневековой Волыни (Мазур, Терський, Подоляка 2010: 310-311). Первое обстоятельство указывает на то, что речь идет о нанесении повреждений, которые нельзя связать с пытками и казнями.

Относительно пробитых гвоздями черепов, происходящих с территории Южной Руси, было высказано мнение, что их появление необходимо соотносить с ритуальной практикой славян, мерами предосторожности против покойников и упырей (см.: Пастернак 1961: 629 Панова 2004: 152; Мазур, Терський, Подоляка 2010: 302-317; Майоров 2015). В нашей недавней работе были высказаны дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения и приведены новые свидетельства существования подобной практики в Древней Руси. Одним из распространенных способов у восточных славян обезопаситься от «нечистых» ходячих мертвецов (так называемых «заложных покойников») было нанесение различных повреждений мертвому телу. Широко распространенным был обычай пронзать их острыми предметами – деревянным колом, железным зубом бороны, гвоздем и т.п. Металлические предметы обычно считались более предпочтительными для этих целей. Вбивание в череп покойника гвоздя было одним из вариантов такой традиции (Чебаненко: 2017).

Тем не менее, такое понимание происхождения «волынских черепов», как бы оно ни было убедительным, не может быть признано исчерпывающим без рассмотрения материалов, представляющих свидетельства о практике расправ со стороны монголо-татар.

Расправы с врагами: взгляд со стороны завоевателей

Надежной проверкой мнения о том, свидетельствуют ли эти находки о пытках и казнях пленных монголами или нет, является обращение к известиям о расправах монголов с покоренным населением и шире – с врагами, и поиск аналогий.

Необыкновенная жестокость, которая часто сопровождала взятие укрепленных пунктов монголами-татарами, неоднократно обращала на себя внимание исследователей[1]. В работах последних лет отмечается, что подобные акции имели вполне рациональное объяснение, и, как правило, дело не сводилось лишь к бессмысленным зверствам опьяненных кровью захватчиков. Причинами подобных действий называют устрашение, месть за потери и за гибель Чингисида или известного военачальника, невозможность оставить в тылу враждебное население и др. (см.: Храпачевский 2004: 268-272; Дробышев, Юрченко 2009: 161; Почекаев 2015: 226). Все вышеназванные и иные мотивы могли иметь место в различных комбинациях в тех или иных случаях. Но можно заметить общее, практически для всех известных примеров, правило. Подобная реакция обязательно следовала, когда укрепленные пункты оказывали хоть какое-то сопротивление (особенно, если был убит какой-нибудь знатный монгол) или если восставали уже признавшие себя покоренными города и территории (Юрченко 2006: 160-166., Майоров 2015; Почекаев 2015: 226-230). В последнем случае такие выступления рассматривались не только как предательство, но и как посягательства на власть членов рода Чингис-хана и даже преступления религиозного характера, нарушающие божественный миропорядок (Почекаев 2015: 226). В этих случаях и следовало уничтожение местных жителей.

Уничтожение целых городов и практически поголовное умерщвление жителей и даже животных и птиц имело и сакральное значение: «обреченный город переводился из мира социальных отношений в запретную зону, где правят законы инобытия, — в "заповедник смерти"» (Дробышев, Юрченко 2009: 165), эти территории маркировались как запретные (Юрченко 2006: 161-166; Дробышев, Юрченко 2009).

Существует ряд известий, свидетельствующих об особом внимании, которое завоеватели уделяли головам (черепам) пленных. Источники приводят данные о массовом обезглавливании пленных и о различных манипуляциях с отрубленными головами. Иногда после взятия городов монголы сооружали целые пирамиды или

---

[1] См. характерные названия соответствующих разделов некоторых работ: «Монгольский террор» (Храпачевский 2004: 268-272), «Башни из черепов: послание без адреса» (Юрченко 2006: 161-166), «Положение мирного населения во время боевых действий» (Почекаев 2015: 160-167).

холмы из черепов: после взятия Нишапура, в ходе штурма которого погиб зять Чингисхана по имени Тогачар, монголы убили практически всех уцелевших жителей города, «*отрубили головы убитых от их туловищ и сложили их в кучи, положив головы мужчин отдельно от голов женщин и детей*» (Джувейни 2004: 118). Такие же кучи черепов складывались и в ставках ханов: в известии о гибели Генриха Силезского говорится, что «*схватив князя Генриха, татары раздели его полностью и заставили преклонить колена перед мертвым [татарскими] князем, который был убит в Сандомире. Затем голову Генриха, словно овечью, послали через Моравию в Венгрию к Бати и затем бросили ее среди других голов убитых*» (Ц. де Бридиа 2002: 112). (Очевидцы также сообщали о холмах из тел или костей[1]). Как полагают А.Г. Юрченко и Ю.И. Дробышев, гибель от рук врага кого-либо из Чингисидов требовала совершения особого ритуального действа — сооружения пирамид из отрубленных голов, содержавших в себе их жизненную силу (Юрченко. 2006: 161-166; Дробышев, Юрченко 2009: 168-169).

Возможно, что нечто подобное мог наблюдать, проезжавший по русским землям в 1245 г. папский посланник в Монголию Джованни дель Плано Карпини, который писал: «*когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие в поле*» (Плано Карпини 1957: 47). Может быть упомянутые им «бесчисленные головы» в некоторых случаях и были остатками «башен черепов». При завоевании Руси войска монголо-татар потеряли нескольких предводителей, в том числе и Кулькана, сына Чингисхана.

Известно об особом отношении монголов к голове (черепу) и волосам[2]. По представлениям монголов жизненная сила человека, «сульдэ» в наиболее концентрированном виде находится в его голове и сохраняется затем в черепе (Скрынникова 1997: 123, 169–171, 178-179; Скрынникова 2013: 253-278; Дмитриев 2001: 179; Дмитриев 1997: 216; Крадин, Скрынникова 2006: 313-314; Рыкин 2009: 171-175). Отсечение головы противника, в частности, лишало его возможности помогать потомкам после смерти, сила его рода слабела (Дробышев, Юрченко 2009: 166). Обладание головой противника было не только почетным, свидетельствовало об отваге и удачливости воина, но имело и сакральное значение, так как череп был вместилищем жизненной силы убитого, которая переходила во владение победителя (Скрынникова 2013: 266-268; Юрченко 2002: 293-297; Рыкин 2009: 173-174).

---

[1] «А чтобы устрашить тех, кто обитал на другой стороне Дуная, они сложили на берегу реки многие кучи из несметного количества собранных тел» (Фома Сплитский 1997: 113). Смбат Спарапет сообщает: «Я увидел там несколько городов, разрушенных татарами, величие и богатство которых неоценимы. Я видел некоторые из них за три дня пути и несколько удивительных гор, состоящих из груды костей тех, кого умертвили татары» (Смбат Спарапет 1974: XIX). А.Г. Юрченко полагает, что Смбат Спарапет встретил именно башни из черепов (Юрченко 2006: 166).

[2] Мнение П.О. Рыкина о том, что в силу особого значения волос в системе представлений о вместилище жизненной силы, одним из способов умерщвления преступников у средневековых монголов и врагов было скальпирование (Рыкин 2009: 169-175) недавно было оспорено А.В. Лушиной (Лушина 2015b; см. также: Лушина 2015a).

С другой стороны, казнь через отсечение головы или посмертное её отделение считались позорными (Дробышев, Юрченко 2009: 166-167).

Родственным обезглавливанию было расчленение тела. Разрубание, расчленение тела жертвы было крайней мерой, она использовалась, когда речь шла о применении максимального наказания. Подобная мера применялась к виновным в измене, к злейшим политическим и военным противникам, к преступникам (см.: Дмитриев 1997: 217; Дробышев, Юрченко 2009: 167; Рыкин 2009: 169-177; Юрченко 2012: 177-244; Почекаев 2009: 136-141; Почекаев 2015: 213-230).

Вариантом расчленения тела было раздробление костей (при разорении могил), а в некоторых случаях и последующее сожжение останков. «Расчленение трупа на части и дальнейшее сожжение его – одно из самых страшных видов наказания, так как после этого, по традиционным представлениям шаманистов, теряется возможность возрождения как в мире мертвых, так и в мире этом. Отсутствие даже одной кости, например от мизинца, не дает этому совершиться» (Дмитриев 2001: 184. См. также: Дмитриев 1997: 217; Рыкин 2009: 173-174). Кроме того, «разрушение или полное уничтожение костей (в особенности их сожжение) считалось наиболее эффективным способом ликвидировать опасного врага и лишить его жизненной энергии, которая могла бы привести к его возрождению» (Рыкин 2010: 275-276). Подобным образом поступали и с останками правителей враждебных народов[1].

В контексте этих представлений необходимо рассматривать некоторые случаи убийств русских князей. Это убийство и последовавшее за ним обезглавливание Михаила Черниговского в ставке Бату в 1246 г. (Плано Карпини 1957: 29; ПСРЛ 5.1: 234-235), жестокая казнь в 1270 г. в Орде князя Романа Рязанского, который был буквально разрезан на части (ПСРЛ 10: 149), позже (известие под 1339 г.) похожая участь ожидала Александра Михайловича Тверского и его сына Федора, которые были убиты (ранены?), затем обезглавлены, а их тела были расчленены (ПСРЛ 15: стб. 50–51). Такая мера применялась, разумеется, не только по отношению к русским князьям[2].

Таким образом, одним из самых страшных способов расправы у монголов считалось расчленение тела (обезглавливание) и (или) посмертное разделение или раздробление костей, что исключало возможность убитому возродиться к новой жизни. Выскажем предположение, что схожим образом монголы могли поступать и с жителями русских «злых городов», оказывавших им особо упорное сопротивление.

---

[1] По сообщению Шихаб ад-Дина Мухаммада ан-Насави, личного секретаря последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина, очевидца монгольского нашествия на Хорезм, монголы «сожгли кости всех погребенных султанов, в какой бы земле они ни находились» (ан-Насави 1996: 234).

[2] Подборку сообщений источников о применении расчленения (обезглавливания) как наказания виновных и их анализ произвели П.О. Рыкин и А.Г. Юрченко (Рыкин 2009: 169-177; Юрченко 2012: 177-244). См. также наблюдения Р.Ю. Почекаева о практике наказаний у монголов (Почекаев 2009: 136-141; Почекаев 2015: 160-167, 213-230).

Но известны ли примеры убийств посредством вбивания в голову гвоздей или что-то похожее на этот способ умерщвления? Исследователи, специально рассматривавшие различные аспекты массовых расправ монголов с населением захваченных населенных пунктов (в Средней Азии, Иране, Закавказье, Восточной Европе и Северном Китае), подобного рода казни не отмечают (Храпачевский. 2004: 268-272; Храпачевский 2011:150-151; Юрченко 2006: 161-166; Почекаев 2015: 160-167, 213-230). Если и упоминается такой способ казни, то только как единичный пример в отношении жителей Владимира-Волынского (Храпачевский 2004: 387; Храпачевский 2011: 235). Когда в источниках обращается внимание на способ казни при массовых убийствах пленных, то упоминается применение сабель («мечей») (Рашид ад-Дин 1952: 201; Фома Сплитский 1997: 111-112, 121), топоров («секир») (Плано Карпини 1957: 54), расстрел из лука (Рашид ад-Дин 1952: 201), часто пленных обезглавливали (Фома Сплитский 1997: 111-112, 113, 117-118), в качестве забавы им разбивали головы дубинками (Фома Сплитский 1997: 111), пронзали копьями (Фома Сплитский 1997: 113) и т.д.[1]

Практика пробивания головы (черепа) гвоздями как способа казни или посмертного повреждения тела врага или преступника не была характерна для завоевателей[2], и, насколько нам известно, данных о её применении в отношении покоренных народов нет. В качестве реакции на упорное сопротивление обороняющихся можно было ожидать обезглавливания (расчленения) пленных, что применялось монголами для полного обезвреживания противников, но не пробитие их голов гвоздями.

В качестве ещё одного аргумента против того, что интересующие нас археологические находки свидетельствуют о расправах монголов, приведем ещё один возможный довод, исходя из логики поведения завоевателей. Некоторые данные позволяют предположить, что какого-то ожесточенного сопротивления со стороны жителей Владимира-Волынского и не было. «Не приходится говорить о тотальном разрушении города в середине XIII в. Большинство известных ныне древних владимирских храмов пережили татарское нашествие. Проезжавший через Владимир-Волынский Плано Карпини не отметил никаких следов разрушений, какие он наблюдал затем в Киеве». Найденные на территории города следы многочисленных пожаров также нельзя надежно связать со штурмом города (Майоров 2015: 16). Следовательно, не приходится говорить и об упорном противоборстве, которое являлось одной из причин жестоких массовых казней оборонявшихся.

[1] Здесь, разумеется, приведена не полная подборка подобных известий.

[2] Видимо потому, что пробивание черепа не обеспечивало в достаточной степени нарушения целостности останков, требовалось полное его раздробление. Ср. характерный в данном отношении рассказ «Сокровенного сказания»: голова кереитского Ван-хана, погибшего в борьбе с Темучжином, оказывается у найманских правителей, которые стали совершать над ней жертву, вдруг голова начинает смеяться, «"Смеешься!" – сказал Таян-хан и приказал *вдребезги* растоптать голову ногами (курсив наш – С.Ч.)» (Сокровенное сказание 1941: 142, § 189).

Выводы

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Существующее в литературе мнение, что находки пробитых гвоздями черепов свидетельствуют о последствиях штурма монголо-татарами Владимира-Волынского и о расправах с местным населением, не имеет достаточных оснований. Практика пробивания головы (черепа) гвоздями как способа казни или посмертного повреждения тела врага не была характерна для завоевателей, данных о её применении в отношении покоренных народов нет. Монголами применялись другие формы расправы с побежденными врагами. Обоснованным является мнение, что эти находки нужно связывать с ритуальной практикой славян, мерами защиты от ходячих покойников и упырей.

ЛИТЕРАТУРА

ан-Насави 1996 - *Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави*. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). М.: Восточная литература, 1996. 794 с.

Джувейни 2004 - *Джувейни Ата-Мелик*. Чингисхан. История Завоевателя Мира. М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. 690 с.

Дмитриев 1997 - *Дмитриев С.В.* Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии (общеазиатский контекст) // Стратум. Сборник символической индоевропейской истории. СПб.: Нестор, 1997. С. 212-219.

Дмитриев 2001 - *Дмитриев С.В.* Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников // Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001. С. 178-190.

Дробышев, Юрченко 2009 - *Дробышев Ю.И., Юрченко А.Г.* «Заповедники смерти» монгольской империи // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 2. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 160-169.

Ивакин 2003 - *Ивакин Г.Ю.* Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие // Русь в XIII в.: Древности темного времени. М., 2003. С. 56-65.

Каргалов 1967 - *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1967. 263 с.

Карпов 2011 - *Карпов А.Ю.* Батый. М.: Молодая гвардия, 2011. 352 с.

Котляр 2005 - *Котляр Н.Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. СПб.: Алетейя, 2005. 422 с.

Крадин, Скрынникова 2006 – *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.

Кучинко 2009 - *Кучинко М.М.* Історія населення Західної Волині, Холмщини та Підляшшя в X-XIV століттях. Луцьк: ВАТ «Волинська обласна друкарня», 2009. 528 с.

Лушина 2015a - *Лушина А.В.* К вопросу об ареалах скальпирования в Евразии // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики. Сборник научных статей. Зимовники, 2015. С. 35-45.

Лушина 2015b - *Лушина А.В.* О вероятности применения одного специфического способа казни средневековыми монголами // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики. Сборник научных статей. Зимовники, 2015. С. 283-285.

Мазур, Терський, Подоляка 2010 - *Мазур О., Терський С., Подоляка Т.* Археологічні, краніологічні та етнографічні відомості про боротьбу з пирями за княжої доби // Княжа доба: історія і культура. Вип. 3. Львів, 2010. С. 302-317.

Майоров 2015 - *Майоров А.В.* Монгольское завоевание Волыни и Галичины: спорные и нерешенные вопросы // Русин. Международный исторический журнал. 2015. № 1 (39). С. 11-24.

Панова 2004 - *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI-XVI веков. М.: Радуница, 2004. 183 с.

Пастернак 1961 - *Пастернак Я.* Археологія України: Первісна, давня та середня історія України за археологічними джерелами. Торонто: Наукове товариство. ім. Шевченка, 1961. 791 с.

Плано Карпини 1957 - *Джиованни дель Плано Карпини*. История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 270 с.

Почекаев 2009 - *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань: Издательство «ФЭН» АН РТ, 2009. 260 с.

Почекаев 2015 - *Почекаев Р.Ю.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.

ПСРЛ 10 - Полное собрание русских летописей Т. 10. Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 244 с.

ПСРЛ 15 - Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.

ПСРЛ 5.1 - Полное собрание русских летописей Т. 5. Вып.1. Софийская 1-я летопись. Изд. 2-е. Л.,1925. 240 с.

Рашид ад-Дин 1952 - *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. О.И. Смирновой; под ред. А.А. Семенова. Т. I. Кн. 2. М.; Л., АН СССР, 1952. 316 с.

Рыкин 2009 - *Рыкин П.О.* К вопросу об обычае расчленения и скальпирования у средневековых монголов // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 2. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 169-177.

Рыкин 2010 - *Рыкин П.О.* Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монголов (по данным письменных источников) // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 239-301.

Скрынникова 1997 - *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: ИФ «Восточная литература», 1997. 216 с.

Скрынникова 2013 - *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингисхана. СПб.: Евразия, 2013. 380 с.

Смбат Спарапет 1974 - *Смбат Спарапет*. Летопись. Ереван: Айастан, 1974. 238 с.

Сокровенное сказание 1941 - Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongγolun Niγuca tobčiyan. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. 619 с.

Сусенков 2006 - *Сусенков Ю.И.* Русско-монгольская война 1237-1241 гг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 110 с.

Фома Сплитский 1997 - *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны. М.: Индрик, 1997. 319 с.

Храпачевский 2004 - *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингис-хана. М.: АСТ ЛЮКС, 2004. 557 с.

Храпачевский 2011 - *Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011. 260 с.

Хрусталев 2008 - *Хрусталев Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига» 30-40 гг. XIII в. СПб.: Евразия, 2008. 381 с.

Хрусталев 2013 - *Хрусталев Д.Г.* Русь и монгольское нашествие, 20-50-е гг. XIII в. СПб.: Евразия, 2013. 416 с.

Ц. де Бридиа 2002 - «История татар» брата Ц. де Бридиа // Христианский мир и «Великая Монгольская империя»: Материалы францисканской миссии 1245 г. / Критич. текст, пер. с лат. «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко; СПб.: Евразия, 2002. 477 с.

Цинкаловський 1935 - *Цинкаловський О.* Княжий город Володимир. Львів. Накладом фонду «Учітеся, брати мої», 1935. 111 с.

Цинкаловський 1937 - *Цинкаловський О.* Матеріяли до археології Володимирського повіт // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. 154. Львів, 1937. С. 186-193.

Цинкаловський 1984 - *Цинкаловський О.* Стара Волинь і Волинське Полісся. Т. І. Вінніпег: Published by Volyn Society, 1984. 600 с.

Чебаненко 2017 - *Чебаненко С.Б.* Практика посмертного повреждения тел «нечистых» покойников в Южной Руси и в Прикарпатье и месть за ослепление Василько Требовльского // Русин. 2017. № 1 (47). С. 50-66.

Юрченко 2002 - *Юрченко А.Г.* Смерть Генриха Силезского: миф и реальность (НТ§28) // Христианский мир и «Великая Монгольская империя»: Материалы францисанской миссии 1245 г. / Критич. текст, пер. с лат. «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002. 477 с.

Юрченко 2006 - *Юрченко А.Г.* Историческая география политического мифа. Образ Чингисхана в мировой литературе XIII-XV вв. СПб.: Евразия, 2006. 640 с.

Юрченко 2012 - *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи. Время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012. 505 с.

REFERENCES

Chebanenko 2017 - *Chebanenko S.B.* Praktika posmertnogo povrezhdeniya tel «nechistykh» pokoynikov v Yuzhnoy Rusi i v Prikarpat'e i mest' za osleplenie Vasil'ko Trebovl'skogo [Practice of postmortem damage of bodies of «cloot» decedents in South Russia and Subcarpathia and vengeance for blinding of Vasilko of Terebov], in: Rusin, 2017, 1 (47), pp. 50-66 [in Russian].

Dmitriev 1997 - *Dmitriev S.V.* Tema otrublennoy golovy i politicheskaya kul'tura narodov Tsentral'noy Azii (obshcheaziatskiy kontekst) [Cut off head subject and political culture of Central Asia peoples], in: Stratum. Sbornik simvolicheskoy indoevropeyskoy istorii [Stratum. Collection of symbolic Indo-European history], St.Petersburg, 1997, pp. 212-219 [in Russian].

Dmitriev 2001 - *Dmitriev S.V.* Praktika razoreniya mogil v politicheskoy kul'ture tyurko-mongol'skikh kochevnikov [Practice of graves' destruction in political culture of Turcoman-Mongolian nomads], in: Antropologiya nasiliya [Anthropology of violence], St. Petersburg, 2001, pp. 178-190 [in Russian].

Drobyshev, Yurchenko 2009 - *Drobyshev Yu.I., Yurchenko A.G.* «Zapovedniki smerti» mongol'skoy imperii [«Death sanctuaries» of Mongol Empire], in: Sibirskiy sbornik – 1: Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Kniga 2 [Siberian collection – Obsequies of Siberian and nearby peoples. Book 2], St.Petersburg, 2009, pp. 160-169 [in Russian].

Dzhuveyni Ata-Melik 2004 - *Dzhuveyni Ata-Melik.* Chingiskhan. Istoriya Zavoevatelya Mira [Genghis Khan: the history of the world conqueror], Moscow, 2004 [in Russian].

Foma Splitskiy 1997 - *Foma Splitskiy.* Istoriya arkhiepiskopov Salony [History of the Archbishops of Split and Salons], Moscow, 1997 [in Russian].

Ivakin 2003 - *Ivakin G.Yu.* Istoricheskoe razvitie Yuzhnoy Rusi i Batyevo nashestvie nashestvie [Historical development of the Southern Russia and Batu invasion], in: Rus' v XIII v.: Drevnosti temnogo vremeni [Rus in the 13th c.: ancients of the dark ages], Moscow, 2003, pp. 56-65 [in Russian].

Kargalov 1967 - *Kargalov V.V.* Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noy Rusi. Feodal'naya Rus' i kochevniki [The factors of foreign policy in the development of feudal Russia. Feudal Russia and Nomads], Moscow, 1967 [in Russian].

Karpov 2011 - *Karpov A.Yu.* Batyy [Batu], Moscow, 2011 [in Russian].

Khrapachevskiy 2004 - *Khrapachevskiy R.P.* Voennaya derzhava Chingis-khana [Military power of Genghis Khan], Moscow, 2004 [in Russian].

Khrapachevskiy 2011 - *Khrapachevskiy R.P.* Armiya mongolov perioda zavoevaniya Drevney Rusi [Mongol army during the conquest of ancient Russia], Moscow, 2011 [in Russian].

Khrustalev 2008 - *Khrustalev D.G.* Rus': ot nashestviya do «iga» 30-40 gg. XIII v. [Russia: from invasion to «yoke» (the 30–40-ies of the 13th century)], St. Petersburg, 2008 [in Russian].

Khrustalev 2013 - *Khrustalev D.G.* Rus' i mongol'skoe nashestvie, 20-50-e gg. XIII v. [Russia and the Mongolian invasion. 1220-1250s], St. Petersburg, 2013 [in Russian].

Kotlyar 2005 - *Kotlyar N.F.* Kommentariy [Commentary], in: Galitsko-Volynskaya letopis': Tekst. Kommentariy. Issledovanie [The Galician–Volhynian Chronicle. Text. Commentary. Research], St. Petersburg, 2005 [in Russian].

Kradin, Skrynnikova 2006 - *Kradin N.N., Skrynnikova T.D.* Imperiya Chingis-khana [Genghis Khan's empire], Moscow, 2006 [in Russian].

Kuchinko 2009 - *Kuchinko M.M.* Istorija naselennja Zahidnoi' Volyni, Holmshhyny ta Pidljashshja v X-XIV stolittjah [The history of the population of Western Volhynia, Chełm Land and Podlasie in the 10th–14th centuries], Lutsk, 2009 [in Ukrainian].

Lushina 2015a - *Lushina A.V.* K voprosu ob arealakh skal'pirovaniya v Evrazii [To a question on scalping areals in Eurasia], in: Drevnie kul'ty, obryady, ritualy: pamyatniki i praktiki [Ancients Cult Centers and Ritual Practices], Zimovniki, 2015, pp. 35-45 [in Russian].

Lushina 2015b - *Lushina A.V.* O veroyatnosti primeneniya odnogo spetsificheskogo sposoba kazni srednevekovymi mongolami [About scalping as a method of execution in the states Chingizids], in: Drevnie kul'ty, obryady, ritualy: pamyatniki i praktiki [Ancients Cult Centers and Ritual Practices], Zimovniki, 2015, pp. 283-285 [in Russian].

Maiorov 2015 - *Maiorov A.V.* Mongol'skoe zavoevanie Volyni i Galichiny: spornye i nereshennye voprosy [The Mongol conquest of Volhynia and Galicia: controversial and unresolved issues], in: Rusin, 2015, 1 (39), pp. 11-24 [in Russian].

Mazur, Ters'kiy, Podolyaka 2010 - *Mazur O., Ters'kiy S., Podolyaka T.* Arheologichni, kraniologichni ta etnografichni vidomosti pro borot'bu z pyrjamy za knjazhoi' doby [Archaeological, craniological and ethnographical data about the fight against vampires in the Middle Ages], in: Knyazha doba: istoriya i kul'tura [The epoch of princes: history and culture], 3, L'viv, 2010, pp. 302-317 [in Ukrainian].

Panova 2004 - *Panova T.D.* Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI-XVI vekovb [Reign of Death. Obsequies of Medieval Russia in the 11th – 16th centuries], Moscow, 2004 [in Russian].

Pasternak 1961 - *Pasternak Ya.* Arheologija Ukrai'ny: Pervisna, davnja ta serednja istorija Ukrai'ny za arheologichnymy dzherelamy [The archaeology of Ukraine: primeval, ancient and medieval history of Ukraine on archaeological sources], Toronto, 1961 [in Ukrainian].

Plano Karpini 1957 - *Plano Karpini.* Istoriya mongalov [History of the Mongols], in: Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka [The travel to Eastern countries by Plano Carpini and Rubruque], Moscow, 1957 [in Russian].

Pochekaev 2009 - *Pochekaev R.Yu.* Pravo Zolotoy Ordy [The golden Horde's law], Kazan', 2009 [in Russian].

Pochekaev 2015 - *Pochekaev R.Yu.* Pravovaya kul'tura Zolotoy Ordy (istoriko-pravovye ocherki) [Legal culture of the Golden Horde (historical and legal essays)], Moscow, 2015 [in Russian].

PSRL 10 - Polnoe sobranie russkikh letopisey T. 10. Nikonovskaya letopis' [Full collection of Russian chronicles. Vol. 10. Nikon chronicle], Moscow, 1965 [in Russian].

PSRL 15 - Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 15. Rogozhskiy letopisets. Tverskoy sbornik [Full collection of Russian chronicles. Vol. 15. Rogozhskiy chronicle. Tverskoy chronicle], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL 5.1 - Polnoe sobranie russkikh letopisey T. 5. Vyp.1. Sofiyskaya 1-ya letopis' [Full collection of Russian chronicles. Vol. 5, pts. 1. Sofiyskaya first chronicle], Leningrad, 1925 [in Russian].

Rashid ad-Din 1952 - *Rashid ad-Din.* Sbornik letopisey [The collection of chronicles], Vol. 1, book 2, Moscow, 1952 [in Russian].

Rykin 2009 - *Rykin P.O.* K voprosu ob obychae raschleneniya i skal'pirovaniya u srednevekovykh mongolov [Towards the question of common practice of disincorporation and scalping among medieval Mongols], in: Sibirskiy sbornik – 1: Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Kniga 2 [Siberian collection – Obsequies of Siberian and nearby peoples. Book 2], St. Petersburg, 2009, pp. 169-177 [in Russian].

Rykin 2010 - *Rykin P.O.* Kontseptsiya smerti i pogrebal'naya obryadnost' u srednevekovykh mongolov (po dannym pis'mennykh istochnikov) [Conception of death and obsequies among medieval Mongols (According to written sources)], in: Ot bytiya k inobytiyu: Fol'klor i pogrebal'nyy ritual v traditsionnykh kul'turakh Sibiri i Ameriki [From existence to non-existence: folklore and obsequies in traditional cultures of Siberia and America: collected papers], St. Petersburg, 2010, pp. 239-301 [in Russian].

Shikhab ad-Din Mukhammad ibn Akhmad an-Nasavi 1996 - *Shikhab ad-Din Mukhammad ibn Akhmad an-Nasavi.* Sirat as-sultan Dzhalal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhalal ad-Dina Mankburny) [Sirat as-sultan Dzhalal ad-Din Mankburny (Biography of Sultan Jalal al-Din Mankburna)], Moscow, 1996 [in Russian].

Skrynnikova 1997 - *Skrynnikova T.D.* Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana [Charisma and power in the epoch of Genghis Khan], Moscow, 1997 [in Russian].

Skrynnikova 2013 - *Skrynnikova T.D.* Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana [Charisma and power in the epoch of Genghis Khan], St. Petersburg, 2013 [in Russian].

Smbat Sparapet 1974 - *Smbat Sparapet.* Letopis' [Chronicle], Erevan, 1974 [in Russian].

Sokrovennoe skazanie 1941 - Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. pod nazvaniem Mongγolun Niγuca tobčiyan. Yuan' Chao Bi Shi. Mongol'skiy obydennyy izbornik [Secret tale. Mongolian chronicle of 1240 called Mongγolun Niγuca tobčiyan], Moscow; Leningrad, 1941 [in Russian].

Susenkov 2006 - *Susenkov Yu.I.* Russko-mongol'skaya voyna 1237-1241 gg. [Russian-Mongolian war of 1237-1241], Tomsk, 2006 [in Russian].

Ts. de Bridia 2002 - «Istoriya tatar» brata Ts. de Bridia [«History of Tartars» of brother C. de Bridia], in: Khristianskiy mir i «Velikaya Mongol'skaya imperiya»: Materialy frantsiskanskoy missii 1245 g / Kritich. tekst, per. s lat. «Istorii Tartar» brata Ts. de Bridia S.V. Aksenova i A.G. Yurchenko [Christian world and Great Mongolian Empire: materials of Franciscan mission of 1245. Critics, text and transl. of S.V. Aksenov and A.G. Yurchenko], St. Petersburg, 2002 [in Russian].

Tsinkalovs'kiy 1935 - *Tsinkalovs'kiy O.* Knyazhiy gorod Volodimir [Vladimir, the city of the prince], Lviv, 1935 [in Ukrainian].

Tsinkalovs'kiy 1937 - *Tsinkalovs'kiy O.* Materijaly do arheologii' Volodymyrs'kogo povit [Materials on the archaeology of Vladimir district], in: Zapiski Naukovogo Tovaristva im. Shevchenka. Vol. 154 [Notes of scientific association of Shevchenko. Release 154], pp. 186-193 [in Ukrainian].

Tsinkalovs'kiy 1984 - *Tsinkalovs'kiy O.* Stara Volin' i Volins'ke Polissya [The ancient Volhynia and Volhynian Polesye], Vinnipeg, 1984 [in Ukrainian].

Yurchenko 2002 - *Yurchenko A.G.* Smert' Genrikha Silezskogo: mif i real'nost') [Death of Henry of Silesia: myth and reality], in: Christian world and Great Mongolian Empire: materials of Franciscan mission of 1245. Critics, text and transl. of S.V. Aksenov and A.G. Yurchenko, St. Petersburg, 2002 [in Russian].

Yurchenko 2006 - *Yurchenko A.G.* Istoricheskaya geografiya politicheskogo mifa. Obraz Chingis-khana v mirovoy literature XIII-XV vv. [Historical geography of political myth. Genghis Khan portrait in world literature of the 13th – 15th centuries], St. Petersburg, 2006 [in Russian].

Yurchenko 2012 - *Yurchenko A.G.* Elita Mongol'skoy imperii. Vremya prazdnikov, vremya kazney [Elite of the Mongolian Empire. Time for fests, time for executions], St. Petersburg, 2012 [in Russian].

Чебаненко Сергей Борисович – Кандидат исторических наук,
Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.
Sergey Chebanenko – Ph.D in History, Institute of History of Saint Petersburg State University
E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

УДК 902/904

ПИТЬЕВЫЕ РОГА БАЛТОВ С ДЕКОРИРОВАННЫМИ ДЕТАЛЯМИ

В.И. Кулаков
Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

Авторское резюме

Одним из важнейших компонентов материальной культуры балтов на протяжении римского времени и раннего средневековья являются питьевые рога. Анализ украшавшего их орнамента позволил сделать следующие выводы. 1. Традиция использования питьевых рогов в раннеримское время распространяется в Европе с запада на восток, от кельтов через германцев к балтам. 2. Детали орнамента питьевых рогов, встреченные как на балтском материале, так и в древностях о. Готланд, свидетельствуют о непосредственном соотнесении этих престижных и дорогих сосудов с культом Бога-Громовника. 3. Балты восприняли от германцев как орнаментальные мотивы и образы, изображавшиеся на накладках рогов, так и некоторые аспекты культа Бога-Громовника. 4. Находки роскошных питьевых рогов, социально значимых атрибутов «вождей» дружин, обозначают места дислокации военных формирований эпохи Великого переселения народов. 5. Во второй пол. V – нач. VI вв. к воинам, использовавшим в Балтии рога, связанные с культом Бога-Громовника, присоединились видиварии и их потомки. 6. В эпоху викингов роскошно декорированные питьевые рога уже не представлены в древностях балтов.

Ключевые слова: археология, балты, питьевые рога, Бог-Громовник, великое переселение народов.

BALTIC DRINKING HORNS WITH DECORATED DETAILS

Vladimir Kulakov
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
19 The Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117036, Russia
e-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract

One of the most important components of the material culture of the Balts during the Roman period and early Middle Ages was drinking horns. A study of their ornaments led to the following conclusions. 1. The drinking horn tradition was adopted in Europe in the early Roman period and spread from west to east, from the Celts through the Germans to the Balts. 2. The ornamental details of the horns that are part of the Baltic and Gotland antiquities point to the direct connection of these prestigious and expensive drinking vessels with the cult of the God of Thunder (Donner-God). 3. The Balts adopted Germanic ornamental motifs

and images, depicted on the cover plates of the horns, as well as some aspects of the Donner-God cult. 4. Findings of the extensively decorated drinking horns, which served as socially meaningful attributes of military chieftains, help identify the places of deployment of military forces in the Migration Period. 5. In the second half of the 5th – beginning of the 6th century in the Baltics, not only the warriors, but also the Vidivari and their descendants used the horns associated with the Donner-God cult. 6. The luxuriously decorated drinking horns are not represented in the antiquities of the Balts in the Viking Age.

Keywords: archaeology, Balts, drinking horns, Migration Period, God of Thunder.

* * *

Одним из важнейших компонентов материальной культуры балтов на протяжении римского времени и раннего средневековья являются питьевые рога. Судя по своим размерам, которые нередко восстанавливаются по пятнам тлена в погребениях, питьевые рога (*далее – ПР*) изготовлялись из полых рогов туров и зубров, в изобилии водившихся в древних лесах Балтии. Ранее на материале изученных на территории совр. Литвы погребальных комплексов фаз D_1 и D_2, содержащих ПР с серебряными накладками вокруг устья, было выдвинуто предположение о том, что эти комплексы принадлежат воинам-дружинникам, вернувшимся на родину предков после участия в боевых столкновениях на границах рушащейся Римской Империи (Kulakov 2008: 33, 38). Декор на металлических деталях рогов подчёркивал их высокую материальную и, очевидно, социальную ценность. В связи с этим автор статьи сконцентрировал своё внимание прежде всего на упомянутом выше разделе находок.

Интерес к изучению и интерпретации такой редкой для европейских древностей находки, как питьевые рога, прусские археологи проявили уже в нач. XX в. Адальберт Бецценбергер, уделявший большое внимание древностям совр. Литовского Взморья, среди результатов раскопок грунтового могильника Rubocken/Rubokai обратил внимание на погр. 39. В составе его инвентаря были обнаружены железное шило (?) с деревянной рукоятью, серебряная обкладка устья ПР (рог изнутри был укреплён бронзовой пластиной), два бронзовых спиральных кольца, 11 янтарных бусин различной формы, 10 голубых пастовых бусин, зелёная стеклянная бусина, серебряная гривна и прочие находки (Bezzenberger 1909: 166, 167, 183). Состав инвентаря комплекса свидетельствует в пользу его женской принадлежности. В одной из орнаментальных зон, украшавших устье ПР из Rubocken/Rubokai, А. Бецценбергер отметил наличие чередующихся фигурок оленя (Bezzenberger 1909: 183), отштампованных на пластине изнутри. Этому автору к нач. XX в. были известны минимум 6 находок ПР на территории провинции Вост. Пруссия, которые он отнёс к фазе С и связал с синхронными им скандинавскими древностями (Bezzenberger 1909: 184). Несмотря на вполне адекватную датировку комплекса с ПР, которую ему дал А. Бецценбергер, Л. Вайтунскене отнесла упомянутый рог к VI-VII вв. (Vaitkunskienė 1981: 19). Казалось бы, в пользу последнего варианта датировки говорит наличие орнаментальных полос, составлен-

ных из балюстрадовидных фигур (как в Rubocken/Rubokai) на накладках ножен «длинных» саксов из могильников окрестностей совр. Elbing/Elbląg, отнесённых мною вслед за П. Урбаньчиком ко второй пол. VII в. (S. 128; Кулаков 1990: 29). Очевидно, балюстрадовидный орнамент в виде архаизма мог использоваться балтскими мастерами как в позднеримское время, так и в эпоху Меровингов.

Чуть позже выхода в свет статьи А. Беценбергера сводка остатков ПР на территории Вост. Пруссии была издана Ф. Пайсером (Peiser 1921: 116, 117). Автор насчитал на могильниках Самбии и Мазурского Поозерья обломки бронзовых оковок 18 питьевых рогов, отнеся их к фазам C-D (Peiser 1921: 117). К сожалению, данная информация не сопровождалась рисунками, в связи с этих опубликованный Ф.Е. Пайсером материал не поддаётся анализу и типологизированию.

В 30-е годы проблему питьевых рогов, точнее – обкладок их устьев, рассмотрел исследователь памятников археологии бассейна р. Ногаты Бруно Эрлих. Он обратил внимание на часть повторяющийся и отмеченный ещё А. Беценбергером декоративный мотив на пластинах устья ПР – многократно повторенная басменная балюстрадообразную фигуру, названную Kegelkönig (нем. «Король кеглей» или «Конический король» - ?) (Ehrlich 1931: 34). Автор отметил большую степень сходства деталей частично имитирующего круглые заклёпки орнамента на накладке ПР из погр. 1 грунтового могильника Warnikam/Первомайское (Багратионовский р-н) и на накладке на ножны однолезвийного меча из грунтового могильника Benkenstein-Freiwalde/Elbląg Kamionka-Żytno (pow. Elbląg) (Ehrlich 1931: 32).

В послевоенное время далеко не полная карта находок ПР в юго-восточной Балтии была издана Анной Битнер-Врублевской (Bitner-Wróblewska 1991: fig. 8). Вильнюсский археолог Витаутас Казакявичус, отметив находки ПР в погр. 2, 50, 54, 59, 61, 64, 80 и 332 могильника Plinkaigalis (Kedainių raj.), подчеркнул как практическую, так и ритуальную функции питьевых рогов балтов (Kazakevičius 1992: 136). Лайма Вайткунскене определила зональный характер орнаментации накладок устья ПР, несущих изображения животных (по её мнению – символ земли), птиц (символ неба) и змей (символ воды - ?), как отражение зональной градации мира, характерной для древних балтов. Автором была отмечена важная социальная значимость ПР, подчёркнутая их изображениями на прусских каменных изваяниях (Vaitkunskienė 1995: 104). Адольфас Таутавичюс считал, что первые питьевые рога появляются у пруссов и ятвягов во II-III вв. н.э. (Tautavičius 1996: 209). Аудроне Блюэне и Вальдас Степонайтис справедливо отметили уникальность питьевого рога (обнаружен на груди погребённого) в «княжеском» кург. 5 могильника Taurapilis, несущего орнамент в стиле Nydam и датированного эпохой Хильдерика (кон. V – нач.VI вв.) (Bliujienė, Steponaitis 2009: 188, 192). Самые поздние из декорированных ПР были обнаружены Мирославом Петжаком в 10 кремированных погребениях грунтового могильника Neuendorf/Nowinka (pow. Elbląg). Они представляют самое западное в Балтии скопление находок подобного рода и отнесены к прусским древностям VI-VII вв. Орнамент этих рогов определён как форма II Общегерман-

ского звериного стиля. Предназначение этих ПР, найденных в богатых захоронениях мужчин-воинов, - осуществление ритуальных возлияний в процессе культовых церемоний (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 112, 123, 124).

Единственной и весьма качественной сводкой всех питьевых рогов, относящихся к III – нач. XIII вв. и найденных на территории совр. Литвы, является диссертационная работа Андры Симнишките (Simniškytė 1998: 185-245). Автор собрала информацию о находках металлических деталей ок. 1000 питьевых рогов, происходящих преимущественно из трупоположений (650 ПР). Орнаментированные пластины, окружавшие устья ПР и которым посвящена предлагаемая статья, привлечены А. Симнишките в количестве 17 экз. и датированы ей V-VI вв. Они отнесены к цилиндрическим оковкам (Simniškytė 1998: 195). С VIII в. на Неманском правобережье распространяются бревнообразные (С-видные в сечении) и ленточные оковки устья ПР, уже не украшавшиеся орнаментами. В отличии от ПР III-VI вв., остроконечные концы поздних рогов уже не снабжались конусовидными навершиями. Часть таких наверший, распространённых в римское время на территории совр. Дании на фазе B_2, была отнесена Яцеком Анджейовски к типам D1/2 и D.2b (Andrzejowski 1991: 27). Если в римское время ПР на территории совр. Литвы встречались в женских захоронениях, то в эпоху Великого переселения народов они становятся исключительной прерогативой мужчин-воинов, являясь как посудой для поминальных возлияний, так и определяя высокий социальный статус погребённого. Распространение в III в. н.э. ПР среди балтов А. Симнишките считает результатом культурных влияний населения Готланда и Центральной Европы. Здесь автор следует за мнением Яцека Анджейовски, который датировал появление ПР в Западной Европе фазами B_1-B_2, в Скандинавии – фазами B_2-C_1, а в земле балтов – фазами C_2-D (Andrzejowski 1991: 63). При этом А. Симнишките декларирует абсолютное преобладание на территории совр. Литвы ПР местного производства (Simniškytė 1998: 214). Следует отметить то, что в европейской науке укрепилось мнение о том, что в германской среде I в. н.э. питьевые рога появились в результате кельтского влияния (Redlich 1977: 118), а на территории совр. Литвы они поступили из Скандинавии (Nowakowski 2008: 67).

Также единственной в своём роде является статья Матеуша Богуцкого, посвящённая семантике изображений на пластинах ПР, найденных на территории совр. Литвы. Польский коллега проанализировал накладки девяти питьевых рогов эпохи Великого переселения народов. Автор считал балюстрадовый орнамент или сугубо декоративным элементом, или изображением, для которого «мы в настоящее время не в состоянии определить его символику» (Boguzki 2001: 28). Фигурки рогатых животных автор связал с культом славянского Волоса (Boguzki 2001: 30). М. Богуцки считал питьевые рога балтов, обитавших на территории совр. Литвы, связанными с местным хтоническим культом и одновременно со скандинавскими верованиями и представлявшими для владевших ПР воинов не только материальную ценность, но и «должны были помочь мёртвым в их жизни после смерти» (Boguzki 2001: 31).

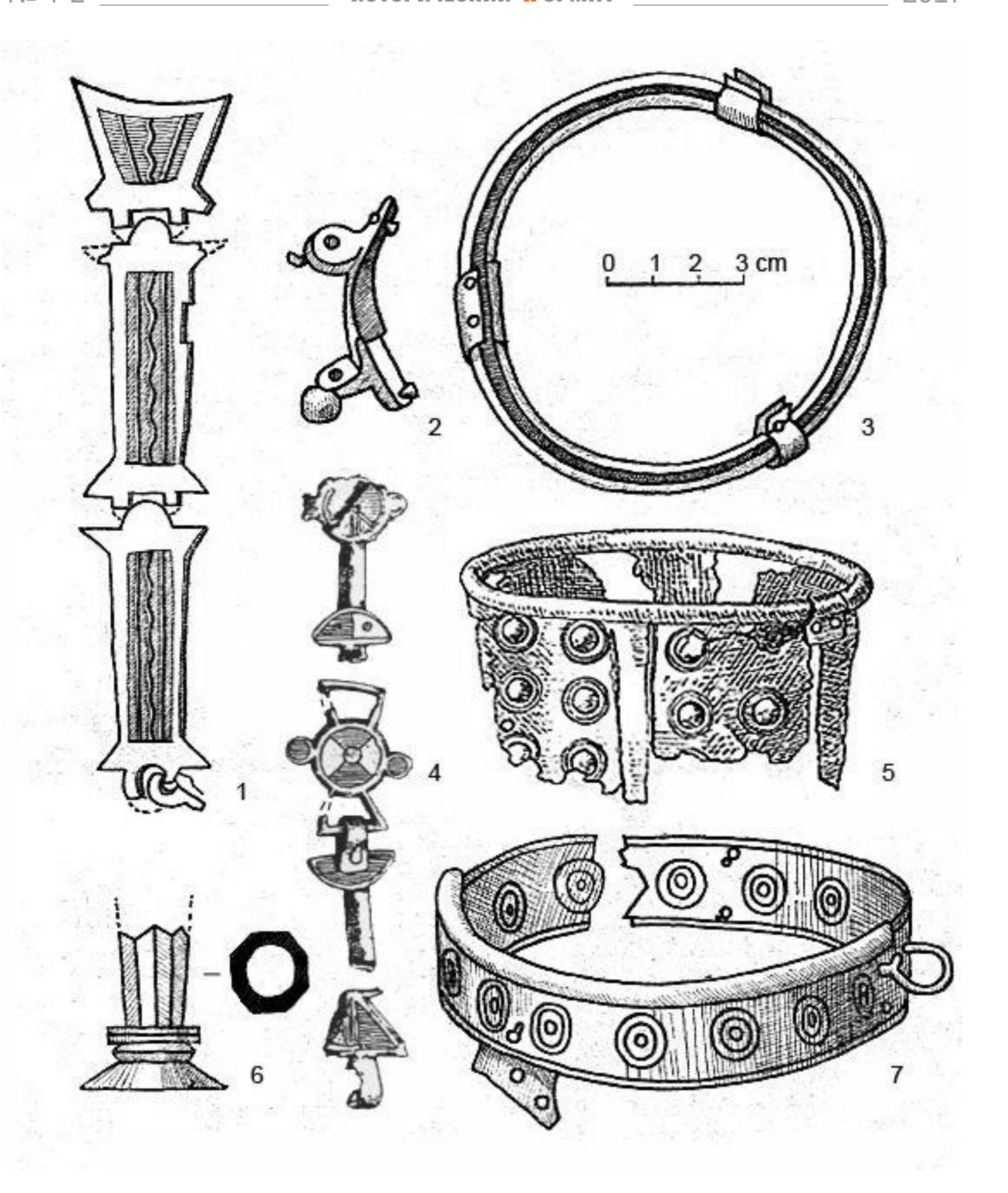

*Рис. 1. Металлические детали ритонов, украшенные кольцевыми оттисками:
1-3, 6, 7 – погр. 1 Maudžiorai; 4 – погр. б./№ Lapsau/Заозерье (Гурьевский р-н);
5 – погр. 54 Plinkaigalis (1-3, 6, 7 – Valatka 1984: 9 pav.,1-3;
4 – Gaerte 1924: Abb. 4,1; 9 pav.,1-3; 5, 7 – Simniškitė 1998: 22 pav.,1,2).*

На фазе С в древностях балтов представлены питьевые рога, снабжённые как широкими, так и узкими (шир. не более 3 см) бронзовыми накладками, кольцеобразно окружающими устье (**рис. 1**,3,5,7). Декором для этих пластин служат тасменные оттиски кольцевидных фигур диам. ок. 1 см, оттиснутых изнутри пластины и напоминающих заклёпки. Пластины различной конфигурации, соединённые между собой звеньями (в т.ч. – проволочными) и крепившиеся одним концом к краю ПР, датируемых на территории совр. Литвы IV в. н.э. (Valatka 1984: 14), другим – к его конусообразному концу, нередко украшались разноцветной эмалью (**рис. 1**,1,4). В окрестностях совр. Калининграда, на могильнике Lapsau/Заозерье в нач. XX в. были найдены детали напоминавшей кельтские пояса цепи, звенья которой были покрыты эмалью, в сопровождении обломков бронзовых накладок на устье (?) питьевого рога (Eggers 1951: 102).

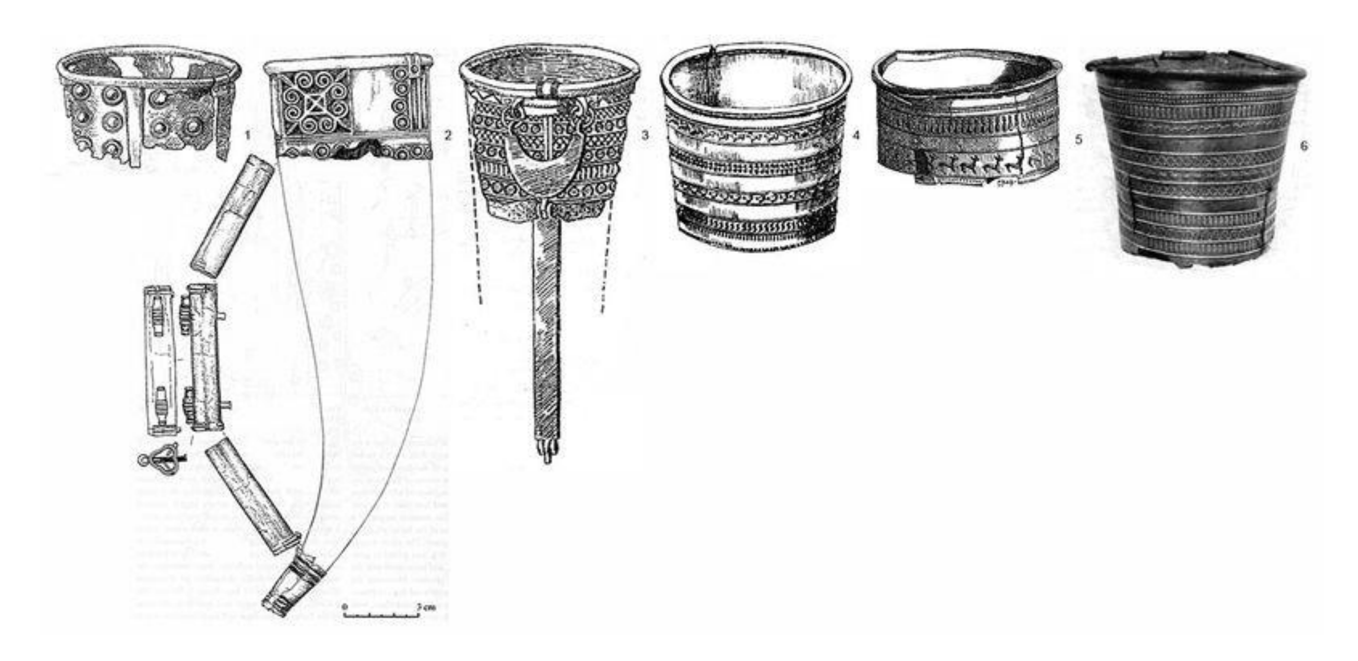

Рис. 2. Динамика изменения декора на металлических обкладках устья рогов III-VI вв. 1 – погр. 54 Plinkaigalis; 2 – кург. 5 Taurapilis; 3 – Siliņu (Latvija); 4 – погр. 332 Plinkaigalis; 5 – погр. 39 Rubocken/Rubokai; 6 - погр. 61 Plinkaigalis (1, 3 - Simniškitė 1998: 22 pav., 3; 24,1; 2 - Bliujienė, Steponaitis 2009: fig. 134; 4 – Kazakevičius 1993: 212 pav.; 5 – Bezzenberger 1909: Abb. 141; 6 – Tautavičienė 1981: 96 pav.).

Пластины, окантовывавшие устье ПР и несущие орнамент в виде одного или нескольких рядов, составленных из чередующихся по горизонтали кольцевидных фигур, используются на территории совр. Литвы до кон. IV – нач. V вв. н.э. (Valatka 1984: 14). Они несут древнейший для ПР Балтии вид орнамента и находятся в начале его типологического ряда (**рис. 2**,1). Пластина устья рога из кург. 5 могильника Taurapilis, как отмечалось выше, по своему декору уникальна в массиве балтских древностей кон. V – нач. VI вв. и считается импортом из Среднего Подунавья

(Bliujienė 2006: 136-138). Тем не менее и в составе орнаментальной полосы, украшающей пластину устья этого ПР, представлены кольцевидные заклёпки, находящиеся и в ряду под нижним краем этой полосы (**рис. 2**,2). Хотя в рамках логики развития элементов орнамента этот артефакт помещён в начале типологического ряда, он является самым поздним в этом ряду находок и представляет собой своеобразный архаизм в ряду балтских питьевых рогов эпохи Меровингов. Наконец, на обкладке рога из могильника Siliņu представлены уже семь горизонтально расположенных орнаментальных полос, три из которых составлены из чередующихся кольцевидных фигур (**рис. 2**, 3). Подобного рода фигуры представлены в серии оттисков штампов в рамках известного на изделиях западнобалтских мастеров стиля Sösdala, причём – в ряду с серповидными оттисками. Часть этих оттисков (с лучами) символизируют астральные светила, круглые и серповидные фигуры, очевидно, несут солярную и лунарную смысловую нагрузку (Кулаков 2011: 29, рис. 21,258,а). Ту же семантику имеют и фигуры, изображавшиеся на дисковидных навершиях оковки острых концов питьевых рогов эпохи Великого переселения народов (Kulikauskienė, Rimantienė 1958: 356). Появляются на обкладке рога из могильника Siliņu и геометрические изображения: две орнаментальные полосы составлены из косых крестов (семантика таких знаков однозначно пока в европейской археологии не трактуется – Bogucki 2001: 28), одна из полос представляет чередующиеся балюстрадовидные фигуры типа Kegelkönig (см. выше). В самбийском материале погребальных комплексов фаз B_1-B_2 бронзовые накладки подобной формы (правда, не дл. ок. 1,5 см, как на обкладках ПР, а дл. ок. 4 см) вертикально крепятся на самбийские пояса (Кулаков 2016: 40, рис. 70,4) и именуются «ладьевидными накладками». Сходные с фигурами типа Kegelkönig фигуры (правда, не балюстрадовидные, а в виде вертикально стоящего полумесяца с точками сверху и снизу) имеются в декоративных полосах на имевших ритуальное значение серебряных кубках и бронзовых оковках ПР, обнаруженных на о. Ютланд в комплексах III в. н.э. (Blankenfeld 2008: 74). Трёхмерная бронзовая аналогия балюстрадовидным фигурам оковок ПР, имевшая дл. 1,5 м, использовавшаяся в качестве подвески, была обнаружена на могильнике римского времени Šarkai (Šilalė raj.) (Banitė-Rowell 2011: 6 pav.). Эта находка является балтской (?) репликой известных в I в. н.э. в придунайских древностях (сарматы и гето-даки) рифлёных бронзовых подвесок, по своей форме несомненно символизировавших дубину (Бабеш 2005: 474, рис. 7,4-11). Сходная бронзовая подвеска была обнаружена в урновом трупосожжении на могильнике Sißnick/Suśnik (woj. mazursko-warmińskie Polski), причём – вместе с керамическим сосудом-приставкой (?), выполненном в виде остроконечного кубка (Peiser 1921, 19, Abb. 6).

Конструктивно схожие бронзовые подвески известны в судавских древностях на территории совр. Южной Литвы на фазе B_2/C_1 (Bliujienė 2016: 214). Примечателен факт расширения нижней части судавских подвесок, что сближает их по своей семантике с подвесками в виде палицы Геракла, характерных как для эллинисти-

ческих древностей, так и для набора украшений черняховской культуры (последние изготовлялись из кости - Щукин 2005: 190). Сходный феномен в единственном случае на западной окраине балтского мира известен в декоре бронзовой пиксиды из погр. 1 могильника Babienten/Babięty (woj. mazursko-warminskie Polski) (Peiser 1921: Abb. 1).

И судавские подвески-«палицы», и декоративные элементы типа Kegelkönig в композициях расположены вертикально и многократно повторяются или в ожерелье, или в орнаментальной полосе, ограничивая замкнутое пространство. Если учесть интерпретацию римскими авторами древнегерманского Бога молний Донара с Геркулесом (Дряхлов 1999: 58), то можно с достаточной долей уверенности полагать расположение стилизованных символов «палицы Геркулеса» в указанных композициях как стремление балтов придать владелице ожерелья или владельцу жидкости, которой наполнен ПР, мистическую защиту, даруемому Богом молний, позднее известным у жителей берегов Балтии под именем Перкуно-Перкунаса.

Позднейшими версиями декора с концентрическими окружностями (оформлены в виде диска с точками по периметру, перемежающиеся с «палицами» типа Kegelkönig) были обнаружены в ареале пруссов на грунтовых могильниках Löbertshof/Славянское и Warnikam/Первомайское (погр. Wa-1, датируемое рубежом V – нач. VI вв. – Кулаков 2016а: 27, 40).

Накладка на устье питьевого рога из погр. 332 могильника Plinkaigalis (**рис. 2**,4) показывает следующий этап развития декора этих уникальных для Балтии артефактов. Две орнаментальные зоны, представленные на накладке из погр. 332, заняты полосой, составленной из фигурок рогатого четвероногого (козёл, олень или бык) и полосой, составленной из фигурок птиц. Две другие полосы заняты чередованием вертикальных стилизованных фигур типа Kegelkönig и S-видными фигурами (змеи-?). Л. Вайткунскене считала такие композиции отражением трёхмерности миропорядка в культовом сознании балтов (Vaitkunskienė 1995: 104). На самом деле, учитывая приведённую выше интерпретацию фигур (точнее – знаков) типа Kegelkönig как символа Бога молний, показанные на накладке питьевого рога из погр. 332 могильника Plinkaigalis и сходных с нею артефактов представляют изображения гекатомб жертвенных животных, посвящённых упомянутому небожителю. На накладке его священный для балтов образ символизирован многократным повторением палицы – мифического атрибута Бога-Громовника. Публий К. Тацит прямо указывал: «Геркулеса (т.е – Донара) и Марса они (т.е. – германцы) умилостивляют закланиями обрекаемых ими в жертву животных» (Тацит 1969: 357). Дата комплексов с декоративными полосами, показывающими ряды предположительно жертвенных животных, по фибуле с фасетками на ножке, как в Plinkaigalis-61, датируются в юго-восточной Балтии фазами C_2/D_1 или D_1 (Кулаков 2003: 68, рис. 2). В древностях Самбии в это время известна одна находка остатков ПР с «бревнообразной» окантовкой устья без декора (Кулаков 2003: 67).

В эпоху Великого переселения народов на территории совр. Литвы представлены разнообразные версии зонального декора пластин устья ПР. Так, в частности, на накладке рога из погр. 39 Rubocken/Rubokai верхняя полоса заполнена изображениями фигур/знаков типа Kegelkönig с чётким изображением рукояти в своей верхней части и с расширением своего диаметра книзу. Тем самым мастер накладки максимально приблизил этот знак к натуральному изображению дубины – атрибута Бога. Ниже показана полоса, заполненная оттисками фигурки козла или оленя – жертвенного животного, участвовавшего в ритуалах, посвящённых Владыки молний. Подобного рода изобразительный приём (многократное посторенние фигурки животного в декоративной полосе) был воспринят германскими мастерами окрестностей галльского лимеса в III в. н.э. у провинциально-римских коллег (Balnkenfeld 2008: 57, 58) и применялся на островах запада Балтики при изготовлении декоративных фризов с сюжетом «дикой охоты» в IV-V вв. Чередование декоративных полос с вереницей животных и с жертвенными человеческими головами (Кулаков 2012: 204-206) в древнегерманской торевтике (Blankenfeld 2008: Abb. 1) должно указывать на сакральный характер таких изображений. Такой же характер имеют и, очевидно, вторичные к западногерманским образцам орнаментальные полосы на питьевых рогах балтов кон. IV-V вв.

Типологический ряд декорированных окантовок устьев ПР балтов (фазы C_2/D_1-D_1) завершается пластиной из погр. 61 могильника Plinkaigalis (**рис. 2**,6). Из его девяти орнаментальных полос три заполнены фигурами/знаками типа Kegelkönig, под самой верхней из них показана вереница жертвенных рогатых животных, ниже – ряд водоплавающих (?) птиц. Остальные полосы заполнены чередой косых крестов и S-видных фигур. Входя в группу оковок устья ПР с фигуративными изображениями животных, связанных с культом Бога-Громовника, этот артефакт отличается преобладанием полос с линейными изображениями знаков (сакральной семантики-?).

Находимые на о. Готланд и в материковой Швеции обломки обкладки устьев ПР относятся в описанной выше группе. Изображение фигур типа Kegelkönig на скандинавских образцах накладок по своим коническим очертаниям ближе к реалистическому изображению дубины (**рис. 3**). Учитывая довольно большое число ПР на Неманском Правобережье и лишь отдельные находки орнаментированных накладок ПР в Скандинавии можно предположить балтское происхождение последних. Напротив, в сер. VII в. в материале грунтового куршского могильника Andullen/Anduliai присутствуют бронзовые детали притьевых рогов, характерных для вендельских древностей Средней Швеции (Bitner-Wróblewska, Wróblewski 2001: 24).

Если балтское происхождение рогов с декорированными оковками устья (пока) не вызывает сомнения, то уникальная находка оковки из разрушенного копателями (?) трупосожжения на могильнике Gauten/Путилово-1 (Зеленоградский

р-н) (**рис. 4**) принадлежит руке мастера иной этнокультурной принадлежности. Как пишет публикатор этой находки, добытой в результате незаконных «раскопок», вместе с этой оковкой были обнаружены (выбраны из погребения, которое публикатор датирует нач. V в.) «фрагментированные прессованные /лексика автора/ серебряные накладки на рог» (Скворцов 2016: 157). Примечательно то, что центральная позолоченная часть оковки устья ПР из Gauten/Путилово-1 имитирует античное изображение пальмового венка (**рис. 4**), что уникально для ПР Barbaricum. Конструктивно эта оковка относится к типу Andrzejowski K3, находит аналогии в германских древностях бассейна р. Эльба не позднее фазы B_{1b} (Bemann 2006: 380, 386).

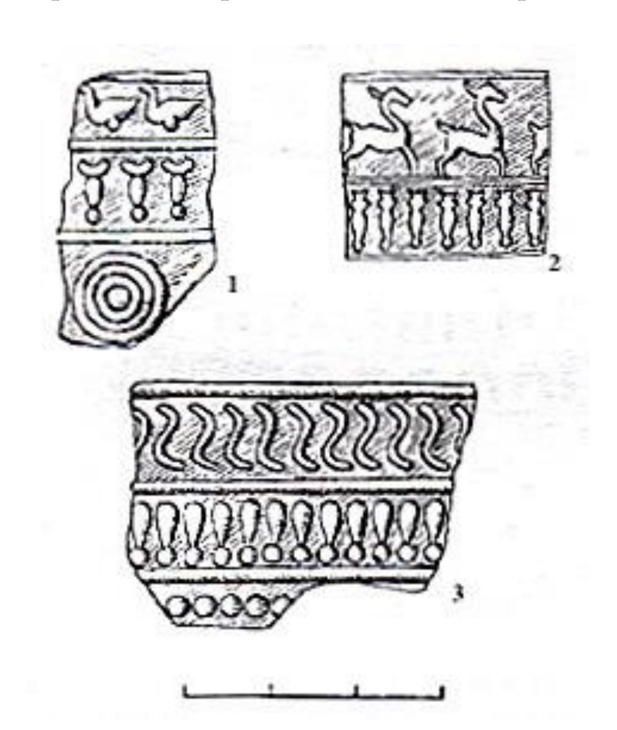

Рис. 3. Фрагменты бронзовых обкладок питьевых рогов с территории совр. Швеции: 1 – Havor (Gotland), погр. 95; 2 – Hade; 3 – Havor, погр. 222 (Simniškitė 1998: 23 pav.).

Наконец, примеры позднейшего варианта орнаментики питьевых рогов балтов известны в результате раскопок грунтового могильника Neuendorf/Nowinka (gm. Elbląg). Как уже отмечалось выше, остатки ПР с серебряными оковками устья найдены там в 10 погребениях. Количественно сходное (8 экз.) скопление питьевых рогов известно на могильнике Plinkaigalis. В отличие от них, входящих в группу ПР с фигуративными изображениями, питьевые рога из Neuendorf/Nowinka украшены, как правило, тремя полосами, составленными из басменной плетёнки (**рис. 5**). Издавшие материал могильника польские коллеги датировали упомянутые питьевые рога на примере погр. 85 «всем VII в.» (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 123). По фибулам типа Sproßenfibeln, относящимся к подтипу 4, погр. 85 можно отнести ко второй пол. VII в. (Кулаков 1989: 161). Примечательно то, что как раз VII в. на территории совр. Литвы характеризуется, по мнению А. Симнишките, отсутствием в погребениях питьевых рогов (Simniškitė 1998: 189). В эпоху викингов ПР вновь появляются в воинских могилах балтских ареалов от Самбии до верховьев р. Юры. Однако фигуративные изображения на накладках, окружающих устья этих

рогов, уже не представлены. Недатированные обломки серебряных и золотой обкладок со штампованным декором, обнаруженные среди остатков экспозиции Музея «Пруссия» в 1999-2000 гг., или по своему геометрическому декору близки накладкам позднейших версий ПР группы с фигуративными изображениями (**рис. 6**,2,3), или находят по элементам своего декора аналогии среди питьевых рогов Neuendorf/Nowinka (**рис. 6**,1).

Рис. 6. Реконструкция рога для питья с оковкой. Могильник Путилово

Рис. 4. Реконструкция оковки горловины питьевого рога из Gauten/Путилово (Скворцов 2016: рис. 6), изготовленной из серебра с позолоченной центральной частью, в которой присутствуют вставки альмандинов.

Территориальное распределение находок питьевых рогов с орнаментированными деталями на территории совр. Литвы и Калининградской обл. весьма примечательно. Питьевые рога с деталями, покрытыми эмалью и прочие ПР III-IV вв. н.э. распределяются в непосредственной близости от водной глади рек Немана и Преголи. Обращает на себя внимание отсутствие таких находок в совр. устье р. Неман. Напротив, одни из находок ранних ПР из могильника Smalininken/ Smalininkai (Kapsukos raj.) была обнаружена в междуречье рек Немана и Преголи. Объяснение местоположения этой находки нетривиально: Владас Жулкус выдвинул предположение о том, что по гидрологическим причинам примерно 1000 лет тому назад р. Неман не впадала в Куршский залив, а вливалась в истоки р. Преголи и их

воды совместно устремлялись в Вислинский залив (Žulkus 2006: 19, fig. 1). Потому и питьевой рог из могильника Smalininken/Smalininkai расположен далеко от современных речных русел. Это место находки было приурочено к старому руслу р. Немана. Правда, находки ПР V-VI вв. уже соответствуют совр. местоположению крупнейшей реки юго-восточной Балтии. Поэтому датировку существования старого её русла, предложенную В. Жулкусом, следует удревнить.

При сопоставлении мест находок ПР эпохи Великого переселения народов с границами древних лесных массивов, восстановленных В.Г. Шименасом (**рис. 7**) и окружавшие в древности племенные ареалы, выясняется интереснейшая особенность этих мест находок. Могильники, содержавшие погребения воинов с социально значимыми питьевыми рогами, присутствуют на южных окраинах племенных ареалов, фактически – на лесных опушках, расположенных в максимально возможной близости к руслу р. Неман, на высоком правом берегу. Подобные скопления социально престижных погребальных комплексов на границах племенных территорий и межплеменных лесных пространств свидетельствуют в пользу приуроченности людских коллективов, оставивших эти комплексы, к течению рек и контролю над пролегающими по ним межплеменными торговыми путями. Ранее уже отмечалась заметная по археологическому материалу экспансия видивариев и их потомков в занеманские земли, датированная мною временем ок. 450-500 гг. (Кулаков 2002: 106).

Комплексы с питьевыми рогами на территории литовского Занеманья соответствуют малочисленному высшему слою дружинных группировок, в нач. V в. стремившихся контролировать Неманский торговый путь. Условно погребения с ПР можно считать «вождескими». В прусском ареале примером такого комплекса является погр. 1 могильника Warnikam/Первомайское, содержавшее остатки серебряной оковки питьевого рога (лежавшей в нижнем ярусе с костяком коня – Кулаков 2005: 362). Погребённые в «вождеских» могилах воины до своей кончины пользовались роскошно декорированными питьевыми рогами для производства жертвоприношений. Семантика изображений, отштампованных на накладках, украшавших эти ПР, свидетельствует о том, что адресатом этих культовых акций являлся Бог – Владыка молний (будущий Перконс/Перкунас балтской мифологии эпохи викингов). По данным фольклора известны его священные атрибуты – рог и палица, жертвенное животное – козёл, один из способов жертвоприношения – возлияние (Иванов, Топоров 1982: 304). Как правильно считает М.М. Казанский, в V в. н.э. в различных пунктах Barbaricum бывшие римские федераты создают «варварские королевства», в археологическом материале характеризующиеся сосредоточением на локальной территории позднеримских импортов (результатов грабежа имперских провинций или domatium) и предметов, обладавших высокими социальной значимостью и реальной ценностью (Kazanski, Mastykova 2016: 92).

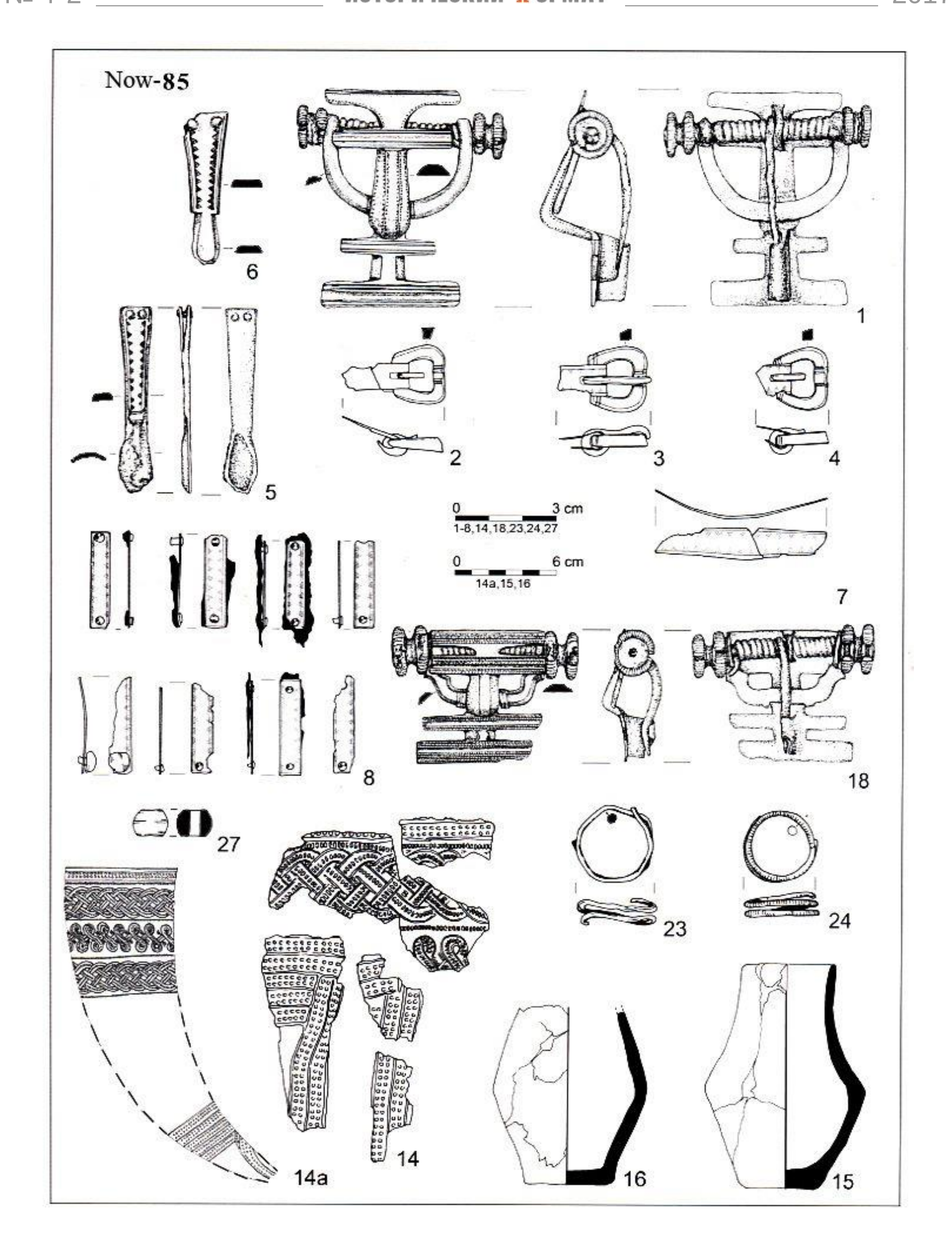

Рис. 5. Инвентарь погр. 85 могильника Neuendorf/Nowinka: 1, 18 – фибулы, 2-4 – пряжки, 5, 6 – наконечники ремня, 7 – накладка, 8 – накладки поясные, 14 – обломки обкладки устья питьевого рога, 14а – реконструкция питьевого рога, 15, 16 – сосуды («временные урны», 23, 24 – кольца, 26 – бусина (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: pl. LIX).

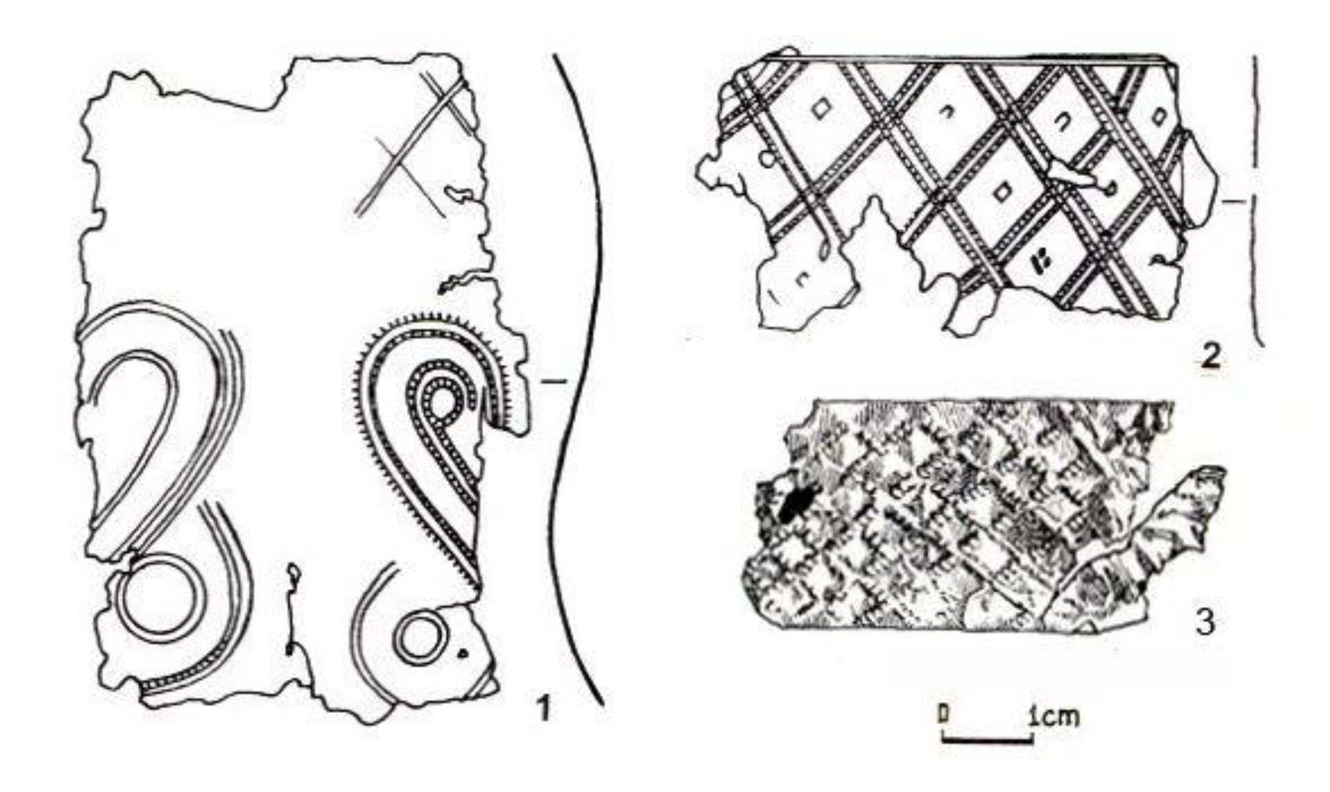

Рис. 6. Фрагменты накладок на устья питьевых рогов из прусского ареала:
1, 2 – фрагменты серебряных накладок из собрания Музея «Пруссия»;
3 – фрагмент золотой накладки из погр. 1 могильника Ekritten/Ветрово
(1, 2 - фонды КОИХМ; 3 –Ehrlich 1931: Abb. 13).

Возникшие на фазе C_2/D_1 на границах территорий эстиев Самбии и племён Неманского правобережья количественно небольшие группы погребений с роскошно декорированными питьевыми рогами и воинским инвентарём свидетельствует о начале уже в раннем V в. н.э. процесса создания здесь «варварских королевств». Погребённые в указанных могилах «вожди» балтских дружин, очевидно, обладали (путём присвоения-?) правом совершать жертвенные возлияния, тем самым выполняя функции былых родовых жрецов.

Такие же функции выполняли и дружинные вожди германцев на западе Европы. Поверхности общеизвестных золотых питьевых рогах из Gallehus содержат не только разнообразные изображения людей, но и фигурки животных (в том числе – козлов/оленей) и змей, то есть – тех представителей жертвенной фауны, которые показаны и на балтских ПР. Датируемые «началом V в. или (временем) после этого» (Axboe 1998: 334), питьевые рога из Gallehus, как и балтские рога, разбиты на горизонтальные, заполненные изображениями зоны и, несомненно, использовались в культовых церемониях (Heizmann 1998: 343, 344).

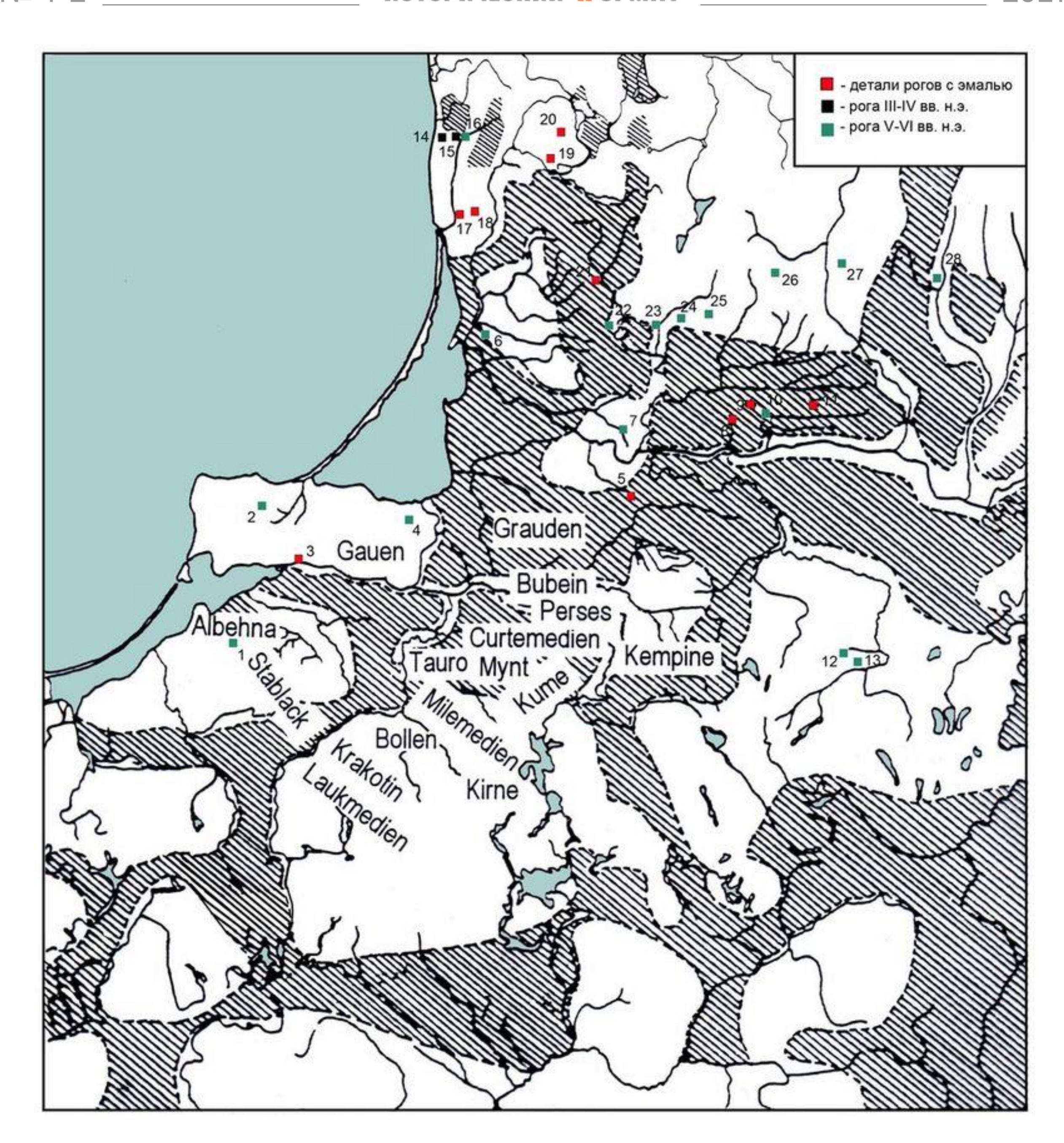

Рис. 7. Распределение находок питьевых рогов III-VI вв. в юго-восточной Балтии и залесённые межплеменные пространства (показаны штриховкой, представлены прусские названия основных лесных массивов) (Śimėnas 1990: 19 с добавлениями автора):

1 – Warnikam/Первомайское (Багратионовский р-н); 2 – Corjeiten/Путилово (Зеленоградский р-н); 3 – Lapsau/Заозерье (Гурьевский р-н); 4 – Löbertshof/Славянское (Полесский р-н); 5 – Smalininken/Smalininkai (Kapsukos raj.); 6 – Rubocken/Rubokai (Šilutės raj.); 7 – Widgirren/Vidgiriai (Šilutės raj.); 8 – Veliuona (Jurbarko raj.); 9 – Seredžius (Jurbarko raj.); 10 – Veršvai (Kauno raj.); 11 – Kaunas; 12 – Krikštonis (Lazdijų raj.); 13 – Vilkiautinis (Varėnos raj.); 14 – Palanga (Kretingos raj.); 15, 16 – Užpelkiai (Kretingos raj.); 17 – Žvirbliai (Šilutė raj.); 18 – Pakritižis (Silutė raj.); 19 – Žviliai (Šilalės raj.); 20 – Maudžioriai (Kelmės raj.); 21 – Pagribis (Šilalės raj.); 22 – Kalniškiai (Raseinių raj.); 23 – Pernarava (Kedainių raj.); 24 – Plinkaigalis (Kedainių raj.); 25 – Pašušvis (Kedainių raj.); 26 – Pašiliai (Panevežio raj.); 27 – Riklikai (Anikščių raj.); 28 – Taurapilis (Utenos raj.) (Simniškitė 1998: 24 pav.; Michelbertas 1978: 106, 107).

С VIII в. у балтов Занеманья возрождается обычай возложения питьевых рогов в воинские могилы. Правда, пластины, окружавшие устья ПР, орнаментировались уже не басменным узором, а посредством крепления к своей нижней части биэсовидно вырезанных бронзовых пластин (символ рогов жертвенного козла), изредка украшавшихся полосами оттисков чекана (Gintautaitė-Butėnienė, Butėnas 2002: 49 pav.,7). Иногда сохранялся ряд бронзовых пластин (держатель рога), соединявших его устье и заострённый конец (Striškienė 2007: 122, 11 pav.). Питьевые рога (до 2 экз.) клались уже не на грудь погребённого, как в эпоху Великого переселения народов, а размещались в головах погребённого (Vaitkunskienė 1979: 3 pav.). Эта традиция дольше всего, до XIII в. сохранялась у куршей, причём – как в южной части их племенного ареала, так и в северной (Urtāns 1977, p. 163, 71. att.,9). Примечательно то, что пара питьевых рогов с роскошными накладками была возложена в подкурганное погребение X в. в Чёрной могиле, минуя погребальный костер (Щеглова 2017: 620).

Проделанный в статье первичный анализ структуры и семантики декора серебряных пластин, охватывавших устье питьевых рогов балтов III- нач. VI вв. н.э., можно дефинировать следующим образом:

1. Традиция использования питьевых рогов в раннеримское время распространяется в Европе с запада на восток, от кельтов (ПР ими использовались уже в эпоху гальштата) к западным германцам, затем – к жителям Скандинавии и от них (?) – к балтам. В среде последних ПР с декорированными деталями используются в III-VII вв. н.э.

2. Детали орнамента ПР, встреченные как на балтском материале, так и в древностях о. Готланд (балтский импорт - ?), свидетельствуют о непосредственном соотнесении этих престижных и дорогих сосудов с культом Бога-Громовника. По данным «Младшей Эдды» известна связь Бога Тора с напитком бессмертия и с волшебным рогом, из которого он, находясь в гостях у владыки Утгарда, никак не мог выпить Мировой океан (Мелетинский 1982: 520). В «Сага об Инглингах» упоминается турий рог, именовавшийся «Кубок Браги», отпив из которого пиво (или мёд) конунг клялся совершить важный поступок (конкретно в данном случае с конунгом Ингъяльдом – «увеличить свою державу вполовину во все четыре стороны» (Стурлусон 1980: 31).

3. Близость уровней социального развития дружин германцев и балтов позволили последним воспринять у своих западных соседей как орнаментальные мотивы и образы, изображавшиеся на накладках ПР, так и, не исключено, некоторые аспекты культа Бога-Громовника (в частности – палицу как его священный атрибут).

4. Находки роскошных питьевых рогов, социально значимых атрибутов «вождей» дружин, обозначают места дислокации военных формирований эпохи Великого переселения народов на высоких правых берегах рек Преголи и Немана, на границах межплеменных залесённых зон и обжитых балтами ареалов. Указанное выше специфика расположения мест обитания воинов дружин подразумевает

стремление их к контролю межплеменных торговых путей, пролегавших по рекам или по их долинам.

5. Во второй пол. V – нач. VI вв. к воинам, использовавшим в юго-восточной Балтии ПР, связанные с культом Бога-Громовника, присоединились видиварии и их потомки, прошедшие от Натангии и Самбии вверх по течениям рек Преголи и Немана. Или они, или их современники-балты на Неманском правобережье продолжают культовое использование питьевых рогов на протяжении VI в., они являются непременным атрубитом «вождеских» комплексов.

6. В эпоху викингов роскошно декорированные питьевые рога уже не представлены в древностях балтов. Однако, судя по данным скандинавских литературной традиции и археологических материалов (изображения валькирий, встречающих павших воинов с рогом в руках), на севере Европы культовая роль ПР по-прежнему велика. Не исключено то, что и в Балтии этот атрибут мужского снаряжения сохраняет прежнее культовое значение. Правда, в декоре балтских ПР это уже не отражается. Этот аспект, а также значительное число погребальных комплексов, содержавших ПР (во всяком случае – у куршей) свидетельствует на пороге орденской агрессии на балтские земли о праве владения и использования в культовых целях ПР воинам не обязательно высокого социального положения (главам родом/семей - ?).

ЛИТЕРАТУРА

Бабеш 2005 - *Бабеш М.* Тамга из дакийского поселения в Окнице (Буридава) // Stratum plus. «Между певкинами и фенами». СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест: Высшая Антропологическая школа, 2005. № 4. С. 467-479.

Дряхлов 1999 - *Дряхлов В.Н.* В священных рощах Вотана. Киров: Вятское слово, 1999. 155 с.

Иванов, Топоров 1982 - *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Перкунас // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 303-304.

Кулаков 1989 - *Кулаков В.И.* Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878-1938 гг.) // Barbaricum. T. I. Warszawa: Institut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1989. С. 148-273.

Кулаков 1990 - *Кулаков В.И.* Древности пруссов VI-XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Г1-9. М.: Наука, 1990. 167 с.

Кулаков 2002 - *Кулаков В.И.* Эхо гуннских войн в Балтии // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 17. Мінск: Деполіс, 2002. С. 101-111.

Кулаков 2003 - *Кулаков В.И.* Два поколения воинов Do-370 // Чтения, посвящённые 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Ч. II. М.: Государственный Исторический музей, 2003. С. 69-72.

Кулаков 2005 - *Кулаков В.И.* Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I-XI вв. н.э. // Stratum plus. «Между певкинами и фенами». СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест: Высшая Антропологическая школа, 2005. № 4. С. 278-382.

Кулаков 2011 - *Кулаков В.И.* Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V-VII вв. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 150 с.

Кулаков 2012 - *Кулаков В.И.* Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград: Калининградский ПЕН-клуб, 2012. 222 с.

Кулаков 2016а - *Кулаков В.И.* Звериный стиль в земле пруссов (кон. IV – X вв.) // Исторический формат. 2016. № 2. С. 21-58.

Кулаков 2016б - *Кулаков В.И.* Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I-IV вв. н.э. Калининград: Калининградская книга, 2016б. 359 с.

Мелетинский 1982 - *Мелетинский М.* Тор // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 519-520.

Скворцов 2016 - *Скворцов К.Н.* Формирование социальных элит у эстиев в конце римского времени и в эпоху Великого переселения народов // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 244. М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 146-165.

Стурлусон 1980 - *Стурлусон С.* Круг Земной. М.: Наука, 1980. 686 с.

Тацит 1969 - *Тацит Корнелий Публий*. О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит Корнелий Публий. Сочинения в двух томах. Т. 1. Л.: Наука, 1969. С. 353-373.

ФКОИХМ - Фонды Калининградского областного историко-художественного музея.

Щеглова 2017 - *Щеглова О.А.* Статья Г.Ф. Корзухиной «Турьи рога Черниговский курганов»: замечания к публикации архивного текста // В камне и бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой / Мусин А.Е., Щеглова О.А. (ред.). СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 615-634.

Щукин 2005 - *Щукин М.Б.* Готский путь. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 573 с.

Andrzejowski 1991 - *Andrzejowski A.* Okucia rogów do picia z młodszego okresu przedrzymskiego i okresu wpływów rzymskich w Europie Środkowej i Pólnocnej // Materialy starożytne i wszesnośredniowieczne. T. 6. Warszawa: Wydawnictwo Państwowego Muzeum Archeologicznego, 1991. S. 7-120.

Axboe 1998 - *Axboe M.* Datierung / Gallehus // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Berlin; New York: Walter de Gruyter Verlag, 1998. S. 334-336.

Banitė-Rowell 2011 - *Banitė-Rowell R.* Žvilių ir Šarkų kapinynų romėniškojo laikotarpio kapų chronologinės fazes // Lietuvos archeoologija. T. 27. Vilnius: Diemedžio leidykla, 2011. S. 25-86.

Bemann 2006 - *Bemann J.* Das Elbegebiet zwischen Wittenberg und Bad Schandau von der Spätlatènezeit (Stufe D2) bis zum Ende der älteren Römischen Kaiserzeit // Salač V., Bemann J. (Herausg.). Mitteleuropa zur Zeit Marobods. Praha; Bonn: PBtisk, 2006. S. 361-404.

Bezzenberger 1909 - *Bezzenberger A*. Gräberfeld bei Rubocken // Prussia. H. 22. Königsberg: In Komission ber Gräfe und Unzer, 1909. S. 148-193.

Bitner-Wróblewska 1991 - *Bitner-Wróblewska A*. Between Scania and Samland. From Studies of Stilistic Links in the Baltic Basin during the Early Migration Period // Fornvännen. Vol. 4. Stockholm: Royal Swedish Academy of Letters, 1991. S. 225-241.

Bitner-Wróblewska, Wróblewski 2001 - *Bitner-Wróblewska A., Wróblewski W.* Unikatowe okucia rogów do picia z okresu Vendel z cmentarzysk w Anduln/Anduliai (zachodnia Litwa) i Valsgärde (środkowa Szwecja) // Officina archaeological optima. Studia ofiarowane Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / Swiatowit. Vol. VII. Warszawa: Institut archeologji Uniwersytetu Warszawskiego, 2001. S. 19-33.

Blankenfeld 2008 - *Blankenfeld R.* Das gebogene Blech aus dem Thorsberger Moor // Abegg-Wigg A., Rau A. (Herausg.). Aktuelle Forschungen zu Kriegbeuteopfern und Fürstergräbern im Barbaricum. Schriften des Archäologischen Landesmuseum. Bd. 4. Schlezwig: Wachholz-Verlag, 2008. S. 55-84.

Bliujienė 2006 - *Bliujienė A.* Watershed between Eastern and Western Lithuania during the Early and Late Migration Period // Archaeologia Lituana. Vol. 7. Vilnius: Universiteto leidykla, 2006. S. 123-142.

Bliujienė 2016 - *Bliujienė A.* South Litvanian Barrows // Zabela G., Baubonis Z., Marcinkevičiūtė E. (ed.). A Hundred Years of Archaeological Discoveries in Lithuania. Vilnius: Lietuvos Archeologijos Draugija, 2016. S. 208-225.

Bliujienė, Steponaitis 2009 - *Bliujienė A., Steponaitis V*. Wealthy Horsemen in the Remote and Tenebrous Forests of East Lithuania during the Migrants Period // Archaeologia Baltica. Vol. 11. Klaipėda: Klaipėdos universitetas, 2009. S. 185-205.

Boguzki 2000 - *Boguzki M.* Symbolika ornamentów z litewskich okuć rogów do picia z okresu wędrówek ludów // Archeologia pradziejowa i sredniowieczna. Archeologia Polski / Światowit. Nowa Seria. 2(43,B). Warszawa: Institut archelogji Uniwersytetu Warszawskiego, 2000.

Eggers 1951 - *Eggers H.-J*. Der römische Import im freien Germanien // Atlas Urgesch. Beih. 1. Hamburg: Philipp von Zabern Verlag, 1951.

Ehrlich 1931 - *Ehrlich B*. Schwerter mit silberbeschlagenen Scheiden von Benkenstein, Kr. Elbing, und einige west- und preußische Vergleichstücke // Prussia. Bd. 29. 1931. S. 16-46.

Gaerte 1924 - *Gaerte W.* Die Besiedlung und Kultur Königsbergs und seiner Umgebung in vorgeschichtlicher Zeit // Altpreussische Forschingen. H. 1. Königsberg: Meyer, 1924.

Gintautaitė-Butėnienė, Butėnas 2002 - *Gintautaitė-Butėnienė E., Butėnas E*. Laivių kapinynas // Lietuvos archeologija. T. 22. Vilnius: Diemedžio leidykla, 2002. S. 9-155.

Heizmann 1998 - *Heizmann W*. Deutung // Gallehus // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Berlin; New York: Walter de Gruyter Verlag, 1998. S. 340-344.

Kazakevičius 1993 - *Kazakevičius V*. Plinkaigalio kapinynas // Lietuvos archeologija. T. 10. Vilnius: Mokslo ir enziklopedijų leidykla, 1993. S. 3-170.

Kazanski, Mastykova 2016 - *Kazanski M., Mastykova A*. «Princely» finds and power centers in Easter European Barbaricum in the Hunnic time // Wandel durch Migration? Büchenbach: Verlag D. Faustus, 2016. S. 85-103.

Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011 - *Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M*. Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland. Gdańsk; Warszawa: Institut archeologii Uniwersitetu warszawskiego, 2011. 296 p.

Kulakov 2008 - *Kulakov V.* The Weapon of horizon Sösdala-Untersiebenbrunn in Amberland // Archaeologia Lituana. Vol. 9. Vilnius: Vilnius universiteto leidykla, 2008. S. 25-40.

Kulikauskienė, Rimantienė, 1958 - *Kulikauskienė R., Rimantienė R.* Lietuvių liaudies menas. Vilnius: Valstybine Grožinės literaturos leidykla, 1958. 359 p.

Michelbertas 1978 - *Michelbertas M.* II-V a. emaliuoti dirbiniai // Tautavičius A. (red.). Lietuvos TSR archeologijos atlasas. T. IV. Vilnius: Mokslas, 1978. S. 106-108.

Nowakowski 2008 - *Nowakowski W.* Z problematyki kontaktów bałtyjsko-skandynawskich w okresie wpływów rzymskich // Pruthenia. T. IV. Olsztyn: Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego Pruthenia, 2008. S. 43-85.

Peiser 1921 - *Peiser F.E.* Die Trinkhornränder des Prussia Museums // Festschrift Adalbert Bezzenberger. Göttigen, 1921. S. 114-120.

Redlich 1977 - *Redlich C.* Zur Trinkhornsitte bei den Germanen der älteren Kaiserzeit // Prähistorische Zeitschrift. Bd. 52. Berlin: Walter de Gruyter Verlag, 1977. S. 61-120.

Śimėnas 1990 - *Śimėnas V.* Dykros – tai gencių neapgyventi plotai // Mūsų gamta. № 5. Vilnius, 1990. S. 18-20.

Simniškitė 1998 - *Simniškitė A.* Geriamieji ragai Lietuvoje // Lietuvos archeologija. T. 15. Vilnius: Źara, 1998. S. 185-245.

Striškienė 2007 - *Striškienė E.* Diržų kapinynas žiemgalių kultūros kontekste ir unikalus VIII-IX a. radiniai // Archeologia Lituana. T. 8. Vilniaus: Universiteto leidykla, 2007. S. 117-127.

Tautavičienė 1981 - *Tautavičienė B.* III-XVI a. sidabriniai irs sidabru puosti dirbiniai. Vilnius: Vaizdo, 1981. 42 p.

Tautavičius 1996 - *Tautavičius A.* Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V-VI a.). Vilnius: Lietovos pilys, 1996. 366 p.

Urbańczyk 1978 - *Urbańczyk P.* Geneza wczesznośredniowiecznych metalowych pochew broni bialej ze stanowisk kultury pruskiej // Przegląd Archeologiczny. Vol. 26. Warszawa, 1978. S. 107-145.

Urtāns 1977 - *Urtāns V.* Senākie depozīti Latvijā. Rīga: Zinatne, 1977. 284 p.

Vaitkunskienė 1979 - *Vaitkunskienė L.* Gintališkės kapinynas // Lietuvos archeoologija. T. 1. Vilnius: Mokslas, 1979. S. 44-73.

Vaitkunskienė 1981 - *Vaitkunskienė L.* Sidabras senovės Lietuvoje. Vilnius: Mokslas, 1981. 124 p.

Vaitkunskienė 1995 - *Vaitkunskienė L.* The formation of a warrior elite during the Middle Iron Age in Lithuania // Archaeologia Baltica. Viol. 1. Vilnius: Alma littera, 1995. S. 94-106.

Valatka 1984 - *Valatka V.* Maudžiorų plokstinis kapinynas (1964 ir 1966 m. tyrinejimų duomenis) // Lietuvos archeologija. T. 3. Vilnius: Mokslas, 1984. S. 6-24.

Žulkus 2006 - *Žulkus V.* The Lower Reaches of the Nemunas (Memel) and Prieglius (Pregel). The Settlment Situation at the Lower Reaches in the 6th-11th Centuries // Transformatio Mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic. Kaunas: University of Technology, 2006. S. 17-24.

REFERENCES

Andrzejowski 1991 - *Andrzejowski A.* Okucia rogów do picia z młodszego okresu przedrzymskiego i okresu wpływów rzymskich w Europie Środkowej i Pólnocnej [Drinking horns of the dorimsky period and period of the Roman influence in Central and Northern Europe], in: Materialy starożytne i wszesnośredniowieczne. T. 6 [Researches of antiquity and Middle Ages. Volume 6], Warszawa, Wydawnictwo Państwowego Muzeum Archeologicznego Publ., 1991, pp. 7-120 [in Polish].

Axboe 1998 - *Axboe M.* Datierung / Gallehus, in: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde [Germanische Altertumskunde], Berlin; New York, Walter de Gruyter Verlag Publ., 1998, pp. 334-336 [in German].

Babesh 2005 - *Babesh M.* Tamga iz dakijskogo poselenija v Oknice (Buridava) [Tamga from the Dacia settlement in Oknitsa (Buridava)], in: Stratum plus. «Mezhdu pevkinami i fenami» [Stratum plus. «Between Pevkins and Fenns»], St. Petersburg; Chisinau; Odessa; Bucharest, Vysshaja Antropologicheskaja shkola Publ., 2005, № 4, pp. 467-479 [in Russian].

Banitė-Rowell 2011 - *Banitė-Rowell R.* Žvilių ir Šarkų kapinynų romėniškojo laikotarpio kapų chronologinės fazes [Chronological phases of graves of the Roman time of Zvilyay and Sharkas], in: Lietuvos

archeoologija. T. 27 [Lithuanian archeology. Volume 27], Vilnius, Diemedžio leidykla Publ., 2011, pp. 25-86 [in Lithuanian].

Bemann 2006 - *Bemann J.* Das Elbegebiet zwischen Wittenberg und Bad Schandau von der Spätlatènezeit (Stufe D2) bis zum Ende der älteren Römischen Kaiserzeit [The area of Elba between Wittenberg and Bud-Shandau from late Laten's (stage D2) period until the end of the early Roman imperial period], in: Salač V., Bemann J. (Herausg.). Mitteleuropa zur Zeit Marobods [Central Europe at the time of Marobod], Praha; Bonn, PBtisk Publ., 2006, pp. 361-404 [in German].

Bezzenberger 1909 - *Bezzenberger A.* Gräberfeld bei Rubocken [The field of burials in Ruboken], in: Prussia. H. 22 [Prussia. Volume 22], Königsberg, In Komission ber Gräfe und Unzer Publ., 1909, pp. 148-193 [in German].

Bitner-Wróblewska 1991 - *Bitner-Wróblewska A.* Between Scania and Samland. From Studies of Stilistic Links in the Baltic Basin during the Early Migration Period, in: Fornvännen, Vol. 4, Stockholm, Royal Swedish Academy of Letters Publ., 1991, pp. 225-241 [in English].

Bitner-Wróblewska, Wróblewski 2001 - *Bitner-Wróblewska A., Wróblewski W.* Unikatowe okucia rogów do picia z okresu Vendel z cmentarzysk w Anduln/Anduliai (zachodnia Litwa) i Valsgärde (środkowa Szwecja) [Unique drinking horns of the period of Vendel from cemeteries in Anduln / Anduliye (the western Lithuania) and Valsgard], in: Officina archaeological optima. Studia ofiarowane Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin [The collection of researches to the seventieth anniversary of Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi], Swiatowit. Volume VII, Warszawa, Institut archeologji Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2001, pp. 19-33 [in Polish].

Blankenfeld 2008 - *Blankenfeld R.* Das gebogene Blech aus dem Thorsberger Moor [The bent plate from Thorsberger Moor], in: Abegg-Wigg A., Rau A. (Herausg.). Aktuelle Forschungen zu Kriegbeuteopfern und Fürstergräbern im Barbaricum. Schriften des Archäologischen Landesmuseum. Bd. 4 [New researches of the victims of war and princely tombs in Barbarikum. Collections of the Archaeological museum. Volume 4], Schlezwig, Wachholz-Verlag Publ., 2008, pp. 55-84 [in German].

Bliujienė 2006 - *Bliujienė A.* Watershed between Eastern and Western Lithuania during the Early and Late Migration Period, in: Archaeologia Lituana, Vol. 7, Vilnius, Universiteto leidykla Publ., 2006, pp. 123-142 [in English].

Bliujienė 2016 - *Bliujienė A.* South Litvanian Barrows, in: Zabela G., Baubonis Z., Marcinkevičiūtė E. (ed.), A Hundred Years of Archaeological Discoveries in Lithuania, Vilnius, Lietuvos Archeologijos Draugija Publ., 2016, pp. 208-225 [in English].

Bliujienė, Steponaitis 2009 - *Bliujienė A., Steponaitis V.* Wealthy Horsemen in the Remote and Tenebrous Forests of East Lithuania during the Migrants Period, in: Archaeologia Baltica, Vol. 11, Klaipėda, Klaipėdos universitetas Publ., 2009, pp. 185-205 [in English].

Boguzki 2000 - *Boguzki M.* Symbolika ornamentów z litewskich okuć rogów do picia z okresu wędrówek ludów [Symbolism of ornaments of pitovsky drinking horns of an era of resettlement of the people], in: Archeologia pradziejowa i sredniowieczna. Archeologia Polski / Światowit. Nowa Seria. 2(43,B) [Background and medieval archeology. Polish archeology / Światowit. New series. 2(43,B)], Warszawa, Institut archelogji Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2000 [in Polish].

Drjahlov 1999 - *Drjahlov V.N.* V svjashhennyh roshhah Votana [In sacred groves of Votan], Kirov, Vjatskoe slovo Publ., 1999, 155 p. [in Russian].

Eggers 1951 - *Eggers H.-J.* Der römische Import im freien Germanien [The Roman import in free Germany], in: Atlas Urgesch. Beih. 1 [Historical atlas. Volume 1], Hamburg, Philipp von Zabern Verlag Publ., 1951 [in German].

Ehrlich 1931 - *Ehrlich B.* Schwerter mit silberbeschlagenen Scheiden von Benkenstein, Kr. Elbing, und einige west- und preußische Vergleichstücke [Swords with a silvery sheath of Benkenstein, the Territory Elbinga in comparison with some western and Prussian samples], in: Prussia. Bd. 29 [Prussia. Volume 29], 1931, pp. 16-46 [in German].

FKOIHM - Fondy Kaliningradskogo oblastnogo istoriko-hudozhestvennogo muzeja [Funds of the Kaliningrad regional historical and art museum] [in Russian].

Gaerte 1924 - *Gaerte W.* Die Besiedlung und Kultur Königsbergs und seiner Umgebung in vorgeschichtlicher Zeit [Colonization and culture of Konigsberg and its vicinities in prehistoric times], in: Altpreussische Forschingen. H. 1 [Researches of Prussian antiquities. Volume 1], Königsberg, Meyer Publ., 1924 [in German].

Gintautaitė-Butėnienė, Butėnas 2002 - *Gintautaitė-Butėnienė E., Butėnas E*. Laivių kapinynas [Laiviy burial ground], in: Lietuvos archeologija. T. 22 [Lithuanian archeology. Volume 22], Vilnius, Diemedžio leidykla Publ., 2002, pp. 9-155 [in Lithuanian].

Heizmann 1998 - *Heizmann W.* Deutung / Gallehus, in: Reallexikon der Germanischen Altertumskunde [Germanische Altertumskunde], Berlin; New York, Walter de Gruyter Verlag Publ., 1998, pp. 340-344 [in German].

Ivanov, Toporov 1982 - *Ivanov V.V., Toporov V.N.* Perkunas [Perkunas], in: Mify narodov mira. Jenciklopedija. T. 2 [Myths of people of the world. Encyclopedia. Volume 2], Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1982, pp. 303-304 [in Russian].

Kazakevičius 1993 - *Kazakevičius V*. Plinkaigalio kapinynas [Plinkaigalio burial ground], in: Lietuvos archeologija. T. 10 [Lithuanian archeology. Volume 10], Vilnius, Mokslo ir enziklopedijų leidykla Publ., 1993, pp. 3-170 [in Lithuanian].

Kazanski, Mastykova 2016 - *Kazanski M., Mastykova A*. «Princely» finds and power centers in Easter European Barbaricum in the Hunnic time, in: Wandel durch Migration? Büchenbach, Verlag D. Faustus Publ., 2016, pp. 85-103 [in English].

Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011 - *Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M*. Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland, Gdańsk; Warszawa, Institut archeologii Uniwersitetu warszawskiego Publ., 2011, 296 p. [in English].

Kulakov 1989 - *Kulakov V.I.* Mogil'niki zapadnoj chasti Mazurskogo Poozer'ja konca V – nachala VIII vv. (po materialam raskopok 1878-1938 gg.) [Burial grounds of the western part of Mazursky Poozerya of the end of V – the beginning of the 8th centuries (on materials of excavation of 1878-1938)], in: Barbaricum, Volume I, Warszawa, Institut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 1989, pp. 148-273 [in Russian].

Kulakov 1990 - *Kulakov V.I.* Drevnosti prussov VI-XIII vv. / Svod arheologicheskih istochnikov. Vyp. G1-9 [Antiquities of pruss of the 6-13th centuries / Arch of archaeological sources. Release of G1-9], Moscow, Nauka Publ., 1990, 167 p. [in Russian].

Kulakov 2002 - *Kulakov V.I.* Jeho gunnskih vojn v Baltii [Echo of gunnsky wars in the Baltic], in: Gistarychna-arhealagichny zbornik [Historical and archaeological collection], № 17, Minsk, Depolis Publ., 2002, pp. 101-111 [in Russian].

Kulakov 2003 - *Kulakov V.I.* Dva pokolenija voinov Do-370 [Two generations of soldiers of Do-370], in: Chtenija, posvjashhjonnye 100-letiju dejatel'nosti Vasilija Alekseevicha Gorodcova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee. Tezisy konferencii. Ch. II [The readings devoted to the 100 anniversary of activity of Vasily Alekseevich Gorodtsov in the State Historical Museum. Theses of a conference. Part II], Moscow, Gosudarstvennyj Istoricheskij muzej Publ., 2003, pp. 69-72 [in Russian].

Kulakov 2005 - *Kulakov V.I.* Arheologicheskie kriterii social'noj istorii Jantarnogo berega v I-XI vv. n.je. [Archaeological criteria of social history of the Amber coast in the 1-11th centuries AD], in: Stratum plus. «Mezhdu pevkinami i fenami» [Stratum plus. «Between Pevkins and Fenns»], St. Petersburg; Chisinau; Odessa; Bucharest, Vysshaja Antropologicheskaja shkola Publ., 2005, № 4, pp. 278-382 [in Russian].

Kulakov 2008 - *Kulakov V.* The Weapon of horizon Sösdala-Untersiebenbrunn in Amberland, in: Archaeologia Lituana, Vol. 9, Vilnius, Vilnius universiteto leidykla Publ., 2008, pp. 25-40 [in English].

Kulakov 2011 - *Kulakov V.I.* Dekorativnoe iskusstvo Jantarnogo kraja. Ornament fibul V-VII vv. [Decorative art of the Amber land. Ornament фибул 5-7th centuries], Saarbrücken, Lambert Academic Publishing Publ., 2011, 150 p. [in Russian].

Kulakov 2012 - *Kulakov V.I.* Nemanskij jantarnyj put' v jepohu vikingov [Neman amber way to an era of Vikings], Kaliningrad, Kaliningradskij PEN-klub Publ., 2012, 222 p. [in Russian].

Kulakov 2016a - *Kulakov V.I.* Zverinyj stil' v zemle prussov (kon. IV – X vv.) [Animal decorative style on Prus sian lands (at the end of the 4th-10th centuries)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 2, pp. 21-58 [in Russian].

Kulakov 2016b - *Kulakov V.I.* Sokrovishha Jantarnogo kraja. Pokazateli inokul'turnyh vlijanij na drevnosti Sambii i Natangii v I-IV vv. n.je. [Treasures of the Amber land. Indicators of foreign culture influences on Sambiya and Natangiya antiquities in the 1-4th centuries AD], Kaliningrad, Kaliningradskaja kniga Publ., 2016b, 359 p. [in Russian].

Kulikauskienė, Rimantienė, 1958 - *Kulikauskienė R., Rimantienė R.* Lietuvių liaudies menas [Lithuanian folk art], Vilnius, Valstybine Grožinės literaturos leidykla Publ., 1958, 359 p. [in Lithuanian].

Meletinskij 1982 - *Meletinskij M.* Tor [Thor], in: Mify narodov mira. Jenciklopedija. T. 2 [Myths of people of the world. Encyclopedia. Volume 2], Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1982, pp. 519-520 [in Russian].

Michelbertas 1978 - *Michelbertas M.* II-V a. emaliuoti dirbiniai [Enamel products of the 2-5th centuries], in: Tautavičius A. (red.). Lietuvos TSR archeologijos atlasas. T. IV [Archaeological atlas of the Lithuanian SSR. Volume 4], Vilnius, Mokslas Publ., 1978, pp. 106-108 [in Lithuanian].

Nowakowski 2008 - *Nowakowski W.* Z problematyki kontaktów bałtyjsko-skandynawskich w okresie wpływów rzymskich [Problems of the Baltic-Scandinavian contacts during the Roman influence], in: Pruthenia. T. IV [Prussia. Volume 4], Olsztyn, Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego Pruthenia Publ., 2008, pp. 43-85 [in Polish].

Peiser 1921 - *Peiser F.E.* Die Trinkhornränder des Prussia Museums [Drinking horns from the Prussian museum], in: Festschrift Adalbert Bezzenberger [Memories of Adalbert Bezzenberger], Göttigen, 1921, pp. 114-120 [in German].

Redlich 1977 - *Redlich C.* Zur Trinkhornsitte bei den Germanen der älteren Kaiserzeit [The German antiquities of the imperial period in Trinkhornsitte], in: Prähistorische Zeitschrift. Bd. 52 [Researches of ancient history. Volume 52], Berlin, Walter de Gruyter Verlag Publ., 1977, pp. 61-120 [in German].

Shheglova 2017 - *Shheglova O.A.* Stat'ja G.F. Korzuhinoj «Tur'i roga Chernigovskij kurganov»: zamechanija k publikacii arhivnogo teksta [Article of G.F. Korzukhina «Turyi of a horn Chernihiv barrows»: remarks to the publication of the archival text], in: V kamne i bronze. Sbornik statej v chest' Anny Peskovoj / Musin A.E., Shheglova O.A. (red.) [In a stone and bronze. The collection of articles in honor of Anna Peskova / Musin A.E., Shcheglova O.A. (editors)], St. Petersburg, IIMK RAN Publ., 2017, pp. 615-634 [in Russian].

Shhukin 2005 - *Shhukin M.B.* Gotskij put' [Gothic way], St. Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2005, 573 p. [in Russian].

Śimėnas 1990 - *Śimėnas V.* Dykros – tai gencių neapgyventi plotai [Dykros – uninhabited regions of pagans], in: Mūsų gamta [Our nature], № 5, Vilnius, 1990, pp. 18-20 [in Lithuanian].

Simniškitė 1998 - *Simniškitė A.* Geriamieji ragai Lietuvoje [Drinking horns in Lithuania], in: Lietuvos archeologija. T. 15 [Lithuanian archeology. Volume 15], Vilnius, Źara Publ., 1998, pp. 185-245 [in Lithuanian].

Skvorcov 2016 - *Skvorcov K.N.* Formirovanie social'nyh jelit u jestiev v konce rimskogo vremeni i v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Formation of social elite at эстиев at the end of the Roman time and during an era of Great resettlement of the people], in: Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. Vyp. 244 [Short messages of Institute of archeology. Release 244], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2016, pp. 146-165 [in Russian].

Striškienė 2007 - *Striškienė E.* Diržų kapinynas žiemgalių kultūros kontekste ir unikalus VIII-IX a. radiniai [Relics of belts in the context of semigalsky culture and finds, unique in the 8-9th centuries], in: Archeologia Lituana. T. 8 [Lithuanian archeology. Volume 8], Vilniaus, Universiteto leidykla Publ., 2007, pp. 117-127 [in Lithuanian].

Sturluson 1980 - *Sturluson S.* Krug Zemnoj [Circle Terrestrial], Moscow, Nauka Publ., 1980, 686 p. [in Russian].

Tacit 1969 – *Tacit Kornelij Publij.* O proishozhdenii germancev i mestopolozhenii Germanii [About an origin of Germans and location of Germany], in: Tacit Kornelij Publij. Sochinenija v dvuh tomah. T. 1

[Publius Cornelius Tacitus. Compositions in two volumes. Volume 1], Leningrad, Nauka Publ., 1969, pp. 353-373 [in Russian].

Tautavičienė 1981 - *Tautavičienė B*. III-XVI a. sidabriniai irs sidabru puosti dirbiniai [Silver jewelry of the 3-16th centuries.], Vilnius, Vaizdo Publ., 1981, 42 p. [in Lithuanian].

Tautavičius 1996 - *Tautavičius A*. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V-VI a.) [The middle Iron Age in Lithuania (the 5-6th centuries)], Vilnius, Lietovos pilys Publ., 1996, 366 p. [in Lithuanian].

Urbańczyk 1978 - *Urbańczyk P.* Geneza wczesnośredniowiecznych metalowych pochew broni bialej ze stanowisk kultury pruskiej [Genesis early medieval metal protective armor of Prussian culture], in: Przegląd Archeologiczny. Vol. 26 [Archaeological messenger. Volume 26], Warszawa, 1978, pp. 107-145 [in Polish].

Urtāns 1977 - *Urtāns V*. Senākie depozīti Latvijā [Ancient monuments to Latvia], Rīga, Zinatne Publ., 1977, 284 p. [in Latvian].

Vaitkunskienė 1979 - *Vaitkunskienė L*. Gintališkės kapinynas [Burial ground Gintališkės], in: Lietuvos archeoologija. T. 1 [Lithuanian archeology. Volume 1], Vilnius, Mokslas Publ., 1979, pp. 44-73 [in Lithuanian].

Vaitkunskienė 1981 - *Vaitkunskienė L*. Sidabras senovės Lietuvoje [Silver in ancient Lithuania], Vilnius, Mokslas Publ., 1981, 124 p. [in Lithuanian].

Vaitkunskienė 1995 - *Vaitkunskienė L*. The formation of a warrior elite during the Middle Iron Age in Lithuania, in: Archaeologia Baltica, Viol. 1, Vilnius, Alma littera Publ., 1995, pp. 94-106 [in English].

Valatka 1984 - *Valatka V*. Maudžiorų plokstinis kapinynas (1964 ir 1966 m. tyrinejimų duomenis) [Kurganny burial ground of Maudchiory (data of researches 1964 and 1966 of years)], in: Lietuvos archeologija. T. 3 [Lithuanian archeology. Volume 3], Vilnius, Mokslas Publ., 1984, pp. 6-24 [in Lithuanian].

Žulkus 2006 - *Žulkus V*. The Lower Reaches of the Nemunas (Memel) and Prieglius (Pregel). The Settlment Situation at the Lower Reaches in the 6th-11th Centuries, in: Transformatio Mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic, Kaunas, University of Technology Publ., 2006, pp. 17-24 [in English].

Кулаков Владимир Иванович – Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).
Vladimir Kulakov – Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 902/904

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ПРУССОВ

В.И. Кулаков
Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

Авторское резюме

Современное состояние изученности прусских позволяет сделать следующие выводы. 1. Парность каменных изваяний, поставленных пруссами в ходе их военной экспансии XII-XIII вв., свидетельствует об их связи (возможно – опосредованной) с легендарными первыми властителями юго-восточной Балтии – братьями Видевутом и Брутеном. 2. Можно с уверенностью полагать изображение княжеских фигур, поставленных пруссами на пути своих военных походов, в момент молитвы или жертвоприношения. 3. Индивидуальные черты лиц вождей, изображённых в виде «прусских баб» (различные формы причёски, включая длинную косу, короткие или длинные усы, различной величины бороды) допускает наличие реальных прототипов для этих скульптур.

Ключевые слова: пруссы, каменные изваяния, археология.

PRUSSIAN STONE STATUES

Vladimir Kulakov
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
19 The Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117036, Russia
e-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract

The current state of study of the Prussian statues allows drawing the following conclusions. 1. The pairing of the stone statues made by the Prussians during their military expansion in the 12th-13th centuries evidences their connection (possibly mediated) to the legendary first rulers of the South-East Baltic - brothers Widewuto and Bruteno. 2. It is reasonable to assume that the statues put by Prussians along the roads of military use depict the princely figures at the moments of praying or making a sacrifice. 3. Individual features of the princely faces (various hairstyles, including a long braid, short or long moustaches and beards) suggest existence of real prototypes for these statues. Despite being depictions of men, the statues are referred to as "Prussian hags".

Keywords: Prussians, stone statues, archaeology.

* * *

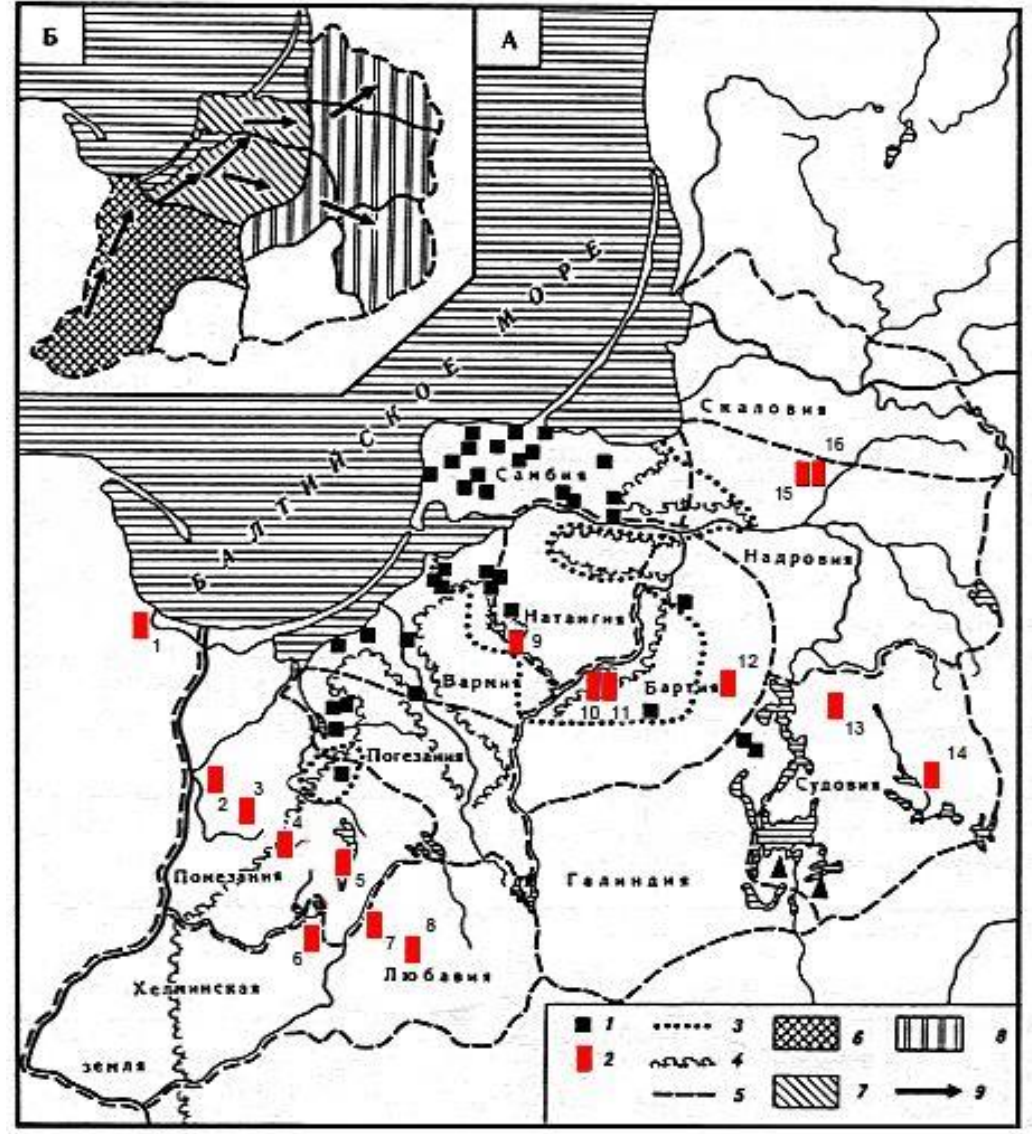
Материальная культура пруссов, в эпоху раннего средневековья занимавших полуостров Самбию (ныне – Зеленоградский р-н Калининградской обл.) и юго-

восточный берег Вислинского (Калининградского) залива, обладает уникальной, весьма специфической чертой, выделяющей её среди культур остальных балтов. Это – каменные изваяния, размещённые в различных пунктах юго-восточной Балтии в удалении от Самбии и, тем не менее, связываемые современными археологами с носителями прусской культуры. Первыми исследователями этих объектов, членами Общества по изучению древностей «Пруссия» кон. XIX в. – они считались таковыми по их расположению на территории имперской провинции Вост. Пруссия, чьим населением до прихода Тевтонского Ордена априорно считались пруссы. В кон. XIX в. каменные антропоморфные изваяния служили преимущественно пограничными камнями (нем. Grenzsteine), разделявшими современные земельные владения (Bezzenberger 1892: 45). Первым на них в 1883-1889 гг. обратил внимание историк и исследователь янтаря профессор Г. Конвенц. Вслед за ним археолог Адальберт Бецценбергер описал каменные изваяния из Bartenstein/Bartoszyce, именовавшиеся в народе Bartel и Gustebalda (Guste Balde, девушка, окаменевшая после проклятия матери – Pohl 1994: 236). Местная легенда, записанная фольклористами Теттау и Темме в нач. XIX в., повествует о Бартеле как о каменном блоке, сокрытом в земле неким землевладельцем во «время Татарской войны» для охраны запрятанных там же сокровищ (Bezzenberger 1892: 46). Пять известных в кон. XIX в. каменных изваяний А. Бецценбергер считал связанными с культовыми воззрениями раннесредневековых пруссов (Bezzenberger 1892: 49).

Вольфганг Ла Бом впервые в прусской археологии осуществил публикацию свода данных о 13 каменных изваяниях из Вост. и Зап. Пруссии. Два из них – фигуры из Jelittken/Jelitki и Pientken/Pętki – расположены на ятвяжской племенной территории и вряд ли имеют отношение к прусской изобразительной традиции. 12 изваяний находились в нач. XX в. на Вислинском правобережье, лишь камень с изображением фигуры мужчины с питьевым рогом в правой руке найден в 10 км к западу от Danzig/Gdańsk (La Baume 1927: 6). Не являясь, в отличие от остального массива изваяний, трёхмерной фигурой (La Baume 1927: Taf. III,1,2), этот барельеф вряд ли имеет отношение к пруссам. Автор указанной сводки признавал изваяния прусскими, датировал их (по изображённым на них мечам) эпохой викингов и считал их изображениями богов. Питьевые рога, представленные в правой руке изваяний, В. Ла Бом трактовал как сосуды для жертвенных напитков (La Baume 1927: 8, 9). В статье о происхождении прусских изваяний Й. Виснер отнёс их вслед за В. Ла Бом к IX-X вв. (Wiesner 1942: 43).

Янина Соколовска первой среди польских археологов в предвоенное время обратилась к проблеме прусских каменных изваяний. Посчитав 13 изваяний из бывш. германских провинций «поморской группой» славянских каменных фигур (ср. Рыбаков 1986: 234), польская исследовательница выделила их специфические черты – изображение меча и питьевого рога (Sokołowska 1928: 144). Также в рамках массива каменных изваяний Поморья описал прусские каменные фигуры А. Хольц,

отметив наличие одной из них на левом берегу р. Вислы в её нижнем течении (Holz 1966: 113).

А: *1* — городища пруссов X–XIII вв., *2* — каменные изваяния пруссов, *3* — граница распространения прусских топонимов (по Г. Вернеру), *4* — граница крупных лесных массивов (по Ф. Магеру), *5* — границы прусских земель (по В.Т. Пашуто)
Б — "прусские земли", занятые Орденом в ходе военных действий (по В.Т. Пашуто): *6* — к 1237 г., *7* — к 1265 г., *8* — к 1283 г., *9* — направления основных походов Ордена в "прусских землях" (по В.Т. Пашуто)

Рис. 1. Прусский племенной ареал в XIII в. и каменные изваяния: 1 – Danzig-West/Gdansk Zachodni (woj. pomorskie); 2 – Christburg/Kirszpork/Dzierzgoń (woj. mazursko-warmińskie); 3 – Nipkowo; 4 – Susz; 5 – Gołdowo-Jędrzychowo; 6 – Mosgau/Mózgowo-Laseczno; 7 – Bratian; 8 – Prątniza; 9 – Hussenen/Пограничное (народное название "Mankesten" ("Monchstein" ?) (Bezzenberger 1892: 47); 10, 11 – Bartoszyce; 12 – Barciany; 13 – Poganowo; 14 – Jelittken/Jelitkowo; 15, 16 – Kraupischkehmen/Заливное (Черняховский р-н) (Cieślak 1978: Tab. I; Кулаков 1987: карта 2; Wadyl, 2010: ryc. 1).

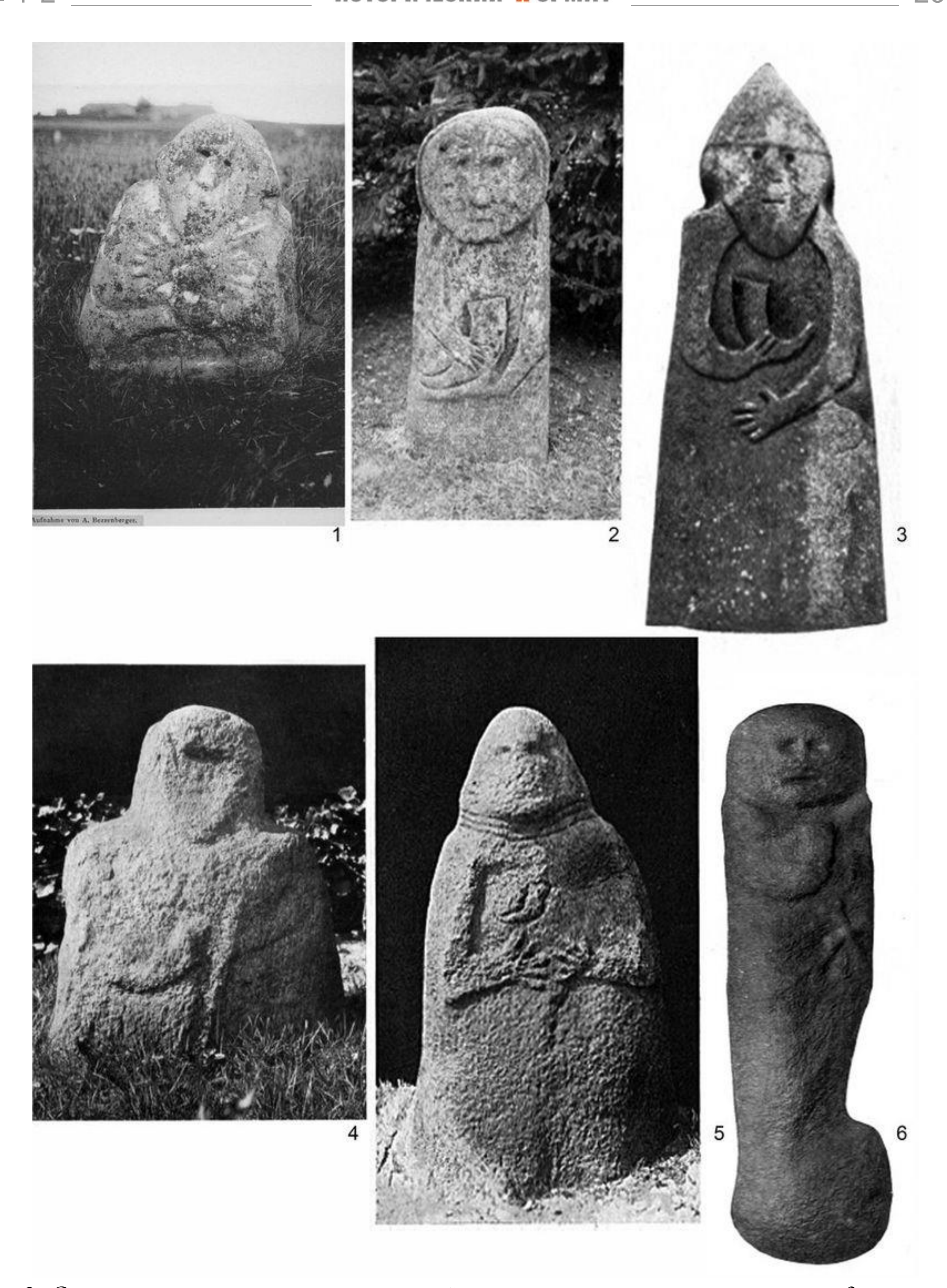

Рис. 2. Основные типы каменных изваяний пруссов: с перекрещенными на груди руками 1 – Hussenen/Пограничное (Багратионовский р-н); с питьевым рогом в правой руке 2 – Barten/Barczany (woj. mazursko-warmińskie Polski); 3 – Bartenstein/Bartoszyce (Bartel); 4 – Goldau-Heinrichau/Galdowo-Jęrzychowo; 5 – Rosenberg-Rosenau-Gr. Brunan/Susz; 6 – Christburg/Kirszpork (La Baume 1927: Taf. I, II, IV-VI).

Рис. 3. Каменное изваяние из Mosgau/Gr. Herzogswalde/Mozgowo:
1 – фото В. Ла Бом (La Baume 1927: Taf. I,1);
2 – современное состояние изваяния (виды спереди, сбоку справа и сзади, фото автора).

В русской историографии лишь автор этих строк обратился к проблеме прусских изваяний. Было установлено, что согласно средневековому обычаю, пруссы сооружали эти изваяния в конечных пунктах своих походов в XII в., воспринимая их как образы легендарных прусских князей Видевута и Брутена (Кулаков 1987: 97).

Очевидно то, что эти каменные воины стояли на сакральной границе прусской земли (Кулаков 1994: 21). В сборнике прусских легенд, собранных в нач. XVI в. монахом Симоном Грунау, упоминается о парных столбах с именами Wirschaitos и Iszwambrato (прусск. «Его брат»), воздвигнутых пруссами в честь своих первых князей после их кончины и ставших объектами поклонения (Grunau 1876: 79).

В послевоенное время первой среди польских коллег к проблеме каменных изваяний пруссов обратилась искусствовед Анна Блажейевска. Анализируя их изобразительные особенности, она предположила североевропейское влияние, которому подверглись творцы изваяний (Błażejewska 1994: 75). Проблемы происхождения, датировки и интерпретации смысла сооружения каменных фигур (польск. "Baba pruska" - Wadyl 2010: 2) на рубежах прусского племенного ареала занимают польских археологов и краеведов. Среди последних возникла идея посвящения пруссами этих фигур «природным духам» (прусск. Veluva) (Matela 2006: 8).

Первым из современных польских археологов к проблеме «прусских баб» обратился Северын Щепаньски. Он опубликовал каменное изваяние из Prątnic, посчитав, что оно находилось на месте сооружения в нач. XIV в. кирхи св. Катарины или рядом с ней (Szcepański 2004: 28, 29). Тот же автор позднее собрал историографические данные о находке и пробах интерпретации каменного изваяния из Christburg/ Dzierzgoń (Szcepański 2015a: 396-398).

В 2007 г. в г. Венгожево состоялась конференция «Прусские каменные бабы. Культурный феномен или европейская действительность?» Среди докладов, прозвучавших на этом симпозиуме, следует отметить выступление Мариуша Вычолковски, доложившего о новейшей находке каменной фигуры в Poganowo. Правда, отсутствие следов формирования резцами этой фигуры не позволяет мне рассматривать её как прусское изваяние. Кшиштоф Рыбка сообщил о предметах вооружения, изображённых на «прусских бабах», отнеся их к X-XI вв.

Ежи Лапо выдвинул тезис о том, что относительно интерпретации прусских изваяний «мы знаем то, что ничего не знаем» (Pacholec 2008: 300-303). Несмотря на весьма расплывчатые первичные выводы, сделанные на указанной конференции её участниками, проведение этой встречи показало интерес молодых польских археологов к изучению каменных изваяний, найденных на рубежах прусского племенного ареала.

Славомир Вадыл, отнеся прусские изваяния к XI-XIII вв., допускал в рамках прусского двоеверия и более позднее существование «прусских баб», обладавших, по его мнению, сакральным значением (Wadyl 2010: 7, 8). Наконец, недавно Северын Щепаньски опубликовал свод данных о «бабах прусских» (упомянуты 24 статуи), известных по юго-западному пограничью западнобалтского ареала. Заслугой автора следует считать кропотливый сбор всех возможных данных об этих памятниках прусского прошлого, включая их первые рисунки, созданные в 1826-1827 гг. известным исследователем прусских укреплённых поселений топографом Иоганном

Михаэлем Гизе. Автор подчеркнул, что при всех опытах интерпретации интересующих его каменных изваяний подчёркивалось их сакральное значение в рамках прусского культа (Szczepański 2015b: 339).

Рис. 4. Изображения божеств и святых с культовыми атрибутами: 1-3 – Mikulczyce (Morawia); 4 – лицевая сторона и левый бок каменного изваяния из Mosgau/Mózgowo-Laseczno; 5 – св. Олаф на одной из граней готландской крещальной чаши из Домского собора (Kneiphof, Königsberg/Калининград) (Кулаков 2003: рис. 2).

Рис. 5. Каменное изваяние из Rosenberg-Gr. Nipkau/Nipkowo:
1 – фото В. Ла Бом (La Baume 1927: Taf. II,1);
2 – современное состояние изваяния (фото автора).

Итак, история изучения каменных изваяний, известных на территории юго-восточной Балтии, насчитывает более века. Правда, достижения европейской археологии в этом исследовательском процессе ограничиваются констатацией прусской принадлежности изваяний и выдвижением предположения о датировки «прусских баб» эпохой викингов (с возможностью пролонгации периода их существования до раннеорденсокго времени). Тем не менее подробные публикации 13 каменных изваяний (информация об остальных каменных фигурах упомянутого региона Балтии весьма ограничена) позволяют подвергнуть их дискретному анализу. Этот процесс достижим благодаря тому, что, бóльшая часть из «прусских баб» находится в момент написания данной статьи у стен Археологического музея в г. Гданьске и потому доступна для детального изучения.

Рис. 6. Повреждённые изваяния, вмонтированные в кладку стен кирх: 1 – Prątniza (фото С. Щепаньски), изваяние, вмонтированное в 1330 г. в стену кирхи Св. Катарины; 2 – Bratian (фото Х. Лауэр).

Так как среди современных коллег нет единого мнения относительно предназначения и семантики каменных изваяний, воздвигнутых пруссами за пределами границ своего племенного ареала, то в предлагаемой статье попробуем решить именно эти задачи.

В первую очередь, следует окончательно установить этнокультурную принадлежность авторов каменных изваяний, располагавшихся до XIX в. в различных пунктах юго-восточной Балтии. Эти пункты расположены в двух группах: изваяния №№ 1-8 (**рис. 1**,А) вытянуты с северо-запада на юго-восток линией вдоль юго-западной границы прусского ареала предорденского времени (определён по скоплениям городищ с прусским материалом), изваяния №№ 9-14 расположены цепочкой, начинающейся в прусской земле Натангии и завершающейся в ареале ятвягов. Поразительным образом эта цепочка соответствует направлению последних походов орденских войск, преследовавших пруссов на завершающем этапе их борьбы (**рис. 1**,Б). Вне упомянутых групп каменных изваяний, непосредственно связанных с историческими событиями прусского средневековья, находятся два каменных изваяния на северо-восточной окраине прусского ареала. Именовавшиеся в народе "Mönch" и "Nonne" (нем. «Монах» и «Монахиня») изваяния были обнаружены в сер. XIX в. на площадке городища Kraupischkehmen/Заливное, занятой орденским замком Tammov, разрушенном в результате литовского набега в 1409 г. (Käswurm 1880: 73). Тем не менее местоположение этих изваяний (другая информация о них отсутствует) соответствует общей концепции о роли прусских изваяний как о маркерах желательной (в восприятии пруссов) границе прусского ареала на пороге орденской агрессии (**рис. 1**,А).

У всех каменных изваяний, обнаруженных на территории юго-восточной Балтии, объёмными являются лишь туловище и голова. Остальные части тела и детали снаряжения вырублены в пределах туловища в виде плоского барельефа. Типологически изучаемые в статье 13 прусских каменных изваяний (общие признаки – плоскостной характер фигуры, посадка головы на туловище без акцентации шеи, глаза показаны в виде углублений в камне, образованных вследствие ударов неким инструментом типа молота, растительность на лице – длинные усы или остроконечные бородки определённо указывает на гендерную принадлежность изображаемых персонажей), изготовленных из глыб серого или красного гранита, распадаются на две количественно неравные группы:

<u>Группа 1</u> представлена единственной каменной фигурой Mankesteen (Männchenstein-?) (пункт находки – Hussenen/Пограничное, Багратионовский р-н), происходящей из пределов собственно прусского ареала. Руки с распростёртыми пальцами, чётко показанными у изваяния, перекрещены на груди (**рис. 2**,1). Под ними двойной углублённой линией вырезана окружность диам. 37 см (La Baume 1927: 5). Ниже выпуклой горизонтальной полосой показан пояс.

<u>Группа 2</u> включает остальные привлекаемые в статье каменные изваяния. Общим для всех их является изображение питьевого рога в правой части тулова

изваяния. Изображаемый персонаж или держит рог в правой руке (**рис. 2**, 2-4,6), или рог представлен рядом с этой рукой (**рис. 2**,5). Последний вариант изображения положения рога явно деривативен относительно остальных, очевидно – более ранних изваяний. Левая рука изваяния или покоится с раскрытой ладонью в районе живота изображенного субъекта (**рис. 2**,2,3), или сжимает некий жезл (**рис. 2**,4,5). Как показывают раскопки предорденских грунтовых могильников пруссов, такие жезлы сопровождают в погребениях представителей местного нобилитета (Кулаков 1994: 21, рис. 9) и, судя по собраниям музей Общества по изучению древностей в Инстербурге (ныне – г. Черняховск), сохранялись в прусской этнографической традиции под именем krivula (Anonim 1905: Taf. XVII). Письменные источники раннеорденского времени фиксируют этот жезл как символ священной власти прусских жрецов (Топоров 1984: 204). Нижние части практически всех изваяний были вкопаны в земли и преимущественно не имели искусственной деталировки. Лишь на «прусской бабе» из Barten/Barczany (**рис. 2**,2) параллельными врезными вертикально расположенными линиями отмечены ноги изображённого персонажа. У этой же фигуры на спине между лопаток показана длинная волосяная (?) коса, вкупе с длинными усами фигуры создающая её некий кочевнический имидж. Фигуры из Christburg/Kirspork и Jelittken/Jelitki (**рис. 7**) имеют в нижней части своего корпуса полусферически скруглённую поверхность, напоминающую оконечность пестика. Возможно, эта их особенность являлась результатов неких культовых церемоний, в которых данные изваяния использовались.

Специфические детали, выявленные у некоторых изваяний группы 2, требуют более конкретного их рассмотрения.

Каменное изваяние из Mosgau/Gr. Herzogswalde/Mozgowo (**рис. 3)**, выс. 120 см, до транспортировки в Danzig/Gdańsk служило межевым камнем на берегу небольшого озера, маркируя юго-западную границу прусского племенного ареала предорденской эпохи. На лице изваяния видны короткие усы и небольшая бородка прямоугольной формы. Обращает на себя внимание изображения поясной пряжки с характерной дискообразной деталью и меча с трёхчастным навершием рукояти (La Baume 1927: 2), висящим на поясе у левого бедра изваяния (**рис. 3**,2). В левой руке изваяния показан жезл с загнутым навершием (krivula), в правой руке – питьёвой рог. На спине изваяния видны остатки изображения круглого щита, висящего на ремне, перекинутом через правое плечо воина. Шея изваяния украшена гривной (?). Упомянутая выше поясная пряжка по своим характерным очертаниям находит аналогии в деталях прусских роскошных поясов XIII-XIV вв., подчёркивающих высокий социальный статус их владельцев (Кулаков 2017: рис. 2, 4, 5). Мечи типа J.P. TII с трёхчастными навершиями рукояти были широко распространены у западных балтов в XI в. (Кулаков 1990: 29) и, очевидно, как статусный архаизм могли использоваться и позже. Особый интерес вызывает изображённая прорезными линиями на правом боку изваяния небольшая фигурка мужчины с воздетыми вверх руками (**рис. 4**,4), причём в правой руке он держит молот. В рамках своей

иконографии эта фигура находит аналогии в раннесредневековых изображениях в ареалах различных славянских племён и трактуется как изображение Бога Перуна/Перкуно (Кулаков 2003: 65).

Каменное изваяние из Rosenberg-Gr. Nipkau/Nipkowo (**рис. 5)**, выс. 154 см, на лице округлых очертаний чётко видны горизонтально расправленные усы и клиновидная борода. Контуры деталей изваяния обозначены углублёнными линиями, что свидетельствует о низком уровне профессионализма резчика или же об отсутствии у него времени, необходимого для тщательной обработки своего творения. В правой руке изображённый на изваянии мужчина держит питьевой рог, левой рукой прижимает к своему туловищу меч типа Ruttkai XV, рукоять которого увенчана круглым навершием. В прусских древностях такие мечи датируются XIII в. (Кулаков 1990: 29).

Рис. 7. Каменная фигура из Theerwisch (Мазурское Поозерье).

Особый интерес вызывают изваяния из Prątniza и Bratian (**рис. 6**), вмурованные в стены христианских храмов в нач. XIV в., что даёт terminus ante quem для изготовления этих «прусских баб». Если относительно фрагмента изваяния из Bratian (лишено головы), превращённого в прямоугольный каменный блок (**рис. 6**,2), его прусская принадлежность ввиду сохранившихся питьевого рога в правой руке и посоха в левой сомнения не вызывает, то с изваянием из Prątniza ситуация обстоит сложнее. Нехарактерные для прусских изваяний пропорции слишком узкого блока, из которого оно вырублено, отсутствие деталей туловища (уничтожены строителями кирхи - ?), наконец, оформление лица скульптуры из Prątniza не находят аналогий в массиве «прусских баб». Напротив, Т-образное решение носа и бровей упомянутого изваяния находит уверенные параллели в трёхмерной скульптуре скандинавов и славян эпохи викингов (Kajkowski, Szczepanski 2013: 56-58). Расположение изваяния из Prątniza далеко на юго-западе от собственно прусского ареала (**рис. 1**) подчёркивает небалтскую принадлежность этой каменной фигуры.

В завершении описания прусских изваяний необходимо упомянуть два пограничных камня. Каменная фигура из Theerwisch (Мазурское Поозерье), являясь блоком в форме параллелепипеда, обладает неатрибутируемыми рельефными деталями (**рис. 7**,1). Оформление верхней части камня, обозначавшего границу между владениями Ордена и Самбийского епископства (раздел 1331 г.) в Sct. Lorenz/Сальское (Зеленоградский р-н), в своей верхней части имеет деталь, напоминающую грубо обозначенное лицо человека (**рис. 7**,2). С известной долей осторожности можно полагать характеристику упомянутых камней как незавершённых прусских изваяний (как и фигура из Danzig West/Gdańsk Zachód).

Последним из рассматриваемых в статье изваяний является каменная фигура из Jelittken/Jelitki (**рис. 8**). Изображение глаз изваяния в виде выпуклых окружностей, оформление его бороды в виде локальных прядей волос, отсутствие деталировки туловища, наконец, расположение этого изваяния на ятвяжской племенной территории не позволяют считать это небольшое изваяние (выс. ок. 1 м) прусским. Волею судеб эта каменная фигура, ранее хранившаяся в Музее «Пруссия» (Кёнигсберг) ныне является единственным балтским изваянием, находящемся в музее России (Калининградский историко-художественный музей).

Бóльшая часть исследователей, в разной степени касавшихся вопроса о каменных и изваяниях пруссов, декларировали их связь с «каменными бабами» Евразийских степей эпохи раннего средневековья. Ранее я высказал тезис о связях пруссов с кочевым миров на протяжении VI-VIII вв. (Kulakov V.I., 1995, S. 209-211). Возможно, пруссы могли познакомиться с традицией возведения тюркскими кочевниками каменных изваяний в процессе контактов с населением Древней Руси в рамках деятельности Неманского янтарного пути на закате эпохи викингов (Кулаков В.И., 2012, с. 209-211).

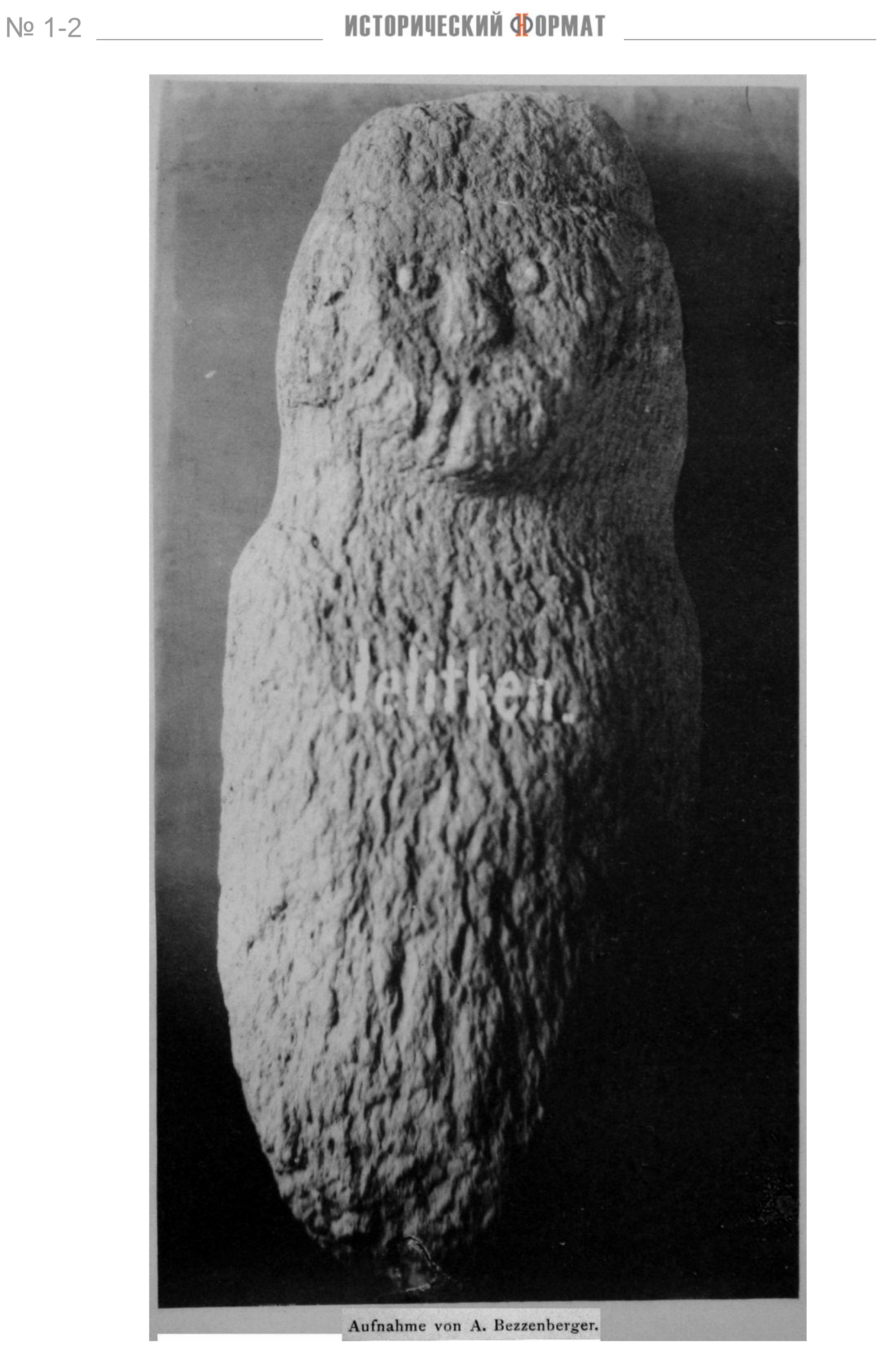

Рис. 8. Изваяние из Jelittken/Jelitki (Bezzenberger 1892: Taf. II).

Приведённые выше данные об изобразительных особенностях изваяний, исторически связанных с деятельностью пруссов, позволяют сделать следующие выводы о семантике «прусских баб»:

1. Парность каменных изваяний, поставленных пруссами в ходе их военной экспансии XII – нач. XIII вв., свидетельствует об их связи (возможно – опосредованной) с легендарными первыми властителями юго-восточной Балтии – братьями Видевутом и Брутеном. Данные прусской археологии эпохи Великого переселения народов позволяют предполагать наличие конкретных исторических событий, произошедших в юго-восточной Балтии в эпоху Великого переселения народов и легших в основу сказания об этих братьях (Кулаков 2016: 95, 96).

2. Молитвенно сложенные крест на крест руки изваяния из Hussenen/ Пограничное (**рис. 2**,1) и наличие рога в правой руке основного массива подвергнутых анализу изваяний позволяют с уверенностью полагать изображение княжеских фигур, поставленных пруссами на пути своих военных походов, в момент молитвы или жертвоприношения. В эпоху становления ранних государств в Европе дружинные вожди и германцев, и балтов обладали не только административными, но и культовыми функциями (Кулаков 2015: 9, 10). Сакрализация балтами питьевых рогов как инструмента жертвоприношения была высказана Лаймой Вайткунскене (Vaitkunskienė 1995: 164, 165). Выполнение ими обрядовых церемоний могло подчёркивать легитимность власти военных вождей. Изображение прусских вождей в момент культовых действий подтверждается представлением на каменном изваянии из Mosgau/Gr. Herzogswalde/Mozgowo фигурки особо почитавшегося пруссами Бога Перкуно (**рис. 4**,4).

3. Индивидуальные черты лиц вождей, изображённых в виде «прусских баб» (различные формы причёски, включая длинную косу, короткие или длинные усы, различной величины бороды) позволяют предполагать представление в виде каменных изваяний конкретных вождей (duces, kapitanei et nobiles письменных источников) прусских ополчений. Возможно, эти вожди идентифицировались пруссами в ритуальных целях с образами Видевута и Брутена.

4. Каменные изваяния играли крайне важную роль в мировоззрении (прежде всего – в его культовом и социальном аспектах) пруссов предорденской поры. Это подчёркивается большой редкостью для геологической картины юго-восточной Балтии тех глыб, которые достигали размеров человеческого роста и шли на изготовление изваяний. Следует отметить и крайнюю сложность обработки этих гранитных монолитов, с трудом поддающихся даже современному резцу скульптора. Пруссы слагали легенды о мегалитах (Pohl 1994: 48, 177, 178), возможно, сакрализовавшихся на определённых исторических этапах развития местного общества.

ЛИТЕРАТУРА

Кулаков 1987 - *Кулаков В.И.* Земля пруссов и «прусские земли» // Балто-славянские исследования. 1985. М.: Наука, 1987. С. 95-101.

Кулаков 1990 - *Кулаков В.И.* Древности пруссов VI-XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Г1-9. М.: Наука, 1990. 167 с.

Кулаков 1994 - *Кулаков В.И.* Пруссы (VI-XIII вв.). М.: Геоэко, 1994. 214 с.

Кулаков 2003 - *Кулаков В.И.* Варианты иконографии Одина и Перуна/Перкуно // Российская археология. 2003. № 1. С. 60-71.

Кулаков 2012 - *Кулаков В.И.* Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград: ПЕН-клуб, 2012. 222 с.

Кулаков 2015 - *Кулаков В.И.* Король без дружины или дружина без короля. Археологический комментарий к феномену потестарности у древних германцев // Исторический формат. 2015. № 3. С. 6-12.

Кулаков 2016 - *Кулаков В.И.* Археологический комментарий к легенде о Видевуте // Историко-археологические записки. Кн. III / Ответственный редактор М.Г. Моисеенко. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2016. С. 86-98.

Кулаков 2017 - *Кулаков В.И.* Прусские пояса орденского времени // Genesis: Исторические исследования. 2017. № 1. С. 147-158.

Рыбаков 1986 - *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1986.

Топоров 1984 - *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь. K-L. М.: Наука, 1984. 439 с.

Anonim 1905 - *Anonim*. Jahresbericht der Altertumsgesellschaft Insterburg für das Vereinsjahr 1897 // Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg. Insterburg: Komissionsverlag, 1905. Taf. I-XVI.

Bezzenberger 1892 - *Bezzenberger A*. Ueber einige Steindemnkmäler in Ostpreußen // Prussia. 1891/1892. H. 17. Königsberg: Ostpreußische Zeitungs- und Verlag-Druckerei, 1892. S. 45-50.

Błażejewska 1994 - *Błażejewska A*. Kamienna rzeźba figuralna z czasów przedkrzyżackich w Prusach. Stan, możliwości i perspektywy badań // (Arszyński M. (red.). Sztuka Prus XIII-XVIII wieku. Studia Borussico-Baltica Torunensia Historiae Artium. Vol. 1. Toruń: **Wydawnictwo** Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1994. S. 71-88.

Cieślak 1978 - *Cieślak E.* (red.). Historia Gdańska. T. I. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1978.

Grunau 1876 - *Grunau S.* (Herausg. Perlbach M., Philippi R. und Wagner P.). Preussische Chronik. Bd. I. Leipzig: Duncker & Humblot, 1876.

Holtz 1966 - *Holtz A.* Die pommerschen Bildsteine. Der Bestand und seine Stellung zu den östlichen Baba-Steinen und den mittelalterlichen Grabplatten und ihre historischen Hintergründe // Neue Folge. Bd. 52. Greiswald: Verlag Cristoph von der Ropp, 1966. S. 9-11.

Kajkowski, Szczepanski 2013 - *Kajkowski K., Szczepanski S*. The multi-faced so-called miniature idols from the Baltic Sea area // Studia Mithologica Slavica. Vol. XVI. Ljubljana: ZRC Publishing (Založba ZRC), 2013. S. 55-86.

Käswurm 1880 - *Käswurm K.* Alte Schlossberge und andere Ueberreste von Bauwerken aus der Vorzeit in Pregelgebiet Litauens // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. Jg. 14. Abt. 2. 1880. S. 69-76.

Kulakov 1994 - *Kulakov V.I.* Der Goldreif von Strobjehnen und seine Bedeutung im Beziehungengeflecht von Prussen und Steppenvölkern // Acta Praehistorica et Archaeologica. Bd. 26/27. Berlin: **Verlag** Marie Leidorf GmbH, Rahden, 1994/95. S. 204-212.

La Baume 1927 - *La Baume W.* Bildsteine des frühen Mittelalters aus Ost- und Westpreußen // Blätter fur deutsche Vorgeschichte. H. 3. Danzig: Comissionverlag von Kurt Kabißsch, 1927. S. 1-11.

Łapo, Białuński 2007 - *Łapo J., Białuński G.* (red.). Pruskie baby kamienne. Fenomen kulturowy czy europejska codzienność? / pod red. M. Jerzego. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych, OBN Format, 2007. 158 p.

Matela 2006 - *Matela L.* Die Steinbabas // Hagia Hora. 2006. № 23.

Pacholec 2008 - *Pacholec M*. Sprawozdanie z konferencji naukowej «Pruskie baby kamienne. Fenomen kulturowy czy europejska codzienność?» // Pruthenia. T. III. Olsztyn: Wydawnictwo ElSet, 2008. S. 299-305.

Pohl 1994 - *Pohl E*. Die Volkssagen Ostpreussen. Hildesheim; New York: Georg Olms Verlag, 1994. 299 p.

Sokołowska 1928 - *Sokołowska J*. Wszesnohistoryczne posągi kamienne odkryte na ziemiach Polski // Światowit. T. 12. Warszawa: Uniwersytet warszawski, 1928. S. 113-151.

Szcepański 2004 - *Szcepański S*. «Baba pruska» z Prątnicy – kamienny świadek triumfu chrestijaństwa // Echa przesłości. T. V. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2004. S. 25-30.

Szcepański 2015a - *Szcepański S*. Wszeŝnosriedniowieczna rzeźba z Dzierzgonia, tzw. «Potrimpos», w kontekście interpretacji oraz staropruskich wierzeń // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. № 3 (289). Olsztyn: Wydawnictwo «Littera», 2015. S. 387-408.

Szcepański 2015b - *Szcepański S*. Old Prussian «Baba» Stones: An Overview of the History of Research und Reception. Pomesanian-Sasinian Case // Analecta Archaeologica Ressoviensia. Vol. 10. Rzeszów: Oficyna Wydawnicza «Zimowit», 2015. S. 313-346.

Vaitkunskienė 1995 - *Vaitkunskienė L*. Pagrybio kapinynas // Lietuvos archeologija. Vol. 13. Vilnius: Diemedis leidykla, 1995. 207 p.

Wadyl 2010 - *Wadyl S*. Niektóre elementy wyobrażeń religijnych Prusów i ich trwanie w czasach krzyżackich // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. № 2 (268). Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 2010. S. 1-8.

Wiesner 1942 - *Wiesner J*. Die Herkunft der ostpreußischen Bildsteine // Alt-Preußen. Jg. 7. H. 3. 1942. S. 43-48.

REFERENCES

Anonim 1905 - *Anonim*. Jahresbericht der Altertumsgesellschaft Insterburg für das Vereinsjahr 1897 [The report on excavation in Insterburg for 1897], in: Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg [Researches of Insterburg], Insterburg, Komissionsverlag Publ., 1905, Taf. I-XVI [in German].

Bezzenberger 1892 - *Bezzenberger A*. Ueber einige Steindemnkmäler in Ostpreußen [About some stone monuments in East Prussia], in: Prussia. 1891/1892. H. 17 [Prussia. 1891/1892. Volume 17], Königsberg, Ostpreußische Zeitungs- und Verlag-Druckerei Publ., 1892, pp. 45-50 [in German].

Błażejewska 1994 - *Błażejewska A*. Kamienna rzeźba figuralna z czasów przedkrzyżackich w Prusach. Stan, możliwości i perspektywy badań [Stone figurine from Prussia of pre-war times. Value, opportunities and prospects of researches], in: (Arszyński M. (red.). Sztuka Prus XIII-XVIII wieku. Studia Borussico-Baltica Torunensia Historiae Artium. Vol. 1 [Prussian art from 13 to the 18th century. Researches of the Southern Baltic. Volume 1], Toruń, Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika Publ., 1994, pp. 71-88 [in Polish].

Cieślak 1978 - *Cieślak E*. (red.). Historia Gdańska. T. I [History of Gdansk. Volume 1], Gdańsk, Wydawnictwo Morskie Publ., 1978 [in Polish].

Grunau 1876 - *Grunau S*. (Herausg. Perlbach M., Philippi R. und Wagner P.). Preussische Chronik. Bd. I [Prussian chronicle. Volume 1], Leipzig, Duncker & Humblot Publ., 1876 [in German].

Holtz 1966 - *Holtz A*. Die pommerschen Bildsteine. Der Bestand und seine Stellung zu den östlichen Baba-Steinen und den mittelalterlichen Grabplatten und ihre historischen Hintergründe [Pomor sculptures. Stone images, medieval gravestones and their historical background], in: Neue Folge. Bd. 52 [New episode. Volume 59], Greiswald, Verlag Cristoph von der Ropp Publ., 1966, pp. 9-11 [in German].

Kajkowski, Szczepanski 2013 - *Kajkowski K., Szczepanski S*. The multi-faced so-called miniature idols from the Baltic Sea area, in: Studia Mithologica Slavica, Vol. XVI, Ljubljana, ZRC Publishing (Založba ZRC) Publ., 2013, pp. 55-86 [in English].

Käswurm 1880 - *Käswurm K*. Alte Schlossberge und andere Ueberreste von Bauwerken aus der Vorzeit in Pregelgebiet Litauens [Ancient estates and other remains of prehistoric monuments in the

Pregelsky region of Lithuania], in: Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg [Works of fiziko-economic society of Konigsberg], Jg. 14, Abt. 2, 1880, pp. 69-76 [in German].

Kulakov 1987 - *Kulakov V.I.* Zemlja prussov i «prusskie zemli» [Earth of pruss and «Prussian lands»], in: Balto-slavjanskie issledovanija [Balto-slavyansky researches], 1985, Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 95-101 [in Russian].

Kulakov 1990 - *Kulakov V.I.* Drevnosti prussov VI-XIII vv. / Svod arheologicheskih istochnikov. Vyp. G1-9 [Antiquities of Old Prussians of the 6-13th centuries / Arch of archaeological sources. Issue G1-9], Moscow, Nauka Publ., 1990, 167 p. [in Russian].

Kulakov 1994 - *Kulakov V.I.* Der Goldreif von Strobjehnen und seine Bedeutung im Beziehungengeflecht von Prussen und Steppenvölkern [Strobjehnen gold and its value in interrelation of the Prussian and steppe people], in: Acta Praehistorica et Archaeologica. Bd. 26/27 [Researches of a prehistory and archeology. Volume 26/27], Berlin, Verlag Marie Leidorf GmbH, Rahden Publ., 1994/95, pp. 204-212 [in German].

Kulakov 1994 - *Kulakov V.I.* Prussy (VI-XIII vv.) [Old Prussians (the 6-13th centuries)], Moscow, Geojeko Publ., 1994, 214 p. [in Russian].

Kulakov 2003 - *Kulakov V.I.* Varianty ikonografii Odina i Peruna/Perkuno [Options of an iconography of Odin and Perun/Perkuno], in: Rossijskaja arheologija [Russian archeology], 2003, № 1, pp. 60-71 [in Russian].

Kulakov 2012 - *Kulakov V.I.* Nemanskij jantarnyj put' v jepohu vikingov [Neman amber way to an era of Vikings], Kaliningrad, PEN-klub Publ., 2012, 222 p. [in Russian].

Kulakov 2015 - *Kulakov V.I.* Korol' bez druzhiny ili druzhina bez korolja. Arheologicheskij kommentarij k fenomenu potestarnosti u drevnih germancev [A king without retainers or retainers without a king. Archaeological comments on symbol ism of early germanic kingship], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 3, pp. 6-12 [in Russian].

Kulakov 2016 - *Kulakov V.I.* Arheologicheskij kommentarij k legende o Videvute [The archaeological comment to a legend of Videvut], in: Istoriko-arheologicheskie zapiski. Kn. III / Otvetstvennyj redaktor M.G. Moiseenko [Historical and archaeological notes. Book III / Editor-in-chief M.G. Moiseenko], Zimovniki, Zimovnikovskij kraevedcheskij muzej Publ., 2016, pp. 86-98 [in Russian].

Kulakov 2017 - *Kulakov V.I.* Prusskie pojasa ordenskogo vremeni [Prussian belts of medal time], in: Genesis: Istoricheskie issledovanija [Genesis: Historical researches], 2017, № 1, pp. 147-158 [in Russian].

La Baume 1927 - *La Baume W.* Bildsteine des frühen Mittelalters aus Ost- und Westpreußen [Images of the early Middle Ages from East and Western Prussia], in: Blätter fur deutsche Vorgeschichte. H. 3 [Researches of the German background. Volume 3], Danzig, Comissionverlag von Kurt Kabißsch Publ., 1927, pp. 1-11 [in German].

Łapo, Białuński 2007 - *Łapo J., Białuński G.* (red.). Pruskie baby kamienne. Fenomen kulturowy czy europejska codzienność? / pod red. M. Jerzego [Prussian children's stone. A cultural phenomenon or everyday life in Europe? / Under the editorial office M. Jerzego], Olsztyn, Ośrodek Badań Naukowych, OBN Format Publ., 2007, 158 p. [in Polish].

Matela 2006 - *Matela L.* Die Steinbabas [Stone images], in: Hagia Hora [Sacred mountain], 2006, № 23 [in German].

Pacholec 2008 - *Pacholec M*. Sprawozdanie z konferencji naukowej «Pruskie baby kamienne. Fenomen kulturowy czy europejska codzienność?» [Report on a scientific conference «Prussian children's stone. A cultural phenomenon or everyday life in Europe?»], in: Pruthenia. T. III [Prussia. Volume 3], Olsztyn, Wydawnictwo ElSet Publ., 2008, pp. 299-305 [in Polish].

Pohl 1994 - *Pohl E.* Die Volkssagen Ostpreussen [National bringing to East Prussia], Hildesheim; New York, Georg Olms Verlag Publ., 1994, 299 p. [in German].

Rybakov 1986 - *Rybakov B.A.* Jazychestvo Drevnej Rusi [Paganism of Ancient Russia], Moscow, Nauka Publ., 1986 [in Russian].

Sokołowska 1928 - *Sokołowska J*. Wszesnohistoryczne posągi kamienne odkryte na ziemiach Polski [The ancient stone statues found on the Polish lands], in: Światowit, Volume 12, Warszawa, Uniwersytet warszawski Publ., 1928, pp. 113-151 [in Polish].

Szcepański 2004 - *Szcepański S*. «Baba pruska» z Prątnicy – kamienny świadek triumfu chrestijaństwa [«The Prussian Woman» from Pratnitsa – the stone witness of triumph of knights], in: Echa przesłości. T. V [Past echoes. Volume V], Olsztyn, Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego Publ., 2004, pp. 25-30 [in Polish].

Szcepański 2015a - *Szcepański S*. Wszeŝnosriedniowieczna rzeźba z Dzierzgonia, tzw. «Potrimpos», w kontekście interpretacji oraz staropruskich wierzeń [Ancient sculpture from Dzerzhgoniya, so-called «Potrimpos», in the context of interpretation of ancient Prussian beliefs], in: Komunikaty Mazursko-Warmińskie [Research Mazursko-Warmińskie], № 3 (289), Olsztyn, Wydawnictwo «Littera» Publ., 2015, pp. 387-408 [in Polish].

Szcepański 2015b - *Szcepański S.* Old Prussian «Baba» Stones: An Overview of the History of Research und Reception. Pomesanian-Sasinian Case, in: Analecta Archaeologica Ressoviensia, Vol. 10, Rzeszów, Oficyna Wydawnicza «Zimowit» Publ., 2015, pp. 313-346 [in English].

Toporov 1984 - *Toporov V.N.* Prusskij jazyk. Slovar'. K-L [Prussian language. Dictionary. K-L], Moscow, Nauka Publ., 1984, 439 p. [in Russian].

Vaitkunskienė 1995 - *Vaitkunskienė L*. Pagrybio kapinynas [Pagrybio burial ground], in: Lietuvos archeologija. Vol. 13 [Lithuanian archeology. Volume 13], Vilnius, Diemedis leidykla Publ., 1995, 207 p. [in Lithuanian].

Wadyl 2010 - *Wadyl S.* Niektóre elementy wyobrażeń religijnych Prusów i ich trwanie w czasach krzyżackich [Some elements of Prussian religious images and their stability in Teutonic times], in: Komunikaty Mazursko-Warmińskie [Research Mazursko-Warmińskie], № 2 (268), Olsztyn, Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego Publ., 2010, pp. 1-8 [in Polish].

Wiesner 1942 - *Wiesner J*. Die Herkunft der ostpreußischen Bildsteine [Origin of east Prussian sculptures], in: Alt-Preußen [Ancient Prussia], Jg. 7, H. 3, 1942, pp. 43-48 [in German].

Кулаков Владимир Иванович – Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).
Vladimir Kulakov – Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 94(100)

БРИТАНИЯ И ПФАЛЬЦ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.: ДИНАСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Л.И. Ивонина
Смоленский государственный университет
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
e-mail: ivonins@rambler.ru
SPIN-код: 8019-3667

Авторское резюме

Статья посвящена анализу династического союза Британии и Пфальца в первой половине XVII в. и его итогов. Как правило, исследователи акцентируют внимание на событиях Тридцатилетней войны и Великого мятежа в Англии, вследствие чего упускают значение этого акта или придают ему второстепенный окрас. Автор показывает, что результаты династического союза Британии и Пфальца были исключительно значимы. Проблема Пфальца втянула Британию в Тридцатилетнюю войну, ставшую катализатором политических потрясений середины столетия, а потомки этого союза дали возможность Ганноверской династии впоследствии утвердиться на английском престоле.

Ключевые слова: династия, Тридцатилетняя война, дипломатия, конфессия.

BRITAIN AND THE PALATINATE IN THE FIRST HALF OF THE 17TH CENTURY: THE DYNASTIC UNION AND ITS CONSEQUENCES

Lyudmila Ivonina
Smolensk State University
4 Przhevalsky Street, Smolensk, 214000, Russia
e-mail: ivonins@rambler.ru

Abstract

The author performed analysis of the dynastic union of Britain and the Palatinate dated to the first half of the 17th century. Generally, historians focus their research on the events of the Thirty Years' War or on the Great Rebellion in Britain, neglecting significance of the Palatine wedding of 1613 or viewing it as of a lesser importance. The author proved that the consequences of the union were crucial. The problem of the Palatinate drew Britain into the Thirty Years' War, which became the catalyst for the political upheavals in the middle of the 17th century, and the descendants of this union provided the House of Hanover with a chance to establish themselves on the British throne.

Keywords: dynasty, the Thirty Years' War, diplomacy, confession.

* * *

Династические союзы и их воздействие на внешнюю и внутреннюю политику государств приобретут особое звучание в Европе «дворов и альянсов» со второй половины XVII в. Тем не менее, еще в первой половине столетия Барокко огромную значимость как в рамках английской внешней и внутренней политики, так и в целом Тридцатилетней войны (1618-1648) играл династический союз Британии и Пфальца. Концентрируясь на событиях европейской крупномасштабной войны и Великого мятежа, историки упускают значение этого акта или придают ему второстепенный окрас. Попытаемся разобраться, какие последствия для истории Британии и Пфальца имела брачная церемония в Лондоне 1612 г.

В историографии Якова I Стюарта нередко называют предшественником экуменического движения XX в. Ключ к стабильному и мирному христианству в век конфессиональных распрей король видел в религиозном примирении между христианами различных направлений. Он обращался с мирными предложениями к монархам и римским папам, установил близкие отношения с французскими и голландскими протестантами и руководителями православной церкви, поощрял миротворческие усилия западноевропейских интеллектуалов – таких, как Жак-Огюст де Ту, Жан Отман и Гуго Гроций (Patterson 2006: 363-364). Но проповедуемый Яковом I метод решения конфессиональных проблем накануне Тридцатилетней войны был нереалистичным. Французский король Генрих IV назовет «Шотландского Соломона» «самым ученым дураком христианского мира». По другим источникам эта любопытная оценка принадлежала герцогу Сюлли. Она вряд ли справедлива, если не указывает на то, что лавирование и миролюбие тоже нельзя возводить в абсолют.

Яков любил подчеркивать свою роль миротворца, но его мир был, прежде всего, избеганием противоборства и не нес в себе идей вселенской реформы и поддержки европейского протестантизма. Этим несоответствием в значительной мере была вызвана идеологическая нечеткость его правления. И в Британии, и за ее пределами Яков считался наследником Елизаветы I. Поначалу, казалось, он пошел по пути великой королевы, выступая за религиозную реформу и дружбу с протестантскими государями. Вместе с тем, он старался не обострять отношений с Испанией и Священной Римской империей.

В начале XVII в. борьба между двумя религиозными лагерями в Священной Римской империи обострилась. Католическая церковь вновь утвердилась в ряде немецких княжеств. На имперском рейхстаге 1608 г. протестанты тщетно требовали прекратить нарушения Аугсбургского религиозного мира 1555 г. В результате оба враждующих лагеря создали в 1608-1609 гг. религиозно-политические союзы – Евангелическую Унию, главой которой стал курфюрст Пфальца Фридрих V, и Католическую лигу, руководил которой баварский герцог Максимилиан. Усиление Габсбургов в Империи подвигло Лондон к переговорам с Парижем о союзе.

Прирейнские области Германии были стратегически важны для французского короля, и поэтому в феврале 1610 г. он заключил союз против Империи с курфюрстами Пфальца и Бранденбурга (Lee 1970: 161, 167; Corps 1728. T. V. Pt. II: 135-137, 92-94). В Париже было принято решение атаковать 19 мая 1610 г. границы Империи и Испании на Рейне и со стороны Наварры одновременно. Наступление французской армии пресек кинжал фанатика-католика Равальяка, оборвавший жизнь Генриха IV 14 мая того же года. Европейская война начнется только спустя восемь лет. После убийства французского короля отношения между Лондоном и Мадридом улучшились. Этому в значительной мере способствовало заключение в 1609 г. перемирия в войне Нидерландов за независимость против Испании.

Избранная Яковом I дипломатическая концепция соответствовала его религиозной политике. Король стремился примирить Евангелическую Унию, или Протестантский союз, с Габсбургами, сыграв роль миротворца в европейской политике. Средством к достижению цели должны были стать династические союзы Британии с Испанией и Пфальцем. Переговоры об испанском браке (сначала наследника престола Генри, а затем после его смерти принца Карла и испанской инфанты) начались еще в 1605 г. Но его заключение противоречило английским обязательствам перед протестантами Европы, не зря Генрих IV вплоть до своей гибели мешал ему всеми возможными дипломатическими средствами.

В 1612 г. английский король выдал свою дочь Елизавету за пфальцского курфюрста Фридриха V. К 16-летней красавице сватался и шведский король Густав II Адольф, который спустя полтора десятилетия потрясет своим военным искусством Европу, посеяв восторг среди протестантов и ужас среди католиков. Но сейчас предпочтительнее среди протестантских государей выглядел глава Протестантского Союза. Свадьба состоялась в Англии в королевской часовне во дворце Уайтхолл и стала чрезвычайно популярным в народе событием, а церемония заключения брака описана современниками как «чудо торжества и великолепия даже для этого экстравагантного века». Историки пишут о непреходящей любви Елизаветы и Фридриха, который создал для нее в своем Гейдельбергском замке английское крыло, зверинец, обезьяний дом и сад в стиле итальянского Ренессанса. Дочь Якова любил и талантливый английский поэт Генри Уоттон, писавший в духе Возрождения. Одно из его немногих сохранившихся стихотворений называется «Елизавета Богемская». Вот строки из него:

Когда же госпожа моя
Красой ума всех озарит,
Чиста, супруга короля,
Она сама свой дивный вид
Сиять заставит иль затмит?

Свадьба дочери выявила еще одно возможное интеллектуальное и политическое увлечение английского короля. Правда, оно так и не реализовалось. В содержании представленной на празднике бракосочетания пьесы Шекспира «Буря» английский историк Ренессанса Фрэнсис А. Йейтс увидела настоящий розенкрейцерский Манифест. Легендарным основателем теологического и тайного мистического общества – Ордена Розенкрейцеров, или «Розы и Креста» – являлся немец Христиан Розенкрейц. Его учение построено «на древних эзотерических истинах», которые «скрыты от обыкновенного человека, обеспечивают понимание природы, физической вселенной и духовного царства», что отчасти символизируется эмблемой братства – розой, распускающейся на кресте. Розенкрейцеры ставили перед собой цели всестороннего улучшения Церкви и достижения всеобщего благоденствия. Их деятельность связывали с протестантизмом, она оказала влияние и на развитие масонства в Шотландии. В 1607-1617 гг. появились два манифеста Розенкрейцеров, призывавшие преобразовать искусство, науку, религию, интеллектуальную жизнь и вызвавшие волнения во всей Европе.

Эти призывы не могли не затронуть Англию. Ряд исследователей, нередко допуская авантюрные умозаключения, полагают, что идеи Розенкрейцеров оказали влияние на творчество Шекспира и труды Бекона, в частности, «Новую Атлантиду». В 1612 г. немецкий алхимик и личный доктор императора Рудольфа II Михаэль Майер после смерти своего господина посетил Англию. Он общался с известным английским герметиком Робертом Фладдом, чтобы получить от него знания, ведущие к пониманию тайны и гармонии Великого Архитектора. Майер послал Якову I написанные на пергаменте рождественские пожелания с главным символом Розенкрейцеров посередине. Между лепестками розы было написано: «Поздравляю Якова. Пусть будет долго королем... Под его защитой пусть наша роза радостно цветет». Это обращение показывало распространение движения Розенкрейцеров в Англии и интерес к нему со стороны короля. Но вряд ли этот интерес был серьезным. По мнению Ф. Йейтс, это движение могло возникнуть ради торжества протестантизма во всей Европе. Фридрих Пфальцкий должен сокрушить Габсбургов, и затем наступит всеобщая Реформация в области науки, искусства и общественной жизни. Тем не менее, это представление о Розенкрейцерстве не учитывает вечные цели и мечты Братства (Йейтс 1999). Не соответствовало оно и реальной политике английского короля.

Яков не оставил надежд на испанский брак, который мог «уравновесить» протестантскую свадьбу. Переговоры о браке между Лондоном и Мадридом стали одним из пунктов дискуссий между Яковом и палатой общин во время сессий «Гнилого парламента» 1614 г. (Parker 2013: 33).

Как известно, чешское восстание 1618 г. против Габсбургов послужило импульсом для начала войны, которая охватит весь континент. В тот момент масштабы будущего противостояния сложно было предугадать. «Король-

миротворец» Яков I не желал участвовать в разгорающемся в Центральной Европе конфликте и предостерегал от военных инициатив зятя. Но тот поступил иначе.

После смерти в марте 1619 г. императора Священной Римской империи Матиаса его престол предстояло занять Фердинанду II, что объединило против Габсбургов земли чешской короны. Чтобы получить помощь европейских государств, чешское протестантское дворянство 28 августа 1619 г. вместо Фердинанда II избрало своим королем Фридриха V Пфальцского. Глава Протестантского Союза известил об этом Якова I и в конце октября, несмотря на предостережения тестя, прибыл с супругой в Прагу, а в ноябре короновался в соборе Святого Витта. Тогда же папа Павел V, польский король Сигизмунд Ваза, эрцгерцог Австрийский Альберт, испанская армия генерала Спинолы и армия Католической лиги объявили «крестовый поход» против «узурпатора» и шедшего ему на помощь с армией трансильванского князя Бетлена Габора (Corps 1728. T. V. Pt. 11: 332-333; Pt. 14: 37).

Яков I не вступился за Фридриха, полагая, что открытая поддержка зятя превратит его, поборника идей божественного происхождения и абсолютной полноты королевской власти, в защитника права подданных свергать своих государей. Как видно, в начале конфликта он не подозревал, какую роль во внешней политике Англии будет играть «дело Пфальца» впоследствии. Британию и Пфальц связывали не только династические узы. Защита целостности Пфальца означала для Лондона защиту всего Протестантского союза и своих стратегических позиций на континенте. Ныне же политика короны базировалась на двух постулатах: 1. континентальные конфликты – это «локальные ссоры», а не часть европейской войны; 2. испанский король сможет сохранить нейтралитет в войне между Фридрихом V и императором. Собственно, тогда в Европе мало кто задумывался, во что может вылиться чешское восстание. А в самом Евангелическом союзе с завистью смотрели на восходящую звезду Фридриха V. Яков, воображая себя арбитром Европы, твердо держался избранной дипломатической стратегии. Брак принцессы Елизаветы с пфальцским курфюрстом обязательно должен быть уравновешен браком наследника престола Карла и испанской инфанты Марии (Adams 1978: 149; Wedgwood 1980: 17-21; Cogswell 1989: III).

Вместе с тем, в окружении короля было немало тех, кто радовался, что Фридрих и Елизавета получили королевское достоинство, а протестантизм в Чехии укрепился назло Габсбургам. Яков просчитался в своей дипломатии. Его внешняя политика столкнулась с двумя противоречиями: конфликтом между короной и подданными, с одной стороны, и с религиозно-политической борьбой в Европе со времен Реформации, с другой. Понятно, что в голову королю не могла прийти мысль о том, что обострение внутренних проблем в Британии разрешится событием, которое современники назовут «Великим мятежом» или

даже «революцией». И на это обострение повлияют события в Империи. Большинство англичан и протестантская партия видели в чешском восстании «Священную революцию», «борьбу между Богом и папскими антихристами», и приветствовали принятие короны Чехии Фридрихом V. Общественное мнение требовало защиты Пфальца и Чехии. Англиканские епископы и некоторые аристократы организовали в Лондоне сборы на «чешское дело». По мнению многих современников, нейтралитет английского короля вел к поражению Евангелического союза. Британия бездействовала, а Габсбурги объединяли силы, чтобы захватить Прагу.

Главная задача Фердинанда II заключалась в изоляции Евангелического союза от Чехии. Триумфом католической дипломатии стало заключение с протестантами договора в Ульме 3 июля 1620 г. На беду протестантам посредником на переговорах являлась Франция, мечтавшая о мире на своих восточных границах из-за обострения отношений с гугенотами. Интересы Пфальца были принесены в жертву католикам в обмен на формальное согласие главы Католической Лиги Максимилиана Баварского не вступать в военные столкновения с Евангелическим союзом в пределах Империи. В соглашении не было упомянуто вторжение испанцев в Пфальц.

8 ноября близ Белой Горы чехи были разбиты. Усугубила катастрофу паника, охватившая протестантские полки еще вначале сражения. Бегство «зимнего короля» Фридриха V с супругой из Праги было столь спешным, что они не успели увезти секретную часть своей корреспонденции. Впоследствии она была опубликована торжествующими католиками под названием «Ангальтская канцелярия» (Polisensky 1971: 111-112).

Общественное мнение в Британии бурлило, а испанского посла Гондомара считали злым гением короля, оскорбляли на улицах Лондона. В декабре 1620 г. даже пришлось приставить 400 солдат для охраны испанского посольства: с началом борьбы за Пфальц Мадрид активизировал давление на Лондон. «(*Гондомар – Л.И.*) теперь уже не посол, а первый государственный советник; он день и ночь проводит у короля в Уайтхолле; он в курсе всех тайн…», – с досадой писал француз Левенер де Тилльер (Soriano 1976: 185-199).

В начале 1621 г. фаворит Якова герцог Бекингем и принц Карл превратились в лидеров партии, выступавшей за войну. Шли переговоры с германским кондотьером графом Мансфельдом о найме солдат для военной помощи Фридриху V. На короткой зимней сессии Парламента 1621 г. шли бурные прения о внешней и конфессиональной политике короля. Яков созвал Парламент, чтобы получить деньги для военной экспедиции в поддержку зятя. Палата общин согласилась предоставить субсидии, но выдвинула условия: взять в руки меч против испанского короля, усилить антикатолическое законодательство и женить принца Карла на протестантской принцессе. В целом внешне-политическая программа оппозиции заключалась в открытой войне против

Габсбургов, основу которой должен составить союз с Голландией и Данией (Calendar 1858-1882: 220; Russel 1979: 2). Король категорически отверг вмешательство в область его прерогативы и заявил, что парламентарии рискуют потерей своих прав, включая свободу слова. Парламент был распущен.

Как видно, Яков не собирался менять курс своей дипломатии и даже предложил новому папе римскому Григорию XV выработать европейское соглашение в целях достижения перемирия. Более того, он уговорил своего зятя не принимать помощи Мансфельда и Кристиана Брауншвейгского, будто бы их участие в судьбе Фридриха мешало заключению почетного мира с Католической Лигой. Войска Испании и Лиги теперь без спешки могли покончить со всеми пфальцскими крепостями (Letters 1984: 384-385).

Тем временем британский посол в Вене Джон Дигби добивался компромисса в пфальцском вопросе: лишить Фридриха V чешской короны, но оставить ему статус курфюрста. Но Фердинанд II, связанный обещанием баварскому герцогу, 24 февраля 1623 г. торжественно передал эти регалии Максимилиану. Новый курфюрст пожелал полюбовно договориться с Фридрихом V о компенсации и попытался укрепить свои позиции вне Империи, отправив в 1623-1624 гг. секретные миссии в Париж и Лондон. Но Фридрих не шел на компромисс. В конце 1622 – начале 1623 гг. он организовал в Гааге, где обосновался с семьей, правительство в изгнании, и посвятил остаток своей жизни восстановлению Пфальца. Путями достижения этой цели были как личное участие в антигабсбургской коалиции, так и дипломатия. По иронии судьбы, да и следуя совету тестя, одним из дипломатических методов он тоже считал испанский брак. Одна и та же панацея оказалась роковой и для Якова, и для Фридриха.

17 января 1629 г. «зимний король» пережил личную трагедию. Он ехал в Амстердам, чтобы просмотреть сокровища испанского флота, захваченные голландской Вест-Индской компанией. Во время пересечения водоема рядом с Хаарлемом его лодка перевернулась. Фридриху удалось спастись, но его старший 15-летний сын Фридрих Генрих утонул. До этой трагедии шли переговоры о браке Фридриха Генриха и испанской инфанты, который, как надеялись Яков I, Фридрих и Елизавета, могли вернуть семье Пфальц обратно. Безвременная кончина сына разрушила эти надежды. Фридрих был физически и морально надломлен, и восстановился только через 15 месяцев. Но, как оказалось, не полностью. В феврале 1632 г. Фридрих прибыл во Франкфурт к победоносному Густаву II Адольфу, при помощи которого собирался отвоевать Пфальц. Своего последнего 13-го ребенка, мальчика, родившегося в том же году, он назвал в честь шведского короля. Гибель Густава Адольфа в битве при Лютцене 16 ноября того же года стала для него тяжелым ударом. Возвращение потерянных владений затянулось. Фридрих Пфальцский умер в Майнце спустя несколько дней после получения печальной вести.

«Зимняя королева» Елизавета Стюарт продолжала жить в Нидерландах даже после того, как ее сын Карл Людвиг вернул Пфальц и курфюршеское достоинство по Вестфальскому миру 1648 г. После реставрации Стюартов на английском престоле в 1660 г. она отправилась в Лондон посетить своего племянника короля Карла II и там скончалась.

Яков мог бы гордиться своими внуками от этой неудачливой в политике супружеской четы. Младшая дочь Елизаветы и Фридриха София в 1658 г. вышла замуж за Эрнеста Августа, будущего курфюрста Ганноверского и стала по стечению обстоятельств и Акту об Устроении 1701 г. ближайшей наследницей английской и шотландской корон. Еще она была другом великого немецкого ученого, философа и политика Готфрида Вильгельма Лейбница. В 1714 г. сын Софии стал английским королем Георгом I. История распорядилась так, что последующие монархи Великобритании являются потомками внучки первого Стюарта на английском троне.

Все дети «Зимней королевы» получили прекрасное образование - изучали древние и современные языки, различные науки, и многие впоследствии ярко проявили себя на разных поприщах. Принц Руперт, отважный полководец, прославился в качестве сторонника Карла I во время «Великого мятежа» в Англии, а также был отличным гравером. Принцесса Луиза Голландская стала хорошей художницей-портретисткой, а принц Карл Людвиг готов был оказать покровительство голландскому философу Спинозе. Но самой большой интеллектуалкой стала принцесса Елизавета, носившая имя матери. Она больше всех интересовалась философией, знала шесть языков, включая латынь, и за свою ученость получила в семье прозвище «Гречанка». Она была столь привлекательна, сколь и горда. В 1633 г. польский король Владислав IV попросил руки Елизаветы, но от нее потребовали перейти в католичество. Елизавета отказалась и осталась при дворе матери в Гааге, где познакомилась со знаменитым философом Рене Декартом. Затем она жила при дворе брата в Гейдельберге и общалась с учеными в философских диспутах. Она первая посеяла семена картезианской философии в Гейдельберге и в Берлине, и, несмотря на то, что, в конце концов, стала аббатисой Герфордского монастыря, являлась одной из самых известных и самых ярких женских фигур в европейской философии и культуре XVII в. (Spencer 2008: 6; Трофимова 2008: 25-30).

С 1623 г. восстановление Пфальца и дружба с Испанией стали для большинства подданных Якова I несовместимыми понятиями. В стране на каждом шагу чувствовался широкий интерес к европейской войне и энтузиазм вступить в нее, а Парламент так обозначил свое отношение к Испании: «ни брака, ни мира» (Notes 1929: 3). Принц Карл и герцог Бекингем возглавили получившую популярность партию «патриотов», но нежные чувства наследника престола к инфанте расходились с его пониманием ситуации и воинственным настроем. С благословения отца он и Бекингем отправились в Мадрид для решения двух

задач - жениться на инфанте и определить судьбу Фридриха V. Многие современники описывали этот вояж как «романтическую эскападу, не носившую конкретных политических целей». В Мадриде узы дружбы между герцогом и принцем окрепли, что повлияло на дальнейшую политику Карла и формирование его личности (Sharpe 1996: 4-5; Дюшен 2007: 120-121).

Переговоры длились всю весну и лето 1623 г., принц и Бекингем соглашались на самые неприемлемые условия, включавшие отмену антикатолического законодательства Парламентом. Яков I был недоволен, что заметно по его письмам в Мадрид. Рушилась система мира, которую он создавал в течение многих лет. Уже тогда король намеревался вступить в войну в Европе, о чем писал Фридриху Пфальцскому.

Принимая тяжелые условия, английская сторона в Мадриде лелеяла слабые надежды, что Испания пойдет на восстановление Пфальца. Договор был подписан, но не ратифицирован в Англии (Calendar 1858-1882. 1624: 525, 576; Letters 1984: 386, 392, 401-403, 434). К огромной радости англичан принц и герцог в октябре вернулись в Лондон без инфанты. В феврале 1624 г. на заседании Парламента Карл сделал детальный отчет о поездке в Мадрид и использовал Парламент как инструмент для давления на отца и членов Тайного Совета, выступавших против войны. Настроения палаты общин были поддержаны при дворе, где контроль над политикой уже перешел от Якова к его сыну и Бекингему. Парламент единодушно высказался за войну с Испанией и вотировал субсидии в размере 300 000 ф. ст. (Sharpe 1996: 5-6).

В результате, события в Европе накануне и в начале Тридцатилетней войны послужили толчком к нарушению относительного внутреннего равновесия в Англии, достигнутого при Тюдорах. По сути, Яков I просчитался в своей дипломатии, столкнувшись с двумя фундаментальными противоречиями начала столетия Барокко – назреванием конфликта между короной и Парламентом и с религиозно-политической борьбой в Европе. А его сын Карл неудачно вступил в Тридцатилетнюю войну, потерпев поражение одновременно от двух держав – Испании и Франции. Внешние фиаско усугубили внутриполитический кризис в Англии, кульминацией которого была «Петиция о праве» 1628 г., роспуск Парламента и выход из войны.

Хотя многие современники видели в Британии во время персонального правления Карла I (1629-1640) остров благополучия, изолироваться от европейской войны было невозможно. На политику восстановления Пфальца требовались большие расходы: Карл желал видеть свою сестру Елизавету и ее семью реставрированной на троне, но не на узурпированном престоле в Праге, а в замке Гейдельберга, и не путем военных действий, а ценой покупки благоволения страны, которая может и обещает сделать это. Поэтому в первой половине 30-х гг. Англия поддерживала тесные отношения с испанской короной, во многом являвшиеся следствием секретных статей мира с Мадридом 1630 г. На фоне

переговоров с Испанией и угрозы эфемерной франко-голландской блокады Фландрии, сбор корабельных денег с 1634 г. был призван усилить флот для патрулирования вдоль английских берегов (Loomie 1987: 4).

Перевес Габсбургов и Католической лиги в конце третьего этапа Тридцатилетней войны, объявление Парижем войны Испании 19 мая 1635 г., безрезультатные англо-испанские переговоры заставили Карла I задуматься о вступлении в европейскую войну и восстановлении Пфальца вооруженным путем. Такой поворот позволил бы, как полагал он и его советники, несколько отвлечь поднимавшую голову оппозицию, связывавшую дружественные отношения с Испанией и политику Лода и Страффорда воедино. Но в 1638 г. короля испугал перелом в европейской войне, благоприятный для Франции и антигабсбургской коалиции. Французский флот одержал победы в Средиземном море и в Атлантическом океане, а успех находившегося на французской службе Бернгарда Саксен-Веймарского при Рейнфельдене и взятие им Брейзаха в конце года перерезали испанские коммуникации через Эльзас. И когда в конце этого года сыновья Фридриха V Карл-Людвиг и Руперт были пленены и заключены в главном городе Верхней Австрии Линце, первое, что сделал Карл - обратился за помощью к Мадриду, за которую готов был предоставить корабли для военных действий (Calendar 1858-1882. 1639: 77; Meyer 1985: 377).

В условиях финансового кризиса короны попытки Карла I получить из Испании финансирование и поддержку его пфальцских родственников привели к публичному конфузу в битве при Доуне 21 октября 1639 г., когда голландцы адмирала Тромпа уничтожили груженый слитками испанский флот в поле зрения побережья Кента и английского флота. Тем временем в Мадриде при посредничестве венецианца Вергилия Мальвеззи между Англией и Испанией шли переговоры о предоставлении помощи против Ковенанта. Испанский министр Оливарес обещал послать 8 000 солдат в Шотландию, за что Лондон должен был выставить флот против Франции и Соединенных Провинций. Но португальское и каталонское восстания в Испании тормозили переговоры. А во время наступления французов в феврале 1640 г. курфюрст Пфальцский Карл-Людвиг был освобожден из заключения в Линце. Он встретился с Людовиком XIII и Ришелье, обещавшими послать армию герцога де Лонгвиля в Пфальц, а затем отправился в Лондон просить совета и поддержки дяди, чтобы не оказаться в полной зависимости от Франции (Calendar 1858-1882. 1640: 103, 208, 583; Sharpe 1996: 953). Но Карл I уже сам находился в зависимости от внутренней ситуации.

Во время гражданской войны между королем и Парламентом 1642-1647 гг. помощь роялистам от немецких государств заключалась преимущественно в присутствии единичных наемников либо представителей княжеских домов на службе английского короля. Более того, Карл-Людвиг Пфальцский и многие представители протестантских княжеств сочувствовали Парламенту. В январе 1642 г. пфальцский курфюрст давал такой совет английскому королю: «Правда

заключается в том, чтобы иметь волю найти выход из положения, уметь говорить со своими подданными и вступать с ними в переговоры» (Archives 1859: 8).

Его брат принц Руперт, напротив, поддержал Карла и был назначен командующим роялистской армией на севере Англии. Именно Руперт после битвы при Марстон-Муре в 1644 г. назвал Кромвеля «железнобоким», а затем это прозвище распространилось и на его солдат (Loades 1974: 423). Впрочем, помощь Руперта роялистам оказалась бесполезной. Кто же в первую очередь виноват в поражении роялистов – Карл, Руперт или полководческий талант Кромвеля? Думается, все примерно в равной степени. Прославленный Руперт на деле оказался отличным тактиком, но неважным стратегом, к тому же его постоянные дискуссии с Карлом нарушали единоначалие у роялистов. Карл Стюарт был побежден и в 1649 г., как известно, сложил голову на плахе.

В дальнейшем династическая связь между Британией и Пфальцем стала неактуальной. Хотя по Вестфальскому миру 1648 г. Пфальц и был сохранен, прежнего значения он никогда больше не достигал. Карл Людвиг получил в правление обратно Нижний Пфальц, стал новым, восьмым курфюрстом, однако теперь пфальцское курфюршество было по достоинству ниже других семи. Верхний Пфальц и прежнее курфюршеское достоинство остались за Баварией. В политике Карл-Людвиг предпочитал, в зависимости от ситуации в Европе, ориентироваться либо на Францию Людовика XIV, либо на Священную Римскую империю. Тем не менее, результаты династического союза были исключительно значимы. Проблема Пфальца втянула Британию в Тридцатилетнюю войну, ставшую катализатором политических потрясений середины столетия, а потомки этого союза дали возможность Ганноверской династии впоследствии утвердиться на английском престоле.

ЛИТЕРАТУРА

Дюшен 2007 - *Дюшен М.* Герцог Бекингем. М.: Молодая гвардия, 2007. 361 с.

Йейтс 1999 - *Йейтс Ф.* Розенкрейцерское просвещение. М.: Алетейа, Энигма, 1999. 496 с.

Трофимова 2008 - *Трофимова В.С.* Женский голос в картезианстве XVII века: Елизавета Богемская // Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия». 2008. № 2. С. 25-30.

Adams 1978 - *Adams S.* Foreign policy and the Parliaments of 1621 and 1624 // Faction and Parliament. Essays on Early Stuart History / Ed. by K. Sharpe. Oxford, 1978. P. 131-177.

Archives 1859 - Archives ou correspondanse inédite de la Maison d'Orange-Nassau / Par Mr.G. Groen van Prinsterer. 2-me Série. T. IV. Utrecht, 1859.

Calendar 1858-1882 - Calendar of State Papers / Ed. by G. Bruce and P. Hamilton. 1619-1623. London, 1858-1882.

Chevallier 1979 - *Chevallier P.* Louis XIII. Paris: Fayard, 1979. 683 p.

Cogswell 1989 - *Cogswell T.* England and the Spanish Match // Conflict in Early Stuart England. 1603-1642 / Ed. by R. Gust and A. Hughes. London, 1989. P. I-VIII.

Corps 1728 - Corps Universelle diplomatique / Par J. Du Mont. Vol. V-VII. Amsterdam, 1728.

Lee 1970 - *Lee M.* James I and Henry IV. An essay in english foreign policy. 1603-1610. Urbana; Chicago; London, 1970.

Letters 1984 - Letters of King James VI & I / Ed. by Akrigg G.P.V. Berkeley & Los Angeles: University of California, 1984. 301 p.

Loades 1974 - *Loades D.M.* Politics and the Nation. London, 1974. 484 p.

Loomie 1987 - *Loomie A.* Ceremonies of Charles I: The Note Books of John Finet. Master of ceremonies. 1628-1641. New York: Fordham University Press, 1987. 330 p.

Methiviér 1971 - *Methiviér H.* Le siécle de Louis XIII. Paris: Fayard, 1971. 128 p.

Meyer 1985 - *Meyer J.* La France moderne de 1515 a 1789. Paris: Fayard, 1985. 536 p.

Notes 1929 - Notes of the debates in the House of Lords. 1621, 1624, 1625, 1628 / Ed. by F. Relf. London, 1929.

Parker 2013 - *Parker G.* Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century. New Haven: Yale University Press, 2013. 871 p.

Patterson 2006 - *Patterson W.* King James VI and I. Toronto: University of Toronto Press, 2006. 260 p.

Polisensky 1971 - *Polisensky J.* The Thirty Years War. London, 1971. 305 p.

Russel 1979 - *Russel C.* Parliament and English politics (1621-1629). Oxford, 1979. 234 p.

Sharpe 1996 - *Sharpe K.* The personal rule of Charles I. New Haven; London: Yale University Press, 1996. 378 p.

Soriano 1976 - *Soriano R.-M.* Rason de Estado y dogmatismo religiose en la España del XVII. Negociationes hispano-inglesas de 1623. Barcelona, 1976. 204 p.

Spencer 2008 - *Spencer Ch.* Prince Rupert: the Last Cavalier. London: Weidenfeld & Nicolson, 2008. 448 p.

Wedgwood 1980 - *Wedgwood G.* The Thirty Years War. New York: New York Review Book Classics, 1980. 181 p.

REFERENCES

Adams 1978 - *Adams S.* Foreign policy and the Parliaments of 1621 and 1624, in: Faction and Parliament. Essays on Early Stuart History / Ed. by K. Sharpe, Oxford, 1978, pp. 131-177 [in English].

Archives 1859 - Archives ou correspondanse inédite de la Maison d'Orange-Nassau / Par Mr.G. Groen van Prinsterer. 2-me Série. T. IV [Archives or unpublished correspondence of the House of Orange-Nassau / Editor Mr.G. Groen van Prinsterer. Series two. Volume IV], Utrecht, 1859 [in French].

Calendar 1858-1882 - Calendar of State Papers / Ed. by G. Bruce and P. Hamilton. 1619-1623, London, 1858-1882 [in English].

Chevallier 1979 - *Chevallier P.* Louis XIII [Ludovic XIII], Paris, Fayard Publ., 1979, 683 p. [in French].

Cogswell 1989 - *Cogswell T.* England and the Spanish Match, in: Conflict in Early Stuart England. 1603-1642 / Ed. by R. Gust and A. Hughes, London, 1989, pp. I-VIII [in English].

Corps 1728 - Corps Universelle diplomatique / Par J. Du Mont. Vol. V-VII [Collection of diplomatic documents / Editor J. Du Mont. Volumes V-VII], Amsterdam, 1728 [in French].

Djushen 2007 - *Djushen M.* Gercog Bekingem [Duke of Buckingham], Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2007, 361 p. [in Russian].

Jejts 1999 - *Jejts F.* Rozenkrejcerskoe prosveshhenie [Rosicrucianism education], Moscow, Aleteja Publ., Jenigma Publ., 1999, 496 p. [in Russian].

Lee 1970 - *Lee M.* James I and Henry IV. An essay in english foreign policy. 1603-1610, Urbana; Chicago; London, 1970 [in English].

Letters 1984 - Letters of King James VI & I / Ed. by Akrigg G.P.V. Berkeley & Los Angeles, University of California Publ., 1984, 301 p. [in English].

Loades 1974 - *Loades D.M.* Politics and the Nation, London, 1974, 484 p. [in English].

Loomie 1987 - *Loomie A.* Ceremonies of Charles I: The Note Books of John Finet. Master of ceremonies. 1628-1641, New York, Fordham University Press Publ., 1987, 330 p. [in English].

Methiviér 1971 - *Methiviér H.* Le siécle de Louis XIII [Era of Ludovic XIII], Paris, Fayard Publ., 1971, 128 p. [in French].

Meyer 1985 - *Meyer J.* La France moderne de 1515 a 1789 [France from 1515 to 1789], Paris, Fayard Publ., 1985, 536 p. [in French].

Notes 1929 - Notes of the debates in the House of Lords. 1621, 1624, 1625, 1628 / Ed. by F. Relf, London, 1929 [in English].

Parker 2013 - *Parker G.* Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century, New Haven, Yale University Press Publ., 2013, 871 p. [in English].

Patterson 2006 - *Patterson W.* King James VI and I, Toronto, University of Toronto Press Publ., 2006, 260 p. [in English].

Polisensky 1971 - *Polisensky J.* The Thirty Years War, London, 1971, 305 p. [in English].

Russel 1979 - *Russel C.* Parliament and English politics (1621-1629), Oxford, 1979, 234 p. [in English].

Sharpe 1996 - *Sharpe K.* The personal rule of Charles I, New Haven; London, Yale University Press Publ., 1996, 378 p. [in English].

Soriano 1976 - *Soriano R.-M.* Rason de Estado y dogmatismo religiose en la España del XVII. Negociationes hispano-inglesas de 1623 [State and religion in Spain in the 17th century. Trade of England and Spain in 1623], Barcelona, 1976, 204 p. [in Spanish].

Spencer 2008 - *Spencer Ch.* Prince Rupert: the Last Cavalier, London, Weidenfeld & Nicolson Publ., 2008, 448 p. [in English].

Trofimova 2008 - *Trofimova V.S.* Zhenskij golos v kartezianstve XVII veka: Elizaveta Bogemskaja [Female voice in a Cartesianism of the 17th century: Elisabeth of Bohemia], in: Vestnik istorii i filosofii KGU. Serija «Filosofija» [Messenger of history and philosophy of KGU. Philosophy series], 2008, № 2, pp. 25-30 [in Russian].

Wedgwood 1980 - *Wedgwood G.* The Thirty Years War, New York, New York Review Book Classics Publ., 1980, 181 p. [in English].

Ивонина Людмила Ивановна – Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета истории и права Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия).
Lyudmila Ivonina – Doctor of historical sciences, Professor of Department of General history of Faculty of History and Right of the Smolensk State University (Smolensk, Russia).
E-mail: ivonins@rambler.ru

УДК 575.174.2

К ИСТОРИИ МИТОХОНДРИАЛЬНЫХ ГАПЛОГРУПП: СУБКЛАД U5a И ГИПОТЕЗА О НОСТРАТИЧЕСКОЙ МАКРОСЕМЬЕ

А.С. Семенов

Deep Dive Group (биотехнологии и генетика)

e-mail: semyonov1980@mail.ru

Авторское резюме

В настоящей статье предпринята попытка обобщить данные палеоостанков и связать распространение митохондриальной гаплогруппы U5a и ностратических языков. Древние находки этой гаплогруппы в мезолите-неолите коррелируют с находками субкладов Y-гаплогруппы R1a, однако, более ранние корни U5 ведут в Европу – ареал Y-гаплогруппы I2. На основе этих и других соображений рассматривается генезис индоевропейского языка.

Ключевые слова: мито-гаплогруппа U5a, Y-ДНК гаплогруппа R1a, ностратические языки.

ON THE HISTORY OF MITOCHONDRIAL HAPLOGROUPS: THE U5a SUBCLADE AND THE NOSTRATIC HYPOTHESIS

Alexander Semenov

Deep Dive Group (Biotech and Genetics)

e-mail: semyonov1980@mail.ru

Abstract

The paper attempts to summarize the paleo DNA data and tie up the expansion of the U5a subclade and the Nostratic languages. Discovery of U5a in the Mesolithic and Neolithic human remains correlate with the findings of the R1a Y-haplogroup, but the more ancient roots of U5 lead to the Western Europe, the areal of the I2 Y-haplogroup. Taking into account this and other related considerations, the author discusses genesis of the Indo-European family of languages.

Keywords: mtDNA-haplogroup U5a, Y-haplogroup R1a, Nostratic language family.

* * *

В настоящее время накопленные результаты по древней ДНК позволяют уточнить и скорректировать многие выводы исторической науки. Однако новые знания порождают и новые вопросы, которые по мере нахождения новых образцов также разрешаются на удовлетворительном уровне. В данной статье будут показаны небольшие проблемы, встающие на пути формирования ДНК-истории современного населения и намечены возможные пути их решения.

Во-первых, если следовать основным положениям ДНК-генеалогии, то встает вопрос о причинах несхожести языков носителей двух близких гаплогрупп на начало бронзового века. В работах А.А. Клесова (Клесов 2014; 2015) четко проводится разграничение, что носители Y-гаплогруппы R1a на этапе дивергенции субклада M417, были носителями индоевропейских языков, а носители R1b на момент усиления позиций в Западной Европе использовали языки, ныне относимые к группе синокавказских языков (Клесов 2014) (баскский, северо- и восточно кавказские, бурушаски, возможно хурритский и ряд других). При этом им же допускается, что и язык носителей Y-гаплогруппы R1a мог изначально относиться к этой группе, а индоевропейский язык мог **выработаться в процессе миграции** носителей R1a на Запад. В другой работе (Романчук Семенов 2014), независимо проверяющей данную гипотезу также подтверждена вероятность того, что изначальным языком носителей Y-гаплогруппы R могли быть сино-кавказские. Косвенным подтверждением этой теории являются следующие факты:

1) высокий процент R1b у басков;

2) обнаружение еще одной зоны древнего присутствия R, а именно R2 в Иране (ранний неолит Ганджи-Даре), что может быть связано с распространением сино-кавказских языков бурушаски, у которых R2 существенно представлено в мужской части населения.

Серьезным вызовом для данного положения является теория авторитетнейшего специалиста в области лингвистики В.В. Шеворошкина (Шеворошкин 2008), согласно которой вакашский и салишский языки Северной Америки относятся к северо-кавказским, причем отделение произошло всего 5000 лет назад (!). То есть, выходит, что этот язык принесли в Америку носители сино-кавказских языков, причем в историческое время. То есть должна найтись определенная миграция из Восточной части Евразии в это время, а также восточно-азиатская культура с носителями R1b. Поэтому, для снятия данного узкого места необходимо поискать культуру в Евразии, которая могла бы быть исходной для вакашей и салишей (в случае верности гипотезы В.В. Шеворошкина), и где был бы представлена Y-гаплогруппа R1b. Согласно недавней работе (Flegontov 2016) о поздних волнах заселения Северной Америки последней миграции эскимосов и алеутов предшествовала еще одна миграция, которая произошла в историческое время и может быть ассоциирована с (частью племен) на-дене. Она связана с миграциями на северо-восток носителей белькачинской и сыалахской культур Якутии, и при этом носителями языков дене были носители Y-гаплогруппы Q. Поэтому, на-дене не могут быть непосредственными кандидатами. Кроме того, на-дене не кавказские (хотя дальние родственники), а В.В. Шеворошкиным устанавливается именно северокавказское происхождение вакашей и салишей. В 2016 году появилось решение этой проблемы. Гаплогруппа представителя большемысской (доафанасьевской) культуры Алтая (неолит, IV тыс. до н.э.) оказалась R1b (Hollard 2014), причем ранние связи культуры ведут на запад и юг, и данная культура находилась недалеко

от исходных ареалов белькачинской и сыалахской культур. Обоснованием гипотезы В.В. Шеворошкина может быть допущение попадания группы большемысцев в мигрирующий поток на-дене.

Данное рассуждение позволяет навести и новый, имеющий академическое обоснование, путь нахождения контактов между цивилизациями Старого и Нового Света уже в историческую эпоху (IV тыс. до н.э.). Согласно (Кирюшин 2014), большемысская культура получала культурные импульсы от Джейтуна (цивилизации неолита Средней Азии), и если этот импульс дошел до Северной Америки с вакашским и салишским языками, то искомую связь между цивилизациями Старого и Нового света именно на этапе перехода к производящему хозяйству можно считать установленной.

После уточнения ситуации с сино-кавказскими языками, возникает вопрос о том, как вырабатывался индоевропейский язык при трансформации сино-кавказской базы носителей R1*. И приходим к новому парадоксу. Ностратическая гипотеза, даже в наиболее консервативной ее части, доказывает связи индоевропейского с уральскими и алтайскими языками, и относительную его далекость от сино-кавказских (не входящих в ностратическую семью). При этом видные лингвисты дают четкую стратификацию двух субстратов A и B в самом индоевропейском. В работе голладнского лингвиста Ф. Кортланда (Kortlandt 2002; 2004), предложена модель индо-уральской семьи, согласно которой изначальный индо-уральский язык в области к северу от Каспийского моря принял в себя ряд кавказских заимствований и дал начало индоевропейскому. Им также указаны и ранние результаты С. Уленбека, который также рассматривал в индоевропейском языке две компоненты, причем с уральскими связана только одна из них. «*C.C. Uhlenbeck made a distinction between two components of Proto-Indo-European, which he called A and B. The first component comprises pronouns, verbal roots, and derivational suffixes, and may be compared with Uralic, whereas the second component contains isolated words, such as numerals and most underived nouns, which have a different source. Though Uhlenbeck objects to the term "substratum" for his B complex, I think that it is a perfectly appropriate denomination*». То есть в своих работах Ф. Кортландт рассмотрел два субстрата индоевропейского языка: один – родственный уральскому, второй – кавказский (северо- и восточно-кавказский).

Если считать индоевропейской среднестоговскую культуру (что очень вероятно), то о слиянии минимум двух неродственных племен говорит и археология. Согласно (Рассоха 2007) содержащей ссылки на археологические первоисточники: «*Из этого следует факт длительного сосуществования на одной территории носителей двух неродственных культурных традиций: позднекроманьонских носителей днепро-донецкой культуры и потомков первых местных скотоводов – носителей среднестоговской и нижнемихайловской культур. Причем такое сосуществование очевидно не похоже на сосуществование завоевателей и покоренного ими населения. Скорее это выглядит как ставший традицией союз, который со временем привел к формированию двуединого народа.*

В свете вышесказанного выглядит вполне убедительным предположение о том, что факт заключения союза двух неродственных народов нашел отражение в мифе о двух неродственных племенах богов, которые когда-то заключили союз и затем смешались друг с другом. Следы подобного мифа сохранились в нескольких индоевропейских традициях. Следы эти весьма разрозненны, из чего следует, что миф – очень древний, и не слишком хорошо сохранился. Его следы очевидны в арийской (индо-иранской), германской, кельтской, нуристанской и отчасти в балто-славянской традициях».

Возникает вопрос, присутствием каких Y- и митохондриальных гаплогрупп объяснить присутствие той компоненты, которая демонстрирует родственность с уральскими и алтайскими языками. Конечно, пока нельзя говорить о том, что эта группа населения может быть полноценно идентифицирована, однако мы можем с полным основание предположить, что среди митохондриальных гаплогрупп ее носителей была U5a. Это митогаплогруппа выявлена в слоях мезолита-неолита в местах, вероятно ассоциирующихся с местами формирования языков уральских и алтайских народов. Это – Китойская культура Прибайкалья, Усть-тартасская культура Западной Сибири, мезолит Башкирии, Южный Олений Остров. Более поздние находки в неолитической Монголии (Rogers 2016) также подтверждают наличие этой гаплогруппы (U5a). Эта же гаплогруппа устойчиво встречается практически во всех культурах индоевропейского круга.

При этом заслуживает внимание следующее обстоятельство. В местах мезо- и неолитического обнаружения U5a (Олений Остров, Китой) зафиксированы R1a, а в Лебяжинка IV (средневолжская культура) – R1b. Однако, изначальное распространение двух этих гаплогрупп вряд ли может быть синхронизировано, поскольку древнейшие находки U5a, базальной U5 и сестринской U5b – имеются на Западе Европы, зоне доминирования I2a в палеолите.

На сегодня обоснованным ареалом локализации носителей Y-гаплогруппы R1a в мезо- и неолите является линия от Причерноморья до Балтики (находки в донецком ареале, на Смоленщине, в Эстонии и на Южном Оленьем острове), куда она могла проникнуть из причерноморского ареала, возможно, параллельно с митохондриальной гаплогруппой H2 (Семенов 2016). Поэтому возникает гипотеза о том, что первоначальные носители уральских и алтайских языков и компоненты А индоевропейского были носителями I2a и U5a. В мезо- и неолите могло происходить их движение на восток и при прохождении зоны Причерноморья и прилежащих областей к северу племена носителей могли пополниться носителями Y-гаплогруппы R1a и прибывающими носителями H2. И уже вместе с ними шло дальнейшее продвижение как на север, так и на Восток до Байкала. При этом языки носителей U5a мог быть ностратическими, а в поток переселенцев могли войти и ассимилированные носители R1a, которых мы видим и в Прибайкалье, и в Карелии. Обнаружение H2 в неолите Монголии (Rogers 2016) усиливает данный вывод. Те носители I2a и U5a, что остались в Причероморье, могли включить в свой язык больший процент синокавказских заимствований, на основе которого сформиро-

валась компонента Б праиндоевропейского, и передать в свою очередь носителям R1a ностратическую лексику. Появившийся в 2017 году анализ геномов группы Дериевка среднестоговской культуры выявил присутствие I2a, R1a, R1b. На другой стоянке (Александрия) той же среднестоговской культуры был выявлен носитель R1a-M417 и митогаплогруппы H2a.

О носителях I2a в контексте неолитизации Европе следует сказать особо. Известно, что относительно высокий уровень цивилизации был достигнут на неолите-энеолите на Севере Шотландии и Оркнейских островах. Для Оркней характерны каменные здания, производящее хозяйство, судоходство.

Анализ геномов выявил относительную однородность геномов жителей неолита Севера Шотландии, а именно I2a и реликтовый I2a1b присущий лишь Северу Европы. I2a выявлен и в Дериевке среднестоговской эпохи, и стабильно присутствует в Западной и Центральной Европе. Если принять во внимание гипотезу о континууме и сохранении связей носителей I2a в Европе (вероятно- в рамках мегалитических культур), то вновь получает объяснение один интересный мифологический мотив.

Одна связанная с Севером мифологическая тема – это изначально полуводный характер образа единорога, что нашло отражение в «Атхарваведе». С глубокой древности рог единорога был реальным и очень ценимым артефактом и талисманом, причем реальными источником рога выступал кит-нарвал. При этом, именно Север Шотландии был древнейшим источником добычи бивня нарвала. Поэтому исходя из практически непрерывного присутствия I2a в Европе от Севера Шотландии до среднестоговской культуры, мы можем предположить и перенос мифологического представления в пространстве мегалитических культур.

Таким образом, на наш взгляд ностратическая компонента индоевропейского языка может восходить к группе носителей Y-гаплогруппы I2a и митохондриальной гаплогруппы U5a, а синокавказская компонента – к носителям R1a и R1b. Но в любом случае, процесс «выработки» индоевропейского языка происходил до раннего бронзового века, когда, вероятно, первые его носители, среди которых были и представители субклада R1a1-M417, разнесли его по всему евразийскому ареалу.

Однако много раньше, носители U5a – охотники или, возможно, первые скотоводы, разнесли по Евразии уральские и алтайские языки (отдаленно родственные индоевропейским), при этом включив в свой состав и носителей архаических субкладов R1a-M459 (Южный Олений Остров), R1a-M17 (присутствовавший в Китойской культуре) и R1b (Лебяжинка IV, Большемысская культура).

Примечание: первоисточники всех упоминаемых без ссылок древних находок можно найти на сайте: http://www.ancestraljourneys.org/

ЛИТЕРАТУРА

Кирюшин 2014 - *Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Соломонова М.Ю., Силантьева М.М.* Комплексные исследования на территории поселения Тыткескень-2 (Горный Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-2 (84). С. 134-141.

Клесов 2014 - *Клесов А.А.* Как западную Европу заселили новые европейцы. 2014 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2014/04/arbins/ (дата обращения – 08.08.2017).

Клесов 2015 - *Клесов А.А.* Славяне, кавказцы, евреи с точки зрения ДНК-генеалогии. М.: Книжный мир, 2015.

Рассоха 2007 - Рассоха *И.Н.* Украинская прародина индоевропейцев. Харьков: ХНАМГ, 2007.

Романчук, Семенов 2014 - *Романчук А.А., Семенов А.С.* R и Q гаплогруппы Y-хромосомы и прасеверокавказский субстрат праиндоевропейцев // Russian Journal of Biological Research. 2014. Vol. (1). № 1. P. 46-68. DOI: 10.13187/ejbr.2014.1.46

Семенов 2016 - *Семенов А.С.* К истории митохондриальных гаплогрупп: субклад H2 гаплогруппы H // Исторический формат. 2016. № 3. С. 82-91.

Flegontov 2016 - *Flegontov P. et al.* Na-Dene populations descend from the Paleo-Eskimo migration into America. 2016. DOI: https://doi.org/10.1101/074476

Hollard 2014 - *Hollard K.* Peuplement du sud de la Siberie et de l'Altai a l'age du Bronze: apport de la paleogenetique. 2014. Ph.D. thesis / Электронный ресурс: https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01296484/document (дата обращения – 08.08.2017).

Kortlandt 2002 - *Kortlandt F.* The Indo-Uralic Verb / Электронный ресурс: http://www.kortlandt.nl/publications/art203e.pdf (дата обращения – 08.08.2017).

Kortlandt 2004 - *Kortlandt F.* Indo-Uralic and Altaic. Leiden University, 2004 / Электронный ресурс: http://www.kortlandt.nl/publications/art216e.pdf (дата обращения – 08.08.2017).

Rogers 2016 - *Leland Liu Rogers.* Understanding ancient human population genetics of the eastern Eurasian steppe through mitochondrial DNA analysis: Central Mongolian samples from the Neolithic, Bronze Age, Iron Age and Mongol Empire periods. Indiana University, 2016 / Электронный ресурс: http://pqdtopen.proquest.com/doc/1868417323.html?FMT=ABS (дата обращения – 08.08.2017).

Shevoroshkin 2008 – *Shevoroshkin V.* On the Origin of Salish, Wakashnan, and North Caucasian Languages // Int. J. Mod. Anthrop. 2008. Vol 1. № 1. S. 84-121. DOI: http://dx.doi.org/10.4314/ijma.v1i1.60357

REFERENCES

Flegontov 2016 - *Flegontov P. et al.* Na-Dene populations descend from the Paleo-Eskimo migration into America, 2016, DOI: https://doi.org/10.1101/074476 [in English].

Hollard 2014 - *Hollard K.* Peuplement du sud de la Siberie et de l'Altai a l'age du Bronze: apport de la paleogenetique [The population of the South of Siberia and Altai during a bronze era: these Archaeogenetics], 2014, Ph.D. thesis, Electronic resource: https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01296484/document (Date of access - 08.08.2017) [in French].

Kirjushin 2014 - *Kirjushin K.Ju., Kirjushin Ju.F., Solomonova M.Ju., Silant'eva M.M.* Kompleksnye issledovanija na territorii poselenija Tytkesken'-2 (Gornyj Altaj) [Complex researches in the territory of the settlement Tytkesken-2 (Mountain Altai)], in: Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Altai state university], 2014, № 4-2 (84), pp. 134-141 [in Russian].

Klesov 2014 - *Klesov A.A.* Kak zapadnuju Evropu zaselili novye evropejcy [As Western Europe new Europeans occupied], 2014, Electronic resource: http://pereformat.ru/2014/04/arbins/ (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Klesov 2015 - *Klesov A.A.* Slavjane, kavkazcy, evrei s tochki zrenija DNK-genealogii [Slavs, Caucasians, Jews from the point of view of DNA genealogy], Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2015 [in Russian].

Kortlandt 2002 - *Kortlandt F.* The Indo-Uralic Verb, Electronic resource: http://www.kortlandt.nl/publications/art203e.pdf (Date of access - 08.08.2017) [in English].

Kortlandt 2004 - *Kortlandt F.* Indo-Uralic and Altaic. Leiden University, 2004, Electronic resource: http://www.kortlandt.nl/publications/art216e.pdf (Date of access - 08.08.2017) [in English].

Rassoha 2007 - *Rassoha I.N.* Ukrainskaja prarodina indoevropejcev [Ukrainian ancestral home of Indo-Europeans], Kharkiv, HNAMG Publ., 2007 [in Russian].

Rogers 2016 - *Leland Liu Rogers.* Understanding ancient human population genetics of the eastern Eurasian steppe through mitochondrial DNA analysis: Central Mongolian samples from the Neolithic, Bronze Age, Iron Age and Mongol Empire periods, Indiana University, 2016, Electronic resource: http://pqdtopen.proquest.com/doc/1868417323.html?FMT=ABS (Date of access - 08.08.2017) [in English].

Romanchuk, Semenov 2014 - *Romanchuk A.A., Semenov A.S.* R i Q gaplogruppy Y-hromosomy i praseverokavkazskij substrat praindoevropejcev [R and Q gaplogruppa of a Y-chromosome and praseverokavkazsky substratum of praindoyevropeyets], in: Russian Journal of Biological Research, 2014, Vol. (1), № 1, pp. 46-68. DOI: 10.13187/ejbr.2014.1.46 [in Russian].

Semenov 2016 - *Semenov A.S.* K istorii mitohondrial'nyh gaplogrupp: subklad H2 gaplogruppy H [On the history of mitochondrial haplogroups: H2 subclade of the haplogroup H], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 3, pp. 82-91 [in Russian].

Shevoroshkin 2008 – *Shevoroshkin V.* On the Origin of Salish, Wakashnan, and North Caucasian Languages, in: Int. J. Mod. Anthrop, 2008, Vol 1, № 1, pp. 84-121, DOI: http://dx.doi.org/10.4314/ijma.v1i1.60357 [in English].

Семенов Александр Сергеевич – компания Deep Dive Group (биотехнологии и генетика)
Alexander Semenov – Deep Dive Group (Biotech and Genetics), CEO.
E-mail: semyonov1980@mail.ru

УДК 94(367)

ВОССТАНИЕ ЛЮДЕВИТА И РАССКАЗ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ О НАШЕСТВИИ ВОЛОХОВ НА СЛАВЯН

А.Ю. Фомин

Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: alex_fomin.15091972@mail.ru

Авторское резюме

В данной статье предложен новый вариант ответа на вопрос, какие реальные исторические события послужили основой при написании одного из важнейших для понимания раннесредневековой истории славянских народов отрывка «Повести временных лет»: сообщения о нападении волохов на славян. Его можно связывать с антифранкским восстанием среднедунайских славян во главе с Людевитом в 818/819-822 гг. Людевитова война была очень жестокой. Четыре раза подряд ежегодно с 819 по 822 гг. славянское среднее Подунавье подвергалось нашествию свежего франкского войска. Это привело к значительному отливу славянского населения из Среднего Подунавья и его бегству в соседние земли, что привело к сложению легенды о дунайской прародине всех славян. На момент восстания и исхода сторонников Людевита из Подунавья авары уже не господствовали над дунайскими славянами. Именно по этой причине авары не попали в славянское предание о борьбе дунайских славян с волохами. Источником предания о волохах, видимо, были воспоминания участников восстания Людевита, эмигрировавших из Подунавья после его подавления.

Ключевые слова: франки, Людевит, славяне, авары, Среднее Подунавье, Повесть временных лет, франкские анналы.

LJUDEVIT'S REBELLION AND THE PRIMARY CHRONICLE: INVASION OF THE DANUBE SLAVS BY THE VLACHS

Alexander Fomin

Independent Researcher (St. Petersburg, Russia)
e-mail: alex_fomin.15091972@mail.ru

Abstract

The author suggests a new answer to the question of what historical events served as a basis for the passage about the invasion of the Danube Slavs by the Vlachs that is mentioned in the beginning of the Primary Chronicles and is very important for understanding of the early medieval history of the Slavs. Likely this passage was inspired by the anti-Frankish uprising of the Middle Danube Slavs led by Ljudevit (818/819 – 822). This war was very cruel. Every year from 819 to 822, four times in a row, fresh Frankish armies invaded the Slavic lands in that area. Devastated from the Frankish raids, Danube Slavs fled their lands, birthing a legend about the Danube ancestral home of all the Slavs. At the time of the uprising and the exodus of the Ljudevit's supporters, the Avars had already lost their authority over the Danube Slavs. Exactly for that reason the Avars were not included in the legend about the Danube Slavs' fight against the

Vlachs. The story was likely narrated by the members of the Ljudevit's uprising who fled the Danube area after the defeat.

Keywords: Franks, Ljudevit, Slavs, Avars, Middle Danube, Primary Chronicles, Frankish Annals.

* * *

В данной статье предложен новый вариант ответа на вопрос, какие реальные исторические события послужили основой при написании одного из важнейших для понимания раннесредневековой истории славянских народов отрывка «Повести временных лет» (*далее – ПВЛ*): сообщения о нападении волохов на славян. Согласно летописцу:

«*Во мнозехъ же времянех сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Оугорьска земля и Болгарьска. [И] отъ техъ Словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте. Яко пришедше седоша на реце имянемъ Марава и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася. А се ти же Словени: Хровате Белии и Серебь и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словени на Дунайския, [и] седшемъ в них, и насилящемъ имъ, Словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася Ляхове, а отъ техъ Ляховъ прозвашася Поляне Лехове, друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словене пришедше и седоша по Днепру, и нарекошася Поляне, а друзии Древляне зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; [инии седоша на Двине и нарекошася Полочане] и речьки ради, аже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, [и] прозвашася своимъ имянемъ и сделаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ. А друзии седоша по Десне, и по Сели, по Суле, и нарекоша Северъ. [и] тако разидеся Словеньскии языкъ, темже и грамота прозвася Словеньская*» (ПСРЛ. I: 5-6; ПСРЛ. II: 5).

В приведённом выше отрывке нет дат, но в ПВЛ есть ещё один фрагмент, где упоминаются «обижавшие» славян волохи с указанием точной даты описанных в этом отрывке событий:

«*Въ лето 6406 (898) Идоша Угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь ныне Оугорьское, [и] А пришедъше къ Днепру и сташа вежами: беша бо ходяще, аки се Половци. Пришедъ отъ стока, и оустремишася чересъ горы великия [аже прозвашася горы Угорьскиа, и почаша воевати на жиоущая ту Волхи и Словени. Седяху бо ту преже Словени, и Волохве прияша землю Словеньску. Посем же Оугри прогнаша Волохи, и наследиша землю [ту], и седоша съ Словены, покоривше я подъ ся, [и] оттоле прозвася земля Оугорьска. И начаша воевати Оугри на Греки, и поплениша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня. [И] начаша воевати на Мараоу и на Чахи. Бе единъ языкъ Словенескъ: Словени же седяху по Дунаеви, ихже прияша Оугри, и Марава, [и] Чеси, и Ляхове, и Поляне яже ныне зовомая Русь*» (ПСРЛ. I: 25-26; ПСРЛ. II: 17-18).

Убедительный ответ на вопрос, кем были упомянутые в летописи волохи, был дан ещё А.А. Шахматовым в 1919 г.: «Под волохами составитель рассказа о расселении славян разумел несомненно франков Карла Великого; это ясно из контекста, ибо сожительство славян с волохами, господство последних над

дунайскими славянами сменяется господством угров (мадьяр)... предание о связи франкского вторжения в славянские земли с расселением славян могло быть поддержано на Руси преданием о переселении радимичей и вятичей, вызывавшем, как можно думать, движение и среди восточных славян. Самая мысль о том, что расселение всех славян вообще началось вследствие появления на Дунае волохов, имеет, как кажется, своим основанием тот факт, что политическое раздробление значительной части славянства, раньше объединённого аварским владычеством, началось со времени появления на Дунае франков Карла Великого. Соседство именно с карловой монархией вызвало во многих славянских племенах стремление к политической самостоятельности; имя Карла стало синонимом носителя высшей государственной власти почти во всех славянских языках и перешло в них со значением царя» (Шахматов 1919: 25-26).

В наши дни вывод А.А. Шахматова был поддержан в работах В.Я. Петрухина и Д.С. Раевского, которые также считают, что под волохами ПВЛ следует понимать уничтоживших в конце VIII в. Аварский каганат и подчинивших славянские племена, ранее попавшие под власть авар, франков (Петрухин, Раевский 2004: 174-179; Петрухин 2014: 45).

На Руси волохами или влахами называли представителей романоязычных народов от румын до итальянцев. При Карле Великом латинский язык был государственным языком королевства франков, а романские языки были родными языками для большинства его населения. Правда, сразу же следует сделать одно уточнение: к моменту прихода венгров в Карпатскую котловину империя франков уже распалась, а население того подвергнувшегося нападению венгров государства, что возникло из её восточной части, было в значительной степени германоязычным. Впрочем, славяне могли называть волохами в течение того относительно небольшого времени между распадом империи франков и приходом в Карпатскую котловину венгров жителей всех государств, возникших из осколков империи франков. Поскольку в средневековых источниках нет даже малейшего упоминания о существовании в IX веке на Среднем Дунае какого-либо независимого от франков государства с романоязычной правящей верхушкой, то не остаётся ничего другого, кроме как признать тождество франков и летописных волохов.

Однако, тот поход войска Карла Великого 789 года в славянские земли к востоку от Эльбы[1], который В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский использовали в качестве примера агрессивного поведения франков по отношению к славянам (Петрухин, Раевский 2004: 176), явно не имеет никакого отношения к упомянутым в ПВЛ насилиям волохов над славянами дунайскими. В 789 г. франки вели боевые действия против славян намного севернее бассейна Дуная. Кроме того, В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский вольно или невольно ввели своих читателей в заблуждение, упомянув о

[1] «В 789 году был король Карл в Склавании, и пришли к нему короли славян Драгит и сын его, и другие короли Витсан и Драго с остальными королями винидов; и он дошел до реки Пене и подчинил эти племена своей власти, и возвратился во Франкию» (Свод II: 447).

состоявшемся в 789 г. походе франков на славян сразу после своей фразы «значит, речь в летописи идет о волхах-франках, уничтоживших в конце VIII в. Аварский каганат и подчинивших славянские племена, ранее попавшие под власть авар» (Петрухин, Раевский 2004: 176).

У неинформированного читателя может сложиться впечатление, что франки сначала разгромили Аварский каганат, а лишь потом в 789 г. предприняли поход на славян. В действительности франки начали свою войну с аварами только в 791 г., то есть на два года позже своего похода на славян. Но на все эти неточности можно было бы и не обратить внимания, если бы В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский сумели бы при помощи официальных документов королевства франков ответить на вопрос, когда и при каких обстоятельствах франки напали на дунайских славян.

Однако отвечать на этот важнейший вопрос В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский не стали и это породило противоречие, послужившее источником ошибок и спекуляций. Суть противоречия в следующем: в ПВЛ написано, что волохи напали на славян, когда славяне жили на Дунае, но войны франков с дунайскими славянами историки не знают. Отсюда возникает искушение связать сообщение ПВЛ о нападении волохов на славян дунайских с единственной войной, которую франки во времена правления Карла Великого вели на Среднем Дунае, то есть с войной франко-аварской. Но, связав сообщение о нападении волохов на дунайских славян с франко-аварской войной, он будет вынужден искать ответ на вопрос, а почему в этом сообщении совсем не упоминаются авары. Самым простым вариантом ответа на этот вопрос для него будет отождествление дунайских славян с аварами. Таким образом, создаётся квазинаучная аварoцентристская модель славянского этногенеза (см. наш разбор сочинений И.П. Коломийцева: Фомин 2015).

Но, если аварский каганат был колыбелью всех славянских народов, то почему в ПВЛ авары изображены злейшими врагами славян? Вот, что там написано про аваров:

«*Въ си же времяна быша и Обри, [иже] ходиша на Иръклия царя и мало его не яша. Си же добре воеваху на Словенех, и примучиша Дулебы, сущая Словены, и насилье творяху женамъ Дулепьскимъ. Аще поехати будяше Обърину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести Обърена. [и] тако мучаху Дулебы. Быша бо Объре теломъ велици, и оумомь горди, и Богъ потреби я, [и] помроша вси, и не остася ни единъ Объринъ. [и] есть притъча в Руси и до сего дне: "погибоша аки Обре", ихже несть племени ни наследъка*» (ПСРЛ. I: 11-12; ПСРЛ. II: 9).

Интересно, что славяне дулебы, известные авторам ПВЛ, не имели к Дунаю никакого отношения: «*Дулебы зане седоша по Бугу послеже же Велыняне*» (ПСРЛ. I: 11; ПСРЛ. II: 8) – вот из-за этого-то сообщения дулебов ПВЛ и нельзя считать дунайскими славянами (о волынских дулебах и аварах см.: Жих 2008: 35-37; 2015: 52-71; 2016: 59-67).

Особо следует отметить, что дулебы в ПВЛ чётко и недвусмысленно причислены к славянам. Однако, при сопоставлении сообщений о волохах и обрах

ПВЛ получается очень странная картина: авары издеваются над живущими на Буге славянами-дулебами, приходя из ниоткуда, в то время, как на Дунае, то есть на территории Аварского каганата, проживают и доминируют политически не авары, а славяне.

Как мог автор ПВЛ не знать, где жили нападавшие на дулебов авары? Можно было бы, конечно, предположить, что славяне, проживавшие на Дунае под властью каганата, не воспринимали аваров как своих врагов, потому, что не подвергались таким унижениям, как жившие на Буге дулебы, но могли ли они совсем не заметить господствовавших над ними аваров? Может быть, автор ПВЛ стыдился того, что дунайские славяне жили под властью авар, и решил вопреки исторической правде представить дунайских славян полноправными хозяевами своей земли?

Ключевой для данной статьи вопрос можно было бы сформулировать так: а что, если славяне, действительно, в течение какого-то промежутка времени были на Дунае полноправными хозяевами, или хотя бы считали себя таковыми, а указания на нападение франков на дунайских славян в источниках историки проглядели? Если на поставленный вопрос удастся получить положительный ответ, то многие другие вопросы об отношениях славян, авар и фанков на Среднем Дунае отпадут сами по себе.

Нужно пристальнее взглянуть на летописи государства франков и некоторые другие документы VIII и IX вв. Для начала следует обратиться к написанной Эйнхардом «Жизни Карла Великого». В этом документе перечисляются и описываются все войны, которые вели франки под руководством Карла Великого. Описание войн, которые во времена правления Карла Великого вели франки с аварами и славянами следует в нём сразу же после описания выяснения отношений Карла Великого с баварским герцогом Тассилоном:

«*(12) После того как те волнения были улажены, была начата (другая) война со славянами [789], которых у нас принято называть вильцами, а на самом деле (то есть на своем наречии) они зовутся велатабами. В той войне среди прочих союзников королю служили саксы, которые последовали за знаменами короля согласно приказу, однако покорность их была притворной и далекой от преданности. Причина войны была в том, что ободритов, которые некогда были союзниками франков, вильцы беспокоили частыми набегами и их невозможно было сдержать приказами [короля].*

От западного океана на Восток протянулся некий залив, длина которого неизвестна, а ширина не превышает сто тысяч шагов, хотя во многих местах он и более узок. Вокруг него живет множество народов: даны, так же как и свеоны, которых мы называем норманнами, владеют северным побережьем и всеми его островами. На восточном берегу живут славяне, эсты и различные другие народы, между которыми главные велатабы, с которыми тогда Карл вел войну. Всего лишь одним походом, которым он сам руководил, Карл так разбил и укротил [велатабов], что в дальнейшем те считали, что им не следует более отказываться от исполнения приказов [короля].

(13) За войной со славянами последовала самая большая, за исключением саксонской, война из всех, что вел Карл, а именно [война], начатая против аваров или гуннов[1] *[791-803]. Эту войну Карл вел и более жестоко, чем прочие, и с самыми долгими приготовлениями. Сам Карл, однако, провел только один поход в Паннонию (ибо этот народ жил тогда в той провинции), а остальные походы поручил провести своему сыну Пипину, префектам провинций, а также графам и даже послам. Лишь на восьмом году та война наконец была завершена, несмотря на то, что вели ее очень решительно. Сколько сражений было проведено, как много было пролито крови – свидетельство тому то, что Паннонния стала совершенно необитаемой, а место, где была резиденция кагана, теперь столь пустынно, что и следа, что здесь жили люди, не осталось. Все знатные гунны в той войне погибли, вся слава их пресеклась. Все деньги и накопленные за долгое время сокровища были захвачены [франками]. В памяти человеческой не осталось ни одной, возникшей против франков, войны, в которой франки столь обогатились бы и приумножили свои богатства. Ибо до того времени франки считались почти бедными, теперь же они отыскали во дворце гуннов столько золота и серебра, взяли в битвах так много ценной военной добычи, что по праву можно считать, что франки справедливо исторгли у гуннов то, что гунны прежде несправедливо исторгли у других народов. Только двое из знатных франков погибли тогда: Хейрик, герцог фриульский, был убит из засады в Либургии [799] горожанами приморского города Тарсатики, а Герольд, префект Баварии в Паннонии, в то время как он строил перед битвой с гуннами войско. Неизвестно, кто убил его и двух его сопровождающих, когда он выехал вперед, ободряя каждого воина. В остальном та война была для франков бескровной и имела самый благоприятный конец, хотя и тянулась довольно долго. После этой войны и саксонская [кампания] пришла к завершению, соответствующему ее длительности. Возникшие после этого богемская [805] и линонская [808] войны не были долгими. Каждая из них закончилась быстро, [проводясь] под руководством Карла Юного»* (Эйнхард 1999).

Ободриты были союзниками франков. Следовательно, ободриты в 789 г. были полностью независимы от аваров; чтобы прекратить нападения вильцев на ободритов Карл Великий начал с вильцами войну. О какой-либо связи вильцев с аварами Эйнхард не упомянул. Эйнхард не считал, что, напав на вильцев, Карл Великий как-то навредил аварам. Авары никак не отреагировали на нападение франков на вильцев. Следовательно, вильцы к 789 году были полностью независимы от Аварского каганата.

Ясно, что к моменту начала франко-аварской войны часть славян жила достаточно далеко от Дуная и аварам не подчинялась. В той части отрывка, где описывается франко-аварская война, про славян не сказано ни слова. Ясно, что все войны со славянами, которые вели франки при Карле Великом, проходили вдалеке от Дуная, мало того, создаётся впечатление, что славяне на среднем Дунае в VIII в. не жили вообще. Получив такой неожиданный результат, посмотрим, что написано о франко-славянских и франко-аварских войнах в официальных летописях государства франков.

---

[1] Во франкских источниках авары часто называются просто «гуннами».

В первую очередь проанализируем так называемые «Анналы королевства франков». В записи за 788 г. «Анналов» сразу же после рассказа о суде над обвинённым в государственной измене баварским герцогом Тассилоном написано следующее:

«*Гунны же, снарядив два войска, как обещали Тассилону, одно отправили во Фриульскую марку, другое в Баварию, но тщетно. В самом деле, в обоих местах они были побеждены и обращены в бегство и, бросив многих из своих [людей], вернулись с большим ущербом восвояси. Будто бы намереваясь отомстить за ту обиду, они снова отправились в Баварию с более многочисленными войсками, но были обращены в бегство баварами в первом [же] столкновении, а бесчисленное их множество – убито. Многие же из тех [авар], которые вознамерившись спастись бегством, захотели переплыть Дунай, были поглощены водами реки*» (Анналы королевства франков 2009).

Из этого отрывка ясно, что франко-аварская война была спровоцирована аварами. Франкский летописец, впрочем, не считал 788 год годом начала франко-аварской войны. Ни аварский каган, ни Карл Великий в 788 г. войны не объявляли, но именно в 788 г. Карл Великий принял решение о начале подготовки к войне с Аварским каганатом. В процессе подготовки войны с аварами Карл Великий успел в 789 г. совершить поход на славян вильцев. В «Анналах королевства франков» этот поход описывается так:

«*В Германии есть некая славянская народность, живущая на берегу океана, которая на их собственном языке называется велатабы, по-франкски же вильцы. Она всегда была враждебна франкам. И своих соседей, которые были подчинены или союзны франкам, она имела обыкновение преследовать враждой и теснить, и беспокоить войной.*

Король, не намеренный далее выносить их высокомерие, постановил пойти войной на ту [народность]. И приготовив огромное войско, он перешёл Рейн у Кёльна. Когда, держа оттуда путь через Саксонию, [король] подошёл к Эльбе [то], расположившись лагерем на реке, он соединил реку двумя мостами. Один из них он с каждого конца оградил валом и укрепил, разместив [там] гарнизон. Он сам, перейдя реку, как решил прежде, привёл войско и, вступив в землю вильцев, приказал опустошить всё огнём и мечом. Но тот народ, хотя воинственный [и] полагающийся на свою многочисленность, не смог долго сдерживать натиск королевского войска. И поэтому, как только [франки] подошли к городу Драговита, – ведь тот намного превосходил прочих царьков вильцев и знатностью рода и властью по старшинству, – он тотчас же вышел к королю из города со всеми своими [людьми], дал заложников, которые требовались [и] клятвенно пообещал, что будет хранить верность королю и франкам. Остальные вельможи и короли славян, повинуясь ему, подчинились власти короля [Карла]. Тогда он сам, подчинив то население и взяв заложников, которых приказал дать, тем же путём, которым пришёл, вернулся к Эльбе. И переведя войско обратно через мост, а также своевременно устроив дела, касающиеся саксов, он вернулся во Франкию и отпраздновал в городе Вормсе и Рождество Господне и Пасху» (Анналы королевства франков 2009).

Как и в «Жизни Карла Великого», в этом описании похода франков на славян вильцев авары не упоминаются совсем. Упомянутый в этом отрывке приказ Карла Великого «опустошать всё огнём и мечом» следует запомнить потому, что упоминания об опустошении захваченной территории в документах государства франков встречаются достаточно часто, чтобы признать террор по отношению к мирному населению типичным для франкских войск методом ведения войны. В 790 г. франки и авары безуспешно пытались решить дипломатическим путём, где должны были проходить границы между их государствами, причём франки в это время интенсивно готовились к нападению на аваров. В 791 г. Карл Великий начал войну с аварами. Вот как начало войны с аварами описано в «Анналах королевства франков»:

«*Когда закончилась весенняя оттепель, [то есть] примерно в начале лета, король, выступив из Вормса, пришёл в Баварию с таким замыслом, чтобы отплатить гуннам за их деяния и, как можно быстрее, пойти на них войной. Приготовившись же, он собрал для этого со всего своего королевства как весьма сильные войска, так и обозы. Разделив войско на две части, он выступил в поход. Доверив часть той [армии] графу Теодерику и своему камергеру Мегинфриду, он приказал, чтобы они шли по северному берегу Дуная. Он сам с другой частью, которую держал при себе, занял южный берег той же реки, намереваясь идти в Паннонию [и] приказав баварам отправить вниз по течению Дуная войска, которые доставлялись вместе с обозами. И так в начале похода были воздвигнуты первые крепости на Анезе. Действительно, та река, почитаясь общей в пределах баваров и гуннов, считается истинной границей двух королевств. Там в течение трёх дней было совершено общее молебствие [за то], чтобы эта война имела успешные и счастливые результаты. Лишь тогда франками был покинут лагерь и объявлена война гуннам. После же того как были изгнаны [гуннские] гарнизоны и разрушены укрепления, одно из которых находилось на реке Камб, другое же было выстроено в виде крепкого вала около города Комагенов на горе Кумеоберг, [франки] разоряли всё мечом и огнём. И когда король с тем войском, которое вёл [с собой], дошёл до самого течения Аррабона, пройдя по берегу той самой реки, он подошёл к месту, в котором она смешивается с Дунаем. И постояв там лагерем на протяжении нескольких дней, он постановил вернуться [обратно] через Сабарию. Он также приказал, чтобы другие войска, над которыми он поставил главными Теодерика и Мегинфрида, вернулись через [земли] богемов, по дороге которой они пришли. Так, пройдя и разорив большую часть Паннонии, с невредимым войском франков [король] вернулся в Баварию. Саксы же и фризы [во главе] с Теодериком и Мегинфридом, как было приказано, вернулись домой через [земли] богемов. Та экспедиция прошла без всяких затруднений, кроме того, что в том войске, которое вёл король, возник такой мор среди лошадей, что, как говорят, [в живых] осталась едва десятая часть из лошадей всех воинов. Он же сам, распустив войска, пришёл в город Регин, который нынче называется Регенсбург, и поселился в нём, намереваясь перезимовать. Он отпраздновал там Рождество Господне и Пасху*» (Анналы королевства франков 2009).

Из этого отрывка ясно, что граница между государством франков и Аварским каганатом проходила по реке Анезе. Река Анеза – это не что иное, как правый приток Дуная Энс. В настоящее время по реке Энс проходит граница между такими землями Австрии как Верхняя Австрия и Нижняя Австрия. Интересно, что в отрывке ничего не говорится об участке франко-аварской границы севернее Дуная. В отличие от той части франкского войска, что шла по собственно аварской земле, отряды Теодорика и Мегинфрида при прохождении земли богемцев (*Beehaimos* в оригинальном тексте) не встретили никакого сопротивления и не проводили никаких карательных акций, типа уже упомянутого «опустошения всего огнём и мечом».

Однако свободный проход через землю богемцев франкских войск был возможен только в том случае, если у Карла была некая предварительная договорённость с богемцами и на земле богемцев не было никаких аварских войск. Следовательно, богемцы к моменту начала франко-аварской войны были независимы от аваров. Реку Камб, на которой располагался аварский опорный пункт, можно достаточно уверенно отождествить с австрийской рекой Камп, но остаётся неясным была ли река Камп пограничной рекой или западная граница Аварского каганата проходила западнее. Несколько иначе описывается начало войны с аварами в Лоршских анналах.

Скорее всего, маршрут отрядов Теодорика и Мегинфрида был таким: река Эльба, левый приток Эльбы Влтава, перевал Вышебродски (перевал с альтитудой 752 м, отделяющий горные массивы Шумава и Новоградска горы на чешско-австрийской границе близ чешского города Вишши-Брод), левый приток Дуная Айст, Дунай. Для саксов такой маршрут был достаточно удобным для фризов – вполне приемлемым. К сожалению, западная граница Аварского каганата, описана в отрывке недостаточно полно. Можно даже предположить, что часть левобережья Дуная между землями Аварского каганата и землями баваров принадлежала каким-то славянам, типа богемцев. В приведённой записи за 790 год говорилось о спорах франков с аварами по поводу того, где должна была проходить граница между их государствами. Дополнить эту запись может запись за тот же год из так называемых «Лоршских анналов»:

«*Таким образом, король Карл был в Вормсе и там праздновал Пасху. И в текущем году, в то время, когда короли обычно отправляются на войну, он двинул своё войско, неисчислимое полчище, против надменнейшего народа аваров; он разделил своё войско на три части; таким образом сам он вступил в пределы гуннов через Баварию по южному берегу Дуная; по другому берегу Дуная [шло] другое войско из рипуаров, фризов и саксов вместе с тюрингами; а по Дунаю [шли] иноземцы на судах, чтобы король со своим войском мог иметь власть на обоих берегах; так он вступил в ту землю: одни – с этой стороны, другие – с той, а в середине – войско на судах. И Господь так устрашил их одним его видом, что никто не смел ему сопротивляться; но где бы у них был ров или какое-нибудь укрепление, сделанное в горах, на реках или в лесах, они, как только он сам или его войско*

там появлялись, немедленно сдавались, или погибали, или спасались бегством. Но и то его войско, которое Пипин, его сын, привёл из Италии, тогда же вступило в Иллирик, а оттуда – в Паннонию, и, опустошая и сжигая эту землю, они поступали там так же, как поступал король со своим войском там, где находился. Когда же король Карл увидел, что никто со стороны аваров не смеет сопротивляться ни ему, ни его людям, он обошёл эту землю в течение 52 дней, сжигая и опустошая эту страну; они привезли оттуда добычи без меры и числа, и пленных, мужчин, женщин и детей, неисчислимое множество. В этом походе умер доброй памяти Энгильрамн, архиепископ Мецкой церкви; там же умер и епископ Зиндберт. А король Карл вернулся в Баварию и там же зимовал» (Лоршские анналы 2010).

В этом отрывке имеются некоторые, отсутствующие в «Анналах королевства франков», подробности военных действий. К сожалению, в этом отрывке нет никакого описания западной границы Аварского каганата. Нет в нём также ни слова о богемцах. Тем не менее, оснований считать недостоверным сообщение «Анналов королевства франков» о проходе части франкских войск через земли богемцев нет. Богемами или богемцами франки явно называли жителей Богемии, а Богемией до сих пор называют, область в южной части бассейна Эльбы. В настоящее время Богемия принадлежит Чехии. Короткий и удобный путь из Богемии в Подунавье через перевал Вышебродски (перевал с альтитудой 752 м, отделяющий горные массивы Шумава и Новоградска горы на чешско-австрийской границе близ чешского города Вишши-Брод) был известен ещё во времена Римской империи. Однако, оба приведённых ранее описания боевых действий 791 г. оставляют место и для такого предположения: богемами франки называли жителей не только Богемии, но и расположенных южнее неё и примыкающих к левому берегу Дуная земель.

Группировка франкских войск, которую сын Карла Пипин провёл в Паннонию через Иллирик, опустошала лишь Паннонию. В противном случае на месте выражения «опустошая и сжигая эту землю» в анналах имелось бы выражение «опустошая и сжигая эти земли», ведь Паннония в описании похода Пипина упоминается сразу после Иллирика. Скорее всего, у Карла Великого была такая же договорённость с хорватами о свободном проходе через их землю, как и с богемцами. О том, что хорваты и сербы стали независимы от аваров ещё в VII в. во времена правления византийского императора Ираклия, сообщается в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» (Константин Багрянородный 1991: 131, 135-136).

Впрочем, помимо независимых от аваров богемцев, хорватов и сербов, Карл Великий мог опереться и на славян, проживавших непосредственно на территории государства франков.

Такими славянами были проживавшие на землях, в наше время принадлежащих Словении и частично Австрии, карантанцы. Согласно трактату «Об обращении баварцев и хорутан» после одного из разорительных аварских набегов в середине VIII в. карантанский князь Борут согласился в обмен на военную помощь со

стороны баварцев признать себя вассалом баварского герцога Одилло. Вместе с Баварией Карантания оказалась интегрирована в государство франков. В том, что так много славянских народов Средней Европы было на момент начала франко-аварской войны независимо от авар ничего удивительного нет.

Как сообщает «Хроника Фредегара», ещё в 623 году против аваров восстала часть славян. Это восстание привело к образованию государства или племенного объединения, возглавляемого человеком, которого автор хроники Фредегара назвал Само. Само правил в течении 35 лет (Свод II: 364-397; Хроники Фредегара 2015: 184, 212, 223, 224, 228). Сведений о том, что произошло после смерти Само с этим славянским государством в средневековых источниках нет, следовательно, нет никаких оснований считать, что после смерти Само аварам вновь удалось подчинить всех освободившихся от их власти славян.

После победы в произошедшей в 630 году битве под Вогастисбургом славян над франками к государству Само присоединился вместе со своими людьми и, естественно, своей землёй князь сорбов (лужицких сербов) Дерван, а до этой битвы согласно хронике Фредегара Дерван подчинялся не аварам, а франкам. Следовательно, в результате антиаварского восстания 623 года от аварского ига освободились славяне, жившие ближе к степям Карпатской котловины, чем сорбы. Сорбы жили в междуречье Эльбы и левого притока Эльбы Заале. Следовательно, среди славян, получивших свободу в результате антиаварского восстания 623 года были славяне, населявшие Богемию.

В 626 г. во время осады аварами Константинополя аварский каган приказал перебить выживших после неудачного для них морского боя славян, после чего оставшиеся в живых славяне отказались повиноваться аварскому кагану, а лишившийся поддержки славян каган вынужден был прекратить осаду Константинополя и уйти в свою землю. Затем аварскому кагану отказались повиноваться и болгары. После 626 г. аварское войско под стенами Константинополя больше не появлялось, а часть освободившихся от власти аваров славян прочно обосновалась на территории Византийской империи.

Скорее всего именно поражение аваров под стенами Константинополя и начавшаяся в Аварском каганате междоусобица обеспечили победу славянам, сражавшимся под руководством Само. Славяне не могли победить располагавших первоклассной конницей аваров в степной и лесостепной части Карпатской котловины, но в лесистой и горно-лесистой местности, где эффективность аварской конницы резко снижалась, славяне вполне могли выигрывать бои с аварами.

Впрочем, созданию большой славянской державы помешала начавшаяся в 630 г. франко-славянская война. По сообщению «Хроники Фредегара», в начале этой войны на славян государства Само напали жившие в Италии лангобарды. Следовательно, к 630 году Карантания была частью государства Само. Однако, по сообщению 631 г. той же «Хроники Фредегара», бежавшие после неудачной попытки захвата власти в Аварском каганате болгары оказались на территории государства

франков. О том, что эти болгары прошли на территорию государства франков через земли государства Само в «Хрониках Фредегара» не упоминается, да и маловероятно, чтобы Само мог позволить болгарам уйти к франкам до завершения франко-славянской войны.

Следовательно, к 631 году Карантанию отделяла от государства Само полоса, контролируемой аварами земли. Возможно, автор «Хроники Фредегара» не заметил на фоне поражении франков от славян в битве под Вогастисбургом нового наступления авар на земли государства Само и потери в результате этого наступления государством Само части своей территории. Удивительно, что славянам государства Само удалось отстоять в войне на два фронта хотя бы часть своих земель. Это означает то, что славянские народы, земли которых соприкасались с землями Аварского каганата, были в 791 году союзниками франков и не испытывали недостатка вооружения. Эйнхард написал, что Карл Великий готовился к войне с аварами дольше и тщательнее, чем ко всем своим остальным войнам. Первый большой поход франков на аваров и последующие за ним мелкие набеги и стычки ослабили Аварский каганат. 796 год стал для Аварского каганата годом катастрофы. Согласно «Анналам королевства франков»:

«*Когда в Риме умер Адриан, понтификат принял Лев. И вскоре он через своих послов отправил королю ключи от гробницы святого Петра и знамя Римского города с другими дарами, и попросил, чтобы тот послал кого-нибудь из своих вельмож, который посредством клятв укрепил бы римский народ в верности и подчинении ему. Послом для этого был Ангильберт, аббат монастыря святого Рихара. Через него также он послал тогда к святому Петру значительную часть сокровищницы, которую фриульский герцог Эрик, ограбивший чертог гуннов (который назывался хрингом), в том же году передал королю из Паннонии. Остальное же он щедрой рукою распределил среди вельмож и прочих придворных служивших в его дворце.*

И исполнив это, он сам с войском франков пошёл в Саксонию, а также приказал, чтобы его сын Пипин с итальянскими и баварскими войсками шёл в Паннонию. А сам он со своей стороны в значительной степени разорив Саксонию, на зиму вернулся в Аахен. Пипин же, изгнавший гуннов за реку Тиса и полностью разрушивший их чертог (который, как было сказано, называется Хринг, лангобардами же – поле), разграбив почти все богатства гуннов, пришёл к отцу, проводящему зиму в Аахене и вручил ему королевскую добычу, которую доставил с собой.

Тот же тудун, о котором прежде упоминалось, проявляя верность своим словам, пришёл к королю. И будучи там крещён и одарен, он со всеми, кто с ним пришёл после принесения клятвы о сохранении верности вернулся домой. Но он не захотел долго пребывать в обещанной верности и вскоре после этого поплатился за своё вероломство.

Король же, как было сказано, расположившись на зимнюю стоянку в Аахене, отпраздновал там по обыкновению и Рождество Господне и Пасху» (Анналы королевства франков 2009).

Из этого отрывка ясно, что 796 год был переломным годом франко-аварской войны. Франкам удалось овладеть аварской столицей и большей частью аварских земель. О насилиях франков над дунайскими славянами, однако, в этом отрывке не сказано ни слова. Франкский летописец не заметил подчинённых аварам дунайских славян даже в этом судьбоносном году, однако, он заметил одного славянина, подчинявшегося не аварам, а франкам.

Есть в записи «Анналов королевства франков» 796 года одно предложение, к сожалению, по непонятной причине пропущенное в современном переводе А. Волынца:

«*Sed et Heiricus dux Foroiulensis missis hominibus suis cum Wonomyro Sclavo in Pannonias hringum gentis Avarorum longis retro temporibus quietum, civili bello fatigatis inter se principibus, spoliavit, - chagan sive iuguro intestina clade addictis et a suis occisis – thesaurum priscorum regum multa seculorum prolixitate collectum domno regi Carolo ad Aquis palatium misit*».

«*Эрик, маркграф Фриульский, послал людей своих с Войномиром славянином в Паннонию завладеть аварским хрингом (хринг был взят и разграблен)*» (*Хрестоматия 1961: 301). Конечно, этот вариант перевода несколько упрощён. Если переводить латинский текст дословно, то в нём должны были появиться такие цветистые выражения, как «хребет междоусобной бойни», «сокровища древних царей»*.

Получается, что славянин Войномир принимал самое активное участие в операции по взятию франками аварской столицы. Кстати, аварская столица (хринг) по сообщению «Хроники Сен-Галенского монаха» представляла из себя мощнейший укрепрайон из девяти вложенных друг в друга колец, образованных дерево-земляными валами шестиметровой высоты и такой же ширины. Диаметр самого большого кольца укреплений аварского хринга в этом сообщении приравнивался к расстоянию от Цюриха до Констанца (от 55 до 60 километров). С потерей хринга и земель западнее Тисы неприятности у аваров не кончились. Где-то в промежутке от 802 до 805 гг. остатки земель Аварского каганата захватили болгары.

Запись за 805 г. «Анналов королевства франков» сообщает:

«*Немного [времени] спустя каган, государь гуннов, по принуждению своего народа пришёл к императору, прося дать ему место для поселения между Сабарией и Карнутом, поскольку из-за вражды славян он не мог быть на прежних местах жительства. Император его радушно принял – христианское же его имя было Теодор – и, будучи благосклонным к его мольбам, позволил, чтобы тот вернулся, будучи вознаграждён подарками. Вернувшись к своему народу, по прошествии короткого времени, он скончался. И послал каган одного из своих вельмож, прося себе древнюю почесть, которой имел обыкновение обладать каган у гуннов. Император дал согласие на его мольбы и повелел, чтобы каган имел высшую власть всего королевства согласно их старинному обычаю. В том же году он отправил своё войско со своим сыном Карлом в землю славян, которые назывались богемцы. Разорив всю их родину, он убил их герцога по имени Лехон. И, вернувшись оттуда, он пришёл к императору в Вогезском лесу, в месте, которое*

называется Камп. В самом деле, император, придя из Аахена в Тионвиль в месяце июле, а также пройдя через Мец, направился в Вогезы. И поохотившись там, он пришёл после возвращения войска в замок Ремирмон и, пробыв там некоторое время, расположился на зиму в своём дворце Тионвиле. Туда к нему пришли оба его сына Пипин и Людовик, и там он отпраздновал Рождество Господне» (Анналы королевства франков 2009).

Это чрезвычайно интересный для нашей темы отрывок. Во-первых, из него ясно, что последних уцелевших авар франки не только не заставляли менять свою идентичность, но и фактически взяли под защиту. Из текста не совсем ясно, то ли аварский каган просил землю для поселения всего аварского народа, то ли для себя лично. В любом случае ясно, что славяне были тогда сильнее авар. Поскольку, Карл Великий, по выражению франкского летописца «был благосклонен к просьбам аварского кагана», а ни о каких просьбах аварского кагана, кроме как о получении разрешения жить между Карнутом и Сабарией, франкский летописец не упомянул, то можно считать, что аварский каган получил-таки от Карла Великого разрешение поселиться где-то между Карнутом и Сабарией. Карнут – это Карнунтум, город, находившийся там, где ныне находится Петронель (чуть восточнее Вены). Сабария находилась там, где ныне находится город Самбатхей (венгерский город, находящийся неподалёку от границы с Австрией).

Учитывая то, что в те времена границы проводили в соответствии с естественными рубежами, которыми могли быть реки или горы, можно предположить, что аварская автономия включала в себя кусочек степи и лесостепи между протекающей неподалёку от Самбатхея правым притоком Дуная Рабой (Раб) и Дунаем. Интересно, что в тот же год, когда Карл Великий удовлетворял «мольбы аварского кагана», франки под руководством того же Карла Великого впервые нанесли удар по своим бывшим союзникам – богемским славянам (в тексте *Beheimi*).

Странно, что в этом отрывке не раскрываются причины, побудившие Карла Великого напасть на богемцев. Это тем более странно, что причины нападения франков на вильцев и на аваров были в «Анналах королевства франков указаны». Впрочем, если, удар по богемцам был прямым следствием жалобы на славян аварского кагана, то всё становится на свои места. Богемцы, действительно, владели частью примыкающих к левому берегу Дуная земель и активно атаковали аваров.

До предела ослабленные и признавшие главенство над собой Карла Великого авары были для франков менее опасны, чем усилившиеся после разгрома Аварского каганата славяне. Славяне и до франко-аварской войны присутствовали на землях Среднего Подунавья, но после разгрома Аварского каганата доля славян среди оседлого населения этих земель резко увеличилась. Произошло это потому, что на изрядно обезлюженные войной земли Среднего Подунавья началось массовое переселение славян с сопредельных территорий. Это, впрочем, не означает, что оседлое население Карпатской котловины состояло в то время только из славян.

Реакция Карла Великого и франкской знати на усиление славян была предсказуемо негативной. Первыми пострадали вчерашние союзники франков

богемцы. Кстати, имя убитого франками в 805 году герцога богемцев странным образом напоминает имя легендарного прародителя поляков. После 805 г. славянам легче не стало. В 806 г. франки повторно разорили Богемию и атаковали лужицких сербов. Был убит князь лужицких сербов Милидох. Между прочим, до начала франко-аварской войны в 791 г. эти народы были независимы и от аваров, и от франков. Карл Великий быстро превращался в такого же опасного врага славян, как и аварские каганы. Впрочем, удары франкских войск по славянам не остановили процесс славянизации Карпатской котловины. В записи 811 г. франкские источники впервые упоминают о славянах, живших у Дуная:

«*Император же, подтвердив мир с Хеммингом и по обыкновению проведя общий совет в Аахене, в три части своего королевства послал столько же армий, одну – за Эльбу на линонов, которая и опустошила их самих и восстановила замок Хохбуоки на берегу реки Эльбы, в прошлом году разрушенный вильцами, другую – в Паннонию для прекращения споров гуннов и славян, третью – на бретонцев, для наказания их вероломства. Все они, успешно сделав дела, вернулись невредимыми. Сам же он, между тем, для осмотра флота, который он приказал построить в прошлом году, подошёл к приморскому городу Булони, где были собраны те самые корабли и восстановил древний маяк, установленный там для указания пути плывущим, и на его вершине зажёг ночной огонь. Идя оттуда к реке Шельде, в месте, которое называется Гент, он осмотрел корабли, построенные для того самого флота. И около середины ноября он пришёл в Аахен. Навстречу ему пришли послы, идущие от короля Хемминга, Аовин и Хебби, доставившие [от] короля подарки и примиряющие слова. Также в Аахене были ожидающие его прибытия [вельможи], которые пришли из Паннонии, канизавк, государь авар, и тудун, и другие первые [люди], и вожди славян, обитающих вокруг Дуная. Они, как им было приказано предводителями [наших] войск, которые были посланы в Паннонию, пришли к государю. Между тем, Карл, сын господина императора, который был старшим по рождению, скончался 4 декабря. И император зазимовал в Аахене*» (Анналы королевства франков 2009).

Из этого отрывка ясно, что и после франко-аварской и болгаро-аварской войн авары жили в подконтрольной франкам Паннонии. Не мог же Карл Великий посылать войско для улаживания споров аваров и славян на территорию, подконтрольную болгарскому царю. Очевидно, что автономия авар находилась именно в том месте, что выпрашивал для себя и своего народа аварский каган Теодор. Ещё из этого отрывка ясно то, что былая вражда славян с аварами к 811 году нисколько не утихла. Видимо споры между славянами и аварами были нешуточными, раз для их предотвращения понадобилось вмешательство франкской армии. Самым же важным в этом отрывке является то, что в нём франкский летописец впервые помянул о славянах, обитающих вокруг Дуная. Теперь осталось только найти в более поздних записях «Анналов королевства франков» упоминание о конфликте франков с придунайскими славянами. Следует помнить, что в 814 году

Карл Великий скончался и императором франков стал его сын Людовик Благочестивый. Новый император свои отношения со славянами начал так (816 год):

«*По прошествии зимы саксы и восточные франки, которым было приказано совершить поход на славян сорабов, которые не были послушны приказанию, усердно исполнили приказанное и без большого труда подавили дерзость строптивых [славян]. В самом деле, когда был взят один город, казалось, что всё, что восставало в том народе, успокоилось, пообещав покорность*» (Анналы королевства франков 2009).

Пока ничего особенного. Очередное нападение франков на лужицких сербов. В следующей записи имеются два фрагмента, где говорится о славянах (817 год):

«*Пришли послы короля сарацин Абдирахмана, сына Абулаза, посланные из Сарагосы для того, чтобы просить мира. И, когда они были выслушаны императором в Компьене, им было приказано идти впереди него в Аахен. Когда он пришёл туда, он принял посла императора Льва из Константинополя, по имени Никифор, посланного ради дела далматинцев, и ещё из-за того, что Кадолак, которого касалась опека тех соседей, не присутствовал. И всё же считалось, что тот вскоре придёт, [поскольку] он повелел ожидать его прихода. Когда он пришёл, между ним и послом императора имело место рассмотрение жалоб, о которых сообщил тот самый [посол]. И, поскольку дело касалось как многих римлян, так и славян, и было очевидно, что без их присутствия оно не могло бы разъясниться, решение отложили. И вместе с Кадолаком и выше упомянутым послом в Далмацию был послан племянник Урнока Альбгар*» (Анналы королевства франков 2009).

Из этого сообщения понятно, что жившие в Далмации хорваты были подчинены императору франков, а непосредственный надзор над ними осуществлял некто Кадолак.

Ещё один фрагмент записи за 817 год «Анналов королевства франков»:

«*И узнав об отложении ободритов и Склаомира, он лишь передал через посла графам, которые имели обыкновение находиться в гарнизоне около Эльбы, чтобы они охраняли вверенные им границы. Причиной отложения было то, что королевскую власть, которой Склаомир после смерти Траско до сих пор один обладал над ободритами, ему было приказано разделить с Цеадрагом, сыном Траско. И это его так сильно озлобило, что он заявил, будто никогда больше не переправится через Эльбу и не явится в [императорский] дворец. Тотчас отправив за море посольство, он завязал дружбу с сыновьями Годфрида и приказал, чтобы в Заэльбскую Саксонию было отправлено войско. Ведь и их флот, который разорил весь берег реки Стурии, дошёл по Эльбе вплоть до замка Эзесфельд. И Глуоми, страж норманнской границы, ведя пешие войска, также подошёл с ободритами по суше к самому замку. Сняв осаду с замка, те, кто упорно сопротивлялся нашим, ушли*» (Анналы королевства франков 2009).

В следующем году:

«*Император, возвращаясь на зиму через Руан и через Амьен, и Камарак в Аахен, придя в Геристаль, повстречал послов герцога беневентцев Сигона, несущих подарки и просящих у него прощения по поводу убийства его предшественника, герцога Гримоальда. Были там и послы других народов, а именно ободритов и, Борны, герцога гудусканов и*

тимокиан, которые недавно отложились от союза с болгарами и присоединились к нашим рубежам. Также [были] и [послы] герцога нижней Паннонии Людевита, который, замышлял заговор. Он посмел обвинить в жестокости и неверности графа и префекта Фриульской марки Кадолака. Выслушав их и отпустив, император пришёл на зиму в Аахен» (Анналы королевства франков 2009).

Вообще-то, жалоба на зарвавшегося губернатора руководителю государства и заговор – это немного разные вещи. Кроме того, странно то, что франкский летописец забыл разъяснить, был ли Кадолак действительно жестоким и неверным или нет, и эта его странная забывчивость заставляет нас предположить, что Кадолак был отнюдь не ангелом. Похоже, что в глазах франкского летописца славянские князья имели слишком низкий социальный статус, чтобы жаловаться франкскому королю на управляющих славянскими землями королевских губернаторов даже в том случае, если эти губернаторы вели себя жестоко по отношению к населению вверенных им провинций и нарушали установленные франкскими королём законы. Людевита часто называют хорватским князем, князем Паннонской Хорватии и Людевитом Посавским, сыном Войномира, однако, в «Анналах королевства франков» Людевита называют только «герцогом Нижней Паннонии». Нижней Паннонией называлась одна из образованных во время правления императора Траяна провинций Римской империи.

Дунай был пограничной рекой Нижней Паннонии. На некоторых картах Римской империи в состав Нижней Паннонии помимо земель, примыкавших к правому берегу Дуная, включён небольшой участок земли, примыкавшей к левому берегу Дуная и правому берегу реки Тиса. Большая часть территории бывшей римской провинции «Нижняя Паннония» к периоду написания ПВЛ оказалась включённой в состав венгерского королевства. Ясно, что упоминаемое в «Анналах королевства франков» герцогство Нижняя Паннония так же, как и римская провинция Нижняя Паннония, имела отношение к Дунаю, но где точно проходили границы этого герцогства ещё требуется уточнить.

Из более раннего сообщения «Анналов королевства франков» известно, что в 796 году франки прогнали аваров за Тису. Следовательно, франки контролировали левый берег Дуная и часть прилегающих к нему земель вплоть до реки Тиса. Интересно также упоминание о присоединении к франкскому королевству тимокиан. Тимокианами франки называли тимочан, то есть славян, проживавших в районе реки Тимок. Река Тимок протекает восточнее так Северо-Восточных Сербских гор (Сербских Карпат). Следовательно, франки в 818 году контролировали правый берег Дуная и часть прилегающих к нему земель вплоть до Северо-Восточных Сербских гор и Железных ворот, то есть в состав государства франков в 818 г. входила часть земель, принадлежащих в настоящее время Сербии.

Людевит обвинял управлявшего Паннонией фриульского маркграфа Кадолака в первую очередь в жестокости. Таким образом, утверждения ПВЛ о

господстве волохов над среднедунайскими землями и притеснениях волохами славян дунайских начинают подкрепляться историческими фактами.

В написанной неизвестным автором «Жизни императора Людовика» говорится, что Кадала (Кадолака) франкский император Людовик Благочестивый признал невиновным, правда сделал он это позднее и в «Анналы королевства франков» информация об этом его решении не попала. Ясно и то, что обвинения Кадала (Кадолака) в жестокости не были для Людовика Благочестивого достаточным основанием для его немедленного ареста или отстранения. Потерпев неудачу со своей челобитной на имя императора, Людевит решил прибегнуть к более радикальному способу борьбы за права славян.

Под 819 годом «Анналы королевства франков» говорят:

«*И ввиду мятежа Людевита из Италии в Паннонию было послано войско, которое вследствие неблагоприятных обстоятельств вернулось, почти не выполнив задачи. И вознесённый гордыней Людевит, отправил послов к императору, как будто [для того], чтобы просить мира, предлагая некие условия, на предоставлении которых посулил заключить то [соглашение], которое ими предлагалось. Когда император не принял те [условия], он через своих послов предложил ему и другие, словно считая для себя за благо пребывать в [уже] начатом мятеже. Отправив послов повсюду вокруг, он позаботился [о том, чтобы] склонить соседние с ним народы к войне. А также для того, чтобы народ тимокиан, который, отложившись от союза с болгарами, сильно желал прийти к императору и вверить себя его власти, этого не исполнил, тот [Людевит] так перехватил и сманил [его] при помощи лживых уверений, что отказавшись [от того], что замышлял, [тот народ] сделался союзником и сторонником этого мятежа. В то же время, как из Паннонии вернулось войско, фриульский герцог Кадолак, охваченный лихорадкой, умер в той самой марке. Когда Бальдрик был избран ему взамен и вступил в область карантанов, которая относилась к его попечению, он повстречал войско Людевита. Он атаковал малым отрядом это [войско], шедшее вдоль реки Дравы [и], убив многих, как направил [его] в другую сторону, так и прогнал из той провинции. Герцог же Далмации Борна, поспешивший с многочисленными войсками к реке Колапий навстречу идущему к нему Людевиту, в первой стычке был оставлен гудусканами. Однако, он спасся, защищённый с помощью своих телохранителей. В том сражении погиб Драгамоз, тесть Людевита, который, оставив зятя, в начале мятежа присоединился к Борне. Вернувшись домой, гудусканы были вновь подчинены Борной. Что же касается Людевита, то он, воспользовавшись случаем, в месяце декабре вторгся с сильным отрядом в Далмацию [и] разорил всё огнём и мечом. Когда Борна заметил, что он совершенно не равен тому [Людевиту], он всё своё [добро] запер в замке, а сам с отборным отрядом и днём и ночью, тесня как мог, то с тыла, то с фланга войско Людевита, разбил [его] и не позволил, чтобы он безнаказанно находился в его провинции. Наконец, ослабив большим уроном, он заставил [его] уйти из своей области после того как были убиты три тысячи человек из его войска, и были захвачены триста, или более того, коней, кроме того тюки и разная награбленная*

добыча зятя. О том, каким образом сложились обстоятельства, он позаботился через своих послов сообщить императору» (Анналы королевства франков 2009).

Обтекаемая формулировка «ввиду мятежа Людевита из Италии в Паннонию было послано войско, которое вследствие неблагоприятных обстоятельств почти не выполнив задачи вернулось» при отсутствии разъяснений о том, какие именно обстоятельства помешали франкскому войску помешать выполнить свою задачу, вполне может скрывать крупное поражение франкских войск. По мнению франкского летописца, у Людевита после этой неудачи франкского войска появилась некая причина «быть вознесённым гордыней». К восстанию славян Нижней Паннонии присоединились жившие на реке Драва карантанцы. Наконец мы узнали, что герцог Далмации Борна, которого правильнее было бы назвать хорватским князем Борной, оказался противником восставших против франкского государства паннонских славян. Интересно, что об участии хорватов Далмации в подавлении антифранкского восстания паннонских славян ничего не говорится в разделе «О хорватах и земле ими населяемой» трактата императора Константина Багрянородного «Об управлении империей».

К сожалению, Людевит применил к населению герцогства Борны ту же тактику террора по отношению к мирному населению, что была типична для франков. Ясно также стало и то, что восстание Людевита охватило не только придунайские земли, но и земли карантанцев в верховьях Дравы и даже земли тимочан на реке Тимок. Но Людевит не смог бы договариваться с тимочанами, если бы земли его княжества не граничили с землёй тимочан. Следовательно, герцогство «Нижняя Паннония», то есть княжество Людевита помимо междуречья Дравы и Савы, включало в себя часть правобережья Дуная между рекой Савой и Северо-Восточными сербскими горами (Сербскими Карпатами).

Под 820 годом «Анналы королевства франков» рассказывают:

«*Там же в месяце январе было проведено собрание. На нём относительно мятежа Людевита было решено, что для опустошения его области, а также усмирения его дерзости будут посланы три войска, также из трёх областей. …По прошествии зимы, как только трава смогла дать корм вьючным животным, те три войска были посланы против Людевита. Из них одно вторглось из Италии через Норейские Альпы, другое – через провинцию карантанов, третье – через Баварию и Верхнюю Паннонию. И при этом два [войска], то есть правое и левое, вступили [в область Людевита] медленнее, из-за того, что одно при переходе через Альпы было задержано сопротивлением вражеского отряда, другому [же] препятствовали и продолжительность пути и река Драва, через которую следовало переправиться. Среднее же, которое вошло через [область] карантанов, хотя в трёх местах ему оказывалось сопротивление, пользуясь более счастливой судьбой, трижды победив врагов, а также перейдя Драву, быстрее пришло к назначенному месту. Говорят, что Людевит, ничего против него не предприняв, тем не менее укрепив замок, что был сооружён на склоне горы, оберегал себя и своих [людей] и не поддерживал никакой беседы с теми [франками] ни о войне, ни о мире, самолично ли, или через каких-нибудь послов.*

Войска же, после того как сошлись воедино, опустошили огнём и мечом почти всю страну [и], не получив какого-либо серьёзного урона, вернулись домой. Однако то [войско], которое прежде совершило поход через Верхнюю Паннонию, при переходе реки Дравы было тяжело поражено недугом расслабленного живота из-за нездорового характера мест и вод, и немалая его часть была истощена той болезнью. Эти три войска были набраны из Саксонии и Восточной Франкии, и Алеманнии, Баварии, а также и из Италии. Когда они вернулись домой, карниольцы, которые обитают по реке Саве и являются почти соседями фриульцам, предались Бальдрику. То же самое постаралась сделать и часть карантан, которая прежде отложилась от нас к областям Людевита» (Анналы королевства франков 2009).

Помимо карантанцев в восстании Людевита участвовали и корниольцы (жители Крайны), то есть восстание Людевита поддержали славяне, проживавшие в верховьях рек Драва и Сава. В записи за 820 год по отношению к тому, что делали франки с землёй Людевита, впервые употреблён термин «опустошение». По сравнению с 819 годом франки явно усилили действующую против повстанцев Людевита группировку войск. Кстати анонимный автор «Жизни императора Людовика», в описание событий зимы 820 года поместил такое замечание: «*В это время Борна жаловался на нападение Лиудевита и получил от императора в помощь большое войско, которое могло бы просто вытоптать его земли*» (Жизнь императора Людовика 1999).

Взять штурмом или измором главный опорный пункт Людевита франки не смогли, зато они сполна отыгрались на мирном населении его герцогства. Кроме того, франкам удалось заставить капитулировать карантанцев и корниольцев и тем самым вернуть под свой контроль верховья Дравы и Савы. Поскольку, карантанцы капитулировали лишь в 820 году, сообщение из записи 819 года о победе Балдрика и изгнании войск Людевита из Карантании вполне можно считать типичным примером пропагандистской лжи. 820 год был удачным для франков, тяжёлым для повстанцев Людевита и совершенно кошмарным для мирного населения охваченных восстанием Людевита областей. Восстание Людевита, однако, в этом году подавлено ещё не было.

В 821 году, согласно «Анналам королевства франков»:

«*В месяце феврале в Аахене было проведено собрание и на нём обсуждался [вопрос] о людевитовой войне и были сформированы три войска, которые следующим летом разоряли бы поля мятежников... Между тем, умер герцог Далмации и Либурнии Борна. И, по просьбе народа, а также с согласия императора, преемником ему был поставлен его племянник по имени Ладасклав... В середине месяца октября многие из народа франков собрались у Тионвиля на общий совет, на котором первенец господина императора Людовика, господин Лотарь, торжественно объявил дочь Гуго Ирмингарду [своей] женой… На том самом собрании присутствовали и уже вернувшиеся из Паннонии графы, которые, разорив весь край дезертиров и приверженцев Людевита, вернулись домой, так как никто не смог выставить против них войско*» (Анналы королевства франков 2009).

Не сумев уничтожить Людевита и его соратников, франки решили сломить их сопротивление голодом. Разорение полей несомненно повлекло за собой голод в первую очередь среди той часть мирного населения этого герцогства, что сумела пережить прошлогодний погром. Сил для наступления у Людевита явно не хватало, а получить необходимое для продолжения борьбы продовольствие на месте было невозможно. К тому же соратники Людевита наверняка были морально подавлены тем, что они оказались полностью бессильны спасти мирное население от ужасов франкского нашествия. Победить они уже не могли, но те, кто не желал ни умирать, ни капитулировать, ещё могли, уйти за пределы государства Франков.

В 822 году согласно «Анналам королевства франков»:

«*Из Италии было послано войско в Паннонию ради завершения людевитовой войны. К его прибытию Людевит, оставив город Сисцию, обратился в бегство к сорабам, каковая народность, как говорят, владеет большой частью Далмации. И, хитростью убив одного из их герцогов, которым он был принят, подчинил его город своей власти. Наконец, отправив своих послов к войску императора, он посулил, что хочет к нему прийти*» (Анналы королевства франков 2009).

Город Сисция располагался на месте слияния рек Одра, Купа и Сава там же, где в настоящее время располагается хорватский город Сисак, Франкский летописец не знал точно, какие именно земли населяют сербы, следовательно, земли сербов не входили в королевство франков. В первой половине IX века сербы владели лишь южной частью той территории, что в наше время принадлежит Сербии. Людевит в этом отрывке представлен подлым человеком. Выяснить, действительно ли он был таковым, или франкский летописец его оклеветал, не представляется возможным. Неизвестный автор «Жизни императора Людовика» заменил в своём произведении убийство сербского герцога, пленением некоего далматинского государя (Жизнь императора Людовика 1999). О том, как звали этого, то ли сербского герцога, то ли далматинского государя, ни один из франкских официальных документов не сообщает.

Под 823 годом «Анналы королевства франков» сообщают:

«*В месяце мае в том самом месте было проведено собрание, на котором было велено присутствовать не всем вельможам, а [только вельможам] из Восточной Франкии, а также Саксонии, Баварии, Алеманнии, а также смежной с Алеманнией Бургундии и из областей прилегающих к Рейну… Когда император, окончив совет и распустив вельмож, уже решил оттуда уйти, ему было донесено о гибели Людевита, [а именно] что когда он, оставив сорабов, пришёл к Людемусклу, дяде по матери герцога Борны, и задержался у него на некоторое время, был убит из-за его хитрости*» (Анналы королевства франков 2009).

Ясно, что либо Людевит передумал сдаваться франкам, либо вообще не собирался этого делать. Сдачу в плен Людевита франки могли использовать для пропаганды, в конце концов, Людевита при наличие большого желания или необходимости можно было бы заточить, казнить или убить по-тихому после суда, убийство же Людевита до его сдачи могло превратить его в глазах славян в

несгибаемого героя-мученника. Следовательно, убили Людевита после того, как поняли, что он намерен продолжать борьбу с франками. Впрочем, изучение и оценка личности Людевита не является главной задачей статьи. Главной её задачей было найти во франкских документах сведения о насилии франков над дунайскими славянами и проанализировать их.

Поскольку о каких-либо боевых действиях между повстанцами Людевита и франкскими войсками в этом отрывке не сообщается, то можно считать, что восстание Людевита было подавлено франками в 822 году. Началось же восстание Людевита в 819 или в конце 818 года. То есть, славяно-франкская война, в среднем Подунавье по продолжительности и площади охваченной ей территории вполне сопоставима с той крестьянской войной в России 1773-1775 года, которую называют «пугачёвщиной», по отношению же к мирному населению Людевитова война была намного более жестокой, чем «пугачёвщина». Четыре раза подряд ежегодно с 819 по 822 гг. славянское среднее Подунавье подвергалось нашествию свежего франкского войска.

Франкская империя в тот период ещё не была разделена и находилась в полном расцвете сил. Помимо того, что латынь была государственным языком империи франков, так ещё для подавления восстания Людевита франки весьма активно использовали войска укомплектованные уроженцами Италии. Несомненно, паннонские, то есть придунайские славяне, именно в те годы в максимальной степени испытали насилия от волохов, если под волохами понимать людей романоязычных. Впрочем, и германоязычные подданные франкского короля несомненно в то время причислялись славянами к волохам. Прежде, чем приступить к описанию того, что происходило с соратниками Людевита после подавления восстания, кратко коснёмся дальнейшей истории попавшего под власть франков Среднего Подунавья.

Под 824 годом «Анналов королевства франков» рассказывают:

«Король болгар N. отправил к императору послов с письмами будто бы для заключения мира. [И] когда он их выслушал и прочёл доставленные письма и, будучи небезосновательно встревожен новизной дела, вместе с теми послами направил к упомянутому королю болгар некоего Махельма из Баварии для весьма тщательного изучения причины посольства, [пришедшего] против обыкновения и никогда прежде не приходившего во Франкию…

Он сам вернулся в Аахен, где решил перезимовать. Когда он туда пришёл и отпраздновал Рождество Господне, ему сообщили, что в Баварии находятся послы болгар. Послав кое-кого навстречу тем [послам], он стал ожидать в том же месте до того времени, когда они придут. Кроме того он позволил, чтобы тотчас же пришли послы ободритов, которые повсюду называются преденеценты и, будучи соседями болгар, населяют прилегающую к Дунаю Дакию. Они, как сообщали, прибыли и сами. Так как они жаловались на враждебное вторжение болгар и требовали предоставить им помощь против

тех [врагов], им приказали вернуться домой и вновь прийти обратно ко времени, установленному для послов болгар» (Анналы королевства франков 2009).

Помимо примыкавшей к левому берегу Дуная римской провинции Дакия, существовал примыкавший к правому берегу Дуная византийский диацез Дакия, в состав которого входили византийские провинции Дакия прибрежная и Дакия внутренняя. Однако в написанной Эйнхардом «Жизни Карла Великого» приведён список провинций, присоединённых к королевству франков Карлом Великим. В этом списке Дакия помещена сразу после обоих Паннониий, а вслед за названием Дакия идёт примечание «расположенная по ту сторону Данубия» (Эйнхард 1999). Следовательно, в понимании франков, территория Дакии примыкала к левому берегу Дуная. Ещё в 796 году франки захватили земли Аварского каганата вплоть до реки Тиса. Возможно, под завоёванной Карлом Великим Дакией Эйнхард подразумевал участок степи, с запада и юга ограниченный Дунаем, а с востока- Тисой. Следовательно, те ободриты, что были соседями болгар, жили севернее Дуная.

В следующем, 825 году:

«*Император торжественно отпраздновал в Аахене праздник святой Пасхи. И, придя на охоту в Нимвеген примерно в середине мая, когда [этому] благоприятствовала весенняя оттепель, он предписал, чтобы [к нему] пришли послы болгар. В самом деле, при таких обстоятельствах [император] решил вернуться туда, намереваясь провести там собрание. Как он объявил вельможам, в то время он желал провести его в том самом месте. После того как [император], завершив охоту, вернулся, он выслушал там болгарское посольство. Был [обсуждён вопрос] об установлении границ и рубежей между болгарами и франками*» (Анналы королевства франков 2009).

В 826 году:

«*Когда послы короля болгар сообщили ему то, как они провели переговоры, он снова послал с письмами к императору того [посла], которого посылал прежде. Он просил, чтобы немедленно было выполнено требование о введении границ, либо, если [император] этого не пожелает, пусть каждый оберегает свои границы без мирного договора. Император, ибо была молва, что [настоящий] король болгар был либо убит, либо изгнан из королевства кем-то из своих вельмож, не спешил ему отвечать. И, приказав тому [послу] ожидать, он отправил пфальцграфа Бертрика ради подтверждения правдивости слуха в провинцию карантан к графам и стражам аварской границы Бальдрику и Герольду. Когда тот, вернувшись, не доложил ничего определённого сверх того о чём распространялась молва, император приказал, чтобы вызванный к нему посол возвращался без писем*» (Анналы королевства франков 2009).

В следующем, 827 году:

«*Болгары же, пославшие войско, мечом и огнём разорили [области] славян, живущих в Паннонии. И, изгнав их вождей, они поставили над ними болгарских правителей*» (Анналы королевства франков 2009).

Попытки присоединить к землям своего государства как можно больше земель, населённых славянами, и отказ от заключения мирного договора с Болгарией закончились для франков большими неприятностями. Если читать этот отрывок отдельно, то может создаться впечатление, что болгары захватили не управляемую франкскими ставленниками провинцию государства франков, а какое-то независимое славянское государство или племенное объединение. Реакция Людовика Благочестивого на болгарский блицкриг последовала достаточно быстро.

В 828 году:

«*В месяце феврале в Аахене состоялось собрание. На нём наряду с многими другими делами совещались главным образом о тех, которые тогда случились в Испанской марке. И посланцы, которые возглавляли войско, были найдены виновными и, соответственно своей вине, были наказаны потеряв [свои] должности. Подобным образом и фриульский герцог Бальдрик был освобождён от должностей, которые он имел, так как вследствие его праздности войско болгар безнаказанно разорило пределы Верхней Паннонии. И марка, которую он держал один, была разделена между четырьмя графами*» (Анналы королевства франков 2009).

Тот самый герцог Балдрик, который якобы малыми силами сумел одержать победу над огромным войском Людевита, был освобождён от должности, как не оправдавший доверия руководителя франкского государства. К сожалению, запись за 828 год является последней записью «Анналов королевства франков», где упоминается Среднее Подунавье, а запись за 829 год – последней записью этого ценнейшего франкского документа вообще. В других анналах о том, что происходило на Среднем Дунае после 827 года, почти не говорится. В Фульдских анналах в записи за 828 год говорится о том, что Людовик Благочестивый послал войско против болгар: «*Hlotharius cum exercitu ad marcam Hispanicam missus est, similiter et Hludowicus iuvenis contra Bulgaros*». Но даже о результатах похода не сказано ни слова.

Под 829 годом в «Фульдских анналах» оворится:

«*Болгары поднялись на кораблях по реке Драве и сожгли несколько наших деревень близ реки*» (Фульдские анналы 2010).

Драва достаточно длинная река, и в каком конкретно месте жгли болгары деревни подданных императора Людовика Благочестивого непонятно.

Основная информация об истории левобережной части среднего Подунавья содержится не во франкских анналах, а в средневековом трактате «Об обращении баварцев и карантанцев» (*Conversio Bagoariorum et Carantanorum*) и в средневековых источниках, описывающих деятельность святых Кирилла и Мефодия. В общем, понятно, что через некоторое время после 827 года франки вернули контроль часть утерянных ими земель Среднего Подунавья и вынудили бежать в Болгарию правившего ими князя Ратимира. На контролируемых франками землях среднего Подунавья были образованы вассальные Восточно-Франкскому королевству княжества Блатенкое и Паннонская Хорватия.

Блатенское княжество дважды на короткий срок (первый раз с 874 по 876 гг., второй – с 884 по 894 гг.) переходило в состав Великой Моравии, а в 896 г. оно было включено в состав Паннонской Хорватии. Вплоть до прихода в Карпатскую котловину венгров князь Паннонской Хорватии был вассалом восточно-франкского короля. Франки пытались контролировать и Великую Моравию, правда, несмотря на то, что франкам несколько раз удавалось смещать неугодных им моравских князей и заменять их своими ставленниками, конечно, было бы неправильно считать Великую Моравию подконтрольной франкам землёй.

Автор сообщения ПВЛ могущество волохов-франков не преувеличил. Впоследствии и Великая Моравия, и Восточно-франкское королевство в полном соответствии с рассказом ПВЛ подверглось нападению венгров, ставших в итоге хозяевами Карпатской котловины. Летописец достаточно правдиво описал события истории Среднего Подунавья от ликвидации Аварского каганата до венгерского завоевания.

В заключение немного о судьбе тех дунайских славян, что покинули свою родину либо во время Людевитовой войны, либо вскоре после её окончания. Из приведённых ранее цитат ясно, что франки вели себя по отношению к мирному населению Среднего Подунавья предельно жестоко. Те, кто не поддержал Людевита с оружием в руках, страдали ничуть не меньше, чем те, кто активно участвовал в борьбе с франками. После того как франки разорили поля и загубили урожай, на население Среднего Подунавья обушился голод.

Людевит и его соратники могли сохранить какие-то запасы продовольствия в крепости, но эти запасы были не безграничны. Можно полагать, что большинство людевитовцев и членов их семей прихватив с собой часть запасов продовольствия ушло из охваченной войной части Среднего Подунавья в 822 году. Те, кто не участвовал в восстании Людевита, стали покидать Среднее Подунавье ещё раньше. Естественно, после подавления восстания Людевита притеснения франками славян резко усилились и вызвали новую волну славянской эмиграции. Часть дунайских славян, как и Людевит, ушла на юг, к сербам. Кто-то из славян мог уйти на восток в Болгарию, впрочем, судя по тому, что часть подчинённых болгарам славян пыталась перейти в подчинение франкам, вряд ли число славян, пожелавших уйти в Болгарию, было особенно велико.

Можно было, перебравшись на правый берег Дуная, двигаться вверх по его течению. В этом случае беглецы попадали на территорию нитранского и моравского княжеств. Тем беженцам, что жили до своего исхода на территории, примыкающей к левому берегу Дуная и правому берегу Тисы, для того, чтобы попасть в Нитранское или Моравское княжество не нужно было даже перебираться через Дунай. Как раз для IX века археологи выявили на территории Моравского и Нитранского княжеств резкое увеличение численности населения и площади населённых пунктов. Беглецы могли уходить вверх по Тисе. Часть из этих беглецов, двигаясь по притокам Тисы, добралась до Карпат и перешла их. Те, что перешли Восточные Карпаты через

Яблунецкий перевал, оказались в верховьях реки Прут. Те, что перешли Восточные Карпаты через перевал Тухольские ворота, оказались в верховьях реки Днестр. В Западных Карпатах тоже есть перевалы, и те, кто пошёл через них, оказались в бассейне Вислы. Один из притоков Вислы называется Дунайцем. Его название явно является следом миграции дунайских славян. У Дунайца есть приток река Попрад. В верховьях Попрад протекает достаточно близко к верховьям реки Горнад и притока Горнада реки Ториса. Горнад является притоком реки Шайо, а последняя является притоком Тисы. Маршруты славян, так или иначе, были связаны с реками независимо от того, двигались они по суше или по воде.

Мнение автора ПВЛ о том, что Среднее Подунавье было прародиной всех славян, разделял и его польский коллега автор «Хроники или деяний князей и королей польских» («Хроника Анонима Галла»), правда, польский летописец, в отличие от древнерусского, не упоминал о том, что в древности славяне жили и в Нижнем Подунавье и не упомянул о нападении волохов на дунайских славян. И русский, и польский летописец, пытаясь реконструировать древнюю историю славян в условиях катастрофической нехватки источников информации, опирались на народные предания.

Переселение на постоянное место жительства в другую страну для человека является намного более важным событием, чем прибытие в его страну небольшой группы мигрантов. В итоге те, кто мигрировал, оставили предание о своей миграции, а те, кто приютил мигрантов, никакого предания не оставили. Наличие предания о миграции с Дуная и отсутствие предания о прибытии беженцев с Дуная и создавало иллюзию о дунайской прародине всех славян. На момент исхода сторонников Людевита из Подунавья авары уже не господствовали над дунайскими славянами, более того, после 805 года авары жили отдельно от славян в своей автономии-резервации.

Именно по этой причине авары не попали в славянское предание о борьбе дунайских славян с волохами. Источником предания о волохах несомненно были воспоминания участников восстания Людевита, эмигрировавших из Подунавья после его подавления. Анализ документов королевства франков показал несостоятельность мифа о неспособности славянских народов к организованной борьбе за свою свободу и человеческое достоинство.

ЛИТЕРАТУРА

Анналы королевства франков 2009 - Анналы королевства франков 741-829 гг. / перевод А. Волынца / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Annales_regni_francorum/frametext2.htm (дата обращения - 08.08.2017).

Жизнь императора Людовика 1999 - Жизнь императора Людовика / перевод А.В. Тарасовой / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Astronom/frametext1.htm (дата обращения - 08.08.2017).

Жих 2008 - *Жих М.И.* О предыстории Волынской земли (VI – начало X века) // Международный исторический журнал «Русин». 2008. № 3-4 (13-14). С. 35-57.

Жих 2015 - *Жих М.И.* Авары и дулебы в Повести временных лет: славянский эпос или книжная конструкция? // Исторический формат. 2015. № 3. С. 52-71.

Жих 2016 - *Жих М.И.* Древние славяне на Волыни (I тыс. н.э.). Часть вторая // Исторический формат. 2016. № 2. С. 59-91.

Константин Багрянородный 1991 - *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Издание второе, исправленное / под редакцией Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.

Лоршские анналы 2010 - Лоршские анналы / перевод И.В. Дьяконова / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Laureshamenses/text1.phtml?id=6939 (дата обращения - 08.08.2017).

Петрухин 2014 - *Петрухин В.Я.* Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 464 с.

Петрухин, Раевский 2004 - *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. Второе издание, переработанное и дополненное. М.: Знак, 2004. 416 с.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

Свод II - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII-IX вв.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 591 с.

Фомин 2015 - *Фомин А.Ю.* О книгах И.П. Коломийцева «Народ-невидимка» и «Славяне: Выход из тени» / Электронный ресурс: http://narodnazemle.ru/node/39 (дата обращения - 08.08.2017).

Фульдские анналы 2010 - Фульдские анналы / перевод А. Кулакова / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Fuld/frametext1.htm (дата обращения - 08.08.2017).

Хрестоматия 1961 - Хрестоматия по истории средних веков / под редакцией С.Д. Сказкина. Т. I. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. 688 с.

Хроники Фредегара 2015 - Хроники Фредегара / Перевод с латинского, комментарии, вступительная статья Г.А. Шмидта. СПб.: Евразия; М.: ИД Клио, 2015. 464 с.

Шахматов 1919 - *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919. 64 с.

Эйнхард 1999 - *Эйнхард.* Жизнь Карла Великого / перевод М.С. Петровой / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Einhard/frametext.htm (дата обращения - 08.08.2017).

REFERENCES

Annaly korolevstva frankov 2009 - Annaly korolevstva frankov 741-829 gg. / perevod A. Volynca [Royal Frankish Annals 741-829 / translation of A. Volynts], Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Annales_regni_francorum/frametext2.htm (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Fomin 2015 - *Fomin A.Ju.* O knigah I.P. Kolomijceva «Narod-nevidimka» i «Slavjane: Vyhod iz teni» [About books of I.P. Kolomiytsev «Invisible People» and «Slavs: An exit from a shadow»], Electronic resource: http://narodnazemle.ru/node/39 (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Ful'dskie annaly 2010 - Ful'dskie annaly / perevod A. Kulakova [Annales Fuldenses / translation of A. Kulakov], Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Fuld/frametext1.htm (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Hrestomatija 1961 - Hrestomatija po istorii srednih vekov / pod redakciej S.D. Skazkina. T. I [The anthology of history of the Middle Ages / under edition of S.D. Skazkin. Volume I], Moscow, Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoj literatury Publ., 1961, 688 p. [in Russian].

Hroniki Fredegara 2015 - Hroniki Fredegara / Perevod s latinskogo, kommentarii, vstupitel'naja stat'ja G.A. Shmidta [Beginnings of the Russian history. Favourites], St. Petersburg, Evrazija Publ.; Moscow, ID Klio Publ., 2015, 464 p. [in Russian].

Jejnhard 1999 - *Jejnhard.* Zhizn' Karla Velikogo / perevod M.S. Petrovoj [Einhard. Life of Charles the Great / translation of M.S. Petrova], Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Einhard/frametext.htm (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Konstantin Bagrjanorodnyj 1991 - *Konstantin Bagrjanorodnyj.* Ob upravlenii imperiej. Tekst, perevod, kommentarij. Izdanie vtoroe, ispravlennoe / pod redakciej G.G. Litavrina i A.P. Novosel'ceva [On the Governance of the Empire. Text, translation, comment / The edition second corrected by G.G. Litavrin and A.P. Novoseltsev], Moscow, Nauka Publ., 1991, 496 p. [in Russian].

Lorshskie annaly 2010 - Lorshskie annaly / perevod I.V. D'jakonova [Annales laureshamenses / translation of I.V. Dyakonov], Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Laureshamenses/text1.phtml?id=6939 (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Petruhin 2014 - *Petruhin V.Ja.* Rus' v IX-X vekah. Ot prizvanija varjagov do vybora very. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Russia in the 9-10th centuries. From calling of Varangians before the choice of belief. The second edition corrected and added], Moscow, FORUM; NEOLIT Publ., 2014, 464 p. [in Russian].

Petruhin, Raevskij 2004 - *Petruhin V.Ja., Raevskij D.S.* Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e [Sketches of history of the people of Russia in the ancient time and early Middle Ages], Moscow, Znak Publ., 2004, 416 p. [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej, T. I, Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. I. Lavrentyevsky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].

PSRL. II - Polnoe sobranie russkih letopisej, T. II, Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. II. Ipatyevsky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].

Shahmatov 1919 - *Shahmatov A.A.* Drevnejshie sud'by russkogo plemeni [The most ancient destinies of the Russian tribe], Petrograd, 1919, 64 p. [in Russian].

Svod II - Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah. T. II (VII-IX vv.) [Arch of the most ancient written news of Slavs. Volume II (the VII-IX centuries)], Moscow, Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN Publ., 1995, 591 p. [in Russian].

Zhih 2008 - *Zhih M.I.* O predystorii Volynskoj zemli (VI – nachalo X veka) [About background of the Volynsk earth (VI – the beginning of the X century)], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [International historical magazine «Rusin»], 2008, № 3-4 (13-14), pp. 35-57 [in Russian].

Zhih 2015 - *Zhih M.I.* Avary i duleby v Povesti vremennyh let: slavjanskij jepos ili knizhnaja konstrukcija? [The Dulebes and Avars in the Tale of bygone years: the story from a slavic epic or book construct?], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 3, pp. 52-71 [in Russian].

Zhih 2016 - *Zhih M.I.* Drevnie slavjane na Volyni (I tys. n.je.). Chast' vtoraja [Early Slavs in Volhynia (1st mi l lennium AD). Part two], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 2, pp. 59-91 [in Russian].

Zhizn' imperatora Ljudovika 1999 - Zhizn' imperatora Ljudovika / perevod A.V. Tarasovoj [Life of the emperor Ludovic / translation of A.V. Tarasova], Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Astronom/frametext1.htm (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Фомин Александр Юрьевич – Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).
Alexander Fomin – Independent researcher (St. Petersburg, Russia).
E-mail: alex_fomin.15091972@mail.ru

УДК 94(4)

ДВА НАПРАВЛЕНИЯ В РАННЕЙ АРАБО-ПЕРСИДСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИХ ОСНОВОПОЛОЖНИКИ О НАРОДАХ ПОВОЛЖЬЯ

И.А. Гагин

Рязанский государственный медицинский университет
Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9
e-mail: igagin@mail.ru
SPIN-код: 6046-8148

Авторское резюме

Арабо-персидская географическая литература часто остается единственным источником по истории народов Поволжья раннего средневековья. Арабские географы и путешественники оставили описание всего мусульманского Востока, а также ряда стран, в том числе Европы, Северной и Центральной Африки, побережья Восточной Африки и Азии вплоть до Кореи, островов Малайского архипелага. Кругозор географической литературы не исчерпывается исламскими странами, она доставляет первостепенные данные по всем областям, до которых доходили арабы или о которых у них имелись сведения.

Ключевые слова: арабские географы, Волжская Булгария, картография, купцы-русы, седьмой климат, Славянская река, Хазария, историческая география.

TWO MOVEMENTS IN EARLY ARAB-PERSIAN GEOGRAPHICAL LITERATURE AND THEIR DEPICTIONS OF THE PEOPLES OF THE VOLGA REGION

Igor Gagin

Ryazan State Medical University
9 The Vysokovoltnaya Street, Ryazan, 390026, Russia
e-mail: igagin@mail.ru

Abstract

Arab-Persian geographical literature often remains the only source on the history of the peoples of the Volga region in the early Middle Ages. Arab geographers and travelers left descriptions of the Muslim East and some other countries in Europe, Northern and Central Africa, on the coast of East Africa and Asia up to Korea, and on the Malay Archipelago. The authors' horizons were not limited by Islamic countries, they narrated about all regions which the Arabs reached or possessed information about.

Keywords: Arab geographers, Volga Bulgaria, cartography, merchants-Russes, the seventh climate, Slavic River, Khazaria, historical geography.

* * *

Как известно, восточные письменные источники содержат внушительный пласт информации по истории восточноевропейских народов, включая славян, русь, булгар, а также в какой-то степени затрагивают страницы истории некоторых народов Поволжья и даже Севера – Страны Мрака. Многие эти сведения уникальны, так как больше нигде подобная информация не обнаруживается. Под восточными подразумеваются источники мусульманские (арабские, персидские и турецкие), армянские, грузинские, сирийские и древнееврейские. Каждая из этих групп прошла особый исторический путь развития и, как считают многие исследователи, должна рассматриваться отдельно, хотя это совершенно не означает, что между ними не существовало никакой взаимосвязи. Как показатель – тесные связи между армянской и грузинской средневековой историографией, которые доказываются переводами на древнеармянский язык грузинской летописи «Картлис цховреба». Не была совершенно оторвана от арабской сирийско-христианская литература. И это подтверждается деятельностью крупнейшего сирийского писателя-энциклопедиста XIII в. Абул-л-Фарадж Григорийуса ибн ал-Ибри ал-Малати (Новосельцев 2000: 264).

По обилию сведений, разнообразию жанров и количеству произведений среди письменных источников, тем или иным образом коснувшихся истории народов Восточной Европы, арабская и персидская литература не имеет аналогов в средневековой историографии. Следует отметить, что арабы познакомились с землями Европы во время военных походов на владения Византии и Ирана. В течение 30-40-х гг. VII в. они завоевали необозримые пространства от Африки до Азии, которые ранее принадлежали Сасанидскому Ирану и Византии. Вначале VIII в. арабы к своим завоеваниям прибавили Закавказье, а к 715 г. ими были заняты земли Средней Азии.

В течение всего VIII в. арабские властители направляли огромные усилия на усмирение населения захваченных территорий. Одновременно шла непримиримая борьба за власть, что, в конечном счете, привело к падению правящей династии Омейядов и воцарению Аббасидских халифов. Аббасиды, как и их предшественники, были озабочены внутренними усобицами и внешними войнами. Однако именно при Аббасидах возникла арабская астрономия, география, история как летопись побед и поражений. С одной стороны, это было связано с возросшей потребностью фискального аппарата, торговцев, военных и других государственных чиновников в информации о всех территориях, занятых Халифатом, о близких и отдаленных областях. С другой стороны, сыграло роль постепенное восприятие достижений культуры и науки покоренных и соседних народов с весьма высоким уровнем цивилизации (Беляев 1966: 15-20).

То, что арабская культура в мировой истории имела и имеет очень большое значение – общепризнанный факт. Среди различных областей богатой арабской письменности географическая и историческая литература занимает одно из важнейших мест, так как выходит за пределы одной специальности. Она позволяет исследователям разных направлений, не только историкам и географам, но и

социологам, экономистам, лингвистам, естествоиспытателям черпать необходимые для них сведения о народах, попавших в сферу арабских интересов (Крачковский IV: 15).

Арабские географы и путешественники оставили описание всего мусульманского Востока, а также ряда стран, в том числе Европы, Северной и Центральной Африки, побережья Восточной Африки и Азии вплоть до Кореи, островов Малайского архипелага. Таким образом, как мы видим, арабскими странами кругозор географической литературы не исчерпывается; она доставляет первостепенные данные по всем областям, до которых доходили арабы или о которых у них имелись сведения. Их труды – важнейшее, а иногда и единственное свидетельство о многих народах средневековья.

Конечно, нельзя отрицать, что в сюжеты произведений могли закрадываться эпизоды сказочного характера. Это было неизбежно, потому что информация в большей степени поступала от купцов, которые нередко приукрашивали свои повествования с целью придания им пущей пикантности и экстравагантности. Но они, чаще всего, рассказчики, а перерабатывали и записывали эти рассказы другие лица (Крачковский IV: 141). Отсюда рассказы о великанах, циклопах, народах Мрака, от одного дыхания которых все вокруг замерзало. Как отметил известный швейцарский востоковед Адам Мец, мусульманский купец конца IX-X вв. превращается в носителя мусульманской культуры (Мец 1973: 374). С этим утверждением трудно не согласиться. Истоки географических сказок в арабской литературе в большинстве своем связаны с морскими рассказами, повествующими о странах Востока – Индии, Малайском архипелаге и Запада – главным образом восточного побережья Африки. И начинают расцветать эти рассказы в портовых центрах халифата. Что же касается сухопутных маршрутов, то здесь в целом их данные носили более объективный характер, тем более, что подвергались неоднократной проверке со стороны ученых-географов, обрабатывающих поступающую к ним информацию, в большей степени, в прагматических целях.

Также необходимо отметить еще одну важную особенность, свойственную арабской литературе вообще. Об этой особенности писали многие знатоки арабской средневековой литературы, пытаясь предупредить современных исследователей, использующих этот вид источника. Дело в том, что «в арабской литературе господствовал такой взгляд на литературную собственность предшественников, который иногда совпадает с современным понятием плагиата» (Крачковский IV: 23). Академик В.В. Бартольд пишет по данному поводу следующее: «Пользование арабской географической литературой несколько затрудняется ее книжным характером и связанной с этим хронологической неопределенностью. Например, если мы знаем, что один автор писал в X, другой – в XI в., то из этого не следует, чтобы рассказы второго относились к более позднему времени, чем рассказы первого; почти все авторы пишут по книгам, не называя своих источников и не

определяя их времени, и часто бывает, что в сочинении XI в. использован более ранний источник, чем в сочинении X в.» (Бартольд 1963: 562).

Однако можно отметить ученых, чьи компиляции отличаются высоким профессионализмом и указывают имена предшественников, чьи труды они использовали. Среди них наиболее известны: компиляция аш-Шерифа ал-Идриси (493/1100 – 560/1165 гг.); «Географический словарь» Якута аль-Хамави (родился между 1178 и 1180 гг. – ум. 1229 г.); труд Абул-л-Фиды (XIV в.). В основной массе ученый-компилятор того времени «очень редко считает нужным упомянуть», что используемые им данные «относятся к значительно более ранней эпохе, часто вводя этим в заблуждение неопытных современных исследователей», – отмечает Ю.И. Крачковский. – «Злой воли в этом литературном приеме обыкновенно не было, хотя иногда она и не исключалась. Явление было общим для всех областей литературы и возникло почти с самого начала письменности» (Крачковский IV: 23). Поэтому следует помнить предупреждение, что пользуясь этими трудами, надо иметь в виду, что в них сведения могут относиться не к тому времени, когда жили сами компиляторы (Бартольд 1925: 57).

Географическая литература, написанная на арабском языке, по меткому выражению И.Ю. Крачковского, «двухсторонняя». Одним аспектом она обращена в сторону точной науки, другим – в сторону изящной литературы, «поднимаясь в некоторых произведениях этой категории до высокой степени художественного совершенства» (Крачковский IV: 16). За астрономической географией утверждается греческий термин «джаграфийя», передающийся изредка в форме «наука о долготах и широтах» (илм ал-атвал ва-л-а'рад), описательная география получает название «наука о путях и государствах» (илм ал-масалик ва-л-мамалик). Преобладание космографического элемента с оттенком чудесности подчеркивалась термином «наука о чудесах стран» (илм 'аджа'иб ал-билад) (Крачковский IV: 18-19). Особенностью ранней арабской географической науки является то, что в своих теоретических построениях она исходила, вопреки накопленным ею реальным сведениям о географии Земли, из птолемеевской картины мира и его географической теории (Крачковский IV: 88; Мец 1973: 230). Картографический материал обычно воспроизводил карты Клавдия Птолемея или схематические карты, восходившие к древнеиранским прототипам. Отметим, что на достижения античной географии опирались, в основном, ученые «математического» направления, такие как ал-Хоризми, Сухраб, ал-Фаргани, ал-Баттани (Коновалова 2000: 126).

Самое раннее сохранившееся арабское географическое сочинение «математического» направления – «Китаб сурат ал-ард» («Книга картины Земли») – принадлежит перу известного в Европе еще с XII в. среднеазиатского ученого Мухаммада ибн Мусы ал-Хоризми (ал-Хваризми) (о нем см.: Крачковский IV: 91-96). Это сочинение является переработкой птолемеевского «Географического руководства» с частичным переосмыслением ряда терминов Птолемея. «Китаб сурат

ал-ард» было написано между 836-847 гг. и сохранилось в единственной рукописи, датированной 1037 годом. По этой рукописи в 1926 г. Г. Мжик издает арабский текст, но не предпринимает задуманного ранее перевода, исходя из того, что далеко не весь материал поддается расшифровке (Крачковский IV: 94).

Как астроном и математик ал-Хоризми построил свою географическую работу в виде «зиджа» – таблиц. Это табличная передача птолемеевского материала, не только с дополнением его специально арабскими географическими данными, но и с рядом других изменений. Материал в книге ал-Хоризми распределен иначе, чем у Птолемея: нет введения и теоретического заключения (возможно, что они не сохранились); города, реки, горы ал-Хоризми рассматривает отдельно по климатам, которых у него насчитывается семь, тогда как у Птолемея – двадцать один (Калинина 1988: 12). Распределение земель по климатам у арабов диктовалось необходимостью определения киблы (т.е. направления к Мекке во время молитвы) в любой точке Земли. Этим объяснялся интерес ал-Хоризми к долготе дня и положению Солнца в полдень в том или ином пункте – именно к тем параметрам, какими у греков определялись «климаты».

Труд ал-Хоризми интересен еще и тем, что в нем наряду с античной географической терминологией представлена и та, которая начали употреблять во время жизни автора. В ряде случаев он дает и античные названия, и современные, а также делает попытку первые пояснить через вторые (Новосельцев 1990: 9). В «Книге картины Земли» нашли отражение какие-то древние и потому уникальные сведения о расселении хазар среди земель тюрок в пределах «внутренней Скифии», то есть до того момента, как они передвинулись из внутренней Скифии в земли «Первой Сарматии», в страну Берсилию (Калинина 1988: 76). Берсилию, по мнению большинства исследователей, следует располагать на территории современного Дагестана или, что вернее, в еще более обширной прилегающей области (обзор точек зрения см.: Минорский 1963: 128-129; Чичуров 1980: 117).

Разграничение Сарматии у ал-Хоризми получилось иное, чем у Птолемея: в пределы птолемеевой Европейской Сарматии ал-Хоризми поместил бурджан, а не алан; в пределы же птолемеевой Азиатской Сарматии ал-Хоризми переместил алан (Калинина 1988: 95). Кого же подразумевал ал-Хоризми под этнонимом «бурджаны»? В тексте нет диакритических знаков, поэтому чтение восстановлено по арабской традиции, знающей этот термин (Калинина 1988: 92). В.В. Полосин высказал предположение, что в данном варианте чтение «бурджан» является ошибочным. Арабская графика дает четыре схожих написания: булгар, булкар, бургаз и бурджан. Третья согласная в этих словах может передавать согласный звук «г». В двух последних словах третья согласная передает звук «г» именно в иноязычных словах. Таким образом, согласно В.В. Полосину, читать следует именно «бурган», а не «бурджан». Кроме этого, В.В. Полосин предлагает также изменить последнюю букву в слове «бурган» и читать «бургар» или «бургаз», исходя из особенностей арабской графики, когда указанные последние буквы имеют схожее

написание. Таким образом, диалектные изменения «бургар – булгар» и «бургар – бургаз» легко объясняются исторической фонетикой тюркских языков (Полосин 1971: 26-29). Начиная с IX в. целый ряд арабо-персидских авторов знал «бурджан» как придунайских болгар (иногда смешивая их с волжскими булгарами) (Marquart 1903: 142-145). Таким образом, ал-Хоризми под «бурджанами» мог подразумевать только болгар.

В сочинении ал-Хорезми есть и другие не менее загадочные термины, толкающие исследователей на самые различные предположения. Например, в 6-м климате «Китаб сурат ал-ард» упомянута река Др.ус, под которой, по мнению А.П. Новосельцева, возможно, подразумевается Днепр (Новосельцев 2000: 281). Она берет начало с Русской горы (Джабал Рус) и это хронологически самое раннее упоминание названия «рус» в арабской литературе. Именно поэтому данное сообщение в контексте остальных сведений ал-Хоризми является важным для нашего исследования.

Следует обратить внимание еще на один фактор, освещенный у Ал-Хорезми. Как уже было выяснено, ал-Хорезми положил в основу своей книги «Географию» Птолемея, но он указал географические координаты разных местностей, изменив данные александрийского ученого в соответствии с современными для него сведениями. В частности, ал-Хорезми вводит в свое сочинение название коранических народов Йаджудж и Маджудж, определив их в самых отдаленных, - шестом, седьмом и «за седьмым», – климатах. При этом он изобразил определенные реалии, указывающие особенности их местонахождения, а именно: координаты центра страны Маджудж и Йаджудж, четырех городов Йаджудж и Маджудж, некоей Окружающей горы Йаджудж, а также показал преграды между горами «Йаджудж и Маджудж» (Калинина 2010: 120). Все координаты указывают на крайний восток Земли, что дало некоторым исследователям основание рассматривать эти объекты как реальные: земля Йаджудж – Кокурью, современная Корея, преграда – Великая Китайская стена; Окружающая гора – горная гряда Гималаев, Тянь-Шаня и Алтая (Ахмедов 1983: 183).

Наряду с научной линией ранней арабской географии существовала линия, получившая название описательной географии, к которой тесно примыкали рассказы о путешествиях. Иногда обе линии пересекались и таким образом создавались произведения смешанного типа. Это направление было более типичным для арабской географической литературы явлением. «Именно эта линия придает их географии своеобразный облик, параллель к которому трудно отыскать в других литературах», – пишет Ю.И. Крачковский (Крачковский IV: 17).

Возникновение и становление описательной географии связано с закреплением формы «ал-масалик ва-л-мамалик», т. е. маршрутного описания мусульманских областей, а так же территорий, имеющих для арабов важное геополитическое значение. Первым автором, от которого до нас дошло географическое сочинение описательного типа под наименованием «Китаб ал-

масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»), обыкновенно считается Абу-л-Касим ʻУбайдаллах ибн ʻАбдаллах ибн Хордадбех (ок. 205/820 – ок. 300/912 гг.). В тоже время, авторитетный для истории арабской литературы (до X в.) «Фихрист» ан-Недима прямо указывает, что автором первой «Книги путей и государств» был Абу-л-абас Джаʼфар ибн Ахмед ал-Мервази, которому смерть незадолго до 274/887-888 г. не позволила окончить свой труд. Ан-Недим знает Ибн Хордадбеха, но не считает его первым автором «ал-масалик ва-л-мамалик». В тоже время исследователи убежденно отмечают, что когда ал-Марвази писал свою книгу, ранняя, а может быть и вторая редакция труда Ибн Хордадбеха уже существовала (Булгаков 1958: 130).

Для самого ибн Хордадбеха «Книга путей и стран» явилась, вероятнее всего, эпизодом его литературной деятельности и стояла в ней особняком, так как была вызвана не личными вкусами, а служебными обязанностями. Он был близок ко двору халифа ал-Му'тамида в Самарре, являясь одним из влиятельных надимов. По всей видимости, именно положение при дворе выдвинуло его на важную должность начальника почты (сахиб ал-барид) в персидской провинции ал-Джибал. Позже он становится визиром халифа, о чем пишет арабский географ ал-Мукаддаси, отметив, что «он был визиром халифа и имел полный доступ к научным сокровищам библиотеки эмира правоверных» (Велиханова 1986: 18).

Несмотря на изучение Птолемея, Ибн Хордадбех написал свой труд, используя совершенно другую систему. Он оставляет в стороне астрономические деления и сосредотачивает внимание на дорожниках, в которых основное внимание уделяет описанию путей, соединявших области и города с точным указанием расстояний (Бартольд 1973: 515). Первоначальный вариант «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» Ибн Хордадбеха, как считает основная часть исследователей средневековой восточной литературы, не сохранился. Дошедший же до нашего времени текст, изданный голландским ориенталистом Михаэлем Яном де Гуе в серии «Bibliotheca Geographonim Arabicorum» – это сухой, сжатый до предела справочник. Ссылки на Ибн Хордадбеха, имеющиеся в других, более поздних арабских сочинениях, как правило, с уцелевшей «вытяжкой» не совпадают. Поэтому вполне закономерен вывод, что сохранившийся вариант сочинения – это, скорее всего, лишь кратчайшая выжимка из оригинала. В ней оставлены только данные, связанные собственно с маршрутами-путями, и, к сожалению, исключен почти весь описательный материал. Выдающийся арабист А.Я. Гаркави, считавший Ибн Хордадбеха одним из лучших арабских географов, очень сильно сокрушался по поводу того, что труд сохранился не в редакции самого Хордадбеха, а «в безалаберной переделке и сокращении неизвестного человека». Для А.Я. Гаркави труд этот во многом существенен еще и потому, что «Ибн-Хордадбе есть первый до сих пор известный писатель между Арабами, знавший и писавший о восточных Славянах и Русских, да притом по всей вероятности, по личному наблюдению или лично добытым известиям…» (Гаркави 1870: 47).

Из народов Юго-Восточной Европы наиболее часто в труде Ибн Хордадбеха упоминаются хазары. Дело в том, что внимание к ним арабских географов IX в. было определено не только воспоминаниями о ранее бушевавших арабо-хазарских войнах, но и торговыми контактами с Хазарским каганатом, контролировавшим устье Волги. Следует помнить, Волга тогда являлась главной водной магистралью Восточной Европы (Галкина 2005: 11).

Для данного исследования важным являются так же то, что Ибн Хордадбех одним из первых восточных географов оставил записи о купцах-русах и их маршрутах, о «Славянской реке», а также со слов Саллама ат-Тарджумана записал рассказ о его путешествии к «Стене Искандера», за которой обитали коранические народы Апокалипсиса «Йаджудж и Маджудж» (библейские Гог и Магог). Фрагмент о купцах-русах связан с рассказом о маршрутах еврейских купцов и выглядит, по мнению В.В. Бартольда, как «странная вставка» (Бартольд 1963а: 826). Б.Н. Заходер считает, что отрывок хоть и смотрится некоторым анахронизмом, однако принадлежит самому Ибн Хордадбеху, скорее всего, вставленный им при получении новой информации (Заходер 1967: 90). Вполне возможно, отрывок был сознательно вставлен переписчиком труда ученого.

Текст о маршрутах еврейских купцов отражает тот факт, что внутри восточноевропейских земель торговля осуществлялась не ими, а купцами-русами, маршрут которых шел от отдаленных земель славян до Румийского (Средиземного) моря, где вблизи Константинополя с них брал десятину византийский чиновник (Калинина 2000: 113). «*Если они отправляются по Танису – реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владетель (сахиб) также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу*» (Ибн Хордадбех 1986: 124). Следовательно, Ибн Хордадбех знал как минимум два маршрута торговых путей купцов-русов, которых он называл одной из разновидностей славян.

На рынках Хамлиджа, Багдада, Константинополя купцы-русы вступали в контакт с еврейскими купцами, и происходил обмен товарами (см.: Ибн Хордадбех 1986: 124; Гаркави 1870: 51-59; Новосельцев 2000: 264-323; Шинаков, Гурьянов 2002: 186-208). Как отмечает Н.М. Велиханова, «интенсивное торговое общение купцов-русов с еврейскими купцами ар-разани[1] во многом способствовало дальнейшему росту и развитию производства; изделия русского ремесла доходили до таких стран, куда в то время еще не ступала нога купца-руса» (Велиханова 1979: 37-38).

С данными Ибн Хордадбеха перекликаются известия Ибн ал-Факиха ал-Хамадани (Асадов 1993: 28-29), который в рассказе о маршруте славянских купцов соединил текст Ибн Хордадбеха о купцах-сакалиба с каким-то неизвестным источником. В результате появились новые пункты их передвижений с торговыми миссиями. Одни из них, по мнению Е.С. Галкиной, явно являются результатом

[1] Радхониты или радониты (араб. – ар-разанийа) – странствующие еврейские купцы, которые на протяжении раннего средневековья контролировали торговлю между исламским Востоком и христианской Европой.

«книжного» соединения источников, а другие отражают современные автору реалии (Галкина 2005: 13).

Упомянутая Ибн Хордадбехом, Ибн ал-Факихом, ал-Балазури, ат-Табари, ал-Куфи и рядом восточных авторов «Славянская река» («Нахр ас-сакалиба») вызвала в научной среде целую дискуссию о месте ее нахождения. У Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха упоминание о «Славянской реке» находится в относительно схожем контексте и выглядит следующим образом.

Ибн Хордадбех пишет: «*Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей (джинс) славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки чёрных лисиц и мечи из самых отдалённых [окраин страны] славян к Румийскому морю*[1]. *Владетель (сахиб) ар-Рума взимает с них десятину (ʻушр). Если они отправляются по […] (в тексте неясное слово, которое одни читают как «Танаис» (Дон), а другие – как «Атиль» (Волга). См.: Калинина 1994: 216-217 – И.Г.) – реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа*[2], *города Хазар. Их владетель (сахиб) также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу. Окружность этого моря 500 фарсахов*[3]. *Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками [для] них являются славянские слуги-евнухи (хадам). Они утверждают, что они – христиане и платят подушную подать (джизью)*» (Ибн Хордадбех 1986: 124).

У Ибн ал-Факиха читаем: «*Что же касается купцов-славян, то они везут шкурки лисиц и бобров из окраин [земель] славян и приходят к морю Румийскому,*[4] *и взимает с них десятину владетель Византии. Затем прибывают по морю к Самкарш иудеев,*[5] *затем переходят к славянам; или следуют от моря славян в эту реку, которая называется рекой славян, пока не достигнут пролива Хазар, и берёт с них десятину властитель хазар. Затем идут к морю Хорасанскому. Иногда выходят в Джурджане и продают всё, что у них есть. А идёт всё это в Рей*» (цит. по: Калинина 2007: 122).

Если написанное Ибн Хордадбехом и Ибн Факихом относится приблизительно к первой половине IX – началу X вв., то первое по времени описываемых событий известие о «Нахр ас-сакалиба» принадлежит перу историка Ибн Аʼсама ал-Куфи (ум. в 926 г.), который в «Книге завоеваний» («Китаб ал-футух»), рассказывая о походе на хазар в 737 г. арабского полководца Марвана ибн Мухаммада, описывает нападение арабских войск на народ «ал-сакалиба», а также упоминает «реку славян».

---

[1] Румийским морем Ибн Хордадбех называет Средиземное. Чёрное он, чаще всего, именует «Морем хазар» [«бахр ал-Хазар»] (Новосельцев 2000а: 365).

[2] Город в низовьях Волги, который, по-видимому, был в то время столицей Хазарии, а впоследствии стал частью Итиля (Новосельцев 1990: 129-130; Жих 2011: 46).

[3] Около 3000 км. В одном фарсахе ок. 6 км.

[4] По мнению Т.М. Калининой, у Ибн ал-Факиха, в отличие от Ибн Хордадбеха, так называется не только Средиземное, но и Чёрное море (Калинина 1986: 74).

[5] Если следовать точки зрения И.Г. Коноваловой, то это, скорее всего, Керчь (Коновалова 2000а: 207). По мнению А.П. Новосельцева под этим названием подразумевается Таматарха, будущая Тмутаракань (Новосельцев 1990: 132-133). В описываемое время эти населенные пункты принадлежали хазарам.

Ибн А'сама ал-Куфи пишет: «*Марвану и муслимам в стране хазар сопутствовал успех, и они достигли даже земель, расположенных за Хазарией. Затем они совершили набег на славян [сакалиба] и на другие соседние племена безбожников и захватили из них 20 тысяч семей. После этого они пошли дальше и вскоре добрались до реки славян [Нахр ас-Сакалиба]. Он вызвал одного из сирийских храбрецов, которого звали Каусар ибн ал-Асвад ал-Анбари…. И сказал ему: «Горе тебе, о Каусар! Ко мне пришел лазутчик, который сообщил мне, что хакан, Царь хазар, направил против нас одного из своих тарханов по имени Хазар-Тархан во главе 40 тысяч детей тарханов. Ты перейди реку прямо перед ними и устрой им засаду с таким же количеством воинов…*» (цит по: Смокотина 2009: 111).

Исследователи попытались отождествить реку средневековой восточной литературы с реальной водной артерией Юго-Восточной Европы. В результате появляются «донская», отождествляющая «Славянскую реку» с Доном (Бартольд 1963б: 871; Минорский 1963: 147; Новосельцев 1990: 115, 184-187) и «волжская» – с Волгой (Артамонов 2002: 234-237; Кляшторный 2001: 56-59; Кляшторный, Старостин 2002: 210-217; Кляшторный, Савинов 2005: 68-72; Мишин 2002: 42-43) гипотезы. Предлагались и другие варианты, однако широкого распространения они не получили (см: Жих 2011: 34, 52; 2013: 170; 2014: 48-49).

Восточноевропейские топонимы и гидронимы, которые мы обнаруживаем в арабо-персидской литературе, зачастую не были привязаны к реальным географическим объектам. Они могли менять дислокацию, которая зависела от довольно многих факторов: к какой школе принадлежал тот или иной автор, в какой части арабского мира и когда он жил, из каких источников получал информацию. Поэтому следует учитывать, что авторы, её упоминающие, жили и писали в разное время, в разных регионах и в разной исторической обстановке, принадлежали к разным школам арабской науки, черпали информацию из разных источников. Отсюда следует, что под одним и тем же названием они могли понимать совершенно разные объекты (Жих 2011: 42).

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов 2002 - *Артамонов М.И.* История хазар. 2-е изд. СПб., 2002. 560 с.

Асадов 1993 - *Асадов Ф.М.* Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку: Элм, 1993. 204 с.

Ахмедов 1983 - *Ахмедов А.Г.* и др. Астрономические и географические труды ал-Хорезми // Мухаммад ибн-Муса ал-Хорезми. К 1200-летию со дня рождения. М.: Наука, 1983. 263 с.

Бартольд 1925 - *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и в России. Л.: Ленинградский институт изучения живых восточных языков, 1925.

Бартольд 1963 - *Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа // Бартольд В.В. Сочинения в девяти томах. Т. 2. Ч. 1. М.: Восточная литература, 1963.

Бартольд 1963а - *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Бартольд В.В. Сочинения в девяти томах. Т. II. Ч. 1. М.: Восточная литература, 1963.

Бартольд 1963б - *Бартольд В.В.* Славяне // Бартольд В.В. Сочинения в девяти томах. Т. II. Ч. 1. М.: Восточная литература, 1963.

Бартольд 1973 - *Бартольд В.В.* Введение к изданию «Худуд ал-Алам» // Бартольд В.В. Сочинения в девяти томах. Т. VIII. М.: Наука, 1973.

Беляев 1966 - *Беляев Е.А.* Арабы, ислам и Арабский Халифат в раннем средневековье. М.: Наука, 1966.

Булгаков 1958 - *Булгаков П.Г.* «Книга путей и государств» Ибн Хордадбеха (к изучению и датировке редакций) // Палестинский сборник. Выпуск 3 (66). М.; Л., 1958. С. 127-136.

Велиханова 1979 - *Велиханова Н.М.* О торговых путях купцов-русов и купцов-евреев ар-Разани по сочинению Ибн Хордадбеха «Книга путей и владений» // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С. 37-42.

Велиханова 1986 - *Велиханова Н.М.* Сведения об Ибн Хордабехе // Ибн Хордадбех. Книга путей и стран («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик») / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 433 с.

Галкина 2005 - *Галкина Е.С.* Юго-Восточная Европа в представлении арабских географов IX в. // Восток (Oriens). 2005. № 3. С. 3-20.

Гаркави 1870 - *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р.Х.). СПб., 1870.

Жих 2011 - *Жих М.И.* Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань: Вестфалика, 2011. 90 с.

Жих 2013 - *Жих М.И.* Арабская традиция об ас-сакалиба в Среднем Поволжье и именьковская культура: проблема соотношения // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М.: Восточная литература, 2013. С. 165-186.

Жих 2014 - *Жих М.И.* Ранние славяне в Среднем Поволжье: сведения письменных источников и возможности их сопоставления с данными археологии // Поликультурный мир Среднего Поволжья: социально-антропологические и исторические аспекты. Т. I. Казань: КНИТУ, 2014. С. 41-67.

Заходер 1967 - *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.: Восточная литература, 1967.

Ибн Хордадбех 1986 - *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик») / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 433 с.

Калинина 1986 - *Калинина Т.М.* Торговые пути Восточной Европы IX века (по данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха) // Российская история. 1986. № 4. С. 68-82.

Калинина 1988 - *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата: Тексты, перевод, комментарии. М.: Наука, 1988.

Калинина 1994 - *Калинина Т.М.* Арабские источники VIII-IX вв. о славянах // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991. М., 1994. С. 211-223.

Калинина 2000 - *Калинина Т.М.* Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX-X вв. // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. Материалы и исследования. 1998. М., 2000. С. 106-119.

Калинина 2007 - *Калинина Т.М.* Водные пути сообщения Восточной Европы в представлениях арабо-персидских авторов IX-X вв. // Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур, 2007. 360 с.

Калинина 2010 - *Калинина Т.М.* Кораническая и устная традиция о местоположении народов Йаджудж и Маджудж // Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте: XXII Чтения памяти члена-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 14-16 апреля 2010 г. Материалы конференции. М., 2010.

Кляшторный 2001 - *Кляшторный С.Г.* Межкультурный диалог на Великом Волжском пути: исторический аспект // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 56-60.

Кляшторный, Савинов 2005 - *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. 346 с.

Кляшторный, Старостин 2002 - *Кляшторный С.Г., Старостин П.Н.* Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. В 7 тт. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: РУХИАТ, 2002. С. 210-217.

Коновалова 2000 - *Коновалова И.Г.* Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 126-133.

Коновалова 2000а - *Коновалова И.Г.* Восточные источники // Коновалова И.Г., Бибиков М.В., Джаксон Т.Н. и др. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2000. 608 с.

Крачковский IV - *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения / Под ред. Г.В. Церетели. Т. IV. М.; Л., 1957.

Мец 1973 - *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М.: Наука, 1973. 473 с.

Минорский 1963 - *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М.: Восточная литература, 1963. 285 с.

Мишин 2002 - *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в арабском мире в раннее средневековье. М.: Институт Востоковедения РАН, 2002. 368 с.

Новосельцев 1990 - *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

Новосельцев 2000 - *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. Материалы и исследования. 1998. М., 2000. С. 264-323.

Новосельцев 2000а - *Новосельцев А.П.* Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. Материалы и исследования. 1998. М., 2000. С. 360-367.

Полосин 1971 - *Полосин В.В.* Этноним «булгары» в арабских источниках // Краткие сообщения VII научной сессии ЛО ИВ АН СССР. Л., 1971. С. 26-29.

Смокотина 2009 - *Смокотина Д.В.* Поход Марвана 737 г. и проблема локализации славянской реки восточных авторов // Вестник ТомГУ. Серия «История». 2009. №1 (5). С. 110-122.

Чичуров 1980 - *Чичуров* И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. М.: Наука, 1980. 216 с.

Шинаков, Гурьянов 2002 - *Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н.* «Славяне» и «русы» IX – начала X вв.: сравнительный контентанализ «восточных источников» // Русский сборник: Сборник научных трудов, посвящённых 25-летию исторического факультета Брянского государственного университета. Брянск, 2002. С. 186-208.

Marquart 1903 - *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. 618 p.

REFERENCES

Ahmedov 1983 - *Ahmedov A.G. i dr.* Astronomicheskie i geograficheskie trudy al-Horezmi [Astronomical and geographical works al-Khwarizmi], in: Muhammad ibn-Musa al-Horezmi. K 1200-letiju so dnja rozhdenija [Muhammad ibn Musa al-Khwarizmi. To the 1200 anniversary since birth], Moscow, Nauka Publ., 1983, 263 p. [in Russian].

Artamonov 2002 - *Artamonov M.I.* Istorija hazar. 2-e izd. [History Khazars. Second edition], St. Petersburg, 2002, 560 p. [in Russian].

Asadov 1993 - *Asadov F.M.* Arabskie istochniki o tjurkah v rannee srednevekov'e [The Arab sources about Turkic peoples in the early Middle Ages], Baku, Jelm Publ., 1993, 204 p. [in Russian].

Bartol'd 1925 - *Bartol'd V.V.* Istorija izuchenija Vostoka v Evrope i v Rossii [History of studying of the East in Europe and in Russia], Leningrad, Leningradskij institut izuchenija zhivyh vostochnyh jazykov Publ., 1925 [in Russian].

Bartol'd 1963 - *Bartol'd V.V.* Ocherk istorii turkmenskogo naroda [Sketch of history of the Turkmen people], in: Bartol'd V.V. Sochinenija v devjati tomah. T. 2. Ch. 1 [Bartold V.V. Compositions in nine volumes. Volume 2. Part 1], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 1963 [in Russian].

Bartol'd 1963a - *Bartol'd V.V.* Arabskie izvestija o rusah [Arab news of Russians], in: Bartol'd V.V. Sochinenija v devjati tomah. T. II. Ch. 1 [Bartold V.V. Compositions in nine volumes. Volume II. Part 1], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 1963 [in Russian].

Bartol'd 1963b - *Bartol'd V.V.* Slavjane [Slavs], in: Bartol'd V.V. Sochinenija v devjati tomah. T. II. Ch. 1 [Bartold V.V. Compositions in nine volumes. Volume II. Part 1], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 1963 [in Russian].

Bartol'd 1973 - *Bartol'd V.V.* Vvedenie k izdaniju «Hudud al-Alam» [Introduction to the edition «Hudud al-'Alam»], in: Bartol'd V.V. Sochinenija v devjati tomah. T. VIII [Bartold V.V. Compositions in nine volumes. Volume VIII], Moscow, Nauka Publ., 1973 [in Russian].

Beljaev 1966 - *Beljaev E.A.* Araby, islam i Arabskij Halifat v rannem srednevekov'e [Arabs, Islam and the Arab Caliphate in the early Middle Ages], Moscow, Nauka Publ., 1966 [in Russian].

Bulgakov 1958 - *Bulgakov P.G.* «Kniga putej i gosudarstv» Ibn Hordadbeha (k izucheniju i datirovke redakcij) [«The Book of Roads and Kingdoms» Ibn Khordadbeh (to studying and dating of editions)], in: Palestinskij sbornik. Vypusk 3 (66) [Palestinian collection. Release 3 (66)], Moscow; Leningrad, 1958, pp. 127-136 [in Russian].

Chichurov 1980 - *Chichurov I.S.* Vizantijskie istoricheskie sochinenija: «Hronografija» Feofana i «Breviarij» Nikifora [Byzantine historical compositions: Theophanes «Chronicle» and Nikephoros «Breviarium»], Moscow, Nauka Publ., 1980, 216 p. [in Russian].

Galkina 2005 - *Galkina E.S.* Jugo-Vostochnaja Evropa v predstavlenii arabskih geografov IX v. [Southeast Europe in representation of the Arab geographers of the 9th century], in: Vostok (Oriens) [Oriens], 2005, № 3, pp. 3-20 [in Russian].

Garkavi 1870 - *Garkavi A.Ja.* Skazanija musul'manskih pisatelej o slavjanah i russkih (s poloviny VII v. do konca X v. po R.H.) [Legends of Muslim writers on Slavs and Russians (from a half of the 7th century until the end of the 10th century according to Christmas)], St. Petersburg, 1870 [in Russian].

Ibn Hordadbeh 1986 - *Ibn Hordadbeh.* Kniga putej i stran («Kitab al-masalik va-l-mamalik») / Perevod s arabskogo, kommentarii, issledovanie, ukazateli i karty N. Velihanovoj [The Book of Roads and Kingdoms («Kitāb al Masālik w'al Mamālik») / the Translation from Arab, comments, a research, indexes and cards N. Velikhanova], Baku, Jelm Publ., 1986, 433 p. [in Russian].

Kalinina 1986 - *Kalinina T.M.* Torgovye puti Vostochnoj Evropy IX veka (po dannym Ibn Hordadbeha i Ibn al-Fakiha) [Trade ways of Eastern Europe of the 9th century (according to Ibn Khordadbeh and Ibn al-Faqih)], in: Rossijskaja istorija [Russian history], 1986, № 4, pp. 68-82 [in Russian].

Kalinina 1988 - *Kalinina T.M.* Svedenija rannih uchenyh Arabskogo halifata: Teksty, perevod, kommentarii [Data of early scientists of the Arab caliphate: Texts, translation, comments], Moscow, Nauka Publ., 1988 [in Russian].

Kalinina 1994 - *Kalinina T.M.* Arabskie istochniki VIII-IX vv. o slavjanah [The Arab sources of the 8-9th centuries about Slavs], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii Vostochnoj Evropy. Materialy i issledovanija [The most ancient states in the territory of Eastern Europe. Materials and researches], 1991, Moscow, 1994, pp. 211-223 [in Russian].

Kalinina 2000 - *Kalinina T.M.* Zametki o torgovle v Vostochnoj Evrope po dannym arabskih uchenyh IX-X vv. [Notes about trade in Eastern Europe according to the Arab scientific 9-10th centuries], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii Vostochnoj Evropy. Materialy i issledovanija [The most ancient states in the territory of Eastern Europe. Materials and researches], 1998, Moscow, 2000, pp. 106-119 [in Russian].

Kalinina 2007 - *Kalinina T.M.* Vodnye puti soobshhenija Vostochnoj Evropy v predstavlenijah arabo-persidskih avtorov IX-X vv. [Waterways of the message of Eastern Europe in representations of the Arab-

Persian authors of the 9-10th centuries], in: Dzhakson T.N., Kalinina T.M., Konovalova I.G., Podosinov A.V. «Russkaja reka». Rechnye puti Vostochnoj Evropy v antichnoj i srednevekovoj geografii [Dzhakson T.N., Kalinina T.M., Konovalova I.G., Podosinov A.V. «The Russian river». River ways of Eastern Europe in antique and medieval geography], Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2007, 360 p. [in Russian].

Kalinina 2010 - *Kalinina T.M.* Koranicheskaja i ustnaja tradicija o mestopolozhenii narodov Jadzhudzh i Madzhudzh [Koranic and oral tradition about location of the people of Yadzhudzh and Madzhudzh], in: Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Ustnaja tradicija v pis'mennom tekste: XXII Chtenija pamjati chlena-kor. AN SSSR V.T. Pashuto, Moskva, 14-16 aprelja 2010 g. Materialy konferencii [Eastern Europe in the ancient time and Middle Ages. Oral tradition in the written text: XXII Readings memory of member-correspondant Academy of Sciences of the USSR V.T. Pashuto. Moscow, on April 14-16, 2010], Moscow, 2010 [in Russian].

Kljashtornyj 2001 - *Kljashtornyj S.G.* Mezhkul'turnyj dialog na Velikom Volzhskom puti: istoricheskij aspekt [Cross-cultural dialogue on the Great Volga way: historical aspect], in: Velikij Volzhskij put'. Materialy Kruglogo stola i Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara [Great Volga way. Materials of the Round table and International scientific seminar], Kazan, Master-Lajn Publ., 2001, pp. 56-60 [in Russian].

Kljashtornyj, Savinov 2005 - *Kljashtornyj S.G., Savinov D.G.* Stepnye imperii drevnej Evrazii [Steppe empires of ancient Eurasia], St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2005, 346 p. [in Russian].

Kljashtornyj, Starostin 2002 - *Kljashtornyj S.G., Starostin P.N.* Praslavjanskie plemena v Povolzh'e [Early Slavs tribes in the Volga region], in: Istorija tatar s drevnejshih vremen. V 7 tt. T. I. Narody stepnoj Evrazii v drevnosti [History of Tatars since the most ancient times. In 7 volumes. Volume I. People of steppe Eurasia in the ancient time], Kazan, RUHIAT Publ., 2002, pp. 210-217 [in Russian].

Konovalova 2000 - *Konovalova I.G.* Puti soobshhenija v Vostochnoj Evrope po dannym srednevekovyh arabo-persidskih avtorov [Means of communication in Eastern Europe according to medieval Arab-Persian authors], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii Vostochnoj Evropy [The most ancient states in the territory of Eastern Europe], 1998, Moscow, 2000, pp. 126-133 [in Russian].

Konovalova 2000a - *Konovalova I.G.* Vostochnye istochniki [East sources], in: Konovalova I.G., Bibikov M.V., Dzhakson T.N. i dr. Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov / Pod red. E.A. Mel'nikovoj [Konovalova I.G., Bibikov M.V., Dzhakson T.N., etc. Ancient Russia in the light of foreign sources / Under the editorial office E.A. Melnikova], Moscow, Logos Publ., 2000, 608 p. [in Russian].

Krachkovskij IV - *Krachkovskij I.Ju.* Arabskaja geograficheskaja literatura [Arab geographical literature], in: Krachkovskij I.Ju. Izbrannye sochinenija / Pod red. G.V. Cereteli. T. IV [Krachkovsky I.Yu. Chosen compositions], Moscow; Leningrad, 1957 [in Russian].

Marquart 1903 - *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge [East European and East Asian researches], Leipzig, 1903, 618 p. [in German].

Mec 1973 - *Mec A.* Musul'manskij Renessans [Muslim Renaissance], Moscow, Nauka Publ., 1973, 473 p. [in Russian].

Minorskij 1963 - *Minorskij V.F.* Istorija Shirvana i Derbenda [History of Shirvan and Derbend], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 1963, 285 p. [in Russian].

Mishin 2002 - *Mishin D.E.* Sakaliba (slavjane) v arabskom mire v rannee srednevekov'e [Sakaliba (Slavs) in the Arab world in the early Middle Ages], Moscow, Institut Vostokovedenija RAN Publ., 2002, 368 p. [in Russian].

Novosel'cev 1990 - *Novosel'cev A.P.* Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza [The Hazaria state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus], Moscow, Nauka Publ., 1990, 264 p. [in Russian].

Novosel'cev 2000 - *Novosel'cev A.P.* Vostochnye istochniki o vostochnyh slavjanah i Rusi VI-IX vv. [East sources about east Slavs and Russia the 6-9th centuries], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii Vostochnoj Evropy. Materialy i issledovanija [The most ancient states in the territory of Eastern Europe. Materials and researches], 1998, Moscow, 2000, pp. 264-323 [in Russian].

Novosel'cev 2000a - *Novosel'cev A.P.* Arabskij geograf IX v. Ibn Hordadbeh o Vostochnoj Evrope [The Arab geographer of the 9th century Ibn Khordadbeh about Eastern Europe], in: Drevnejshie gosudarstva na

territorii Vostochnoj Evropy. Materialy i issledovanija [The most ancient states in the territory of Eastern Europe. Materials and researches], 1998, Moscow, 2000, pp. 360-367 [in Russian].

Polosin 1971 - *Polosin V.V.* Jetnonim «bulgary» v arabskih istochnikah [Ethnonym «Bulgars» in the Arab sources], in: Kratkie soobshhenija VII nauchnoj sessii LO IV AN SSSR [Short messages of the VII scientific session of the Leningrad office of Institute of oriental studies of Academy of Sciences of the USSR], Leningrad, 1971, pp. 26-29 [in Russian].

Shinakov, Gur'janov 2002 - *Shinakov E.A., Gur'janov V.N.* «Slavjane» i «rusy» IX – nachala X vv.: sravnitel'nyj kontentanaliz «vostochnyh istochnikov» [«Slavs» and «Russians» of IX – the beginning of the 10th centuries: comparative contentanalysis of «east sources»], in: Russkij sbornik: Sbornik nauchnyh trudov, posvjashhjonnyh 25-letiju istoricheskogo fakul'teta Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta [Russian collection: The collection of the scientific works devoted to the 25 anniversary of department of history of the Bryansk state university], Bryansk, 2002, pp. 186-208 [in Russian].

Smokotina 2009 - *Smokotina D.V.* Pohod Marvana 737 g. i problema lokalizacii slavjanskoj reki vostochnyh avtorov [Marvan's campaign of 737 g and problem of localization of the Slavic river of east authors], in: Vestnik TomGU. Serija «Istorija» [Bulletin of the Tomsk state university. History series], 2009, №1 (5), pp. 110-122 [in Russian].

Velihanova 1979 - *Velihanova N.M.* O torgovyh putjah kupcov-rusov i kupcov-evreev ar-Razani po sochineniju Ibn Hordadbeha «Kniga putej i vladenij» [About trade ways of merchants-rusov and Jewish merchants ar-Razani according to Ibn Khordadbeh composition «The Book of Roads and Kingdoms»], in: Tovarno-denezhnye otnoshenija na Blizhnem i Srednem vostoke v jepohu srednevekov'ja [The commodity-money relations in the Middle East during a Middle Ages], Moscow, 1979, pp. 37-42 [in Russian].

Velihanova 1986 - *Velihanova N.M.* Svedenija ob Ibn Hordabehe [Information about Ibn Khordadbeh], in: Ibn Hordadbeh. Kniga putej i stran («Kitab al-masalik va-l-mamalik») / Perevod s arabskogo, kommentarii, issledovanie, ukazateli i karty N. Velihanovoj [Ibn Khordadbeh. The Book of Roads and Kingdoms («Kitāb al Masālik w'al Mamālik») / the translation from Arab, comments, a research, indexes and cards N. Velikhanova], Baku, Jelm Publ., 1986, 433 p. [in Russian].

Zahoder 1967 - *Zahoder B.N.* Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. T. II [Caspian set of data on Eastern Europe. Volume II], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 1967 [in Russian].

Zhih 2011 - *Zhih M.I.* Rannie slavjane v Srednem Povolzh'e (po materialam pis'mennyh istochnikov) [Early Slavs on average the Volga region (on materials of written sources)], St. Petersburg; Kazan, Vestfalika Publ., 2011, 90 p. [in Russian].

Zhih 2013 - *Zhih M.I.* Arabskaja tradicija ob as-sakaliba v Srednem Povolzh'e i imen'kovskaja kul'tura: problema sootnoshenija [The Arab tradition about the expert-sakaliba on average the Volga region and imenkovsky culture: ratio problem], in: Strany i narody Vostoka. Vyp. XXXIV [Countries and people of the East. Release. XXXIV], Moscow, Vostochnaja literatura Publ., 2013, pp. 165-186 [in Russian].

Zhih 2014 - *Zhih M.I.* Rannie slavjane v Srednem Povolzh'e: svedenija pis'mennyh istochnikov i vozmozhnosti ih sopostavlenija s dannymi arheologii [Early Slavs on average Volga region: data of written sources and possibility of their comparison to data of archeology], in: Polikul'turnyj mir Srednego Povolzh'ja: social'no-antropologicheskie i istoricheskie aspekty. T. I [Polycultural world of Central Volga area: social and anthropological and historical aspects. Volume I], Kazan, KNITU Publ., 2014, pp. 41-67 [in Russian].

Гагин Игорь Анатольевич – Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета (Рязань, Россия).
Igor Gagin – Candidate of historical sciences, Associate Professor of Departments of Philosophy and History of Ryazan State Medical University (Ryazan, Russia).
E-mail: igagin@mail.ru

УДК 94(47)

ИСТОРИЯ КУБАНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: НОВАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ

И.Ю. Васильев

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru
SPIN-код: 8437-3902

Авторское резюме

Традиционная периодизация послевоенной советской истории с пресловутым делением на «поздний сталинизм», «хрущёвскую оттепель», «эпоху застоя» и «перестройку» давно уже вызывает сомнения. Подобное деление истории «по царям» отражает преимущественно изменения в жизни советских «придворных кругов», и родилось именно в этой среде, в среде столичных управленцев и интеллигенции. Однако для провинции, например, для сельских территорий Кубани, несомненно, более значимо социально экономическое измерение истории, которое даёт во многом совершенно иную периодизацию. Мы делим историю Кубани после окончания Великой Отечественной войны на три периода: до конца 1940-х гг. – послевоенное восстановление; конец 1940-х – начало 1970-х – Вторая советская модернизация, период активного развития и роста; период со второй половины 1970-х гг. и до конца столетия – период постепенно усиливающейся стагнации и разложения социально-экономической системы.

Ключевые слова: Кубань, хронология, казачество, СССР.

KUBAN IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY: A NEW PERIODIZATION OF THE SOVIET HISTORY

Igor Vasilyev

The research center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

Abstract

Traditional periodization of the post-war Soviet history into Late Stalinism, Khrushchev's Thaw, the Era of Stagnation and Perestroika has been questioned for a while. This notorious division - based on the ruling "tsar" at the time - mostly reflected changes in lives of the Soviet "court" and originated from the circles made up by Moscow managers and intelligentsia. For the provinces, e.g. agricultural Kuban, however, socio-economic changes played a far more important role thus suggesting a significantly different periodization of history. We break the post-war Kuban history into three parts: till the end of 1940s - reconstruction after the World War 2; end of 1940s - beginning of 1970s - second Soviet industrialization with active revitalization of the economy; and second half of the 1970s till the end of the century - steadily aggravated stagnation and corruption of the socio-economic system.

Keywords: Kuban, chronology, Cossacks, USSR.

* * *

Традиционная периодизация послевоенной советской истории с пресловутым делением на «поздний сталинизм», «хрущёвскую оттепель», «эпоху застоя» и «перестройку» давно уже вызывает сомнения. Подобное деление истории «по царям» отражает преимущественно изменения в жизни советских «придворных кругов», и родилось именно в этой среде, в среде столичных управленцев и интеллигенции. Смена партийного руководства действительно могла существенно повлиять на жизнь этих людей.

Однако для провинции, например, для сельских территорий Кубани, несомненно, более значимо социально экономическое измерение истории, которое даёт во многом совершенно иную периодизацию. Примечательны, например, в этом отношении разработки известного экономиста, академика РАН Л.И. Абалкина, который, например, отделял последние несколько лет правления Л.И. Брежнева от предыдущего периода. Подобное дробное деление поздней советской истории без прямой увязки со сроками правления генеральных секретарей вообще достаточно распространено среди историков экономики (Абалкин 2007; Абалкин, Иванов 2007; Шевчук 2009).

Послевоенная история Кубани начинается с периода восстановления. Это время было материально очень тяжелым даже для весьма экономически развитого Усть-Лабинского района. Например, весенний сев в колхозах «Красный партизан» и «Зоря коммунизма» в апреле 1943 г. был практически сорван. В том числе и потому, что после освобождения наблюдалась катастрофическая нехватка техники и запчатей на мирные нужды. Но восстановление инфраструктуры началось практически сразу после освобождения. Особое внимание уделялось восстановлению системы школьного образования (ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 34. Л. 28, 32; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 68. Л. 1-2).

Но постепенно ситуация улучшалась. На место быков и коров, на которых пахали сразу после войны, стала поступать техника, причём более совершенная, чем прежние модели. Особенно помогли колхозникам гусеничные трактора. Особенно это стало заметно с конца 1940-х гг. В 1954 г. проводились в Усть-Лабинском районе эксперименты с выращиванием ранее неизвестных на Кубани культур: клещевины, арахиса, суданской травы, кунжута. В 1950 г. малые колхозы ст. Воронежской слили в колхоз имени Жданова.

Укрупнялись и административно-территориальные единицы: 22 августа 1953 г. Ладожский район был упразднён. Его территория в полном составе была передана в Усть-Лабинский район. В 1954 г. в станице появился водопровод. А ещё в 1949 г. в Воронежской была создана любительская футбольная команда. В 1952 г. местные спортсмены участвовали во 2-ой летней краевой спартакиаде. С середины 1950-х гг. больше внимания стали уделять условиях труда и здоровью работников сельского

хозяйства, первоначально МТС (машинно-тракторных станций) и механических мастерских. Одновременно промышленные продукты стали окончательно вытеснять из обихода продукцию домашнего ремесла. Средства на покупку промышленных товаров получались за счёт продажи выращенного на приусадебном участке, сильно урезанного домашнего животноводства (Сылко 2004: 157-159; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. *Д*. 365. *Л*. 7-7 об.).

Первые послевоенные годы были часто не менее тяжкими, чем военные и в Горячеключевском районе. И люди выживали, как могли. Спецификой здесь в послевоенный период было сохранение некоторых проявлений нелегального и полулегального частного предпринимательства, на которое власти так или иначе закрывало глаза. Жесткая налоговая политика приводила к судебным процессам, в том числе в отношении членов партии. В 1950 г. было привлечено к суду 40 хозяйств и колхоз «Большевик», с которого было взыскано 70 тыс. рублей (ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. *Д* 1091. *Л*. 3 об. – 4; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. *Д* 1221. *Л*. 2-3; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. *Д* 1221. *Л*. 2-3; Забазнов 2010: 101; Дело мира и любви 2009: 166-167).

Ещё больше тяжесть налогообложения ложилась на личные приусадебные хозяйства. «*[…] Собиралы яйца. Есть коровы, куры, нет – яйца давай. […] Всё сдавалы. Потому шо писля войны, чим подымать», сто пятьдесят литров молока – давай*». Надо было сдавать шкуры животных, не менее 4,5 кг. свинины. С каждой сотки сдавали часть картошки. Все фруктовые деревья, даже кусты смородины, обложили налогом. Люди даже были вынуждены уничтожать фруктовые деревья и ягодные кусты (ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. *Д*. 381. *Л*. 2 об.; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. *Д*. 479. *Л*. 2).

Но в целом сельское хозяйство было представлено колхозно-совхозной системой. Сельскохозяйственное производство становилось всё более комплексным и разнообразным. В плане для сельского хозяйства Горячеключевского района предусматривается выращивание пшеницы, овса, кукурузы, подсолнечника, табака, картофеля, бахчевых, огурцов, свёклы, моркови, лука и чеснока, помидоров, винограда, использование ягодников. В районе разводился мясной и молочный рогатый скот, существовало развитое коневодство, выращивались овцы и козы, куры в инкубаторах (ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. *Д*. 293. *Л*. 1-3). Главными сельхозкультурами были пшеница и табак. Для защиты табака от вымокания начали сооружать ирригационные канавы, вносили новые удобрения (ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. *Д*. 536. *Л*. 2, 9 об.).

Укреплялись и сами сельхозпроизводители. На 1951 г. пришлось укрупнение колхозов. А в 1953 г. в составе колхозов уже были тракторные бригады (ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. *Д*. 479. *Л*. 1; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 2. *Д*. 22. *Л*. 10). 3 тыс. га сельскохозяйственных угодий с дореволюционного периода в Горячеключевском районе стояли заросшими лесом и кустарником. Планировалось их расчищать под выращивание табака, садов (ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 3. *Д*. 20. *Л*. 1). К концу 1960 г. было посажено 49 га садов, 23,5 га виноградников, окультурено 110 га дикоплодовых. В том же 1960 г. урожайность табака достигла 12 центнеров с га (ЦДНИКК. Ф. 1369.

Оп. 7. Д. 34. Л. 12; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 7. Д. 9. Л. 18). Именно для послевоенного советского периода для Горячеключевского района характерно максимально комплексное хозяйство и максимальная площадь посевов зерновых.

В этот период продолжала активно развиваться местная инфраструктура. В 1955 г. в станице Усть-Лабинской уже действовал водопровод. Однако утечка из него составляла 28% в год. Имели место трудности в освоении техники, комбайны не были оборудованы устройствами для сбора половы, для этого использовались сапетки. Развивалась и школьная система. В 1955 г. в г. Усть- Лабинске было 14 начальных школ. Из них 3 в станице Усть-Лабинской. По одной в станице Воронежской, на хуторе 1-ая речка Кочеты, в станицах Кирпильской, Некрасовской, Новолабинской, Тенгинской, Ладожской, Восточной, на хуторах Александровском, Болговском.

Однако за обучение детей в школах продолжали брать плату. Значительную часть социальной работы (в т.ч., выплату некоторых видов пенсий, опеку над сиротами) ещё осуществляли местные советы, а не централизованные государственные структуры. Однако именно в этот период в районе многие отрасли уже передавались в ведение крупных региональных и государственных организаций. Так, высоковольтные линии передавались введение треста «Сельэнерго» (ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д. 117. Л. 1-2; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. Д. 245. Л. 1а; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 2. Д. 24. Л. 15; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 5. Д. 44. Л. 5, 8, 10).

Вскоре после окончания Великой Отечественной начался и быстрый рост промышленности Горячеключевского района. Были построены Тликское и Шапсугское водохранилища. С 1952 г. в Горячеключевском районе активно развивались нефтепромыслы, на них было занято 134 человека. С конца пятидесятых в основном развивались нефтяная и лесная промышленность. В 1957 г. план по нефтедобыче был выполнен на 100, 6%. Сверх плана было добыто 5938 тонн нефти. Действовали крупные леспромхозы «Краснодардревлес», леспромхоз «Крайтопуправления». Активно развивалось и другое производство, связанное с лесной промышленностью, например, завод дубильных экстрактов (История 2015).

Но особенно быстро рос курорт. В 1949 году гидроминеральное хозяйство могло обслужить до 1500 человек в день. В 1963 г. в им. Островского санатории по путевкам (направлениям на лечение с проживанием и питанием в санатории – И.В.) профсоюза лечились почти 4000 человек, а в курортной поликлинике но курсовкам (направлениям на лечение без проживания и питания – *И.В.*) – 6418 человек. Во всех санаторно-курортных учреждениях города в том же году лечились более 15 тыс. человек. В Горячем Ключе стали успешно лечить заболевания желудка, кишечника печени, поджелудочной железы, обмена веществ (6 видов минеральной воды из 17 скважин). Это направление быстро стало более приоритетным, чем прежнее – заболевания опорно-двигательного аппарата. В 1960-е и 1980- е гг. Горячий Ключ стал не только бальнеологическим, но и одним из лучших в СССР питьевым

курортом (ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 3. *Д*. 20. *Л*. 1; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 4. *Д*. 14. *Л*. 3; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 7. *Д*. 34. *Л*. 11).

На вторую половину XX пришлось быстрое развитие инфраструктуры района. Хотя сначала было немало трудностей. В послевоенный период имели место серьёзные проблемы с состоянием дорог. Послевоенная безработица была весьма существенной. Но уже с начала 1950- х гг. начинается быстрый рост. В саратовской МТС (машинно-тракторная станция) в 1954 г. планировалось построить магазин, учебный зал и столовую. С середины 1950-х г. активно развивалась инфраструктура посёлка Горячий Ключ. Строился водопровод, школы, развивались электросети. С начала 1960-х г. происходило развитие сети автобаз (Кочериди 2011: 405).

В целом большинство населённых пунктов было существенно благоустроено. Например, в станице Имеретинской в 1960- е г. имелось три школы, три клуба, библиотека, три фельдшерских пункта, четыре магазина, парикмахерская. В 1978 г. на территории Совета был организован Имеретинский табаководческий совхоз. В 1984 г. в станице проживало 1345 человек, были школа, почтовое отделение связи, лесничество, два магазина, детский сад, ФАП (фельдшерско-акушерский пункт), Дом культуры, библиотека, кирпичный завод, дорога с асфальтовым покрытием (Борисович 1970: 1; Миролевич 1970: 1; Забазнов 2010: 99, 115; ГАКК. Ф. Р – 1622. Оп. 1. *Д*. 318. *Л*. 1, 6; ГАКК. Ф. Р – 1176. Оп. 1. *Д*.1. *Л*. 136, 142, 143; ГАКК. Ф. Р – 1185. Оп. 1. *Д*. 1. *Л*. 14; ГАКК. Ф. Р– 1622. Оп. 1. *Д*. 313. *Л*. 5).

В 1967 г. на Усть-Лабинском сахарном заводе внедрялась научная организация труда, производственные процессы автоматизировались. На заводе проводились испытания автоматического оборудования: по контролю цветности сока, сиропа. Механизация способствовала снижению количества подсобных рабочих, было организовано фотографирование простоев рабочего времени. На заводе имелись свои ремонтные и даже железнодорожные цеха. Из. 370818 центнеров свёклы выработано 37712 центнеров белого сахара. Выход сахара составил 9,19 при плане 9,0% содержание его в патоке 3,46% при плане 3.40% потери 1. 05 при плане 1.15. К 31 декабря 1968 г. сахарный завод г. Усть-Лабинска выдал 28400 ц. сверхплановой продукции.

В Усть-Лабинске успешно работали и другие промышленные и сельскохозяйственные предприятия: колхоз «Кубань», эфиромасличный комбинат, сахарный завод, «Сельхозтехника», «Сельхозхимия», мясокомбинат, молокозавод, пищекомбинат, кукурузно-калибровочный завод, слитый с пищекомбинатом дрожжеваренный завод. Инженер Введенский разработал для эфиромасличного завода экстрактор непрерывного погружения, превосходивший иностранные образцы. Он применялся для получения кориандрового масла. Так же он разработал технологию получения горного воска из угля. Промышленность развивалась не только в городе Усть-Лабинске, но и в станицах района. Ударно отработал 1969 г. коллектив ладожского пищекомбината. Колбасный цех выполнил план на 10 дней раньше срока (Сылко 2004: 96-100).

Появляются крупные колхозы, единственные на населённый пункт. Качественно изменяется на основе массового применения техники само производство (Плосков 1968: 3; Гришаков 1968: 1; Деревцов 1968; Лазарев 1972: 1; Хрестоматия 1982; Забазнов 2010: 93, 100, 113; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 229. Л. 78).

В 1959 г. половина угодий колхоза «Кубань» было под зерновыми, в основном озимой пшеницей и кукурузой, росли посадки подсолнечника и сахарной свёклы, в 1960 г. они составляли 1500 га. К 1960 г. почти в три раза увеличилось поголовье свиней, в 1,7 раз – поголовье птицы. В 1960 м г. на 1 января в колхозе «Кубань» работало 2622 человек, из них 37 специалистов с высшим и средним специальным образованием, в основном в 6 садово-производственных и садоводческой бригадах, на виноградниках. На весь Советский Союз прославился бригадир 4-ой бригады колхоза «Кубань» М.И. Клепиков, дважды герой социалистического труда. Он вместе с агрономом Тищенко и механиком Вихровым добивался рекордных урожаев зерновых, сахарной свёклы собирали 488 центнеров с гектара.

В 1963 г. колхозы и совхозы Усть-Лабинского района выступили одними из инициаторов социалистического соревнования работников сельского хозяйства. В 1963 г. ими было получена урожайность 36,6 ц. зерновых с га. Они продали государству зерна более чем 20 млн. пудов хлеб.

Одними из крупнейших промышленных предприятий района были организации по обслуживанию сельского хозяйства «Сельхозтехника» и «Сельхозхимия», в конце 1960-х гг. действовал специальный цех по монтажу современных животноводческих ферм.

В колхозах активно внедрялась механизация и научные методы ведения хозяйства при непосредственной поддержке краснодарских и московских учёных. Например, зимой 1968 г. проводилась механизация 2-ой фермы колхоза им. Крупской Усть-Лабинского района, был автоматизирован процесс подачи корма скоту.

В колхозах и совхозах действовали различные курсы повышения квалификации и повышения технической грамотности. В колхоз «Победа» в 1973 г. появился и кружок для повышения экономических знаний рабочих. В совхоз «Ладожский» из других хозяйств приезжали учиться мастерству машинного доения. В целом к 1973 г. новые для того времени агротехнические и животноводческие методики уже в полной мере усвоены колхозниками Кубани.

В 1960-е гг. проблема развития инфраструктуры в ряде населённых пунктов района стояла ещё весьма остро. В районе не хватало врачей с высшим образованием, отчасти – среднего медперсонала. В александровской, новобейсугской больницах, воздвиженской сельской врачебной амбулатории совершенно не было врачей, работающих постоянно. Но в этот же период инфраструктура начала быстро развиваться. В 1963 г. в Усть-Лабинске было 8 школ с 5570 местами и 274 учителя. В станице Воронежской Дом культуры был открыт в 1965 г. В 1967 г. открыто новое здание СШ №7. В 1970 г. была открыта музыкальная школа и новое здание городских

электросетей. Первая пятиэтажка была построена в 1973 г. (Из тезисов 1970: 2; Нужны радикальные меры 1973: 3; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д. 33 06. Л. 16).

В этот период быстро растёт уровень жизни, качество быта станичников. В жизни колхозников всё большее значение приобретает денежная плата на труд, в 1961 г. она окончательно сменяет трудодни. Так, В 1968 г. в Усть-Лабинском районе было 29 889 человек трудоспособного населения. Из них 23 523 было занято в общественном производстве. Рабочих и служащих – 76 56 чел., колхозников – 15867 человек. Пусть и далеко не все числившиеся колхозниками реально работали в колхозах (С первых дней 1963: 1; Ударным трудом 1963: 1; Турчанинова 1971: 4; Рапортуем Первомаю 1971; Рукотворная сила гектара 1971: 2; Максимов 1971: 4).

Во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. научно-техническое развитие хозяйства района шло ещё достаточно быстрыми темпами. Ни о каком застое ещё не было речи. Тогда же окончательно оформилась современные системы всеобщего пенсионного обеспечения, государственной социальной защиты, образование стало бесплатным (Забазнов 2010: 101; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1091. Л. 3 об. – 4; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1221. Л. 2-3; ГАКК. Ф. Р – 687. Оп. 2. Д 1221. Л. 2-3).

В целом в 1950-е – 1980-е гг. отличались небывалым за всю историю ростом как сельского хозяйства и инфраструктуры, так и промышленности. Усть-Лабинск и другие населенные пункты района вызывали интерес у столичных и краевых деятелей культуры, на территории района стала развиваться местная авторское творчество. Достижения устьлабинцев оказались весьма значительными в масштабах всего СССР, чем мог похвастаться далеко не каждый район страны. Жизнь стала достаточно обеспеченной. Однако коренным образом изменился её уклад, даже в сельской местности он приобрёл отчётливо индустриальные черты (преобладание крупного производства, основной вид занятости – наемный труд). Элементы традиционного уклада, ещё сохранявшие в тот период, либо оказались в ситуации пассивного бытования, либо функционировали в ином социальном контексте.

Одновременно с средины – конца 1970-х гг. начинают накапливаться негативные тенденции. Инфраструктура в отдалённых малых населённых пунктах переставала работать должным образом из-за наплевательского отношения к её поддержанию. На х. Коваленко Братского сельсовета не было света в течение дня по причине отключения трансформатора, который не могли изолировать хулиганящих подростков. В западной части Усть-Лабинска наблюдались летние перебои в водоснабжения из-за полива и недоделанной, неразветвлённой системы водоснабжения (Семья Юрьевых 1975: 2; «Сельской нови» отвечают 1975: 1; Азаренкова, Бондарь, Вертышева 1986: 285). А в Горячеключевском районе в тот же период началось исчезновение и упадок многих населенных пунктов, преимущественно хуторов. В 1975 – 1976 гг. исчезла с карт станица Абхазская. Жизнь в некоторых из заброшенных населённых пунктов была комфортной в плане человеческих отношений, экологии, питания, и вспоминается с ностальгией. Вот что рассказывает старожил станицы Абхазской.

Негативные стороны жизни того периода стёрлись из памяти жителей станиц, особенно на фоне последующего краха. «*В.Н.: - Было правление колхоза «Красный боец», колхоза «Парижской коммуны», потом <в правлении> сделали клубы. Правления колхоза «Ударник», потом клуб. И везде люди. Тогда ж людей много было. Сейчас куда люди подевались? Особенно эти последние пять лет. С кем я в командировках был, ни одного не осталось. З.Д.: - Уехали, поумирали. В клубах: «духовой оркестр грав. Танци грав. И спивалы. Идуть на танци чи в кино с песнямы. Щас ны модно. Тоди ж токо песни. Ну, потому ж шо не было ны тиливизорив, ны магнитоыонив, ничёго. А щас заспивай. Так скажуть: «А шо ж оно, чи пьяни, чи понапывалысь». От така жысть*» – вспоминали супруги Лютые из станицы Дядьковской (ПМ КФЭЭ. 2007. а/к 3695. Станица Дядьковская. Инф. – Лютый Владимир Николаевич 1938 г.р., Лютая (Бардакова) Зоя Дмитриевна 1938 г.р. Иссл. – Бондарь Н.И.).

Сельское хозяйство на Кубани издавна было эффективным и прибыльным. В полной мере это проявилось в указанный период времени. С появлением мощной техники, научно разработанных методов ведения хозяйства, продуктивных сортов семян и пород домашнего скота. Огромную роль сыграло трудолюбие кубанцев. Местные колхозы нередко были очень богаты. Не был исключением и Кореновский район.

«***Иссл.: - А колхоз у вас до перестройки богатый был?*** *Инф.: - Богатый. Дорогу построили, мельница своя. Маслозавод свой. Парк культуры сделали. Школу начали вот эту ж строить. Построили. Химсклад большущий построили. Всё при Убийко. Был богатый колхоз. Всё было своё тогда. А потом стали всё потихоньку ломать. Ломать, ломать, ломать. И сломали. У нас во второй бригаде было три звена только лишь бабских. И всем хватало работы. Четыре бригады было. 4 МТФ. 2 СТФ. ПТФ было. А сейчас ничего. Ни даже фермы животноводческой. Ни одной фермы*», – с болью поведал старожил станицы Сергиевской Алексей Михайлович Фурса (ПМ КФЭЭ. 2010-1. а/к 4201. Станица Сергиевская. Инф. – Фурса Алексей Михайлович 1937 г.р. Иссл. – Васильев И.Ю.).

Такие колхозы могли проводить эффективнейшую политику социальной поддержки односельчан, достойно поддерживать лучших работников. На практике в колхозной системе не было никакой уравниловки. Другое дело, что в её рамках могли пристойно жить люди самых разных способностей и личных возможностей.

«***Иссл.: - А в пятьдесят шестом году в колхозе уже зарплату платили?*** *Инф.: - Нет. Тада трудодни были. Один трудодень можно было заработать на 36 соток. Я попал на выставку. Больше всех на лошадях отвозил зерно от комбайна. Сто восемь трудодней в то время я заработал. И решили послать за отличный труд. Трофим Кириллович, председатель колхоза, нас отвозил туда. А с Краснодара уже нас отправили на поезде. Двое суток везли нас. Поселили в гостиницу. И жили там. И возили нас по всем павильонам. В 61 году перешли на деньги. Когда был трактористом, тада уже деньги платили. В 61 году меня осенью забрали в армию. А в шестьдесят четвёртом году демобилизовался. И как пришёл в родной колхоз и всё время. В гараже работал водителем. 37 лет начальство*

отвозил. И на грузовой работал. Передовикам на День урожая давали электробритву, часы. Первый раз часы дали, когда пацаном ещё. В кино придёшь и поднимаешь руку. Чтоб все видели, что ты с часами. От кинопроектора идёт же луч.

Иссл.: - Наверное колхоз хорошо занимался социалкой, поддержкой людей. *Инф.: - В станице всё, что построено – строил колхоз. И больница, и дом культуры, и администрация. И школы, и детские сады. Шестнадцать садиков было в станице. Всё за счёт колхоза. Черёмушки колхоз специально строил для врачей и учителей. Специалистам, молодым семьям квартиру давали. А потом началась прихватизация. А сейчас ничего нету, чтобы дать молодому специалисту. А тада всё было на учёте, всё было распределено. Артисты выступать приезжали. И жили даже тут. Дом им дали трёхэтажный. В то время не у кого такого ансамбля не было. Богатейший был.*

Иссл.: - Колхоз и рядовым работникам помогал? *Инф.: - Всем. При колхозе касса взаимопомощи была. Он заявление писал, и ему дом строили. И строму, и молодому. Специальная организация этим делом занималась. Надо деньги – пишешь заявление. На заседании правления его разбирали. Характеристику надо было взять с места работы. Если в пределах разумного просил – давали. Давали деньги. И ты их постепенно отрабатывал. Бывало, что колхоз строил бесплатно. Отработал, и жильё в твоё пользование оставалось. Студентов учиться колхоз направлял. В высшие учебные заведения бесплатно. За счёт колхоза обучали. А потом они домой возвращались. И работали специалистами: инженеры, агрономы. И педагоги, и врачи. Все*», – вспоминает активист казачьего возрождения из станицы Платнировской Иван Александрович Сидоренко (ПМ КФЭЭ. 2010-1. а/к 4217. Станица Платнировская. Инф. – Сидоренко Иван Александрович 1942 г.р. Иссл. – Васильев И.Ю.).

Специфическая черта народной памяти о кубанских колхозах эпохи застоя – наличие фигуры некоего легендарного, сверхуспешного председателя. Именно с ним в восприятии станичников связываются все достижения колхозного строя. Таков Т.Г. Третьяков для старожилов станицы Платнировской, Убийко и Осипенко – для дядьковчан.

«***Иссл.: - А были у вас председатели колхоза, которые подолгу и хорошо работали?*** *Инф.: - У нас Убийко долго был. Хорошо работал. При нём всё это было строительство. Иван Евдокимович. Он сейчас на пенсии, живёт в Кореновске. За ним Николай Михайлович был. А фамилию забыл. Тоже был хороший, а забрали, в другое место поставили. Перед перестройкой. А потм как посыпались! То один, то другой! И наши были, и наёмные, и приёмные. Только не председателя. Эта новая власть.*

Иссл.: - А при Убийко что построили? *Инф.: - Мельница – это Убийко. ДК – это Убийко. Школа – это Убийко. Химсклад – это Убийко. Мехтоп – это Убийко. Маслобойка – Убийко. Почти всё. Были ж миллионерами. А Николай Михайлович достраивал эту школу*» (ПМ КФЭЭ. 2010-1. а/к 4201. Станица Сергиевская. Инф. – Фурса Алексей Михайлович 1937 г.р. Иссл. – Васильев И.Ю.).

«*Осипенко Василий Андреевич, при нём было самое сильное хозяйство, «Маяк коммунизма». Он в начале руководил колхозом им. Буденного, а после укрупнения –*

«Маяком». Местный, с хутора Северный. Когда он уходил на пенсию, колхоз имел миллион прибыли» (ПМ КФЭЭ. 2007. а/к 3695. Станица Дядьковская. Инф. – Лютый Владимир Николаевич 1938 г.р., Лютая (Бардакова) Зоя Дмитриевна 1938 г.р. Иссл. – Бондарь Н.И.).

«***Иссл.: - А хозяйство в колхозе хорошее было?*** *Инф.: - Колхоз был в России на первом счету. Председатель был Трохфим Кириллович Третьяков у нас. Он бул депутат Верховного Совета. Из семи колхозив вин сделал один и сделал миллионер. У нас было очень хорошо! Всё было, чем сельское хозяйство занимается. Куры, гусы, индюкы. Птицефабрику мы построилы. Трохфим Кириллович и построил. Девять ферм было в колхозе. Щас одна осталась. Вин построил. Дороги. Амбар. А то амбар был с тридцать седьмого года. То был колхоза Кирова, а то колхоз красный пограничник. Я лично туды и землю возил, шоб робыть. Всё ж на бычках было.*

Иссл.: - Народ уважал его? *Инф.: - Ну конечно, а как же?! Некоторые его нэ уважалы. Но цэ ты сам должен понимать. Шо всим нэ угодышь. Но большинство уважалы. Вин стал зарплату платыть. Там же ж трудодни. Все сразу сомневалыся. А вин – «Ничего, уйдёт! То ждёте год денежку, а то каждый месяц. Скики заработал, стики и получи». А то ж было как. Нужно платыть налог. А где денег брать? Колхоз – миллионер. Колхоз рассчитываться будэ в января-мисяце. А як сталы деньги – каждый мисяц хоть какая-то копийка есть. Там чулкы, там штаны. Пидходэ конец года. И там ще шо-то капае. Такого, как Третьякова, нам вообще не найти»* (ПМ КФЭЭ. 2010-1. а/к 4209. Станица Платнировская. Инф. – Гришко Степан Павлович 1922 г.р. Иссл. – Матвеев О.В.).

Постепенно крепнувшие с конца 1970-х и в 1980-е гг. тенденции стагнации хозяйственного развития, культурно- нравственной деградации некоторых представителей населения многократно обострились после распада Советского Союза. Начало 1990-х г. ознаменовалось развалом колхозно-совхозной системы: недобросовестностью и непрофессионализмом управленцев, резким снижением производительности труда. «*Ставят сейчас человека такого, в колхозе председателем был – развалил его к чёртовой матери.* […] *Не хозяин, пришелец…*» (ПМ КФЭЭ. 2008. а/к 4091. Станица Некрасовская. Инф. – Бондарев Н.П. 1924 г.р. Иссл. – Матвеев О.В.).

В 1960 г. урожайность сахарной свёклы в колхозе им. Жданова была 286, 7 ц. с га. 1992 г. агрофирма «Мир» собрала 206 ц. с га. Существенно упал сбор зерновых, овощей, происходил забой распродажа скота. Приусадебные хозяйства как-то могли компенсировать жителям перебои с зарплатой, однако не могли её полностью заменить (Ермак 1997: 1; Сылко 2004: 90, 99-101).

Со страниц газеты «Сельская новь» исчезают новости из станиц, сообщения о работе сельскохозяйственных и промышленных производств. Разрастается криминальная хроника, материалы идеологического, политического, религиозного и рекламного характера. Так, перед новым 1993 г. в г. Усть-Лабинске совершались кражи и ограбления ресторанов, кафе, магазинов и возле них. В обществе растёт тревожность, например, страх перед криминалом, болезнями. Одновременно, наряду с алкоголизацией населения, растёт число увеселительных и праздничных

мероприятий (Иванова 1993: 1; Не ешьте мяса 1993: 1; Предновогодние «гости» 1993: 2; Григорьева 1997: 4; Ермак 1997: 4).

Однако основа современной станичной инфраструктуры и быта, сформировавшаяся ещё в советское время, продолжает испытывать кризис. Восстановление начала XXI в. оказалось ограниченным по масштабам. Например, в станице Кирпильской почти нет работы. В сельском хозяйстве она чаще всего сезонная, и зависит от размера урожая в фермерских хозяйствах. На хуторе Железном осталось последнее работающее звено сельхозпредприятия из 12 человек, трое в ближайшее время идут на пенсию (ПМ КФЭЭ. 2016. Трек 1, х. Железный. Инф. – Еременко Т.Д. 1934 г.р. Иссл. – Зудин А.И.; ПМ КФЭЭ. 2016. Трек 13, Станица Кирпильская. Инф. – Кравченко И.Н. 1941 г.р. Иссл. – Матвеев О.В., Зудин А.И.).

Со второй половины 1999-х гг. наблюдается возрождение некоторых традиций позднесоветской эпохи. Так, при животноводческо-племенном совхозе «Кубань» в 1997 г. была сформирована ячейка из 18 ветеранов партии, войны и труда. Они пытались влиять на деятельность предприятия, например, добиваться передачи больших полномочий трудовому коллективу. В основном это имеет место в основном в сфере культуры и символики. В 2001 году при ладожском доме культуры создана вокальная ветеранов труда. В репертуаре группы значились казачьи и патриотические песни. С 70-летием одного из ветеранов колхоза «Восток» поздравил глава района. Одновременно количество активно отмечаемых праздников только выросло. В праздничных традициях начала XXI в. наблюдается определённое смешение советского и постсоветского.

В 2002 г. с 1 мая жителей района поздравляли глава администрации и руководитель ячейки КПРФ. В 2002 г. с днём согласия и примирения жителей Усть-Лабинского района поздравляли глава администрации и председатель Совета ветеранов. Причём председатель совета ветеранов поздравлял именно с годовщиной Октябрьской революции (Золотов 1997: 1; Родионов 2002: 1; Коновалова 2002: 1).

Период второй советской модернизации охватывает отрезок времени с конца 1940-х гг., когда послевоенное восстановление начало переходить в следующий этап развития. На Кубани маркером стало появление в колхозах новых гусеничных тракторов. Она активно продолжалась и в течении 1950-х – 1960-х гг.

Важным элементом идеологии того периода, если рассматривать его большую часть, а не самое начало и самый конец, является идея построения коммунизма, идеальное общество будущего пытались хотя бы отчасти реализовать на практике. Что выразилось в значительной роли науки в жизни общества. Принципы «научной организации труда» под руководством настоящих учёных доходили в том числе и до колхозов в сельской глубинке. По крайней мере, до достаточно успешных колхозов. Краснодарский край стал одним из основных бенефициаров (в отличии от ранней) поздней советской модернизации. Резко вырос уровень жизни кубанцев, особенно селян – колхозников. Колхозы на Кубани были одними из самых эффективных и

успешных во всём СССР. Активно развивается кубанская агрономическая наука, селекционное дело.

С середины 1970-х наметился процесс стагнации развития советского общества, которое во многом превратилось в общество потребления. Больше внимания стало уделяться разделу, потреблению, усвоению, отдыху и развлечениям. Последние стали осознаваться как значимая самостоятельная ценность. Меньше стали создавать новых предприятий, образовательных и научных учреждений, объектов инфраструктуры. Хотя процесс строительства и созидания ещё продолжался.

Однако уже наметились разрушительные тенденции разрушения общества, его инфраструктуры. Параллельно переходу к дележу от созидания появилось стремление ликвидировать самостоятельное и неподконтрольное. Процесс начинается с села. В этот период концепция «ликвидации неперспективных деревень» активно воплощается в жизнь, исчезает целый ряд населённых пунктов. Ликвидируется, например, станица Абхазская (1975 г.), ряд хуторов Усть-Лабинского района.

Негативные процессы периода стагнации гораздо более масштабно проявились в период перестройки и 1990-е гг., которые не были противоположностью периода стагнации, но их логическим продолжением. Недаром лоббист «ликвидации неперспективных деревень» А.Н. Яковлев стал и одним из «архитекторов перестройки».

Таким образом, мы делим историю Кубани после окончания Великой Отечественной войны на три периода: до конца 1940-х гг. – послевоенное восстановление; конец 1940-х – начало 1970-х – Вторая советская модернизация, период активного развития и роста; период со второй половины 1970-х гг. и до конца столетия – период постепенно усиливающейся стагнации и разложения социально-экономической системы.

ЛИТЕРАТУРА

«Сельской нови» отвечают 1975 - «Сельской нови» отвечают // Сельская новь. 1975. № 92. 19 июля.

Абалкин 2007 - Экономическая история СССР / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М., 2007.

Абалкин, Иванов 2007 - *Абалкин Л.И., Иванов Е.А.* Судьбы, противоречия и периодизация развития советской экономики // Экономическая история СССР / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М., 2007.

Азаренкова, Бондарь, Вертышева 1986 - *Азаренкова А.С., Бондарь И.Ю., Вертышева Н.С.* Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793-1985 гг.). Краснодар, 1986.

Борисович 1970 - *Борисович А.* Это – успех // Сельская новь. 1970. № 1. 1 января.

ГАКК - Государственный архив Краснодарского края.

Григорьева 1997 - *Григорьева В.* «Мама, а почему ты пьёшь?...» // Сельская новь. 1997. № 2. 7 января.

Гришаков 1968 - *Гришаков И.* Коллектив работает отлично // Сельская новь. 1968. № 7. 16 января.

Дело мира и любви 1990 - Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар, 2009.

Деревцов 1968 - *Деревцов П.* Все работы – на машины // Сельская новь. 1968. 4 января.

Ермак 1997 - *Ермак В.* Купить или вырастить? // Сельская новь. 1997. № 19. 18 февраля.

Ермак 1997а - *Ермак В.* Потехе – не только час! // Сельская новь. 1997. № 1. 3 января.

Забазнов 2010 - *Забазнов А.Н.* Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794-2000 гг. Усть-Лабинск, 2010.

Золотов 1997 - *Золотов В.* Вернуть былую мощь // Сельская новь. 1997. № 20. 20 февраля.

Иванова 1993 - *Иванова В.* Фальшивые купюры // Сельская новь. 1993. № 1. 5 января.

Из тезисов ЦК КПСС 1970 - Из тезисов ЦК КПСС «К столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» // Сельская новь. 1970. № 6. 15 января.

История города Горячий Ключ 2015 - История города Горячий Ключ. 2015 / Электронный ресурс: http://psekups.ru (дата обращения – 06.05.2017).

Коновалова 2002 - *Коновалова Г.* Дорогие товарищи! // Сельская новь. 2002. № 50. 30 апреля.

Кочериди 2011 - *Кочериди Ю.Д.* Греки в истории Кубани. Краснодар, 2011.

Лазарев 1972 - *Лазарев И.* Украсим родную станицу // Сельская новь. 1972. № 44. 11 апреля.

Максимов 1971 - *Максимов В.* Октябрины в «России» // Сельская новь. 1971. № 134. 6 ноября.

Миролевич 1970 - *Миролевич Б.* И опять – по-боевому! // Сельская новь. 1970. № 2. 6 января.

Не ешьте мяса 1993 - Не ешьте мяса диких кабанов // Сельская новь. 1993. № 1. 5 января.

Нужны радикальные меры 1973 - Нужны радикальные меры // Сельская новь. 1973. № 33. 17 марта.

Плосков 1968 - *Плосков Ф.* Свой сахар // Сельская новь. 1968. № 3. 6 января.

ПМ КФЭЭ – Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции.

Предновогодние «гости» 1993 - Предновогодние «гости» // Сельская новь. 1993. № 1. 5 января.

Рапортуем Первомаю 1971 - Рапортуем Первомаю; Весенние радости // Сельская новь. 1971. № 54.

Родионов 2002 - *Родионов А.* Бригадиру бригады № 2 колхоза «Восток» А.Л. Петросяну – 70 лет // Сельская новь. 2002. № 9. 24 января.

Рукотворная сила гектара 1971 - Рукотворная сила гектара // Сельская новь. 1971. № 1.

С первых дней 1963 - С первых дней Нового года – высокие темпы // Сельская новь. 1963. № 2. 3 января.

Семья Юрьевых 1975 - Семья Юрьевых. Где электроэнергия? // Сельская новь. 1975. № 87. 6 июня.

Сылко 2004 - *Сылко С.В.* 200 лет станице Воронежской. Хронология, факты, события, комментарии. Майкоп, 2004.

Турчанинова 1971 - *Турчанинова В.* Атмосфера большого праздника // Сельская новь. 1971. № 134. 6 ноября.

Ударным трудом 1963 - Ударным трудом отметим Первомай! // Сельская новь. 1963. № 55. 1 мая.

Хрестоматия 1982 - Хрестоматия по истории Кубани: документы и материалы. Ч. 2. Краснодар, 1982.

ЦДНИКК - Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

Шевчук 2009 - *Шевчук Д.А.* История экономики: учебное пособие. М., 2009.

REFERENCES

«Sel'skoj novi» otvechajut 1975 - «Sel'skoj novi» otvechajut [«To rural novelties» answer], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1975, № 92 [in Russian].

Abalkin 2007 - Jekonomicheskaja istorija SSSR / Otv. red. L.I. Abalkin [Economic History USSR / Editor-in-chief L.I. Abalkin], Moscow, 2007 [in Russian].

Abalkin, Ivanov 2007 - *Abalkin L.I., Ivanov E.A.* Sud'by, protivorechija i periodizacija razvitija sovetskoj jekonomiki [Destinies, contradictions and periodization of development of the Soviet economy], in: Jekonomicheskaja istorija SSSR / Otv. red. L.I. Abalkin [Economic History USSR / Editor-in-chief L.I. Abalkin], Moscow, 2007 [in Russian].

Azarenkova, Bondar', Vertysheva 1986 - *Azarenkova A.S., Bondar' I.Ju., Vertysheva N.S.* Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovanija na Kubani (1793-1985 gg.) [The main administrative-territorial transformations in Kuban (1793-1985)], Krasnodar, 1986 [in Russian].

Borisovich 1970 - *Borisovich A.* Jeto – uspeh [It is success], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1970, № 1 [in Russian].

CDNIKK - Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraja [Center of documentation of the contemporary history of Krasnodar Krai] [in Russian].

Delo mira i ljubvi 1990 - Delo mira i ljubvi. Ocherki istorii i kul'tury pravoslavija na Kubani [Cause of peace and love. Sketches of history and culture of Orthodoxy in Kuban], Krasnodar, 2009 [in Russian].

Derevcov 1968 - *Derevcov P.* Vse raboty – na mashiny [All works – on cars], in: Sel'skaja nov'. 1968. 4 janvarja [Rural novelties. 1968. January 4] [in Russian].

Ermak 1997 - *Ermak V.* Kupit' ili vyrastit'? [To buy or grow up?], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1997, № 19 [in Russian].

Ermak 1997a - *Ermak V.* Potehe – ne tol'ko chas! [To fun – not only hour!], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1997, № 1 [in Russian].

GAKK - Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State archive of Krasnodar Krai] [in Russian].

Grigor'eva 1997 - *Grigor'eva V.* «Mama, a pochemu ty p'josh'?...» [«Mother, and why you drink?...»], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1997, № 2 [in Russian].

Grishakov 1968 - *Grishakov I.* Kollektiv rabotaet otlichno [Collective works perfectly], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1968, № 7 [in Russian].

Hrestomatija 1982 - Hrestomatija po istorii Kubani: dokumenty i materialy. Ch. 2 [Anthology of history of Kuban: documents and materials. Part 2], Krasnodar, 1982 [in Russian].

Istorija goroda Gorjachij Kljuch 2015 - Istorija goroda Gorjachij Kljuch [City history Goryachy Klyuch], 2015, Electronic resource: http://psekups.ru (Date of access – 06.05.2017) [in Russian].

Ivanova 1993 - *Ivanova V.* Fal'shivye kupjury [False notes], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1993, № 1 [in Russian].

Iz tezisov CK KPSS 1970 - Iz tezisov CK KPSS «K stoletiju so dnja rozhdenija Vladimira Il'icha Lenina» [From theses of the Central Committee of the CPSU «By century since the birth of Vladimir Ilyich Lenin»], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1970, № 6 [in Russian].

Kocheridi 2011 - *Kocheridi Ju.D.* Greki v istorii Kubani [Greeks in the history of Kuban], Krasnodar, 2011 [in Russian].

Konovalova 2002 - *Konovalova G.* Dorogie tovarishhi! [Dear companions!], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 2002, № 50 [in Russian].

Lazarev 1972 - *Lazarev I.* Ukrasim rodnuju stanicu [Let's decorate the native village], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1972, № 44 [in Russian].

Maksimov 1971 - *Maksimov V.* Oktjabriny v «Rossii» [Oktyabrina in Russia], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1971, № 134 [in Russian].

Mirolevich 1970 - *Mirolevich B.* I opjat' – po-boevomu! [And again – in a fighting way!], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1970, № 2 [in Russian].

Ne esh'te mjasa 1993 - Ne esh'te mjasa dikih kabanov [Do not eat some meat of wild boars], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1993, № 1 [in Russian].

Nuzhny radikal'nye mery 1973 - Nuzhny radikal'nye mery [Radical measures are necessary], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1973, № 33 [in Russian].

Ploskov 1968 - *Ploskov F.* Svoj sahar [The sugar], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1968, № 3 [in Russian].

PM KFJeJe – Polevye materialy Kubanskoj fol'klorno-jetnograficheskoj jekspedicii [Field materials of the Kuban folklore and ethnographic expedition] [in Russian].

Prednovogodnie «gosti» 1993 - Prednovogodnie «gosti» [New Year's Eve «guests»], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1993, № 1 [in Russian].

Raportuem Pervomaju 1971 - Raportuem Pervomaju; Vesennie radosti [We report to the May Day; Spring pleasures], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1971, № 54 [in Russian].

Rodionov 2002 - *Rodionov A.* Brigadiru brigady № 2 kolhoza «Vostok» A.L. Petrosjanu – 70 let [To the foreman of crew No. 2 of collective farm «East» A.L. Petrosyan – 70 years], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 2002, № 9 [in Russian].

Rukotvornaja sila gektara 1971 - Rukotvornaja sila gektara [Man-made force of hectare], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1971, № 1 [in Russian].

S pervyh dnej 1963 - S pervyh dnej Novogo goda – vysokie tempy [From the first days of New year – high rates], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1963, № 2 [in Russian].

Sem'ja Jur'evyh 1975 - Sem'ja Jur'evyh. Gde jelektrojenergija? [Yuryev' family. Where electric power?], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1975, № 87 [in Russian].

Shevchuk 2009 - *Shevchuk D.A.* Istorija jekonomiki: uchebnoe posobie [Economy history: manual], Moscow, 2009 [in Russian].

Sylko 2004 - *Sylko S.V.* 200 let stanice Voronezhskoj. Hronologija, fakty, sobytija, kommentarii [200 years to the village Voronezh. Chronology, facts, events, comments], Maykop, 2004 [in Russian].

Turchaninova 1971 - *Turchaninova V.* Atmosfera bol'shogo prazdnika [Atmosphere of a big holiday], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1971, № 134 [in Russian].

Udarnym trudom 1963 - Udarnym trudom otmetim Pervomaj! [High-powered work we will note the May Day!], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1963, № 55 [in Russian].

Zabaznov 2010 - *Zabaznov A.N.* Social'no-jekonomicheskoe i politicheskoe razvitie g. Ust'-Labinska v 1794-2000 gg. [Social and economic and political development of the city of Ust-Labinsk in 1794-2000], Ust-Labinsk, 2010 [in Russian].

Zolotov 1997 - *Zolotov V.* Vernut' byluju moshh' [To return former power], in: Sel'skaja nov' [Rural novelties], 1997, № 20 [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич – Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).
Igor Vasilyev – Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).
E-mail: ivasee@mail.ru

УДК930.25:27-247(470.53)

«ВОЗРОЖДЕНИЕ» БОЛГАРА И СВИЯЖСКА – НОВЕЙШИЙ ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ*

А.В. Овчинников

Институт социальных и гуманитарных знаний
Россия, 420079, Казань, ул. Достоевского, 10
e-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru
SPIN-код: 9947-7836

Авторское резюме

На примере Татарстана рассматривается новейший опыт конструирования образов исторической памяти, важнейшими из которых становятся позиционируемые в качестве «сакральных» архитектурно-археологические памятники Болгара и Свияжска. Выявлены политико-идеологические предпосылки актуализации в массовом сознании названных объектов, особенности взаимодействия научного и политического дискурсов, проанализированы возможные последствия конструирования символически противопоставленных друг другу сакральных мест.

Ключевые слова: Татарстан, Болгар, Свияжск, М.Ш. Шаймиев, «татарский ислам», историческая память, миф.

«REVIVAL» OF BOLGHAR AND SVIYAZHSK: RECENT ADVANCES IN THE RECONSTRUCTION OF HISTORICAL IMAGES UNDER THE CURRENT REGIONAL POLITICAL SITUATION

Alexander Ovchinnikov

Institute for Social and Human Knowledge
10 The Dostoyevsky Street, Kazan, 420079, Russia
e-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

Abstract

The article examines the most recent advances in reconstruction of architectural-archaeological monuments of Bolghar and Swiyazhsk, which are becoming more and more important and are now treated as sacred. Bolghar was one of the towns of the small medieval state of Volga Bulgaria (or Middle Volga), the flourishing of which fell during the Golden Horde period. Sviyazhsk was founded not far from Kazan in 1551, as a military base by Ivan IV the Terrible. Bolghar and Sviyazhsk have been announced to be the

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 15-33-01003 «Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».

symbols of Tatars and Russians, respectively. Narratives of national history are constructed around these objects; and if relationships between the regional and federal powers worsen, the Bulgarian monument can easily be claimed as a «holy symbol of the centuries-old struggle of Tatarstan for their rights», while Sviyazhsk can be opposed as the base for the conquests of Ivan IV the Terrible.

Keywords: Republic of Tatarstan, Bolghar, Sviyazhsk, Mintimer Shaimiyev, «Tatar Islam», historical memory, myth.

* * *

С демонтажем коммунистической идеологии, долгое время игравшей роль своеобразной религии с общеобязательными ритуалами и мифическими сюжетами, все явственнее стал проявляться мировоззренческий кризис миллионов вчерашних советских людей. Результатом этого явились, с одной стороны, самодеятельные духовные поиски, ведущие в лоно как «традиционных» религий, так и экзотичных для России культов и сект, а с другой – усилия государственных институтов по выработке новой «национальной идеи».

Обозначенные тренды находятся в сложных взаимоотношениях друг с другом. Самостоятельная активность граждан фактически приводит к конструированию альтернативных, нередко противостоящих официальным, идеологий и идентичностей. Символическим выражением последних часто выступают пространственно локализуемые материальные объекты, наделяемые сакральными свойствами. Нередко данную роль играют получившие известность в СМИ археологические памятники (например, «прославившийся» своей мифологией и паранаукой Аркаим в Челябинской области, погребения на плато Укок на Алтае, артефакты в районе деревни Окунево Омской области, Долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе и т.д.).

«Новые сакральные пространства» привлекают внимание исследователей (Шнирельман 2014; Шнирельман 2015). А.Г. Селезнёв и И.А. Селезнёва, изучающие феномен Окунево, превратившегося из мало кому известной деревни в центр различных религиозных объединений и социальных групп (Селезнев 2014; Селезнева 2014), в качестве методологического инструментария предлагают использовать разработанную А. Лидовым концепцию «иеротопии». Данное понятие означает «*создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры такого творчества*» (Селезнев 2016: 78).

К перечисленным новым сакральным пространствам можно отнести окрестности острова-града Свияжск в Зеленодольском районе и города Болгар в Спасском районе Татарстана. Находящиеся в их пределах архитектурные и археологические памятники с 2010 г. стали актуализироваться в региональной печати, и за короткий срок превратились в крупный центр туризма и паломничества, а их образы стали одними из главных символов этой средневолжской республики.

Следует напомнить, что Татарстан – одна из т.н. «национальных республик» в составе Российской Федерации. В этническом отношении большинство населения составляют татары и русские, исповедующие, соответственно, ислам и православие. В начале 1990-х гг. регион отличался четко выраженными сепаратистскими настроениями, которые были умело использованы (и скорее всего, инициированы тоже) местными властями. В настоящее время регион, хотя и демонстрирует политическую лояльность Федеральному Центру, тем не менее, единственный в России, смог сохранить для своего руководителя наименование «Президент».

В таком политическом поле нарративы о памятниках Болгара и Свияжска, начиная с 2010 г., сделались непременным атрибутом местных национальных историй. В официальных изданиях Болгар позиционируется как «*...некое сакральное пространство, где включается генетический код памяти, где каждый ощущает себя частью цельного исторического полотна, сотканного за сотни веков поколениями предков*» (Древний Болгар 2014: 8, 9). На одной из прошедших в Татарстане научных конференций признавалось: «*…духовное пространство Свияжска наглядно демонстрирует вовлеченность территориально ограниченной сакральной единицы в глобальные процессы цивилизационного и духовного развития России во всей его разноплановости и многовекторности*» (Ермошин 2015: 57).

«Болгаро-свияжский» случай представляет собой новейший опыт конструирования основанных на образах исторической памяти региональной и этнорелигиозной идентичностей, а также ассоциируемых с ними сакральных мест.

За последние семь лет накоплен значительный корпус историографических, публицистических, электронных, аудиовизуальных и вещественных источников, позволяющих начать научный анализ явления. Характеризуя степень изученности темы, следует признать, что имеющиеся на сегодняшний день публикации татарстанских авторов, выдержанные в стиле «интеллектуального одобрения», представляют интерес, скорее, в качестве источников исследования (Бухараев 2013; Бухараев 2016; Валеев 2016 и т.д.). Целью статьи является анализ особенностей и возможных последствий конструирования исторических образов Болгара и Свияжска в контексте региональной политики памяти, а также рассмотрение соответствующих нарративов с позиций теории мифа.

Главное отличие Болгара и Свияжска от перечисленных в начале статьи объектов мифотворчества заключается в том, что инициатором и главным актором их «возрождения» является региональная власть, небезуспешно стремящаяся к созданию собственной идеологии. О том, что «татарские мусульманские» и «русские православные» памятники стали частью «большой политики», говорит тот факт, что внимание на них было обращено после отставки Президента Татарстана М.Ш. Шаймиева со своего поста, который он занимал с 1991 по 2010 гг. Отставка явилась частью укрепления т.н. «вертикали» власти, и, наряду с уходом такого же «бессменного» Президента соседнего Башкортостана М.Г. Рахимова, имела целью уменьшить влияние авторитетных региональных лидеров. Однако М.Ш. Шаймиев не

перестал активно заниматься политикой и даже занял специально для него учрежденную должность Государственного Советника РТ. Фактически он остался неформальным лидером Татарстана, его часто называют «первый Президент Татарстана», а Р.Н. Минниханова, соответственно, «вторым», что несколько напоминает иерархию секретарей обкомов в советское время. Местной политической элитой случившееся, наверняка, воспринималось как испытание, и, как мне представляется, в целях стабилизации положения ею был предпринят ряд идеологических и административных мер, частью которых явилось конструирование сакральных пространств Болгара и Свияжска.

Болгар – один из городов небольшого средневекового государства Волжской Булгарии. Расцвет поселения приходится на золотоордынский период. С этого времени на территории Болгарского городища сохранилось несколько полуразрушенных каменных сооружений. До 2010 г. Верховный муфтий России Талгат Таджутдин пытался организовывать здесь т.н. «Изге Болгар джиен» (праздник в честь принятия волжскими булгарами ислама в 922 г.), но массовым это мероприятие тогда так и не стало (местные власти, пресса и духовенство относились к инициативе настороженно: «*Талгат Таджутдин, муфтий России (впрочем, спорный) ... собирается посетить 9–10 июня Булгар, который он провозгласил святыней мусульман России. Таджутдин достаточно негативно относится к татарскому муфтияту и требует от Путина принятия к нему мер*» (Ахметов 2001: 2)).

Свияжск был основан недалеко от Казани в 1551 г. как военная база для захвата города Иваном IV Грозным. На острове сохранились монастыри и церкви XVI–нач. XX вв. До 2010 г. остров Свияжск представлял собой труднодоступную и депрессивную территорию, на которой в советское время располагалась психиатрическая больница.

Болгар и Свияжск были объявлены символами проживающих в Татарстане соответственно татар и русских. «Возрождение» памятников стало ассоциироваться с вековыми добрососедскими отношениями между народами и как очередной шаг на пути сохранения и упрочения межэтнического и межконфессионального мира в республике. Следует заметить, что сюжет «разных культур» и недопущения «межнационального конфликта» активно использовался элитой Татарстана еще в начале 1990-х гг. во время борьбы с Федеральным Центром за ресурсы региона. Тогда, в требовавшем суверенитета регионе, при поддержке крупнейших татарстанских предприятий организовывались, например, «деловые игры» следующего содержания: специально приглашенные «*учителя и производственники, ученые и представители государственных учреждений, неформалы и партийные работники*» делились по этническому принципу на татар и русских, и каждая группа вспоминала, в том числе, и «исторические обиды» к другой (Хакимов 2007: 15-18). Когда в 1994 г. был подписан договор о разграничении полномочий и предметов ведения между Татарстаном и Федеральным Центром, обогативший местную элиту,

подобные мероприятия перестали проводиться, а радикальные националисты были выведены из регионального политического поля.

После отставки М.Ш. Шаймиева в местных СМИ риторика «диалога культур и цивилизаций» заметно активизировалась, но в отличие от начала 1990-х гг. подчеркивались в основном позитивные и миролюбивые аспекты «межэтнического» взаимодействия. Однако оппозиционность общефедеральной идеологии все же давала о себе знать. Так, в одном из своих выступлений 2015 г. М.Ш. Шаймиев концепту «русского мира» противопоставил «мир ислама», который «пришел» в Татарстан через волжских булгар (Шаймиев 2016: 5).

Характеризуя, безусловно, имеющую место быть татарстанскую идеологию, следует особо подчеркнуть, что она напоминает квазирелигию, центральным образом которой выступает государство (Родина, «наш дом»), тогда как ислам и православие «вкрапляются» в «государственный пантеон» на правах равнозначных друг по отношению к другу учений, что выразилось, в том числе, и в равноправном позиционировании Болгара и Свияжска. В официальных изданиях констатируется: «*…в Татарстане вопросы, касающиеся традиционных религий, не принято решать по отдельности*» (Цыбульский 2016: 580). Президент Татарстана одновременно подписал указ о строительстве Болгарской исламской академии и воссоздании собора Казанской иконы Божией матери. На закладке памятной капсулы в основание будущей Болгарской исламской академии 21 мая 2016 г. присутствовал митрополит Казанский и Татарстанский Феофан (Цыбульский 2016: 580, 581).

Ситуация напоминает положение дел в некоторых государствах древнего и средневекового Востока. Например, в Китае долгое время существовал включавший в себя конфуцианство, даосизм, буддизм и многочисленные народные верования языческий императорский (государственный) культ, и ни одна, в том числе и мировая, религия не могла стать общегосударственной, т.к. государство само было объектом поклонения. Официальный пантеон императорского Китая представлял собой «*странное смешение различных религиозных верований*», но они прекрасно уживались, т.к. были объединены в этом пантеоне «*не как религиозные верования, а как средства равно полезные в деле мироустройства и управления государством*» (Мартынов 1987: 288). Представители бюрократии принимали «*активное участие в процессе формирования системы одобренных государством культов*», а «*последнее слово в вопросе статуса того или иного божества оставалось за императором*» (Процесс формирования 2012: 448). В коммунистическом Китае сохранились многочисленные народные синкретические религии (Тертицкий 2000: 7), которые с определенной долей осторожности можно сравнить с пропагандируемым в Татарстане «народным» («традиционным», «татарским») исламом, чьими главными символами стали памятники Болгара.

Если учесть, что в рамках официальной идеологии государственность Татарстана мыслится, прежде всего, как форма существования этнических групп (татар, русских и др.) с их народными («этнографическими») культурами, то, по

моему мнению, не будет большим допущением признать неоязыческий характер этой идеологии. Например, М.Ш. Шаймиев, видимо, искренне не понимал, почему в Болгаре, именуемом, напомню, центром «татарского ислама», нельзя установить 12-метровую статую «Хранительницы» – фантастического чудовища в виде крылатого барса – тотема предков татар (Минтимер Шаймиев 2016). В сентябре 2016 г. татарская певица станцевала в откровенных нарядах на фоне «Белой мечети» Болгара. В последовавшем возмущении одного из исламских священнослужителей указывалось, что певица забыла свою национальную и религиозную принадлежность, причем слово «национальное» стояло впереди слова «религиозное» (Сейджагфар Лутфуллин 20.09.2016). Спустя несколько дней он же заявил: «*Мы имамы Закабанной мечети* (Казани. – А.О.) *– всегда стояли, стоим и будем стоять ин ша Алла – на защите духовно нравственных ценностей нашего народа*» (Сейджагфар Лутфуллин 26.09.2016). Каждый полевой сезон на «святой земле Болгара» проходит «посвящение» студентов-практикантов в археологи. Ночью на фоне сакральных архитектурных памятников, служащих объектами паломничества татар-мусльман, студенты и их преподаватели устраивают настоящие инициации-мистерии с переодеваниями, кострами, употреблением алкоголя, наречением именами вымышленных (а иногда и известных по литературе) языческих богов. В таких мероприятиях участвуют и мусульмане, и христиане, причем, чувство противоречия «со святостью» места у них не возникает.

Болгар превратился в этнографический музей под открытым небом. На территории памятников XIII-XV вв. действуют музеи эпиграфики и архитектуры, кроме того, открыт Музей Хлеба, в который входят искусственный водоем с водяной мельницей, водонапорная башня, «Усадьба мельника» и пекарня, где по «старинным» рецептам печется хлеб (Древний Болгар 2014: 8).

Остров-град Свияжск с его православными святынями все чаще ассоциируется с легендарным «Островом-Буяном». Каждое лето здесь, как и в Болгаре (Фестиваль средневекового 2016), проводятся реконструкции средневековых военных сражений, в большом количестве продаются «лубочные» предметы русской народной культуры (Комплекс исторической).

Кроме стран средневекового Востока подобный (нео)языческий синкретизм можно обнаружить в идеологиях европейских корпоративных государств 1920–40-х гг. (Овчинников 2015б) и некоторых африканских стран постколониального периода (Шаревская 1964: 331-335).

В 2010 г., т.е. сразу же после отставки М.Ш. Шаймиева, начал деятельность некоммерческий Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан (далее – Фонд «Возрождение»). Возглавил его лично М.Ш. Шаймиев. Главной целью Фонда объявлялась реконструкция архитектурно-археологических памятников Болгара и Свижска.

Интереснейшим сюжетом является продолжающийся вплоть до настоящего времени сбор добровольных пожертвований в Фонд «Возрождение». М.Ш. Шаймиев

обратился к жителям Татарстана с призывом вносить пожертвования на счета Фонда. Сама возможность такого обращения в местной прессе обосновывалась особыми заслугами М.Ш. Шаймиева «перед народом Татарстана».

Чтобы понять роль неформальных потестарных институтов в политической системе Татарстана, необходимо коротко охарактеризовать политическую ситуацию, предшествующую созданию Фонда «Возрождение».

Символом суверенитета Татарстана был и остаётся Минтимер Шаймиев – бывший деревенский житель, в своё время прошедший ступени советской партийной номенклатурной лестницы вплоть до Первого секретаря Татарского Обкома КПСС. По замечанию казанского исследователя В.А. Беляева, аграрное происхождение политической элиты Татарстана – важный фактор «*в процессе структурирования правящего класса РТ и складывания его менталитета, типологически сходного с менталитетом сельской общины доиндустриального общества*» (Беляев 2007: 150). В воспоминаниях М.Ш. Шаймиева часто встречаются образы деревни и отца – председателя колхоза, который, выступая в роли бигмена, много делал для своих односельчан. Описываемая Шаймиевым реальность советской послевоенной деревни воспроизводит реалии т.н. «азиатского способа производства»: «*В те времена сельчане даже не имели права иметь паспорт. Человек мог выехать из деревни или отправиться на поиски счастья, в прямом смысле слова, только по справке сельского совета с согласия председателя колхоза. Люди с трудом вырывались в города, если это удавалось. А попасть в шахты считалось великим счастьем, возможностью выжить самому, не умереть с голода и помочь своей семье и родным. Был полный запрет на выезд, за исключением мобилизационных заданий, но их было мало*» (Шафиков 2010: 12, 13).

Мировоззрение будущего Президента Татарстана сформировалось в патриархально-традиционной политической среде. В начале 2010 г. В.В. Путин согласился с формальным отказом М.Ш. Шаймиева в очередной раз занять пост Президента и не стал, как было ранее, уговаривать его остаться в этой должности. Минтимер Шарипович, его семья и ближайшее окружение (включая охрану, своеобразную «личную гвардию», с лояльностью которой могли возникнуть проблемы), оказались в кризисной ситуации, когда по неписанным законам функционирования власти-собственности вместе с властью можно было потерять все. Спасти положение, видимо, могла только актуализация доступных неформальных институтов властвования.

Анализ материалов официального сайта Фонда позволяет утверждать, что сбор пожертвований организован в соответствии с административно-территориальным делением Татарстана (Республиканский Фонд). В «Книге благотворителей» жертвователи перечисляются по административным районам и трудовым коллективам. Поступающие на счета Фонда средства перераспределяются на восстановление преимущественно религиозных средневековых памятников Болгара и Свияжска, строительство там новых храмов и религиозных учебных заведений, инфраструктуры.

Корпоративно-административный характер сбора пожертвований в Фонд подтверждается, в том числе, и материалами официальной газеты сельского Пестречинского района (всего Татарстан состоит из 43 районов и 14 городов республиканского значения). В одном из её номеров (Вперёд 2010:1) приведён перечень районных организаций и пожертвованные ими суммы (Таблица 1):

Таблица 1.
Организации Пестречинского района Татарстана, перечислившие на сентябрь 2010 г. деньги на счета фонда «Возрождение» (составлена автором)

Название учреждения	Сумма перечислений (в руб.)
Районный Совет и исполком Пестречинского муниципального р-на	47550
Сельские поселения	21492
Управление социальной защиты	39841
ЗАО «Пестрецыагро»	15000
Бюро технической инвентаризации	2200
ООО «Полимэкс»	6000
Управление Федерального казначейства	1000
Отдел образования	157703
Коррекционная школа-интернат (в том числе детский дом)	4607
Молодёжный центр	1400
Отдел культуры	29383
Финансово-бюджетная палата	1600
Госалкогольинспекция	300
Центральная районная больница	29772
Ветобъединение	3300
Центр занятости населения	1010
Типография	1000
Военный комиссариат	13300
Районный суд	2000
РОВД, ГИБДД	7140
Следственный комитет	2250
Управление МЧС	2800
ООО «Земельное бюро»	2700
Налоговая инспекция	1409
ООО «Теплострой»	7000

ООО «Жилсервис»	10000
РУЭС	5200
Центр гигиены	1715
Аптека № 157	775
ООО «Тамле»	3000
ООО «УАЗ АВТО»	5000
Птицеводческий комплекс «Ак Барс»	161000
ООО «Соя Кулаево»	35000
ОАО «Агрофирма «Ак Барс-Пестрецы»»	68000
ООО «Пресс»	14706

Из таблицы видно, что пожертвования перечисляли не только государственные и муниципальные организации, но и формально частные (например, акционерные общества), что говорит об известной доли их «равного бесправия» перед «просьбами» бюрократического аппарата. В одном из номеров той же газеты в советском стиле «победно рапортовалось», что пестречинцы активно включились в реализацию проекта «Культурное наследие: древний город Болгар и остров-град Свияжск»: «*Счёт фонда продолжает пополняться. Свой вклад внесли уже многие учреждения, сельхозпредприятия, индивидуальные предприниматели и частные лица*» (Вперёд 2010:1).

В СМИ периодически появляются сообщения о не вполне добровольном характере пожертвований. Так, корреспонденту «Независимой газеты» уже через несколько месяцев после учреждения Фонда «*работники некоторых предприятий на условиях анонимности*» сообщали, «*что отказаться от помощи бывшему президенту нельзя. Из их заработных плат перечисляют пожертвование в фонд, которым руководит Минтимер Шаймиев*» (Гордеев 2010).

В июле 2016 г. в редакцию газеты «Вечерняя Казань» обратилась сотрудница одного из учреждений культуры и заявила, что, якобы, ей на работу поступило письменное указание министра культуры Татарстана «*рекомендовать сотрудникам перечислить средства в размере однодневного заработка на строительство Болгарской исламской академии и воссоздание собора Казанской иконы Божией Матери*», т.е. на проекты, которыми занимается Фонд «Возрождение». Женщина утверждала, что всем сотрудникам было предложено расписаться в ведомости, несогласных грозили лишить премии. Работница возмущалась, что «*обязаловкой даже хорошую идею можно изгадить!.. Директор тяжело вздохнул и отвернулся*» (Юдкевич 2016).

В апреле 2014 г. автор этих строк обратился с открытым письмом к М.Ш. Шаймиеву, в котором утверждалось, что вряд ли небогатые «бюджетники» его (автора) родного села Пестрецы добровольно жертвуют деньги на восстановление малоизвестных им объектов. Кроме того, указывалось на отсутствие прописанной в Уставе Фонда отчетности (Юдкевич 2014). После этого у меня начались проблемы на работе, а в январе 2015 г. я не прошел конкурс на замещение должности доцента

кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ) (Евдокимова 2015; Юдкевич 2015).

Если рассматривать данную ситуацию как включенный эксперимент, то, прежде всего, следует отметить моральные упреки со стороны коллег. В неформальных разговорах было сказано, что я ставлю «под удар» всю кафедру, что уже начались разговоры об её слиянии с другой, и что, якобы, только мой уход может решить эти проблемы. Отмечалось, что я «знал, на что шел, и чем все это закончится».

В представлении сослуживцев мои действия разрушали гармонию отношений кафедры с внешним миром. Интересна аудиозапись кафедрального заседания, на котором было принято решение отказать мне в продлении контракта. Старожил кафедры, выходец из деревни, доцент К.Ф. Фасхутдинов (Фасхутдинов) прямо заявил о несоблюдении мною реципрокных обязательств (воспроизводится дословно, стилистика сохранена): «*Мне неоднократно в последнее время говорили о нашей кафедре, что, мол, какие-то слухи ходят, вопросы поднимаются, во всяком случае, намекают на склоки. Я хочу сказать, дорогой мой, я как-то раза два говорил с глазу на глаз: не надо заниматься склоками, и, прежде всего, обвинять своих коллег кто-то в техническом образовании, кто-то не ту статью написал, понимаешь, еще где-то что-то. Товарищи, создается очень нервозная обстановка… У тебя корректности не хватает. Я помню, как Ольга Николаевна* (Коршунова, заведующая кафедрой. – А.О.) *опекала тебя… чем же Вы ответили? …Вы стали яблоком раздора. Работайте над собой, если Вы действительно хотите работать в таком коллективе… по многим параметрам мы отличаемся от заводского коллектива*». Его поддержал профессор П.И. Гайденко (Гайденко) (воспроизводится дословно, стилистика сохранена): «*Высказанные замечания звучали не только на прошлых выборах, они звучали в течение пяти лет. Я помню Вас прежде, и знаю Вас сейчас, но должен сказать, что с коллегами нужно всегда быть корректными. Не всегда складываются личные отношения, но* ***делать заложниками своих коллег по кафедре, других аспирантов других научных руководителей*** (выделено мною – А.О.), *сталкивать лбами по национальному вопросу, тем более в нашем регионе, который без того…, наш коллектив разнообразный, по меньшей мере, некрасиво, неинтеллигентно… могу сожалеть, что Вы не сделали выводов*» (Аудиозапись заседания 2015). П.И. Гайденко, кроме прочего, является православным священником и его публичные рассуждения о добре и зле и других вопросах (о. Петр) не совсем коррелируют с реальными делами, т.е. неписанные законы моральной экономики оказались сильнее христианских заповедей.

На мой взгляд, удалось зафиксировать феномен круговой поруки «в действии», когда весь коллектив находится под угрозой наказания за «проступок» своего члена, и в целях собственного самосохранения оказывается вынужденным его «изгнать». О распространенности в Татарстане, даже в вузовской среде, подобной практики говорит случай с профессором Казанского Федерального университета, доктором философских наук М.Х. Фарукшиным, выпустившим ряд критических

публикаций о М.Ш. Шаймиеве. Последний отреагировал следующим образом: «*Есть у нас один политолог, профессор. Любит ставить нам «в вину» то, что республикой, мол, руководят сельхозники, аграрники… Ладно, если бы в своей сфере он пользовался авторитетом. Но когда тебя не переваривают твои студенты, коллеги-преподаватели… Понимаете, это безнравственно – учить других, когда сам грешен*» (Морозов 2010: 98).

Интересно заметить, что настоятель одной из казанских мечетей, высказавшийся против съемок танцевального клипа в Болгаре, не смог затем сдать экзамен на звание имама (Мухаметрахимов 2016).

Идея о функционировании Фонда «Возрождение» и организации под его эгидой многочисленных мероприятий как символа сохранения М.Ш. Шаймиевым и возглавляемым им кланом реальной власти подтверждается примерами действий и высказываний высших чиновников Татарстана сразу же после отставки Президента.

Первоначально, бывшие подчиненные М.Ш. Шаймиева нередко отказывались ходить на заседания попечительского совета Фонда. В октябре 2010 г. на такое заседание не явилось несколько человек, т.к. они участвовали в мероприятии с действующим Президентом Р.Н. Миннихановым. На это М.Ш. Шаймиев безапелляционно заявил: «*Несколько человек отсутствуют. Нестыковка получилась. Я говорю это, чтобы в дальнейшем этого не было*» (Минтимер Шаймиев 2010в).

Исполнительный директор Фонда, бывший советник Президента РТ по социальным вопросам Т.П. Ларионова, судя по её воспоминаниям, первоначально не хотела занимать эту должность (реальная ответственность за финансовые операции несет исполнительный директор), «*но было понятно, что Минтимеру Шариповичу сказать «нет» невозможно, наверное таких людей в республике не найдется*». Осторожный номенклатурный работник согласился с предложением только при условии, что «*рядом будет он сам*», т.е. М.Ш. Шаймиев (Цыбульский 2016: 553, 554).

Видимо, мы имеем дело с архаичным политическим институтом, фиксируемом историками и социально-культурными антропологами в потестарных (и)или раннегосударственных образованиях и основанном на реципрокно-редистрибутивных (т.е. дарительно-перераспределительных) отношениях. Правитель, вернее, представляемый им клан, контролирует большое количество коллективов-общин на том основании, что многое для них сделал («подарил»), и выполнение его просьб является формой благодарности – «отдарком», который из праздничного и(или) сакрального дара постепенно эволюционирует в дань. Нежелание участвовать в реципрокной схеме грозит установленной «высшими силами» гармонии, что, в свою очередь, легитимизирует различные формы давления на «неблагодарных». На Древнем Востоке организация строительства культовых объектов (включая сбор средств) была формой социально-политического единения, те же, кто отказывался «платить» или идти на сооружение, например, пирамиды, в глазах современников могли навлечь «гнев богов» не только на себя, но и свое окружение (подробнее см.: Овчинников 2016). В Татарстане нежелающих участвовать

в «возрождении» подтекст официальной риторики делает «противниками» мирного сожительства народов.

В традиционных обществах правители часто устанавливали формальные родственные отношения с подданными и на правах «старших родственников» «просили» их о различных услугах, на деле являвших формами феодальной эксплуатации. Вот несколько типичных примеров. В Литве с глубокой древности существовал обычай устанавливать побратимство через подарок пчелиного роя. Постепенно такое побратимство вылилось в одну из форм зависимости от господ. В земле пруссов формула «половина меда по обычаю страны» была использована «*Орденом при оформлении соглашений с пруссами в качестве юридического предлога для захвата земель и доходов*» «младших родственников». То же самое произошло и с толокой. Первоначально это была свободная взаимопомощь соседей, затем – необязательная помощь господину, когда работников угощали на поле. Постепенно исчезли добровольность и угощения, а толока в XVII в. превратилась в гвалт – принудительную работу (Пашуто 1959: 286, 287). В империи инков соседская взаимопомощь эволюционировала в миту – периодическую мобилизацию населения на строительство государственных объектов. Сами работы часто проводились в виде ритуального праздника с угощениями работников. Мита организовывалась через «разнарядку» на общины. Для власти часто был важен не сам строящийся объект, а факт изъявления согласия со стороны подданных. Нередко «*построенный ценой колоссальных усилий грандиозный объект вскоре после его завершения разрушался или забрасывался по прихоти повелителя*» (Березкин 1991: 98, 99, 134).

Негласное почтительное прозвище М.Ш. Шаймиева в Татарстане – «бабай», что означает «дед, дедушка». Остальное население мыслится в качестве детей и внуков, которые не могут отказать просьбам своего «дедушки» о помощи в «возрождении» сакральных Болгара и Свияжска. «Дети» и «внуки», в свою очередь, разбиты по трудовым коллективам, задействованным, в том числе, и в проектах Фонда «Возрождение». Эти коллективы «от души и для души» (девиз Фонда) могут просто делать пожертвования (денежная рента), а могут и физически работать на возведении объектов Болгара и Свияжска (отработочная рента). Так, в первый год деятельности Фонда на масштабных археологических раскопках в Болгаре и Свияжске за символическую плату или просто за еду работали «волонтерские отряды» из татарстанских городов Нижнекамска и Болгар, поселков Кукмор, Балтаси, Камские поляны, ОАО «ПОЗИС» (производство холодильников), Зеленодольского судостроительного завода им. А.М. Горького (Археологические исследования 2011: 38). В 2012 г. в Свияжске «*в раскопках активное участие принимал студенческий отряд, объединивший студентов из разных муниципальных районов Республики Татарстан*» (Археологические исследования 2013: 15).

Ситуацию с невполне добровольными пожертвованиями и отработками не следует однозначно рассматривать как требующую немедленного искоренения патологию. Перед нами один из архаичных, но пока действенных способов

поддержания стабильности в регионе. Пожертвования и другие виды «отдарков» – своеобразная присяга теперь уже неформальному лидеру М.Ш. Шаймиеву. Его «чистая» отставка без одобренных Москвой «отступных» в виде Фонда «Возрождение» и уход в политическое небытие могли бы спровоцировать ожесточенную борьбу за власть как внутри республиканской элиты, так и между ней и Федеральным Центром. Идеологическим обоснованием напряженности могли бы стать т.н. «межэтнические и межконфессиональные противоречия» (подобное противостояние в начале 1990-х гг. имело шансы превратиться в конфликт, наподобии чеченского).

То, что с позиции современного права может казаться «шантажом» населения целого региона, в дискурсе обычного права и потестарных отношений может осмысливаться в качестве вполне приемлемых политических отношений. В незападных обществах техническая модернизация обычно идет впереди качественных социально-политических изменений (мой дед, всю жизнь проживший в упоминаемом Пестречинском районе, рассказывал мне, как в лаптях сеял пшеницу из лукошка и слушал рассказы стариков о помещиках, бросавших им, тогда еще мальчишкам, конфеты из своих карет, а незадолго до смерти он жил в доме со спутниковым телевидением и интернетом). Причиной такого «запаздывания», на мой взгляд, является сохранение напоминающих общины трудовых коллективов (по моей терминологии, «постобщин» (Овчинников 2016: 325-332)). Они функционируют по законам моральной экономики, стремятся к самосохранению, испытывают недоверие к внешнему миру и поэтому не инкорпорируются в структуры гражданского общества, а являются дискретными, легко поддающимися воздействию, кирпичиками авторитарной системы.

Во время крупных оппозиционных митингов конца 2011 – начала 2012 гг. граждане сорганизовывались явно не по месту работы, тогда как колонны провластных митингов четко структурировались по рабочим коллективам и среди них нередко сновали люди со списками и отмечали присутствующих (зафиксировано мною на примере Казани). В постобщинах сохраняются интуитивно всем известные архаичные регулятивные механизмы, используемые в сложных ситуациях, когда «не до Конституций и законов» или норм научного исследования. Существование постобщин обусловлено сохранением форм коллективной собственности и слабым, не смотря на все декларации, развитием собственности частной, что выразилось в сравнительно легком отчуждении части личных средств граждан Татарстана в Фонд «Возрождение».

В настоящее время, на мой взгляд, продуктивно говорить о неконфликтном сосуществовании норм современного и обычного права, об их «обоюдном» признании друг друга, диалоге, имеющем целью ненасильственное предупреждение и разрешение часто грозящих перейти в гражданское неповиновение и(или) «административно-коррупционную реакцию» противоречий и конфликтов.

«Отдарок» неформальному лидеру может быть не только денежным или трудовым, но и символическим. Коллективы татарстанских историков стали буквально «воспевать» Болгар и Свияжск. Неожиданно «выяснилось», что в границах того же Болгара «*сохранены все элементы, которые позволяют представить возникновение, ход и результаты эволюции важного для России и мира региона, жизнедеятельности людей и народов*» (Валеев 2016: 461). Реципрокная направленность обнаруживается, например, в утверждении о том, что «*на протяжении более 15 веков этот объект* (Болгар – А.О.) *оказывал устойчивое воздействие на развитие архитектуры, технологий, монументального и декоративного искусства, градостроительства, сферы духовной культуры Евразии*» (Валеев 2016: 463).

В случае Болгара мифизация истории нередко граничит с её фальсификацией. Рассмотрим конкретные примеры.

Согласно принятой сегодня в Татарстане официальной точке зрения «*именно сюда* (в Болгар. – А.О.) *в 922 году прибыло посольство из Багдада, и местные жители приняли ислам*» (История древнего). В «Записках» Ахмеда ибн-Фадлана, секретаря багдадского посольства, ступившего на территорию Волжской Булгарии в 922 г. о городе Болгаре ничего не говорится. Арабский автор вообще не увидел в стране булгар городов. Он констатировал, что у булгар «*нет помещений, в которых они складывали бы свою пищу*» (Путешествие 2004: 31) и «*все они [живут] в юртах, с той только разницей, что юрта царя очень большая…*» (Путешествие 2004: 32). По ходу своего рассказа Ахмед ибн-Фадлан в качестве одного из мест нахождения ставки (в прямом смысле – юрты) правителя нескольких булгарских племен Алмуша называет местность трех озер (Путешествие 2004: 34). Видимо, это округа современного села Три Озера, примерно в 8 км от Болгарского городища. Скорее всего, здесь Алмуш и его приближенные встретили багдадское посольство. Однако точного указания на то, что именно там произошло «официальное принятие ислама» и что таковое событие вообще имело место быть, в единственном «по 922 году» письменном источнике сведений нет. Многочисленные исторические примеры позволяют предположить, что у кочевника Алмуша могло и не быть своей столицы, а его ставка вполне могла перемещаться по обширной территории в силу военной, экономической, политической, погодной и иных причин.

До 2010 г., т.е. до начала деятельности Фонда «Возрождение» и превращения Болгарского городища в центр «татарского ислама», большинство казанских специалистов-булгароведов (за исключением, пожалуй, Р.Г. Фахрутдинова) отрицали приезд багдадского посольства в 922 г. в Болгар и официальное принятие булгарами ислама. Так, признанный глава местных археологов А.Х. Халиков в 1991 г. писал, что «*Нет никаких оснований считать, что именно в 922 г. (309 г. хиджры) было совершено официальное принятие булгарами ислама. Это неверно с исторических позиций и неграмотно с богословской точки зрения. Ислам был принят на сто лет раньше – в 209 г. хиджры; принят благодаря действиям факихов из Бухары и поэтому имел ханафитский мазхаб*» (Халиков 1991: 57).

С А.Х. Халиковым соглашались и его ученики – Ф.Ш. Хузин и Г.М. Давлетшин. В их совместных публикациях разных лет практически дословно воспроизводились положения о том, что Ибн-Фадлан «*никогда не приписывал себе заслуги в исламизации Волжской Булгарии*» и «*в 922 году не произошло официального принятия ислама (тем более окончательного и всенародного)*» (Давлетшин 1989:4; Давлетшин 1997: 122-133).

В публикации 2004 г. Ф.Ш. Хузин прямо высказывался против мнения, согласно которому «*в городе Болгаре (на Волге) якобы состоялась встреча Багдадского посольства, прибывшего в 922 году по приглашению булгарского хана Алмуша, и здесь же был официально принят ислам*» (Хузин 2004: 17). Г.М. Давлетшин в своей монографии 2004 г. писал, что «…*утверждение об официальном принятии ислама в Волжской Болгарии в 922 году, т.е. после приезда багдадского посольства, ничем не обосновано. В действительности ни в записках Ибн Фадлана, ни в других источниках об этом ничего не говориться… Как государственная официальная религия он был принят еще до прихода багдадского посольства*» (Давлетшин 2004: 172).

Ставший к 2000-м гг. главой татарстанских булгароведов Ф.Ш. Хузин (Средневековая археология 2016) место встречи правителя булгар с посольством багдадского халифа определял примерно в 50 км от Болгар в районе с. Измери Спасского района Татарстана (Хузин 2009: 154). В своей монографии он утверждал, что «…***посольство благополучно миновало округу современного Болгарского городища*** (выделено мною. – А.О.) *и остановилось где-то в районе* (рек. – А.О.) *Ахтая-Безды, недалеко от реки Атиль-Итиль (так называлось и нижнее течение Камы), где археологам хорошо известно несколько крупных торгово-ремесленных поселений X-XI вв. Среди них выделяется обширное (площадью около 60 га) Измерское поселение с чрезвычайно богатыми находками раннедомонгольского времени. Есть определенные основания локализовывать ставку Алмуша и место его встречи с посольством* (багдадского халифа. – А.О.) *Муктадира именно в этом районе*» (Хузин 2001: 135). Ф.Ш. Хузин поддерживал точку зрения своего учителя А.Х. Халикова о принятии ислама в районе р. Малый Черемшан, где возник Биляр – самый большой из булгарских городов (примерно в 87 км от Болгара по прямой). Более того, Ф.Ш. Хузин предполагал, что ислам был принят в бывшем языческом святилище (урочище «Святой ключ», в котором до сих пор совершаются языческие ритуалы) (Хузин 2001: 136).

В новых политических условиях эти построения оказались более чем неудобными, т.к. миф о Болгаре как месте принятия волжскими булгарами ислама официально озвучивает сам М.Ш. Шаймиев: «*Болгар – памятник IX-X веков, место добровольного принятия ислама на северных территориях*» (Шаймиев 2015: 7). В феврале 2016 г. на проходившей в центре «Эрмитаж-Казань» выставке «Путешествие Ибн Фадлана. Волжский путь от Багдада до Булгара», М.Ш. Шаймиев «*напомнил о включении Болгара в список культурного наследия ЮНЕСКО, чему поспособствовало изучение текста «Записки» Ахмада ибн Фадлана, которая подтверждает, что именно в Болгаре ислам был принят не позднее 922 года*» (Смирнов 2016). Эта же мифологема закреплена в официальной биографии М.Ш. Шаймиева, вышедшей в серии ЖЗЛ:

«*Рассказывает Минтимер Шаймиев:* «*Здесь* (в Болгаре. – А.О.) *наши предки, первыми на территории России, добровольно приняли ислам*»» (Цибульский 2016: 557). С официальной точкой зрения соглашается татарстанское мусульманское духовенство: «*Рассказывает Камиль хазрат Самигуллин (председатель Духовного управления мусульман Республики Татарстан): Именно здесь, в Болгаре, впервые была официально принята наша великая религия… Это случилось за 66 лет до крещения Руси… поездка в Болгар теперь становиться не только ритуальной, для российских мусульман, подобной хаджу, но также очень интересной*» (Цибульский 2016: 573). Казанский историк И.А. Гилязов высказался более безапелляционно: «*Есть общеизвестный факт: ислам официально был принят на территории Среднего Поволжья, в Волжской Булгарии в 922 г. после прибытия багдадского посольства Ибн-Фадлана… Есть конкретный исторический факт, против которого возражать невозможно*» (Гилязов 2010).

В мае 2012 г. в Болгаре был установлен знак-здание в честь официального принятия волжскими булгарами в 922 г. ислама. В здании был помещен самый большой в мире Коран.

Не удивительно, что в совместной монографии Д.М. Давлетшина и Ф.Ш. Хузина с говорящим названием «Булгарская цивилизация на Волге» (Давлетшин 2011) уже невозможно обнаружить их прежнее, повторявшееся десятилетиями, отрицание официального принятия булгарами ислама в 922 г. Если в 2004 г. Фаяз Хузин ясно писал, что «*Ибн Фадлан (секретарь посольства) и его спутники вообще не были в городе Болгаре*» (Хузин 2004: 17), то к 2011 г. он кардинально изменил свою точку зрения: «*Посольство, скорее всего, посетило и Болгар*» (Где же 2011). Ученик Ф.Ш. Хузина, директор Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ А.Г. Ситдиков счел возможным «приписать» Ахмеду ибн Фадлану несуществующее сообщение о том, что, якобы, «*в Болгаре есть мечеть*» (Айрат Ситдиков 2012).

Примером фальсификации истории в угоду идеологической необходимости является сюжет о т.н. «ханском дворце» в Болгаре. Начиная с 1994 г. на территории Болгарского городища казанский археолог Р.Ф. Шарифуллин изучал остатки монументального сооружения, которое он осторожно называл «Дом с башнями». В 2010 г. раскопки посетил Р.С. Хакимов – бывший советник М.Ш. Шаймиева по политическим вопросам, ныне директор Института истории Академии наук РТ, нередко позиционируемый как «главный идеолог» Татарстана. Во время его визита, если верить воспоминаниям Рафаэля Сибгатовича, произошло следующее: «*останавливаюсь у раскопа с непонятной конфигурацией. Спрашиваю у археолога, сидящего в раскопе* (скорее всего это и был Р.Ф. Шарифуллин. – А.О.):

– Что копаете?

– Трудно сказать.

– И что до сих пор не задавали себе вопроса, что именно копаете?

– Не хватает артефактов для научного обоснования.

– Сколько копаете?

– 15 лет.

– Что нужно еще 15 лет, чтобы определиться?

…Собрался «консилиум» из археологов, архитекторов, историков…

Спрашиваю:

– Какие предметы нашли в раскопе?

Археолог с пятнадцатилетним стажем оживился:

– Нашли в фундаменте монеты чеканки 1239 года, прекрасную сирийскую стеклянную посуду…

Он не договорил, я его остановил:

– Стоп. Это представительский корпус. Знаете, что это такое?

Все умолкли в ожидании.

– Это дворец Бату. Скажите, где хан принимал послов и важных гостей? Бывало, что в своем шатре. А зимой? У него должно было быть, если говорить современным языком, место для торжественных приемов (скорее всего, зимой Бату откочевывал в более южные районы, где впоследствии и основал город Сарай-Бату. – А.О.). *Это и есть его дворец. Монеты подтверждают, что именно Бату заложил это здание, он как раз начал чеканку монет в Булгаре в 1239 году.*

«Консилиум» начал высказывать свои сомнения, но как-то вяло. Я попросил найти аналоги в других странах, где обосновались татары, ведь обычно строят по одному шаблону, так сказать по типовому проекту. И, действительно, через пару дней нашли еще два аналога в Азии… В итоге объект получил название "Ханский дворец"» (Хакимов 2016: 46-49).

Ассоциируемый с властью объект нужен был Р.С. Хакимову для утверждения преемственности и параллелей между сакральным Болгаром и современным Татарстаном. Приведенная выписка из источника, наряду с другими данными, иллюстрирует особенности взаимодействия ученых и власти в условиях авторитаризма. Если визит (вернее, инспекция) Р.С. Хакимова в Болгар состоялся летом 2010 г., то уже в октябре того же года «главный археолог» Татарстана А.Г. Ситдиков публично говорил о наличии в Болгаре ханского дворца как доказанном научном факте: «*археолог Айрат Ситдиков рассказывал сидевшими чиновниками и топ-менеджерами крупных компаний о своем уникальном открытии – развалинах ханского дворца*»; «*Раньше мы такого не могли предположить», – выразил свое восхищение археолог*» (Минтимер Шаймиев: 2010в). Однако сам исследователь памятника, Р.Ф. Шарифуллин в своих статьях по-прежнему называет объект не «ханским дворцом», а «домом с башнями» (Шарифуллин 2014: 63, 64), но распространению мифа такое скрытое фрондирование не мешает.

В связи с атрибуцией болгарских памятников как сакральных символов «татарского ислама» распространяется мифологема о «полной» исламизации булгар и Волжской Булгарии как северном форпосте исламской цивилизации, что вступает в противоречие с работами тех археологов, которые в конкретных материалах фиксируют следы языческих групп населения (Газимзянов 1997; Казаков 1993; Руденко 2004). Специалист по искусству волжских булгар Д.К. Валеева в своей

монографии отмечала языческий характер булгарского домонгольского искусства, и констатировала, что искусством ислама булгарское искусство стало лишь в золотоордынский период (Валеева 2003: 19, 20). В академической периодике Татарстана наметилась тенденция не совсем корректной критики этой точки зрения («*Сколь ни абсурдными являются подобные исторические штудии, они создают видимость некоей дискуссии*» (Измайлов 2016: 71)), что совпадает с попытками распространения концепта «мусульманская археология» (Ситдиков 2016).

Конструируется важный для татарского этнонационализма миф о, якобы, прибывших в Болгар сахабах – сподвижниках пророка Мухаммеда (с недавних пор здесь хранятся его волосы (Сулейманов 2016)). Возникновение Болгара связывают с походами «престижных» гуннов, которые «*способствовали падению Рима и обеспечили переход от античности к периоду средневековья*» (Валеев 2015: 144). Все это заставляет искусственно удревнять возраст Болгарского городища до полутора тысяч лет (Валеев 2015: 144).

Идеологическая необходимость сакрализации Болгара вмешивается в дискуссию между археологами, часть которых утверждает, что города в Волжской Булгарии появились только в 40-е гг. X в. или еще позднее (Казаков 2008: 34–39), т.е. через несколько десятилетий после принятия в 922 г. частью булгар ислама (противоположное мнение см.: Хузин 2011).

Официальные однозначные утверждения о Болгаре как столице Волжской Булгарии не согласуются с научным дискурсом, в рамках которого еще не закончена полемика между сторонниками столичности Биляра в X-XIII вв. (Халиков 1973), и исследователями, признающими столицами, соответственно, Болгар в X-XI, XIII-XIV вв., а Биляр в XII в. (Смирнов 1972) (подробнее о дискуссии см.: Руденко 2014: 505-508).

Вызванная политической необходимостью актуализация Болгара сказалась и на «методологических» штудиях татарстанских историков. Если в 2007 г. в своей «программной» статье упоминаемый выше Ф.Ш. Хузин рассуждал об «узловых» проблемах «*средневековой тюркской, конкретнее, тюрко-татарской цивилизации*» (Хузин 2007: 26), то в «программной» статье 2013 г. речь шла уже о проблемах изучения «булгарской (иногда им называемой «болгарской») цивилизации» (Хузин 2013: 210-220). Вопрос заключался не только в смене названий. Если мифическое поле «тюрко-татарской цивилизации» охватывает большие территории Евразии и древние и средневековые государства, на которые символически «претендует» не только Татарстан, но и другие современные политические образования, то мифологема «булгарской цивилизации» включает в себя в основном Волжскую Булгарию и почти все Поволжье. В свою очередь, это несколько «расшатывает» концепцию «единой татарской нации», выделяет поволжских татар и отсекает от неё, например, сибирских татар и делает актуальными советские представления о татарах как нескольких народах «*с самоназванием «татары»*» (Татары Среднего 1967: 8), «*группе тюркоязычных народов*» (Мухамедова 1973-1982: 143).

Видимо, главный секрет корпоративной «солидарности» татарстанских историков заключается во все тех же реципрокных обязательствах ученого перед коллективом, а коллектива перед властью – центром перераспределения ресурсов (судя по данным открытых аукционов, суммы контрактов только на архитектурно-археологические и антропологические исследования материалов Болгара и Свияжска составляют сотни миллионов рублей) (Юдкевич 2016).

Символический отдарок может поступать «в комплексе» с денежным. 7 июля 2016 г. на Ученом Совете Казанского Федерального университета сотрудникам и студентам этого ВУЗа было предложено «пожертвовать» сумму однодневного заработка на воссоздание Собора Казанской иконы Божьей Матери в Свияжске и строительство Болгарской исламской Академии. «Куратор» этой акции в КФУ директор Института международных отношений, истории и востоковедения Р.Р. Хайрутдинов отметил, что «*мы большая структура, у нас более 9 тыс. сотрудников, 44 тыс. студентов, так что мы считаем, что необходимо некое единение, чтоб институты, факультеты и другие подразделения присоединились к этой акции организованно*». В заключение своего выступления он напомнил, что «*Казанский университет и ранее вносил свой вклад в эти проекты – интеллектуальный, так как многие ученые и исследователи КФУ участвуют в программе их создания. Теперь же мы будем помогать и материально*» (КФУ присоединяется 2016).

Показательно публичное поведение одного из профессоров-историков КФУ. На нескольких конференциях, во время своих выступлений, он, демонстративно держа в руках смартфон, демонстрировал как переводил небольшие суммы на счета Фонда «Возрождение». Он же является соавтором научных статей, доказывающих необходимость «возрождения» Болгара и Свияжска.

Реципрокный компонент социально-политических отношений не мог не сказаться на самой мифологеме. По моему мнению, существует определенная связь между известной бинарностью мифа и феноменом реципрокности. Дарообмен предполагает наличие бинарных оппозиций и, видимо, неотделим от мифического мышления. Таковой по отношению к профессиональному историческому знанию, особенно его методологической основе, является совокупность обыденных представлений об историческом прошлом. В этой связи следует обратить внимание на феномен, который можно условно назвать «коллективной интеллектуальной собственностью». «Главным собственником-историком» при этом выступает высший чиновник, взгляды которого конкретизирует целая пирамида «нижестоящих», в которую входят, в том числе, и профессиональные ученые. Имеющий базовое сельскохозяйственное образование М.Ш. Шаймиев после отставки с поста Президента увлекся историей и археологией. В одном из интервью он заявил буквально следующее: «*…серьезному ученому я бы предложил обратить внимание на мой свежий взгляд. Я ведь труды изучаю и наших ученых, и не только наших, историю и булгар, и татар, золотоордынский период*» (Минтимер Шаймиев 2016). Вряд ли этот

«свежий взгляд» вызовет возражения, наоборот, он будет развернут, дополнен и проиллюстрирован тщательно отобранным фактологическим материалом.

Активно транслируемые в массовое сознание исторические образы Болгара и Свияжска, на мой взгляд, продуктивно рассматривать с позиций теории мифа К. Леви-Строса. Противостоящими элементами мифической бинарной системы «История Татарстана» выступают Болгар («памятники татарской истории») и Свияжск («памятники русской истории»). Это противопоставление является частным случаем более широкой бинарной оппозиции «русский народ» – «татарский народ». Через её призму «объясняется» вся палитра социально-экономических и политических отношений (тотально-синкретическая особенность этнического мифа особенно ярко проявляется в материалах региональных энциклопедических изданий) (Овчинников 2013). Русский и татарский народы и их предки в прошлом и настоящем обменивались и обмениваются важными друг для друга элементами культуры, языка, хозяйства и т.д., оставаясь при этом отдельными культурными общностями. В дискурсе «болгаро-свияжского» мифа отмечается, что мир и добрососедство между жителями древней столицы (т.е. Болгара) стали базой для процветания в ней ремесел и искусства, науки и образования, медицины и торговли (Древний Болгар 2014: 9). Нормальный дарообмен – залог спокойствия, стабильности и недопущения конфликта, символом чего являются «благие дела» в отношении святынь двух, состоящих в обменных отношениях, сторон. Так, Премьер-министр Татарстана «*Ильдар Халиков отметил, что одновременное возрождение Болгара и Свияжска будет способствовать сохранению и укреплению межрелигиозного и межнационального согласия в республике*» (Государственный Советник 2010). Казанские интеллектуалы мысль руководства конкретизируют все той же реципрокной схемой, но звучащей наукообразно: «*В ...неоднозначной социально-культурной ситуации был сделан выбор в пользу конструирования интегрированной памяти татарского и русского населения на основе признания самоценности их культур и религий*» (Бухараев 2016: 301).

В традиционных обществах реципрокность была тесно связана с феноменом пира, который являлся концентрацией и одновременно выражением многих сторон общественных отношений. Презентующие опыт взаимодействий между народами в прошлом, нарративы этнонациональных историй актуализируют прошлое для настоящего, благодаря чему, как мне кажется, символически воссоздаётся ситуация пира (Овчинников 2015а). Ещё в начале XX в. известный татарский поэт Г. Тукай писал, что «*…в древние времена наша нация вместе с друзьями и товарищами – другими нациями жила себе тихо, бедно и безрадостно. Несколько веков чаевничала с ними как сотрапезница, и все вместе, не сытно и не голодно, спокойно и мирно жили свои дни*» (Тукай 2016: 1). Мотив «трапезы народов» присутствует и «болгаро-свияжском» мифе: «*Перекликающиеся над водными просторами речитатив муэдзина, звон церковных колоколов, звук молота, преобразующего металл в руках ремесленника, запах свежеиспеченного хлеба, приглашающий нас к дружеской трапезе, и небо, сияющее куполом объемлющее город, – вот что такое сегодняшний Болгар*» (Древний Болгар 2014: 8).

Согласно К. Леви-Стросу бинарные оппозиции уравновешивают образы-медиаторы. В данном случае, на мой взгляд, можно выделить три таких медиатора: персональный (пропагандируемый образ М.Ш. Шаймиева как политика, не допускающего межнационального конфликта) и два территориальных: Волга – река, на берегах которой находятся Болгар и Свияжск, а также Казань – «древняя столица Татарстана, находящаяся на пути из Болгара в Свияжск». Например, открывая одно из совещаний, «*Президент Татарстана отметил, что …на одной земле, на берегу Волги будет показан пример мирного сосуществования двух религий – ислама и православия*» (Шаймиев 2010б). В одном из выступлений М.Ш. Шаймиев высказался о том, что «*Болгар и Свияжск как культурно-исторические и духовные жемчужины республики имеют немало общего. Их объединяет великая река Волга*» (Шаймиев 2015: 7), в другой раз он констатировал: – «*Как Болгар, так и Свияжск находятся на берегах Волги. Это великая русская река; Казань – это город, где веками мирно живут татары и русские, отлично уживаются православие и ислам*» (Минтимер Шаймиев 2010а).

Болгар и Свияжск на своём уровне также выполняют роль медиаторов. В Болгаре актуализируются Соборная мечеть и Успенский Собор. В местной печати периодически вспыхивают споры о русских (славянских) памятниках в Болгаре (Таджи 2013) и татарских – в Свияжске (Шаймарданов 2012).

Образы Болгара и Свияжска уравновешивают в исторической перспективе образы «Запада» и «Востока». Так, с Болгаром связывают походы гуннов и монголо-татар с Востока на Запад, а со Свияжском – продвижение с Запада на Восток границ Российского государства в середине XVI в. (Валеев 2016).

По К. Леви-Стросу мифический сюжет в своем развитии переживает двойную перестановку функций, когда исходные противопоставления должны несколько раз изменить свою функциональную определенность, что придаёт мифу целостность и завершенность (Найдыш 2010: 379). Это положение подтверждается материалами «болгаро-свияжского» мифа. Как однажды отметил М.Ш. Шаймиев, «*Мы много говорим о потерях истории, они есть у каждого народа. У булгар было самостоятельное государство. А впоследствии оно попало в определенную зависимость. История каждого народа очень сложная. Кого-то завоевывали, кто-то сам побеждал*» (Минтимер Шаймиев 2010а).

Согласно логике мифа, в зависимости от конкретных обстоятельств главный персонаж проявляет себя с противоположных (положительной и отрицательной) сторон (Найдыш 2010: 379). В связанной с Болгаром и Свияжском риторике можно часто услышать, что в истории взаимодействия русского и татарского народов были разные периоды, в том числе и времена конфликтов. Другими словами, образ народа, а это, безусловно, один из главных персонажей мифа, несет в себе противоположные черты «завоевателя» и «доброго соседа». Например, Свияжск позиционируется, с одной стороны, как база войск Ивана IV Грозного для завоевания Казани, с другой – как форпост православия в регионе и точка отсчета диалога двух культур.

Реципрокный «болгаро-свияжский» исторический миф, положенный в основу конструирования исторической памяти, на мой взгляд, имеет лишь видимость культурной консолидации и решения (между прочим, также конструируемых) проблем межэтнических и межрелигиозных взаимоотношений. Во-первых, вопреки мнению одного из казанских авторов, «*возбужденная историческая память*» (Бухараев 2013) отнюдь не умиротворяется, даже если бинарные образы наделяются положительными коннотациями. Если бесконечно, как магическое заклинание, произносят формулу о толерантных межэтнических и межконфессиональных отношениях и недопущении межнационального конфликта, то сознание автоматически представляет и противоположный сюжет. Во-вторых, в духе культурного расизма, идеологии европейских «новых правых» (подробнее, см. Шнирельман 2011), происходит символическая расиализация и сегрегация населения, «освященная» настойчиво актуализируемыми «сакральными местами». Учитывая, что в Татарстане разворачиваются ещё и т.н. «этногенетические исследования» (выясняются генотипы татар и русских (Минтимер Шаймиев 2015; Фадеева 2015)), то культурный расизм, путем конструирования образов историко-культурно-кровных «Других» имеет все шансы перейти в расизм биологический. В-третьих, вполне может быть заложен потенциал будущих конфликтов, т.к. реципрокность сама по себе конфликтогенна – сегодняшний плюс легко переходит в завтрашний минус. «Трапеза народов», что особенно в российских условиях всегда имеют в виду участники застолий, может превратиться в нечто иное. Если отношения между региональной и федеральной элитами обострятся (как то было в начале 1990-х гг.), те же самые болгарские памятники могут «превратиться» в «святой символ многовековой борьбы Татарстана за свои права», а о Свияжске заговорят, прежде всего, как о базе завоевательных походов Ивана IV Грозного. Даже в официальных академических изданиях Татарстана бинарность служит «методологической основой» националистических выпадов: «*Был осуществлен коварный замысел завоевателей – насильно всех крестить. В центре Болгара построили церковь и потом одноименный монастырь Успенья. Все оставшиеся здания были приспособлены под нужды монастыря. Переименовали на христианский лад не только архитектурные памятники, свидетельствующие о величии его строителей, но и близлежащие озера, речки, даже овраги* (имеется в виду Малоиерусалимский овраг. – А.О.). *С булгарскими названиями даже они были опасны для завоевателей. Но эти черные для татарского народа века канули в Лету. Опять город на Волге воспрянул. Многие считают своим святым долгом посетить Болгар, чтобы окрепнуть духом, стать чище душой*» (Давлетшин 2011: 40).

Таким образом, анализ конструирования «болгаро-свияжского» мифа позволяет проследить особенности формирования исторической памяти в условиях региональной политической ситуации. Сами образы прошлого презентуются через сакрализуемые материальные объекты и соответствующие тексты, становящиеся обязательными для выказывания внешнего (т.е. не всегда искреннего) признания.

Сам процесс признания, осуществляемый в основном через организацию разного рода мероприятий, во многом напоминает ритуал – акт, чья подготовка требует активации политических, социальных и экономических механизмов. Исторические нарративы оказываются их частью, что открывает широкие перспективы для комплексного изучения феномена исторической памяти как современного общественного явления.

ЛИТЕРАТУРА

Айрат Ситдиков 2012 – *Ситдиков А.* Мусульманизация булгарских племен может быть связана с походами халифа Мервана в начале 700-х годов. 10.04.2012 / Электронный ресурс: http://www.islamrf.ru/news/russia/rusinterview/21591/ (дата обращения - 1.10.2016).

Археологические исследования 2011 - Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свияжск / сост. Валиев Р.Р., Ситдиков А.Г., Шакиров З.Г. Казань, 2011. 40 с.

Археологические исследования 2013 - Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск / Авторы-составители: Валиев Р.Ф, Ситдиков А.Г., Старков А.С. Казань, 2013. 19 с.

Аудиозапись протокола 2015 - Аудиозапись протокола заедания кафедры Гуманитарных Дисциплин КНИТУ от 13 января 2015г. // ПМА (полевые материалы автора).

Ахметов 2001 - *Ахметов Р.Р.* Колонка редактора // Звезда Поволжья. № 18(71). 5-10 мая 2001. С. 1.

Беляев 2007 - *Беляев В.А.* Мировоззрение и социальное поведение правящей элиты Татарстана // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 150-157.

Березкин 1991 - *Березкин Ю.Е.* Инки. Исторический опыт империи. Ленинград, 1991. 232 с.

Бухараев 2013 - *Бухараев В.М.* Проект «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск» в контексте политики памяти // Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: материалы Международной научной конференции (Казань, 23-24 мая 2013 г.) / сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. Вып. 23. Казань, 2013. С. 70-72.

Бухараев 2016 - *Бухараев В.М., Мягков Г.П., Набиев Р.А.* Ценностные ресурсы исторической памяти в формировании комплиментарного образа «Другого» в полиэтническом сообществе // Межконфессиональное взаимодействие в пространстве исторической памяти = Interconfessional cooperation in the area of historicalmemory. Казань, 2016. С. 297-305.

Валеев 2015 - *Валеев Р.М.* Булгар – объект всемирного наследия Юнеско // Вестник Комиссии Российской Федерации по делам Юнеско. 2015. № 24. С. 140-159.

Валеев 2016 - *Валеев Р.М.* Болгар и Свияжск: их роль в культурном разнообразии и развитии науки Татарстана // Межконфессиональное взаимодействие в пространстве исторической памяти = Interconfessional cooperation in the area of historicalmemory. Казань, 2016. С. 461-468.

Валеева 2003 - *Валеева Д.К.* Искусство волжских булгар периода Золотой Орды (XIII-XV вв.). Казань, 2003. 240 с.

Вперёд 21.09.2010 - Вперёд (газета Пестречинского района Татарстана). № 74 (9261). 21.09.2010. С. 1.

Вперёд 24.09.2010 - Вперёд (газета Пестречинского района Татарстана). № 75 (9262). 24.09. 2010 г. С. 1.

Газимзянов 1997 - *Газимзянов И.Р.* О некоторых элементах в погребальной практике волжских булгар X-XV вв. // Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана. Материалы Всерос. научно-практич. конф. Секция археологии / Ред. П.Н. Старостин, С.Ю. Измайлова. Казань, 1997. С. 19-22.

Гайденко - Гайденко Павел Иванович / Электронный ресурс: http://www.kgasu.ru/universitet/person/prepodavateli/gaidenko_pavel_ivanovich/ (дата обращения - 26.06.2017).

Где же 2011 - Где же все-таки булгары приняли ислам? (Интервью Фаяза Хузина), 01.2011 / Электронный ресурс: http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-37766.htm (дата обращения - 20.06.2017).

Гилязов 2010 - *Гилязов И.* Булгаризм возрождается? // Звезда Поволжья. № 32. 2-8 августа 2010 г.

Гордеев 2010 - *Гордеев Я.* Добровольно-принудительное возрождение, 09.07.2010 / Электронный ресурс: http://www.ng.ru/politics/2010-07-09/3_kartblansh.html (дата обращения - 1.10.2016).

Государственный Советник 2010 - Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев представил Республиканский фонд «Возрождение» ведущим журналистам федеральных СМИ, 3.12.2010 / Электронный ресурс: http://shaimiev.tatarstan.ru/news/view/79874 (дата обращения - 1.10.2016).

Давлетшин 1989 - *Давлетшин Г., Хузин Ф.* Когда и как булгары приняли ислам? // Комсомолец Татарии, 6 августа 1989 г. С. 4.

Давлетшин 1997 - *Давлетшин Г., Хузин Ф.* Когда и как булгары приняли ислам? // Аргамак. 1997. № 1. С. 122-133.

Давлетшин 2004 - *Давлетшин Г.М.* Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань, 2004. 431 с.

Давлетшин 2011 - *Давлетшин Г.М., Хузин Ф.Ш.* Булгарская цивилизация на Волге. Казань: Татар. Кн. Изд-во, 2011. 112 с.

Древний Болгар 2014 - Древний Болгар (иллюстрированное издание). Казань, 2014. 156 с.

Евдокимова 2015 - *Евдокимова Д.* Урок историку (В Казани уволен преподаватель, по мнению коллег, «слишком активно» занимавшийся общественной деятельностью), 10.02.2015 / Электронный ресурс: http://www.newizv.ru/society/2015-02-10/214634-urok-istoriku.html (дата обращения - 1.10.2016).

Ермошин 2015 - *Ермошин А.* Духовное пространство Свияжска в истории России // Историко-культурное наследие Свияжска: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Историко-культурное и духовное наследие Свияжска» (г. Казань, с. Свияжск, 14-15 ноября 2014 г.) / под общ. ред. Р.М. Валеева. Казань, 2015. С. 56-62.

Измайлов 2016 - *Измайлов И.Л.* Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII в.: опыт комплексного анализа // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 68-92.

История древнего - История древнего Болгара / Электронный ресурс: http://yanarysh.tatarstan.ru/rus/Bolgarhistory.htm (дата обращения - 17.03.2017).

Казаков 1993 - *Казаков Е.П.* О языческой культуре волжских болгар (по археологическим данным) // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи / Под ред. А.Х. Халикова, Г.Ф. Валиевой-Сулеймановой. Казань, 1993. С. 12-22.

Казаков 2008 - *Казаков Е.П.* О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии // FU (Финно-угрика). 2008. № 11. С. 34-39.

Комплекс исторической - Комплекс исторической реконструкции «Ленивый торжок» / Электронный ресурс: http://www.sviyajsk.ru (дата обращения - 1.10.2016).

КФУ присоединяется 2016 - КФУ присоединяется к благотворительной акции в поддержку строительства Болгарской исламской академии и Собора Казанской иконы Божьей Матери, 08.08.2016 / Электронный ресурс: http://kpfu.ru/news/kfu-prisoedinyaetsya-k-blagotvoritelnoj-akcii-v.html (дата обращения - 1.10.2016).

Мартынов 1987 - *Мартынов А.С.* Официальная идеология императорского Китая // Государственность в докапиталистических обществах Азии: сб. статей. М., 1987. С. 277-292.

Минтимер Шаймиев 2010а - *Шаймиев М.* «Если бы я не стал политиком, то был бы фермером», 3.09.2010 / Электронный ресурс: https://www.business-gazeta.ru/article/28412 (дата обращения - 1.10.2016).

Минтимер Шаймиев 2010б – *Шаймиев М.* «Возрождение Болгар и Свияжска имеет огромное значение для будущих поколений», 10.02.2010 / Электронный ресурс: http://www.tatar-inform.ru/news/2010/02/10/205444/ (дата обращения - 1.10.2016).

Минтимер Шаймиев 2010в - *Шаймиев М.* «Если бы ждали федеральных денег, то еще бы даже не начали, 6.10.2010 / Электронный ресурс: https://www.business-gazeta.ru/article/29811 (дата обращения - 3.06.2017).

Минтимер Шаймиев 2015 - *Шаймиев М.* «А это же связано с татарами. Какой покой может быть!» (21.11.2015) / Электронный ресурс: http://www.business-gazeta.ru/article/146004/ (дата обращения - 1.10.2016).

Минтимер Шаймиев 2016 - Минтимер Шаймиев предложил придумать другое название скульптуре «Хранительница», которую установят в Болгаре, 6.04.2016 / Электронный ресурс: http://www.business-gazeta.ru/article/57430 (дата обращения - 1.10.2016).

Морозов 2010 - *Морозов А.* Шаймиев без цензуры. СПб, 2010.

Мухамедова 1973-1982 - *Мухамедова Р.Г., Хисамутдинов Г.М., Халиков А.Х.* Татары // СИЭ. 1973-1982. Т. 14. Столб. 143-145.

Мухаметрахимов 2016 - *Мухаметрахимов А., Лучников А., Гавриленко А., Бадретдин Г.* «Не умеет читать Коран в оригинале»: как танцы в Болгаре «сгубили» имама Закабанной мечети, 8.11.2016 / Электронный ресурс: https://www.business-gazeta.ru/article/327887 (дата обращения - 1.12.2016).

Найдыш 2010 - *Найдыш В.М.* Мифология учебное пособие. М., 2010. 432 с.

о. Петр - о. Петр (Гайденко) / Электронный ресурс: https://vimeo.com/channels/1125984/page:1 (дата обращения - 08.08.2017).

Овчинников 2013 - *Овчинников А.В.* Этнонациональный дискурс в материалах Татарского энциклопедического словаря и Татарской энциклопедии (анализ методологических оснований) // История России и Татарстана: проблемы энциклопедических и науковедческих исследований. Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2013. Вып. 5. С. 79-85.

Овчинников 2015а - *Овчинников А.В.* Роль национальных историй в конструировании социально-политического неравенства (по материалам Республики Татарстан) // История и теория цивилизаций: в поисках методологических перспектив. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. С. 234-242.

Овчинников 2015б - *Овчинников А.В.* «Татарский ислам» в сравнении (к проблеме исламского корпоративизма) // Мусульманский мир (научный журнал). 2015. № 4 (октябрь-декабрь). С. 113-121.

Овчинников 2016 - *Овчинников А.В.* Концепт «Постбщина»: возможности анализа социокультурного пространства гуманитарного научного сообщества // Исторический формат. 2016. № 1. С. 325-332.

Овчинников 2016 - *Овчинников А.В.* Потестарные механизмы власти в современной России (на примере Республики Татарстан) (тезисы выступления) // Власть и насилие в незападных обществах: актуальные проблемы исследований: сборник тезисов / под ред. Г.В. Лукьянов, А.Л. Рябинин, С.А. Рагозина, И.А. Артемьев. М.: Издательство ГБПОУ Московский государственный образовательный комплекс, 2016. С. 119-120.

Пашуто 1959 - *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. 532 с.

Процесс формирования 2012 - Процесс формирования официальной идеологии императорского Китая / Сост. М.Е. Кравцова. СПб., 2012. 591 с.

Путешествие 2004 - Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу / под общ. ред. Р.З. Махмутова. Болгар, 2004. 160 с.

Республиканский Фонд - Республиканский Фонд «Возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан» / Электронный ресурс: http://yanarysh.tatarstan.ru/ (дата обращения - 1.10.2016).

Руденко 2004 - *Руденко К.А.* Булгарские святилища эпохи средневековья XI-XIV вв. (по археологическим материалам) // Культовые памятники Камско-Вятского региона / Отв. ред. Н.И. Шутова. Ижевск, 2004. С. 36-66.

Руденко 2014 - *Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань, 2014. 768 с.

Сейджагфар Лутфуллин 20.09.2016 - Сейджагфар Лутфуллин (имам Закабанной мечети г. Казани) (стена, запись от 20.09.2016 в 21:03) / Электронный ресурс: https://vk.com/id176685109 (дата обращения - 1.10.2016).

Сейджагфар Лутфуллин 26.09.2016 - Сейджагфар Лутфуллин (имам Закабанной мечети г. Казани) (стена, запись 26.09.2016 в 10:28) / Электронный ресурс: https://vk.com/id176685109 (дата обращения - 1.10.2016).

Селезнев 2014 - *Селезнёв А.Г.* Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 41-59.

Селезнев 2016 - *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Новые сакральные пространства, изобретение истории и глобальная информационная среда: деревня Окунево в Западной Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 3 (11). С. 76-86.

Селезнева 2014 - *Селезнёва И.А.* Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 59-73.

Ситдиков 2016 - *Ситдиков А.Г., Измайлов И.Л.* Мусульманская археология: объем и содержание понятия // Поволжская археология. 2016. № 2(16). С. 8-17.

Смирнов 1972 - *Смирнов А.П.* О столице государства волжских булгар // Советская археология. 1972. № 1. С. 98-102.

Смирнов 2016 - *Смирнов А.* На выставке в Кремле: «Русское государство было построено варягами за арабские деньги», 20.02.2016 / Электронный ресурс: https://www.business-gazeta.ru/article/302622 (дата обращения - 20.06.2016).

Средневековая археология 2016 - Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летнему юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. 164 с.

Сулейманов 2016 - *Сулейманов Р.* Новые тенденции в российском исламе: реликвии как инструмент политики, 23.06.2016 / Электронный ресурс: http://muslem.ru (дата обращения - 1.10.2016).

Таджи 2013 - *Таджи Ф.* Славянами здесь и не пахло, 25.12.2013 / Электронный ресурс: http://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/zdes-slavyanami-i-ne-pahlo-25-12-2013.html (дата обращения - 1.10.2016).

Татары Среднего 1967 - Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. 538 с.

Тертицкий 2000 - *Тертицкий К.М.* Китайские синкретические религии в XX веке. М., 2000. 415 с.

Тукай 2016 - *Тукай Г.* (1906) Умерла ли наша нация или только спит? // Тюркский взгляд (Общетюркская культурно-просветительская, общественно-политическая газета). Апрель 2016 г. С. 1 (перевод В. Думаевой-Валиевой).

Фадеева 2015 - *Фадеева Е., Казанцев В., Вильданова Э.* Зачем в Казани ищут «код татар»? Масштабное исследование национального генома ценой в миллионы долларов поддержал Минтимер Шаймиев, 9.11.2015 / Электронный ресурс: https://www.business-gazeta.ru/article/144981 (дата обращения - 1.10.2016).

Фасхутдинов - Фасхутдинов Камиль Фасхутдинович / Электронный ресурс: http://www.kstu.ru/emp_detail.jsp?id=1027021 (дата обращения - 26.06.2017).

Фестиваль средневекового 2016 - Фестиваль средневекового боя «Великий Болгар – 2016», 13, 14 августа 2016 г. / Электронный ресурс: http://www.bulgarfest.ru/ (дата обращения - 1.10.2016).

Хакимов 2007 - *Хакимов Р.С.* Тернистый путь к свободе (Сочинения. 1989–2006). Казань, 2007. 368 с.

Хакимов 2016 - *Хакимов Р.С.* Каково быть татарином? Казань, 2016. 252 с.

Халиков 1973 - *Халиков А.Х.* О столице домонгольской Булгарии // Советская археология. 1973. № 3. С. 83-99.

Халиков 1991 - *Халиков А.Х.* Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991. С. 47-60.

Хузин 2001 - Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 477 с.

Хузин 2004 - *Хузин Ф.Ш.* Древний Биляр и его окрестности. Казань, 2004. 76 с.

Хузин 2007 - *Хузин Ф.Ш.* Узловые проблемы изучения средневековой тюрко-татарской цивилизации // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 26-37.

Хузин 2011 - *Хузин Ф.Ш.* Исследования по булгаро-татарской археологии. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2011. 467 с.

Хузин 2013 - *Хузин Ф.Ш.* Булгарская цивилизация на Волге и некоторые проблемы изучения её ранних этапов // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории им. Ш. марджани АН РТ, 2013. С. 210-220.

Хузин Ф.Ш. Булгарские города и проблема их происхождения // История татар. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь / Гл. ред.: М. Усманов, Р. Хакимов; Редкол.: Ф. Хузин (отв. ред.), И. Загидуллин (зам. отв. ред.), С. Кляшторный; Ред.: Б. Хамидуллин. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 152-162.

Цыбульский 2016 - *Цыбульский И., Шайдуллина Н.* Минтимер Шаймиев. М., 2016. 591 с.

Шаймарданов 2012 - *Шаймарданов А.* Татарский вопрос в Свияжске, 18.12.2012 / Электронный ресурс: http://islampl.tw1.ru/novosti/104/3807/ (дата обращения: 1.10.2016).

Шаймиев 2015 - *Шаймиев М.Ш.* Приветствие к участникам конференции // Историко-культурное наследие Свияжска: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Историко-культурное и духовное наследие Свияжска» (г. Казань, с. Свияжск, 14-15 ноября 2014 г.) / под общ. ред. Р.М. Валеева. Казань: центр инновационных технологий, 2015. С. 4-12.

Шаймиев 2016 - *Шаймиев М.Ш.* Приветствие // Межконфессиональное взаимодействие в пространстве исторической памяти = Interconfessional cooperation in the area of historical memory: Международная научная конференция, Казань, 29-30 мая 2015 г.: сборник материалов. Казань, 2016. С. 5-6.

Шаревская 1964 - *Шаревская Б.И.* Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964. 387 с.

Шарифуллин 2014 - *Шарифуллин Р.Ф.* К истории археологического изучения Болгара // Поволжская археология. 2014. № 3(9). С. 56-74.

Шафиков 2010 - *Шафиков Я.* Актаныш – начало пути. Казань, 2010.

Шнирельман 2011 - *Шнирельман В.А.* «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма / В 2-х томах. М.: НЛО, 2011. Т. 1. 552 с.; Т. 2. 856 с.

Шнирельман 2014 -*Шнирельман В.А.* Места силы: конструирование сакрального пространства. Введение к дискуссии // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 3-9.

Шнирельман 2015 - *Шнирельман В.А.* Конструирование исторического наследия – случай Аркаима // Сибирские исторические исследования. 2015. № 2. С. 53-65.

Юдкевич 2014 - *Юдкевич М.* Минтимера Шаймиева попросили предоставить декларацию о расходах, 03.04.2014 / Электронный ресурс: http://www.evening-kazan.ru/articles/mintimera-shaymieva-poprosili-predstavit-deklaraciyu-o-rashodah.html (дата обращения - 1.10.2016).

Юдкевич 2015 - *Юдкевич М.* Критик татарстанской власти лишился работы за «некорректные высказывания» / Электронный ресурс: http://www.evening-kazan.ru/articles/kritik-tatarstanskoy-vlasti-lishilsya-raboty-za-nekorrektnye-vyskazyvaniya.html (дата обращения - 26.08.2016).

Юдкевич 2016 - *Юдкевич М.* Семь сотрудников фонда Шаймиева готовятся освоить 671 млн. бюджетных рублей и ждут «добровольных пожертвований», 06.07.2016 / Электронный ресурс: http://www.evening-kazan.ru/articles/sem-sotrudnikov-fonda-shaymieva-gotovyatsya-osvoit-671-mln-byudzhetnyh-rubley-i-zhdut-dobrovolnyh-pozhertvovaniy.html (дата обращения - 1.10.2016).

REFERENCES

Airat Sitdikov 2012 - *Sitdikov A.* Musul'manizatsiya bulgarskikh plemen mozhet byt' svyazana s pokhodami khalifa Mervana v nachale 700-kh godov, 10.04.2012 [Musulmaning of Bulgar tribes may be associated with the campaigns of Caliph Marwan at the beginning of 700 years, 10.04.2012], Electronic resource: http://www.islamrf.ru/news/russia/rusinterview/21591/ (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Akhmetov 2001 - *Akhmetov R.R.* Kolonka redaktora [editor's Column], in: Zvezda Povolzh'ya [Star of the Volga region], № 18 (71), 5-10.05.2001, p. 1 [in Russian].

Arkheologicheskie issledovaniya 2011 - Arkheologicheskie issledovaniya 2010: Bolgar i Sviyazhsk [Archaeological research 2010: Bolgar and Sviyazhsk], Kazan, 2011, 40 p. [in Russian].

Arkheologicheskie issledovaniya 2013 - Arkheologicheskie issledovaniya 2012 g.: Bolgar i Sviyazhsk [Archaeological research 2012: Bolgar and Sviyazhsk], Kazan, 2013, 19 p. [in Russian].

Audiozapis' protokola 2015 - Audiozapis' protokola zaedaniya kafedry Gumanitarnykh Distsiplin KNITU 13.01.2015 [Audio recording of the Protocol of the Humanities KAZAN state technical University on January 13, 2015. field materials of the author] [in Russian].

Belyaev 2007 - *Belyaev V.A.* Mirovozzrenie i sotsial'noe povedenie pravyashchei elity Tatarstana [Worldview and social behavior of the ruling elite of Tatarstan], in: Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and present], 2007, № 3, pp. 150-157 [in Russian].

Berezkin 1991 - *Berezkin Yu.E.* Inki. Istoricheskii opyt imperii [Incas. The historical experience of Empire], Leningrad, 1991, 232 p. [in Russian].

Bukharaev 2013 - *Bukharaev V.M.* Proekt «Kul'turnoe nasledie Tatar-stana: drevnii gorod Bolgar i ostrov-grad Sviyazhsk» v kontekste politiki pamyati [Project «Cultural neasledy Tatarstan: the ancient city of Bulgarians and the island hail Sviyazhsk» in the context of memory policy], in: Sotsiokul'turnyi potentsial mezhkonfessional'nogo dialoga: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kazan, 23-24.05.2013) Vyp. 23 [Sociocultural potential of interfaith dialogue: materials of the International scientific conference (Kazan, 23-24.05.2013) Release 23], Kazan', 2013, pp. 70-72 [in Russian].

Bukharaev 2016 - *Bukharaev V.M., Myagkov G.P., Nabiev R.A.* Tsennostnye resursy istoricheskoi pamyati v formirovanii komplimentarnogo obraza «Drugogo» v polietnicheskom soobshchestve [Valuable resources of historical memory in formation of a complementary image of «Another» in multiethnic community], in Mezhkonfessional'noe vzaimodeistvie v prostranstve istoricheskoi pamyati [Interconfessional cooperation in the area of historicalmemory], Kazan, 2016, pp. 297-305 [in Russian].

Davletshin 1989 - *Davletshin G., Khuzin F.* Kogda i kak bulgary prinyali islam [When and how the Bulgars converted to Islam?], in: Komsomolets Tatarii [Komsomol member of Tataria], 6.08.1989, p. 4 [in Russian].

Davletshin 1997 - *Davletshin G., Khuzin F.* Kogda i kak bulgary prinyali islam? [When and how the Bulgars converted to Islam?], Argamak [Argamak], 1997, No 1, p. 122-133 [in Russian].

Davletshin 2004 - *Davletshin G.M.* Ocherki po istorii dukhovnoi kul'tury predkov tatarskogo naroda (istoki, stanovlenie i razvitie) [Essays on the history of spiritual culture of the ancestors of the Tatar people (the origins, formation and development)], Kazan, 2004, 431 p. [in Russian].

Davletshin 2011 - *Davletshin G.M., Khuzin F.Sh.* Bulgarskaya tsivilizatsiya na Volge [The Bulgarian civilization in the Volga], Kazan, 2011, 112 p. [in Russian].

Drevnii Bolgar 2014 - Drevnii Bolgar [The ancient Bolgar], Kazan, 2014, 156 p. [in Russian].

Ermoshin 2015 - *Ermoshin A.* Dukhovnoe prostranstvo Sviyazhska v istorii Rossii [Spiritual space of Sviyazhsk in the history of Russia], in: Istoriko-kul'turnoe nasledie Sviyazhska [Historical and cultural heritage of Sviyazhsk], Kazan, 2015, p. 56-62 [in Russian].

Fadeeva 2015 - *Fadeeva E., Kazantsev V., Vildanova E.* Zachem v Kazani ishchut «kod tatar»? Masshtabnoe issledovanie natsional'nogo genoma tsenoi v milliony dollarov podderzhal Mintimer Shaimiev [Why looking for a «code of Tatars» in Kazan? A major study of the national genome cost millions of dollars was supported by Mintimer Shaimiev], 9.11.2015, Electronic resource: https://www.business-gazeta.ru/article/144981 (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Festival' srednevekovogo 2016 - Festival' srednevekovogo boya «Velikii Bolgar – 2016» [Festival medieval battle «The Great Bulgarians – 2016»], 13-14.08.2016, Electronic resource: http://www.bulgarfest.ru/ (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Gazimzyanov 1997 - *Gazimzyanov I.R*. O nekotorykh elementakh v pogre-bal'noi praktike volzhskikh bulgar X–XV cen. [Some of the elements in the burial practice of the Volga Bulgars X–XV centuries], in: Gumanisticheskie traditsii Zapada i Vostoka v muzeinom dele Rossii i Tatarstana [Humanistic traditions of the West and East in museum business of Russia and Tatarstan], Kazan, 1997, pp. 19-22 [in Russian].

Gde zhe 2011 - Gde zhe vse-taki bulgary prinyali islam? (Interv'yu Fayaza Khuzina), 01.2011 [Where is it that the Bulgars adopted Islam?], Electronic resource: http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-37766.htm (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Gilyazov 2010 - *Gilyazov I.* Bulgarizm vozrozhdaetsya? [Bulgarism reborn?], in: Zvezda Povol-zh'ya [Star of the Volga region], № 32. 2-8.08.2010 [in Russian].

Gordeev 2010 - *Gordeev Ya.* Dobrovol'no-prinuditel'noe vozrozhdenie [Voluntary and compulsory revival], 09.07.2010, Electronic resource: http://www.ng.ru/politics/2010-07-09/3_kartblansh.html (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Gosudarstvennyi Sovetnik 2010 - Gosudarstvennyi Sovetnik RT Mintimer Shaimiev predstavil Respublikanskii fond «Vozrozhdenie» vedushchim zhurnalistam federal'nykh SMI, 3.12.2010 [Tatarstan state Counsellor Mintimer Shaimiev presented the Republican Fund «Revival» leading journalists of Federal mass media, 3.12.2010], Electronic resource: http://shaimiev.tatarstan.ru/news/view/79874 (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Istoriya drevnego - Istoriya drevnego Bolgara [the Ancient Bulgarians history], Electronic resource: http://yanarysh.tatarstan.ru/rus/Bolgarhistory.htm (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Izmailov 2016 - *Izmailov I.L.* Arkheologiya i islam v Srednem Povolzh'e v X-pervoi treti XIII v.: opyt kompleksnogo analiza [Archeology and Islam on average the Volga region in X – the first third of the 13th century: experience of the complex analysis], in: Povolzhskaya arkheologiya [Volga region archeology], 2016, No 2(16), p. 68-92 [in Russian].

Kazakov 1993 - *Kazakov E.P.* O yazycheskoi kul'ture volzhskikh bolgar (po arkheologicheskim dannym) [On the culture of the pagan Bulgarians of the Volga (on archaeological data)], in: Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda: istoki, traditsii, vzaimosvyazi [Culture, art of the Tatar people: sources, traditions, interrelations], Kazan, 1993, pp. 12-22 [in Russian].

Kazakov 2008 - *Kazakov E.P.* O rannei date stolichnykh gorodov domongol'skoi Volzhskoi Bolgarii [On the early date of the capital cities of the pre-Mongol Volga Bulgaria], in: Finno-ugrika, 2008, No 11, pp. 34-39 [in Russian].

KFU prisoedinyaetsya 2016 - KFU prisoedinyaetsya k blagotvoritel'noi aktsii v podderzhku stroitel'stva Bolgarskoi islamskoi akademii i Sobora Kazanskoi ikony Bozh'ei Materi, 08.08.2016 [Kazan Federal University joins charity event in support of the construction of the Bulgarian Islamic Academy and the Cathedral of the Kazan icon of the Mother of God, 08.08.2016], Electronic resource: http://kpfu.ru/news/kfu-prisoedinyaetsya-k-blagotvoritelnoj-akcii-v.html (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Khakimov 2007 - *Khakimov R.S*. Ternistyi put' k svobode (Sochineniya. 1989-2006) [The Thorny way to freedom (Essays. 1989-2006)], Kazan, 2007, 368 p. [in Russian].

Khakimov 2016 - *Khakimov R.S*. Kakovo byt' tatarinom? [How to be a Tatar?], Kazan, 2016, 252 p. [in Russian].

Khalikov 1973 - *Khalikov A.Kh*. O stolitse domongol'skoi Bulgarii [About the capital of pre-Mongol Bulgar], in: Sovetskaya arkheologiya [Soviet archeology], 1973, № 3, pp. 83-99 [in Russian].

Khalikov 1991 - *Khalikov A.Kh*. Islam i urbanizm v Volzhskoi Bulgarii [Islam and urbanism in the Volga Bulgaria], in: Bilyar – stolitsa domongol'skoi Bulgarii [Bilyar – the capital of domongolsky Bulgaria], Kazan, 1991, pp. 47-60 [in Russian].

Khuzin 2004 - *Khuzin F.Sh.* Drevnii Bilyar i ego okrestnosti [Ancient Bilyar and its surroundings], Kazan, 2004, 76 p. [in Russian].

Khuzin 2007 - *Khuzin F.Sh.* Uzlovye problemy izucheniya srednevekovoi tyurko-tatarskoi tsivilizatsii [Key issues in the study of medieval Turkic-Tatar civilization], in: Srednevekovaya arkheologiya evraziiskikh stepei. Materialy Uchreditel'nogo s"ezda Mezhdunarodnogo kongressa. T. I [Medieval archaeology of the Eurasian steppes. The materials of the Founding Congress of the International Congress. Vol. I], Kazan, 2007, pp. 26-37 [in Russian].

Khuzin 2011 - *Khuzin F.Sh.* Issledovaniya po bulgaro-tatarskoi arkheologii [Studies of the Bulgaro-Tatar archaeology], Kazan, 2011, 467 p. [in Russian].

Khuzin 2013 - *Khuzin F.Sh*. Bulgarskaya tsivilizatsiya na Volge i nekotorye problemy izucheniya ee rannikh etapov [Bulgarian civilization in the Volga and some problems of its study of the early stages of], in: Srednevekovaya Evraziya: simbioz gorodov i stepi. Materialy II Mezhdunarodnogo Bolgarskogo foruma [the Medieval Eurasia: the symbiosis of cities and steppes. Proceedings of the II International Bolgar forum], Kazan, 2013, pp. 210-220 [in Russian].

Kompleks istoricheskoi - Kompleks istoricheskoi rekonstruktsii «Lenivyi torzhok» [The complex is a historical Complex of historical reconstruction «Lazy Torzhok»], Electronic resource: http://www.sviyajsk.ru (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Martynov 1987 - *Martynov A.S.* Ofitsial'naya ideologiya imperatorskogo Kitaya [the Official ideology of Imperial China], in: Gosudarstvennost' v dokapitalisticheskikh obshchestvakh Azii: sb. Statei [Statehood in pre-capitalistic societies of Asia: collection of articles], Moscow, 1987, pp. 277-292 [in Russian].

Mintimer Shaimiev 2010a - *Shaimiev M.* «Esli by ya ne stal politikom, to byl by fermerom», 3.09.2010 [Mintimer Shaimiev: «If I hadn't become a politician, you would be a farmer», 3.09.2010], Electronic resource: https://www.business-gazeta.ru/article/28412 (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Mintimer Shaimiev 2010b - *Shaimiev M.* «Vozrozhdenie Bolgar i Sviyazhska imeet ogromnoe znachenie dlya budushchikh pokolenii», 10.02.2010 [M. Shaimiev: «the Revival of the Bolgar and Sviyazhsk is of great importance for future generations», 10.02.2010], Electronic resource: http://www.tatar-inform.ru/news/2010/02/10/205444/ (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Mintimer Shaimiev 2010v - *Shaimiev M.* «Esli by zhdali federal'nykh deneg, to eshche by dazhe ne nachali», 6.10.2010 [Mintimer Shaimiev: «If you would have waited for the Federal money, it still would be not even started», 6.10.2010], Electronic resource: https://www.business-gazeta.ru/article/2981 (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Mintimer Shaimiev 2015 - *Shaimiev M.* «A eto zhe svyazano s tatarami. Kakoi pokoi mozhet byt'!» (21.11.2015) [Mintimer Shaimiev: «it is connected with the Tatars. What peace can there be!» (21.11.2015)], Electronic resource: http://www.business-gazeta.ru/article/146004/ (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Mintimer Shaimiev 2016 - Mintimer Shaimiev predlozhil pridumat' drugoe nazvanie skul'pture «Khranitel'nitsa», kotoruyu ustanovyat v Bolgare, 6.04.2016 [Mintimer Shaimiev invited to come up with another name for the sculpture «the Keeper», which will be installed in Bolgar, 6.04.2016], Electronic resource: http://www.business-gazeta.ru/article/57430 (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Morozov 2010 - *Morozov A.* Shaimiev bez tsenzury [Shaimiev's speech without censorship], St. Petersburg, 2010 [in Russian].

Mukhamedova 1973-1982 - *Mukhamedova R.G., Khisamutdinov G.M., Khalikov A.Kh.* Tatary [the Tartars], in: Sovetskaja istoricheskaja jenuciklopedija. T. 14 [Soviet historical encyclopedia. Vol. 14], Moscow, 1973-1982, p. 143-145.

Mukhametrakhimov 2016 - *Mukhametrakhimov A., Luchnikov A., Gavrilenko A., Badretdin G.* «Ne umeet chitat' Koran v originale»: kak tantsy v Bolgare «sgubili» imama Zakabannoi mecheti, 8.11.2016 [«Cannot read the Koran in the original»: the dance in Bulgaria «ruined» the Imam of the mosque Zakabannaya], Electronic resource: https://www.business-gazeta.ru/article/327887 (Date of access - 08.08.2017).

Naidysh 2010 - *Naidysh V.M.* Mifologiya. uchebnoe posobie [Mythology study guide], Moscow, 2010, 432 p. [in Russian].

Ovchinnikov 2013 - *Ovchinnikov A.V.* Etnonatsional'nyi diskurs v materialakh Tatarskogo entsiklopedicheskogo slovarya i Tatarskoi entsiklopedii (analiz metodologicheskikh osnovanii) [Ethno-national discourse in the materials of the Tatar encyclopedic dictionary of the Tatar encyclopedia (analysis of

the methodological grounds)], in: Istoriya Rossii i Tatarstana: problemy entsiklopedicheskikh i naukovedcheskikh issledovanii. T. 5 [History of Russia and Tatarstan: problems of encyclopedic and scientific research. Vol. 5], Kazan, 2013, pp. 79-85 [in Russian].

Ovchinnikov 2015a - *Ovchinnikov A.V.* Rol' natsional'nykh istorii v konstruirovanii sotsial'no-politicheskogo neravenstva (po materialam Respubliki Tatarstan) [the Role of national histories in the construction of socio-political inequality (on materials of the Republic of Tatarstan)], in: Istoriya i teoriya tsivilizatsii: v poiskakh metodologicheskikh perspektiv [History and theory of civilizations: in search of methodological perspectives], Vladivostok, 2015, pp. 234-242 [in Russian].

Ovchinnikov 2015b - *Ovchinnikov A.V.* «Tatarskii islam» v sravnenii (k probleme islamskogo korporativizma) [«Tatar Islam» in comparison (to the problem of Islamic corporatism)], in: Musul'manskii mir (nauchnyi zhurnal) [Musudmansky world (scientific magazine)], 2015, № 4, pp. 113-121 [in Russian].

Ovchinnikov 2016 - *Ovchinnikov A.V.* Kontsept «Postbshchina»: vozmozhnosti analiza sotsiokul'turnogo prostranstva gumanitarnogo nauchnogo soobshchestva [The Concept of «Postobschina»: the Abil ity to Analyze socio-cultural space humanitarian scient if ic Community], in: Istoricheskii format [Historical format], 2016, № 1, pp. 325-332 [in Russian].

Ovchinnikov 2016 - *Ovchinnikov A.V.* Potestarnye mekhanizmy vlasti v sovremennoi Rossii (na primere Respubliki Tatarstan) [Potestas mechanisms of power in modern Russia (on the example Republic of Tatarstan)], in: Vlast' i nasilie v nezapadnykh obshchestvakh: aktual'nye problemy issledovanii: sbornik tezisov [Power and violence in non-Western societies: actual problems of research: book of abstracts], Moscow, 2016, pp. 119-120 [in Russian].

Pashuto 1959 - *Pashuto V.T.* Obrazovanie Litovskogo gosudarstva [Formation of the Lithuanian state], Moscow, 1959, 532 p. [in Russian].

Protsess formirovaniya 2012 - Protsess formirovaniya ofitsial'noi ideologii imperatorskogo Kitaya [the Process of forming the official ideology of Imperial China], St. Petersburg, 2012, 591 p. [in Russian].

Puteshestvie 2004 - Puteshestvie Akhmeda ibn-Fadlana na Volgu [the Journey of Ahmad Ibn Fadlan on the Volga], Bolgar, 2004, 160 p. [in Russian].

Respublikanskii Fond - Respublikanskii Fond «Vozrozhdeniya pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Tatarstan» [The Republican Fund «Revival of monuments of history and culture of the Republic of Tatarstan»], Electronic resource: http://yanarysh.tatarstan.ru/ (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Rudenko 2004 - *Rudenko K.A.* Bulgarskie svyatilishcha epokhi srednevekov'ya XI-XIV vv. (po arkheologicheskim materialam) [Bulgar sanctuaries of the middle ages XI-XIV century (on archaeological materials)], in: Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona [Cult monuments of the Volga-Vyatka region], Izhevsk, 2004, pp. 36-66 [in Russian].

Rudenko 2014 - *Rudenko K.A.* Istoriya arkheologicheskogo izucheniya Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) [The History of archaeological study of Volga Bulgaria (X – early XIII century)], Kazan, 2014, 768 p. [in Russian].

Seleznev 2014 - *Seleznev A.G.* Novaya mifologiya istorii: arkhetip «drevnikh tsivilizatsii» i sakral'nyi tsentr v raione derevni Okunevo [New mythology of history: the archetype of the «ancient civilizations» and the sacred center in the village of Okunevo], in: Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review], 2014, № 5, pp. 41-59 [in Russian].

Seleznev 2016 - *Seleznev A.G., Selezneva I.A.* Novye sakral'nye pro-stranstva, izobretenie istorii i global'naya informatsionnaya sreda: derevnya Okunevo v Zapadnoi Sibiri [New sacred space, the invention of history and the global information environment: the village Okunevo in Western Siberia], in: Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» [Bulletin of the Omsk university. «Historical sciences» series], 2016, № 3 (11), pp. 76-86 [in Russian].

Selezneva 2014 - *Selezneva I.A.* Sakral'nyi tsentr i vneshnii mir: problemy vzaimodeistviya [Sacred centre and the outside world: problems of interaction], in: Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review], 2014, № 5, pp. 59-73 [in Russian].

Shafikov 2010 - *Shafikov Ya*. Aktanysh – nachalo puti [Aktanysh – the beginning], Kazan, 2010 [in Russian].

Shaimardanov 2012 - *Shaimardanov A.* Tatarskii vopros v Sviyazhske, 18.12.2012 [Tatar issue in Sviyazhsk, 18.12.2012], Electronic resource: http://islampl.tw1.ru/novosti/104/3807/ (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Shaimiev 2015 - *Shaimiev M.Sh.* Privetstvie k uchastnikam konferentsii [Greeting to conferees], in: Istoriko-kul'turnoe nasledie Sviyazhska: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Istoriko-kul'turnoe i dukhovnoe nasledie Sviyazhska» [Historical and cultural heritage of Sviyazhsk: a Collection of materials of International scientific-practical conference «Historical, cultural and spiritual heritage of Sviyazhsk], Kazan, 2015, pp. 4-12 [in Russian].

Shaimiev 2016 - *Shaimiev M.Sh.* Privetstvie [Greeting], in: Mezhkonfessional'noe vzaimodeistvie v prostranstve istoricheskoi pamyati [Interconfessional cooperation in the area of historical memory], Kazan, 2016, pp. 5-6 [in Russian].

Sharevskaya 1964 - *Sharevskaya B.I.* Starye i novye religii Tropicheskoi i Yuzhnoi Afriki [The Old and the new religions of Tropical and South Africa], Moscow, 1964, 387 p. [in Russian].

Sharifullin 2014 - *Sharifullin R.F.* K istorii arkheologicheskogo izucheniya Bolgara [The history of archeological research in Bolgar], in: Povolzhskaya arkheologiya [Volga region archeology], 2014, № 3(9), pp. 56-74 [in Russian].

Shnirelman 2011 - *Shnirel'man V.A.* «Porog tolerantnosti»: Ideologiya i praktika novogo rasizma / V 2-h tomah [«Threshold of tolerance»: Ideology and practice of the new racism / In 2 volumes], Moscow, 2011 [in Russian].

Shnirelman 2014 - *Shnirel'man V.A.* Mesta sily: konstruirovanie sakral'nogo prostranstva. Vvedenie k diskussii [Places of power: the construction of sacred space. Introduction to the debate], in: Ehtnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review], 2014, № 5, pp. 3-9 [in Russian].

Shnirelman 2015 - *Shnirel'man V.A.* Konstruirovanie istoricheskogo nastediya – sluchaj Arkaima [The Design of the historical heritage – the case of Arkaim], in: Sibirskie istoricheskie issledovaniya [Siberian historical researches], 2015, № 2, pp. 53-65 [in Russian].

Sitdikov 2016 - *Sitdikov A.G., Izmailov I.L.* Musul'manskaya arkheologiya: ob'em i soderzhanie ponyatiya [Muslim archaeology: the scope and content of the concept], in: Povolzhskaya arkheologiya [Povozhsky archeology], 2016, Vol. 2(16), pp. 8-17 [in Russian].

Smirnov 1972 - *Smirnov A.P.* O stolitse gosudarstva volzhskikh bulgar [The state capital of the Volga Bulgars], in: Sovetskaya arkheologiya [Soviet archeology], 1972, № 1, pp. 98-102.

Smirnov 2016 - *Smirnov A.* Na vystavke v Kremle: «Russkoe gosudarstvo bylo postroeno varyagami za arabskie den'gi», 20.02.2016 [At the exhibition in the Kremlin: «the Russian state was built by the Vikings for Arab money», 20.02.2016], Electronic resource: https://www.business-gazeta.ru/article/302622 (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Srednevekovaya arkheologiya 2016 - Srednevekovaya arkheologiya Volgo-Ural'ya: sbornik nauchnykh trudov k 65-letnemu yubileyu d.i.n., prof., chlen-korr. AN RT F.Sh. Khuzina [Medieval archaeology of Volga-Ural: collection of scientific papers for the 65th anniversary of doctor of historical Sciences, Professor, corresponding member of Academia of sciences of Tatarstan F.S. Khuzin], Kazan, 2016, 164 p. [in Russian].

Suleimanov 2016 - *Suleimanov R.* Novye tendentsii v rossiiskom islame: relikvii kak instrument politiki, 23.06.2016 [New trends in Russian islam: relics as a policy tool, 23.06.2016], Electronic resource: http://muslem.ru (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Tadzhi 2013 - *Tadzhi F.* Slavyanami zdes' i ne pakhlo, 25.12.2013 [Slavs here and did not smell 25.12.2013], Electronic resource: http://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/zdes-slavyanami-i-ne-pahlo-25-12-2013.html (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Tatary Srednego 1967 - Tatary Srednego Povolzh'ya i Priural'ya [The Tatars of the Middle Volga and Ural regions], Moscow, 1967, 538 p. [in Russian].

Tertitskii 2000 - *Tertitskii K.M.* Kitaiskie sinkreticheskie religii v XX veke [Chinese syncretic religion in the XX century], Moscow, 2000, 415 p. [in Russian].

Tsybul'skii 2016 - *Tsybul’skii I., Shaidullina N.* Mintimer Shaimiev [Mintimer Shaimiev]. Moscow, 2016, 591 p. [in Russian].

Tukai 2016 - *Tukai G.* Umerla li nasha natsiya ili tol'ko spit? [Died whether our nation, or only sleeping?], in: Tyurkskii vzglyad (Obshchetyurkskaya kul'turno-prosvetitel'skaya, obshchestvenno-politicheskaya gazeta) [Turkic look (All-Turkic cultural and educational, political newspaper)], April 2016, p. 1 [in Russian].

Valeev 2015 - *Valeev R.M.* Bulgar – ob'ekt vsemirnogo naslediya Yunesko [The Bulgar – an object of the world heritage of UNESCO], in: Vestnik Komissii Rossiiskoi Federatsii po delam Yunesko [The bulletin of the commission of Rossisysky Federation for UNESCO], 2015, № 24, pp. 140-159 [in Russian].

Valeev 2016 - *Valeev R.M.* Bolgar i Sviyazhsk: ikh rol' v kul'turnom raznoobrazii i razvitii nauki Tatarstana [Bulgarians and Sviyazhsk: their role in cultural diversity and development of science of Tatarstan], in: Mezhkonfessional'noe vzaimodeistvie v prostranstve istoricheskoi pamyati [Interconfessional cooperation in the area of historicalmemory], Kazan, 2016, pp. 461-468 [in Russian].

Valeeva 2003 - *Valeeva D.K.* Iskusstvo volzhskikh bulgar perioda Zolotoi Ordy (XIII-XV cen) [Art Volga Bulgar of the period of the Golden Horde (the 13-15th centuries)], Kazan, 2003, 240 p. [in Russian].

Vpered 21.09.2010 - Vpered (gazeta Pestrechinskogo raiona Tatarstana) [Forward], № 74 (9261). 21.09.2010, p. 1 [in Russian].

Vpered 24.09.2010 - Vpered (gazeta Pestrechinskogo raiona Tatarstana) [Forward], № 75 (9262). 24.09.2010, p. 1 [in Russian].

Yudkevich 2014 - *Yudkevich M.* Mintimera Shaimieva poprosili predostavit' deklaratsiyu o raskhodakh 03.04.2014 [Shaimiev asked for a Declaration of expenses, 03.04.2014], Electronic resource: http://www.evening-kazan.ru/articles/mintimera-shaymieva-poprosili-predstavit-deklaraciyu-o-rashodah.html (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Yudkevich 2015 - *Yudkevich M.* Kritik tatarstanskoi vlasti lishilsya raboty za «nekorrektnye vyskazyvaniya» [Critic of the Tatarstan authorities have lost their jobs for «incorrect statements»], Electronic resource: http://www.evening-kazan.ru/articles/kritik-tatarstanskoy-vlasti-lishilsya-raboty-za-nekorrektnye-vyskazyvaniya.html (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Yudkevich 2016 - *Yudkevich M.* Sem' sotrudnikov fonda Shaimieva gotovyatsya osvoit' 671 mln. byudzhetnykh rublei i zhdut «dobrovol'nykh pozhertvovanii» [Seven employees of fund of Shaimiev are going to master 671 million budgetary rubles and wait for «donations»], 06.07.2016, Electronic resource: http://www.evening-kazan.ru/articles/sem-sotrudnikov-fonda-shaymieva-gotovyatsya-osvoit-671-mln-byudzhetnyh-rubley-i-zhdut-dobrovolnyh-pozhertvovaniy.html (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Овчинников Александр Викторович – Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Института социальных и гуманитарных знаний (Казань, Россия).
Alexander Ovchinnikov – Candidate of historical sciences, Associate Professor of Philosophy and humanities Institute for Social and Human Knowledge (Kazan, Russia).
Email: ovchninnikov8_831@mail.ru

УДК 94(47)

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ НЕРАЗДЕЛИМОСТИ БРАТСКИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

А.А. Карпенко

Институт переподготовки и повышения квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова

Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1

e-mail: alnikar1953@mail.ru

SPIN-код: 1459-5673

Авторское резюме

Обострение политических взаимоотношений между Украиной и Россией в 2014-2017 гг. всколыхнуло в официальных и не только средствах массовой информации обеих стран наличие таких значительных претензий друг к другу, что теперь весьма трудно избежать необходимости научной постановки и решения в историческом ракурсе вопроса о наличии более или менее чёткого современного этнического разделения русских, украинцев и белорусов на три отдельных народа, помимо их собственной национальной самоидентификации. Необходимо остановить ту информационную накачку на взаимную ненависть двух братских народов друг к другу, которая в последние 2-3 года осуществляется при содействии властей в обеих наших странах. Возможным выходом из сложившегося положения является возвращение к дореволюционному пониманию великорусов, малорусов или украинцев и белорусов, как частей единого русского народа, а языков этих частей, как диалектов или наречий одного и того же общерусского языка.

Ключевые слова: СССР, русские, украинцы, белорусы, Россия, Украина, Белоруссия, восточные славяне.

ETHNIC INSEPARABILITY OF BROTHERLY EAST SLAVS

Andrey Karpenko

Institute of retraining and professional development of Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

e-mail: alnikar1953@mail.ru

Abstract

Aggravation of political relations between Russia and Ukraine in 2014-2017 yy. raised significant claims against each other in the official and near-official mass media of both countries; it is impossible now to ignore the need for a serious scientific approach to the problem of historic differentiation of Russians, Ukrainians and Byelorussians into the three separate ethnic commonalties, on top of their own national self-identification. We have to stop misinformation spread that occurs with the assistance of authorities in both countries in the last 2-3 years and leads to the mutual hatred between the brotherly commonalties. A way out of the current situation could be a return to the pre-revolution interpretation of the Great Russians, Little

Russians (or Ukrainians) and Byelorussians as three branches of the united Russians, and languages of those branches could be viewed as dialects or variants of the same all-Russian language.

Keywords: USSR, Russians, Ukrainians, Byelorussians, Russia, Ukraine, White Russia, East Slavs

* * *

Обострение политических взаимоотношений между Украиной и Россией в 2014-2017 гг., вызванное интеграцией Украины в Европу и ситуацией вокруг присоединения Россией дотоле принадлежащих ей Севастополя и Крыма, а также конфликтом на украинском Донбассе, всколыхнуло в официальных и не только средствах массовой информации обеих стран наличие таких значительных территориальных претензий данных стран друг к другу (а в их сферу попала большая часть территории и населения Украины – её Юго-Восток или Новороссия, и эквивалентная, сопредельная и пограничная Украине часть территории и населения России – от Брянской области на севере и вплоть до Кубани на юге), что теперь весьма трудно избежать необходимости научной постановки и решения в историческом ракурсе ответа на вопрос о наличии принципиальной возможности (или даже необходимости его постановки) вообще какого-либо более или менее чёткого современного этнического разделения русских, украинцев и белорусов на три отдельных народа, помимо их собственной национальной самоидентификации.

Попытаться территориально разделить или размежевать три братских восточнославянских – русский, украинский и белорусский - народа всегда было делом довольно сложным. Особенно это касается, как будет показано далее, южнорусских и восточных украинских говоров. Это осложняется тем, что не только русские осваивали украинские и белорусские земли, но и наоборот. В 2001 году лишь в Крыму и на Донбассе русские превышали на Украине четверть населения. Но, например, согласно переписи населения Российской империи 1897 года 28,1% жителей[1] Области войска Донского считали своим родным малорусское (украинское) наречие общерусского языка (в Таганрогском округе 61,7%), в Ставропольской губернии 36,6% (в Новогригорьевском уезде 50,7%). 47,4% жителей Кубанской области также были носителями малорусского (украинского) наречия (в Темрюкском отделе 75,2%, в Ейском отделе 73,9%). В одном из уездов (в соседнем со Смоленским – Красненском) Смоленской губернии Российской империи, согласно данным всё той же переписи, доля носителей белорусского наречия общерусского языка в составе местного населения превышала 90%. Согласно переписи населения СССР 1926 года 37,1% жителей Северо-Кавказского края РСФСР (территории

[1] Статистические данные в статье даются на основе материалов, размещённых на сайтах: https://ru.wikipedia.org (статьи о губерниях Российской империи, об областях РФ, о переписях населения в СССР, о казачьих войсках, отдельных городах, названных в тексте статьи, о национальном составе республик СССР, о населении современных постсоветских государств, о переписях населения в постсоветских государствах, о выборах и референдумах в СССР и постсоветских государствах), http://ukrmap.org.ua/, http://demoscope.ru, http://www.vybory.ru/, http://www.statdata.ru/.

нынешних Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краёв, а также Северо-Кавказских республик, за исключением Дагестана) составляли украинцы, а русские 45,9%. В Калмыцкой АО соотношение украинцев и русских тоже было достаточно близким 10,3% против 10,7%, а в Казакской АССР (с 1936 года Казахской ССР) 13,2% против 18,7%, что тоже близко. Да и нынешняя Белоруссия имеет свои средние исторические границы. С одной стороны – во время образования Советской Белоруссии в составе СССР, западные районы современной территории страны входили в состав Польши, а восточные – в состав Советской России, но с другой стороны – после обширных присоединений Белоруссии пришлось затем даже возвратить Белостокскую область всё той же Польше, а Виленскую – уже Советской Литве.

Чётко проследить соотношение русских, украинцев и белорусов по регионам, как во времена Российской империи, так и в Советском Союзе (о нынешних Украине и России тут и говорить не приходится) было возможным только в казачьих и национальных регионах, где в иной этнической среде национальная самоидентификация проявляется наиболее отчётливо. В коренных Российских (русских) и Украинских регионах этого сделать было раньше (да и сейчас) практически невозможно, поскольку в них проявлялась традиция или тенденция, сохранившаяся до сей поры, записываться во время переписей населения русским на Украине украинцами, а украинцам в России – русскими. Это говорит о том, что вопрос, являются ли русский и украинский языки различными языками, или лишь диалектами одного и того же единого языка (в понимании обычных русских и украинских людей при их собственной самоидентификации, а не языковедов и лингвистов) в момент проведения переписей, до сих пор не может дать на себя единственный и однозначный ответ.

Откуда же такое количество украинцев (13,2%) вместе с русскими (18,7%) и значительным белорусским населением оказалось уже к 1926 году в Казахстане, то есть ко времени максимально близкому к образованию СССР, когда и самого географического понятия, как «Казахстан» ещё не существовало? Да оттуда же, что и русских и тех же белорусов, а именно благодаря присоединению к этой республике значительной части Сибири, осваиваемой русскими, украинцами, а затем и белорусами совместно.

В советское время помятую многолетнюю и весьма долгую войну с басмачами, чтобы сблизить республики между собой, и не дать им по одной выйти из состава Советского Союза, в этой его части была организована своеобразная «круговая порука», которая заключалась в том, что часть Российской Сибири и Урала были отданы Казахстану, Казахская Карапалкакская область, в свою очередь, была передана Узбекистану, а Узбекская Ферганская долина, наоборот, включена в состав Киргизии. Россия в подобной системе, как можно заметить, была уготована самая незавидная роль дарительницы своих земель нарождающейся Казахской и не только государственности.

Рис. 1. Карта наложения границ западной границы географического понятия «Сибирская земля», исключая географическое понятие «Урал» до указа 18 декабря 1708 года Петра I об образовании Сибирской губернии, на политическую карту республик Советского Союза

Краткую историю совместного освоения русскими, украинцами и белорусами будущих Казахстанских земель по городам и областям можно изложить следующим образом.

Усть-Каменогорск. 20 августа 1720 года у устья реки Ульбы происходила закладка оборонительных сооружений Усть-Каменогорской крепости, которая с 1745 года входила в состав Сибирской губернии. В 1766 году была отстроена большая каменная крепость, обнесённая каменным валом и рвами. В 1804 году в связи с ростом жителей и строительства домов вблизи крепости произошло переименование крепости Усть-Каменной в город Усть-Каменогорск. 27 ноября 1879 года крепость была снята с военного баланса и передана городу.

Павлодар. В 1720 года в ряду военных крепостей и форпостов России на Иртыше появился форпост Коряковский, названный так потому, что был выстроен рядом со складами соли, добываемой на Коряковском озере. В 1838 году он был преобразован в станицу Коряковскую, которая 4 (16) апреля 1861 года получила статус «заштатного города с наименованием Павлодар, в честь новорождённого Великого князя Павла Александровича».

Петропавловск. В 1752 году в царствование Елизаветы Петровны в целях

укрепления южных рубежей Российской империи была заложена крепость Святого Петра. Именным указом от 22 января 1822 года «О разделении Сибирских Губерний на Западное и Восточное Управления» Сибирь была разделена на Западную (центр – Тобольск) и Восточную (центр – Иркутск). Петропавловск был причислен к городам средним и стал окружным городом вновь образованной Омской области, отнесённой к Западному главному управлению.

Семипалатинск и Семипалатинская область. Семипалатная крепость была основана царским воеводой Василием Чередовым и его отрядом в 1718 году на 18 км ниже по Иртышу от современного положения города в связи с Указом Петра I о защите восточных земель и строительстве Прииртышских укреплений. В 1776 году для развития крепости генерал-губернатор Западной Сибири направил в город инженера-капитана И. Г. Андреева, который перестроил крепость, соорудил мосты, сделал планы и карты военных укреплений, были учреждены городские дума и суд. 1 октября 1854 года Семипалатинск стал областным центром вновь организованной Семипалатинской области, основанной 19 мая 1854 года, существовавшей до 1920 года, восстановленной в 1939 года и затем просуществовавшей до 1997 года.

Верный (Алма-Ата, Алматы). 4 февраля 1854 года русским правительством основано военное укрепление. Вскоре оно разрослось и превратилось в крупную казачью станицу, куда активно прибывали поселенцы из центральных регионов России (Воронежской, Орловской, Курской губерний). 11 апреля 1867 года город Верный стал центром Семиреченской области. 13 июля 1867 года было учреждено Семиреченское казачье войско. В 1921 году городу было дано новое название – Алма-Ата. С 1993 года государственными органами Казахстана на русском и казахском языках город называется Алматы.

Акмолинск (Целиноград, Акмола, Астана). 22 августа 1832 года был официально открыт Акмолинский приказ и внешний округ. Разрастающееся укрепление в 1845 году стало Акмолинской станицей. Статус города был присвоен Акмолинской станице решением Министерства внутренних дел России от 7 мая 1862 года. Освоение целины оказалось решающим фактором для развития города. 26 декабря 1960 года вышел Указ об образовании Целинного края. А с 1961 года он именовался уже Целиноградом (Зиня 2012).

Постановлением ВЦИК от 10 июня 1921 года (История башкирского народа 2010) была установлена граница между автономной Киргизской ССР и Сибирью по Омскому уезду Омской губернии (станция Исиль-Куль оставлена на территории Киргизской АССР). *Линия* границы прошла восточнее станции Исиль-Куль по границе с Петропавловским уездом, далее, севернее озёр Кичи-Карой, Улькун-Карой, урочища Кара-Терек, придерживаясь южных границ русских волостей и выходя на станицу Черлаковскую на Иртыше (оставляемую в Киргизской АССР). Наименование Казахской Автономной Социалистической Советской Республики (в сокращении называемой Казахской АССР, Казахстана, КазАССР, КАССР) просуществовало всего с февраля по декабрь 1936 года. С принятием 5 декабря 1936

года новой Конституции СССР статус Казахской АССР был повышен до союзной республики, и она соответственно при этом была выведена из состава РСФСР (Декрет 1925: 321).

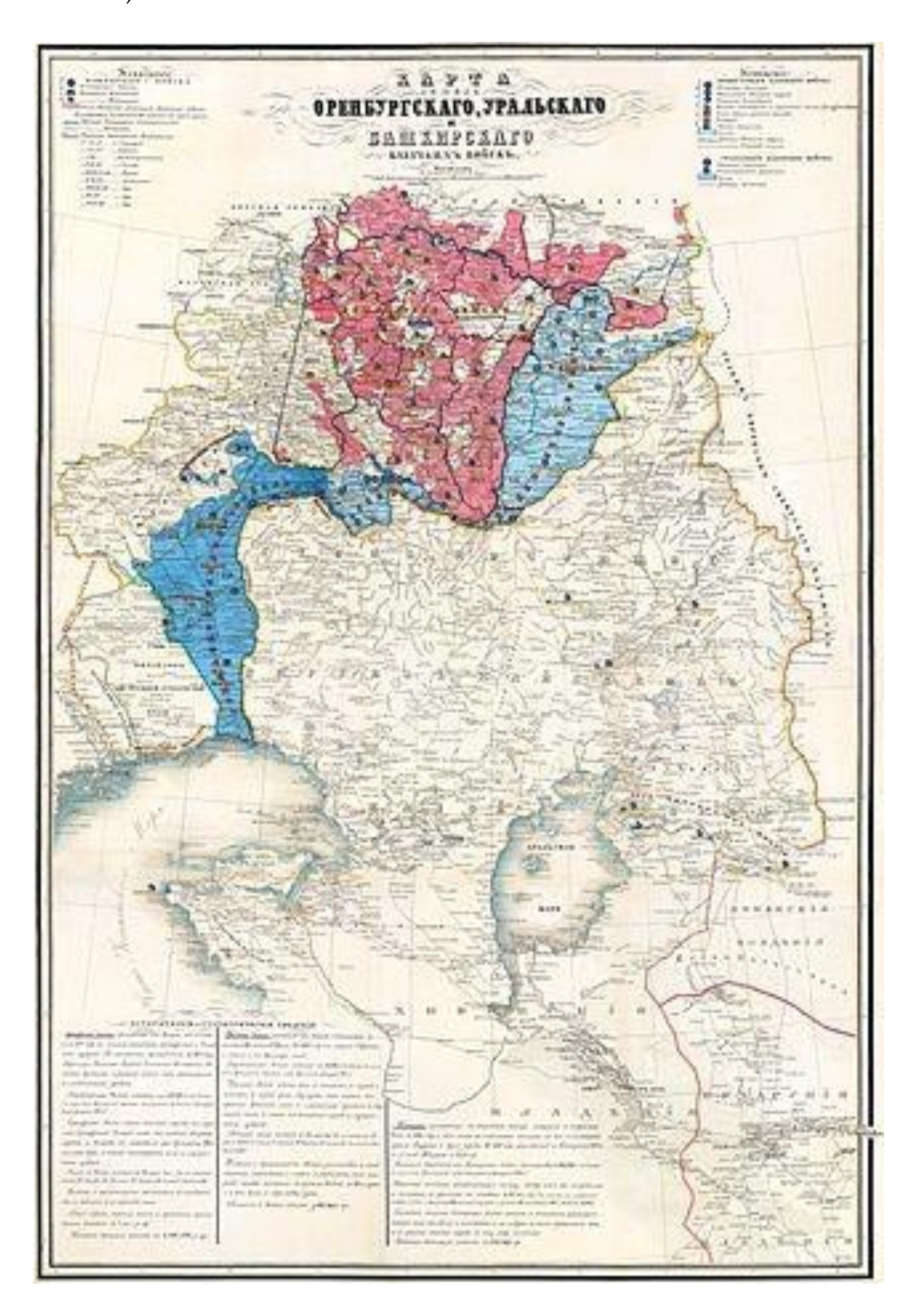

Рис. 2. Карта земель Оренбургского, Уральского и Башкирского казачьих войск к 1858 году - Уральской области к 1904 году (в отличие от предыдущей, охватывавшей север и восток нынешнего Казахстана, охватывает практически весь его запад).

Данные различных переписей населения СССР о соотношении русских и казахов в Казахстане с 1930-х по 1970-е гг., переведённые в проценты, только подтверждают тезис о том, что русско-украинское (не считая тех, кто по-прежнему идентифицировал себя украинцами) население превосходило по численности казахов, то есть, национальности, считающей себя коренной:

Национальность:	1939 год	1959 год	1970 год	1979 год
казахи	37,84%	30,02%	32,39%	36,02%
русские (в том числе идентифицировавшие себя при переписи 1926 года, как украинцы)	39,97%	42,69%	42,42%	40,80%

Данные различных переписей населения о соотношении русских и казахов в Казахстане с 1980-х по 2010-е гг., переведённые в проценты, свидетельствуют о том, что русские к 1989 году, чуть превосходившие по численности русско-украинское население Казахстана 1926 года, планомерно вытесняются и их численность сокращается даже в областях Сибири и Урала волею судеб, попавших в состав этой республики при её образовании:

Национальность	1989 год	1999 год	2009 год	оценка на 1. 01. 2016 г.
казахи	39,69%	53,40%	63,07%	66,48%
русские (в том числе потомки, иденти-фицировавших себя при переписи 1926 года, как украинцы)	37,82%	29,96%	23,70%	20,61%

Вероятно, русских, в том числе потомков украинцев сейчас в Казахстане осталось даже ещё меньше, чем 20,61%, поскольку предварительные оценки, сделанные относительно какого-либо срока, в Казахстане, как правило, завышают долю русских и занижают долю казахов. Например, предварительная оценка доли казахов в населении Казахстана, проведённая накануне переписи 2009 года, давала 60,47% казахов и 24,53% русских, то есть, на 2,6% завышала долю первых и на 0,83% занижала долю последних.

В Чуйской области Киргизстана, непосредственно примыкавшей к областям

Казахстана с преобладающим русско-украинским населением, где русские также ранее в 1989 году преобладали и составляли 41,55%, их доля опустилась до 20,8 % в 2009 году. Доля киргизов там за это время увеличилась более чем в два раза с 29,33% до 59,11%.

Конечно, по собственной воле ни Казахстан, ни Киргизия с их огромным восточнославянским (русским и украинским, а также белорусским) населением выйти из состава СССР в 1991 году отдельно от России не могли. Но даже те республики, то есть, Грузинская ССР (Грузии), Латвийская ССР (Латвия), Литовская ССР (Литва), Молдавская ССР (Молдавия), Армянская ССР (Армения) и Эстонская ССР (Эстония), в которых органы власти воспрепятствовали проведению референдума (проведённого 17 марта 1991 года) по вопросу о выходе из состава СССР на территории своих республик, те из их граждан, которые всё же смогли проголосовать (то есть, во всех кроме Литовской ССР), в итоге проголосовали солидарно с жителями остальных частей СССР. Хотя абсолютное число проголосовавших в нижеуказанных республиках доподлинно и неизвестно, но, те, кто всё же принял участие в голосовании проголосовали так:

Республика СССР (страна)	Принявших участие в голосовании, %	Из них ответили «да», %
Грузинская ССР (Грузия)	96,3	99,9
Молдавская ССР (Молдавия)	83,3	98,3
Латвийская ССР (Латвия)	65,1	95,1
Армянская ССР (Армения)	72,1	71,6
Эстонская ССР (Эстония)	74,2	95,0

Распад СССР сказался на некоторых среднеазиатских и закавказских бывших советских республиках крайне пагубно. Ведь они, по сути, вернулись к кланово-монархической форме правления, при которой их застало присоединение к России в XVIII-XIX вв.

Президент Туркменистана так же, как и президент Азербайджана, оставили после себя приемников. По неофициальным сведениям, настоящим отцом нынешнего президента Туркмении Гурбангулы Мяликгулыевича Бердымухамедова является бывший пожизненный президент Туркмении Сапармурат Атаевич Ниязов, а сын и преемник президента Азербайджана Гейдара Алиева (1993-2003) Ильхам Гейдар оглы Алиев с 2003 года является президентом Азербайджана.

Высокая доля русских в народонаселении стран бывшего Советского Союза во многом, если не в основном, поддерживается благодаря сохранению достаточно высокой их доли в населении беспощадно ругаемых Украины и стран Балтии. В то же время доля русских в населении бывших советских республик Средней Азии и в

Казахстане последние 25 лет катастрофически уменьшается, и при сохранении нынешних темпов их там скоро вовсе не останется.

Общая русско-украинская история в 2014-2017 гг. умалчивается средствами массовой информации обеих стран. В то же время в России набирает ход версия абсолютной исторической инородности для Украины Крыма, а на Украине о безусловной территориальной отчуждённости для России Донбасса. Но так ли это на самом деле?

Освоение полуострова Древнерусскими князьями началось с их грандиозных морских походов в конце VIII – конце X вв. на византийские владения Крыма (Сурож, Корсунь – Херсонес и др.) и на столицу Византии Царьград – Константинополь. С конца X по начало XII вв. часть Крыма с крупнейшим его городом Керчью (летописным Корчевым) входила в состав Древнерусского Тьмутараканского княжения, а затем и княжества, с центром в Тьмутаракани на Таманском полуострове, - в удельный период наследственного владения Чернигово-Северских князей. В 988 году в Херсонесе в Крыму, после осады и взятия этого города принял крещение князь Владимир I Святой – креститель Руси, чей княжеский знак (трезубец) является гербом современной Украины.

Когда в 1954 г. Крым передавали из состава России в состав Украины, то в протоколе № 41 заседания Президиума Верховного Совета РСФСР об его передаче правовой статус Севастополя указан не был:

«5 февраля 1954 г.

Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:

Передать Крымскую область из состава РСФСР в состав Украинской ССР.

Настоящее постановление внести на утверждение

Президиума Верховного Совета СССР».

Это косвенно свидетельствует об оставлении этого города городом союзного значения, то есть, в составе РСФСР, поскольку в соответствии с пунктом 57 постановления Совета министров СССР № 403 от 25 октября 1948 года «О мероприятиях по ускорению восстановления Севастополя» и указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 года № 761/2 «О выделении города Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр» Севастополь был «отнесён к категории городов республиканского подчинения» (Указ Президиума ВС РСФСР от 29.10.1948 № 761/2 О выделении города Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр; Постановление Совета Министров РСФСР от 29 октября 1948 года № 1082 «Вопросы города Севастополя»). Подпунктом «а» пункта 8, и пунктом 59 постановления Совета министров СССР от 25 октября 1948 года на Совет Министров РСФСР, министерство Вооружённых Сил СССР, министерство строительства военных и военно-морских предприятий СССР и ряд «соответствующих министерств и ведомств» возлагалось руководство

работами по восстановлению Севастополя и Севастопольской военно-морской базы. 29 октября 1948 года Совет Министров РСФСР постановил «выделять город Севастополь в государственном плане и бюджете отдельной строкой», а также обязал министерства и ведомства РСФСР совместно с Крымским облисполкомом выделить бюджет и планы строительства и снабжения города Севастополя из бюджета и планов Крымской области.

Хотя это решение было отменено 25 апреля 1968 года (Постановление Совета министров — Правительства РСФСР от 25 апреля 1968 г. № 264 «О признании утратившими силу некоторых решений Правительства РСФСР по вопросам государственного планирования») принятые в 1948 году акты СССР и РСФСР по Севастополю, по мнению российских исследователей (Правовой статус Севастополя 1999; Севастополь в документах; Правовой статус Севастополя), вывели его из состава Крымской области, наделив город статусом, равным статусу области.

Но на всеукраинском референдуме, состоявшемся 1 декабря 1991 года, город Севастополь уже голосовал вместе со всей Украиной, как её часть, и 57 % его жителей проголосовали за независимость Украины, что даже несколько выше, чем в целом по Крымской АССР, в которой аналогичным образом проголосовали лишь 54 % (Ведомость о результатах Всеукраинского референдума, 1 декабря 1991 г. // ЦДАВО Украины. Ф. 1. Оп. 28. Спр. 144. Арк. 6).

Часть Донбасса (Донецкого угольного бассейна) уже сейчас находится в составе России, а попытки объединения всей его территории в рамках одной лишь Украины, как обладательницы большей его части, неоднократно предпринимаемые с царских до хрущёвского времён, оканчивались в итоге возвращением к тем границам, которые между двумя странами установились к данному времени, то есть безрезультатно.

Следует отметить, что ещё ранее с 1802 года (по другим данным только с 1810 года: Города и районы 1987: 44) даже Ростовский-на-Дону уезд был подчинен Екатеринославской (город Екатеринослав в 1926 году был переименован в город Днепропетровск) губернии, входившей в число малороссийских (с 1918 года украинских). Лишь в 1888 году город Ростов-на-Дону был включен в состав Области войска Донского (Города и районы 1987: 9-10). Таганрогское градоначальство, учрежденное императором Александром I 8 октября 1802 года в составе Екатеринославской губернии (по другим данным было ей передано только в 1810 году: Города и районы 1987: 9-10), также просуществовало до 1888 года (Города и районы 1987: 9-10), хотя официально было упразднено 19 мая 1887 года. Помимо Ростова-на-Дону и Таганрога в состав Екатеринославской губернии с 1802/1810 по 1887/1888 гг. входили и города их градоначальства и уезда, то есть, Нахичевань, Азов и др. (Города и районы 1987: 9-10, 44).

5 февраля 1919 года декретом Совнаркома Украины «О создании Донецкой губернии» была образована Донецкая губерния Советской Украины. Административным центром Донецкой губернии до ноября 1920 года был город Луганск, затем

Постановлением Совнаркома от 12 октября его перенесли в город Бахмут (ныне Артёмовск, Донецкой области). С 1920 по 1924 гг. практически весь Российский Донбасс входил в состав этой губернии. И лишь согласно протоколу заседания Малого Президиума ВУЦИК об отнесении части Шахтинского округа, а именно Алексеевского, Владимирского, Глубокинского, Каменского, Ленинского, Сорокинского, Сулиновского, Усть-Белокалитвенского и Шахтинского районов и части Таганрогского округа, а именно Мариенгеймского сельсовета, Голодаевского, части Екатериненского/Екатериновского, Матвеево-Курганского, Николаевского, Советинского и Фёдоровского районов к Юго-Восточной области РСФСР и утверждении границы № 21 от 13 октября 1924 года эти округа Донецкой губернии с сего времени (13 октября 1924 года) были упразднены.

В 1954-1957 годах существовала такая административно-территориальная единица РСФСР, образованная для возможного затем последующего включения в состав Украины согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1954 года из северных районов Ростовской области (32 района), а также частей Воронежской (5 районов) и Сталинградской (4 района) областей, как Каменская область, так же включившая в свой состав в основном Российскую часть Донбасса.

В состав Каменской области в 1954-1955 гг. входили 9 городов, 11 посёлков городского типа и 41 район (в 1955-1957 гг. всего 39 район, поскольку в 1955 году в состав Сталинградской области были переданы Перелазовский и Серафимовичский районы). 27 августа 1955 года Указом Президиума Верховного Совета СССР административный центр района перенесен из города Каменск-Шахтинский в город Шахты. Но уже 19 ноября 1957 года Каменская область была обратно разделена между Ростовской, Воронежской и Сталинградской областями.

Чтобы понять то, насколько важен для Украины Донбасс, надо представить, насколько важна для России, к примеру, Кубань. Кубань (Краснодарский край) – это один из самых населённых (первое место на юге России) и экономически-, а, главным образом, сельскохозяйственно- и курортно-развитых регионов России, с самыми лучшими в стране и одними из лучших в мире землями, дающими высочайшую в России урожайность зерновых культур, а также почти все российские черноморские курорты, включая олимпийский г. Сочи и т.д.

Для Украины Донбасс – это самая экономически- и, главным образом, промышленно-развитая часть страны, дающая около четверти промышленного производства всей Украины, обеспечивая в том числе до 100% её потребностей в угле. Донецкая область занимает первое место на Украине по численности населения, а вместе с Луганской их доля в населении Украины до войны, вспыхнувшей там в 2014 году, достигала одной седьмой части. Донецкая область, так же, как и Краснодарский край, по численности населения превосходит огромную по территории (в четыре Донецких области) и достаточно густонаселённую Ростовскую область, с которой они граничит с запада и с юга, соответственно.

Как же так могло получиться, что два столь неразрывно связанных между собой народа оказались по разные стороны границы?

1 декабря 1991 года в один день с первыми выборами президента Украины на Украине прошёл Всеукраинский референдум. В голосовании приняли участие 84,18 % имеющих право голоса граждан Украины, из которых 90,32% поддержали Акт провозглашения независимости Украины, в том числе и в Донецкой и Луганской областях (по 83,9% в каждой соответственно), при том, что на Всесоюзном референдуме о сохранении СССР, проведённом 17 марта 1991 года на Украине приняли участие 83,5% граждан Украины имеющих право голоса и из них 70,2% высказались за сохранение СССР. Всеукраинский референдум лишь подтвердил известный факт, что Украина (УССР) и до того являлась независимым государством в составе другого независимого государства Советского Союза (СССР), то есть, имела своё отдельное представительство в ООН и т.д. О выходе Украины (УССР) из состава Советского Союза (СССР), хотя он быть может и подразумевался в вопросе заданном на референдуме, напрямую речь не шла. Всесоюзный референдум, проведенный до того, также подтвердил сохранение СССР в качестве государства, включающего в свой состав суверенные независимые республики, которые до того таковыми и были, но в рамках Советского Союза. Его результаты должны были стать и стали серьёзным доводом против его дальнейшего распада, но были проигнорированы руководителями республик.

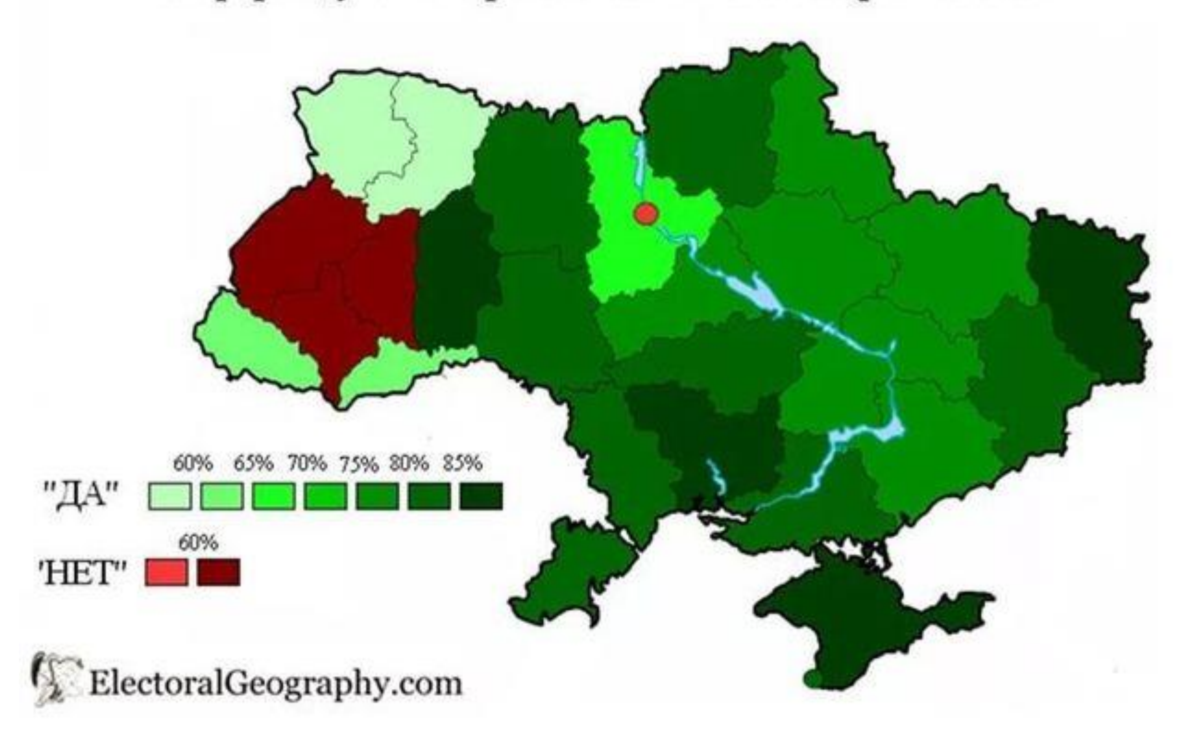

Рис. 3. Итоги референдума о сохранении СССР на Украине

Если бы не подписание Беловежских соглашений никакого правового статуса, имеющего за собой далёко идущие последствия, у этого Всеукраинского референдума, конечно же, бы не было. Тем печальнее, что, по словам Вячеслава Кебича, занимавшего на момент подписания Беловежских соглашений пост главы правительства Белоруссии инициатором выступила российская делегация: «все это знал один Ельцин». По словам Кебича, ни сам Кебич, «ни Шушкевич, ни Л. Кравчук, ни В. Фокин с украинской стороны не знали, что будет подготовлен и подписан такой документ». Оказалось, что «российская делегация с С. Шахраем, А. Шохиным, Г. Бурбулисом приехала с наметками [то есть предварительным планом]: если дело будет выгорать [то есть завершится удачно, успешно], если будет согласие со стороны Украины, то можно будет подписать документ». В. Кебич пояснил, что российской стороне требовалось согласие Украины из-за того, что «контакт с Шушкевичем у Ельцина был, а вот с Кравчуком у Ельцина сложились натянутые отношения» (Горбачев 2017).

Судьба лидеров восточнославянских стран, которые ради большей личной власти, открыто пошли против воли своих народов, неизменно исторически тяготеющих друг к другу, сложилась схожим образом. С.С. Шушкевич в 23 июня 1994 года принимал участие в президентских выборах в Белоруссии, но получил в первом туре около 10 % и не вышел во второй. Во втором туре президентских выборов на Украине, прошедших 10 июля 1994 года, Леонид Кучма, набравший 52,15% голосов, одержал победу над Леонидом Кравчуком, получившим 45,06%. Один Б.Н. Ельцин смог удержать свою власть, но споры о чистоте, честности и вероятной фальсификации президентских выборов в России 1996 года до сих пор не утихают как в самой России, так и за её пределами. Официальные результаты первого тура президентских выборов в России, проведённых в 1996 году были таковыми: за Б.Н. Ельцина проголосовали 35,28%, а за Г.А. Зюганова – 32,03%. Уже по его итогам стало понятно, что при сложившейся тенденции второй тур выборов Г.А. Зюганову будет выиграть крайне сложно. Шутка ли сказать, но в Республике Дагестан в первом туре Г.А. Зюганов победил Б.Н. Ельцина с разрывом в 34,7%, а во втором проиграл с перевесом в 7,84%.

Вообще в 1996 году произошёл, как бы можно было это назвать, «политический слом коммунистов», да и вообще всего левого движения. Тогда многие коммунисты – А.М. Тулеев, А. Руцкой, А.Н. Ткачёв, С. Говорухин и многие другие – после второго тура президентских выборов поменяли свои политические предпочтения, поскольку стало ясно, что коммунистов к власти мирным путём не допустят. Да и партия или её лидер, казалось бы, уже победившие ещё до проведения выборов, но затем не борющиеся за свою же победу, становятся после этого кем-то наподобие «политических трупов».

Украину же Россия, быть может, потеряла даже не в 2014 году, а ещё в 1999 году. В 1994 году на Украине на президентских выборах в обоих турах в 13 западных регионах победил Леонид Кравчук, а в 14 восточных – Леонид Кучма. За счёт Юго-

Востока страны, особенно Крыма, Севастополя и Донбасса, а также официальной, политической и финансовой поддержки России победил Леонид Кучма. За 5 лет он полностью переметнулся на сторону Запада и украинских «западенцев», да так, что там, где на Западе Украины он ранее получал всего 3%, теперь на новых выборах он получил по 97%. Тогда была упорная борьба между ним и коммунистами. Пётр Симоненко победил в 10 регионах: в 7 восточных и 3 центральных. Леонид Кучма победил в 10 из 13 регионах, где ранее побежал Леонид Кравчук. Тогдашние Российские власти, убоявшись прихода к власти на Украине коммунистов, консолидировано с Западом поддержали тогда Леонида Кучму. Он отплатил уже через год, когда над Украиной был сбит Российский самолёт, даже не извинившись за этот инцидент. Виктор Янукович, прейдя к власти, так же, как Леонид Кучма, выступил против придания русскому языку статуса государственного и почти подписал договор об евроинтеграции. Сейчас компартию на Украине запрещают, её лидеров и членов избивают, памятники В.И. Ленину и другим советским деятелям сносят. Вот в 2016 году город Днепропетровск переименовали в город Днепр. Сейчас как сказали бы в советское время: «Родина в опасности!». Поэтому надо действовать каждому хотя бы на том фронте, на котором, каждый из нас может. Сейчас идёт война между двумя братскими (русским и украинским) восточнославянскими народами за прошлое, а кто же из нас прав?

Рис. 4. Карта распределения голосов по регионам на выборах президента России 1996 г. (первый тур)

Данные первых переписей населения в Российской империи и Советском Союзе, проведённых в 1897 г. и 1926 г., соответственно, приведённые выше, наводят на любопытные размышления. Ведь в 1897 году и даже ещё в 1926 году по всей Южной России (на Дону и Северном Кавказе, Калмыкии и даже в Казахстане) соотношение украинцев и русских было почти равным. В то же время по данным тех же переписей (Майоров 2014), а также переписи 1939 года доля русских в населении самой Украины тоже была достаточно высокой, то есть, ненамного меньшей той, что существует и в настоящее время. Она фиксировалась на уровне чуть больше или чуть меньше десятой части от всего населения (По данным переписи 1926 года доля русских на Украине составляла 9,23% (2 677,2 тысяч человек). С учётом того, что население Западной Украины, входившей в 1926 году в состав Польши, в той переписи, естественно, участия не принимало, доля русских в целом по Украине в действительности была значительно ниже. По данным переписи 1939 года доля русских в целом по Украине значительно выросла по сравнению с предыдущими переписями, но всё же, составляла пока только 13,49% (4 175,3 тысяч человек)). На Донбассе русских было чуть меньше трети от общего числа населения (В Горнопромышленном подрайоне, с самой высокой на Украине численностью русских в общем составе населения, из 2036 252 человек русскими назвали себя 31,39% (639 151 человек)), а в Крыму даже более трети, но при существенном преобладании украинцев в его северных районах.

К сожалению, данные переписи 1926 года о национальном составе Крыма являются единственными, которые часто пропускаются в справочных изданиях. По данным переписи 1897 года русских в уездах и градоначальствах Крымской части Таврической губернии было даже чуть менее трети (33,1%). В северном приграничном с материковой частью Таврической губернии Перекопском уезде русских и украинцев было примерно поровну – 22,9% и 22% соответственно, а в прибрежном Евпаторийском уезде украинцы даже несколько преобладали 21,1% против 17,6%. См.: Этнический состав украинских губерний (по данным переписи населения Российской империи 1897 г.: Майоров 2014).

Конечно, нельзя говорить, как это многие сейчас делают на Украине, о том, что Украине все заселённые ранее украинцами территории, население которых в советское время вдруг за десяток – полтора десятка лет, то есть, по историческим меркам буквально в один момент обрусело, надо отдать, но в данном вопросе надо быть предельно внимательным, а не передергивать факты, чем ныне зачастую занимаются СМИ обеих стран. Трудно простому человеку не подпасть под влияние «голубого экрана», но если бы век назад людям так «полоскали мозги» и все народы были бы друг на друга так злы то, боюсь, никаких революций никому так и не удалось бы совершить.

Казалось бы, что наиболее объективным показателем реального вклада украинцев в становление современной России является доля носителей «украинских» фамилий в общем числе населения России. И здесь оказывается, что

специальной статистики в этом направлении вроде бы никто и никогда не делал. Но, тем не менее, существуют приблизительные оценочные показатели. Так вот по различным оценкам доля носителей «украинских» фамилий составляет от 20-30 миллионов человек (это самый низкий показатель, который встречается) до 30% от общего 145-миллионного населения современной России (то есть, до 48-49 миллионов человек, что превышает численность населения Украины в данный момент независимо от того включать в неё Крым и Донецкую и Луганскую области или нет). То есть доля украинцев в числе «русских» (а по переписи 2010 года, проведённой в России, украинцами считают себя чуть более 1 миллиона человек) огромна. Но реальное число по происхождению, а не по языку этнических украинцев, видимо, ещё большее и доля носителей украинских фамилий в восточнославянском населении России (поскольку в основном «русские» фамилии носят представители многих финно-угорских и других коренных народов России, ранее их не имевшие), возможно, достигает показателя в половину, или даже более от общего их числа.

Другое дело, можно ли воспринимать то, что фамилии являются «украинскими» в качестве этноопределяющего фактора? Особенно показательно в этом отношении сравнение 10 наиболее популярных фамилий первой столицы советской Украины – Харькова, а также Российской северной столицы – Санкт-Петербурга и южнорусского областного центра – Белгорода. В этих перечнях совпадают от трети до половины фамилий. Остальные фамилии в них имеют примерно одинаковый процент окончаний, как характерных для «русских» фамилий, так и характерных для «украинских» и «белорусских», и в принципе по своему образованию однотипны. То есть, города все эти разные, процент людей, называющих себя русскими и украинцами в них тоже разный, а фамилии, их окончания и способ их образования у всех примерно одинаковые. Рассмотрим вопрос подробнее.

Не все словообразовательные типы и украинских современных фамилий в равной степени распространены и не все одинаково размещены на территории Украины. К наиболее распространенным украинским фамилиям принадлежит не больше двух десятков словообразовательных типов. Первое место среди них занимают четыре типа фамилий, хотя и размещенных неравномерно, но встречающихся во всех областях Украины. К ним относятся фамилии с суффиксами «-енко» и «-ук», «-юк», «-чук» (Никонов 1988: Карты; Редько 1966: 195-202).

Фамилия на «-енко» считаются наиболее типичными украинскими фамилиями. Если они и встречаются иногда среди других славянских народов, то преимущественно как фамилии украинского происхождения. Распространены они во всех без исключения областях Украины, но больше всего их к 1966 году было в восточной её части, в тринадцати областях: Киевской (25,8%), Черниговской (31,1%), Черкасской (29,3%), Полтавской (26,5%), Сумской (25%), Харьковской (25,4%), Донецкой (27,7%), Луганской (23,3%), Днепропетровской (22,7%), Кировоградской

(25,3%), Запорожской (21,6 %), Херсонской (26,8%) и Крымской (27%). В среднем четвертая часть всего украинского населения этих областей имеет фамилии на «-енко».

Рис. 5. Рпаспространение восточнославянских фамилий с формантом -к-

Значительно меньше процент этих фамилий в соседних областях: в Житомирской - 15,7%, Винницкой - 11%, Одесской - 13,6%, Николаевской - 15,7%. В Ровенской области фамилии на «-енко» составляют 4,9%. В Волынской и Хмельницкой областях они составляют в Волынской 2,3%, а в Хмельницкой - 3,1% всех фамилий. Далее на западе Украины фамилии на «-енко» встречаются уже (среди коренного населения) редко. В Черновицкой и Закарпатской областях они чуть превышают 1%, а в Тернопольской и Ивано-Франковской их еще меньше. Наименьший процент (0,2) составляют фамилии на «-енко» в Львовской области (рис. 5) (Редько1966: 195-202).

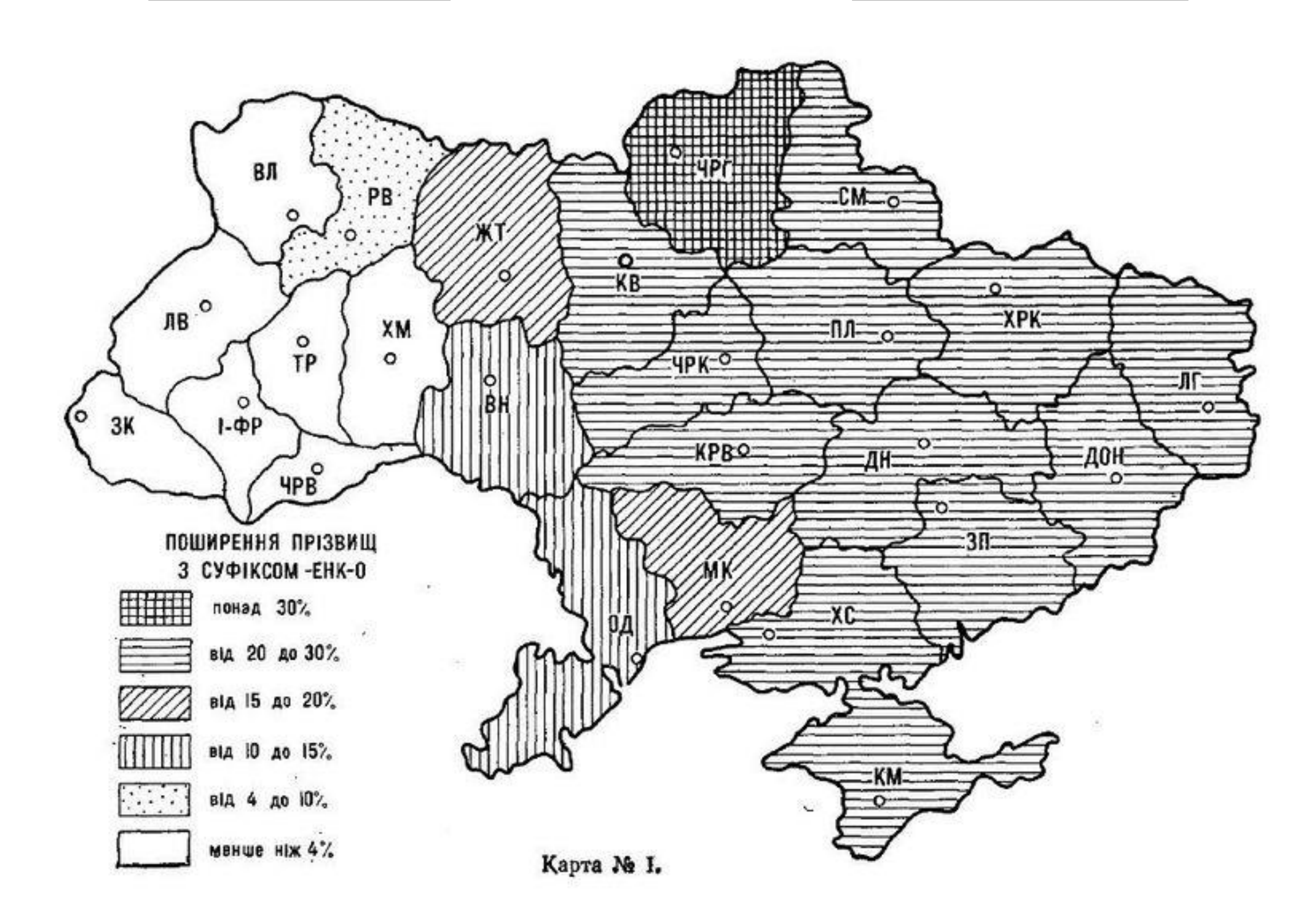

Рис. 6. Украинские фамилии на «-енко»

Фамилии на «-ук» («-юк»), «-чук», считающиеся наиболее типичными юго-западными белорусскими фамилиями, распространены так же и на Украине, причём на всей её территории. Их в такой же мере можно считать основным западноукраинским типом, как фамилии на «-енко» восточноукраинским.

Первое место среди всех фамилий украинского населения они занимают в семи областях: Волынской (33,6%), Ровенской (38,5%), Житомирской (33,5%), Винницкой (17,5%), Хмельницкой (27,5%), Ивано-Франковской (19,5%) и Черновицкой (21%).

Значительный процент эти фамилии составляют и в двух южных областях – Одесской (10%) и Николаевской (14,8%), В Тернопольской области они составляют 8%. Больше, то есть 9,3%, этих фамилий в Киевской области. Фамилии на «-ук», «-чук» в Днепропетровской (6,3%) и Львовской (6,2%) области. В Кировоградской области их 4,8%, а в Крымской 6,2%; в Запорожской области этих фамилий 4%. В Закарпатской области, соседней с Ивано-Франковской и Черновицкой, процент фамилий «-ук», «-чук» значительно ниже (4,5%). Меньше всего фамилий -ук, -чук в левобережных областях: в Черниговской - 2,9%; Черкасской - 2,2%; Полтавской - 2,6%; Сумской - 1,3%; Харьковской - 3,6%; Донецкой - 2,5%; Луганской - 2,6%.

Ни в одной области количество фамилий -ук, -чук не опускается менее одного процента (см. рис. 6) (Редько 1966: 195-202).

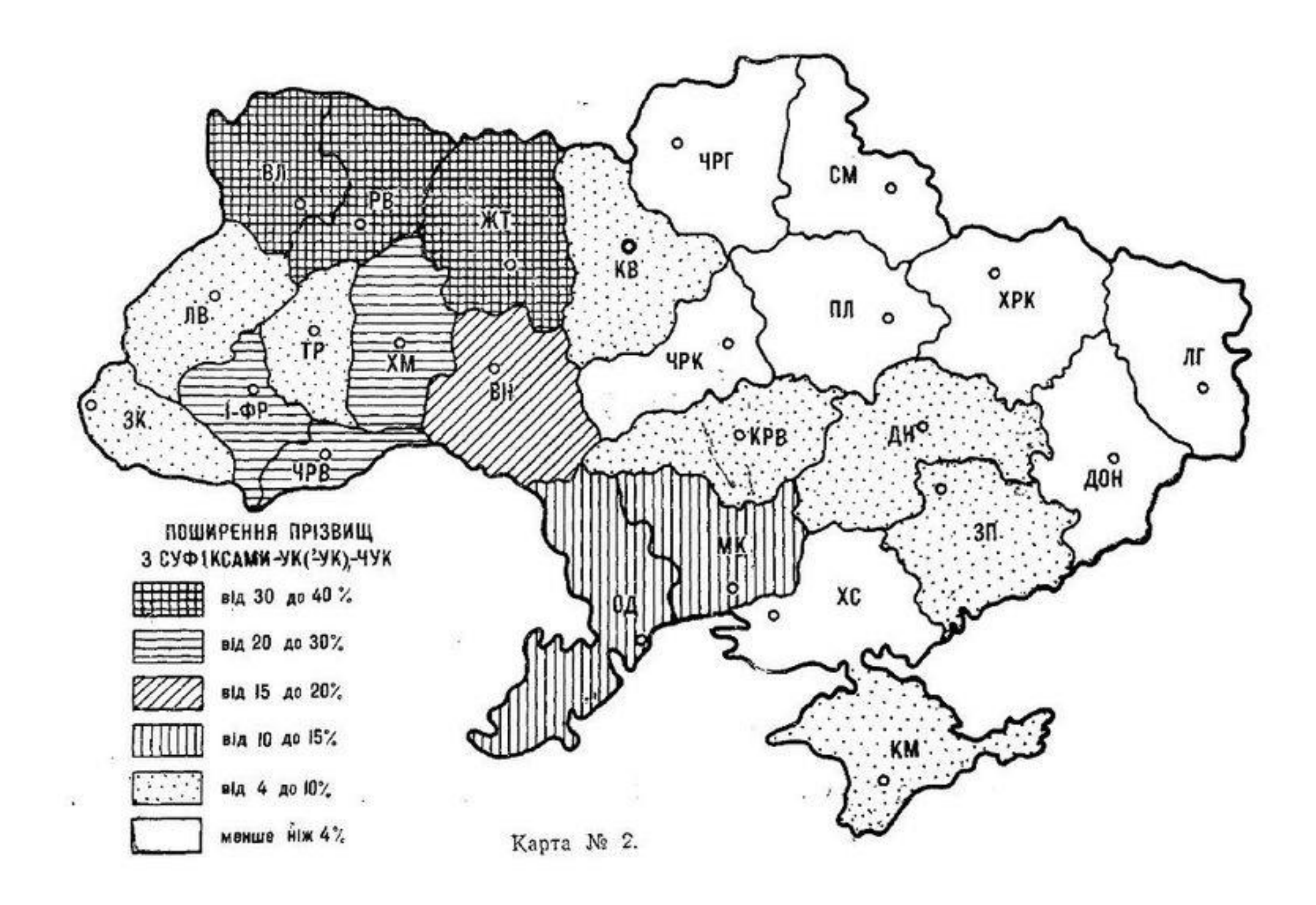

Рис. 7. Украинские фамилии на «ук», «чук»

Если сравнить долю «украинских» и «белорусских» (по своим окончаниям) фамилий и долю русского и украинского населения в различных областях Украины, то вырисовывается (см. таблицу ниже) весьма интересная картина:

Оканчания фамилий: / Область:	«Украинские» фамилии на «-енко» в %	«Белорусские фамилии» на «-ук», «-юк», «-чук» в %	Итого «украинские» на «-енко» и «белорусские» на «-ук», «-юк», «-чук» вместе в %	Украинцев согласно переписи 1989 года в %	Русских согласно переписи 1989 года в %
Черниговская	31,1-31,2 (1)[1]	2,9 (20)	34-34,1	91,6 (6)	6,8 (18)
Черкасская	29,3 (2)	2,1-2,2 (24)	31,4-31,5	90,4 (9)	8 (15)
Донецкая	27,7 (3)	2,5 (23)	30,2	50,7 (24)	43,6 (3)
Крымская	27 (4)	6,2 (13)	33,2	25,7 (Севастополь-20,7) (25)	67,1 (Севастополь-74,4) (1)

[1] В скобочках везде обозначено то место из 25 областей и двух городов республиканского значения страны, которое он/она занимает в данной колонке.

Херсонская	26,8 (5)	3,2 (19)	30	75,8 (15)	20,1 (9)
Полтавская	26,5 (6)	2,6 (21)	29,1	87,8 (11)	10,4 (13)
Киевская (с Киевом)	25,4-25,8 (7)	9,3 (10)	34,7-35,1	89,3 (10) (Киев 72,5 (17))	8,7 (14) (Киев – 20,9 (8))
Харьковская	25,4 (8)	3,6 (18)	29	62,8 (21)	33,3 (4)
Кировоградская	25,3 (9)	4,8 (15)	30,1	85,3 (13)	11,8 (12)
Сумская	25 (10)	1,3 (25)	26,3	85,4 (12)	13,6 (11)
Луганская	23,3 (11)	2,6 (22)	25,9	51,8 (23)	44,8 (2)
Днепропетровская	22,7 (12)	6,3 (12)	29	71,6 (18)	24,2 (7)
Запорожская	21,6 (13)	4 (17)	25,6	63,2 (20)	32 (5)
Житомирская	15,7 (14)	33,5 (3)	49,2	84,9 (14)	7,9 (16)
Николаевская	15,7 (15)	14,8 (8)	30,5	75,6 (16)	19,4 (10)
Одесская	13,6 (16)	10 (9)	23,6	54,7 (22)	27,2 (6)
Винницкая	11-11,6 (17)	17,5 (7)	28,5-29,1	91,5 (5)	5,9 (20)
Ровненская	4,9 (18)	38,5 (1)	43,4	93,2(4)	4,5 (23)
Хмельницкая	3,1 (19)	21,5-27,5 (4)	24,6-30,6	90,4 (8)	5,8 (21)
Волынская	2,3 (20)	33,6 (2)	35,9	94,8 (3)	4,7 (22)
Закарпатская	1,2 (21)	4,5 (16)	5,7	78,3 (15)	4 (24-25)
Черновицкая	1,1 (22)	21-21,1 (5)	22,1-22,2	70,8 (19)	6,7 (19)
Ивано-Франковская	0,8 (23)	19,5 (6)	5,3	95,2 (2)	4 (24-25)
Тернопольская	от 0,25 до 0,8 (24)	7,9-8 (11)	от 8,15 до 8,8	96,7 (1)	2,3 (26)
Львовская	0,25 (25)	6,2 (14)	6,45	90,4 (7)	7,1 (17)

Средний показатель доли русских в 13 областях и 2 городах республиканского значения Украины, в которых носителей фамилий, оканчивающихся на «-енко», было более 20% (в среднем 25,95%) в 1989 году составлял 27,92%. При этом процент русских в зоне распространения «украинских» фамилий оказался даже выше, чем в целом по Украине.

За исключением нескольких (шести) смежных областей (не выделеных в таблице) Украина к 1989 году делилась примерно напополам на «русскую», или, по крайней мере, в значительной степени русскоязычную, Восточную Украину (это 10 областей и два города республиканского значения – Киев и Севастополь, выделенные полужирным начертанием) с преобладанием «украинских» фамилий и собственно и почти исключительно украинскую Западную с преобладанием или большем распространением фамилий, считающихся «белорусскими» (это 9 областей, выделенные курсивом).

И такая же русско-украинско-белорусская мешанина наблюдается и в Белоруссии и в России. Повсеместно на Украине распространены и русские фамилии, которых, правда, не так много, как, например, в Белоруссии. Например,

русские фамилии, оканчивающиеся на «-ов»/«-ев» являются в Белоруссии самыми распространенными фамилиями (ровно у трети всех белорусов). Чешский лингвист Якуб Мариан, составивший рейтинг самых распространенных фамилий Европы, этим сильно удивил белорусов (Фамилии в Беларуси 2017). Правда, национальная принадлежность здесь, как и в исследовании на Украине в расчёт не бралась, ведь русские в Белоруссии самое многочисленное меньшинство, как и в России в 1960-х гг. украинцы.

Лидерство Черниговской области по количеству фамилий, заканчивающихся на «-енко» не может не удивлять. Ведь эти фамилии считаются самыми типичными по словообразованию для украинцев. А согласно переписи населения в Российской империи в 1897 году среди малорусских (украинских) губерний именно Черниговская губерния имела самый низкий процент украинского населения (66%) из всех 8 украинских (малорусских) губерний, за исключением Таврической, включавшей Крым, (в Екатеринославской и Херсонской – по 69%, в Харьковской – 81% и т.д.). При этом именно Черниговская губерния была лидером по доле русского (великорусского) населения – 22% – из всё тех же 8 украинских (малорусских) губерний в своём составе, за исключением Таврической губернии, включавшей Крым (Харьковская – 18%, Екатеринославская – 17%, Херсонская – 7% и т. д.). Тогда, правда, окончания фамилий никто в расчёт не брал, но при сравнении с современными по ним данными получается, что, казалось бы, самые типичные окончания украинских фамилий были характерны для региона с самой традиционно невысокой долей в своём населении именно украинцев, а высокой именно русских.

Посмотрим, какова была ситуация в России (Великороссии). И здесь тоже оказывается, что самая высокая в России доля населения по количеству людей, носящих фамилии, оканчивающиеся на «-енко» оказываются Курская и Белгородские области, что соответствует приблизительно границам Курской губернии Российской империи. Но в Курской губернии было самое высокое среди пограничных с Украиной (Малороссией) число Великороссов в своём населении – 77% (в Области Войска Донского – 67%, в Воронежской губернии – 63%, в Ставропольской губернии – 55%, в Кубанской области – 43%). При этом именно в Курской губернии был самый низкий на русско-украинском (великорусско-малорусском) пограничье процент украинцев (малороссов) в общей доле населения – 22% (в Области Войска Донского – 28%, в Воронежской губернии – 36%, в Ставропольской губернии – 37%, в Кубанской области – 47%). Таким образом, самая украинская, судя по распространению «украинских» фамилий, Белгородская и Курская области имели в составе Курской губернии, в которую они своей большей частью тогда входили, самую относительно невысокую по сравнению с другими приграничными регионами России долю украинского населения и наоборот высочайшую – русского (Никонов 1988: Карты).

Карта 4. Форманты фамилий на юге России

1 — -енко; 2 — -их, -ых; 3 — -очкин, -ичкин; 4 — -ычев

Рис. 8. Форманты фамилий на юге России

Быть может, и Ваш покорный слуга, а также, например, многолетний губернатор Северной столицы и по совместительству председатель Совета Федерации – высшей законодательной палаты России, то есть, по сути, третий человек в стране, – Валентина Ивановна Матвиенко, так же, как и десятки миллионов других русских «украинцев» (имеется в виду по фамилии) по праву изначально являются скорее русскими, нежели чем обрусевшими некогда украинцами?

Думается, что природный белорус – президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко с этим утверждением мог бы при желании и поспорить. Ведь именно в его республике, причём тоже на трёхграничье Беларуси с Украиной и Россией, тоже есть целая область (а именно Гомельская), в которой превалируют фамилии, заканчивающиеся, как и у самого А.Г. Лукашенко, на окончание «-енко».

Таким образом, налицо надгосударственный, а не чисто-украинский характер распространенности фамилий, оканчивающихся на окончание «-енко». Причём самые богатые в этом плане области трёх восточнославянских стран оказываются друг к другу приграничными – это Черниговская и другие области Украины, Белгородская и Курская области России, а также Гомельская область Белоруссии (Фамилии Беларуси 2017).

Рис. 9. Распространённые форманты белорусских фамилий по областям

Думается, что в некие давние времена, ещё до образования восточнославянских народов, на будущем трёхграничье трёх стран жил восточнославянский племенной союз, с которого и пошли распространяться по Востоку Украины, Югу России и Юго-Востоку Белоруссии носители фамилий, оканчивающихся на «-енко» - жители этого восточнославянского племенного союза. Из-за большого движения населения этот племенной союз был размыт по окрестным территориям, но подробное картографирование «украинских» фамилий, оканчивающихся на «-енко», по регионам трёх стран позволило по крайней мере его часть до некоторой степени, кое-где с отличиями всего в пару или несколько процентов от других соседних регионов, но обнаружить.

Это согласуется с точкой зрения исследователей на то, что украинские фамилии в целом более древние, чем русские, поскольку их корни в отличие от корней последних, словообразовывавшихся по типу церковнославянских (болгар-

ских) фамилий, являются по своему словообразованию восточнославянскими (древнерусскими), что говорит о достаточно древнем их происхождении.

Вызывает удивление, что исследователи так долго могли не обращать внимания на тот факт, что и область распространения фамилий с окончаниями на «-ук»/»-юк» («-чук») так же имеет наднациональный характер и при том хорошо накладывается на ареал племенного расселения восточнославянского племенного союза дулебов, позже называемого в «Повести временных лет» бужанами, или волынянами. Ведь это всё те же Брестская область Белоруссии, граничащая с ней Волынская, а также Ровенская и Житомирская области Украины, с некоторым наползанием на территорию Хмельницкоой области, в которой процент носителей фамилий с подобными окончаниями почти такой же высокий. Ни с какими бы то ни было национальными, ни с языковыми современными ареалами максимальная территория распространения фамилий, оканчивающихся на «-ук»/»-юк» («чук») в полной мере, так же, как и территория распространения фамилий на «-енко», не совпадает. И если все порой уже привыкли фамилии, оканчивающиеся на «-енко» воспринимать исключительно, как украинские, то с окончаниями «-ук»/»-юк» («-чук») такой фокус пройти не может, поскольку подобные фамилии одни из самых распространённых у белорусов.

В плане картографирорования фамилий по областям Белоруссия вообще является настоящим кладезем исторической информации. Кроме того, что она окончательно решает спор между русскими и украинцами о национальной принадлежности фамилий, оканчивающихся на «-енко», в плане наднационального характера подобных окончаний и не позволяет фамилиям, оканчивающимся на «-ук»/«юк» («чук») считаться типичными и исключительно для Западной Украины, но и позволяет решить полочанский вопрос и характера отличий полочанского племенного восточнославянского союза от остальных кривичей (о проблеме соотношения летописных кривичей и полочан см.: Жих 2015). При анализе картографирования распространённости ДНК-гаплогруппы R1a1 Y-хромосомы нами уже отмечалось, что области России и Украины, ранее входившие в северянский племенной союз, все пять, имеют крайне высокие его показатели, а 4 из 5 кривичских областей, точнее областей, на которых ранее проживал этот восточнославянский племенной союз, наоборот, крайне низкие. Резко из пяти областей в этом плане выделялась только «полочанская» Витебская область Белоруссии, равная по высоте своего показателя с украинской частью бывшего ареала расселения восточнославянского племенного союза северян. Так вот, именно в Витебской области наиболее распространёнными были фамилии оканчивающиеся на «-онок»/«-енок». Это окончание, по сути, является копированием всё того же, картографически более северянского, окончания фамилий на «-енко», с обычной для славян, и восточных в особенности, заменой или чередованием одного рядом стоящего гласного и согласного звуков, а так же чередования «о»/«е». Таким образом, полочане, скорее всего, являлись северянскими колонистами в землях кривичей так

же, как поляне являлись северянскими колонистами в землях древлян. Ни один письменный источник за пределами «Повести временных лет», будь то «Баварский географ», или труды византийского императора Константина Багрянородного, не знает ни восточнославянских полян, ни созвучных им по имени, но названных так по названию реки, полочан. Летописцы при своих описаниях в «Повести временных лет» часто проявляли удивительную тенденциозность при рассказе о северянах вплоть до последнего их упоминания в 1024 году, когда их гибель даже приравнивается к гибели наёмников-варягов (ПСРЛ. I: 149-150; ПСРЛ. II: 135-138). Вместо того, чтобы рассказать о выселении небольшой части северян на север к кривичам, почти не выявляемого археологически, летописец предпочёл вывести самый большой восточнославянский племенной союз, наоборот, от самого маленького, и причём с севера, хотя ведь заселение юга Руси шло с запада, а севера тоже с запада, а позже так же ещё и с юга, о чём и свидетельствуют археологические данные. Причём это выселение северян произошло в очень раннее время, поскольку археологическое появления Полоцка прослеживается уже с 780 года н.э. (Самонова 2012: 66). Даже появление волынцевцев и роменцев в Киеве произошло чуть позднее и отмечается археологами по времени почти к появлению первых летописных князей, обосновавшихся в этом городе.

Интересно, что те же самые восточнославянские союзы племён лучше всего выделяются среди других, окружавших их союзов племён и других народов, так же и археологически. Именно волыняне, северяне, кривичи и их полоцкая группа (см. о них: Жих 2015) меньше всего вызывают проблем в плане внутриплеменной общности их материальной культуры. Союзы племён восточных славян, такие как поляне, древляне, радимичи (последние так же неизвестны за пределами «Повести временных лет» и не выделяются ни «Баварским географом», ни Константином Багрянородным и другими источниками), археологически выделяются из массива других восточнославянских племён с большим трудом, а пределы их расселения чаще всего цитируются напрямую из «Повести временных лет» без опоры на археологический материал.

Существует, конечно, некоторое противоречие по поводу того, могла ли в окончаниях фамилий сохраниться и быть отражена племенная принадлежность, то есть, отношение к конкретному восточнославянскому племени к XIV веку н. э., то есть, ко времени появления самих фамилий. Но время существования исторических областей – Волыни и Северщины ещё продолжается и они, конечно, существовали в представлении своих жителей и в позднейшее время. Такое слово, как северный в значении северский входило в состав царского титула Ивана IV Грозного, а пусть и небольшая относительно племенного ареала расселения волынян, но существующая и поныне область Украины, как Волынская существует до сих пор, даже при том, что её территориально-административный центр всегда был не во Владимире-Волынском, а в г. Луцке.

Смоленские и Псковские княжества, затем перетекшие в губернии и области, вошли в состав России одними из последних – в 1410 и 1517 гг. соответственно, а говоры их населения, смыкаются с восточнобелорусскими говорами и вполне до некоторой степени могут быть объединены, как «кривичские». Восточнославянские летописные полочане со времён Рогволода, то есть, не позднее 70-х гг. Х века имели своё княжество, и ещё до того, как и все вышеперечисленные восточнославянские союзы племён имели «своё княжение» («Повесть временных лет»). В составе Литвы, как вошедшие в её состав одними из первых, они имели полупривилегированное положение. Литовские князья даже пытались вывести своё происхождение от Полоцких Рюриковичей, которые вошли в состав литовско-польской знати. Полоцк и в составе царской России имел свою губернию и лишь в новейшее время центр региона был перенесён из Полоцка почти в столь же древний и тоже «полочанский» г. Витебск.

В соседних, южных относительно себя, с волынянскими – белорусской Брестской и четырьмя областями Украины, в которых доля «белорусских» фамилий превышает треть или близка к ней, областях, их частота начинает снижаться и если в Львовской и Тернопольской областях она ещё достаточно высокая (6,2% и 7,9-8%, соответственно), то в Закарпатской (4,5%) она уже совсем небольшая. В этих же областях самая низкая на Украине доля и «украинских» фамилий (от 1,2% в Закарпатской и 1,1% в Черновицкой до 0,8% в Ивано-Франковской, от 0,25 до 0,8% в Тернопольской и 0,25% в Львовской областях). Характерно, что долгое время в Львовской области фиксировался один из самых низких на Украине показателей распространённости гаплогруппы R1a1 Y-хромосомы (43,5%: Клёсов 2013). И хотя он, судя по новейшей карте, в этой области затем несколько вырос, тем не менее, в трёх соседних с ней почти тех же областях (Закарпатской, Ивано-Франковской и Черновицкой[1]) он фиксируется на том же самом низком уровне не только на Украине, но и на всём украино-белорусско-польском трёхграничье. Эти области сближаются по цвету на карте с «кривичскими» областями России и Белоруссии и тем несколько отличаются от соседних «волынянских», близких по цвету украинской части «северянских» и полочанской Витебской области.

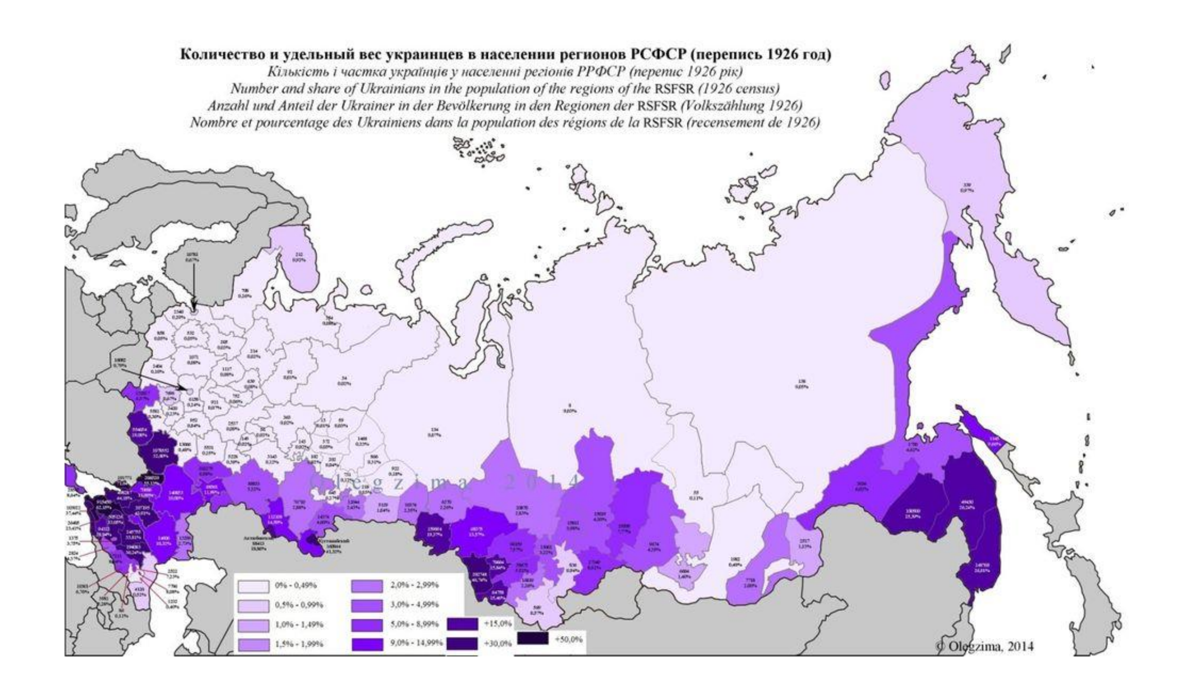
Вообще догосударственные племенные особенности при совмещении карт распространённости фамилий и ДНК выявляются особенно явственно по окраинам ареала расселения восточного славянства. Центральная их часть, а это территория расселения полян, древлян, дреговичей и других союзов племён, охватывающая значительную территорию современных Украины и Белоруссии и по цвету на карте гаплогруппы R1a Y-хромосомы ДНК и по усреднённости показателей распространения «украинских» и «белорусских» фамилий, и по аутентичному археологическому материалу в племенном отношении между собой почти не различима.

[1] Карта распространения гаплогруппы R1a в Европе по регионам стран на 2016 г.: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:R1A_map.jpg

Интересно, что зона наибольшего распространения «украинских» фамилий, а это весь юг России от Брянска до Владивостока, примерно совпадает с территорией, где по переписям 1897 и 1926 гг. процент украинцев фиксировался почти на том же уровне, что и процент русских, а также с «красным поясом» регионов на парламентских и президентских выборах в 1995-1996 гг. неизменно поддерживавших КПРФ, её лидера Г.А. Зюганова и другие компартии.

Вот здесь поочерёдно даны сначала карта удельного веса украинцев в населении регионов РСФСР по данным переписи 1926 года, без учёта, тогда входившей в неё территории современного Казахстана и картографирование данных официальных результатов выборов в нижнюю палату парламента Российской Федерации – Государственную Думу Федерального Собрания, прошедших в 1995 г., а также первого и второго туров президентских выборов, прошедших в 1996 г. по районам. Если не знать заранее какая карта, где именно расположена, то их можно легко спутать между собой, настолько схожи картографированные данные на них.

Эта же территория во многом (за исключением более отдалённых от границы областей) практически совпадает с территорией областей различных казачьих войск, сформировавшихся или сформированных от Рязани (первое упоминание в 1444 г.) до Владивостока вдоль всей южной границы России к концу XIX – началу XX вв. Поэтому следует поподробнее остановиться на том вопросе, как могло так получиться, что казачество, и особенно наиболее многочисленное из них – Донское, славное своими традициями и особенно историей, в том числе знаменитыми казачьими восстаниями Степана Разина (1667-1671 гг.), Кондратия Булавина (1707-1708 гг.), Емельяна Пугачёва (1773-1775 гг.,), оказалось по другую сторону противостояния с российским крестьянством в кровопролитной Гражданской войне 1918-1922 гг.

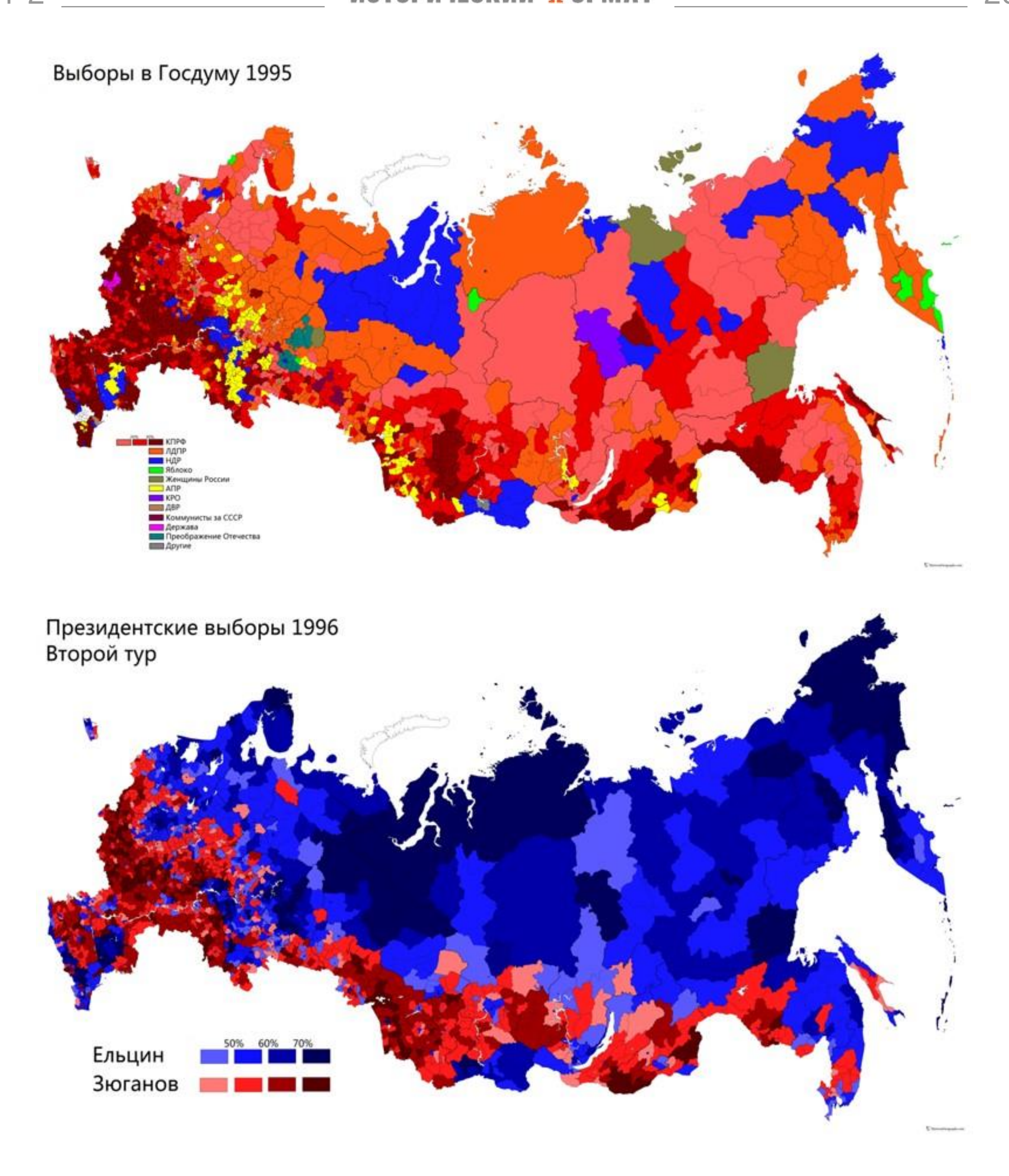

Рис. 10-12. Расселение в России выходцев с Украины
и результаты выборов 1995-1996 гг. по регионам

В ходе осуществления Великих Реформ второй половины XIX века Донское казачество было фактически закрепощено, то есть, прикреплено к земле, чего ранее в столь отчётливой форме замечено за ними не было, в отличие от российских крестьян, которые, наоборот, в результате проведения этих реформ от крепостного права были освобождены. Компенсировалось это огромными земельными наделами лучших донских земель, средний размер которых в 5 раз превосходил средний крестьянский надел в России, не говоря уже о Доне. Свободное перемещение крестьянства по стране привело к тому, что к первой переписи населения в России,

проведённой в 1897 году, казачество на Дону фактически превратилось в меньшинство. А огромные земельные наделы казаков при фактической безземельности и батрачестве донского крестьянства уже тогда начали противопоставление сравнительно немногочисленного казачества огромному Российскому крестьянству, причём не только на Дону, но и в других казачьих регионах. Донские атаманы 1861-1917 гг., видя к чему уже тогда приводила бездумная царская политика в отношении казаков, бесконечно и даже не всегда корректно в отношении персон императорской фамилии, но чаще всего, увы, безрезультатно, пытались противостоять этому процессу. В начале XX века казачество стали активно использовать для подавления крестьянских и городских восстаний рабочих, что ещё более усугубило ситуацию. В результате казачество и крестьянство, особенно на Дону, стали антагонистами в кровопролитной Гражданской войне 1918-1922 гг., где казачество из-за своей относительной немногочисленности было заранее обречено на поражение, несмотря на многие восстания, самое крупное и знаменитое из которых на Дону – Вёшенское было живописно описано в знаменитом произведении М.А. Шолохова «Тихий Дон».

Победа большевиков, в основном поддержанных российским крестьянством, одержанная над представителями белого движения, в основном поддержанного казачеством, предопределила дальнейшее «расказачивание» казаков и то неопределённое его положение в Российском обществе, которое сохраняется у него до сих пор. Ведь большая часть современной Ростовской и Волгоградской областей некогда входили в состав Земли, а в дальнейшем Области Войска Донского, но территория Войска была почти напополам рассечена между этими двумя регионами России, а казачьих юртов в Волгоградской области ныне почти столько же, сколько и в Ростовской области. А ведь всё это было предопределено или, по крайней мере, заложено ещё направлением осуществления Великих Реформ второй половины XIX века на Дону. Поэтому их изучение особенно важно, а знание особенностей их проведения на Дону особенно ценно для нового подрастающего поколения жителей России. Из истории проведения этих реформ, особенно интересны источники, касающиеся переписки донских атаманов со своим Московским руководством, и тем как отчаянно и безнадёжно бились донские казаки с уготованной им бездумной политикой царской России будущей печальной судьбой.

К.Н. Леонтьев был не простым, а протестным славянофилом и считался в их среде, быть может, даже скорее антиславянофилом. В своих трудах он говорил о том, что западных и особенно южных славян надо любить и с ними контактировать, но «сажать их себе на голову» не стоит. Его основные работы вышли ещё до Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. А ведь он во многом предугадал последующие события. Болгария, за которую мы столько раз вступались, когда она была под Османским игом, и столько крови за неё в тех войнах пролили, затем в обеих Мировых войнах неизменно выступала против нас. Из-за сербов мы втянулись в Первую мировую войну, в результате которой мы лишились славянских же Польши, Западной

Украины и Западной Белоруссии, а Сербия в её итоге стала во главе огромной Югославии, включающей в себя не только все сербские земли, но и вообще югославянские, за исключением болгарских. В Советско-Польской войне отбив все восточнославянские земли мы полезли в центральную Польшу брататься с интернациональными нам поляками и получили в итоге потерю всех земель, до того у них отбитых. Сейчас все славяне, кроме Белоруссии держатся подальше от России и рвутся в НАТО или уже в нём.

Конечно, хотелось бы воссоздания СССР, и объединения всех славян и православных вообще, мира и дружбы между народами, свободы, равенства и братства. Но русских все эти годы планомерно изгоняли и изгоняются из бывших советских республик, а славяне придумывают себе новое происхождение: белорусы – от литовцев, чехи – от кельтов, болгары – от тюрок и фракийцев и т.д.

Россия – это основа всего консолидирующегося пространства. Это понял в своё время и В.И. Ленин. И если бы мы законсервировались, как предлагал К.Н. Леонтьев, от всего мира и от развития внутри страны, мы бы получили колониальный развал государства, к чему в последствии, хоть и на время, но пришёл Китай. Но в Китае немного хороших земель и ресурсов и много населения и если бы не коммунисты нашей страны, даже в таком усечённом варианте, как сейчас, просто бы не существовало. Почему сложно принять взгляды К.Н. Леонтьева в целом? Думается, прежде всего, из-за его извращённого понимания византизма. Византия в эпоху тёмных веков мрачного средневековья было средоточием грамотности и образованности в Европе. Отголоском этого была удивительная для средневековья грамотность и начитанность простых людей в Древней Руси, выявляемая хотя бы теми же берестяными грамотами. К.Н. Леонтьев так же, как и многие другие (например, Иоанн Кронштадский (Крестьянкин)) выступал против просвещения народа и в частности крестьянства, в подавляющем числе бывшего в конце XIX – начале XX вв. безграмотным.

Недавно я опубликовал книгу (Карпенко 2016), в которой обобщил итоги своих исследований по древнерусскому политогенезу. Прародину Руси, вслед за прославленными советскими академиками Б.А. Рыбаковым, В.В. Седовым, М.Н. Тихомировым и многими другими, выводящими Русь с территории Среднего Поднепровья, вывожу с земли восточнославянского племенного союза северян, который как раз и жил непосредственно у будущего трёхграничья братских восточнославянских республик[1].

[1] Чтобы подчеркнуть братство русских и украинцев, главы книги я назвал «перемогами». Люди как-то сразу буквально за несколько лет позабыли, что само слово «перемога» ещё церковно-славянское. Оно встречается в языках практически всех славянских народов, особенно у православных по вероисповеданию. Оно такое же украинское, как белорусское или русское. Оно или его производные есть в «Толковом словаре русского языка» Владимира Даля (Даль 2010: 448). Встречается оно и в переводах на русский язык произведений западных писателей (Сабатини 1992: 157). Но в 2014-2017 гг. в горячей полемике наиболее нетерпимых друг к другу представителей двух до того всегда братских народов это древнерусское и даже церковнославянское слово буквально заклеймили, как символ «особливости» украинцев от русских и наоборот.

Изначальной Русью являлись земли восточнославянского племенного союза северян, который точно включал в себя территории 3-х областей России (Белгородской, Курской и часть Брянской) с 2 крупными городами (с древнерусскими северянскими городами Белгородом и Курском) и 2-х областей Украины (Черниговской и Сумской) с 4 крупными городами (с древнерусскими северянскими городами Черниговом, Новгородом-Северским, Любечем и Переяславлем-Хмельницким). В более расширенный вариант расселения этого племенного союза (то есть, включая те земли, где северяне не составляли большинства) входили так же территории соседних областей Украины, России и даже Белоруссии. И по всему этому видно, что земли этого племенного союза, во многом совпадающие с территорией исторической области Северщины, нынешняя русско-украинская граница рассекает примерно посредине. По обеим её сторонам ещё по переписи 1897 года жило огромное количество русско и украинскоговорящих вперемежку, а южнорусские и восточно-украинские говоры в этом регионе, как отмечают лингвисты, практически неразличимы до сих пор, что наглядно показывает карта (рис. 12).

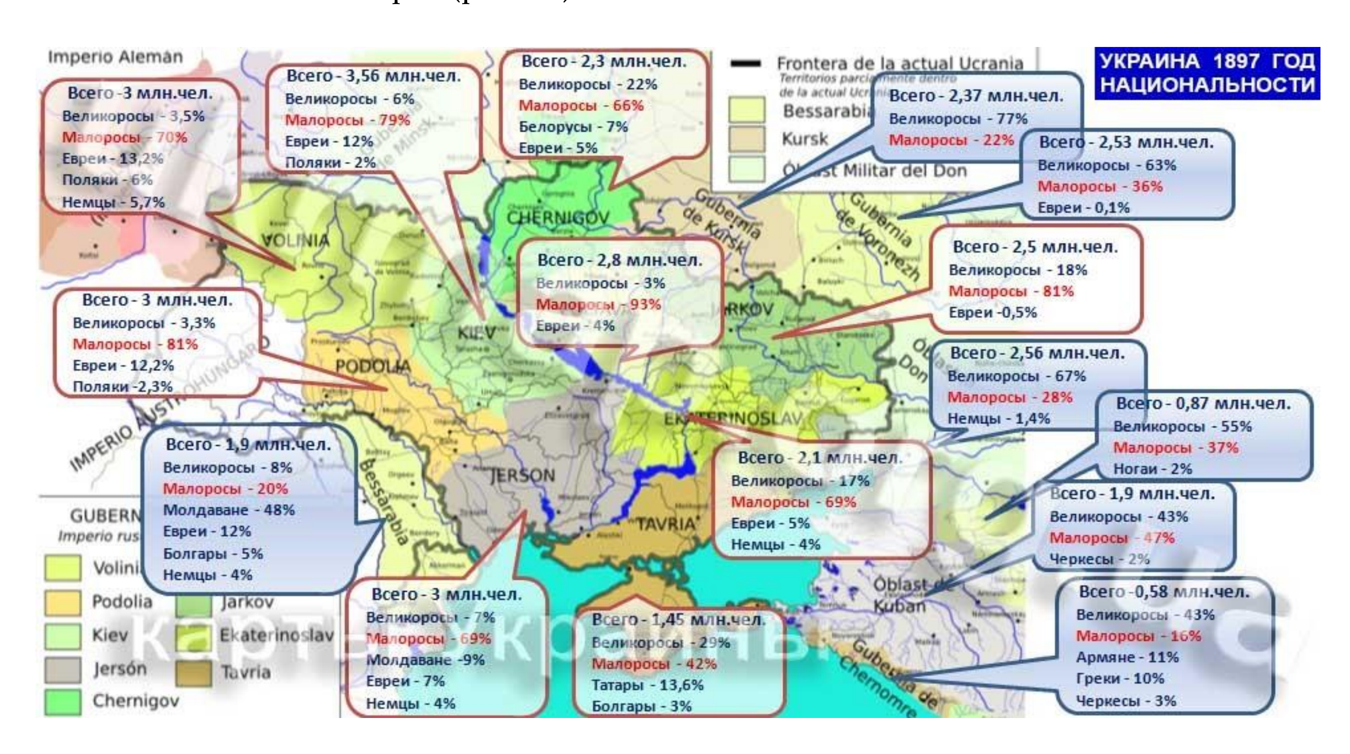

Рис. 13. Карта национального состава губерний Украины (Малороссии) и сопредельных с ней областей и губерний России (Великороссии) согласно переписи населения Российской империи 1897 года

Кроме этого, согласно переписи населения Российской империи 1897 года, в Черниговской губернии был тогда достаточно высоким и в принципе не характерным для российско-украинского пограничья процент белорусов.

Северщина (Черниговская и Курская губернии Российской империи) – это единственный исторический регион, который к концу XIX века сохранил диалектическую практическую неразличимость великорусского, малорусского и белорусского наречий на своей территории. Причём из 4,67 млн. жителей Северщины (Черниговская и Курская губернии) великорусское наречие своим родным назвали 49,91% (2 330,9 тысяч человек), малорусское – 43,67% (2 039,4 тысяч человек), а белорусское 3,49% (161 тысяча человек). Это чуть ли не единственный пример того, как соседство двух соседних – малорусского и великорусского – регионов в сумме дают столь пёструю картину почти равенства великорусов и малорусов при значительном присутствии и белорусов.

Рис. 14. Диалекты русского языка

К Северщине с запада примыкает Центральная и Западная Украина, за исключением Галиции, до Первой Мировой войны принадлежавшей Австро-Венгрии. Это исторические области Киевщина (Киевская губерния), Волынь (Волынская губерния), Подолия (Подольская губерния) и Полтавщина (Полтавская губерния). В 1897 году здесь в общей сложности проживало 12,36 млн. человек, из которых 80,47% были малорусами и лишь 4,06% великорусами. На самом юге современной территории России располагалась Причерноморская губерния, включающая в свой состав практически всё принадлежавшее до марта 2014 году России современное курортное побережье Чёрного моря, численностью в 58 тысяч человек с великорусским в 43% и малорусским в 16% населения.

Между Центральной и Западной Украиной и Северщиной с одной стороны и Причерноморьем с другой располагался огромный регион со смешанным русско-украинским населением, включавший в свой состав Крым и Новороссию, а это Херсонская (с Одессой), Таврическая (с Крымом), Екатеринославская (Екатеринослав – Днепропетровск; с Донбассом) и Харьковская губернии, а так же Воронежчину (Воронежская губерния), Дон (Область Войска Донского), Ставрополье (Ставропольская губерния) и Кубань (Кубанская область), общей численностью почти в 16,91 млн. человек, среди которых малорусами были 53,2% (8 995,5 тысяч человек), а великорусами 35,76% (6 047,1 тысяч человек) с диалектическими отличиями в говорах или наречиях своих языков немногим большими, чем у их соотечественников на Северщине. Обратимся по этому поводу к карте диалектов русского языка (рис. 13).

В древнерусском языке в общей картине выделяют следующие диалектные зоны: юго-западная (киевские и галицко-волынские говоры), западная (смоленские и полоцкие говоры), юго-восточная (курско-черниговско-орловские-рязанские говоры).

Обстоятельства, приведшие к разделению говоров южнорусского наречия на три группы, возникли ещё во времена Киевской Руси. Территории, на которых сформировались говоры Курско-Орловской группы, тогда входили в состав Черниговского и Новгород-Северского княжеств, на землях которых ещё до их образования проживал восточнославянский союз племён северян. Значительные иранские следы в фонетике, а также в меньшей степени в лексике и грамматике тогда ещё формировавшегося южнорусского наречия говорят скорее не о том, что местные иранцы были ассимилированы славянами, а скорее о достаточно долгом сожительстве двух разноязычных племенных объединений.

В большинстве южнорусских говоров выделяется иберо-кавказский адыгский субстрат. Как предполагала ещё С.А. Плетнёва, обосновывающая своё мнение параллелями с Кавказом материальной культуры не только аланского лесостепного варианта салтово-маяцкой лесостепи, но и других, основой степного варианта салтово-маяцкой археологической культуры могли быть адыго-черкесские племена, то есть, «касоги» древнерусских летописей (Плетнёва 1998: 22-23). Проанализировав обстоятельства похода князя Мстислава Владимировича на касогов в 1022 году и его

последующего продвижения на Левобережье Днепра, я в своё время, так же пришёл к выводу о том, что касоги этих сообщений располагались скорее где-то между Черниговом и Тмутараканью, чем в глубине Северного Кавказа (Карпенко 2008: 21-23), а впоследствии их существование даже оказало влияние на формирование донского казачества (Карпенко 2008а: 8-15).

Причём иберо-кавказский адыгский субстрат выявляется не только в говорах Ставропольского и Краснодарского краёв, но и много севернее. Иберо-кавказские (прежде всего, адыгские) племена по всему видно постепенно влились в состав южнорусского этноса Курско-Орловской группы. Но главная и отличительная особенность Курско-Орловской группы – это всё же её славянская основа – говоры северян, прежде всего живших в Курске (в западной подгруппе северной Брянщины – говоры смоленских радимичей, при допущении, что радимичи были также частью кривичей, в восточной подгруппе – говоры вятичей северной Рязанщины).

В северном (Псковская область и районы юго-востоку от неё) говоре явственно выявляются особенности, которые характерны именно для белорусского языка (Русский язык и его диалекты 1964).

Южная, или Орловская, группа в целом охватывает говоры юго-западной части Тульской области, Орловской, восточной половины Брянской, Белгородской, Курской, запада Воронежской областей, а также говоры по нижнему течению Дона и на Северном Кавказе (Русский язык и его диалекты 1964).

На западе южнорусской территории (в бассейне Десны и Сейма) живет население, называемое полехи, или полесцы. В его культуре, кроме основных южнорусских черт, прослеживается значительная общность с белорусами, а частью литовцами. К полехам, по-видимому, примыкает группа горюнов, живущих после многократных переделов русско(великорусско)-украинских(малорусских) границ сейчас на Украине (по старому административному делению в Путивльском уезде Курской губернии). В Курской области есть так же и группа населения, называемая саяны, отличающаяся некоторыми особенностями в языке и быте.

Область говоров Орловской, Курской и Белгородской областей относятся к первичной территории формирования, являющейся одной из двух главных при их первичной классификации. Западные говоры испытали влияние западно-южнорусских говоров (прежде всего, брянских) и восточно-полесских (черниговских) говоров украинского языка. Центральные орловские, курско-саянские, белгородские говоры испытали влияние слобожанского диалекта украинского языка. Восточные оскольские говоры являются переходными к восточно-южнорусским говорам.

Территория говоров вторичного формирования – это южная часть Воронежской области, Ростовская область, Краснодарский и Ставропольские края. Все эти говоры (в том числе говоры Ставропольского края – пятигорские, буденовские, георгиевские, нижнекумские и гребёнские) являются именно говорами русского языка, а не украинского. Лишь белокалитвинкие говоры являются

переходными к слобожанскому диалекту украинского языка, а таганрогские и таманские – к степному.

С картой диалектов русского языка согласуется и данные исследований ДНК Y-хромосомы у жителей Кубани, а также частотность распространения окончаний фамилий, которые в совокупности однозначно говорят о том, что заселение этого региона производилось преимущественно не предками тех, кто нынче называют себя украинцами, а предками тех, кто нынче называет себя русскими. Откуда же тогда появился перевес у представителей малорусского наречия над представителями великорусского наречия, а украинского населения над русским при проведении первых всеобщих переписей населения в Российской империи и в Советском Союзе в 1897 г. и 1926 г., проведённых на Кубани? Да, видимо, оттуда же, откуда русскоязычное население Юго-Востока Украины или Новороссии при всех переписях, быть может, даже уже царской, и уж точно советских и переписи в независимой Украине в 2001 году, просило указать в графе национальность украинец, поскольку таковым себя само считало. Видимо язык всегда учитывался при самоидентификации всех восточнославянских народов не в самую первую очередь, и быть может, не было и нет никаких ни русских, ни украинцев и ни белорусов, ни их отдельных языков, ни самих этих народов, а был и существует поныне один общерусский народ с единым языком, во многом искусственно разделённый сперва на наречия, затем на языки, а теперь ещё и на страны, которые между собой нередко ещё и враждуют?

Полехские или полесские говоры украинского языка, носители которых живут вдоль украинско-белорусской границы от Волыни до Северщины, непосредственно примыкают к белорусскому языку. И, казалось бы, в этих регионах Украины должны фиксироваться высокие показатели доли белорусов в составе местного населения. Но по данным всех переписей доля белорусов или их наречия в этих говорах и областях никогда не превышала 7%, а по последней переписи населения, проведённой на Украине в 2001 году процент украинцев в них был одним из самых высоких на всей Украине (в Волынской области – 96,9%, в Ровенской – 95,9%, в Житомирской – 90,3%, в Киевской – 92,5%, в Черниговской – 93,5%). Русские и их наречие переписи здесь фиксировались всегда в несколько раз большем количестве, чем белорусов и их наречие. И где же в них отразилось, фиксируемое филологами, белорусское влияние в языке местных украинцев и русских?

Если совместить данные карты диалектов русского языка и карты наречий (говоров) Украины (см. выше), то Черниговские (восточно-полесские) говоры смыкаются с Сумскими (слобожанскими) и отличаются от них (как и западно- и среднеполесские) В основном лишь большей близостью к белорусскому языку. Сумские говоры мало чем отличны от Белгородских (таких же слобожанских говоров украинского языка). Слобожанские говоры, в свою очередь почти неотличимы от Курско-Орловских (или Орловских) южнорусских говоров русского языка. Черниговские (восточно-полесские или, по-украински, схидне-полехские) и Курско-

Орловский говоры так же мало чем отличимы друг от друга, как и три предыдущие. Таким образом, в целом четыре говора Северщины можно охарактеризовать несколько большей близостью к украинскому языку, чуть меньшей – к русскому, и ещё меньшей – к белорусскому. Тем не менее, жители Северщины при проведении переписи 1897 года, как было уже показано, в большей степени, как бы споря с будущими данными филологии и лингвистики, указывали в качестве своего родного наречия именно великорусское, чем малорусское.

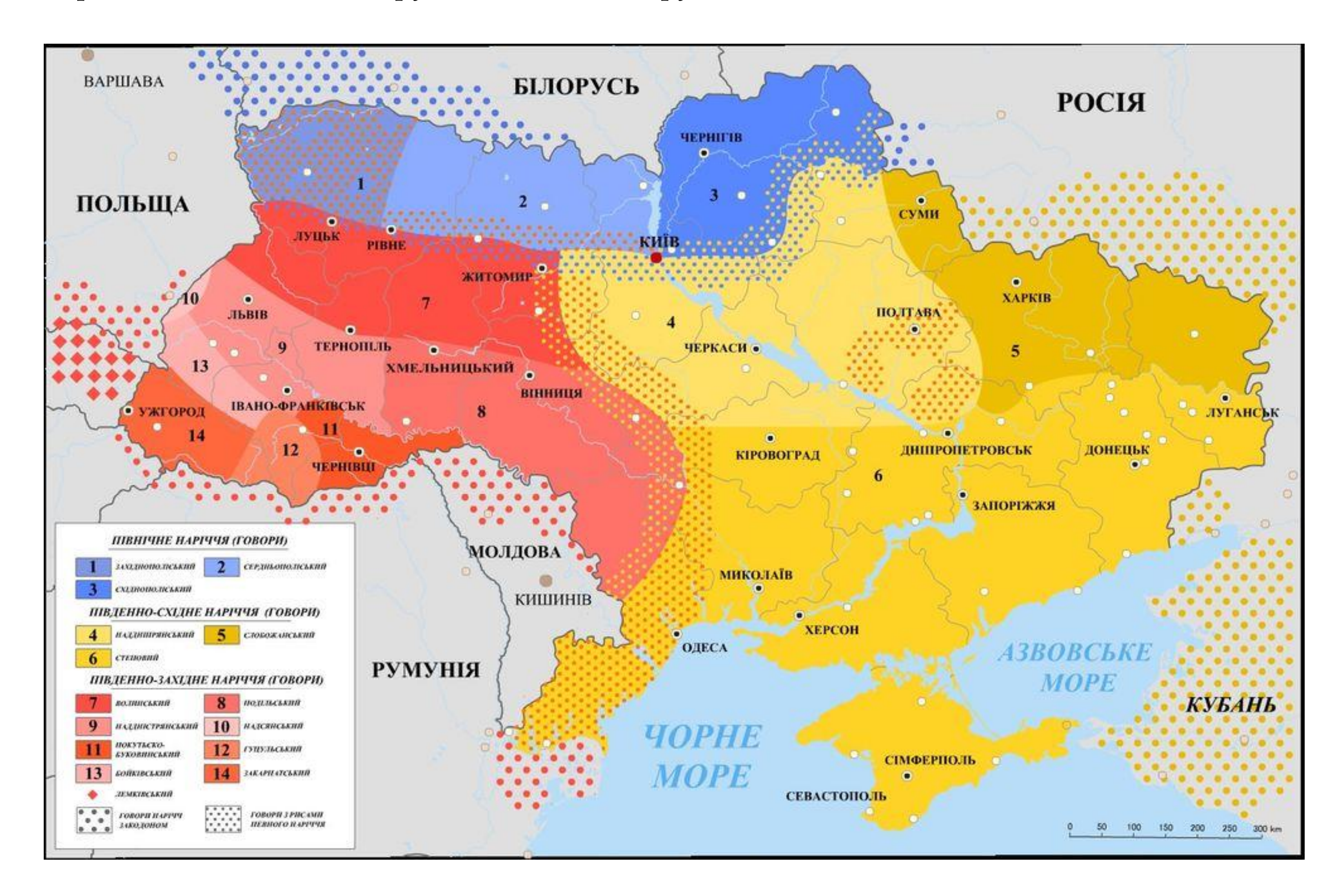

Рис. 15. Говоры населения Украины

Смоленские говоры русского языка смыкаются на севере своих границ с близкими к себе Псковскими говорами, которые в значительной степени можно сблизить к говорам именно белорусского языка. Тем не менее, согласно переписи 1897 года жители Смоленщины, и особенно Псковщины, причисляли говоры, на которых они говорили, к великорусскому наречию общерусского языка.

В Южной России были весьма распространены говоры украинского языка. Но если рассматривать их зонально, то большую часть Дона, Воронежчины, Кубани и значительную часть Ставрополья охватывают говоры именно русского языка, а не украинского. Своеобразное смешение украинского и русского языка на Кубани филология в целом видит более близким к русскому языку. Тем не менее, согласно переписи 1897 года (до половины) жители этого Северокавказского края указывали

своим родным наречием общерусского языка именно малорусское, а при переписи 1926 года назывались и просили проставить в графе национальность – украинец.

Филология и самоидентификация и здесь разошлись, что говорит о том, что своя этническая самоидентификация при условии обязательного разделения восточных славян на три народа не только сейчас, но и уже при первых переписях ставила перед переписываемыми задачи порой неразрешимые и что сами люди, не без труда улавливаемую филологами и лингвистами, разницу между тремя восточнославянскими языками не улавливали вовсе.

Необходимо остановить ту информационную накачку на взаимную ненависть двух братских народов друг к другу, которая в последние 2-3 года осуществляется при содействии властей в обеих наших странах.

В качестве вывода хотелось бы отметить, что Белоруссия одной из первых, а Украина первой из Союзных республик, причём добровольно, в 1654 году и чуть позже вошли в состав России и все успехи последней до 1991 года как мировой державы, будь то завоевания Российского царства, или Российской империи, или достижения Советской России или Советского Союза, от освоения Сибири до организации полёта первого человека в Космос, были достигнуты рука об руку вместе с братскими народами Украины и Белоруссии, в том числе зачастую благодаря их непосредственному в них участию. Россия без Украины и Белоруссии в одиночку, то есть в периоды с конца XV до середины XVII вв. и после распада Советского Союза, никогда не могла и так не смогла превысить статуса пусть и самой крупной, но всё-таки региональной державы.

Вопрос о том являются ли русский, украинский и белорусский языки или наречия всё-таки различными языками, или лишь диалектами одного и того же единого языка (в понимании обычных русских, украинских и белорусских людей, например, при их собственной самоидентификации в момент проведения переписей, а не в трудах языковедов и лингвистов) до сих пор не может дать на себя единственный и однозначный ответ. Даже в относительно небольшую историческую ретроспективу сроком всего в век – полтора, более или менее строго разделить этнически русских, украинцев и белорусов по все стороны их границ практически невозможно. «Украинские» и «белорусские» фамилии в целом оказываются не менее популярными у русских, чем свои собственные так же, как и «белорусские» и «русские» у украинцев и «русские» и «украинские» – у белорусов. Причём для собственно украинцев даже более характерными оказываются, возможно, именно «белорусские» фамилии, так же, как для белорусов – «русские», а для русских – «украинские», соответственно. Характерно, что самой распространённой фамилией в России оказывается отнюдь не фамилия Иванов, занимающая лишь второе место, а Смирнов. Иванов же является самой распространённой фамилией в Белоруссии. На Украине, где фамилии на «-енко» (Бондаренко, Коваленко, Карпенко, Шевченко и т.д.) в сумме, казалось бы, могут превзойти по числу своих носителей любую другую и при том занимая несколько последующих мест, но посчитанные по одиночке всё

же уступают и даже не превалирующим на Западной Украине «белорусским» фамилиям на «-ук»/»-юк», «-чук», а другой «белорусской» же фамилии – Мельник, оканчивающейся на «-ик», являющейся одним из вариантов всё тех же окончаний (Фамилии в Беларуси 2017). При этом в значительной степени русскоговорящие Юго-Восток Украины, или Новороссия и Юг России в столь же значительной степени при первых переписях ассоциировали себя с украинцами, а границы Украины исторически много чаще наползали на территорию современной России, чем наоборот. И, напротив, в значительной степени украинскоговорящая Северщина и белорусскоговорящие Смоленщина и Псковщина, а также, возможно, и Восточные районы Белоруссии в столь же значительной степени считали и считают себя русскими, а границы России исторически много чаще наползали на территорию современной Белоруссии, чем наоборот. Возможно, что столь широко распространённое в трёх странах явление, как использование совместных русско-белорусского, украинско-белорусского или русско-украинского языков (суржика, болачки и т.п.) является не только и не столько результатом позднейшего смешения русских, украинцев и белорусов (хотя и такое явление тоже известно, но столь позднее происхождение и почти равноудалённое положение подобных смешанных языков по отношению к языкам оригиналам в принципе не очень характерно для мировой филологии и лингвистики), а явлением отсутствия их окончательного этнического разделения. Поэтому возможным выходом из сложившегося положения является возвращение к дореволюционному пониманию великорусов, малорусов или украинцев и белорусов, как частей единого русского народа, а языков этих частей, как диалектов или наречий одного и того же общерусского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Горбачев 2017 - *Горбачев М.С.* Беловежские соглашения и их оценка / Электронный ресурс: http://www.bibliotekar.ru/mihail-gorbachev/82.htm (дата обращения - 08.08.2017).

Города и районы 1987 - Города и районы Ростовской области: Историко-краеведческие очерки / Составители: Е.В. Миронов, А.И. Арутюнова, С.Д. Дудник, В.Е. Гаврилова. Ростов-на-Дону, 1987.

Даль 2010 - *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка: современная версия для школьников. М.: Эксмо, 2010.

Декрет 1925 - О переименовании Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики в Казакскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Декрет ВЦИК от 15 июня 1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. М., 1925.

Жих 2015 - Жих М.И. О соотношении летописных «кривичей» и «полочан» // Исторический формат. 2015. № 1. С. 31-52.

Зиня 2012 - *Зиня О.* История Астаны. Акмолинск, Целиноград, Акмола, Астана. 2012 / Электронный ресурс: http://historyofcities.blogspot.ru/2012/10/astana.html (дата обращения - 08.08.2017).

История башкирского народа 2010 - История башкирского народа в семи томах / Главный редактор М.М. Кульшарипов. Т. V. Уфа: Гилем, 2010.

Карпенко 2008 - *Карпенко А.А.* О географическом расположении «касогов», с которыми воевал Мстислав I Владимирович // Научно-теоретическая конференция «Девятые всероссийские научные

чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы» (Тезисы докладов и сообщений 15-16 мая 2008г.). Новочеркасск; Ростов-на-Дону, 2008.

Карпенко 2008а - *Карпенко А.А.* Кавказские касоги (черкесы как предшественники донских казаков/черкасов: к постановке проблемы) // Актуальные проблемы социальной истории. Сборник научных статей. Выпуск IX. Новочеркасск; Ростов-на-Дону, 2008.

Карпенко 2016 - *Карпенко А.А.* Русь северян Вещего Олега: рецензии, ответы и статьи, опубликованные в сборниках по итогам научных конференций 2004-2010 гг. Ростов-на-Дону: Книга, 2016.

Клёсов 2013 - *Клёсов А.А.* Кто делает из Украины изолированный остров? 2013 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/03/ostrov-ukraina/ (дата обращения - 08.08.2017).

Майоров 2014 - *Майоров М.* Этнический состав украинских губерний (по данным переписи населения Российской империи 1897 г.). 2014 / Электронный ресурс: http://likbez.org.ua/census-of-the-russian-empire-in-1897-ukrainian-province.html (дата обращения - 08.08.2017).

Никонова 1988 - *Никонов В.А.* География фамилий. М.: Наука, 1988. 191 с.

Плетнёва 1998 - *Плетнёва С.А.* Хазары и Хазарский каганат // Хазары. Евреи и славяне. Т. XVI. М.; Иерусалим, 1998.

Правовой статус Севастополя - Правовой статус Севастополя / Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Правовой_статус_Севастополя (дата обращения - 08.08.2017).

Правовой статус Севастополя 1999 - Правовой статус города Севастополя в РСФСР // Фёдоров А.В. Правовой статус Крыма: Правовой статус Севастополя. М.: Издательство Московского университета, 1999.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

Редько 1966 - *Редько Ю.К.* Сучасні українські прізвища. Київ: Наукова думка, 1966.

Русский язык и его диалекты 1964 - Русский язык и его диалекты. Особенности южнорусского наречия. Южная, или Орловская, группа говоров // Народы Европейской части СССР. Т. 1. М.: Наука, 1964.

Сабатини 1992 - Перевод Виктора Вебера с английского на русский язык романа Рафаэля Сабатини «Колумб» // Рафаэль Сабатини. Собрание сочинений. Т. I. М.: Прибой, 1992 (Библитека журнала «Вокруг света»).

Самонова 2012 - *Самонова М.Н.* Белорусские земли на путях «из варяг в греки» и «из варяг в арабы» // Ученые записки Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. 2012. № 13.

Севастополь в документах - Севастополь: вчера и сегодня в документах // Обозреватель – Observer. Т. 25. № 21.

Фамилии в Беларуси 2017 - Самые распространенные фамилии в Беларуси / Электронный ресурс: http://postim.by/post/2806 (дата обращения - 08.08.2017).

REFERENCES

Dal' 2010 - *Dal' V.I.* Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: sovremennaja versija dlja shkol'nikov [Explanatory dictionary of Russian: the modern version for school students], Moscow, Jeksmo Publ., 2010 [in Russian].

Dekret 1925 - O pereimenovanii Kirgizskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki v Kazakskuju Avtonomnuju Sovetskuju Socialisticheskuju Respubliku. Dekret VCIK ot 15 ijunja 1925 g. [About renaming of the Kyrgyz Autonomous Soviet Socialist Republic into Kazaksky Autonomous Soviet Socialist Republic. The decree of VTsIK of June 15, 1925], in: Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij raboch ego i krest'janskogo pravitel'stva RSFSR [Meeting of legalizations and orders of the working and country government of RSFSR], Moscow, 1925 [in Russian].

Familii v Belarusi 2017 - Samye rasprostranennye familii v Belarusi [The most widespread surnames in Belarus], 2017, Electronic resource: http://postim.by/post/2806 (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Gorbachev 2017 - *Gorbachev M.S.* Belovezhskie soglashenija i ih ocenka [Belavezha Accords and their assessment], Electronic resource: http://www.bibliotekar.ru/mihail-gorbachev/82.htm (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Goroda i rajony 1987 - Goroda i rajony Rostovskoj oblasti: Istoriko-kraevedcheskie ocherki / Sostaviteli: E.V. Mironov, A.I. Arutjunova, S.D. Dudnik, V.E. Gavrilova [Cities and areas of the Rostov region: Local history sketches / Originators: E.V. Mironov, A.I. Arutyunova, S.D. Dudnik, V.E. Gavrilova], Rostov-on-Don, 1987 [in Russian].

Istorija bashkirskogo naroda 2010 - Istorija bashkirskogo naroda v semi tomah / Glavnyj redaktor M.M. Kul'sharipov. T. V [History of the Bashkir people in seven volumes / the Editor-in-chief M.M. Kulsharipov. Volume V], Ufa, Gilem Publ., 2010 [in Russian].

Karpenko 2008 - *Karpenko A.A.* O geograficheskom raspolozhenii «kasogov», s kotorymi voeval Mstislav I Vladimirovich [About a geographical arrangement of «Kassoges» with which Mstislav I Vladimirovich was at war], in: Nauchno-teoreticheskaja konferencija «Devjatye vserossijskie nauchnye chtenija po aktual'nym problemam social'noj istorii i social'noj raboty» (Tezisy dokladov i soobshhenij 15-16 maja 2008g.) [Scientific-theoretical conference «The Ninth All-Russian Scientific Readings on Urgent Problems of Social History and Social Work» (Theses of reports and messages on May 15-16, 2008)], Novocherkassk; Rostov-on-Don, 2008 [in Russian].

Karpenko 2008a - *Karpenko A.A.* Kavkazskie kasogi (cherkesy kak predshestvenniki donskih kazakov/cherkasov: k postanovke problemy) [Caucasian Kassoges (Circassians as predecessors of the Don Cossacks/Cherkasov: to statement of a problem)], in: Aktual'nye problemy social'noj istorii. Sbornik nauchnyh statej. Vypusk IX [Urgent problems of social history. Collection of scientific articles. Release IX], Novocherkassk; Rostov-on-Don, 2008 [in Russian].

Karpenko 2016 - *Karpenko A.A.* Rus' severjan Veshhego Olega: recenzii, otvety i stat'i, opublikovannye v sbornikah po itogam nauchnyh konferencij 2004-2010 gg. [Russia Prophetic Oleg's northerners: the reviews, answers and articles published in collections following the results of scientific conferences of 2004-2010], Rostov-on-Don, Kniga Publ., 2016 [in Russian].

Kljosov 2013 - *Kljosov A.A.* Kto delaet iz Ukrainy izolirovannyj ostrov? [Who does the isolated island of Ukraine?], 2013, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/03/ostrov-ukraina/ (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Majorov 2014 - *Majorov M.* Jetnicheskij sostav ukrainskih gubernij (po dannym perepisi naselenija Rossijskoj imperii 1897 g.) [Ethnic structure of the Ukrainian provinces (according to a population census of the Russian Empire 1897)], 2014, Electronic resource: http://likbez.org.ua/census-of-the-russian-empire-in-1897-ukrainian-province.html (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Nikonova 1988 - *Nikonov V.A.* Geografija familij [Geography of surnames], Moscow, Nauka Publ., 1988, 191 p. [in Russian].

Pletnjova 1998 - *Pletnjova S.A.* Hazary i Hazarskij kaganat [Khazars and Hazaria khaganate], in: Hazary. Evrei i slavjane. T. XVI [Khazars. Jews and Slavs. Volume XVI], Moscow; Jerusalem, 1998 [in Russian].

Pravovoj status Sevastopolja - Pravovoj status Sevastopolja [Legal status of the city of Sevastopol], Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/Pravovoj_status_Sevastopolja (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Pravovoj status Sevastopolja 1999 - Pravovoj status goroda Sevastopolja v RSFSR [Legal status of the city of Sevastopol in RSFSR], in: Fjodorov A.V. Pravovoj status Kryma: Pravovoj status Sevastopolja [Fyodorov A.V. Legal status of the Crimea: Legal status of Sevastopol], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1999 [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume I. Lavrentyevsky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].

PSRL. II - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume II. Ipatyevsky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].

Red'ko 1966 - *Red'ko Ju.K.* Suchasni ukraïns'ki prizvishha [Ukrainian surnames], Kiev, Naukova dumka Publ., 1966 [in Ukrainian].

Russkij jazyk i ego dialekty 1964 - Russkij jazyk i ego dialekty. Osobennosti juzhnorusskogo narechija. Juzhnaja, ili Orlovskaja, gruppa govorov [Russian and its dialects. Features of the South Russian adverb. Southern, or Oryol, group of dialects], in: Narody Evropejskoj chasti SSSR. T. 1 [People of the European part of the USSR. Volume 1], Moscow, Nauka Publ., 1964 [in Russian].

Sabatini 1992 - Perevod Viktora Vebera s anglijskogo na russkij jazyk romana Rafajelja Sabatini «Kolumb» [Victor Weber's translation from English into Russian of the novel of Raphaël Sabatini «Columbus»], in: Rafajel' Sabatini. Sobranie sochinenij. T. I [Raphaël Sabatini. Collected works. Volume I], Moscow, Priboj Publ., 1992 (Bibliteka zhurnala «Vokrug sveta») [in Russian].

Samonova 2012 - *Samonova M.N.* Belorusskie zemli na putjah «iz varjag v greki» i «iz varjag v araby» [The Belarusian lands on the ways «from the Varangians in Greeks» and «from the Varangians in Arabs»], in: Uchenye zapiski Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.M. Masherova [Scientific notes of the Vitebsk state university of P.M. Masherov], 2012, № 13 [in Russian].

Sevastopol' v dokumentah - Sevastopol': vchera i segodnja v dokumentah [Sevastopol: yesterday and today in documents], in: Obozrevatel' – Observer. T. 25 [Observer. Volume 25], № 21 [in Russian].

Zhih 2015 - *Zhih M.I.* O sootnoshenii letopisnyh «krivichej» i «polochan» [Relations between Krivichians and Polochans from annalistic], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 1, pp. 31-52 [in Russian].

Zinja 2012 - Zinja O. Istorija Astany. Akmolinsk, Celinograd, Akmola, Astana [History of Astana. Akmolinsk, Tselinograd, Akmola, Astana], 2012, Electronic resource: http://historyofcities.blogspot.ru/2012/10/astana.html (Date of access - 08.08.2017) [in Russian].

Карпенко Андрей Александрович – Соискатель на степень кандидата исторических наук Института переподготовки и повышения квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова (Волгодонск, Россия).
Andrey Karpenko – Applicant on degree of the Candidate of historical sciences of Institute of Retraining and Professional development of Lomonosov Moscow State University (Volgodonsk, Russia).
E-mail: alnikar1953@mail.ru

Правила публикации в журнале

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические

произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

Порядок сдачи материала:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения – 0,5 п.л., рецензии – 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Требования к оформлению материалов:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc .docx .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника

информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, примечания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание – по ширине листа; первая строка – отступ 1,25; межстрочный интервал – одинарный; шрифт – Times New Roman; размер – 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» – оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

* * *

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2017, № 1-2

* * *

**ЭЛЕКТРОННОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ**

Дата выхода номера: 27.11.2017
Формат 210x297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Palatino Linotype»

Издатель: Редакция журнала
«Исторический формат»

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415